

ПОСТИЖЕНИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

*Идейное наследие
А.Свечина*

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Портрет А.Свечина на переплете выполнен художником Г.Самойловым (с фотографии периода 1-й мировой войны).

ПОСТИЖЕНИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

*Идейное наследие
А.Свечина*

Второе издание

МОСКВА
РУССКИЙ ПУТЬ
2000

ББК 68.49 (2) 3
П 63

ISBN 5-85887-094-5

Составители:

А.Е.Савинкин, А.Г.Кавтарадзе, Ю.Т.Белов, И.В.Домнин

Редактор *А.Е.Савинкин*

П63 Постижение военного искусства: Идейное наследие А.Свечина.– 2-е изд. – М.: Русский путь, 2000. – 688 с.– (Российский военный сборник). ISBN 5-85887-094-5

Книга посвящена памяти выдающегося русского офицера *Александра Андреевича Свечина* (17/29 августа 1878 – 29 июня 1938). Обширное творческое наследие военного классика представлено наиболее примечательными его статьями, фрагментами из книг. основополагающие мысли и идеи Свечина систематизированы в разделе «Армия думает — и потому прогрессирует и побеждает». В заключение известный военный историк А.Г.Кавтарадзе приводит и документально подтверждает уникальные сведения из биографии «русского Клаузевица», по достоинству так и не оцененного в родном Отечестве.

Для всех интересующихся русской военной мыслью.

ББК 68.49 (2) 3

© Российский военный сборник, 2000

© Русский путь, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. А. КОКОШИН	15
ВВЕДЕНИЕ. ВРЕМЯ ИДЕЙ А. СВЕЧИНА	18
ВОЕННОЕ ИСКУССТВО (СТАНОВЛЕНИЕ В РОССИИ И ОБЩАЯ ЭВОЛЮЦИЯ)	25
СУДЬБЫ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РОССИИ	25
Татарские уроки. - Поместная система. - Идея «боевых воезов» Яна Жижки в виде русского «гуляй-города». - Столкновение с наемными войсками Запада - Наша отсталость. - Обучение русских людей иноземному строю. - Комсостав XVII века. - Влияние психологии натурального хозяйства на боеспособность московской армии. - Необходимость военной реформы. - Постоянная армия Петра Великого - Заимствования с Запада. - «Осторожное» военное искусство в Полтавской кампании. - Командный состав русской армии в XVIII веке - Потемкин. - Литература.	
ВОЕННОЕ ИСКУССТВО	49
Понятие. - История военного искусства как научная дисциплина. - Свообразие военного искусства у различных народов. - Ополчения, добровольчество, постоянные армии. - Войны XVIII века. - Система ведения войны Наполеоном. - Военное искусство эпохи Мольтке - Военное искусство империализма.	
ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА	62
Новые материальные факторы войны. - От Мольтке к Шлихтингу. - «Вооруженный народ». - Мобилизация. - Связь фронта с тылом - Специфика военного искусства XX века. - Неполнота опыта гражданской войны. - Теоретические прятки при помощи прикладного метода	
ВОЕННОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ РОССИИ (ИДЕЙНАЯ ПОДГОТОВКА АРМИИ К НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ПОБЕДЕ).....	67
ПРЕДРАССУДКИ И БОЕВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ	67
Не сотвори себе кумира. - Бой как поражение врага. - Боевая кадрили - Иллюзия устрашения. - Наступление ведется не по шаблону и схеме, а в зависимости от частных условий обстановки. - Сознательность воина. - Боевые идеалы. - Победа. - Тесное единение теории и практики. - Характер современной войны. - Значение местности. - задачи и боевое употребление артиллерии. - Подчиненные и начальники. - Подготовка личного состава к исполнению	

боевой задачи. – Управление в бою. – Мысль начальника должна опережать действия войск. - Пассивное наступление и активная оборона. - Нельзя победить противника одними маневрами и демонстрациями. - Опасность распыления наступательного порыва. - Малые бои. - Бездействующий резерв. - Значение основных идей о родине и отечестве для поддержки бойца. - Моральный элемент в бою. - Ложь. - Гибель народа начинается тогда, когда он теряет способность смотреть в лицо действительности.

КУРС КРЕПОСТНОГО ДЕЛА 90

Вдали от боевых запросов. - Необходимость подготовить офицера, знающего и любящего крепостное дело. - Лекции офицеров Генерального штаба. - Вред чрезмерной секретности. - Там, где нужно искусство, нельзя далеко уйти на одной тайне. - Следует доверять своим офицерам.

ДУХ МЕРТВЫЙ 94

Интерес к опыту русско-японской войны. - Болтовня и натиск педантизма. - Ярмо фальшивых теорий. - Мертвая буква. - Нельзя прятаться от жизни в седую старину.

ПО ВЕРХАМ 97

Секрет умственной свежести Мольтке. - Опасность поверхностного энциклопедизма. - Экзамены по военным наукам: одни верхи, одна блестящая внешность и суррогат знания. - Идеиная шпаргаллика. - Легкомысленные «всезнайки» и мрачные «немогузнайки».

ИЗ ЖИЗНИ ИНОСТРАННЫХ АРМИЙ 101

Корни французских успехов протягиваются на поле Полтавской битвы. - Победа над первоклассным противником. - Глубокая тактика и использование опорных пунктов. - Тактическое единение между французской и русской армией. - Следует серьезно учиться военному делу.

НЕОБХОДИМАЯ ДИКТАТУРА 106

Корабль как пушечная платформа. - Инженеры, артиллеристы и пехота. - Артиллерия для фортов. - Введение броневых куполов. - В деле крепостной артиллерии требуется диктатура компетентного и авторитетного лица. - Нужен петровский способ действий.

ФУНДАМЕНТ ДОКТРИНЫ.....111

«Указания по некоторым вопросам тактики» как первое очертание нашей доктрины. - Пустые реформы. - Движение в сторону линейной тактики. - Вторая часть боя и маневренный резерв. - Рассредоточение огня. - Увлечение отрядами. - Необходимость диспута.

ЗАДАЧА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА	117
Трудности в организации Генерального штаба. - Быть колонново- жатым на пути развития и реформ вооруженных сил. - Представ- лять гвардию зарождающихся идей. - «Специальность» Генераль- ного штаба — это революция в военном деле.	
БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА И РЕЗЕРВНЫЕ ВОЙСКА	121
Народный характер современной армии. - Дебют второочередных войск в войне на Балканском полуострове. - Их значение для Рос- сии. - Способность русского солдата бороться за идею. - Негатив- ный опыт русско-японской войны. - Войска второочередного типа могут оказать неисчислимы услуги в будущей войне, но над их подготовкой нужно много и самоотверженно работать.	
БОЛЬШАЯ ВОЕННАЯ ПРОГРАММА	129
Русская и французская точки зрения на нашу армию. - Франция игнорирует вопрос о стойкости государственной обороны. - Рус- ский фронт стал для Германии важнейшим театром операций. - Нужно усилить нашу сухопутную мощь. - Военная большая про- грамма.	
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ (ИДЕИ) В ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ	139
Мрачная репутация «русского военного искусства». – Отсутствие самостоятельности. - Вред заимствований. - Интернациональная точка зрения на военное искусство. - Примеры резкого отражения национального характера в военном искусстве европейских армий. - Русская единая военная доктрина. - Национальный мотив в стра- тегии. - Живое разнообразие военного искусства и чужие шабло- ны. - Необходимо разжечь в нашем лагере бородинские огни. - Подготовка к войне должна определяться нашими национальными чертами и особенностями.	
ИДЕОЛОГИЯ НОВОЙ АРМИИ (ВОЕННОЕ ДЕЛО В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ)	158
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТАКТИКА	158
Для армии Новой России вопрос об оперативном творчестве стал на очередь, как вопрос жизни и смерти. - Аналогия с эпохой не- удач Великой Северной войны (Нарва). - Необходимо стремиться обратить поля поражений не в могилу русской славы, а в школу нового военного искусства. - Учет различной обстановки на рус- ском и французском фронтах в 1917 году. - Неисполняемые опера- тивные приказы.	

- ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ СЕНА**..... 161
 Оборонительная доктрина и позиционный фронт от Балтийского до Черного морей тянут все силы государства. - Ненадежность фронта при неприятельском наступлении. - В основу оперативного творчества следует положить отказ от кордона и наступательной позы, переход к маневру и полевому бою.
- ИКСКЮЛЬ МОГ БЫТЬ ПОЛТАВОЙ**..... 165
 Гипотетичность обороны и неудачные контратаки наших войск. - Действия пехоты без серьезной артиллерийской поддержки. - Нельзя требовать победы в обстановке стратегического отчаяния. - Горький опыт Нарвы заставил Петра дорожить армией. - Тяготение революционных войск к глубокой тактике. - Революция должна не сблизить нашу пехоту с германской, а разделять их.
- ПОДДАВКИ И КРЕПКИЕ**..... 168
 Игра противника в поддавки. - Бредни побежденных. - В трезвом уме и здравом рассудке на рожон не лезут. - Фантастические картины. - Опиум в мышлении, искажение истины, ложь — вот, что доставляет врагам величайшие триумфы.
- МИЛИЦИЯ КАК ИДЕАЛ** 172
 Наметить армии идеал в стороне от ее тернистого пути — значит выступить против практической жизни. - Устарелость милиционного идеала II-го Интернационала. - Постоянная армия. - Казарме верните ее чудодейственные свойства!
- ИНСПЕКТОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ И МИЛИЦИЯ** 175
 Инспекционное поветрие сегодня и в период царствования Павла I. - Перманентная угроза «инспекционной болезни» с точки зрения милиционной армии. - Свободу частным начальникам! - В бою у милиционного командира няньки в виде профессионала-военспеца не будет.
- КУЛЬТУРНО-КЛАССОВЫЕ ТИПЫ АРМИЙ** 179
 Социальные базы военной политики. - Бонапартизм. - Готика юнкерской армии. - Импровизация гражданской войны. - Младотурецкие фантазии. - Лагерь Валленштейна. - Бурбоны, которые ничему не научились. - Милиция Гамбетты.
- ОСНОВЫ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ**..... 193
 Доктрина — дочь истории. - Спекулятивная военная наука. - Доктрина руководит тактическим обучением войск. - Солдатам в их лагере нужны боги, и нужны скрижали завета. - Русская армия забыла драгомировское учение.

КАПИТАЛИЗМ В ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ	197
«Покупные» победы. - Превосходство духа. - Техника в будущих сражениях. - Значение материальных средств на войне и вера в них. - Военное мышление Драгомирова. - Капитализм кажется особенно беспомощным против умного и решительного врага. - Слабая воля к победе в России. - Надо обосновать русскую, отвечающую нашим военным условиям, доктрину.	
МАШИННЫЙ ВЕК	203
Тароватый расход человеческого материала во Франции. - Техника должна заменить пушечное мясо. - Современная машинная армия. - Новый путь эволюции пехоты.	
АНТИМИЛИТАРИЗМ И ВСЕОБЩЕЕ ВОЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ .	207
Антимилитаризм и введение милиционной военной системы. - Военспец. - Всеобуч. - Антимилитаристская литература. - Чем шире будет вести свою антимилитаристскую проповедь государственное издательство, тем безусловнее придется замыкать наше военное строительство в рамки постоянной армии.	
ВОПРОС О ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ	210
История возникновения генерального штаба. - Генеральный штаб эпохи Мольтке. - Во главе революции в военном искусстве. - Наполеон мог обойтись без генерального штаба. - При строительстве новой армии реформа генерального штаба выдвигается на первый план.	
ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ В ВОЕННОМ ВОСПИТАНИИ	215
Эпоха научной войны? - Скромная теория военного искусства. - Забыты у нас, в России, истины, которые проповедовали Суворов, Жомини и Драгомиров. - Угроза военному искусству со стороны интеллектуализма.	
ИНТЕГРАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА (СТРАТЕГИЯ, ОПЕРАТИВНОЕ ИСКУССТВО И ТАКТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ)	222
ЧЕТЫРЕХЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1914-1918 ГГ.	222
Недооценка военной силы России накануне войны. - Повышение качества русской армии. - Большая военная программа. - Военная конвенция Франции и России. - Для русского верховного командования на первом плане были интересы коалиции. - Планы войны. - Наполеоновская идеология. - Мировая война изучена пока лишь по внешности.	
МИРОВАЯ ВОЙНА	233

Красная армия должна быть моложе ее вероятных противников и ориентироваться преимущественно на более ранние моменты мировой войны, чем они. - Эволюция тактики в мировой войне. - Тенденции развала. - Будущая война. - Изучение мировой войны — предпосылка самостоятельного творчества в военном искусстве.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 238

Драма войны. - Бессилие военной мощи против жизнеспособной нации. - Народная война. - Опыт войн XIX - начала XX веков. - Вторая часть войны не может явиться повторением первой. - Не всякая оккупация является историческим наступлением.

ОПАСНЫЕ ИЛЛЮЗИИ.....251

Стратегическое развертывание русских войск в Маньчжурии. - Отсутствие сознания напрямь все силы для отпора. - Вне военной конкуренции. - Немцы видят свое спасение в военной подготовке, в стремлении к военному совершенству. - Изменение стратегических условий Советской России. - Уязвимость столицы. - Новые технические возможности. - Справиться с угрожающими опасностями мы сможем только отбросив иллюзии о географических доспехах и крайним напряжением сил. - Даже самая искусная дипломатия не сможет предохранить нас от бурь войны. - Необходимость возрождения военного искусства.

СТРАТЕГИЯ 263

Стратегическое учение создается из бытия современных войн. - Особая линия поведения для каждой войны. - Стратегия в ряду военных дисциплин. - Существо тактики. - Оперативное искусство. - Стратегия как искусство комбинировать подготовку к войне и группировку операций. - Стратегия как теория искусства. - Отношение теории к практике. - Искусство военных вождей. - Ответственные политические деятели должны быть знакомы со стратегией. - Задачи курса стратегии. - Военная игра. - Военная история. - Маневры. - Радикальность стратегических решений.

МЕТОДЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ 281

Искусство вождя. - Тактика. - Разделение тактики, оперативного искусства и стратегии. - Стратегия как искусство ведения войны. - Огромные глубины. - В стратегии управлять — значит предвидеть далеко вперед. - Тактика пашет и сеет, сбор урожая — это дело стратегии; если забывать об урожае, то не стоит и хозяйством заниматься.

БАЗИРОВАНИЕ И УДАРНОСТЬ.....289

Армия, ведущая войну, базируется на господствующие классы, экономический фундамент, территорию и население государства. - Тыл как слабая опорная точка русской армии в мировую войну. - Война на измор и стратегия сокрушения. - Еще ни один военный стратег не дал нам теории стратегии измора. - Начало ударности. - Наполеоновская стратегия сокрушения. - Людендорфу не удалась ни одна сокрушительная операция. - В мировую войну решение всюду было обусловлено крушением базы.

СОКРУШЕНИЕ И ИЗМОР.....300

Задачей политики является определение будущей войны не только как обороны или наступления, но и как измора или сокрушения. - Стратегия сокрушения требует чрезвычайной, экстраординарной победы. - Оперативная идея Канн. - Стратегия сокрушения Красной армии в походе на Вислу в 1920 году. - Разнообразие стратегии измора. - Заблуждения французской военной мысли. - Для Принятия правильного решения следует отдавать себе отчет во всей перспективе войны.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ФРОНТОВОЙ ТЫЛ 315

Мировую войну русская армия вела, опираясь не на государственный, а на фронтовой тыл. - Тыловое творчество поросло травой забвения. - Малокультурная организация. - Интегральный тыл. - Пышный расцвет фронтовых сатрапий в мировую войну. - «Опричники». - Государственный тыл и идея интегрального руководства войной.

ЭВОЛЮЦИЯ ОПЕРАТИВНОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ.....331

Труд А.Зайончковского «Подготовка России к мировой войне».- Планы войны. - Критика Зайончковским политических и военных взглядов царского генерального штаба грешит неточностью и предвзятостью. - Обручевская система в стратегическом отношении. - Военная реформа 1909-10 гг. - Политиканство в вопросах о крепостях. - Новый план развертывания накануне войны. «Стратегическая трусость» или полезная осторожность? - Развитие русского государства в сторону подготовки его к длительной войне, к измору. - Две различные доктрины.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ОПЕРАТИВНЫЕ ЭТЮДЫ 354

Способность современного государства рожать новые армии. - Перманентная мобилизация. - Первоначальное развертывание и защита территории. - Недооценка обороны в сознании Красной армии; первые недели будущей войны принесли начальникам и войскам жестокое разочарование. - Новая техника и появление оперативного искусства. - Маневрирование боевой силой и транс-

портными средствами. - Вооруженные силы как организм с раздувшимся желудком и тонкими конечностями. - Полевые поездки. - Понятие стратегии.

У ИСТОКОВ ОПЕРАТИВНОЙ МЫСЛИ.....369

Войны больших и малых государств. - Наполеончото. - Количество переходит в качество. - Наше стратегическое мышление ориентируется на борьбу с сильной коалицией. - Активное участие тыла в войне. - Способность большого государства выдерживать удары. - Оперативная подвижность армии великой державы. - Трудности осуществления Канн. - Проблема сокрушения и измора. - Ближний и дальний бой. - Ударная тактика. - Сумерки вооруженного народа. - Основное положение военного искусства — не выпячивать, а уклонять слабые места. - Перспективы артиллерийских таранных операций. - Мечты моторизации и сокрушения. - Трезвость военного мышления. - Недопустимость хвостизма в военном искусстве.

СОВРЕМЕННАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ В МАНЕВРЕННОЙ ВОЙНЕ.....390

Феодалный взгляд на вооруженный фронт. - Оперативное искусство требует прежде всего, чтобы мы оставляли без внимания "мыльные пузыри" и гонялись только за стойким успехом. - Сущность оперативного искусства — приведение неприятельской армии в состояние паралича. - Массирование. - Пехота должна уметь наступать фронтально. - Условия для успеха оперативного охвата. - Напряжение усилий и преследование. - Роль тыла в операции.

МАНЕВР ТЕХНИКИ.....400

Отсутствие технической инициативы - Техника и оперативная цель. - Соревнование техники в мировой войне. - Техническая операция. - Заслуга В.Триандофилова. - Зависимость от человеческого материала в будущей войне. - Иллюзия неразрывности сплошного фронта. - Анархия и планомерность в районе операции. - Техника ныне ведет маневр.

АВИАЦИЯ И МАССЫ.....413

Роль авиации в будущей войне. - Изменение плотности ударных группировок войск. - Избиение оперативных младенцев. - Будущая война еще даст победу организованным массам. - Необходимость глубокого эшелонирования. - Уязвимость идеи оперативного тарана. - Военное искусство не может не считаться с авиацией. - Разгадка общей оперативной тайны будущей войны.

БЕЗМОЛВНЫЙ ФРОНТ.....420

Тактический паразитизм. - Безграмотный и молчаливый фронт. - Необъективные реляции. - Пора научиться получать вести из боевой части. - Суть материалистического излома тактики. - Материальная часть не трофей, а средство боя. - Идеалистический взгляд на артиллерию. - Беречь боеспособную пехоту! - Достоинства армии познаются не в наступлении, а в упорной обороне. - Деловая информация о боевых действиях.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ.....435

Любовь к ответственности. - Отбор командного элемента. - Бойцы и бюрократы. - Инициативное изъятие воли не должно считаться преступлением. - Центр тяжести тактической работы. - Оперативные и тактические адвокаты. - Армия, в которой начальники с улыбкой встречают каждую неожиданность и радостно взваливают на себя ответственность, будет непобедима.

ТАКТИЧЕСКИЙ ФАКТ 438

Достоверность тактического факта. - Ошибки в донесениях не позволяют развивать искусство тактики. - Слабая штабная работа русской армии в мировую войну. - Кризис современного многослойного боя. - Тенденция хаоса и анархии на поле боя. - Необходимость проверки исполнения. - Всюдуходная тактика.

ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ.....447

Ограниченная численность армии вынуждает японское военное искусство искать доступные пути к победе. - Освоение техники. - Длительный начальный период войны. - Положение «шапками закидаем» принципиально не допустимо для японской армии. - Идея ударности чужда японскому военному искусству. - «Канны» японски. - Тактика должна уметь приносить жертвы, чтобы оперативное искусство (удар во фланг и тыл противника) вкусило победу. - Тактическое мелководье.

ОТПОР И ОБОРОНА 472

Период выживания в стратегии. - Решительный характер обороны. - Оборона гибкая и жесткая в истории германской армии. - «Тактический разврат». - Новое требование германского полевого устава. - Сдерживающий бой. - «Отпор».

ИЗУЧЕНИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА (АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА) 475

ИЗУЧЕНИЕ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ 475

Корни враждебного к истории отношения. - Историческая перспектива. - Военная история, стратегия и тактика. - Рентабельность

исторической работы. - Подготовка к войне. - Отказ от самостоятельного осуждения исторического опыта ведет к хвостизму и кустарничеству. - Две линии военно-исторической работы. - Научно-деловое изучение войны. - Страницы прошлого должны представлять для нас не могильные памятники, а оружие для борьбы в настоящем, ключ к его пониманию.

ЦЕННОСТЬ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КОМАНДИРА 496

Мы готовимся к будущей войне, а не к мировой войне 1914 года. - Военная история — наставница в военном искусстве. - Изучать военное искусство, не изучая военной истории, все равно, что прочитывать в книге только предисловие и заключение. - Затраты на военную историю производительны с точки зрения обороны.

СУДЬБЫ ВОЕННОЙ МЫСЛИ 500

Отчужденность гражданского и военного мышления. - Стратегия в шорах. - Дельбрюк и Леваль. - За монастырской стеной. - Война сложилась не на сокрушение, как предполагали военные авторитеты, а на измор. - Слушатель и преподаватель.

СТЕРЖНИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА 507

Этажи военного мышления. - Разумное изучение военного искусства. - Историческая тенденция как основной устой преподавания. - Ориентировка слушателей в военно-технических вопросах. - Географическая тенденция. - Цикл социально-политических наук.

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА И СТРАТЕГИЯ И ЛАБОРАТОРНЫЙ ПЛАН 511

Лаборатория как средство проникнуть в сущность явления. - Плодотворные упражнения. - Военная история — гигантская лаборатория для всего военного искусства в целом. - Формы лабораторного изучения стратегии, оперативного искусства и тактики. - «Несимпатичный» лабораторный план.

ТЕОРИЯ И ПРИКЛАДНОЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ СТРАТЕГИИ 518

Прикладной метод при исследовании подготовки к войне. - Проблемы учения о войне. - Равновесие теории и прикладных работ.

ВОЕННАЯ ИГРА 521

Военная игра как метод оперативной и тактической подготовки командного состава. - Проповедь определенных тактических и оперативных идей. - От обывательщины к государственности.

МЕЖДУ КОНЕМ И ТРАКТОРОМ 526

Рост темпов развития военного искусства в настоящее время. -
Внимание к вопросам будущей войны. - Молодая техническая
культура. - Готовность броситься по стопам Фуллера. - Плавный
переход от коня к трактору!

КОНЧЕНО ЛИ УЧЕНИЕ? 530

Академия 1903 года: старые птички пели старые песни. - Мои так-
тические взгляды в Маньчжурии. - Жизнь экзаменует. - Академи-
ческая подготовка — только рычаг для дальнейшей самостоятель-
ной работы над военным искусством. - Горе академии, выпускаю-
щей законченных деятелей.

ПУТЬ МОЛОДОГО АКАДЕМИКА 534

Боязнь ученической скамьи привела нас в пропасть поражений ми-
ровой войны. - «Ландвер военного искусства». - Нельзя останавли-
ваться в работе над военным делом. - Огромная ценность образо-
ванного военного специалиста. - Нужна непрерывная учеба.

ПОЧЕМУ МЫ НЕ УСПЕВАЕМ В ТАКТИКЕ? 538

Тактическая макулатура и бесплодный методизм. - Вместо тактики
мы изучаем в сущности оперативное искусство. - Работа над нор-
мальной тактической проблемой. - Тактическая грамотность.

НЕМНОГО ОТКРОВЕННОСТИ.....543

«Общество любителей вычищенных сапог», - ВНО: от манилов-
щины к увлечению деталями. - Военное поселение науки. - Укра-
денный маршалский жезл. - Необходим стратегический подход.

ПРИЛОЖЕНИЯ 551

Приложение №1. Послужной список А.Свечина.- Приложение №2.
Тезисы к занятиям по стратегии.- Приложение №3. Следственное
дело А.Свечина. Автор-составитель А.Кавтарадзе.

Предисловие

Александр Андреевич Свечин — человек уникальной судьбы, блистательный офицер службы Генерального штаба русской армии, с честью прошедший через несколько войн, военный писатель, профессор, вдохновитель и участник дискуссий о судьбах военного искусства и военного дела в Российской Империи и Советском Союзе. Дважды он был репрессирован — в начале 30-х гг. и в 1938 г. Этот неординарный человек был уничтожен не только физически, истреблялась сама память о нем. Разумеется это прежде всего касалось его книг, которые если и не были уничтожены, становились неприкасаемыми.

Идейное наследие А.Свечина — полтора десятка томов и свыше полутора тысяч статей и рецензий-обзоров — поражает воображение не столько масштабами, сколько злободневностью, оригинальностью, рельефностью и глубиной мысли. К этой выдающейся личности, которой Россия вправе гордиться не менее, чем своими полководцами, в полной мере применимы слова, сказанные когда-то самим Свечиным о генерале Боннале: «Блестящий наставник военного искусства, один из тех выдающихся военных мыслителей, появление которых история отмечает лишь немногим чаще появления выдающихся вождей на поле сражения».

Где-то на полпути между первой и второй мировыми войнами, в 1925-1926 гг., А.Свечин сделал несколько удивительно точных и конкретных предвидений с точки зрения выявления всей панорамы военно-политических событий начального периода следующей мировой войны. Так, например, он четко обозначил неустойчивое положение Чехословакии в Центральной Европе и прямо назвал Польшу первым объектом германского нападения в следующей войне, отметив, что Польше будет обеспечено в будущей войне «первенство по отношению к германскому удару». Наряду с такими удивительно верными «точечными» предвидениями Свечин смог дать и общую картину будущей войны, того, чем она обернется для нашей страны, как она может развиваться и что из этого следует для обеспечения обороноспособности Отечества.

А.Свечин постоянно подчеркивал, что будущая война для Советского Союза будет делом тяжелым, она, скорее всего, примет затяжной характер, потребует поэтапной мобилизации огромных ресурсов, напряжения сил всего народа. Он предостерегал от упования на быстрые успехи, на реализацию идей так называемой «стратегии

сокрушения», которая позволила бы решить судьбу войны Советского Союза с его главными капиталистическими противниками блестящей серией наступательных операций в короткие сроки. Свечин предложил руководствоваться не стратегией сокрушения, а «стратегией измора»: серьезно и всесторонне готовиться к предстоящей борьбе во всех отношениях, укреплять экономику (тыл), предусмотреть возможность отступления, полагаться первоначально на стратегическую оборону и, только измотав более сильного противника, переходить в победоносное наступление. Ход и исход Великой Отечественной войны 1941-45 гг. подтвердили правоту взглядов Свечина: она приняла затяжной характер, потребовала мобилизации всех ресурсов и напряжения всех сил. Но игнорирование выводов Свечина стоило жизни многим миллионам советских людей.

Важно то, что предвидения Свечина сделаны на основе глубокого понимания сложившейся конфигурации политических отношений в Европе после первой мировой войны, в контексте многовековой истории Европы, которую он глубоко изучил, работая в частности над своими трудами «История военного искусства» и «Эволюция военного искусства», опираясь на анализ глубоких исторических тенденций, развития международных отношений в масштабах пяти-семи столетий, обращая внимание на социально-политические и промышленно-экономические возможности сторон.

Война, которую предвидел Свечин, предъявляет высокие требования к экономике обороны и безопасности государства. В этой связи Свечин обращал внимание на необходимость специального высококвалифицированного органа, который он называл «экономическим генеральным штабом», отражающего «современное расширенное представление о руководстве войной». Чрезвычайно актуально звучат сегодня и слова Свечина о военном бюджете, который должен являться «средством не только для подготовки могущественной армии, но и для понижения издержек будущей войны», поскольку все мероприятия в военное время обходятся значительно дороже, нежели заблаговременно осуществленные.

Сегодня интересы национальной безопасности требуют возрождения военной мысли России, развития лучших черт национального военного искусства страны. Интеллектуальное и идейное наследие Свечина, настоящего российского патриота, занимает здесь едва ли не центральное место.

Настало время главной реабилитации Свечина — идейной. Требуется масштабная работа над творческим наследием выдающегося военного мыслителя XX века — нашего соотечественника. Следует

приступить к подготовке биографии и полного собрания сочинений Свечина. Словом, необходимо в полном объеме показать Воина и Мыслителя, так много сделавшего для своего Отечества и остающегося до сих пор в забвении.

Учение Свечина — руководство к действию, которое может быть востребовано и сегодня, 60 лет спустя со дня его трагической гибели. Значимость «Стратегии» и других произведений делает их достоянием классической военной мысли, одной из важнейших методологических основ нашей военной политики. В них по-прежнему можно найти разгадки многих тайн современного искусства побеждать, увидеть ориентиры военного строительства на годы вперед.

Неустаревающе-жизненная идейная школа А.Свечина находит сегодня все больше сторонников. Уверен, что ряды их значительно приумножатся благодаря выходу в свет столь содержательного и нужного выпуска «Российского военного сборника».

А.А. Кокошин

ВВЕДЕНИЕ ВРЕМЯ ИДЕЙ А. СВЕЧИНА

В следующей войне Советской России, может быть, придется встретиться с еще более серьезными противниками, и нужно, чтобы эта война с первых же дней носила характер организованного взрыва всех накопленных сил, максимального напряжения, максимального выхода полезной работы при наибольшей экономии <...> Мыслитель, намечающий основные линии подготовки к будущей войне, должен стать прежде всего на точку системы Тейлора, а она, прежде всего, исключает всякую импровизацию и требует продуманного до конца плана. Таким органом, который бы координировал все детали устройства вооруженной силы и подготовки к войне с намеченным планом, в европейских армиях был большой генеральный штаб, с независимым начальником генерального штаба. На строительстве этого основного органа <...> и должно быть сконцентрировано теперь главное внимание. И, прежде всего, импровизация и хищничество должны быть заменены широким, охватывающим планом и последовательной, методической подготовкой, имеющими в виду и десятки лет мирного, систематического труда по устройству вооруженной силы, и невозможность распоясаться хотя бы на минуту.

Эти слова принадлежат выдающемуся русскому офицеру-мыслителю Александру Андреевичу Свечину, одному из идейных авторитетов армии, воплощавшему ее дух, ум и интеллект.

Нам, в России, явно не хватало вождей, способных умело действовать в кризисных ситуациях, предвидеть будущие угрозы и заблаговременно готовить страну и вооруженные силы к их отражению. Достойные люди чаще всего не допускались к политике, изгонялись из военного дела, убирались из практики в «науку», отправлялись в изгнание или просто уничтожались. Отсюда — говоря словами Свечина, — «пустота поля сражения, поля действия, поля мысли». Еще в 1910 г. он замечал: «Начало Габэ (управление миной по беспроволочному телеграфу. — А.С.) незримо витает всюду, где вместо вождей выдвигаются безвольные, оглядывающиеся назад пешки, где нет ответственности, где царствует бумага... Это безголове — идея Габэ. Нам нужен Габэ наоборот; на фоне нашего безлюдья во всех отрясах жизни нам нужно выдвинуть живых людей, живых, упрямых своенравных вождей <...> Нам нужны вожди всюду: в Генеральном штабе, в войсках и технике, на суше, на море и на воздухе»¹.

Потрясающая сила духа, необычайная глубина стратегического мышления и постоянно востребываемые идеи определили историческую роль Свечина: жить в душе российской армии, быть ее идейным вождем, оставаться чрезвычайно актуальным, современным и навечно «одним из лучших офицеров Генерального штаба»² (А. Колчак).

Свечинские идеи начали пробивать себе дорогу сразу же после его трагической гибели в 1938 году. Произошел окончательный переход от территориально-милиционной системы к кадровой постоянной армии. Была наконец признана вероятность большой затяжной войны. Стало уделяться внимание стратегической обороне. Уже в 1940 году в «Красной звезде», совершенно в свечинском духе, были опубликованы две примечательные передовые статьи. Смысл их заключался в том, что без знания военной истории, жизни иностранных армий, без изучения опыта прошедших и современных войн нельзя постигнуть военное искусство, разгадать эволюцию будущих сражений, подготовить полноценных командиров крупных общевойсковых соединений³. Отмечалось, что отсталых бьют, что следует использовать силу современной обороны и постоянно обеспечивать взаимодействие всех родов войск⁴ и т.д. Сложная предвоенная обстановка вынудила обратиться к идеям, которые всю жизнь отстаивал Свечин.

Репрессии 1937-38 годов заставили осознать: только думающая армия, обладающая образованным офицерским корпусом и настоящим Генеральным штабом, способна возродить военное искусство, стать действенной силой, добиться победы, надежно обеспечить защиту Отечества. Пока в РККА были и творили военные специалисты (бывшие офицеры русской армии), она считалась лучшей в Европе. «Что там ни говори, — отмечали В.Рапопорт и Ю.Геллер (Ю.Алексеев), — но вопреки всем препонам и трудностям — объективным и сконструированным сталинским руководством — РККА середины тридцатых годов была великолепная, первоклассная армия. Лучшая в отечественной истории. На ту пору самая передовая армия Европы и, безусловно, самая думающая. Богатая талантливыми людьми, искавшая и впитывавшая все лучшее, что было в народе <...> Этой армии любой враг был по силам. Невозможно представить, чтобы РККА отдала Гитлеру половину страны»⁵.

Уничтожение таких деятельных патриотов и офицеров российского государства, как Свечин, — на которых следует равняться — это действительно измена Родине. Репрессировав высший командный состав накануне мировой войны, сталинский режим убил дух,

традиции, культуру и творческую мысль в армии. Судьба Свечина напоминает о том, что это преступление никогда не должно быть забыто, что требуется помнить об особой роли офицерства в укреплении обороноспособности страны, что российскому государству необходимо проводить ответственную, нравственную военную политику. Свечин, претерпевший до конца за правду и за преданность военному искусству, останется вечным укором обществу, допустившему расправу над цветом офицерства, которым всегда держалась Россия.

Образ Свечина — думающего и действующего в непростой обстановке Первой мировой войны — уже увековечен в исторической эпопее А.Солженицына «Красное колесо». Полковник Воротынцев (главный герой) и его «alter ego» генерал-майор Свечин предстают в ней настоящими русскими офицерами: государственно мыслящими, знающими военное дело, обладающими рыцарскими качествами и стремящимися «действовать для спасения России». Таким бы власть... и русская кровь не лилась бы потоком, и русская армия победоносно окончила бы всемирную войну, и Россию бы они «вытащили», и революцию не допустили.

Воротынцев («стратег» и мятежник в душе):

— Все так, Андреич. Но я говорю тебе: в разорении — дела общегосударственные. И потому требуется от нас нечто большее, чем простая служба в Ставке.

Свечин («башибузук», «Сумасшедший мулла»):

— Разваливают, скотины, военную власть во время войны во имя якобы победы <...> Егорий, Егорий! Сколько раз я тебе говорил: чтобы делать историю — не надо взбрыкивать, не надо из упряжки выбиваться. Норов у тебя несчастный. А где поставлен — там и тяни. И так идет история.

В ходе Великой Отечественной войны 1941-45 гг. и после нее осознали, что Свечин во многих отношениях был прав. Война действительно приняла тотальный, затяжной характер. Потребовались, как он и считал, перманентная мобилизация и напряжение всех сил, чтобы выдержать и победить. Важнейшим способом войны стала стратегическая оборона на собственной территории, изматывающая противника в ряде операций и подготавливающая условия для контрударов и последующего стратегического наступления. Подтвердилась целесообразность предложения Свечина о размещении основных объектов военной промышленности на востоке СССР.

Несмотря на то что война развивалась по сценарию, предсказанному Свечиным, после падения сталинского режима в первую оче-

редь реабилитировали М.Тухачевского — «демона гражданской войны», инициатора травли Свечина, а также его самоубийственную для России стратегию сокрушения (а заодно и «теорию глубокой операции»), которая перед войной была объявлена «вредительской»). Именно эти установки вновь возродились в военной стратегии СССР 50-70-х годов, невзирая на появление ядерного оружия. Внимание же к личности Свечина и его взглядам было привлечено лишь значительно позже в статьях А.Агеева, Ю.Геллера, А.Хорева, В.Ларионова, В.Лобова, А.Анфиногенова, В.Иминова и других почитателей таланта выдающегося русского мыслителя.

Подлинный ренессанс идей Свечина как стратегического мыслителя произошел в 80-90-х годы. В связи с новым политическим мышлением и общим ослаблением СССР, а затем и России, вновь приобрела актуальность свечинская стратегия «измора», которая соответствовала оборонительному характеру военной доктрины и требовала осмысленных действий, предвидения, экономного, рационального и максимально эффективного использования военного инструментария политики в кризисных ситуациях. Осмысление взглядов Свечина в контексте новых реалий политики безопасности 80-х—90-х годов нашло отражение в ряде статей Андрея Афанасьевича Кокошина⁸.

В послевоенные годы наследие Свечина пользовалось вниманием во Франции, США, ФРГ, Швеции. Для западных исследователей «русский Клаузевиц» был интересен злободневностью своего стратегического мышления, серьезным изучением эволюции искусства войны⁹.

Сегодня усилиями генерал-майора запаса Игната Семеновича Даниленко в Военной академии Генерального штаба в серии «Антология отечественной военной мысли» переизданы «Стратегия», «Эволюция военного искусства» и другие крупные работы Свечина, подготовлены к публикации его неизданные работы: «Будущая война и наши военные задачи», «Японская армия в прошлом и будущем». Академия военных наук и Группа Военно-страховой компании учредили премии имени А.В.Суворова и имени А.А.Свечина. Российскими военными учеными Свечин был включен в список ста наиболее выдающихся военных деятелей всемирной истории¹⁰.

В апреле 1998 года «Независимое военное обозрение» и «Российский военный сборник» выступили с инициативой проведения акции в память А.Свечина, предложив заинтересованным государственным, военным и общественным организациям конкретную програм-

му действий («НВО» № 15, 1998 г.), которую предстоит еще выполнить.

Настало время предметного показа «заветных мыслей» и уникальной личности Александра Андреевича Свечина — неумолимого поборника военного искусства, выдающегося офицера русского Генерального штаба, настоящего патриота российского государства. При этом будем иметь в виду, что чем труднее обстановка и сложные задачи, тем настоятельнее потребность в высшем военном искусстве.

— Чем пересеченнее и неизведаннее местность, тем более простора для высшего проявления тактического искусства — для художественной выработки соответствующего обстановке специального решения <...> Поэтому в горной войне скорее, чем при других условиях, могут выработаться хорошие генералы <...> Войскам, которым в мирное время не будет в горах мест недоступных, в военное — не будет мест неприступных¹¹.

— Целеустремленность, сосредоточение всех усилий на реальной очередной задаче, отсутствие отвлечения внимания на побочные дела, на мелочи, на страховку от воображаемых, сегодня еще не реальных опасностей составляет существо высокого проявления военного искусства¹².

Сохраним верность этим и другим заветам, представленным на страницах данного Сборника, и за русское военное дело, за государство российское станет на душе, наконец, спокойнее...

Создавая нашу новую профессиональную армию, будем достойны памяти выдающегося офицера Русского Генерального штаба!

В настоящем выпуске публикуются, в основном, журнальные и газетные статьи Свечина, мало известные современному читателю. Из капитальных его работ (книг) приводятся только отдельные фрагменты (мысли), имеющие существенное значение для формирования целостного представления об идейном наследии выдающегося русского военного мыслителя.

Редакция «Российского военного сборника» выражает особую признательность полковнику запаса, кандидату военных наук Александру Георгиевичу Кавтарадзе за консультации и предметную работу над данным выпуском.

Примечания

1. Свечин А. Начало Габэ и воздушный флот // Русский Инвалид . - 1910. - № 67 .- 27 марта.
2. Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Т.Х. - Берлин, 1923. - С.204.
3. Глубоко изучать военную историю //Красная звезда. - 1940.- 7 июня.
4. Изучать опыт современных войн // Красная звезда. - 1940. - 4 июня.
5. Рапопорт В.Н., Геллер Ю.А.(А.Алексеев). Измена Родине. - М.: РИК «Стрелец», 1995.- С.200-201, 203.
6. Солженицын А. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах. - Узел II: Октябрь шестнадцатого. Т.4. - М.: Воениздат, 1993. - С.29, 451,453.
7. См.: Агеев А. Военный теоретик и военный историк А.А.Свечин (К 100-летию со дня рождения) // Военно-исторический журнал - 1978. - № 8. - С. 126-127; Геллер Ю. Предчувствие // Родина. - 1991. - № 6-7. - С. 10-11;
- Хорев А. Возвращение Свечина // Красная звезда. - 1992.- 5 декабря;
- Хо-рев А. Комдив Свечин // Армия. - 1993. - № 7. - С.52-56; Ларионов В. Злоключения «русского Клаузевица» // США: экономика, политика, идеология. - 1992. - № 8. - С.68-76; Анфиногенов А. Маршальские звезды перед грозой // Россия. - 1997.- № II.- С.74-79; Иминов В. Военно-теоретическое наследие профессора А.А.Свечина / Антология отечественной военной мысли. Книга 5. Свечин А.А. Стратегия; Стратегия XX века на первом этапе.- М.: ВАГШ, 1995. - С.6-24 и другие.
8. См.: Кокошин А. А.А.Свечин. О войне и политике // Международная жизнь. - 1988. - № 10. - С. 133-142; Кокошин А., Лобов В. Предвидение (Генерал Свечин об эволюции военного искусства) // Знамя. - 1990. - № 2. - С. 170-182; Кокошин А. О предмете военной доктрины. Дебаты 1920-х «О единой военной доктрине» и их некоторые уроки // Путь к современной армии. Сборник «Военная реформа». Выпуск 2. - М., 1998. - С.53-68; Кокошин А. Военно-политическое предвидение. Революция в военном деле связана с возрастанием роли информационной борьбы // Независимое военное обозрение. - 1998. - № 17. - 8-14 мая.
9. См., например: Jacob W.Kipp. General-Major A.A.Svechin and Modern Warfare: Military History and Military Theory / Svechin A. Strategy. Edited by Kent D.Lee.- East View Publications, Minneapolis, Minnesota, 1992. - P. 23-56; Olaf Rose / Hans-Ulrich Seidt. (Hrsg). Alexander Swetschin. Clausewitz. - Bonn: Dummlersverlag, 1997. - S.7-74.
10. См.: Независимое военное обозрение. - 1997. - № 47.
11. Война в горах. Тактическое исследование по опыту русско-японской войны. Со многими примерами из последней кампании. Александра

Свечина, Генерального штаба капитана. - СПб.: Издал В.Березовский, Комиссионер Военно-учебных заведений, 1906. - С.V-VI.

12. Свечин А. Военное искусство в будущей войне // Правда. - 1927. №97. - 1 мая.

А.Савинкин

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Становление в России и общая эволюция

Судьбы военного искусства в России

Татарские уроки. Древняя русская государственность не <...> сумела оказать серьезного сопротивления нашествию монголо-татар. Дикие кочевники, с которыми сталкивались раньше русские князья, были бессильны против городских стен. Теперь же азиатский враг оказался располагающим гораздо более высокой военной техникой, чем русские, и легко брал русские города; в поле же нельзя было ему противостоять, так как организованность татар была несравненно выше; впечатление бесчисленного множества оставляли азиатские армии — ополчение всего народа — при столкновении с русскими ополчениями одних городов.

Азиатский натиск на равнины Восточной Европы начался в начале XIII века, в результате чрезвычайного подъема военно-политического искусства, связанного с Чингиз-ханом. Однако, экономика кочевого быта стояла на очень низком уровне. Завоеватели всюду беспощадно расправлялись с городами, в особенности с русскими, являвшимися сосредоточением военной мощи и единственными возможными очагами сопротивления. Несмотря на стремление их спасти ремесленную часть населения и использовать их в других центрах, завоевания азиатских полководцев связывались с катастрофическим понижением уровня экономической жизни и поэтому были обречены на скорое распадение. Господство Золотой Орды было обречено на уничтожение. Удар Тамерлана по Золотой Орде в 1391 г. ускорил этот процесс, обеспечив на много столетий безопасность восточной границы России. Натиск Азии продолжался лишь на более южном направлении, в пределах Малой Азии, где недобитые Тамерланом турки сумели утвердиться на Балканском полуострове.

Если Валленштейн явился учителем прусских королей, то русские князья научились у татарского сборщика податей правильной

эксплуатации сельского населения посредством учета и обложения его. Татарский нажим весьма содействовал усилению центральной власти; Москва многому научилась в области политики у монголо-татар. И очень многим обязано татарам русское военное искусство. Вспомогательные русские отряды входили в состав татарских армий. Историк отмечает их присутствие у берегов Аральского моря при начале столкновения Тохтамыша с Тамерланом. Мы усвоили у Востока глубокое уважение к метательному бою, ведение боя из глубины, расчленение армий на большой полк, полк правой и левой руки, авангард и резерв (передовой и засадный полки), организацию легкой конницы, дравшейся как в конном, так и в пешем строю — своего рода иррегулярных драгун, большое внимание к разведывательной и сторожевой службе, своеобразную восточную дисциплину и методы управления, далеко превосходившие феодальный масштаб средневековья. Оперативное искусство и тактика Димитрия Донского во время похода, приведшего к сражению на Куликовом поле, могут служить иллюстрацией военных достижений монгольской школы. Первые казаки — черкасы — очень может быть, являлись русскими вспомогательными отрядами, отделившимися от Орды и ушедшими на Днепр.

Поместная система. Однако, широкий размах монгольского военного искусства, использовавшего все неизжитые варварские инстинкты кочевых племен, должен был быстро переродиться и измельчать на почве экономики земледельческого народа, хозяйство которого оставалось еще преимущественно натуральным. Татарское нашествие достаточно убедительно показало бессилие вооруженной силы одних городов, лишенных какой-либо смычки с деревней. Необходимость толкала на использование для строительства армии экономических ресурсов деревни, а в обстановке натурального хозяйства для этого имелся только путь ленной системы — отвода воину населенного крестьянами участка земли, с которого ленник мог бы кормиться и покрывать издержки по сбору в поход.

Русские феодалы-бояре жили в центральных городах; связи их с их земельными владениями были не слишком сильны; они являлись почти беззащитными перед лицом великокняжеской и царской власти. Города были значительны; имелись грамотные дьяки, что позволяло учесть в приказах всю землю и все население для разложения на них тягот по содержанию вооруженной силы. Вследствие этого, в русской действительности¹, организующим ленников эле-

---

¹ Как в Византии, Турции и отчасти Англии.

ментом выступили не бояре, а эту задачу смогло взять на себя само государство. Русская история в этом отношении не пошла по примеру франков и германцев; русский дьяк выступил в той же роли, как и английский шериф, как чиновники Византии и Турции. Уже при Иване Грозном русское боярство оказалось столь слабым по сравнению с царской властью, что удалось провести “черный передел” боярских, а также казенных земель для широкого распространения поместной системы.

Пригодный к военной службе — “боярский сын”, казак, выходец из Литвы или татарин “новокрещен” — испомещался в населенном крестьянами поместье, размером в 200-400 десятин; доходы с этого имения обеспечивали содержание его семьи; по распоряжению московского приказа он должен был выезжать на сборный пункт “люден, конен и оружен” — т.е. верхом, с наступательным и предохранительным вооружением, с 2-3 вооруженными слугами и запасом продовольствия на вьюках или телеге.

Особенно много мелких поместий было нарезано вдоль Оки, так как с юга непрерывно грозили нападения крымских татар, и все летнее время, пока имелся в полях подножный корм, от Троицы до Покрова дня, приходилось содержать стражу — сначала на берегах Оки, а впоследствии далее к югу, на засечных укрепленных линиях, выносившихся вперед с каждым успехом колонизации.

С этими задачами, в непосредственной близости от своих поместий, наша дворянская милиция справлялась весьма сносно; но для дальних походов организация являлась мало удовлетворительной. Личные заботы о снабжении оказывались несостоятельными. Несмотря на помощь государства, поместное ополчение начинало голодать. Заботы о покинутом хозяйстве отягчали сознание призванного, число “нетчиков” — не явившихся на призыв — было велико; в случае войны на западной и северо-западной границах угроза татарского набега заставляла ополчение бросать “полки” и спешить на защиту своих усадеб. Военное искусство стеснялось заботами каждого дворянина о своем личном тыле — имуществе, которое возили вооруженные слуги. При установлении соприкосновения с неприятелем первой заботой являлось сооружение безопасного убежища для тыла — острожка, укрепленного лагеря. Идеи чехов — Яна Жижки — о бое за повозками, используемыми как остов боевого порядка, нашли у нас широкое применение. Древнее русское слово “стан” заменяется типично чешским “табором”. Идея боевых возов развивается русской техникой в виде “гуляй-города”, образуемого сцеплением больших деревянных щитов на колесах; конечно, для

больших походов такая подвижная деревянная крепость не годилась, но “гуляй-город” использовался, по-видимому, как подвижное позиционное имущество для обороны от татар ближайших окрестностей Москвы.

Наша поместная конница представляла “нестройное” войско, которое могло успешно разрешать свои задачи лишь при столкновении с такими же нестройными неприятельскими ополчениями.

Столкновение с наемными войсками Запада. Москва XV века превосходила своими размерами современный ей Лондон. Вследствие значительности внутренних рынков, денежное обращение у нас никогда не падало так низко, как на Западе. Денежные ресурсы московских царей не были так значительны, чтобы содержать на них сотню тысяч бойцов, необходимых для охраны границ; однако, ресурсы городов, являвшихся представителями денежного капитала, можно было использовать, чтобы поддерживать жалованием испещренных воинов.

Татарское нашествие, с одной стороны, захват крестоносцами Константинополя, с другой, и последовавший расцвет венецианской торговли заставили в XIII—XV веках запустеть торговый путь “из варяг в греки”. После захвата Константинополя турками, вследствие длительных враждебных отношений, установившихся между католическим и мусульманским миром, для русских людей вновь улыбнулась возможность взять на себя часть выгодного посредничества в торговле между Западом и Востоком. Захват Московским государством всего течения Волги давал материальный базис для развития обмена с Азией; но Астрахань требовала себе естественного дополнения в виде гавани на берегу Балтийского моря. Русская экономика XVI века требовала наступательной политики.

Однако, если Московское государство, уделяя максимальное внимание развитию своих вооруженных сил, могло смело помериться с любой западной средневековой армией, то оно должно было оказаться несостоятельным при столкновении с профессиональными армиями, знавшими уже сомкнутый строй возродившейся пехоты, которые в том же XVI веке повсюду распространялись на Западе.

Уже во второй половине этого века, в Ливонской войне Ивана Грозного, нам пришлось иметь дело с польской армией Стефана Батория, включавшей не только феодальные элементы, но и организованные части пехоты и кавалерии. Московские люди оказывались против них совершенно бессильными. Польша и Швеция уже успели подняться на уровень искусства ландскнехтов и рейтар, а мы оставались еще в русле средневековых традиций. Эпоха Смутного времени

являлась периодом наибольшего кризиса. Даже не регулярная армия польского государства, а польские жолнеры, на вербованные частными предпринимателями, Лисовским и Рожинским, спокойно устравивались в нескольких километрах от Москвы — в с. Тушино, и эта горсть представителей нового военного искусства чувствовала себя совершенно неуязвимой на огромной территории, организованной, однако, почти исключительно под углом военных требований.

Двести лет развития военного искусства в России, начиная с Ивана Грозного и до Елизаветы Петровны включительно, надо рассматривать под углом борьбы с нашей отсталостью; азиатская армия отчетливо уяснила свою слабость и стремилась стать европейской. “Народ российский паче о бранях, нежели о книгах, паче об обучении воинском, неже об обучении школьном, тщание имеяше”. Вначале, однако, для этого не хватало экономических предпосылок и в стихии натурального хозяйства тонули все реформаторские попытки. Стрельцы — упорядоченная пехота Ивана Грозного — получали вознаграждение не столько жалованием, как торговыми привилегиями и быстро сложились в особую вооруженную часть мелкой буржуазии, весьма мало способную усвоить новое военное искусство. Русские стрельцы до такой степени были мало способны к сомкнутому удару, что в Смутное время, когда мы нашли себе союзника в лице Делгагарди, “стравились со шведами”, нас поражило, как шведы “пешие пойдюша наперед, отыкався копиями, а конные стаща позади них”. “Ересь военная”, естественно, первая открыла себе путь в Московское государство, которое еще стремилось замкнутостью сохранить свою самобытность. Тогда как общая тенденция политики заключалась еще и в том, “чтобы торговые и иные никакие люди в Киеве и иных порубежных городах никаких книг литовския печати не покупали”, мы к концу Смутного времени составляем “Устав ратных, пушечных и других дел... выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым”, а в половине XVII века издаем перевод труда Вальдгаузена под заглавием “Хитрости ратного строения пеших людей”, получающий уже характер официального устава.

Иностранцы вызывались уже в начале XV века; но они становятся лишь при Борисе Годунове заметными в нашей военной организации. Естественно, что Россия, получившая в начале XVII века такие тяжелые удары от Польши, наученной иноземцами, захотела при первой возможности отквитаться, опираясь на тех же иноземцев. Густав-Адольф начал закупать в России значительное количество хлеба. На вырученные деньги мы захотели нанять до 5 тысяч ино-

странцев, при помощи которых рассчитывали отбить у поляков Смоленск — угрожающую по отношению к Москве позицию, захваченную поляками в Смутное время². “Немецкие” полковники — Александр Лесли и Пецнер — приступили к набору наемников за границей. Перед московским правительством открылась “пропасть, всегда зиявшая своей ужасной пастью” — расходов на наемников. Последние, в момент 30-летней войны, были в цене, особенно в отъезд в Московию. Месячные оклады иностранных офицеров колебались в кавалерии от 420 рублей (прапорщик) до 5.600 рублей (полковник), в пехоте от 245 рублей до 3.500 рублей (в довоенной ценности рублей). Московская казна смогла, с крайним напряжением, выдать до 2 миллионов довоенных рублей, но этого было далеко не достаточно. “Кто гроши дает, тому служит” наемник. Недаром Мориц Оранский ставил в центр тяжести своей реформы аккуратную выплату жалованья. Последнее было непосильно для Москвы XVII века. Начались побег и развал дисциплины в иноземных полках; боевая ценность последних быстро понизилась. “Выезжий немчин”, англичанин Ричард Стивенс, несколько раз менял службу — 2 раза служил Швеции, 3 раза России. Попавшиеся в плен полякам иноземцы спокойно писались к ним на службу. После неудачного Смоленского похода иноземцев пришлось поспешно рассчитать, часть уехала домой, а часть осела в России и была поверстана местным окладом. Но иноземный офицер, ставший русским помещиком, конечно, терял много драгоценных европейских черт; это хорошо понимало русское правительство, отказавшееся в дальнейшем платить иноземцам старых выездов полный иноземческий оклад жалованья; “ибо иные яко фозалы (вассалы — А. С.) Царского Величества суть³”. Они также бегали от службы, бывали в нетчиках, приговаривались за то к наказанию кнутом, сажались в тюрьму, “чтобы впредь иным неповадно было”.

Очевидно, вооруженную силу следовало строить не на иноземцах, а на обучении русских людей иноземному строю. Уже в 1630 г. для пополнения 1 рейтарского и 6 пехотных иноземных полков, принимавших участие в Смоленском походе, призывались и русские

---

² Исторические права Польши на территорию в максимальных польских границах таким образом, сводятся к тому, что Польша усвоила себе на столетие раньше, чем Московия, возродившуюся на Западе пехоту и находилась ближе к тем биржам, на которых можно было вербовать наемников; Польша обогнала также Россию в производстве хлеба, как экспортного товара.

³ Из “предложения Квашнину-Самарину” — сборник комиссарских распоряжений 1712 года. Сб. В. Ист. Матер, В. Уч. Комитета Гл. Шт., т. IX, стр. 102. Петерб. 1894 г.

люди, которые должны были служить под командой иноземцев и учиться у них. Однако, в русском населении крайне трудно было найти элементы, социально близкие к тем, которые на Западе шли в наемники. Как на Западе формирование рейтарских полков являлось возможным только путем набора слоев населения, стоявших не слишком высоко на феодальной лестнице, так как усвоение новой дисциплины являлось безнадежным для рыцарей-баронов, у каждого из которых была своя фантазия, так и у нас пришлось обратиться к использованию наименее обеспеченного слоя “беспоместных детей боярских” с обещанием им “дать по 5 рублей для бедности” (75 довоенных рублей) и с предоставлением права возвратиться на службу на старых основаниях. В дальнейшем русские полки иноземного строя размножились. К концу XVII столетия у нас насчитывалось уже 48 солдатских и 26 копейных и рейтарских полков.

Это были своеобразные территориальные части; разбросанные по деревням, они получали небольшое жалование и жили в несколько худших условиях, чем поместное ополчение⁴; осенью, на 1 месяц в году, они собирались для обучения. Полки делились на роты; по западному образцу командный состав представлял определенную лестницу военной иерархии — прапорщик, поручик, капитан, майор, подполковник, полковник.

Комсостав XVII века. Однако, господствовавшее в государстве начало местничества не позволяло организовать надлежащий подбор командного состава. В феодальном ополчении командный авторитет опирался на имущественный ценз начальника, на его положение в рядах господствующего класса, а не на знание ратного дела и мудрость. Московское государство знало лишь придворную иерархию — боярин, окольничий, стольник, стряпчий, жилец; эти придворные чины представляли конкретную действительность и связывались с определенным социальным положением. В военном деле московские люди знали только должности; назначение сотником, головой или полковником — это было возложение на мобилизованного помещика временных обязанностей, связанных с большими хлопотами и ответственностью — лишняя, но неизбежная тягота. Бытность сотником или даже головой — командование полком — не включалось в записи Разряда и ничего не меняло в положении демобилизованного помещика. Точно так же, как крестьяне иногда смотрели на назначение старостой как на отбытие неприятной повинности, так и

---

⁴ В иноземных частях служили преимущественно беспоместные и худопоместные дворяне, а также “даточные люди”, т.е. крестьяне, которые выставлялись помещьем и случае малолетства или дряхлости владельца поместья, а также монастырскими именьями.

помещики отбывали повинность на различных военных должностях. Награда, в виде повышения в должности за отличие на войне, естественно, отсутствовала. Награда могла быть дана лишь в виде демобилизации, отпуска на льготу: действительно, если поместные люди получали лишь $\frac{1}{5}$ часть своего содержания денежным жалованьем, а остальное — землей, то логично было требовать смены, если пребывание с мобилизованным полком затягивалось на целые годы, как это было в Азовском гарнизоне. Но воеводы, возглавлявшие армии, вообще были бессильны выдать какую-либо награду: никакое повышение расходов из государственного бюджета нельзя было производить без разрешения московских дьяков; перевести служилого человека на высший оклад воевода был бессилён. Понятно, что московская армия не отличалась ни служебным рвением, ни честолюбием, ни интересом к военному делу.

Эта психология, возникшая из натурального хозяйства и рассматривавшая военные чины почти как недоразумение, распространялась и на иноземные полки. Русская действительность реформировала на свой лад понятие о чинах, возникшее на Западе всего лишь при Морице Оранском, на пороге XVII века. Мы встречаем такие назначения (докладные разрядные выписки), как производство в 1677 г. в прапорщики “вора” Андрея Калугина за взятый им язык (пленного). Хотя “вор” на жаргоне московских приказов часто означал понятие революционера, бунтовщика, все же редакция наводит на размышление об уважении, связанном с званием командира. Никаких знаний или подготовки к офицерскому званию не требовалось: оно передавалось по наследству даже в первые годы царствования Петра Великого. В 1696 году, например, новокрещену Никите Гадомскому велено быть в прапорщиках “за смерть отца его Якова”, а иноземному сыну Ульяму Шульцу только “для того, что брат его родной служил в начальных людях иноземцах и в Азове умер”.

Необходимость реформы. При таких обстоятельствах русские полки иноземного строя значительно уступали в боеспособности западноевропейским. Жестокая участь выпала в 1660 г. на долю армии Шереметева, выдвинувшегося из Киева к Любару, столкнувшегося с поляками, поддержанными крымскими татарами, к которым перешли во время войны и казаки Юрия Хмельницкого. От Любара через Чуднов армия пробивалась назад к Кодне, где погибла полностью⁵. Основной причиной неудачи являлось наличие у поляков 7000 дисциплинированной пехоты генерал-майора Вольфа. На-

---

⁵ Интересное описание этого похода - в V томе труда: Б. Барсуков. Род Шереметевых. Петербург. 1888 г.

ши войска легко справлялись с казаками, с татарами, с польским ополчением, но регулярная пехота представляла для нас неодолимое сопротивление. Дальнейшие неудачи в борьбе с турками выдвинули необходимость в коренной военной реформе. В 1681 году было собрано особое совещание служилых людей, задача которого была поставлена так: “в мимошедших воинских бранях, будучи на боях с государевыми ратными людьми, его государевы неприятели показали новые в ратных делах вымыслы, — для тех новомышленных неприятельских хитростей учинити в государских ратях рассмотрение и лучшее устройство, чтобы тем в воинские времена имети противу неприятелей пристойную осторожность и охранение и чтобы прежде бывшее воинское устройство, которое показалось на боях не прибыльно, переменить на лучшее”.

Совещание выдвинуло необходимость уничтожения местничества (отставка отеческих случаев) и распространения европейских чинов на все виды русских вооруженных сил. Одновременно началось сокращение стрельцов и поместных войск в пользу войск иноземного строя. Совещание 1681 г. справедливо поставило в основу военной реформы решительную борьбу с главным пережитком феодализма. Председатель совещания, князь Вас. Васил. Голицын, как нам кажется, находился под сильным воздействием тех реформ, которые в это время уже проводил во Франции Лувау⁶. Петр Великий постарался перенести их почти буквально на русскую почву.

Мы не должны обманываться, что переименование головы в полковника, а сотника в ротмистра представляет пустую игру слов. Старые слова являлись и символами старого феодального быта, который считал иноземный чин, не связанный с земельными отношениями, себе и своему роду в бесчестие. Центральная власть это понимала и грозила раздавить всякую оппозицию — “и впредь прежними чинами не именовать; а которые упрямством своим в том чине быть не похотят и станут себе ставить то в бесчестие, и тем людям от Великого Государя за то быть в наказании и разорении без всякой пощады”. С опаской входили служилые люди в новую колею: в 1683 г. полковники Стремянного полка (гвардия) Никита Данилов, сын Глебов, и Акинфий Иванов, сын Данилов, бьют челом в Разряд: взяты они в полковники по неволе и потому просят, чтобы “нынешняя

---

⁶ Ломка феодального строя по Франции основывалась на призыве нового класса - буржуазии - к заведыванию государственными финансами и контролю над расходами (интенданты). В России в 1681 г., одновременно с проектом военной реформы, появляется и проект - отобрать от воевод и приказов финансовые вопросы и передать их в руки московского купечества.

полковничья служба им и детям их, и сродникам была не в упрек, и не в укоризну, а с ровной братью не в случай”. И Разряд внял этой просьбе и успокаивал: “того чину, в который взят, впредь никому в упрек и в укоризну ставить и тем никому никогда бесчестят не велют”. Т.е. главный штаб Московии воспретил употребление понятия полковник как бранного слова.

Постоянная армия Петра Великого. Эпоха наемных армий связана с рядом тяжелых поражений русского оружия, так как социальные и экономические условия на Руси гнали на окраины и в казаки все те социальные элементы, из коих можно было бы вербовать наемную армию. Зато век постоянных армий — XVIII столетие — связан с быстрым расцветом военного дела на Руси. Русские условия жизни оказались прекрасно приспособленными к созданию постоянной армии.

На Западе задача устройства постоянной армии заключалась в том, чтобы огосударствить военный аппарат и содержать его не только временно, в течение войны, но и в мирное время. В России армия и до Петра Великого содержалась уже в мирное время и являлась государственной. Задача заключалась только в том, чтобы милиционные полки, собиравшиеся на один месяц в году, сохранять под знаменами круглый год. Великая Северная война, растянувшаяся на 20 лет, позволила этой реформе совершиться незаметно, без какого-либо правительственного акта.

Далекie походы Петра Великого требовали значительное количество людского материала, требовали профессиональных солдат, которые разорвали бы хозяйственные связи со своими домами, со своими обычными способами труда и добывания средств к жизни. Очевидно, прежний помещик, хотя бы и худопоместный, не мог образовать солдатское ядро новой армии.

Первоначально Петр Великий стремился устроить комплектование русской армии по западноевропейскому образцу — вербовкой преимущественно безработного, экономически бесполезного элемента, слонявшегося “симо и офамо”.

Взбунтовавшаяся во время Нарвского сражения против своих иноземных офицеров и наголову разбитая Карлом XII русская армия и представляла преимущественно переодетый в солдатское платье люмпен-пролетариат. После этого неудачного опыта Петр Великий отказался от пути подражания и вместо вербовки обратился к воинской повинности, установление которой было подготовлено предшествовавшим ходом русской истории. Эта воинская повинность распространялась почти исключительно на крестьянство; до Петра Ве-

ликого в армию входили даточные люди, крестьяне, поставляемые помещьем за малолетством или болезнью помещика и с монастырских имений. Теперь этот дополнительный элемент стал основным. Вплоть до Французской революции русская армия владела монополией на прекрасный элемент комплектования — крестьянство⁷.

Займствования с Запада. Большинство военных законов, изданных Петром Великим, почти с фотографической точностью отражают современное ему законодательство Запада. Мы иллюстрировали быт наемных армий на Западе выдержками из нашего переводного устава о хитростях ратного строения пеших людей и мы могли бы точно так же иллюстрировать творчество Лувуа регламентами Петра Великого. Всеми ясно понимается, что в уставе эпохи Алексея Михайловича отражается не русская, а иностранная действительность. Такой же характер имеет законодательство Петра Великого. Мы знаем, например, что развитие торгового капитализма на Западе позволило Лувуа ввести в феодальную армию буржуазный контроль в лице интендантов. В “регламентах Кригс-Комиссариату”, данных Петром (1711 г.), мы читаем:

Ст. 1. “Над определенными полками, которые будут у обер-кригс-комиссара, надлежит иметь осмотрение такое, чтоб командиры подавали ведомости к даче жалованья истинныя и умерших, беглых и отлучных в наличное число не писали. И по тем ведомостям полки должно осмотреть в парате, и по осмотру дать указ комиссару, присланному из губернии, дабы на положенные ему полки давали заплаты”.

Ст. 3. “Господин обер-кригс-комиссар должен прежде заплаты” поверить снаряжение, и если окажется, что одна из частей против других “во всех тех вещах худое состояние имеет, а в услугах и в фатигах были в равенстве, и о том должно разыскать и жалованье у несохраняющих офицеров удержать по валеру учиненного убытка”.

Ст. 24. “Обер-кригс-комиссары и протчие им подчиненные ни у кого должны быть под команду, кто б какой высокой шаржи не был, кроме Его Сиятельства Генерала Пленипотенциара — Кригс-Комиссара князя Долгорукого и генерал-майора и Обер-Штер-Кригс-Комиссара Чирикова, и имеют такой авторитет, что всех генералов, штаб и обер, и ундер-офицеров, и рядовых могут в казне Цар-

---

⁷ Спротивление помещиков захвату государством их рабочей силы, теория меркантилизма, опасавшаяся понижения экономического уровня при использовании государством для армии производительных элементов, и обстановка колониальных походов (во Франции) препятствовали на Западе в XVIII веке комплектованию армий крестьянством, по повинности.

ского Величества или на квартирах в порциях и рационах, кто за кого зайдет, считать и начтенные в жалованье зачитать”...

В “Уставе прежних лет” (1702—1711 гг.) в воинских статьях мы находим:

Глава 87. “Никоторый полковник от полку, тако же и иные начальные люди от батальонов и рот да не дерзуют противитись себе и людям своим смотр учинить и оные досмотрети позволят в кое время и час с ведома вышшаго командора в поле, в становищах и осадах, как то от воинского комиссара нас ради прошено и желанно будет, под извержением чина их”.

Глава 89. “Никто на смотре ложным именем записыватись да не дерзает или с нанятой лошадью и оружием на том явится, или оное иным в заем на смотр давать, под отнятием в заем данной сбруи и под телесным и чести наказанием по судному приговору”⁸.

Такими цитатами можно было бы заполнить целую книгу. Из них можно заключить лишь о приемах, которыми насаждал Лувуа во Франции комиссаров. Петр Великий принадлежал к следующему за Лувуа поколению, списывал его инструкции, но, конечно, Долгорукий не был Лувуа, русское купечество не было французской буржуазией; если Преображенские унтер-офицеры имели право заковывать губернаторов в цепи, если Меншиков отказывался даже сенату представить какой-либо отчет в произведенных по военному ведомству расходах, то занятен был бы комиссар, устроивший действительно петровским полкам придиричивый смотр и обложивший начальство начетами. Дьяки московских приказов, вероятно, были много авторитетнее петровских комиссаров и лучше защищали интересы государственного фиска...

Доверчивое отношение к оставленным Петром Великим законодательным памятникам приводит иногда русских историков к оценке его царствования как эпохи господства на Руси торгового капитализма, которое рождается и умирает вместе с Петром Великим. Эти заключения отчасти справедливы лишь по отношению к оригиналу нашего законодательства — Западу во второй половине XVII века.

Гораздо важнее петровских законов мы считаем петровскую реформу быта; если до Петра немецкая слобода тонула в русской жизни, если в XVII веке инерция нашего быта передельывала на свой лад все навыки и обычаи, приносимые с Запада, то, начиная с Петра, мы становимся гораздо восприимчивее к урокам, получаемым с Запада, так как противодействующие силы были разгромлены.

---

⁸ Цитировано по IX выпуску Сборн. Военно-Ист. Матер., изд. В. Ученого Комитета Главного Штаба (Петербург, 1894 г.), стр. 33-34, 85-96.

Стратегическая конница. Начало Северной войны (Нарва) ясно подчеркнуло тактическое превосходство шведов. Но уже на следующий год Шереметев с нашей поместной конницей одержал целый ряд успехов в небольших операциях, разоряя занятые шведами области и уничтожая небольшие их отряды. Обширность наших пространств открывала широкий простор для действий подвижных отрядов на неприятельских сообщениях, а также на его границах. От монголов мы заимствовали стратегическую конницу, способную сражаться в конном и спешенном строю. Такие конные отряды, в ту эпоху, когда еще не было железных дорог, могли легко перебрасываться с одной окраины русской империи на другую, угрожаемую. Петр Великий постарался распространить начало регулярной армии на нашу стратегическую конницу и создал драгун. Он придавал огромное значение действиям на сообщениях неприятеля, для чего формировал “корволант”, т.е. летучий отряд, в состав которого вводил, кроме конницы, несколько отборных пехотных полков.

Полтавская кампания. Еще до Нарвы Карл XII успел в течение нескольких месяцев покончить с Данией. После поражения русских при Нарве в 1700 г. Карл XII обратился против союзной России Польши, а русские получили возможность завоевать Ингерманландию и утвердиться на Неве. В 1705 г., чтобы подать помощь Польше, Петр выдвинул русскую армию к Гродне. В начале 1706 г. русская армия была обложена Карлом XII, который, однако, не решился штурмовать сильные укрепления города; отойдя к востоку, на сообщения русских, шведы наблюдали, чтобы броситься на русскую армию, когда голод заставит ее выйти из Гродны. Однако, русская армия, воспользовавшись ледоходом на Немане, который снес временный мост Карла XII, форсированным маршем, в распутицу, на Брест-Литовск и далее на Ковель — Киев, ускользнула от шведов. В 1706 г. Карлу XII движением к Дрездену, в наследственные владения (курфюршество Саксонское) польского короля Августа, удалось принудить его отказаться от польской короны и заключить мир.

К 1708 году Карл XII изготовился к нанесению удара против единственного противника, оставшегося из образованной против Швеции коалиции — России. С тридцатитысячной армией двинулся Карл XII из Гродны на Сморгонь, Минск, Могилев. Действия русских руководились мыслью Петра: искание генерального боя суть опасно, — в единый час все ниспровержено; того для лучше здоровое отступление, нежели безмерный газард”. Мы стремились уклоняться от боя и опустошать местность по пути движения шведов, задерживая их на крепких рубежах. А Карл XII, получив известие о бунте

Булавина на Дону, волнениях среди башкир и договорившись с Мазепой об отложении Украины от России⁹, считал возможным продолжить и против России применение той же стратегии сокрушения, которая удалась ему уже по отношению к Дании и Польше.

Июль 1708 года Карл XII простоял в Могилеве, ожидая подхода из Риги генерала Левенгаупта с 15 тыс. войск и транспортом снаряжения. Русская стратегическая конница нарушила всякую связь с Левенгауптом. Так как на помощь Польши в 1708 г. для похода на Москву еще нельзя было рассчитывать, то Карл XII, для действий против Петра, решил опереться на Мазепу и колеблющуюся Украину. После диверсии в направлении к Смоленску, в тщетной надежде дожидаться Левенгаупта или принудить русскую армию к бою, Карл XII 14 сентября повернул на юг и двинулся на Украину. Еще две недели, и он дождался бы Левенгаупта...

В этот момент Левенгаупт двигался уже через Черему на Шклов, к Днепру. Петр Великий двинул главные силы русских — свыше 40 тыс. — параллельно шведам на юг, а с 12 тыс. лучших войск (7 тыс. конницы, 5 тыс. пехоты, в том числе Преображенский и Семеновский полки, посаженные на лошадей) решил броситься на Левенгаупта. “Корволант” Петра Великого вышел на дорогу Шклов—Пропойск уже после прохода Левенгаупта. Из авангарда главной армии 2 драгунских полка были брошены к Пропойску, чтобы занять переправы на пути следования шведов, а 8 драгунских полков Боура были двинуты на присоединение к “корволанту”.

В бою 28 сентября (ст. стиль) у д. Лесной Левенгаупт был потеснен, вынужден бросить артиллерию и обоз; с трудом одна треть сил Левенгаупта кружными дорогами пробилась к Карлу XII. Уничтожен Левенгаупт был всего в 100 километрах от с. Костеничи, где находилась армия Карла XII. Но связи между ними не было — на всех дорогах господствовала русская конница. Стратегическому успеху Петра во многом помогла неудачная организация Карлом XII своих сообщений: подкрепления и запасы для шведской армии, направлявшейся в Украину, должны были бы следовать не кратчайшим путем из Риги, на многие сотни верст вдоль русской границы, а через Варшаву — Львов — Киев.

Русская армия тем временем успела восточными путями обогнать шведов; Батулин, столица Мазепы, вышедшего на встречу Карлу XII, был взят и сожжен Меншиковым перед самым подходом шведов. Стратегическая конница окружала шведскую армию.

---

⁹ Расчет Карла XII на “базу впереди”

Зиму 1708-09 гг. шведская армия провела на зимних квартирах, сдвинув их во второй половине зимы к Ворскле. В ожидании присоединения к войне с Россией турок и поляков и для производства политического воздействия на украинское население, весной 1709 г. Карл XII обложил Полтаву. Осада подвигалась туго, так как у шведов почти не было артиллерии и пороху.

Численность шведской армии упала до 17 тыс. Численность русских превосходила ее втрое (50 тыс.). Кроме того на сообщениях Карла XII работали казаки Скоропадского и калмыки. Для спасения города Полтавы, обороноспособность коего в июне начала падать, Петр Великий решил вступить в бой с Карлом XII. Противников разделяла река Ворскла. У с. Петровки, в 11 километрах выше Полтавы, русские заблаговременно устроили мост и прикрыли его предмостным укреплением. 20 июня русская армия переправилась здесь через Ворсклу и, продвинувшись еще на 3 километра дальше к шведам, к д. Семеновке, окопалась. 4 суток русская армия усиливала здесь свой укрепленный лагерь, но Карл XII, находившийся в 8 километрах, спокойно продолжал осаду. Тогда Петр Великий решил приблизиться еще на 3 километра. 25 июня русская армия стала укрепляться у сел. Яковцы. Так как шведы продолжали игнорировать русскую армию, несмотря на ее 5 километров удаление, а Петр Великий, по-видимому, твердо решил дать оборонительное сражение, то он начал готовить перенос укрепленного лагеря на следующие 2 километра ближе к шведам. На поляне между лесами начали возводить пересекавшую ее линию из 6 редутов, удаленных на ружейный выстрел друг от друга, и еще 4 редута спереди.

Шведская армия, после неудачного штурма Полтавы 22 июня, 27 июня утром изготовилась для атаки русских. Против 72 русских пушек шведы имели 4. Только бесконечная уверенность в тактическом превосходстве шведов могла толкнуть Карла XII на атаку тройных сил на укрепленной позиции.

Шведы в 5 час. утра начали кавалерийский бой на линии редутов. Наша конница задержала шведскую до подхода шведской пехоты, после чего отошла. Прорвавшись между редутами, шведская армия попала правым крылом под сильный картечный огонь из нашего укрепленного лагеря. Она отхлынула влево, где приведение ее в порядок и построение фронтом на восток, почти под прямым углом к первоначальному, задержало шведов; правофланговая шведская колонна вовсе не прошла через редуты и была одновременно атакована Меншиковым с фронта и гарнизоном Полтавы (до 6 тыс.) с тыла.

Благоприятное течение сражения позволило Петру рискнуть выйти из укреплений и на фронте главных сил шведов. Русская армия построилась в две линии, имея драгун на флангах. Шведы могли противопоставить всего 1 линию, притом уже выдохшуюся, предводимую раненым королем в коляске. Успех русской конницы на обоих флангах решил бой.

Карл XII, с остатками армии, бежал к Переволочне. Драгуны и гвардейская пехота, посаженная на коней, были двинуты для преследования только вечером в день боя. 12 дорогих часов были потеряны. В ночь на 30 июня Карл XII, с 2 тысячами шведов и казаков, успел переправиться через Днепр. Остатки его армии 30 июня сдались нашей коннице.

В этой операции нас поражает, с одной стороны, дерзость Карла XII, переходящая почти в неразумие, ослепление своим тактическим превосходством, приводящее к преследованию сокрушительной стратегии при совершенно неотвечающей обстановке, а с другой стороны — стратегическая умелость русских. Русское командование видит всю карту театра военных действий в целом, выдержанно преследует свой план измора шведов, режет их сообщения и образует вокруг шведов кольцо из конных частей. Но параллельно с этими блестящими стратегическими достижениями русская армия и ее вожди, напуганные победами шведов, помнящие Нарву, действуют тактически крайне неуверенно, несмотря на свое тройное превосходство. Укрепления — наша важнейшая надежда. Наступление русского укрепленного лагеря вниз по Ворскле напоминает еще маневрирование Шереметевского вагенбурга в 1660 году или московский гуляй-город. Если бы превосходство в легкой коннице имелось не на нашей стороне, а у шведов, русская армия, конечно, была бы блокирована и обречена на уничтожение, несмотря на большое фортификационное искусство. Блестящая победа увенчала действия русских под Полтавой, но, этой победе мы обязаны стратегии больше, чем тактике. Тактически Петровская армия под Полтавой еще не научилась маневрировать в поле; вагенбург поместного московского ополчения еще выглядывает на этом поле сражения сквозь оболочку нового линейного боевого порядка. С тем же отсутствием способности к тактическому маневру мы встретимся и позднее, на полях Семилетней войны, под Цорндорфом и Кунерсдорфом. Русская армия стоит на месте и только поворачивается, чтобы встретить лицом кружащуюся около нее армию Фридриха Великого. Но параллельно с этим, ко времени Семилетней войны, стойкость и надежность рус-

ской пехоты становятся уже первоклассными, а наша конница сохраняет свое старое умение работать в стратегическом масштабе.

Командный состав русской армии в XVIII веке. Вся тяжесть солдатской службы была перенесена Петром Великим на крестьян. Дворянство было обязано государственной службой - на командных постах, в военном или гражданских ведомствах. Такая же принудительная подготовка дворянских недорослей была установлена и в Пруссии. Петр Великий провел резкую черту между солдатом и офицером, которой не знала допетровская армия. Это было подлинное заимствование с Запада.

Как и на Западе, военную подготовку дворянские недоросли получали прямо на практике, на военной службе. Главная масса будущих офицеров воспитывалась в рядах гвардейских полков. Это были настоящие дворянские школы. Вот цифры, относящиеся к 1795 году и типичные для всего XVIII столетия: в Преображенском полку 3308 рядовых и 6317 унтер-офицеров; в Семеновском полку — 2305 рядовых и 1551 унтер-офицеров; в Измайловском — 2111 рядовых, 2162 унтер-офицеров; в лейб-гвардии Конном — 757 рядовых, 2527 унтер-офицеров. Итого, в четырех перечисленных полках было 8481 рядовых и 12557 унтер-офицеров. По штату же последних — должно было быть в 40 раз меньше (320). Если мы будем иметь в виду, что в унтер-офицеры гвардии производились только дворяне и часть дворян, только начинавшая службу, числилась и рядовыми, то мы будем иметь в гвардии отношение 2 дворян к 1 рядовому-крестьянину. Правда, около половины всех дворян, служивших в гвардии, были еще несовершеннолетними, а частью и малолетними: однако, это не колеблет общей картины гвардии как гигантской дворянско-юнкерской школы, опираясь на которую дворянство диктовало монархам свою волю. Так развились потешные — первая опора Петра Великого.

Такая подготовка дворянства могла давать хороших офицеров только при той предпосылке, что некоторое образование и воспитание кандидат в офицеры получал уже в своей семье. Запад мог довольствоваться полковой подготовкой офицеров, но бедная культурой Россия — нет. Сознание необходимости побороть свою культурную отсталость пробудилось еще до Петра. “Язык наш есть пребеден и ко всему ниспособен; историй и всяких давнин мы есьмо не сведомы; никаких политических похвальных разговоров чинить не можем; для ради тех причин народы нас в безцению держат”.

Таковы были предпосылки того явления, что в России были сделаны первые крупные шаги в создании военной школы. В насажде-

нии военного образования мы пошли впереди Запада. Тогда как на Западе кадетские части являлись почти простым строевым соединением, где дворянская молодежь получала только строевую подготовку, в России в 1766 г. Шляхетский корпус (впоследствии 1-й кадетский), основанный еще в 1732 г., был переделан как широкое общеобразовательное учреждение. Кадетский корпус должен был выпускать “не только исправных офицеров, но и знатных граждан”, чтобы его воспитанники “отечеству сугубую бы пользу приносили”. По идеям реформатора И. И. Бецкого корпус должен был конкурировать с Московским университетом: тогда как последний предназначался выпускать только учителей, кадетский корпус должен был подготавливать для жизни практических деятелей “каким образом теми науками пользоваться”. В корпусе изучались “необходимые к познанию прочих наук” — логика, начальные основания математики, красноречие, физика, история священная и светская, языки, и механика, и науки “для военных полезные” — генеральная и экспериментальная физика, астрономия, география, навтика (сведения о мореплавании), военное искусство, фортификация, артиллерия, химия, а также и “художества” — рисование, гравирование, ваение, танцы, фехтование, верховая езда. Обращает на себя внимание в программе Бецкого скромное место, отведенное военным наукам, и стремление создать широкий фундамент общего образования. Бецкий мотивировал это решение так: “преславные полководцы неустрашимое свое мужество украшали такими науками, какие нужны и законодателю, и победителю... Александр Великий, Цезарь и множество других в наши дни видимых примеров свидетельствуют, что к произведению войны со славой надлежит быть весьма искусным и в прочих знаниях... Римляне, хотя не имели ни школ, ни университетов для военного искусства, превосходили, однако, прочие народы в сем важном знании. Частое обхождение наполняет сей недостаток”. Практика позволит овладеть деталями службы, и нечего тратить на них дорогое время в школе. Параллельно с развитием общей подготовки командного состава, гр. П. Шувалов уже в 1753 году предлагал основать военную академию для развития военных наук—у нас очень мало лиц, которые бы трактовали военную науку, — а последняя нужна русской армии “как разумная душа телу”. “Нам недостает теории... Вместо профессоров искусных и довольно знающих важное дело, военнотружущих определить, которым лекции давать, диссертации делать, экзаменировать и пр.” Военная академия не осуществилась, но мысли Шувалова легли в основание устройства Артиллерийского и Инженерного шляхетского корпуса (впоследствии 2-го

кадетского), основанного в 1762—1763 гг. Уклон общеобразовательный Бецкого и уклон технический Шувалова, представленные программами 1-го и 2-го кадетских корпусов, и по сей час еще защищают свои позиции в программах наших военно-учебных заведений.

В общем, к концу XVIII века офицеры представляли наиболее образованную часть дворянского класса; значительная часть нашего командного состава по своей общей подготовке серьезно превосходила малограмотную массу не только прусских, но и других западноевропейских офицеров.

В XVIII веке русская армия продолжала пользоваться услугами иноземных офицеров; но от приглашения в наши ряды массы иноземцев мы постепенно перешли к приглашению отдельных лиц, известных своими талантами и высокой квалификацией (Баур, Ллойд, Готце и другие). В основной же своей массе наш офицерский корпус получил ярко выраженный национальный характер.

Потемкин¹⁰. Князь Потемкин-Таврический (1739—1791 гг.), воспитанник смоленской семинарии и московского университета, фаворит Екатерины II, руководил с 1774 г. военной коллегией. Возглавление Потемкиным военного ведомства совпало с концом Пугачевского восстания. В борьбе с крестьянским революционным движением русская армия и царствовавшая в ней немецкая палочная дисциплина далеко не всегда оказывались на высоте, офицеры оказывались слишком оторванными от солдатской массы. Потемкин решил учесть уроки Пугачевского восстания, бросить образцы Запада и использовать полностью то преимущество, которое давало русской армии ее национальное крестьянское укомплектование. Разгар

---

¹⁰ Мы опускаем гр. Румянцева-Задунайского, перед которым преклоняется большинство русских военных историков. Румянцев, опиравшийся на советы Баура был крупным тактиком. Но в военном искусстве он являлся слепым поклонником Фридриха Великого, вербовки и кантонной системы, строгой внешней дисциплины, института фрейвахтеров; оригинальность взглядов Румянцева была столь незначительна, что он рекомендовал обмундировать северную половину русской армии по прусскому образцу, а южную — по австрийскому (нечто из немецкого и венгерского). Если можно видеть в Румянцеве последователя Петра Великого, то лишь в стремлении слепо копировать западные образцы. Мы не можем придавать значение фразам, которыми Румянцев прикрывал это списывание и которые так нравились патристическим историкам. "Мы, по своей великой обширности, разнообразию и большей части дикому соседству и в самых обывателях разнообразию и разнонавию, меньше всего сходствуя с другими, должны наблюдать, чтобы по мере пользы и выгод наших распространяться и в приличном только оных подражать, а соразмерно способам и доходам своим ополчаться, и весьма уважать на источник, который мы поныне один к содержанию воинских сил имеем: я разумею народ, дающий для войска и людей и деньги, чтобы несоразмерным и бесповоротным взиманием оный не оскудить, и браться за средства такия, чтобы к поре грозящей и запас в деньгах иметь, и силы наши нечувствительно для самих умножать мы могли". Эта декламация также заимствована частью, быть может, даже у Ж. Ж. Руссо.

крепостного права в России толкал на установление разумной дисциплины в армии. Центр тяжести дисциплины, с муштры и палок, Потемкин перенес на воспитание солдата. От стойки солдата в строю Потемкин требовал простоты и свободы, а “не окостеневши, как прежде было в моде”; вместо муштровки в ружейных приемах Потемкин указывал обучать “скорому заряду и верному прикладу” и “вихрем” ходить в атаку; побои и жестокие наказания преследовались, офицеры должны были выступать как защитники и друзья солдат, следить за удовлетворением всех их материальных потребностей в пище, одежде и помещении, развивать их моральные силы, сближаться с ними во всем жизненном обиходе, воспитывать в части определенные традиции. Военный бюджет был относительно упорядочен. Общая демократическая линия реформы была внешне подчеркнута изменением формы одежды: букли и парики были уничтожены, вооружение и снаряжение облегчено, покрой мундиров рационализирован. “Я употребил всю свою возможность к избежанию излишества, облегча человека, дал, однако же, все, что может служить к сохранению здоровья и к защите от непогоды... солдат будет здоровее и, лишась щегольских оков, поворотливее и храбрее... Туалет солдата должен быть таков, что встал, то и готов”¹¹.

Потемкин ввел двухшереножный строй, увеличил в огромной степени количество егерской пехоты, приспособленной к действиям в рассыпном строю и к работе не только на поле сражения, но и на театре войны, и стремился приблизить всю массу линейной пехоты к идеалу легкой пехоты. Наша маневренная способность в течение XVIII века неуклонно росла в связи с повышением моральных достоинств пехоты. При столкновении с сильным сомкнутою европейским противником как Петр Великий под Полтавой, так и русская армия под Цорндорфом и Кунерсдорфом, еще жмутся в один укрепленный лагерь, напоминающий старый русский вагенбург. Но при столкновении с турками, слабыми строевой выучкой, уже Миних в 1739 г. под Ставучанами раздробил общее каре (квадрат) рус-

---

¹¹ Многие идеи Потемкина имеют чрезвычайно общие черты с идеями Ллойда. (Стратегия в трудах военных классиков, т. 1.). Таковы мысли о рационализации обучения и обмундирования, о выгоды действий на сообщения европейских армий, привязанных к магазинам, об огромной мощи легкой конницы, действующей на необъятных польско-русских равнинах. Реформы Потемкина, большей частью, предшествовали появлению труда Ллойда. Но Ллойд служил в русской армии при Потемкине и подавал многочисленные записки с указанием желательных реформ. Указывая на средство, мы оставляем, впредь до специального архивного исследования, открытым вопрос вдохновлял ли Ллойд Потемкина или сам был вдохновлен службой в русской армии. Близость работы Потемкина к материалистической мысли сенсуалистов, столь характерной для Ллойда, во всяком случае очевидна.

ской армии на 3 отдельных каре; пехота имела дополнительное вооружение в виде рогаток, которые быстро составлялись и образовывали вокруг каждого каре сплошное искусственное препятствие, из-за которого наша пехота отбивала стремительный натиск турецкой конницы; в кампании 1770 г. Румянцев уже строит каре по дивизиям, от 3 до 11 тысяч пехотинцев, и эти небольшие каре под Ларгой и Кагулом в достаточной степени засвидетельствовали свою стойкость; Потемкин сделал следующий шаг — совершенно изгнал рогатку из вооружения пехоты; возросшие моральные силы русского пехотинца позволили уже отбивать атаку конницы без опоры из искусственных сооружений; правильность линии, взятой Потемкиным, продемонстрировал Суворов, перешедший к маленьким, подвижным батальонным каре, поддерживающим друг друга огнем и весьма пригодным для стремительного наступления.

Особое внимание Потемкин уделял вопросу развития легкой конницы, приспособленной к стратегической работе на огромных наших пространствах. До Потемкина усилия наших копировщиков Запада были направлены на то, чтобы возможно большую часть кавалерии взгромоздить на тяжелых и дорогих немецких лошадях, более способных “для держания строя, алинированья и вообще делаемых эволюций”. Русские — украинские, донские, низовые — лошади, на которых все же фактически сидела большая часть наших кирассир, имели “всю способность” к этого рода службе “весьма умеренную”, но зато были как нельзя более пригодны “для принужденных (т.е. форсированных — А. С.) маршей, погони и шармицелей” (т.е. схваток — А. С.). Потемкин отменил кирассы, облегчил снаряжение кавалериста вдвое (вес седла — с 65 фунт. до 35, палаша — с 9 $\frac{1}{2}$ ф. до 4 $\frac{1}{2}$, шляпы — с 3 $\frac{3}{4}$ ф. до $\frac{3}{4}$ ф., карабина — с 8 $\frac{3}{4}$ до 6 $\frac{3}{4}$ ф., лядунки — с 3 $\frac{1}{2}$ ф. до 2 $\frac{1}{2}$), удешевив его на 13 рублей. Конница наша осталась лишь на $\frac{1}{4}$ линейной (и то без кирасс), а на $\frac{1}{2}$ становится легкоконной и драгунской; последнюю четверть представляли казаки.

Потемкин является настоящим творцом русской казачьей конницы: до Потемкина русская поселенная конница — гусары — формировалась по австрийскому образцу и в значительном числе даже непосредственно австрийскими славянами с австрийско-турецкой границы — “сербами”. Потемкин обратил на наши казачьи области самое существенное внимание и повысил вдвое как добротность, так и количество выставляемых ими формирований. Современники, привыкшие к подражанию другим европейским армиям, находили эту страсть Потемкина к развитию казачества “странной”, какой-то не-

объяснимой прихотью. Но эта страсть вполне укладывалась в гармонизацию Потемкиным подготовки русского государства к войне. В своем плане войны с Пруссией 1785 г., чрезвычайно близком к стратегическим идеям Ллойда, Потемкин требовал от главнокомандования особой предусмотрительности, “убегая, как можно, давать баталию, ибо с ним (Фридрихом Великим - А. С.) они весьма кровопролитны”, и умения пользоваться легкой конницей, — “паче же употребляя казаков, которыми, изноровя время, срывать конвой, а паче, если удастся отрезать пекарей хлебных, то сим новым ударом в один день армию разрушить можно”. “Главное, уметь пользоваться легкой конницей... такие можно делать извороты, что транспорты его будут безнадежны, или принудят его прикрывать их большими силами, а через то отнимется скорость его движения, что прежде всего было его силой”. Это уже не подражание магазинной системе Фридриха Великого, а глубокое понимание ее слабостей и подготовка русской армии к широкой деятельности на театре войны для использования слабой стороны противника.

Благодаря урокам, извлеченным Потемкиным из Пугачевского крестьянского восстания, русская армия к концу XVIII века являлась первой в Европе; несмотря на всю ту порчу, которую в нее внесли Павел I и впоследствии Аракчеевщина, русская армия, благодаря полученной прививке, явилась единственной, располагавшей моральной силой и способной дать какой-нибудь отпор сокрушительному натиску армий, вышедших из французской революции. Успехи наших казаков и действия на сообщениях Наполеона в 1812 году были планомерно подготовлены Потемкиным. Школа демократического воспитания армии, намеченная гениальным организатором Потемкиным, получила реальное осуществление и твердый облик в руках великого тактика, Суворова, каждым своим жестом стремившегося подчеркнуть демократическую линию и полное родство полководца со своими чудо-богатырями <...>

Литература

По истории военного искусства России характер капитальной научной работы имеют труды **Д. Ф. Масловского**, крупного военного ученого: *Записки по истории военного искусства в России. 3 тома. 1891—1894 гг.*, а также его исследования: *Строевая и полевая служба русских войск императора Петра Великого и императрицы Елизаветы* (1883 г.); *Русская армия в Семилетнюю войну* (1886 г.). *Материалы к истории военного искусства в России*, выпуски 1-й, 2-й, 3-й (1888-1890 гг.); *Рус-*

ско-Австрийский союз 1759 года (1887 г.); *Реляция генерал-поручика Фролова-Багреева 1759 г.* (1888 г.). Масловский опирался исключительно на личные исследования архивов; наша история обязана ему многими открытиями. В то же время необходимо иметь в виду, что острие мысли Д. Ф. Масловского всегда было направлено против немцев и основная германофобская тенденция пронизывает его работу. Масловскому принадлежит также много ценных статей в “Энциклопедии” Леера.

Серьезный источник для изучения военного искусства в России представляют “Сборники военно-исторических материалов”. (Изд. Уч. Ком. Гл. Штаба); начало издания было положено в 1892 г. Масловским; со смертью Масловского (1894 г.) над изданием продолжал работать **А.З. Мышлаевский**; оно включает много данных по Северной войне, а также по Суворовским операциям. А.З. Мышлаевский, преемник Масловского по кафедре, дал: “*Война в Финляндии 1712—14 гг.*” (1896 г.) и “*Северная война 1708 г.*” (1901 г.), а также несколько небольших, но очень интересных работ, например: “*Офицерский вопрос в России в XVII веке*”.

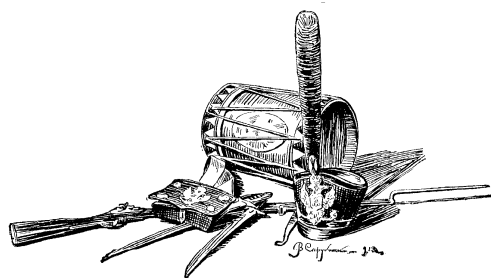
Труды сороковых годов Беляева “*о русском войске*”, “*о сторожевой, станичной и полевой службе*” представляют и теперь еще крупный интерес. Работы **Михайловского-Данилевского**, **Богдановича** и **Дубровина** решительно устарели, но содержат много ценных данных. Интересен труд **Брикса**. *Geschichte der alten Russischen Heereseinrichtungen von den fruhesten Zeiten bis den vom Peter dem Grossen gemachten Veranderungen*. 1867 года. **Брикнер**. Потемкин. 1891 г.

Отметим еще: *Столетие военного министерства*. IV. Главный Штаб, ч. 1, кн. 1-я, отд. 1. **А.К. Ильенко**. *Комплектование вооруженных сил в России до 1802 года* (1902 г.). *Военно-статистическое обозрение России*. Изд. военного министерства. 1871 г. (4 тома), где содержатся интересные историко-статистические данные; **П.О. Бобровский**. *Военное право в России при Петре Великом*. Коллективный труд, под редакцией **Н. А. Петрова**. Русская вооруженная сила (1 изд. 1891 г., II изд. 1897 г.) имеет характер спешной и случайной компиляции. Не лучше “*История армии и флота*” в 1910—1912 гг., под редакцией **А.С. Гришинского**, в которой участвовал и автор этих строк. **Н.П. Михневич** также написал в 1898 г. “*Основы русского военного искусства*”. Весьма добросовестный, но сырой характер имеют исследования **А. Байова**, относящиеся к эпохе Миниха. Мы не касаемся здесь отдельных монографий (например, **Петрушевский**. *Генералиссимус князь Суворов*) и истории войн, начиная с классического, хотя и несколько устаревшего сочинения: **Милютин**. *История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.* (1852-53 гг.).

Составление перечня даже более видных военно-исторических трудов далеко бы вышло за пределы наших указателей литературы. Много

труда, и большей частью не производительно, было истрчено на полковые истории. В трудах гражданских русских историков — **Соловьева, Ключевского, Милюкова, Покровского** — особенно много ценных данных для историка русского военного искусства. Отметим первую работу **Н. Павлова-Сильванского**: *Государевы служилые люди*. Петербург. 1898 г., впрочем довольно бледную, а также работы **Сторожева**.

А.Свечин. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т.1.- М.-Л.: Госиздат, отдел военной литературы, 1927. - С. 270-299.

Военное искусство

Теория военного искусства, т.е. искусства организации вооруженных сил, подготовки войны и ведения военных действий, охватывается группой соответствующих военных наук (*стратегия, оперативное искусство, тактика*). История военного искусства изучает эволюцию военного дела, динамику перехода от одной формы вооруженной силы, от одного метода ведения военных действий к другим; в то же время, военная история изучает войну в ее конкретных проявлениях минувших кампаний и операций.

История военного искусства как научная дисциплина зародилась на грани XVIII и XIX вв. “История военного искусства” Гойера, изданная в 1797-1800 гг., была трудом по истории военного дела в узком смысле. Дальнейшим развитием в середине XIX века она обязана революционеру, прусскому эмигранту Рюстову. Фридрих Энгельс в “Анти-Дюринге” (1878) и в других трудах применил к изучению военного искусства марксистский метод, исходя из положения, что не “свободное творчество разума” гениальных полководцев революционизирует вооружение, состав, организацию, тактику и стратегию армии и флота, а изобретение лучшего оружия и изменение живого человеческого материала, в зависимости от экономических условий. Германский ученый Макс Йенс, по поручению Баварской академии наук, привел в систему огромную массу справочных данных (главный труд 1889-91). С 1900 г. германский историк Ганс Дельбрюк, рассматривая труд Йенса как основной по истории техники военного дела, в своем капитальном труде изучает эволюцию военного искусства под углом “взаимодействия между тактикой, стратегией, государственным устройством и политикой”. В рецензии на труд Дельбрюка, появившейся в 1908 г., Франц Меринг, сам в своих работах по военно-историческим вопросам применявший марксистский метод, наряду с недостатками труда, отмечает, что серьезность критического анализа фактов всегда приводит Дельбрюка “к экономической подоплеке явлений, вследствие чего он гораздо ближе подходит к материалистическому методу изучения истории, чем это можно было бы заключить по его устрашающим проклятиям против этого метода”. В числе русских историков военного искусства следует отметить Д.Ф. Масловского, Г.А. Леера, Е.И. Мартынова, А. Зайончковского и В. Новицкого.

Эволюция войны и военного искусства находится в тесной зависимости от экономических, социальных и политических условий

эпохи, а также от достигнутого ею культурного и технического уровня. Эти условия и достижения в каждую эпоху неодинаковы в различных государствах, почему совершенно законным является своеобразие военного искусства у различных народов. Однако, если мы ограничим наше поле наблюдения важнейшими в отношении военного искусства народами, воспринявшими европейскую цивилизацию, то мы усмотрим для каждой эпохи общие характерные черты, которые особенно рельефно обрисовываются при изучении военного искусства армии одного какого-нибудь государства, находящегося в особенно типичных для данной эпохи условиях. Сравнивая отдельные эпохи, мы можем проследить эволюцию военного искусства как в европейском масштабе, так и в масштабе отдельных государств; в последнем случае верная оценка будет дана только в том случае, если исследователь национальной истории военного искусства не будет упускать из вида общую эволюцию общества, с которой она тесно связана.

Пока родовой быт еще не разложен экономическим развитием, мы встречаем общественную воинскую повинность в форме ополчения племени или добровольчество; дисциплина покоится на патриархальных основах, военачальники (командный состав) избираются, тактика характеризуется индивидуальным боем и ударом сомкнутых толп. Когда политическая власть находится в руках землевладельцев-феодалов, при господстве натурального хозяйства, мы встречаем типичные формы феодального военного искусства: воинская повинность утрачивает свою всеобщность и суживается до ополчения васалов, почти исключительно владельцев ленов; понятие дисциплины сохраняется только в отношениях между господином и слугой; командный состав получает возможность опираться только на свой политический авторитет, почему иерархия его в точности должна отвечать иерархии земельной собственности; командиров, в сущности, нет, имеются только первые между равными, в управлении царит в большей или меньшей степени анархия; высокая индивидуальная подготовка отдельных воинов (в Западной Европе — рыцарей) совпадает с полным отсутствием коллективного обучения. В зависимости от распространения денежного обращения, наличия городов, распространения грамотности среди агентов государственной власти (шериф, дьяк), большей или меньшей связанности феодалов с определенными территориальными группами населения, мы наблюдаем известные отклонения от этой феодальной системы — в Англии, Византии, Турции, Московском государстве. Несмотря на то, что при феодализме военные интересы имеют громадное значение,

феодалы армии сравнительно немногочисленны и не способны развить значительное усилие. Феодалы страны с трудом отражают натиск прогрессивного буржуазного государства и даже народов, стоящих на более низкой ступени экономического развития, но стремящихся к переселению и сохранивших еще общинную воинскую повинность — варваров, не вышедших еще из родового быта, или кочевников. При известных условиях кочевые народы в прошлом создавали крупную завоевательную силу — например арабы, объединенные исламом, усилившим государство огромным религиозным авторитетом, или монголы, объединенные крупными самодержцами — Чингис-ханом и Тимуром.

Использование в виде вооруженной силы, по договору, варварских и переселяющихся народов мы наблюдаем в период разложения древнего мира в Европе, вместе с исчезновением денег и возвращением к натуральному хозяйству. По мере развития денежного обращения, а также связанной с ним политической централизации, при перевесе, получаемом промышленно-культурным городом над рыцарским замком, создаются предпосылки новой эпохи. Мещанские элементы, совершенно оттертые в период феодализма от военного дела, с успехом берут оружие в свои руки и решают судьбы полей сражения. В противовес конному характеру феодальных армий мы наблюдаем, с началом централизации государственной власти и укрепления монархии, зарождение пехоты, превратившейся в основу вооруженной силы, ведущей бой первоначально холодным оружием, в густых сомкнутых массах. «Введение огнестрельного оружия повлияло преобразующе не только на самое ведение войны, но и на политические отношения господствовавших и угнетенных классов. Чтобы добыть огнестрельное оружие, нужны были промышленность и деньги, а тем и другим владели горожане. Огнестрельное оружие было, поэтому, с самого начала оружием городов и монархии, опиравшейся на города в своей борьбе против феодального дворянства. Недоступные доселе каменные стены рыцарских замков не устояли перед пушками горожан; пули бюргерских ружей пробивали рыцарские панцири. Вместе с закованной в броню дворянской кавалерией рухнуло и господство дворянства, и с развитием буржуазии пехота и артиллерия все более и более становились главными факторами военных успехов; под давлением потребностей артиллерии военное ремесло вынуждено присоединить к себе новую чисто промышленную отрасль — инженерное дело. Усовершенствование огнестрельного оружия шло очень медленно. Пушки долгое время были неповоротливы, а ружья, несмотря на многие частичные

изобретения, — грубыми. Прошло более 300 лет пока явилось ружье, годное для вооружения всей пехоты. Только в начале XVIII века кремневое ружье окончательно вытеснило пику из вооружения пехоты” (Энгельс).

Социальная природа этих пехотных масс может быть весьма различной. В новой истории Западной Европы, в эпоху зарождения капитализма, первыми представителями военного искусства являются кондотьеры, т. е. частные антрепренеры, вожди банд профессиональных воинов, которые вели войну с подряда. Кондотьеров интересовала сама война, которая позволяла им кормиться, а потому они старались ее по возможности затягивать, избегая решительных боевых столкновений. Особенно типичными наемниками XVI века являлись немецкие ландскнехты. Tактическая сплоченность, при отсутствии какого-либо коллективного обучения, могла достигаться только подбором подходящих людей, деклассированных, не имеющих никаких национальных, социальных или религиозных интересов, готовых найти свою семью и родину в любой банде собравшихся на добычу молодцов. Ландскнехты могли образовывать только немногочисленные армии, дорого стоившие нанимавшему их государю и еще дороже обходившиеся населению театра военных действий. Полная оторванность от целей, из-за которых ведется война, грубость, жестокость, распущенность и жадность, недисциплинированность, сильный корпоративный дух, частые бунты характерны для ландскнехтов. Авторитетом среди ландскнехтов могли пользоваться только исключительные люди, вышедшие по преимуществу из их же среды и являвшиеся в то же время антрепренерами-организаторами данной части. В тактике военное искусство ландскнехтов характеризуется решительными атаками в густых колоннах; в стратегии — невозможностью достигать с этими малыми и самовольными армиями крупных целей. Ландскнехты вербовались только на время войны; существование их представляло серьезную социальную опасность, особенно в случае демобилизации или отсутствия в государственной казне денег для уплаты им жалованья. Такая вооруженная сила далеко не отвечала потребностям складывавшегося в XVII веке абсолютизма. Экономическая сила государства значительно выросла. Государственные налоги — впервые установленные во Франции в XV веке для содержания т.н. “ордонансовых рот” (постоянных частей конницы, которые должны были ликвидировать бушевавшие банды наемников, демобилизованных после Столетней войны с Англией) — в XVII веке поступали уже правильно и охватывали значительную часть народного дохода (кроме при-

вилегированных сословий); это позволило перейти к системе постоянных армий. В 1668 г., заключив Ахенский мир, Франция не распустила собранную на войну армию, а сохранила ее почти в полном составе; это знаменует последний этап перехода к постоянным армиям, который тянулся в течение целого столетия.

Постоянные армии XVIII века получили резко отличный от наемных XVI века характер; они пополнялись в Западной Европе вербовкой, зачастую насильственной, как собственных подданных, так и иностранцев, а в России — рекрутскими наборами, преимущественно крестьян, что давало русской армии огромное превосходство над западноевропейскими. Установление рекрутских наборов в Западной Европе могло иметь место только частично вследствие сопротивления помещиков, которые теряли рабочие руки вследствие угрозы эмиграции населения, особенно опасной для изрезанных границами мелких немецких государств и редко населенной Пруссии. В России рекрутские наборы были установлены Петром I после того, как на вербованная им армия разбежалась под Нарвой в 1700 г. В эпоху постоянных армий командный состав является представителем господствующего дворянского класса; палочная дисциплина и муштровка на утомительных строевых учениях связаны с презрением к моральным качествам призываемых; солдаты, вместо самоснабжения, получают все довольствие от государства; вводится форменная одежда за счет казны; строятся казармы; отпускается паек; оружие заготавливается государством; во всем устанавливается погоня за однообразием. Солдат стал совершенно бесправным, армия получила чисто правительственный характер. В тактическом искусстве господствовал тонкий линейный боевой порядок; бой велся частым ружейным огнем, с удаления в 100-200 шагов от противника; все боевые движения бездушные армии XVIII века выполняли механически. Боевой порядок пехоты отличался большой хрупкостью; вербованные солдаты дрались из-под палки и представляли силу только до того момента, пока порядок не был нарушен. Отсюда складывались чрезвычайно выгодные условия для конницы, строившейся на флангах армии и выжидавшей для атаки момента, когда механика пехотных построений придет в беспорядок; если к этому моменту удавалось отогнать неприятельскую кавалерию, то можно было беспрепятственно атаковать с фланга и рубить беззащитные линии пехотинцев; этот период упадка моральных достоинств пехоты, как и всегда в истории, являлся золотым веком конницы. Русская пехота была однородна в национальном отношении, обладала спайкой, свойственной условиям жизни и труда русского крепостного

крестьянства того времени, и в руках заботившихся о ней вождей, как Суворов, оказывалась несравненно более стойкой, чем прусская, составленная на $\frac{2}{3}$ из иностранцев-дезертиров. Армии XVIII века, небольшие по размерам, хрупкие, склонные к массовому дезертирству, были не способны преследовать крупные цели войны; в целях борьбы с дезертирством приходилось располагать войска только биваком в поле и довольствоваться исключительно подвозом с тыла; зимние кампании были почти исключены; колесный обоз позволял правильно снабжать армии лишь при условии, что они не удалятся далее 5 переходов от довольствующего их магазина в пограничной крепости. Отсюда возникла так называемая пятипереходная система; военные действия преимущественно сводились к борьбе за пограничные провинции. Войны XVIII века, малого размаха, получили название “кабинетных”, подчеркивающее отчуждение широких народных масс от участия в войне и от ее целей. Это был период, когда капиталистический способ производства, нуждаясь в расширении, создавал новейший абсолютизм; кабинеты осуществляли расширительные стремления капитала (Фр. Меринг).

Новейшая история военного искусства, связанная с развитием капитализма, может быть разделена на три периода: Великая Французская революция и Наполеон; Мольтке; период империализма. Первые два периода (1789-1871) охватывают эпоху национальных войн в Европе освободительного и прогрессивного характера. Завоевание буржуазией государственной власти и устранение ряда феодальных пережитков позволили революционной Франции выявить невиданную в новой истории государственную мощь. Буржуазное государство сделало огромный скачок вперед в деле использования крестьянства для военных нужд и оказалось в силах распоряжаться всеми живыми силами и всеми материальными средствами, находившимися на его территории. “Новая военная тактика — необходимый продукт Французской революции. Ее предпосылка — социальная и политическая эмансипация буржуазии и мелкого крестьянства. Буржуазия дает деньги, мелкое крестьянство поставяет солдат” (Энгельс). Создалась предпосылка для общей воинской повинности; впрочем, буржуазия вскоре ограничила ее правом заместительства — богатые могли откупаться, выставляя за себя бедных. Но человеческий элемент, комплектовавший революционные армии, охваченные буржуазно-революционным патриотизмом, все же несравненно превосходил и по качеству и по количеству человеческий элемент, из которого вербовались армии старого порядка. Народные массы внесли во французскую армию господствовавшее в стране

настроение, армия перестала быть оторванной от народа, создалось представление об отечестве, значительная часть призванных сознательно относилась к своему долгу. Командный состав получил всеобщий характер и в значительной степени пополнялся отличившимися солдатами. На место механического характера исполнения приказов в армиях XVIII века открылся простор инициативе частных начальников и солдат. Эта инициатива нашла свое выражение в отказе от общего, механически связанного построения армии, от общей координации всех движений по указанию старшего начальника и в образовании боевых участков, что связало в тактическом отношении руки частным начальникам; создалось деление армии на дивизии и корпуса, пользующиеся известной самостоятельностью не только в бою, но и на походе, в течение которого они часто следовали самостоятельными дорогами, чтобы иметь возможность шире использовать местные средства и получить ночлег под крышей. Новое сознание солдатской массы, связанное с политическим освобождением буржуазии, сказалось в широко развившемся бое в рассыпном строю, в котором стрелки могли применяться к местности, нести меньшие потери и лучше использовать свои ружья. В то время как армии старого порядка искали для боя преимущественно чистое поле, так как легко приходили в беспорядок на закрытых участках, где солдат ускользал от наблюдения офицера, — революционные войска стали охотно занимать для боя селения и рощи; только сознательные, одушевленные солдаты могут использовать предоставляемые местными предметами укрытия и в то же время оставаться в распоряжении начальников для дальнейшего боя. Другим необходимым условием изменения тактики в эту эпоху явилось усовершенствование военной техники — ружья и артиллерии (легкие лафеты Грибоваля).

Громадный качественный и количественный перевес армий, созданных Французской революцией, был гениально использован военным искусством *Наполеона*; гений последнего заключался лишь в том, что он легко отказался от всех пережитков и традиций устаревшего военного искусства XVIII века и построил свою тактику и стратегию на самом широком использовании новых, созданных революцией, ценностей в виде нового человеческого материала и техники. Благодаря этим условиям, Наполеон мог отказаться от медлительной, истощающей обе стороны, стратегии измора XVIII века и пришел к стратегии сокрушения. Свои силы, собранные по возможности кучно, Наполеон направлял по одной из важнейших дорог к столице неприятеля; при этом он был уверен, что встретит живую

силу неприятеля, на уничтожение которой он и метил прежде всего. Все чисто географические интересы уступали место в его внимании вопросу сосредоточения подавляющих сил для предстоявшего столкновения. Он стремился поставить его в возможно решающие условия, так как был уверен в безусловном перевесе своих войск, и с этой целью охотно стремился к обходу неприятеля, выходу на его сообщения и сражению перевернутым фронтом, в котором для разбитой стороны нет отступления. Уничтожив армию неприятеля, Наполеон становился сразу хозяином страны противника и мог предписывать мир на любых условиях поставленному на колени противнику. Такая система ведения войны стала возможной только благодаря обильному и надежному человеческому материалу, которым располагал Наполеон. Широкое использование местных средств позволяло Наполеону в течение одной кампании проходить на многие сотни километров вперед, с берегов Рейна к Висле или к пределам Венгрии. Убыль в боях и на походе и необходимость обеспечивать свои фланги и тыл сокращали при этом полевую армию Наполеона в 3-4 раза; если он, начав кампанию 1805 г. с 250 тысячами, имел против Александра I под Аустерлицем только 70 тысяч, то ясно, что для его предшественников в XVIII веке такая стратегия являлась бы немыслимой; действительно Фридрих II Прусский при одном вторжении из Силезии в Богемию терял уже до 30% одними дезертирами. В тактическом отношении военное искусство Наполеона характеризуется сочетанием огня из рассыпного строя с ударом пехотных колонн; по мере ухудшения человеческого материала, который Наполеон расточал, центр тяжести боя все более переносился на атаку колонн, густота которых постепенно нарастала; атака колонн на решительном пункте подготавливалась огнем массивированной артиллерии; главные массы кавалерии тщательно сберегались в резерве, и ими наносился решающий удар в последний момент сражения. Электрического телеграфа в эпоху Наполеона не существовало; за исключением Даву, его маршалы, прекрасные тактики, самостоятельно плохо разбирались в обстановке на театре войны; генерального штаба, выходящего за пределы адъютантской и ординарческой службы, у Наполеона не было. Отсюда — стремление централизовать все оперативное управление в своих руках и стремление его не отпускать свои корпуса от себя на удаление, большее 2-3 часового пробега конного ординарца. Распоряжения Наполеона выливались в форму точных приказов.

Мольтке, точно так же, как и Наполеон, располагал огромным перевесом хорошо обученной и организованной армии Пруссии над

ее противниками Данией, Австрией, Францией. Последняя являлась наиболее серьезным противником немцев, но и тут с самого начала войны 1870 г. Мольтке умел создать двойной численный перевес над слабым и неорганизованным противником. Этот перевес объясняется тем, что реакция, установившаяся в Европе после Венского конгресса, повсюду, за исключением Пруссии, уничтожила всеобщую воинскую повинность; революционные вспышки беспокойного французского пролетариата заставили в особенности Францию сузить ее и перейти к длинным срокам действительной службы, что уменьшило число обученных солдат. В эпоху Мольтке в рядах прусского комсостава находились не только помещики, но и буржуазия и интеллигенция, что имело огромное значение в войнах, преследовавших буржуазный идеал объединения Германии; во Франции и в других армиях они откупались от военной службы или же были вообще освобождены от призыва. Громадное превосходство сил, которыми располагал Мольтке, позволяло ему следовать наполеоновской стратегии сокрушения; тем не менее, военное искусство Мольтке получило отличный от наполеоновского характер, так как оно опиралось уже на новую технику — паровые железные дороги и электрический телеграф. Железные дороги в эпоху Мольтке имели серьезное значение только в начальный период войны, в период развертывания, когда они допускали возможность в течение 2-3 недель перебросить на угрожаемую границу все вооруженные силы государства. Эта быстрота, с которой разгоралась война, выдвинула на первый план почти не существовавшую до того отрасль подготовки к войне — мобилизацию; в мирное время заблаговременно приходилось обдумывать все детали снабжения войсковых частей, формирования штабов и тыловых учреждений, чтобы на 6-й день после объявления войны можно было бы начать отправлять поезда по максимальному графику всех ведущих к угрожаемой границе линий. Первоначальное оперативное развертывание базировалось уже исключительно на железных дорогах. Благодаря электрическому телеграфу, Мольтке мог передавать свои распоряжения на сотни километров и в меньшее время, чем требовалось ординарцу Наполеона, чтобы проскакать 20 километров. Кроме того, Наполеон в своем величии был одинок, а Мольтке являлся главой школы и располагал в офицерах генерального штаба многими учениками, которые могли заглазно дать верное истолкование его распоряжениям. Отсюда у Мольтке не могло быть наполеоновских стимулов к сосредоточению войск в виде одной массы, он мог оперировать на одном театре военных действий несколькими частными армиями, наступающими по

различным направлениям, что наилучшим образом подготовляло охват и окружение на поле сражения его противников, действовавших еще вкупе по-наполеоновски. Для искусства Мольтке требование — “врозь идти, вместе драться” — столь же характерно, как его выражение “гносная крайность сосредоточения”. Сильно возросшая глубина походных колонн делала во второй половине XIX века бес- сильными армии, наступавшие на узком фронте; возросла сильно артиллерия, прибавился санитарный обоз, возросли и прочие обозы вследствие заботы о больших удобствах войск. Движение небольших относительно колонн по отдельной дороге сделалось более безопасным, чем в эпоху Наполеона, не только потому, что, пользуясь телеграфом, старший начальник всегда мог изменить их направление в соответствии с изменившейся обстановкой, но и вследствие возросшей дальности оружия, что вызывало потерю времени на развертывание и наступление и обусловило большую длительность боевых столкновений.

Тактическое искусство эпохи Мольтке характеризуется огневой тактикой пехоты. Тогда как армии, составленные из менее сознательных и индивидуально подготовленных бойцов, по-прежнему видели главное назначение пехоты в производстве массовых штыковых ударов, прусская пехота, благодаря своему более грамотному составу, могла первая получить на вооружение заряжаемое с казны ружье, требовавшее более умелого обращения. Наличие этого “игольчатого” ружья дала пруссакам в 1866 г. решительное превосходство над австрийцами; желание использовать превосходство своего ружья заставило пруссаков тщательно обучать свою пехоту стрельбе, давать ей в бою время получить огневой перевес над противником и бросать ее в атаку только после тщательной подготовки ее успеха. Последнее являлось тем более необходимым, что в рядах прусской пехоты находились и сыновья господствующих классов, и всякая лишняя жертва вызвала бы острую критику командования. Прусская конница при Мольтке перестает играть роль резервной кавалерии; тактическая ее роль начинает решительно суживаться; она начинает работать самостоятельно, отрываясь от пехоты вперед; кавалерийские дивизии, выброшенные на 2-3 перехода перед фронтом, обращаются в основной орган разведки и представляют как бы замену тех армейских авангардов, которые предшествовали наполеоновским массам. Прусская артиллерия, благодаря тем успехам, которые в 60-х годах сделал Крупп в отливке стальных орудий, имела решительный качественный перевес и, быстро сосредоточиваясь в

стопушечные массы, существенно поддерживала своим огнем борьбу пехоты за огневой перевес.

Для эпохи Мольтке характерной является встречная форма боя. Мольтке, имея в руководящих штабах верных истолкователей своих намерений и имея решительный перевес в силах над противником, мог отказаться от приказного управления и ограничиваться директивами, ставившими подчиненным относительно более крупные, отдаленные цели, предоставляя им выбор средств исполнения. Сближение с неприятелем происходило на широких фронтах, и Мольтке отказался от централизации управления самим сражением. Основная мысль его видна была уже из самой формы подхода к сражению, в которой заключалась идея охвата или окружения. Как только одна из колонн натыкалась на неприятеля и раздавались первые пушечные выстрелы, инициатива вырывалась частными начальниками. Мольтке отказался от того, чтобы, по образцу Наполеона, предварительно вступления в бой, собирать все войска из походных колонн в общий резервный порядок армии, что представляло бы, при возросших массах, крупные затруднения. Все корпуса спешили, услышав пушечный гром, на свой лад помочь вступившим в бой товарищам: колонны сворачивали с назначенных им маршрутов, спешили развернуться, батареи, обгоняя пехоту, рысью стремились на позиции, мгновенно вырастали стопушечные массы. Теория встречного боя была создана лишь впоследствии — Шлихтингом: в эпоху Мольтке мы встречаем встречный бой еще в “диком”, неосознанном состоянии. Методы встречного боя обеспечивают захват инициативы, но сражение теряет всякую планомерность; при надежном составе армии, превосходстве в технике и в подготовке старших начальников методы встречного боя обеспечивают значительные преимущества, но им свойственны и большие опасности: неожиданное движение атакующего с похода на укрепленную позицию, подчас хаотическое развертывание в косом положении к противнику, форсирование фронтальной атаки, не выжидающей результатов действий обходных колонн, сворачивание назначенных для охвата сил на фронт неприятеля. Все эти крупные ошибки имели место и в сражениях, руководимых Мольтке; последний, однако, предпочитал выгоды, даваемые бурным проявлением частной инициативы и выигрышем времени, возможности избежать отдельной неувязки посредством централизации управления. Последняя сохранилась, по прусским уставам конца XIX века, только для атаки укрепленных позиций, в которых противник заблаговременно засел, где торопливость явно была не у места.

Военное искусство империализма, с его крайним обострением противоречий между империалистическими государствами, заставляющим их идти на все жертвы и на крупный политический риск внутри страны, чтобы сохранить или завоевать “свое место под солнцем” — характеризуется использованием для ведения военных действий гигантски возросших производственных сил и масс населения. Воинская повинность в Германии в 1888 г. была раздвинута с 12 на 29 возрастов; в то же время количество ежегодно призываемых было увеличено в 1,5 раза вследствие перехода от трех- к двухлетней службе. Политическая подготовка населения, производимая раньше лишь в школах, значительно расширилась. В период подготовки к войне 1914 г., связанный с именами *Шлиффена*, *Жоффа* и др., преобладали вопросы оперативные, вопросы стратегического развертывания, управления громадными армиями, созданными империалистическими государствами, без учета вероятности длительной войны и необходимости экономической к ней подготовки. Только сама война показала, что мобилизация перестала быть, как в эпоху Мольтке, единовременным актом создания действующей армии, а приняла повторяющийся характер и распространилась на всю промышленность и всю экономику государства. В течение войны государство формирует новые войсковые части в неслыханном прежде объеме и производит то вооружение, боевые припасы, технику, одежду, на готовые запасы коих война велась раньше. В первые 30 дней военных действий империалистической войны крупные армии понесли потери, значительно превосходящие полмиллиона людей, и израсходовали все свои снаряды, но благодаря небывалой деятельности тыла эти потери были быстро восполнены. Вследствие повсеместного распространения всеобщей воинской повинности, вследствие полного напряжения всех экономических сил наций путем раскола и одурачивания масс и установления режима осадного положения, при игре союзов и нарастании коалиций ни одна из сторон долго не могла получить того количественного и качественного перевеса сил, которыми располагали Наполеон и Мольтке, и поэтому империалистическая война совершенно не знала ошеломляющих успехов наполеоновской стратегии.

В оперативном отношении военное искусство 1914-1918 гг. характеризуется длительными операциями на позиционном фронте, который растянулся в пространстве на многие сотни километров; железные дороги принимают участие не только в первоначальном развертывании, но и обслуживают самые операции; железнодорожный маневр, орудие мощных наступлений, в то же время представ-

лял могучее средство в руках обороны. Электрический телеграф дополнился радиосвязью; техническая связь в 1870 г. имела только со штабами армий, теперь телефон достигает взводов и даже отделений. Благодаря введению автоматического оружия и развитию окопов и оборонительных сооружений, пехота растянулась на широкие фронты; чувство локтя между частями боевого порядка утратилось и заменено телефонной связью. Глубокие изменения в тактическое и оперативное искусство эпохи империализма вносят авиация, химия и применение двигателей внутреннего сгорания для маневра (автомобили) и для боевых целей (танки).

Чрезвычайно тесно связываются ныне действия фронта с деятельностью тыла. В 1870 г. вторгнувшиеся во Францию 700 тысяч пруссаков нуждались только в трех поездах снабжения ежедневно; в январе 1916 г. Германия должна была высылать на Западный фронт 170 поездов со снабжением в сутки. Военное искусство империализма широчайшим образом использует достижения столь могущественной в наши дни техники.

Из изложенного ясно, что военное искусство периода первой мировой империалистической войны, пожалуй, не менее отличается от эпохи Мольтке, чем военное искусство последней от наполеоновского. Теория военного искусства эпохи империализма, однако, еще не оформлена, отдельные ее проблемы, поставленные войной 1914-1918 гг., во всем мире решаются еще наощупь; так как не ясен еще вполне характер будущих войн, преподавание военного искусства во всех странах представляет первичную систематизацию опыта последней войны, своеобразное сочетание устаревшей теории с омоложением ее путем изучения отдельных конкретных вопросов военного искусства.

Национально-революционные войны в странах Востока и в колониях, гражданская война 1918-1921 гг. изучены все еще недостаточно, точно так же, как и вопросы о характере предстоящих нам войн.

Большая советская энциклопедия. - Т.12. - М.,1928. - С. 218-229.

Военное искусство в эпоху империализма

Когда мое поколение, в самом начале XX века, еще сидело на академической скамейке, авторитет наполеоновского военного искусства являлся у нас еще незыблемым во всех областях; наполеоновская догма, облеченная в форму вечных принципов, преподавалась нам со всех кафедр. Полное изменение всех материальных факторов войны — проведение железных дорог и телеграфа, новое вооружение, новые экономические силы и новые социальные отношения, установление общей воинской повинности — нисколько не смущали наших профессоров. Наша военная теория отставала на столетия от жизни.

Потребовались тяжелые удары русско-японской войны и первой революции, чтобы сдвинуть нас с этой мертвой точки. Мы прыгнули на 50 лет вперед и воскресили военную мудрость эпохи национальных войск середины XIX века, эпохи Мольтке, модным стал у нас немец Шлихтинг, великий ум, отметивший в военном искусстве эволюцию, которая отделяет Мольтке от Наполеона, и создавший теорию военного искусства Мольтке. На этой грани, грани франко-прусской войны, грани 1870 года, грани зарождения эпохи империализма, наше военное мышление оставалось до мировой войны и Октябрьской революции включительно. Теоретически мы ориентировали усилия русских армий в течение мировой войны так, как будто эпоха империализма еще не наступила <...>

Нет, вопреки Шлихтингу, эра развития новых материальных предпосылок к 1870 году осталась не только не законченной, но двинулась вперед за последние 60 лет колоссальными шагами. Мы продолжаем жить, как и Мольтке, в век пара и электричества, но объем их применения совершенно изменился и количество перешло в качество. Железнодорожная сеть Европы в 1927 году открывает совершенно другие возможности, по сравнению с 1870 г.: тогда войска пользовались железной дорогой только для отправления на войну, вылезали из вагонов и грузились в них вновь только при демобилизации; а теперь войска уже маневрируют по железной дороге; железные дороги являются не только фактором первоначального оперативного развертывания, но и глубоко вторгаются в каждую операцию. Вместо трех поездов в сутки со снабжением, которые железные дороги подавали немцам в 1870 году, они подавали в 1918 г. до 300-400 и больше поездов в сутки, что совершенно изменило характер ведения военных действий. Железнодорожный проселок вырос за 60

лет в железнодорожную магистраль, — разница примерно такая же, какая существует между глухой деревней и большим городом. Техническая связь в эпоху Мольтке доходила, и то только в позиционное затишье, до штабов армии. А теперь командир полка обладает более широким аппаратом связи, чем тот, которым в эпоху Мольтке обладал командующий армией. Пехота не стала стрелять дальше, но автоматическое оружие и прежде всего пулеметы позволили растянуть фронты от моря и до моря, что совершенно изменило характер операций. Батальон, одевшийся в защитный цвет, начавшийся применяться к местности и избирать соответствующие строи, не стал виден глазу артиллерийского наводчика на большую дистанцию, чем то было в 1870 году, но непосредственная наводка в цель вообще ушла в прошлое, и артиллерия обратилась в такую фабрику дальнего огня, которая была совершенно немыслима в эпоху Мольтке <...>

Эпоха империализма радикально изменила все предпосылки ведения войны. Противоречия между отдельными государствами возросли до такой степени, что каждое из них должно было напрягать все свои материальные возможности, чтобы отстоять в ожесточенной конкуренции свое место под солнцем. В середине XIX века при строительстве армии еще перевешивали соображения внутреннего порядка. Вильгельм I помнил неприятные минуты 1848 г., когда ему пришлось, переодевшись в платье камер-лакея, бежать из берлинского дворца. Поэтому, во время войны 1870 г., Вильгельм I решительно высказался против новых призывов, новой мобилизации, разжижения ландвером армии, как того требовал Мольтке, которому приходилось иметь дело с новым миллионом вооруженных французов, выставленных Гамбеттой. На пополнение потерь было выслано только 120 тыс. человек, и то с половинным числом офицеров и унтер-офицеров. Поставить ведение войны в более широкие рамки можно было только ценой отказа от юнкерского характера прусской армии. А для Вильгельма I представлялось лучшим не допобедить французов, чем рисковать обращением войск в менее послушное орудие.

В эпоху империализма быть побежденным значит быть съеденным противником. В эпоху империализма приходится идти на величайший риск, вооружая народные массы. Кажущаяся стабилизация капитализма, уход в прошлое великих народных движений конца XVIII и середины XIX столетия, возросшее могущество государственной власти облегчали господствующим классам принятие этого столь рискованного решения. Начавшийся сговор между Россией и Францией поставил перед Германией в очень конкретной форме этот

вопрос империалистической политики. В 1888 году Германия двинулась по новому пути, расширив объем воинской повинности с 12 до 29 возрастов призыва и фактически уменьшив продолжительность военной службы с 3 лет на 2 года.

В мировой войне уже намечалось участие не только 20-летних, но всего мужского населения, до 49-летних включительно. Школа перестала быть органом, исчерпывающим всю подготовку к войне в политическом отношении. Если при военном законе 1860 года мужественный отказ Бебеля и Либкнехта вотировать в 1870 г. кредиты на войну не имел никакого непосредственного практического значения, то в 1914 г. нужно было подготовить во что бы то ни стало 4 августа — голосование социал-демократической фракцией кредитов на войну, измену ее заветам Карла Маркса. И мы видим быструю отмену после военной реформы 1888 г. исключительных законов против социалистов, попытки социального законодательства со стороны государства, систематическое ухаживание прусского министерства внутренних дел, особенно при Клементе Дельбрюке, за социал-демократическими лидерами, долженствовавшее втянуть последних на путь реформизма; даже прусский генеральный штаб прикладывает руку к этим ухаживаниям, составляющим одну из существеннейших основ плана Шлиффена — выставления против Франции таких масс, которые позволили бы протянуть правый, охватывающий фланг до Атлантического океана.

Конкуренция эпохи империализма тиранически диктовала свои условия всем государствам. Даже царская Россия, несмотря на свою внутреннюю слабость, должна была обосновать свое ведение мировой войны на призыве десятка миллионов крестьян и рабочих и производстве сотен тысяч прапорщиков, далеко не воплощавших интересы господствующих классов. Царскую Россию постигла катастрофа; но тирания империализма такова, что, несмотря на шатание капитализма в мировом масштабе, буржуазные государства и в будущем окажутся вынуждены мобилизовать все силы страны и выставить наибольшие армии, которые только могут быть вооружены и снаряжены. Мечта о горсточке солдат с могучей техникой, завоевывающей весь мир, в нашу эпоху остается несбыточной фантазией.

Настоящие строки набросаны только для того, чтобы показать, что в военном отношении эпоха империализма столь же резко отделяется от предшествующего времени, как и в отношениях экономических и политических. Изучение истории военного искусства в новейшее время указывает нам, что военное искусство в XX веке становится на совершенно отличные от XIX века основания. Как в об-

ласти практической политики XX век выдвинул задачи, на которых еще не приходилось сосредоточиваться Карлу Марксу и Ленину пришлось проделать существенную творческую работу, применяя марксизм к эпохе империализма, точно так же во всех областях военного дела мы рискуем зайти в тупик, если сохраним строй военного мышления, созданный эпохой Мольтке.

Чистым кустарничеством было бы, если бы мы попытались разрешить теоретические задачи, лежащие на современном поколении военных работников, самым тщательным и внимательным анализом гражданской войны. Гражданская война в такой же мере неполно характеризует переживаемую нами эпоху в военном отношении, как, положим, самый широкий локаут, самая грандиозная стачка характеризуют ее в экономическом отношении. Гражданская война охватывает только часть подлежащих нашему исследованию явлений. И точно так же мы едва ли уйдем сколько-нибудь далеко, противопоставляя тезе — мировой войне, антитезу — войну гражданскую. Надо возвыситься до синтеза, который мы найдем только в военном искусстве эпохи империализма.

Наша военная теория черепашими шагами подвигается вперед, удерживая колоссальный балласт из ушедших уже в прошлое норм, правил, приемов. А обстановка, казалось бы, выдвигает необходимость ревизии военного искусства в полном объеме. Наша соответственная попытка в области стратегии еще не оправдана переходом в наступление на всем фронте военной теории.

Старые песни, отжившие слова, правда, слышатся реже, но в значительной мере потому, что в теории мы вообще молчим. Никогда прикладной метод преподавания военных дисциплин не пользовался таким распространением, как в наше время. Мировая война произвела такое опустошение во всех теоретических конструкциях, что они оказываются почти непригодными даже для школьного употребления. После войны 1866 г. Верди-дю-Вернуа также оказался перед разбитым корытом наполеоновской теории; он не находил в себе мужества атаковать тысячи освященных временем и авторитетом величайшего полководца предрассудков и попросту уклонился от теории, перейдя к обсуждению конкретных положений и к поиску конкретных решений. Прикладной метод имеет и крупные достоинства, но в основном он представляет бегство с поля сражения, уклонение от решения принципиальных вопросов, отказ от систематизации своих воззрений, известное недоговаривание, недостаток гражданского мужества.

У самого Мольтке не хватало гражданского мужества теоретически противопоставить свои воззрения на военное дело признанной, укоренившейся, казалось, священной и вечной наполеоновской догме. И Мольтке укрылся за ироническое определение — “стратегия — это система подпорок”. Стратегия, видите ли, оказывается такой постройкой, как леса около воздвигаемого дома, леса, совершенно безличные, не имеющие никакого теоретического фасада — одни подпорки! Это определение великолепно координируется с прикладным методом — все концы уходят в воду, и никакой принципиальной дискуссии никто развести не сможет. Комар носу не подточит. Одни частности, меняющиеся в каждом данном конкретном случае! Своего рода “историческая школа” в стратегии и тактике — эти “методики”, сыплющиеся теперь, как из рога изобилия, и позволяющие удивительным образом авторам скрывать свои мнения по затрагиваемым вопросам...

Но мы знаем, что это неверно: фасад имеется в любой постройке, и все существующее имеет свое теоретическое лицо. Это доказал Шлихтинг, сорвавший маску прикладного метода с учения Мольтке и доказавший, что оно представляет, прежде всего, отрицание наполеоновской догмы и противопоставление ей новых начал, разумно отвечающих новой материальной базе военного искусства <...>

Красная звезда. - 1928. - №1. - 1 января.

ВОЕННОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ РОССИИ

Идейная подготовка армии к несостоявшейся победе

Предрассудки и боевая действительность

Не сотвори себе кумира...

“С войства оружия определяют состав армий, выбор плана кампании, организацию маршей, расположение на позиции, на отдыхе и в боевом порядке, определяют план и профиль крепостей; все это производит все увеличивающуюся разницу между системой войны древних и современной”. В этих словах Наполеон дал нам завет согласовать практику военного дела с постоянным усовершенствованием оружия. Суворов также относился очень чутко к усовершенствованию огнестрельного оружия. Когда в итальянском походе 1799 года ему пришлось столкнуться с французской артиллерией, стрелявшей картечью на двойную дистанцию вследствие принятия чугунных пуль, он немедленно изменил порядок наступления пехоты.

Великие полководцы, как и все удачные практики, были прежде всего сынами своего века. В эпоху Наполеона гибельно было подражать технике Фридриха Великого; и теперь приложение техники эпохи Наполеона приведет только к неудаче. Удачное действие прежде всего должно быть уместно и своевременно, а для этого оно должно быть согласовано с современной обстановкой.

В противоположность вечной неизменности основных принципов военного искусства техника его быстро изменяется, в зависимости от перемен в составе и численности армий и усовершенствования материальных средств поражения, передвижения и передачи сведений. Только зная технику современных тактических действий возможно на практике руководиться принципами военного искусства.

Чтобы воспользоваться уроками прошлых столетий, надо прежде всего владеть меркой современности. Законы, управляющие победой и поражением на войне, остались те же, что и 3000 лет тому назад; но это не дает никакого основания игнорировать опыт последних годов. И в каменный век жили по тем же физическим законам, что и теперь; однако, теперь работают радикально отличающимся методом.

Сущность явлений боя — побед и поражений — осталась прежняя, но содержание боя изменилось. Нельзя оставаться при старых шаблонах. Если наши понятия не будут изменяться соответственно прогрессу военного дела, если мы остановимся на точке замерзания, то, поклоняясь неизменным законам, мы постепенно упустим из вида всю сущность явлений. Глубокие идеи превратятся во вредные предрассудки; символы наши потеряют свое внутреннее содержание; останется внешняя пустая оболочка, безжизненный идол.

Великие практики всегда безжалостно уничтожали символы, потерявшие смысл, пережившие самих себя. Если нам путь к победе преграждают предрассудки и мы окажемся не в силах перешагнуть через них, то нас ждут одни неудачи и поражения.

Облава

Боевую работу — поражение противника — предоставляют случаю, этому “божеству глупцов” (конт). Наступление терпит неудачу. Поражение приписывается или недостатку мужества, или случаю; весьма часто предполагают, что для того чтобы победить, надо выдумать какую-нибудь особую форму боевых строев.

Вместо того чтобы поражать врага, проделывают в обстреливаемой им зоне известные эволюции. Бой рассматривается, как одностороннее упражнение. Внешность, не принимающая в расчет противодействия врага, берет решительно верх. Обозначенная в мирное время флагами позиция противника заменяется в военное рубезом, посылающим пули и снаряды. Если охотники не в силах побороть противника соответственными обстановке действиями, раз последний обозначает огнем, что он будет оказывать упорное сопротивление, то решают проделать перед противником известную схему эволюций. Маневрируют по усвоенным в мирную практику шаблонам; расстреливание боевых патронов вместо холостых составляет ничтожную деталь. При исполнении номеров шаблона генералы и солдаты подвергаются риску и проявляют иногда большую степень мужества и самопожертвования.

Предполагается, что победа будет результатом совершаемых эволюций, что исполняемая боевая кадрили по внутренней сущности своей приведет к тому, что сопротивление противника падет. Атака получает мистический характер; здравые понятия о бое заменяются известным фетишизмом. Употребляется в сущности тот же метод боя, к какому успешно прибежали евреи под Иерихоном — богослужение, музыка, движение процессией — и стены пали.

“Как бы мы ни восхищались храбростью в том или другом ее проявлении, один вывод вполне ясен, что со времен Иерихонского сражения никакая сильная позиция, обороняемая хорошими войсками, не могла быть взята одними демонстрациями, как бы грозны они ни казались” (Гамильтон).

У пехотинца только одно средство поражать противника — надлежащее боевое употребление ружья. Движение пехотинца — не цель боевых действий, а только средство перейти в удобное для действия оружием место.

Было время, когда даже в артиллерии обращали более внимание на движение и эволюционирование, чем на стрельбу. Война ясно показала, что артиллеристы, которые умеют только скакать, для боя ничего не умеют. Вдумываясь в опыт войны, мы приходим к заключению, что и боевое значение движения пехоты несколько преувеличено. Боевую ценность имеет не само движение, а только положение, к которому оно нас приводит <...>

Надо остерегаться всех теорий, ставящих целью боя не нанесение противнику действительного поражения, а только устрашение его какими-либо приемами.

Военная наука установила требование вести наступление не по шаблону и схеме, а в зависимости от частных условий обстановки. “Не отвлеченно выведенные правила должны быть руководящей нитью для поведения наступающего, а всегда лишь сознание своих сил и степень неприятельского сопротивления. Правильная оценка первых и своевременное распознавание второго создают тактическую соразмерность, поднимают дух руководства и сообщают всей тактической работе отпечаток обеспеченности и надежды на скорый конечный успех” (Густав Смекал) <...>

Подготовка и решение

Ни один начальник в современном бою не может заявить категорически, что вся подготовительная работа исполнена на основании его распоряжений, что роль войск сводится только к движению на-

пролом расположения противника. В серьезном бою действия войск сводятся далеко не к прямолинейному движению на приступ по точно указанной дороге. Работа войск в бою по внешности, правда, немногосложна, но простота действий вовсе не есть действие спроста (Колобакин); вернее сказать, это противоположные методы.

Каждое значительное проявление нашей активной деятельности в бою составляет одновременно и часть конечного результата, часть решения, и подготовку к следующему удару. К победе ведет длинная лестница; подъем на каждую ступень составляет часть окончательного успеха и в то же время дает новое исходное положение для дальнейших усилий.

Войска в бою вступают в хаос неизвестности и случайностей, в район действия враждебной воли противника. В течение всего периода боя действующие оружием части должны внимательно изучать расположение противника, следить за ним; они должны иметь право и волю действовать сообразно обстановке, должны иметь средства изменить ее в свою пользу.

Нельзя делить боевую работу на сознательную подготовку и слепое исполнение. Любой мастер соизмеряет свои усилия с встречаемым при работе сопротивлением; он не может обойтись напряжением одного головного мозга; нужно, чтобы рука имела навык, чтобы рука выработала себе соответствующую восприимчивость, чувствительность; даже перчатки препятствуют тонкой работе. Обдeldывание неприятельского боевого порядка на поле сражения сложнее любого мастерства. Слепая работа ничего не стоит. Бессознательные исполнители в современном сражении — это глухие музыканты в оркестре.

Только тесная непрерывная связь между умственными и физическими усилиями делает плодотворной работу армии. Разделение боя на подготовку и решение (штурм) составляет отделение работы сознания от физических усилий, что лишает обоих всякой ценности и ведет к верной неудаче.

Каждый боец в течение всего периода боевых действий должен работать не очертя голову, а сознательно, все время имея перед собой цель стремлений и методически действуя в ее направлении. В его действиях подготовка и решение должны сливаться в одно общее усилие одержать победу.

В бою есть только один метод действий — поражение противника. Деление боевых действий в тактике на подготовку и решение не соответствует действительности, и потому является и произвольным, и опасным. Теория не вправе устанавливать категории реше-

тельных действий, так как действий нерешительных не должно быть. Бой с самого начала должен вестись насколько возможно решительно и до самого конца включать элементы подготовки. Решение боя уже заключается в его завязке, но даже во время преследования отступающего врага надо придавать большое значение подготовительным действиям.

Один из наиболее грубых предрассудков заключается в положении, что решительному образу действий отвечает только так называемая ударная тактика. Если в ружейном огне мы будем видеть исключительно подготовку наступления, бой естественно начнется с бомбардировки из ружей позиций противника, бомбардировки еще более бесплодной, чем артиллерийская. Это будет вялое, боязливое начало, так как действию оружием мы придаем второстепенное значение, а решение — штурмовой натиск — откладывается на конец. Ударная тактика дает обороне выигрыш времени, возможность исправить и усилить расположение, подготовиться к решительному приступу; искусство отдельного бойца, превосходство его в одиночной подготовке остается неиспользованным; первое место занимает стремление подавить противника численностью; этот способ действия указывает на отсутствие чувства превосходства над противником, на неуверенность, отсутствие истинного наступательного духа.

Для успеха решительного наступления необходим самый энергичный приступ к нему. Действия должны вестись с самого начала настолько решительно, насколько это достижимо в данных условиях при энергии и духе наступающего.

Крайнее напряжение сил атакующего сразу, энергичное начало стрелкового боя с самых решительных дистанций составляют характерное отличие огневой тактики. Только огневая тактика соответствует решительному активному развитию операций <...>

В бою войска руководятся теми боевыми идеалами, которые заложены в армии ее историей, мирным воспитанием и обучением. Уставы влияют на метод боя лишь постольку они соответствуют духу армии или повлияли на его преобразование. Несомненно, лучшая часть офицеров и солдат стремится в бою к наиболее почетным действиям как к идеалу <...>

Чтобы победить, надо поразить противника, надо превзойти его в искусстве действия оружием, надо добиться перевеса в огне над ним; перевес в огне случайно, сам по себе, не окажется на нашей стороне; чтоб его достичь, надо к нему стремиться. Пехота должна быть подготовлена к предстоящей ей в бою работе <...>

Раньше обороняющийся занимал позиции протяжением всего несколько сот шагов. Охватить или обойти ее, маневрируя на поле сражения, ничего не стоило. Обходу препятствовала только привычка действовать на больших дорогах — предрассудок, опасность которого испытали и мы в Маньчжурии.

В современном бою новые свойства огня требуют производства всех видов маневренной подготовки вне сферы поражения и, возможно, вне сферы поля сражения, т.е. вообще с более дальних расстояний (Колюбакин). Группировка сил на поле сражения является результатом тактики театра войны — стратегии, а не действий на самом поле сражения. Новое название — стратегический резерв — отвечает и новым условиям расположения и маневрирования резерва вне поля сражения.

Сравнительно с размерами поля сражения войска стали слишком тихоходами, чтоб маневрировать на них. Исправить первоначальную ошибку теперь, несмотря на длительность боев, труднее; это обстоятельство заставляет еще более ценить искусство высшего управления.

“При Наполеоне I глубокая тактика перестает маневрировать, возлагая это на стратегию, которая приводит войска на поле сражения уже надлежащим образом нацеленными; сложные и хитрые эволюции линейной тактики заменяются, благодаря прерывчатости боевого порядка, самыми простыми движениями... Это еще более применимо к современному положению дела” (Леер).

Надо считаться не только с изменением масштаба протяжений, но и с изменением масштаба времени.

Если в сражении принимают участие значительные силы и столкновение охватывает огромное пространство, то, при упорстве дерущихся, боевые действия продолжаются значительный промежуток времени. Для завязки, развития и развязки боя светлого времени суток недостаточно. Бой захватывает и ночное время <...>

Победа не является результатом короткого боевого эпизода, а суммой целого ряда успешных действий. Недостаточно добиться известного результата, надо и удержать его. Организация боевого порядка должна быть приспособлена к продолжительному боевому напряжению. Пехота должна твердо помнить о необходимости закреплять и отстаивать частные успехи.

Перед решительным сражением надо запастись физическими и моральными силами и расходовать их экономно, но без перерыва до окончательного достижения победы <...>

Местность

Если теория не желает оказаться вне времени и пространства, если теория развивается не для одного времяпрепровождения, то она должна непрерывно следить за современной практикой; теория, уснувшая на непреложных принципах, остановившаяся, пришедшая в состояние покоя, самой себе подписала приговор. Теория или должна вырабатывать мерки для оценки современных явлений, или должна исчезнуть, удалиться в буддийские монастыри, в глушь Тибета.

Теории, не имеющие в виду практики, игнорирующие современную жизнь, вообще не имеют права на распространение; но особенно опасны они в военном деле, так как в боевой действительности теория и практика поневоле сплетаются. Особого внимания заслуживает тесное единение теории и практики в области военной географии и полководческой деятельности. В основных свойствах управления войсками на войне заключается стремление пользоваться большими (известными) дорогами. На войне войска группируются на пользующихся известностью направлениях, концентрируются к пунктам, чем-либо выделяющимся.

Известное давление на действия войск производит даже шрифт, которым набраны названия населенных пунктов на картах и планах; описание же театра действий в военной литературе имеет огромное, существенное влияние на руководство войсками. Мы несколько не преувеличиваем значение заблаговременных данных о театре войны. Весьма часто около какого-нибудь пункта второстепенного стратегического значения в каждую кампанию происходили бои — это только следствие известности, приобретенной этими пунктами из-за первого сражения в военной литературе; таким образом, постепенно создавались предрассудки о классических позициях, и только гений первостепенных полководцев выбрасывал их из современной жизни в историю.

Военная история нам показывает наглядно значение данных военно-географического исследования. Поучительным образцом является франко-прусская война. Поля сражений под Саарбрюкеном, Вейсенбургом, Вертом, Шпихерном и много других были предуказаны в исследованиях театра действий за 2-3 года до кампании.

Современная война имеет характер учета действительного состояния вооруженных сил государства. В материальном отношении учитываются действительные материальные силы; вся только кажущаяся мощь безжалостно скидывается со счетов при первых же боевых столкновениях. В моральном же отношении учитывается идей-

ное состояние — чувства и мысли вооруженных народов; нельзя строго критиковать полководца, не принимая в расчет идейной подготовки кампании в области стратегии; полководец только разумно ликвидирует богатства, накопленные предшествовавшей теоретической работой стратегической мысли. План кампании и представляет эту ликвидацию; его создают не отдельные лица, а целые поколения. Иногда этот план кампании обращается в план инженерной обороны государства, в целую программу поражений и капитуляций; полководец поневоле им связывается и на его долю выпадает печальная обязанность расписываться в ряде неудач...

В русско-японскую войну ясно выражено тяготение наше подражать китайцам, располагаться в местах, уже получивших известность в военной литературе, хотя бы и печальную. Военно-географическое описание театра войны безусловно давило наших начальников. Даже в такой малоизвестной в военном отношении стране, как Маньчжурия, не полководцы выдумали Тюренчен, Модулин, Ландясан, Айсандзянь, Хайчен, Дашичао, Инкоу, Ляоян и много других пунктов. Мы обороняли много позиций только потому, что они были известны в военной литературе, хотя бы и имели второстепенное тактическое и стратегическое значение; мы игнорировали много более важных пунктов, еще не заявивших себя в печати. Позиции в стратегии имеют также свое реноме, как и люди на разных поприщах практики: за бездарную, безголосую известность платят бешеные деньги, а талантливый дебютант иногда умирает с голоду; также на известных позициях, в весьма невыгодных условиях, войска теснятся в бой, а местность не зарекомендовавшую еще себя пролитием крови, но имеющую иногда огромное значение, оставляют без внимания.

Это рабство полководческой мысли в оковах теории и объясняет, как можно добиваться на театре войны и на поле сражения, в частности, внезапности, когда казалось удар противника можно было предусмотреть за 3-4 месяца, — например, появление Куроки у Ян-тайских копей.

Мы считаем твердо установленным тесную связь между теорией — военной географией — и практикой — стратегической деятельностью войск. Поэтому в военной географии метод исследования должен быть особенно осторожен; предрассудки в военной географии тем опаснее, что они переходят в действительность, коверкают ее: в мирное время десятки миллионов выбрасываются даром на подготовку театра войны, на изменение естественных его условий соглас-

но искусственным теориям; в военное время в жертву ошибок военной географии приносятся целые армии <...>

Подчиненные и начальники

Чем больше будет средств связи в самых передовых частях боевого порядка, тем легче будет разумно проявлять частную инициативу. Связь передовых частей между собой дает возможность взаимно ориентировать друг друга и производить дружные усилия, согласуя почин частных начальников. Серьезное значение имеет и связь в глубину. При энергии и самостоятельности частных начальников можно не бояться, что они окажутся слепыми исполнителями передаваемых с тыла приказаний.

При нормальных отношениях между начальниками разных степеней донесения, поступающие из передовых линий, должны оказывать заметно большее влияние на развитие боя, чем приказания, передаваемые с тыла. Сзади, пока бой продолжается, можно передать лишь несколько слов одобрения и сведения об изменении стратегической обстановки. Передаваемые же в тыл просьбы и мнения находящихся в передовой линии начальников — о направлении артиллерийского огня, о вызове в передовую линию пушек и пулеметов, о выгоднейшем направлении резервов непосредственно связываются с постановкой ближайших целей боя. Донесения из передовой линии ориентируют высших начальников и ложатся в основу отдаваемых распоряжений; эти донесения отражают в штабах пульс боя. По телефонным линиям в бою должны говорить преимущественно из боевых линий, а в штабах слушать.

При известной анемичности и вялости управления войсками происходит обратная работа. Подчиненные вместо того, чтобы оружием пролагать дорогу для распоряжений начальников, каждую минуту останавливаются над вопросом: что делать? От солдата до генерала все оборачиваются назад; вместо того чтоб сосредоточить все свое внимание на противника и, как хищники над добычей, только выжидать удобный момент для решительного броска вперед, все ожидают приказаний. Смутные донесения стекаются в штабы весьма обильно, но в них нет энергии действия; в них начальники из боевых линий не указывают, на что они решились, не излагают своих требований — язык их совершенно другой; боевая линия спрашивает по команде — что прикажете? — указывая в то же время на трудность или невозможность активных действий. Штабы должны распоряжаться;

боевая часть исполняет только предписанное; все это не обещает ничего хорошего.

Вялость управления сказывается в самых низших инстанциях в виде общего незнакомства со своей задачей, потребности в руководстве, впечатлительности для всяких сторонних веяний. Младшие начальники не знают что делать, к чему стремиться. Нижние чины, не понимая избранного способа действий, не усваивают цели и смысла боя. В бою они теряют представление о своей задаче; в самые критические минуты, когда требуется самостоятельное и искусное действие оружием, бойцы испытывают потребность в руководстве и теснятся к сколько-нибудь уверенно действующему офицеру или солдату. Скучивание ведет к огромным излишним потерям и губит наступление. Потребность в руководстве — противоположность частной инициативе.

На войне особенно важна способность выбирать самостоятельную дорогу к общей цели. На поле сражения это качество драгоценно и для высших начальников, и для ротных командиров, и для солдат — каждый должен уметь протоптать новую тропку к победе. Солдат, могущий выбирать себе самостоятельно и выгодно путь к сближению с противником, стоит десяти других, способных только тесниться за вожаком. Торные дороги — удел посредственности — к победе не ведут.

Чтоб облегчить управление в бою, облегчить соединение усилий всех бойцов, без которого успех немыслим, надо, чтоб весь состав армии был подготовлен к исполнению боевой задачи. Офицеры и солдаты должны сознавать, что общая цель - поражение врага, что для достижения ее есть только одно средство - энергичное и искусное действие оружием. Надо в мирное время в армии воспитать людей, способных самостоятельным путем стремиться к общей цели.

Солдаты должны ясно сознавать свое назначение — убивать и ранить врага. Донесение о появлении противника не должно сопровождаться вопросом — что делать? — так как ответ может быть только один. Только плохие стрелки требуют разрешения свыше чтоб открыть огонь.

Управление

Важнейшая часть боевого порядка — это часть, непосредственно действующая оружием в наиболее решительных условиях, часть, наиболее выдавшаяся вперед. От успехов, одержанных ею, зависит результат боя. Другие части боевого порядка имеют служебный,

вспомогательный характер. Назначение их — питать людьми и материальными средствами действующую оружием часть, прикрывать ее от враждебных усилий врага, развивать ее успех.

Лица, группирующиеся в важнейшую часть боевого порядка, и в командном, и в физическом отношении наиболее удалены от высшего управления армией. Между тем тесная связь между полководцем и бойцами необходима. Если не будет взаимного доверия, уважения и понимания, если не будет Суворовской близости — идейной и духовной связи между полководцем и бойцами, то ничто не заполнит пропасть, образуемую между ними разностью служебного положения: начальники окажутся сами по себе, солдаты то же; те и другие не удовлетворят условиям современного боя.

Начальник, распоряжаясь в своей области, не должен обнаруживать узко-эгоистическое понимание боя. Начальник не должен быть простым приходо-расходчиком вверенных ему сил, не должен быть ограниченным специалистом, механиком, наблюдающим за исправным ходом своего участка общей машины, — начальник должен все силы своего разума направлять к уяснению вопроса — как помочь части пехоты, схватившейся насмерть с противником.

Стремления начальников всех степеней должны принадлежать неразрывно важнейшей части боевого порядка. В сознании всех родов войск, в сознании службы тыла должно лежать убеждение, что кучка пехотинцев, горсть смельчаков, продвигающаяся вперед — это сила и надежда отечества; обязанность всей армии, от главнокомандующего до последнего нестроевого — облегчить им задачу, содействовать им по мере сил и возможности.

Мысль не должна ничем разъединяться с делом; уяснив себе способ поразить врага или предохранить своих от потерь, каждый начальник должен немедленно приступить к энергичным действиям. От предприимчивости и инициативы частных начальников зависит выигрыш частных побед; от них же зависит и использование одержанных успехов, распространение их на соседние участки, на все поле сражения.

Если войска недостаточно подготовлены для выпадающей на них в военное время работы, то командному персоналу приходится продолжать свою заблаговременно незаконченную педагогическую деятельность; является надобность развивать и объяснять устно и в приказах не только нововведения, вызываемые особенностями обстановки, но и азы военного дела. Такова участь начальников в импровизированных войсках. Если дивизиями командуют губернаторы и адмиралы, а полками адвокаты и художники, то для каждой такти-

ческой операции им прежде всего надо условиться как действовать; вождь таких войск лишен возможности сосредоточить свое внимание на противнике: ему только впору усмотреть за своими войсками, которым надо ежеминутно поправлять ошибки и разъяснять каждый шаг.

Одна из главных выгод организации постоянных войск заключается в том, что предварительная педагогическая работа может быть исполнена заблаговременно, до начала войны; что с началом операций начальники всех степеней руководятся приблизительно одинаковыми понятиями о боевых действиях, говорят одним и тем же тактическим языком и сразу понимают друг друга. Начальники могут обратить все свое внимание на врага, на боевые действия; работа их будет заключаться не в исправлении ошибок подчиненных, а в правильной постановке задач для их действий. В постоянных войсках, не имеющих предрассудков, обученных, согласно требованиям боевой действительности, начальники могут не останавливаться на мелочах в районе расположения войск, а сосредотачивать свое внимание на существенном; это преимущество должно быть непременно использовано.

Сложность обстановки боевых операций ставит серьезные требования к начальнику; в силах каждого только совершить свою работу. Операции должны вестись методически, обдуманно, а это возможно лишь в том случае, если управление будет предусмотрительно, если каждый начальник не столько живет настоящим, как заботится о будущем. Дух начальника должен быть с войсками, но мысль его должна опережать их действия. Внимание начальника должно обращаться по преимуществу не на участки, уже занятые войсками, чтоб непосредственно руководить их деятельностью, а на участки, где войска еще не расположены, но которые могут стать местом тактических действий. Начальник должен не учить своих подчиненных — для этого редко хватает времени, а прежде всего должен подготовить себя самого к трудной задаче управления войсками в изобилующей случайностями боевой обстановке.

Значение личности в бою огромно; мы вовсе не хотим сказать, что начальник должен удаляться от войск, быть для них только подписью, именем, которое дает законную силу исходящим из его штаба бумагам. Каждый начальник должен быть прежде всего заметной, энергичной, самодеятельной личностью. Чтоб вызвать крайнее напряжение усилий войск, начальник должен прежде всего обладать волей, обладать стремлением к личному действию. Значение лично-

сти в бою таково, что даже и педагогика уместна, если она является результатом личного воздействия во время боя <...>

Основанием для отдачи распоряжений является ориентировка начальников. Чтоб руководить действиями войск, надо располагать сведениями о противнике и обстановке на театре военных действий. Авторитетное проявление воли начальником основывается на том, что ему лучше, чем его подчиненным, известна обстановка. анализ боевых действий подтверждает, что знание есть действительная сила.

В многочисленной иерархии военных начальников, воспитанной в духе самостоятельности и частного почина, реальное распоряжение войсками должно принадлежать наиболее осведомленной в данный момент инстанции <...>

Вообще же надо предоставлять исполнителям большую самостоятельность. Вмешательство допустимо лишь для общей регуляции отдельных боевых действий; трудность управления заключается в том, чтоб совместить в отдаваемых заочно распоряжениях решительность в постановке задачи и осторожность в указании метода исполнения.

В тактике идея гофкригсрата еще опаснее, чем в стратегии. Велико искушение заглазно руководить боевыми действиями на современных огромных полях сражений. Усовершенствование средств внешней связи и возросшая длительность развития сражения соблазняют частных начальников, не богатых инициативой, испрашивать у высшего начальника точных указаний. “Местный в его близости по обстоятельствам лучше судит” (Суворов). “Вдаваться в обсуждение доклада всегда опасно, а большей частью и бесполезно, ибо стоящий далеко едва ли может оценить обстановку правильнее, нежели сам исполнитель” (Смекал).

И во время Наполеона самое трудное было — решаться; теперь, когда каждый начальник по телефону может всегда поговорить даже с главнокомандующим, самостоятельно решиться еще тяжелее <...>

Пассивное наступление и активная оборона

По совету Наполеона, надо не атаковать с фронта позиций, кои можно обойти; надо не делать то, что хочет противник; следовательно, надо избегать поля сражения, которое он рекогносцировал, изучил и в особенности укрепил. Надо обходить.

Большую или меньшую часть войск удастся направить в обход; затратив на движения большие усилия, эта часть должна будет всту-

пить в бой с противником на важном пункте поля сражения. Должны ли остальные части оставаться пассивными зрителями решения операции?

Одно из важнейших преимуществ атаки над обороной состоит именно в возможности значительно увеличить количество действующих на поле сражения войск за счет войск только присутствующих. “Сила, которую прилагают на деле — очень небольшая доля существующей силы” (Дж. Ст. Милль). Недейтельная пассивная масса представляет круглый нуль, так как в бою учитываются только действительно произведенные усилия. Части, бездействующие в решительные минуты сражения, не влияют на его участь.

При попытках наших в прошлую войну захватить инициативу, мы били только в ту точку, которую считали важнейшей. Девять десятых нашей армии всегда бездействовали; это — печальное вырождение знаменитого косо́го боевого порядка; в современных условиях наступление не должно ограничить боевыми действиями той части армии, которую удалось искусным маневрированием нацелить на решительный пункт поля сражения.

Возможно ли в наступательном бою сблизиться с противником для поражения его лишь в тех районах, где он не приготовился, не возвел окопов, где его положение неудовлетворительно в стратегическом и тактическом отношении? или же в бою всякая часть, несмотря иногда и на невыгодные условия борьбы с противником, должна вложить и свое усилие в общий порыв к победе?

Сражение — не мелочная торговля, а великое событие; без крайнего дружного напряжения усилий не добиться победы; если признавать активные действия возможными только в особо благоприятных условиях, то несомненно наступление будет ведено вяло, малыми частями; большая часть войск не найдет соответствующей обстановки для активных действий и пропадет для конечного подсчета усилий.

Войска, действующие против фронта позиции, не могут и не должны бездействовать или ограничиваться слабыми демонстрациями. “Нельзя установить разницы между демонстративным и решительным боем” (Фрейтаг фон-Лорингофен). Вся армия должна наступать насколько возможно решительно, иначе поражение обходящих частей неминуемо.

В армии, не усвоившей метода наступательного боя, почти с ужасом произносится выражение “лобовая атака”. Но без лобовой атаки не может быть фланговой. Фронт обороны очерчивается нашим наступлением; всякое наступление, как только оно обнаружено еще не

разбитым врагом, заставляет его повернуться к нам лицом, и нам приходится атаковать его в лоб. Роты, если не ведут атаку впустую, то наступают на врага всегда в лоб.

Наши стремления обойти заставляют противника растягиваться. Есть предел, за которым прорыв укрепленной позиции выгоднее обхода.

Тщетная надежда победить противника одними маневрами не должна обманывать ни войска, ни полководца. Надо уметь маневрировать, но не для того, чтоб уклоняться от наступления на врага; надо быть готовым одолеть противника в тяжелых боевых испытаниях.

Исключительное развитие идеи обходов логически вызывает стремление решить операцию одним маневрированием. Это — теория стратегического наступления и тактической обороны; она безусловно искусственна и крайне не соответствует современной обстановке. Действия на поле сражения представляют естественное развитие маневрирования на театре войны. “Стратегия и тактика неразрывны, живут одними и теми же идеями, выражают свои решения в одинаковых формах”. (Михневич.) Деятельность в стратегии может принести плоды только в том случае, если она увенчается действиями в области тактики.

Идея стратегического наступления при тактической обороне сводится к храброму движению вдали от врага и к резкой остановке после установления соприкосновения с ним. Это теория кролика, на которого находит столбняк при встрече с удавом. В самую решительную минуту инициатива действий добровольно уступается противнику. Бездействие на поле сражения достойно только бездействующего на театре войны. Раз мы схватили противника за горло, надо его душить. Дорога к победе так крута, что остановиться на ней нельзя.

Весьма часто та же по существу категория предрассудков спутывает и понятие об активной обороне.

Принцип, лежащий в основе ее, часто можно формулировать так: “завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят”. Не имея достаточно решимости наступать, действовать активно, захватить инициативу, обращаются к пассивным, выжидательным действиям, отлагая свою активность впрок.

Одной обороной нельзя добиться успеха. Оборона имеет смысл только как частность среди всех боевых усилий армии. Оборона может быть только временная и представляет разумное употребление сил войск лишь в том случае, если даваемым ею выигрышем времени мы намерены воспользоваться для наступления. Расчет достичь

победы одними оборонительными действиями был бы в корне неправильным.

Было бы ошибочно обороняющемуся пассивно держаться в своих укрытиях, каждой части отсиживаться на своем месте, наблюдать поражение соседа и ждать своей очереди. Изображая обозначенного противника, не проявляя в бою ни воли, ни мысли, трудно ожидать успеха.

Активные действия при обороне нужны, но нельзя их сводить к коротким штыковым ударам. В дневном бою, находясь в расстоянии хорошего выстрела от противника, не добившись над ним огневого превосходства, ошибочно было бы прекращать огонь, покидать стрелковые позиции и бросаться для удара в штыки. Заблуждение, что активные действия — это только форменное наступление, имеющее в виду окончить бой штыковым ударом, пользуется значительным распространением. Это не активность, а только невыдержанность обороны, отсутствие уважения к огневому бою и неискusstво в нем. Такой бросок в большинстве случаев будет отбит; потеряется и стрелковая позиция, служившая исходным положением для контратаки.

Ошибочно утверждать, что успешная оборона должна обязательно заканчиваться общим переходом в наступление. Частная задача обороны участка будет вполне выполнена во многих случаях, если только удастся сохранить свои позиции. Наступление должно быть ведено исключительно с твердым намерением одержать успех; для наступления нужно располагать достаточными средствами и силами. Наступление, раз начатое, должно быть ведено в виде планомерного продолжительного и упорного боя, а не короткого удара.

Оборона в общем имеет весьма отрицательные свойства; это надо решительно признать, не успокаивая себя надеждой внести к ним сильный корректив значительными активными действиями под конец боя. Единственное положительное свойство оборонительного образа действий — меньший расход войск на данном участке, экономия в живой силе, могущая быть использованной для наступательных целей на другом участке. Тот выигрыш времени, который дает оборона — несколько часов — должен быть употреблен полководцем для стратегически решительных действий, иначе поражение неминуемо. Перегружать войсками боевые линии при обороне, чтоб иметь возможность перейти всюду к активным действиям, было бы крупной ошибкой; мы отреклись бы от инициативы, обратились бы к пассивному образу действий в ожидании ошибок врага; мы подчинились бы его воле.

Обороняющему лишь в исключительных случаях своими активными действиями удастся захватить инициативу; вообще же на это рассчитывать нельзя. Но обороняющему нужно действовать настолько активно, чтоб не представлять противнику мертвой цели, на которую он мог бы правильно нацелить и рассчитать удар. Обороняющий должен иметь в виду создать изменение в обстановке, по возможности внезапное для противника, чтоб расстроить его планы и намерения. Активность обороняющегося выразится в скрытии намерений, в противодействии разведке врага и в занятии окончательного боевого расположения лишь в нужный момент.

Во время серьезного наступления противника весьма выгодно обороняющим неатакованные участки позиции выдвигаться вперед, чтоб взять во фланг наступающего. Этого способа действий держались японцы, когда им приходилось отбивать наши попытки перейти в наступление. Действие даже малых отрядов на фланги наступающего имеет большое значение.

Нам во многих случаях представлялась возможность взять во фланг наступающие части японцев. Вопрос об этом поднимался неоднократно и в Ляоянской, и в Шахейской, и в Мукденской операциях. К сожалению, из области разговоров к активным действиям мы не переходили.

Опасные симптомы

Сражения, в которых участвуют значительные массы войск, растягиваются во времени и пространстве. Бой не кипит в течение всего времени на всем огромном протяжении поля сражения. В зависимости от преследуемой противником цели бой то разгорается в одном пункте, то потухает. Идеалом сражения, полной победы “с малой кровью”, является одновременное напряжение всех сил армии, но вследствие затруднительности передвижений под огнем, данных местности и фортификационного усилия ее, наконец, вследствие огромных расстояний, которые приходится преодолевать при маневрировании на поле сражения, идеал этот не является теперь достижимым. Образуются промежутки на поле сражения, где бой поддерживается обеими сторонами вяло; образуются промежутки во времени, в которые замирают боевые действия и на участках, где противники преследуют активные цели. Эти промежутки во времени и пространстве разрывают сражение на ряд более или менее отдельных боев, связанных между собою общей идеей.

Разделение общей операции на ряд частных весьма затрудняет общее управление; необходим особенно хороший подбор частных начальников, так как они являются в трудной роли самостоятельного полководца. Надо, чтоб вся армия, от главнокомандующего до рядового бойца, сумела бы мысленно возвыситься над перегородами, разгораживающими поле сражения и соединить в одно идейное целое отдельные боевые эпизоды. Иначе наступательный порыв армии будет распылен на ряд малых, нецелесообразных и не планомерно веденных столкновений.

К малым боям прибегают по необходимости дикие народы, не имеющие возможности дать генеральное сражение регулярным войскам. Но когда к малым боям, к своего рода партизанским действиям против фронта неприятельского расположения обращается регулярная армия, это составляет тревожный признак, указывающий, что командный персонал не находится на высоте требований, что в армии не существует достаточной внутренней связи для нанесения врагу удара большими силами.

Ценность армии в ее целом познается по силе наносимых ею ударов; малые бои — это разложение, это стремление сознающего свою неомощь организма дать иллюзию деятельности.

Отношение между участвующими в решении сражения войсками и бездействующими служит показателем внутреннего состояния армии.

Пока в армии господствует бодрое настроение, на всякое усилие противника отвечают усилением сопротивления в атакуемом месте. Резервы своевременно сосредотачиваются к угрожаемым пунктам, частью усиливая их гарнизоны, частью занимая новые стрелковые позиции, с которых можно было бы обстреливать подступы к ним.

Наоборот, когда поражение уже близко, оборона стала вялой, пассивной, нравственные силы ее уже выдохлись, как только намечается пункт, который противник собирается атаковать, так сейчас на нем силы начинают таять: все исчезает, частью под благовидным предлогом, частью вследствие “недоразумения”.

Нагромождение бездействующих резервов представляет печальный синдром.

Иногда резерв назначается специально для того, чтоб лишнему при данной боевой группировке начальнику дать возможность проявить и свое участие в бою. Так, например, средний боевой участок Ландясаньской позиции (август 1904 г.) оборонялся 23-м Восточно-Сибирским стрелковым полком с двумя батареями. Естественно было подчинить участок командиру полка, так как огнем батарей руко-

водил командовавший артиллерийской бригадой, а других войск не было. Но по диспозиции Восточному отряду начальником участка был назначен командир бригады, генерал-майор Кречинский. чтоб не устранять боевого командира полка полковника Турова, командиру бригады пришлось подчинить ему всю боевую часть, а себе оставить резерв - одну роту. Игрушки для взрослых!

Иногда, увеличивая количество бездействующих войск, опираются на предрассудок об общем резерве. Общий резерв не может рассматриваться ни как последний резерв, ни как часть войск, действующая отличным от боевой части тактическим методом. Разница между общим резервом и другими частями боевого порядка исключительно стратегическая: в то время как другие части боевого порядка противодействуют воле противника, связывают его, парируют случайности, общий резерв служит полководцу средством подчинить события боя своей воле, захватить инициативу, диктовать противнику способ действия. С точки зрения тактики общий резерв такая же часть войск, как и другие, иногда вступающая в бой позже, иногда одновременно, иногда даже ранее других. Под Бауценом и Мукденем общий резерв выступает позднее боевой части; но Аустерлицкая и Ляоянская битвы начинаются именно с удара общим резервом. Значение общего резерва часть боевого порядка получает только от тех стратегических результатов, которые мы ждем от ее боевых действий.

Общий резерв — прежде всего стратегический резерв; это — проявление активной воли полководца, и если, вследствие ли его нерешительности или пассивности, или дурного состава армии, или недостаточного оборудования ее техническими средствами, полководец не способен воплотить в жизнь свое активное волевое усилие, то нет и общего резерва. Тщетно будет увеличение части бездействующих войск за счет действующих, нагромождение в тылу громадных резервов — общего резерва, как понятия исключительно стратегического, обуславливаемого соответствующей боевой ролью войск, не будет.

Когда общий резерв есть, таковым является всякая часть, охватившая или обошедшая противника, или опрокинувшая соответствовавшую ей часть боевого порядка противника; всякая часть, занесенная для нового удара противнику, составляет часть общего резерва (дивизия Дезе в сражении при Маренго).

Когда общего резерва нет, то нет и обошедших или охвативших, а есть только охваченные, обойденные и отрезанные (отряд Биргера в Мукденской битве); нет целей действий впереди — у противника

нет чувствительных точек — стратегических ключей; только у нас всюду уязвимые места, нуждающиеся в специальном прикрытии.

“Резервы у русских только средство парирования случайностей, а не могущественное средство высшего управления для подчинения воли противника” (Лебель).

У нас были “общие” резервы в распоряжении главнокомандующего, командующих армиями, командиров корпусов и начальников дивизий, конечно, только на бумаге, так как армия, имеющая 20 общих резервов, в действительности не имеет ни одного <...>

Отношения не к своим войскам, а к соседям составляют лучшую характеристику генерала. Как приятно было иметь соседями генералов Мищенко, Самсонова, Данилова, и какое несчастье было действовать рядом с другими, все время остерегаясь подвоха. Сколько неприятностей вынесла одна 6-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия!

Порядочную компанию могут составить только порядочные люди. Все начальники должны быть прежде всего людьми с чистыми руками и добрым именем.

Существует уездный патриотизм. В глазах той или другой части населения местные интересы перевешивают интересы государства. То же бывает и в армии. Недостаточно развивается общая солидарность между всеми защитниками одного государства. Культивируются короткие, мелкие самолюбия — корпоративная честь специальных и привилегированных родов войск, корпоративные понятия малых отдельных частей. Наряду с интересами армии и даже выше их ставятся интересы такой-то части. На войне эгоизм отдельных частей приносит недобрые плоды <...>

Отсутствие связности в действиях наших войск отчасти объясняется постоянными отступлениями. Успех, наступление соединяют войска; неудача, отступление разлагают войсковые соединения.

Оборонительные действия пехоты заключаются в том, чтоб удержаться во что бы то ни стало, несмотря ни на какие действия врага; удерживаться, когда все колеблется, все кажется пропавшим (Бронзарь фон-Шеллендорф, майор).

Пехота, раз отступившая, уже испорчена: подорвана вера в свои силы и в талант начальников; наступление, захват пространства теряют смысл, когда отходят перед противником. Ужас отступления, незащитность при отходе от наседающего с фланга врага вспомнятся и в бою, и будут подтачивать нравственные силы пехоты. Тактика ставит стратегии совершенно категорическое требование — вводить

в бой пехоту лишь в таких условиях, чтоб она могла не уступить противнику ни пяди земли.

Главной причиной недостаточной связности действий наших войск в прошлую кампанию был характер, который получила война. Боевая обстановка в массе людей быстро вытряхивает охотничий инстинкт, жажду приключений, стремление получить отличие. Нравственная сила бойцов исчерпывается до дна; поддержать и соединить бойцов могут только основные идеи о родине, об отечестве.

Между этими понятиями заключается крупная разница. Родина — это знакомые пейзажи, домашняя обстановка, сны заброшенных на чужую сторону людей. Отечество — это жизненный уклад, законы и учреждения; это тот устав, с которым суются в чужие монастыри, та идея, которую люди готовы проповедовать словом, пером и мечом всему миру.

Родина — это мечты, отечество — долг; родину любят, отечеством гордятся. Родину защищают, за нее умирают; во имя отечества наступают и одерживают победы.

Нам не удалось сделать последнюю нашу войну отечественной; армия не имела поддержки в идее об отечестве, так как оно раздиралось внутренними смутами. Армия приносила за родину огромные жертвы, но победы не было <...>

Ложь

В статуте ордена Св. Георгия заключается глубокая идея о действительно принесенной пользе, об осязательном результате, который только и подлежит награждению. Все великие практики прежде всего ценили трезвую действительность. Особенно строго относились к действительности римляне, великие по своему государственному строительству. Печально, если мы отречемся от этого принципа, если мы будем прекрасные намерения и цели ценить выше скромной действительности, если мы предпочтем “тме низких истин нас возвышающий обман”.

Есть искусство для искусства, далекое от жизни; точно так же есть и геройство для геройства, от которого практика ничего не выигрывает. В “Войне и мире” Толстой описывает подвиг, совершенный в Аустерлицком сражении поручиком Бергом, передавшим шпагу из раненой правой руки в левую и полагавшим, что он сделал весьма важное для армии дело. Точно так же безрезультатным геройством были атаки владимирцев на Альме, турок на вершину св. Николая, 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка под Хамы-

таном (конец Тюренчена). С высоким подъемом духа люди расшибают себе лбы совершенно бесплодно и бестолково; антиутилитарность, игнорирование действительности являются основой такого геройства.

Весьма часто причиной проявления непригодного для жизни героизма является ошибочное представление о моральном элементе. Превосходство духа имеет решительное значение; но нельзя представлять себе моральный перевес в виде морального неистовства, той растрепанности чувств, в которой, судя по картинам для простого народа, залог победы. Прежде всего необходима серьезная работоспособность; юродивые, умалишенные и пьяные одерживают победы лишь там, где нет достойного противника. Бой — серьезное дело, и моральное превосходство в бою должно выражаться в настойчивой и упорной работе, в преданности общему делу, а не в стремлении показать фокус. Моральный элемент прежде всего высказывается в отношении к действительности; там, где о нем забывают, где все заняты только своим делом, где жизнь на первом плане — там все обстоит благополучно. Там же, где все время храбрятся, оценивают мужество и по картинности рассказов, и по проценту убывших из строя, где все время одни воодушевляют других, где громкие фразы сыпятся без счета — там наверно у семи нянек моральный элемент хромает. Наивно думать, что фраза даст победу, что громкие приказы заставят противника оробеть. Моральная солидарность вырабатывается другими приемами.

В боевой обстановке люди выходят из нормального состояния, до известной степени хмелеют. Это естественный результат того нравственного переутомления, которое является в бою; было бы ошибочно считать необходимым нарочно затуманивать себе глаза теми или другими средствами перед боем. “Верный взгляд военный” в бою не так-то легко сохранить; но надо стремиться трезво относиться к боевой действительности, так как только верная оценка положения может дать победу. Искусственное подвинчивание себя фразами — это прием морального алкоголя; он нужен только натурам измотанным и вообще негодным к практической деятельности.

В прошлую кампанию в нашей армии дурные замашки систематически поощрялись; последовательно растился культ добрых намерений, забвения действительности; впрочем, при неудаче люди всегда склонны фантазировать. Это один из важнейших минусов, которые мы нажили за эту кампанию. Фантазия, ложь в реляциях и донесениях, ложь в компановке и исполнении операций составляют наиболее тяжелую рану нашей армии, нанесенную ей прошлой войной.

Есть только одно средство для ее излечения — это правдивое и быстрое восстановление истины; история войны — не мертвое изложение подробностей известных фактов, а бич, карающий фальсификацию на поле сражения.

Все военное искусство заключается в соединении усилий для поражения врага; а могут ли лгуны и лицемеры произвести общее усилие? Могут ли они дружно вести общее дело?

Достоинство и сила военного заключается в оружии, которое он носит при себе, и в его правдивости. Безоружный боец — бесчестен; так же бесчестен и боец-лгун. Нужно ценить винтовку, беречь патроны и говорить правду — в этом сила армии, в этом залог победы.

Любовь и уважение — чувства, которые прекрасно подделываются на житейском рынке; внимательный анализ часто откроет под ними одно лицемерие. Высоких степеней виртуозности достигает как искусство отворачиваться от действительности, так и искусство превратного ее изображения. Ложь всегда остается ложью, и никогда лучшие намерения не могут ее оправдывать; но особенно обидно, когда ложь задевает такие предметы, которые дороги вашему сердцу; что может быть обиднее изображения действительности великого, когда оно разделано лубочным способом для темных неразвитых вкусов и понятий, подмазано, подкрашено в сусального хирурвимчика?

Если мы не будем отворачиваться от тех печальных условий, в которых пришлось действовать нашим войскам, то мы поразимся подвигами, действительно ими совершенными; мы преклонимся перед испытаниями, которые преодолел наш солдат. Лжи для этого не надо; надо только трезво смотреть на события во всей их полноте.

Наш солдат не несчастное создание; его следует изображать в неприкрашенном виде; он как герой, существующий в действительности, имеет и должен иметь свои теневые стороны. Надо не верить в наше будущее, надо быть трусом, надо бояться и презирать действительность, чтоб отворачиваться от теневых сторон, заявлять, что у нас нет недостатков.

Гибель народа начинается тогда, когда он теряет способность смотреть в лицо действительности; когда он факты действительной жизни начинает подменять фантазией; начинает мечтать и засыпать. Мне вспоминаются рассказы о том, что, когда турецкие армии и крепости склоняли перед нами свое оружие, в кофейнях Константинополя наемные рассказчики убаюкивали мусульман вестями о победах, одерживаемых турецкими армиями. Забвение действительности — сон нации — это смерть.

Предрассудки и боевая действительность. Александра Свечина, Генерального штаба капитана. Издал В.Березовский.- С.-Пб., 1907.- С.1-13, 20-22, 30-40, 44-46, 54-76, 81-82, 132-136.

Курс крепостного дела

Общий недостаток наших зимних занятий с офицерами — это беспочвенность их: занятия состоят почти исключительно в изучении одних и тех же шаблонов, одних и тех же схем боя. Чтобы правильно поставить тактическое обучение, прежде всего надо изгнать дух шаблона, надо связать учебную работу с действительной жизнью, с разрешением практических вопросов.

Вопрос о зимних тактических занятиях наиболее резко поставлен в частях наших крепостных войск. Особых крепостных училищ у нас не существует; крепостные пехотные и артиллерийские офицеры готовятся в училищах, предназначенных, главным образом, для комплектования офицерами полевых войск.

Подготовка, получаемая молодыми офицерами в училище по крепостному делу, не представляет ничего серьезного, приложимого к делу. Крепость для молодого офицера, когда он является в нее на службу, не в достаточной степени знакома ему теоретически; к сожалению, она остается ему неведомой и тогда, когда он уже удаляется на покой, прослужив в крепости 20-30 лет.

Служба в гарнизоне течет почти вне всякой зависимости от крепостных условий чисто военного времени; вне своей узкой специальности почти никто не изучает крепостного дела. Зимние занятия в крепостях не приходят на помощь молодому офицеру, не дают ему возможности уяснить сущность крепостного дела, не обращают его внимания на поучительные детали устройства крепости. Вместо того чтобы будить мысль, возбуждать интерес к крепостному делу, на тактических занятиях офицерам гарнизона предлагают избитые, опроверженные задачи на атаку или оборону какого-нибудь воображаемого фольварка Ромбинен. И текут и занятия, и служба крепостного офицера явно нецелесообразно, явно игнорируя сущность крепостного дела. Маневры ведутся преимущественно так же, как и в полевых войсках; редкие крепостные упражнения почти никогда не ведутся с толком, быть может потому, что и руководителям крепостного дела негде себя подготовить к работе по своей специальности.

Гарнизон наших крепостей знаком с ними в недостаточной степени. Слишком далеко от боевых запросов течет мирная крепостная

жизнь, слишком мало приходится думать о военном назначении всех сооружений мирного времени.

Общеизвестен факт, что постоянные обыватели города менее всего интересуются городскими достопримечательностями. Горожане шагают по своим делам ежедневно мимо какого-нибудь великолепного памятника зодчества, не обращая на него внимания; он не возбуждает ни мыслей, ни восторгов, он обратился в фон, на котором протекает городская жизнь. Наезжий турист по Бедкеру в 2-3 дня находит такие углы, куда коренные обыватели никогда в жизни и не заглядывали.

Так и в крепостях. Крепостные верки для обывателя крепости составляют ужасный по однообразию фон, на котором тягуче-медленно протекает небогатая содержанием крепостная жизнь. Для крепостника форты, батареи, погреба, убежища — не боевые постройки, коим суждено когда-нибудь сыграть крупную роль в обороне родины, а присутственное, пренеприятное место. С этим печальным явлением надо бороться всеми силами; при бездушном отношении к крепостному делу гарнизона не может явиться то понимание, та любовь к крепостным веркам, без коих крепость не будет твердым оплотом от вражеского нашествия.

А бороться возможно, и борьба приведет нас к победе; надо только, чтобы крепостные офицеры изучили, поняли крепость, усвоили себе ее развитие, ее устройство, поняли, какая служба от них требуется на крепостных верках во время осады, в каком направлении должна развиваться крепость. Только в таком случае можно сродниться с нею; если же к крепости интереса в гарнизоне не будет, — то она останется чуждой для гарнизона, дух и мысли защитников ее не будут к ней прикованы.

Необходимо подготовить в крепости из офицера без специальных знаний офицера, знающего и любящего крепостное дело, любящего крепость. Надо дать ему возможность в крепости пройти курс крепостного дела. Для этого под рукой и педагогический состав, и прекрасный музей — сама крепость.

В каждой крепости имеются офицеры генерального штаба, инженеры и артиллеристы, знающие более или менее специальности крепостного дела. Они могут выступить лекторами на проектируемом курсе; под рукой у них крепость, богатый материал для всякого рода справок и примеров. По возможности, программа должна быть составлена так, чтобы лекторы не повторяли шаблонов из учебников фортификации и осады крепостей. Вместо теоретической крепости лекторы должны иметь в виду именно ту крепость, в которой чита-

ется курс. На примере каждой крепости можно изучить в полном объеме долговременную фортификацию: по поучительности и наглядности ни один атлас чертежей не может сравниться с действительно существующими крепостным верками. Каждый военный инженер, заведующий в строительном отношении участком крепости, может детально изложить слушателям его устройство, его возникновение, его особенности, необходимые усовершенствования. Офицеры генерального штаба могут изложить очерк того театра, где находится крепость, главнейшие стратегические условия, которые определяют значение крепости, силы и средства грозящего нам врага. На примере данной крепости гораздо легче усвоить себе общие принципы крепостного дела, чем на теоретической крепости — никогда в действительности не существующей <...>

Против всего сказанного выше имеется одно существенное соображение, с которым приходится считаться. Дело в том, что курс на 3/4 оказывается состоящим из секретных данных. В нем по необходимости будут дебатироваться те же вопросы, которые заключаются и в плане обороны, и в плане мобилизации крепости. Возможно ли сделать их предметом обсуждения в среде крепостных офицеров?

Укажем, во-первых, что от личных взглядов начальника штаба будет зависеть вести изложение вопросов курса более или менее близко к предположениям плана обороны, обходя те в сущности весьма немногочисленные тайны, которые не могут быть доверены любому офицеру крепостного гарнизона. Затем, разбор многих вопросов мобилизации перед аудиторией офицеров окажет сильное давление на их разработку — мне кажется, что от этого мобилизационные планы крепостей выигрывают более, чем от любой постановки контроля, хотя бы в виде пробных мобилизаций.

Указываемые мною вопросы дебатировались в крепостях и теперь, но исключительно на бумаге, в тиши кабинетов; крепостная мысль глухнет от того, что не имеет аудитории. Всякое соображение, относящееся к крепости и отвечающее действительным местным нуждам, тотчас же по появлении на свет записывается, законвертовывается, запечатывается и запирается в секретный шкаф — кладбище крепостных мыслей — где все равно покоятся, и хорошие и дурные. Если мы, не доверяя никому, в целях тайны, похороним все крепостное дело, то, понятно, оно не будет возбуждаться; тайна будет схоронена, но создавшееся положение будет печально, мысль заглохнет. Крепостному обществу, крепостному делу нужно немного света, немного воздуха гласного обсуждения.

Техника боевой работы в крепостях за последнее время сильно осложнилась. Надо в мирное время ознакомлять и упражнять офицеров со способом извлечь пользу из новейших долговременных построек, из современного состояния артиллерийской техники; иначе крепость окажется в военное время на таком же положении, как эскадра, экипаж которой впервые видит боевые суда. Там, где нужно искусство, где нужна техника, нельзя далеко уйти на одной тайне. Расчет на то, что в крепости достаточно иметь двух—трех человек, ознакомленных со способами отпора врагу, в военное время окажется в корне ошибочным. Все крепостные работники должны понимать свой маневр — сущность, цель и технику своей работы; только тогда она будет плодотворна.

Во всяком случае нужно доверять собственным офицерам — иначе нельзя из них выработать убежденных защитников крепости, нельзя заставить их полюбить крепость, совместить интересы крепости с их собственными.

В настоящее время крепостное дело полно недоразумений по всем частям. Если бы существовало в общем составе офицеров гарнизона отчетливое представление об общем положении крепостного дела, то большая часть происходящих недоразумений устранилась бы сама собой. Работа крепостного офицера, прохождение им службы в крепости значительно бы осмыслились, и потому сделались бы приятнее и популярнее, что вызвало бы приток в крепости стремящейся работать молодежи.

Русский Инвалид. - 1907. - № 115. - 25 мая.

Дух мертвый

Не вглядываться в прошлые события, не изучать причины наших поражений — значит не желать исцелить нашу армию от скопляющихся ее недугов, не желать ей в будущем побед. Нам, русским, отвертываться от тяжелых кровавых страниц дальневосточной борьбы — прямо гадко.

Внимание армии должно быть обращено на последние боевые страницы ее истории. Тяжело становится, когда представить себе, что думы о Ляояне, Шахэ и Мукдене выпорхнут из центра нашего внимания, что мода на них пройдет, как проходит мода на дамские шляпки... А если офицерское общество утратит интерес к опыту прошлой войны, то что делать? Будут выходить двадцатитомные казенные издания о войне, будут мирно занимать места на полках архивов и будут покрываться толстым слоем пыли.

Не проявляя интереса к прошлой войне, мы похоронили бы память о наших товарищах, павших на Маньчжурской земле, как хоронили 3 года тому назад их тела. Мы совершили бы преступление как по отношению нашего будущего, так и прошлого.

Есть несколько причин, и есть несколько позиций, откуда равнодушием, скукой форменного образца и ледяным, мертвящим жизнью духом веет на исследование опыта русско-японской войны. Где они эти источники духа мертвого? Их, повторяю, несколько; боюсь сказать — много. У каждого из нас есть такой знакомый, который имеет скверную привычку повторять, что бы вы ему ни сообщили: “я так и знал; я ведь предупреждал; ведь я говорил; меня не слушали; ну и разбирайтесь теперь!” Эти господа — несносные создания.

Ничто для них не ново под луной, ничто их не интересует; не только уши, но, кажется, смоковница бы завяла в их присутствии. Они входят в гостиную, где кипит оживленный разговор, где резко играет солнечный луч, где лица интересны, так как одухотворены стремлением к чему то, что выше будничной повседневности. И вдруг — метаморфоза: все киснет, сворачивается, делается пасмурным; дамы сразу стареют на много лет, мужчины теряют нить разговора. Все это следствие появления доброго знакомого.

И у меня есть такая добрая знакомая, которая много умеет сделать в высшей степени противным своим “я так и знала”. На все у нее есть свои принципы — такие же широкие, всеобъемлющие и пустые, как ридикюль старой девы. И все, что ни случилось бы на свете, все она знает, все, точно по мерке, подходит к ее принципам.

Настала последняя война. События следовали одно за другим. Трудно было понять все это и объяснить себе. Было больно и страшно думать о многом. Временами получалось впечатление землетрясения. Все ходило перед глазами; колебались основы. Моя добрая знакомая временами заметно конфузилась. Но вот поставлена точка. Ход событий временно прерван. Моя добрая знакомая уже тут как тут: “ведь я говорила? Все это очень просто: есть 7 принципов. Меня не послушали — пеняйте на себя. Не в моей лавочке покупали”.

Эх, добрая знакомая! Не так-то просто то, что случилось на Дальнем Востоке; не мешайте нам своими собственными глазами изучить совершившиеся события; придержите пока ваши принципы в ридикюле. А что до вашей болтовни, то на простой вопрос — направо или налево — вы не отвечаете, а судите о корнях вещей и так, и этак, и как не случись, все выйдет по-вашему. Все сказать — ничего не сказать.

Боюсь, чтобы это поверхностное отношение — “я так и знал” — “ну, это понятно”, — “это очень просто” — не повредило бы делу изучения нашей прошлой войны. Раз все это так, как говорит моя добрая знакомая, то прежде всего это скучно, это не интересно, это форменного образца и не подлежит изучению мной в свободное от службы время.

Теперь нашей армии приходится переживать натиск педантизма.

Эти мысли были навеяны на меня разговором с товарищем, который уезжал преподавать юнкерам тактику и военную историю.

— Что же, будете обучать и воспитывать молодежь на примере сражений приснопамятного, полусказочного времени?— спросил я.

— На мой взгляд, совершенно безразлично, откуда мне черпать примеры для иллюстрирования принципов военной науки. Мне даже безразлично, верно или не верно будет излагаться фактическая сторона военных операций — лишь бы она ясно иллюстрировала положения военной науки. Безразлично, буду ли юнкерам приводить в доказательство эпизоды Ляоянского сражения, или выдуманную мной задачу на планах Скугаревского и Энгельгардта — лишь бы суть принципа ясно истекала из примера. Конечно, я постараюсь извлекать уроки тактического искусства из славного прошлого нашей армии — битвы на Куликовом поле, Полтавской, походов Суворова.

Искренность моего собеседника меня обрадовала.

— Так вы предпочтете, пожалуй, книгу Гоппеншtedта — “бой в будущем” — действительно случившемуся Мукденскому сражению? — продолжал я допрос.

— Да, у Гоппеншtedта все придумано просто, ясно, логично. По его воображаемому будущему сражению легко можно схватить типичные положения тактики, а в Маньчжурской битве много туманного, недоделанного, нелогичного, неправильного.

— Военное дело, — продолжал он, — это та же математика. Все поддается вычислению. Действуя по принципам, сообразуясь с техникой, мы будем следовать правильным путем и в результате победим.

— Но ведь вы истину, действительность сознательно приносите в жертву отвлеченным теориям и фантазиям?

— Ну и Бог с ней, с истиной! Голая истина только запутывает и смущает. Если познать истину, непрерывно и остро ощущать ее, не только что воевать, но и жить — то, может быть, не захочется!

Это говорил молодой офицер, лично перенесший тяжесть нашей прошлой войны; в более смутной форме эти откровенно высказанные взгляды разделяются многими другими.

Как могли дойти они до жизни такой, хочется поставить им вопрос.

Как могут они отворачиваться от действительности, от событий колоссального значения, которые проходят перед ними; как могут они забывать свое участие в них, забывать, что белое, что черное, добровольно надевать на себя ярмо фальшивых теорий и рассказывать сказки о царе Горохе, когда теперь кажется, сама земля горит военно-историческими событиями огромного интереса?

Велика сила педантизма, сила мертвой буквы; и проявляется она с особой энергией иногда в совершенно неподходящей для нее на первый взгляд обстановке, когда события кипят ключом. Многие искренние люди обжигают в этом водовороте свои крылья, уходят в свою раковину и прячутся за броню педантизма. И на милых устах лектора, иллюстрирующего Полтавской битвой весь теоретический катехизис военного дела, быть может ложится горькая улыбка разочарования в жизни, в современной действительности, в современном искусстве воевать.

Только отчаяние может заставить его брать примеры на разведку из деятельности Дмитрия, великого князя Московского, на берегах тихого Дона 500 с лишком лет тому назад.

Отчаяние — плохой советчик. Нужно мужество, чтоб жить и работать. Нельзя прятаться от требований жизни за мертвую букву, как прячет под крыло страус свою голову.

Офицерская жизнь. - 1907. - № 93. - С.648.

По верхам

Дедовские замки, старинное оружие, освященные древностью приемы борьбы, — все это отошло уже в область преданий. В наследство теперь мы получаем лишь традиции. Материальная часть и техника наших отцов уже не годятся для нас. Человек теперь работает дольше, чем то вооружение, те инструменты, те приемы, которыми он пользуется. Все, что соприкасается с техникой, дряхлеет быстрее, чем люди. Офицер служит 25-35 лет; броненосец же выходит в отставку через 20 лет, крейсер уже через 15. Каждые 10 лет в армии появляется новое вооружение, вводится новая тактика.

Чтобы не одряхлеть наподобие крейсера, через 15 лет своей службы, чтобы держаться на уровне возникающих требований, офицеру необходимо напрягать значительные усилия. Глубоко поучительное явление представляет в этом отношении Мольтке: он окончил школу в двадцатых годах прошлого столетия, а спустя 60 лет, в глубокой старости, продолжал оставаться мастером своего дела. Он пережил огромную идейную эволюцию XIX века, пережил появление заряжающихся с казны ружей, нарезных пушек, железных дорог. Политическая карта Европы, стратегия, тактика, устройство армии и крепостей — все это переменялось при нем. И каждое нововведение он успевал подметить, оценить и использовать; каждый шаг техники не только не отбрасывал его в архив, но, наоборот, придавал ему новую силу, новую остроту его комбинациям. Эта необычайная свежесть и современность глубокого старика представляют явление еще более замечательное, чем его крупный полководческий гений. В этом отношении сравниться с Мольтке может только наш гениальный старик — Суворов.

Как умудрился сохраниться в умственном отношении до восьмидесятых годов прошлого столетия Мольтке; в чем заключается секрет этой умственной свежести, секрет молодости?

Ответ очень прост: он сохранился благодаря постоянной работе, благодаря серьезному умственному труду, вследствие привычки углубляться при рассмотрении каждого вопроса. Легкомысленное, по-

верхностное, блестящий энциклопедизм — все это было совершенно чуждо характеру Мольтке.

Поверхностный энциклопедизм теперь опаснее всего, так как, скользя по верхам, человек быстро стареет: арсенал приобретенных в молодости идей не обновляется, быстро дряхлеет и обращается в музей. В этом, несомненно, для нас заключается значительная опасность.

Поветрие энциклопедизма издавна занесено в славянские страны из далекой Франции. Легкомысленный француз-гувернер сыграл свою роль при наведении внешнего лоска не только в захолустных помещичьих усадьбах, но и в рассадниках нашего образования. Онегины в военном деле — далеко не единицы; они слышали обо всем и не умеют ничего...

Экзамены по военным наукам молодых офицеров и даже юнкеров производят на недостаточно поднаторевшего в этом деле зрителя странное впечатление. Бойкие ответы по весьма сложным вопросам, решение которых в вашем представлении еще не складывается, конфузят нас и заставляют искренне краснеть. Вы замечаете, что для экзаменуемого все чрезвычайно просто; в пределах его кругозора все решено, все чисто, ни сомнений, ни затруднений нет. Но что нас наиболее сильно поразит — это необычайная эрудиция отвечающих. По любому вопросу курса вы слышите ссылки на мысли великих русских и иностранных полководцев; в доказательство так и сыплют примеры из самых разнообразных войн. Безусая молодежь в области военной истории чувствует себя, как дома: с Лаонской позиции отвечающий перескакивает к какому-нибудь неизвестному вам делу на малоазиатском театре войны. Вы боитесь даже вставить замечание, так как сомневаетесь, в какую войну с турками происходил этот эпизод.

Вы начинаете проникаться уважением к знаниям экзаменуемых; примеры ползут, как из рога изобилия; они черпаются из полутора десятков кампаний — почти из всех войн XIX и XX веков; ваш же лично ученый багаж достигает только половины этого. Этож и Вошан, Краон, Бегли-Ахмет — все это ничего не говорит ни вашему уму, ни вашему сердцу.

Наконец, отвечающий с апломбом произносит: “подобный случай был под Гравелотом”. Эта тема вам хорошо знакома, что немедленно и отражается на вашем поведении: лицо ваше расплывается в улыбку и вы приглашаете экзаменуемого побеседовать с ним об

этом поподробнее. Экзаменующийся делает два, три тонких замечания о Гравелотском сражении и неприятно резко останавливается. Без всякого труда вы убеждаетесь, что о Гравелоте отвечающий не имеет никакого представления; выводы висят в воздухе и производят жалобное впечатление.

То же повторяется, когда экзаменующийся приводит пример из знакомой вам Плевненской операции: тонкое, критическое замечание, изложение деталей небольшого эпизода — и полное непонимание общего смысла положения, незнакомство с обстановкой в самых широких чертах. Весь запас своих знаний испытуемый выкладывает сразу. Больше по данному примеру у него в голове нет решительно ничего. Вы становитесь в тупик.

Вам уже казалось, что отвечают молодые суворовы и наполеоны, посвятившие свою юность на изучение бесчисленных походов более и менее великих полководцев, — и вдруг разочарование: одни верхи, одна блестящая внешность.

Можно было предполагать, что испытуемый проглотил целую историческую библиотеку; при ближайшем же рассмотрении единственным источником его эрудиции оказывается какой-нибудь тощий сборник военно-исторических примеров, уделяющий на очень сложные явления, как, например, война 1870-71 года, всего 1-2 страницы.

Как ценно действительное знакомство с военно-историческими событиями, хотя бы в самых скромных пределах, и как жалок этот явный суррогат знания.

Мне бросилось в глаза военно-историческое сдабривание ответов по различным наукам потому, что оно ярче всего, что здесь связь преподавания с энциклопедическим словарем заметнее всего, потому что в этой отрасли существует целая промышленность — ряд печатных сборников, специальная цель коих не развитие в учащемся понимания военного дела, а облегчение ему экзаменационной страды: это — как гигантская шпаргалка, которая позволяет принимать более начитанный, более ученый вид, чем он на самом деле есть. В один день постигается вековой опыт...

То же происходит и в других военных науках; идейная шпаргалка пустила свои корни в виде различных более или менее явных “катехизисов”, сокращенных и повторительных курсов и т.д. Рынок отвечает спросу.

При известном школьном застое требования экзаменаторов как бы вырождаются, становятся все поверхностнее, шаблоннее и, пожалуй, снисходительнее. С другой стороны, со стороны экзамену-

щихся развивается целая техника преодоления барьера на жизненном пути, представляемого экзаменом. Каждому свойственно стремление показать товар лицом; экзамены развивают это свойство в высшей степени; появляется своеобразная смотровая техника. Перед каждым экзаменуемым встает задача — с наименьшей затратой усилий приобрести по данному предмету наиболее ученый вид.

Существует целый ряд и больших учреждений, и отдельных лиц, которые в короткое время “натаскивают” к экзаменам. Это зло пустило порочные корни в различных технических специальностях, где приходится считаться с большим конкурсом. Оно значительно проникло и в военную школу.

Некий гениальный репетитор сумел в один вечер вдолбить ученику средних способностей, совершенно незнакомому с химией, столько необходимых на экзамене сведений, что на следующий день ученик с отличием отвечал по обширной программе курса перед довольно строгим экзаменатором.

Каков был удельный вес приобретенных знаний? Какова их пригодность для практики? Что получил ученик в отношении развития своих логических способностей, развития своего взгляда на окружающие явления? Конечно, ничего; в нем была подавлена частичка его индивидуальности, частичка его способности к самостоятельному мышлению; развилась способность приспособляться под любые требования. От таких знаний мозг человека не получает силы; он линяет, стареет; заметная личность перерождается в одного из многих, в единицу толпы.

Если так берутся барьеры в точных науках, как химия, то же возможно, и даже в большей степени, в военных науках, положения которых часто имеют менее определенную формулировку. Нужно, чтобы люди учились военному делу, а вместо этого приобретаются знания, годные только для экзаменов; в военном деле не совершенствуются, а сплошь и рядом совершенствуются лишь в технике экзаменационных ответов по тактике, стратегии, военной истории и т.д., что для армии, конечно, никакой ценности не имеет. Поэтому и связь этого поверхностного энциклопедизма с работой в поле имеет такой искусственный характер. Это своего рода искусство для искусства, тайный союз обучающихся и обучаемых против разума.

Практика школьных испытаний часто разменивает военное исследование на ряд ходячих истин, на ряд общих положений, на ряд экзаменационных вопросов и ответов. При поверхностном к ней отношении мысль удивительно мельчает и стареет: глубоко-

кие морщины разбивают ее на ряд положений, не возбуждающих возражений и споров, но и не обильных выводами.

“С одной стороны, нельзя не сознаться, но с другой, нельзя не признаться...” — вот обычная формула людей, скользящих по верхам военного дела. Поверхностное знание естественно обуславливает неуравновешенность поведения. Держаться одного берега, держаться одного решения становится невозможно... Широкий взгляд!

На самом деле поверхностный энциклопедизм совершенно не способен к широкому взгляду. Скользя по верхам, можно работать лишь применяя понаслышке готовые шаблоны, хватаясь за чужие, не переработанные идеи. “Легкомыслие — это настоящая цитадель шаблона, и чудится мне, в наш век великий Суворов боролся бы больше с легкомысленными “всезнайками“, чем с мрачными “немогузнайками””.

Русский Инвалид. - 1908. - № 174. - 6 августа.

Из жизни иностранных армий

По определению Монтескье, история — это сборник небылиц, сочиненных по поводу действительных происшествий. В области военной мысли громадное влияние имели небылицы, относящиеся к великой французской революции: прекрасная легенда о толпах волонтеров, стекавшихся отовсюду под знамена, о неопытной и необученной милиции, разбивавшей и гнавшей лучшие солдатские армии. К чему, казалось, нужна была солдатская выучка, если опыт показывает, что при высоком патриотическом подъеме чувств можно побеждать ученых, оставаясь неучем? К чему знания, если все зависит от духа?

В вопросах французской революции никто, кроме самих французов, не мог ясно разобраться, а последние поддерживали и раздували великую легенду о победе Давида над Голиафом, невежественных революционеров — над закаленными полчищами старого порядка.

Теперь обстановка изменилась. Двухлетний срок службы в армии во Франции вводился против ее желания. Появились проекты дальнейшего сокращения службы; реформаторы говорили генералам: “позвольте, — да ведь все зависит от духа, от взрыва патриотизма. Если наши предки побеждали в 1793 году без всякой организации,

если толпы волонтеров сразу превращались в превосходных солдат, к чему нам постоянная армия? Переходим смело к милиции”.

Легенда о милициях революции оказалась оружием, направленным против постоянной армии во Франции; армия должна была защищаться от этой легенды, разоблачить ее — и эту задачу принял на себя французский генеральный штаб. В целом ряде превосходных трудов о революционных войсках современные французские историки доказывают, как тяжело было воевать в эпоху революции. Идеи серьезных историков популяризируются в газетах и в журналах; почти каждый день во французской прессе встречаешь вылазки против великой легенды.

Сотни свидетельств позволяют утверждать, говорит “*Journal des sciences militaires*”, “что никогда комплектование армии не было так трудно, как в эпоху революции; никогда в войсках не было такого количества дезертиров, симулянтов, мародеров, трусов, негодяев. Это несомненно”.

Волонтеры — прежде всего, их почти не было. Только в Париже удавалось увлечь несколько волонтеров в армию, пользуясь шумихой манифестаций и опьянением митингов. В провинции же “волонтера” брали по жребию — по наряду стольких-то волонтеров от общины. Эти волонтеры, будто бы никогда ни при каких обстоятельствах не дезертировавшие, сотнями тысяч разбегались из своих частей. В 1795 году французская армия насчитывала 1.169.000 человек, а через 15 месяцев — только 400.000 человек; из нехвативших 769 тысяч, конечно, гораздо большая часть дезертировала, чем погибла от голода и лишений.

Единогласно утверждают свидетели той эпохи, что старые королевские полки были лучше новых волонтерских батальонов. Волонтеры не выдерживали более 10 % потерь. В конце концов правительство решило перемешать между собой части постоянные и волонтерные, чтобы избежать недоразумений с последними <...>

Что касается до новой тактики — глубокого боевого порядка, искусного пользования опорными пунктами, — будто бы созданной революционными армиями впервые, то я беру смелость утверждать, что эта тактика, получившая во Франции широкое применение, заимствована у нас, у нашего родного гения — Великого Петра.

Близость воззрений французских современных писателей, близость доктрины, проповедуемой ими так настойчиво, к тем взглядам, которые почти безусловно господствовали у нас перед последней войной, обратили на себя внимание многих. Но ошибочно было бы думать, что франко-русский союз в области тактики создан был уси-

лиями одного генерала Драгомирова, учение которого так популярно во Франции. Сближение идей началось почти два столетия тому назад. Корни французской доктрины протягиваются на поле Полтавской битвы, юбилей которой мы только что торжественно отпраздновали.

Полтавская победа — это подарок Петра России. Битва была выиграна скорее искусством великого человека, чем усилиями войск. Боевая задача была облегчена войскам до крайности. Противник был процежен Петром Великим через ряд редутов, размягчен огнем с укреплений и подан нашим молодым полкам во вполне готовом для поражения виде. Опыт Нарвы не пропал даром: Петр поставил себе задачу, как с молодыми, недостаточно сплоченными, недостаточно обученными, неуверенно маневрировавшими войсками победить своего первоклассного противника, и эта задача нашим полководцем была разрешена идеальным образом. По обстоятельствам, с армией учеников против армии учителей нельзя было ничего придумать лучшего. Эта тактика была создана страстным желанием гения победить теми средствами, которые находились под рукой. Если бы армия Петра Великого по подготовке к маневрированию и закалу не уступала бы шведской, наш полководец, конечно, победил бы более обычными приемами линейной тактики.

Идею Петра Великого схватил маршал Саксонский, которого судьба носила всюду и которому в первой четверти XVIII века приходилось служить в Польше и России. Он перенес ее во Францию, обработал и взлелеял в своих сочинениях. Вот прямое указание маршала Саксонского на происхождение его идей о ведении боя из глубины и о пользовании опорными пунктами: “Если такая тактика (в подлиннике — диспозиция) дала Полтавскую победу московитянам, недостаточно закаленным для боя и уступавшим своему противнику, какой успех может ждать от нее храбрый, пылкий народ, с такой склонностью к атаке”!

Для того чтобы идеи маршала Саксонского перелились из области теории в практику, нужно было французской армии пережить свою Нарву — Россбах. Полтавской идеей Петра великого руководился в своих операциях и сам маршал Саксонский, и в особенно широком масштабе — маршал Броглио, известный французский полководец эпохи Семилетней войны; революционные генералы — Лафайет, Дюмурье, Келлерман, Журдан — это ученики, друзья и последователи Броглио.

Многим, может быть, покажется странной и натянутой эта генеалогия французской доктрины. Тем не менее нет ничего особенно

удивительного в том, что молодая русская армия и дряхлевшая французская армия XVIII века сошлись на одной тактике, что идея Петра Великого так легко укоренилась во Франции. Французы сами, естественно, должны были прийти к полтавской тактике, так как французам, как и нам под Полтавой, приходилось сражаться против превосходного по обучению и сплоченности противника. Одни и те же причины должны были привести к одинаковым последствиям.

Французской армии приходилось сражаться с пруссаками, строго державшимися, как известно, линейной тактики и доведшими ее до высшей степени совершенства. Тактику пруссаков во все времена можно охарактеризовать как тактику прилежных людей. Прусская доктрина заключается в том, что на войне одерживает победу тот, кто лучше выучен в мирное время. Принц Фридрих Карл в своей прекрасной инструкции 1860 года “Искусство сражаться с французской армией”¹² указывает, что французы увлекаются формулой Наполеона о преимущественном значении морального элемента над материальным, что эта идея всосалась там в плоть и кровь; на этой формуле поставлено все воспитание французского солдата; в результате его не готовят материально к бою, пренебрегают маневрами и т.д. Пруссаки всегда видели залог победы в этой материальной подготовке войск, зубрили, зубрили и зубрили, так как видели в учениях мирного времени, часто презиравшихся и во Франции, и в России, науку побеждать. По прусскому уставу XVIII столетия новобранца должны были непрерывно учить заряданию и прикидке до тех пор, пока он не будет свободно давать 4 выстрела в минуту. При тогдашних ружьях на меткость одиночного выстрела не рассчитывали. Но зато и пуля не могла улететь далеко; как пушечная картечь, залп батальона заседал пулями все пространство перед ним. Пруссаки наступали сплошной стеной и, давая до 5 залпов (3 шеренги) в минуту, с 50-70 шагов поражали противника; батальон, имея по фронту 170 шагов, выпускал на близкую дистанцию свыше 3 тысяч увесистых пуль в минуту. Ни одна другая армия не могла приблизиться к этому идеалу.

Справедливо говорили французские генералы, что недисциплинированной французской армии нечего и думать состязаться с прилежной прусской армией в усвоенной последней огневой тактике: француз будет стрелять и хуже, и вдвое тише, и скорее расстроит порядок сплошной стены. “Пруссаки над нами в огне имеют неоспоримое преимущество, — говорили французы, — мы не можем сле-

---

¹² Эта инструкция крайне поучительна и для нас.

довать их тактике; для этого пришлось бы подражать им во всем, усвоить их дисциплину; это подражание для нас может оказаться роковым, так как у нас нет тех свойств, которые бы дали нам победу на этом пути”.

Не помогли против огня прусской линии и штыки: под Россбахом штыковой удар (без выстрела) громадной колонны в несколько десятков тысяч человек легко отбивается с 50 шагов огнем 5 прусских батальонов. Ряд поражений заставил французов изобрести тактику передовых отрядов и позиций, использовать местность, прибегнуть к укреплению на поле сражений и перейти к ведению боя из глубины — к развитию тактики Полтавы. Неумение в полной мере использовать свой огонь, сознание огневого превосходства противника заставило французских генералов провозгласить принцип о недействительности вообще огня в бою: о том, что не огонь решает сражение, а удар в штыки. Огонь был для французов зеленым виноградом, которым, согласно басне, можно оскоминой набить. Французы отрицали значение огня даже тогда, когда всецело были обязаны ему победой.

Во второй половине XVIII столетия тактическое единение между французской и русской армией расстраивается. Мы получили “прилежного” полководца-гения Суворова. Он прошел хорошую школу Семилетней войны. Суворова эта школа выгодно отделяет от других наших позднейших начальников, воспитанных на опыте борьбы с турками и азиатами. Суворов из борьбы с пруссаками выработал свою доктрину: “за одного ученого трех неученых дают; давай нам больше”, выработал свою подготовку мирного времени, свою “науку побеждать”. Он тесно соприкасался с прусской школой, но не уклонялся от состязания с ней. С турками — каре, азиатская тактика, с цивилизованным противником — линейный порядок, вот его мысль. Он был “прилежный” и не боялся работы по подготовке мирного времени. Он вводил в нее разум и не застывал на определенных понятиях, как то делали пруссаки до Иены. Он не учил бы войска, как делал пруссак Молендорф, целить не в неприятеля, а в землю в 8 шагах перед строем, на том сомнительном основании, что в бою невольно подкидывают ружье, и целясь в землю, будто бы как раз попадешь во врага.

Во второй половине XIX века единение наше с французами много яснее. Под Горным Дубняком, окружив редут, мы стреляли в него много часов с различных сторон. Когда редут был взят, в нем оказался лишь незначительный процент турок, раненых ружейным огнем. Из того факта, что, несмотря на прекрасные условия для подготовки атаки, ружейный огонь нанес мало потерь, мы сделали вывод

о бессилии его по окопавшемуся противнику и бросились навстречу французской ударной тактике. А прилежные люди, пруссаки, и в особенности сомневавшиеся австрийцы, сделали из того же события вывод о необходимости серьезно учиться стрелять, чтобы не бить попусту. Два различных вывода из одного и того же опыта войны...

В настоящее время мы как будто бы вернулись к эпохе Семилетней войны. Наполеоновские идеи не отошли на второй план, нет, но пруссаки толкуют их в стиле Фридриха I, а французы — маршала Броглио. От нашей уверенности в себе и нашего прилежания будет зависеть путь, который мы изберем.

Русский Инвалид. -1909. - № 165. - 30 июля.

Необходимая диктатура

Артиллеристы на броненосцах в море оказались счастливее своих товарищей на сухопутных укреплениях. Современные дредноуты — это воплощение идеи плавающей однотипной батареи крупного калибра — представляют торжество артиллерийской идеи. Морские инженеры всегда стояли за обращение судна в плавающий музей орудий всевозможных калибров. При незнакомстве с техникой стрельбы, разнообразие вооружения приятно веселило глаз. Скромные морские артиллеристы не оказывали на судостроение никакого влияния. Они были почти парии флота. Явилась новая скорострельная материальная часть, создались новые условия артиллерийского боя — но морская тактика не считалась с ними. На море господствовала старая инженерная рутина, и для того, чтобы отказаться от нее, потребовался разгром русских сил на море. Чтобы похоронить старые идеи и создать дредноут — потребовалась Цусима.

В чем заключается сущность перемены на море? Раньше пушка на военном корабле признавалась, правда, необходимой, но имела характер добавки, аксессуара. Оставалось на судне свободное место — корабельный инженер примерял к нему несколько пушек (которые имелись в большом выборе) и устанавливал наиболее подходящую к месту. Он оснащал корабль пушками со всех сторон, он подбирал к кораблю соответствующий артиллерийский букет. Теперь обстановка изменилась. Не пушка дополняет корабль, а корабль представляет только пушечную платформу; какие удобства представляет корабль для своей артиллерии, насколько надежен и устойчив он как платформа, насколько способен он к маневрированию,

чтобы занимать выгодные артиллерийские позиции, — вот современная точка зрения на линейное судно.

Это артиллеристы на море перестроили наново флоты; это артиллеристы на море предъявляли новые требования к своим установкам. Не пора ли выступить и на сухопутье?

По правде сказать, с пушками на сухопутьи обращаются совершенно так же, как в былое время на море: заполняют пушками свободные места, отделяют ими форты, как в кондитерской отделяют цукатами пирог... Не каземат для пушки, а пушка для каземата. Со скорострельностью не считаются.

Дредноут строился под давлением артиллеристов. Наши форты, наши еще только проектируемые форты, эмбрионы наших фортов, еще даже не вылившиеся на бумаге, — совсем не дредноуты. Артиллерист не мог бы составить проект форта с 27 орудиями; артиллерист никогда не зарыл бы в землю 17 из них, чтобы стрелять назад, в бок, в рвы.

Как это ни странно, но артиллерию для фортов проектируют не артиллеристы, а инженеры. Следствием этого являются многие недоразумения. Пушка для артиллериста есть оружие, он сам — солдат, который должен направлять свое лучшее оружие на неприятеля; всеми силами своими артиллерист должен встречать, лицом к лицу, противника. Артиллерист-солдат — товарищ пехотинца и должен помогать ему остановить в поле, перед фронтом, натиск врага. Инженер старой школы смотрит на пушку иначе: пушка есть предмет известной стоимости: пушка — товарищ каменной стены: зарыв пушку в землю для обстреливания каменной стены, он увеличит представляемое стеной препятствие: артиллеристы — прислуга пушек — это люди, содержание которых тоже стоит денег, но соответствующие ассигнования идут по другой смете. Пехота — пусть разделяется, как она может; когда ее сломит противник, тогда-то пригодятся и наши каменные стены, и фланкирующие ее пушки, и промежуточные канониры... Когда дело будет проиграно, на сцену выступит инженерное искусство.

В общем, наши форты имеют вдвое больше пушек, чем бы следовало; для обстреливания рвов мы устраиваем целые батареи в три новых пушки, тогда как на лучших иностранных фортах для фланкирования рвов обходятся одной старенькой пушкой: все равно никто в ров не пойдет, пока все люди не будут выкурены из фланкирующих построек¹³. Мы поневоле назначаем на форты в два или

---

¹³ Одной из статей Гаагской конференции воспрещается бросать снаряды, единственное назначение которых душить и отравлять ядовитыми газами. Но класть приборы,

три раза больше артиллеристов, чем это делают наши приятели и неприятели. Сверх того, мы должны назначать и очень сильный пехотный гарнизон, так как не имеем обеспеченного огня в поле.

На фортах артиллерией распоряжаются не артиллеристы, и распоряжаются чрезвычайно неэкономно. Вместо того, чтобы устроиться так, чтобы одна пушка выполняла как можно больше задач, строители стремятся отвести на форт для каждой задачи местечко и в это местечко назначить особую пушку. Пушка-специалист — вот основная идея русских бриальмонов. Таковые бриальмоны не стремятся виртуозничать на одной струне; они стремятся создать инструмент со многими клавишами; что за беда, что клавише-специалисту может быть не придется и действовать; что за беда, что из нескольких сот погребенных в земле орудий придется действовать какому-нибудь десятку, и то лишь несколько секунд; что за беда, что тысячи артиллеристов около таких специалистов-орудий будут ничего не делать в те долгие месяцы, когда будут надрываться силы смотрящего в поле гарнизона.

Если будет поставлен вопрос: как противник с 200 орудий может успешно атаковать крепость, имеющую полторы тысячи орудий, то ответ надо искать не только в несовершенстве материальной части крепостной артиллерии, но и в страшном раздроблении орудий по специальности. Против соединенных сил врага будет действовать только одна клавиша крепостного механизма, одна специальность пушек. Другие пушки для вступления в бой будут ждать поражения уже вступивших. Такой инструмент способен разыгрывать лишь печальные арии.

С каждым днем пушка совершенствуется, становится более пригодной для выполнения различных задач; поле действий, вместе с ее дальностью, растет. Цена пушек растет тоже с такой быстротой, что государство, которое пожелает иметь качество, должно отказаться от количества, от крепостных артиллерий, число пушек в коих исчисляется тысячами. Дорожает и крепостной артиллерист, так как с каждым новым годом являются новые отрасли крепостной артиллерийской службы, а нельзя же всю армию обратить в крепостную артиллерию; и то у нас крепостных артиллеристов в мирное время содержится раз в 5 более на крепость, чем в Западной Европе. Ход развития ясно показывает, что мы не имеем права выделять

отравляющие воздух — не воспрещено; для овладения казематами такие приборы представляют весьма действительное средство, если будут заблаговременно выработаны соответствующие составы, а также респираторы для наших сапер.

новых дорогих пушек-специалисток¹⁴. Для решения специальных задач надолго останутся пригодными тысячи имеющихся уже пушек.

Что же такое представляет пушка-неспециалист, установленная в форту? Какова должна быть пушка, которая бы встречала шрапнелью атаку открытой силой, била бы в поле и на промежутки, могла бы работать еще задолго до штурма, задержать выдержанным огнем голову неприятельской сапы, при случае жестоко наказать обнаружившуюся неприятельскую батарею, затруднить смену рабочих, снять почти всю боевую работу со своей пехоты в первую половину осады?

Это — пушка в такой установке, которая давно признана во всем свете, которая в числе четырех тысяч стоит на фортах к западу от нашей границы; это такая пушка, которую просят крепости и которую ненавидят лица, боровшиеся с ней всю жизнь. Это 3-х-дюймовая скорострельная пушка под броневым куполом; это — единственное решение вопроса о помощи пехоте артиллерией в ближнем бою.

Я не буду утруждать внимание повторением рассуждений о преимуществах брони. Я не буду рисовать картин, как изменились бы действия под Артуром, если бы на плечевых углах фортов имелись броневые купола, если бы мы не были слепы и могли спокойно наблюдать из броневых наблюдательных пунктов действия врага. Я не буду обольщать свое воображение мечтой, как выросла бы сила наших крепостей, если бы мы, установив образец, выбрав между идеями Грюзона, Скода, Шамон, Крезю и т.д. наиболее подходящее для нас, быстро ввели у нас выделку, в общем, не так сложную, таких куполов, и установили на наших фортах сотни две их с запасными стволами, с 3 000 снарядов на каждый купол... Лучше посмотреть, какъв ближайший путь к этим перспективам.

Введение броневых куполов задевает интересы и тактики, и артиллерии, и фортификации.

Тактика, в лице всех своих представителей, решительно и бесповоротно высказалась за броневые купола для артиллерии фортов как за единственное средство, могущее остановить и рост обвода крепостей, и рост гарнизонов, и обеспечивающее оборону крепости даже в том случае, если гарнизон ее не будет состоять из таких блестящих

---

¹⁴ У нас ясно обнаруживается тенденция лучшие новые пушки трех дюймовые скорострельные — направлять не в поле, а в бок, для обстреливания промежутков.

частей, как артурский, а будет включать много новых, еще не сложившихся формирований.

Фортификация... не отрицает пользу броневых куполов. Год со времени прошлых статей о броне не прошел в этом отношении даром. Теперь главная позиция уже взята, но завязалась утомительная борьба на измор. Признана уже необходимость для Российской империи четырех броневых куполов; мы получим их, если дело пойдет нормальным ходом, через пять лет, после чего можно будет поставить вопрос: не следует ли ввести некоторые изменения? Что делать с четырьмя куполами на обширной равнине от Варшавы до Владивостока, от Свеаборга до Карса? Как бы не заказать слишком много куполов, так как это будет похоже на увлечение броневой фортификацией, которое под стать Бельгии или Румынии и уничтожительно для нашей армии? Придется, вероятно, потратить еще год, прежде чем будет выяснено, что броневые купола одно, а броневая фортификация, крайние увлечения ею — совсем другое, что Германия, Франция и Австрия не очень малые государства, достигают сравнительно приличных размеров, и все же считают броневые купола совершенно необходимыми для крепостей.

А затем вопросы о лафете, об укороченном оружии; кто их решит? Недавно указывалось, как во Франции задерживалась постановка громоотводов, так как в работе должны принять участие и артиллерийские, и инженерные ведомства. Мы имеем также свой небольшой опыт, как задерживается кладка оснований для пушек, производимая инженерным ведомством, вследствие того, что нужно своевременно замуровать в бетон некоторые установочные части артиллерийского ведомства. Такие трения всегда происходят даже при установке в капонирах крошки-штыря 57-миллиметровой пушки.

Надо согласовать много трений, которые возникнут при разработке куполов для скорострельных орудий между артиллерийским и инженерным ведомствами. Согласительные комиссии? Их работа вполне ответит нашим пожеланиям, если мы будем стремиться обзавестись башнями ко времени третьей ... (???) войны.

Попытка разорвать башню, дать артиллеристам работу по оружию, инженерам — по куполу и лафету, привела бы к печальным результатам¹⁵. На практике пушку, купол и лафет будет выполнять один завод; один исполнитель — неужели два заказчика?

---

¹⁵ Готовая башня за границей всегда остается на попечении артиллеристов, которые одни умеют ее обслуживать, и имеют для этого особый устав.

Нужна диктатура. Нужна диктатура возможно компетентного и авторитетного лица, которое было бы снабжено всеми полномочиями, которое взяло бы на себя полную ответственность по этому вопросу; нужен диктатор, который просто, без рассуждений, опрокинул бы всякое сопротивление и в 2 - 3 - 4 года решил бы нам этот набравший вопрос.

Дело заключается в том, чтобы вырвать крепостную артиллерию из векового рабства каменных стен, чтобы артиллериста-прислугу раскрепостить в артиллериста-солдата, чтобы тот процесс тактического торжества артиллерии, который мы наблюдаем теперь на море, перевести на сушу, в наши крепости. Вопрос о диктатуре для проведения вопроса о башнях — в то же время и вопрос о будущности крепостной артиллерии.

Слишком важна наша работа, чтобы мы могли себе позволить какую-либо неискренность. Можно нарочно взять на себя какое-нибудь дело, чтобы затормозить его. Хорошо ли?

Кто искренно заботится о крепостях, кто хочет иметь в них броневые купола, тот будет просить о диктатуре для проведения в жизнь этого дела. Тот же, кто за прошлую войну ничего не забыл и ничему не научился, тот усмотрит в сторонниках настоящего предложения изменников... ведомства.

Мы — головастики; нам нужна сила решать. Во многих вопросах наше спасение в Петровском способе действий — в диктатуре.

Русский Инвалид.- 1909. - № 242. - 7 ноября.

ФУНДАМЕНТ ДОКТРИНЫ

Среди объявлений, затерявшихся на четвертой странице “Русского инвалида” (№ 251), находится нижеследующее:

Издания Императорской Николаевской военной академии.

.....
“Указания по некоторым вопросам тактики”, ц. 20 к.

Я уже ранее был знаком с этой брошюрой, как приложением к академическому приказу, перепечатанному как статья в № 7 “Сборника Главного управления Генерального штаба”. Выпуск в продажу этой брошюры надо приветствовать с особым почтением, так как под заголовком значится нижеследующее:

“Настоящие указания приводятся с целью достижения однообразия при решении задач и в требованиях руководителей”.

Это — первое очертание нашей доктрины, притом отданное на гласный суд. Под скромным заглавием, за скромной скрепой коллежского асессора Мартынова, издана в сущности отмена полевого устава — пока только в стенах академии; несомненно, скоро проложит она себе широкою дорогу и в армию.

Конечно, было бы желательно, чтобы наша доктрина не проникала в армию контрабандным путем, с заднего крыльца, а водворялась авторитетом полевого устава. Но раз для коренной переделки полевого устава встречаются труднопреодолимые затруднения, надо радоваться и частной инициативе нашей высшей военной школы.

Эти “указания” вызвали весьма оживленные толки в прикосновенных кругах. Я положительно уклонился бы от истины, если бы попытался утверждать, что слышал более положительных отзывов, нежели отрицательных. Мы хвалим менее охотно, чем ругаем; наше сочувствие высказывается, по преимуществу, платонически, кусаемся же мы преобильно. Если какое-либо нововведение признается неразумным всего 10% военного общества, и разумным — огромным большинством, то оно, наверно, встретит очень сильное противодействие и слабую поддержку.

Мы, вообще говоря, недовольны. В мою бытность кадетом существовал даже особый метод ношения фуражки недовольных начальством. Недовольство, конечно, имеет свое законное, историческое право на существование. Недовольство настоящим равносильно стремлению к лучшему будущему; недовольство не дает спать, отгоняет пошлость, недовольство является важнейшим побуждением к прогрессу.

Но та формула недовольства, которая господствует у нас — пассивность довольных и активность недовольных — отнюдь не прогрессивна. Мы ругаем существующее, но еще энергичнее ругаем всякую попытку изменить его — безразлично в какую сторону. Это наиболее скверная форма консерватизма. Беспринципное будирование ведет не к развитию, а к застою. Пустая реформа, решение вполне второстепенного вопроса вызывают бурное проявление несогласия.

Мне приходилось беседовать с лицом, которое было весьма причастно к реформам.

— “Отчего мы не отречемся от старой тактики? отчего бы нам вполне не признать решительное значение огня? отчего не отомкнуть штыки от ружей и не носить их на боку? Отчего авторитетом

устава нам не подчеркнуть резким образом новую точку зрения на бой?” — поставил я вопрос.

— “Я лично — убежденный сторонник высказываемого вами. Но разве можем мы рискнуть на такую ломку? Куда там. Это легко в теории. В жизни нам надо идти гораздо более осторожными шагами”.

Лицо делало осторожные шаги, лицо советовалось со всеми; каждая деталь обсуждалась сонмом строевых начальников. Ломки произведено не было; и все же дело сорвалось, сорвалось на таком вопросе, о котором завтра, с первым пушечным выстрелом, никто не вспомнил бы.

Не верим мы в этот пушечный выстрел; боевое “завтра” представляется чем-то отдаленным и сомнительным.

Вспоминая это боевое “завтра”, я совершенно не могу разделить упреков в отступлении от полевого устава, в вольнодумстве, которые раздаются по адресу составителей этих указаний. При том разномыслии, которое господствует у нас, тот, кто берется за тактическую работу, имеет перед собой приятную перспективу: пойдешь направо — коня потеряешь, пойдешь налево — голову отрубят. Реформаторы предпочитают обыкновенно оставлять полевой устав в покое: хорошо, что армия уже научилась исполнять его; благо, что его положения уже обветшали — из них найдены лазейки; если устав не приносит пользы, то и стесняет уже мало: он разношен.

Жить пустотой нельзя; что-нибудь делать — далеко не самое лучшее — все-таки лучше, чем сидеть у разбитого корыта. Именно за ломку, именно за отступление от полевого устава, именно за стремление установить новые точки зрения “указаниями” и следует радоваться их появлению. Прежде всего, по важности затрагиваемых вопросов, “указания” имеют право на внимание критики, и во вторых — потому, что приходится выбирать между ними и разбитым в маньчжурском походе корытом, — имеют право на снисходительное к ним отношение.

Я считал необходимым мотивировать исходную точку зрения, дабы избежать упреков; с одной стороны — в руготне, в преследовании личных счетов, с другой стороны — в лицемерии и лицепрятии. Положение между двумя жерновами требует многочисленных отговорок.

По внутренней сути, которая проглядывает из различных изгибов мысли, “указания” представляют огромный скачок в сторону линей-

ной тактики. Язык составителей еще не дерзает называть вещи своими именами. Брошюра еще не перебродила. В ней много борьбы, много противоречий. Из различных предложений выглядывают различные авторы, выглядывают кусочки французских и немецких доктрин. Иные из авторов, вероятно, признают мое соображение об измене перпендикулярной тактики неверным.

А что иное, как не переход к идеям немецкой линейной тактики, представляет вызывающее так много протестов разделение прежнего общего резерва на маневренный и резерв старшего начальника? Идея выжидания резерва, бездействия его во время боя на фронте отбрасывается. Маневренный резерв — это по существу, та часть боевой линии, перед которой не оказалось непосредственного врага и которая поэтому маневрирует для удара на фланг врага, пока другие дерутся. Маневренный резерв — это прежде всего уступ, это — растягивание линии, это — нанесение главного удара не из глубины боевого порядка, а на новом боевом участке. Если под словом резерв подразумевать прежде всего не нацеленную часть, часть еще свободную от определенной задачи, то маневренный резерв — не резерв; это — ударное маневрирующее крыло, это — накопленные за ним уступы, которые издавлек, еще до начала боя, нацелены и получили вполне определенную задачу. Французская доктрина, стоящая на страже перпендикулярной тактики, никогда не допустила бы такой ереси, как маневренный резерв.

Много раз приходилось мне высказываться в пользу линейной тактики: хотелось бы договориться искренно и здесь, и вместо противоестественной связи старого учения об общем резерве с новыми, не вполне наметившимися линейными стремлениями, выражающейся в неудачном “маневренном” резерве, желательно было бы сказать просто: значение общего резерва уменьшилось и свелось к небольшой части для страховки против недоразумений; главный же удар намечается задолго до вступления в бой, и соответственным образом, углублением в этом направлении боевого порядка, постановкой уступов (позади, на линии фронта, впереди ее) организуется ударное крыло. Если часть войск на ударном крыле и будет непосредственно подчинена старшему начальнику, все же, по существу, она не будет представлять общий резерв.

То, что составители не пришли к единодушному решению, усматривается хотя бы из заглавия: “Бой фронта (Период подготовки атаки)”. Два заглавия — две по существу различные идеи. Первое заглавие отвечает развиваемому далее вполне верному понятию, что этот период в каждом боевом участке должен начинаться сразу с

максимумом напряжения. Ведь, в сущности, когда “маневренный” резерв развернется, т.е. когда он вступит в соприкосновение с огнем противника, он тотчас же обращается в обыкновенный боевой участок и ведет у себя “бой на фронте” таким же методом, каким дерутся другие войска. Второе заглавие — период подготовки атаки — подразумевает еще какой-то период решения, какое-то производство решительной атаки особыми приемами. Тщетно читатель будет перелистывать брошюру — он не найдет в ней главы о решительной атаке. Мысль второго заглавия — гильотинирована.

Этот вопрос представляет большую важность: как известно, немцы не признают особых “решительных атак”, как, в сущности, не признают общего резерва. Французы, строя весь успех боя на ведении его из глубины, на энергичном выпаде общего резерва, в основу боя кладут понятие о решительной атаке. Мы, с нашим маневренным резервом, который не представляет ни резерв, ни линию, просто пропускаем существо — вторую, решительную половину боя и пишем главу только о первой. Доктрина далеко еще не подошла к сколько-нибудь законченному виду <...>

Что неприятно режет глаз — это попадающееся чуть не на каждой странице слово “отряд”. “Отряд”, “деташемент”, “отрядить”, “деташировать” — это наиболее неприятные выражения. Самый существенный вывод из опыта прошлой войны - это лишение каждого начальника права устраивать отряды; будущий полевой устав следовало бы начать приблизительно так: главнокомандующий все может, но не может разрушать утвержденной Верховным Вождем войск организации. Всем организовывать особые отряды воспрещается.

Это замечание не есть придирка к словам. Увлечение отрядами, тактика отрядов — это не тактика большой войны. Мы нуждаемся в радикальном лечении от этой тактики отрядов — нашей запущенной болезни. Нам нужно выбить особое центробежное понятие о задачах отряда — нужно привить сознание, что каждый батальон, эскадрон, батарея — это только частица всех вооруженных сил, и только с точки зрения всей армии она может смотреть на свою работу. Гранитную массу, а не кучу песка должна готовить тактика из отдельных войсковых частей. Всегда и всюду тактика должна подчеркивать общее дело, общие задачи, а “указания” все время твердят о тактике отряда, о частной — не армейской задаче. Некоторые понятия, истекающие из отрядной тактики — например, обязанности начальника артиллерии отряда, — очень смутны. Что это начальник артиллерии отряда: начальник артиллерии корпуса, дивизии, армии или тот поручик, 4 орудия которого во время экспедиции 1900 года

были разделены повзводно между Сахалином и Николаевском и который объявил себя начальником артиллерии материковой и Сахалина? Начальник артиллерии неопределенного отряда — это неизвестная, мифическая личность, это вредный шаблон <...>

“Указания” написаны недостаточно широкими мазками. Встречается много второстепенных, чисто технических вопросов — мелкая ситуация, и нет резкого принципиального освещения многих основных вопросов о бое. Так люди, часто не добываясь единомыслия в важном, отбрасывают его и стараются придти к соглашению хоть на каких-нибудь пустяках.

Заслуга издания этих “указаний” заключается хотя бы в том, что они дают материал для критики, которая, в свою очередь, послужит фундаментом для будущего полевого устава. Но, право, было бы прямо преступно застыть на этих указаниях и не идти дальше.

“Указания” — далеко не доктрина, но, в благоприятных условиях, они могли бы стать наковальной, на которой можно выковать доктрину. Надо обеспечить эти указания, надо сказать всю мысль без утайки, без умолчания о сомнительных, но потому-то и важных вопросах, надо отбросить все мелочи и дойти до сути.

Как это сделать? Я вижу путь: диспут. Многие бы в нем охотно приняли участие. Вспомните, какие турниры разыгрывались при генерале Драгомирове в академии. Теперь поставлены вопросы поважнее. Полемика не выяснит их. Не пора ли колыхнуть тактическое болото?

Авторитет “кафедры”, несмотря на свой переводный характер, слишком слаб. “Сегодня ты, а завтра я”. Пока что “указания” не объединяют, а разъединяют взгляды, представляя новую точку зрения. Пока — это не символ веры, это — раскол.

Составители сделали большое дело, передав свои “указания” из ряда домашних вопросов, не подлежащих критике, в печать, в общее достояние армии. Но вклад их будет дорог только в том случае, если они не будут уклоняться от публичной защиты этих указаний. То, что уцелеет от этих указаний после хорошего столкновения, то, что прирастет к ним, — то будет действительно важная для армии истина. Ничье достоинство не пострадает, даже если половину указаний придется отправить за борт. Все мы люди, и всякий шаг наш несовершенен. Вы ошибались — значит вы хоть что-нибудь работали; вы уклонились с верного пути — значит вы не стояли на месте. Идет?

Русский Инвалид. - 1909.- № 257. - 28 ноября.

Задача генерального штаба

Недавно в Одессе отпечатан труд г.Калнина: “Генеральный штаб и его специальность”. Этот труд является развитием весьма интересных статей, печатавшихся два года тому назад в “Военном сборнике”.

Как мы читали недавно, в Австрии один из первых учеников в корпусе окончил академию одним из первых за флагом и пошел на преступление, чтобы открыть себе дорогу в генеральный штаб. Другой его товарищ предпочел пустить себе пулю в лоб, чем возвращаться в строй. Австрийская печать ставит много вопросительных знаков, и совершенно основательно, по поводу организации генерального штаба.

Во Франции генеральный штаб потонул в повседневной переписке; создался тип полустроевых, полуштабных офицеров, далеко не удовлетворяющих требованиям, предъявляемым к генеральному штабу. растет необходимость в настоящем генеральном штабе, и таковой, первого разбора, по-видимому, и будет создан в виде группы офицеров, предназначенных в штабы армий, которые специально изучают вопросы вождения миллионного войска. Может быть, для них будет создана и особая академия под видом третьего курса существующей высшей военной школы.

Все армии встречают трудности в организации генерального штаба; происхождение этих практических затруднений объясняется тем, что принципиальная сторона совершенно не выяснена. Г.Калнин взялся основательно за эту принципиальную сторону, и все мы обязаны ему за его труд.

Работа г.Калнина написана серьезно, и офицеры, не останавливающиеся перед серьезным чтением, ознакомятся с ней с удовольствием. Не часто встречаются серьезные, дельные мысли, и я после первых же статей г.Калнина о генеральном штабе почувствовал глубокую признательность к почтенному автору. Однако, далеко не во всем можно с ним согласиться. Г.Калнин видит специальность генерального штаба в изучении противника; он сам считает свое определение несколько узким и приходит ему на помощь, включая в “противника” и местность, и погоду, и тому подобные понятия, которые в равной мере могут явиться и союзниками.

Корень ошибки — стремление обосновать генеральный штаб на изучении тех метафизических элементов: противника, оружия, местности и т.д., которые еще никого до добра не доводили и которые, к сожалению, удержались почти в одной нашей военной литературе.

Задача генерального штаба — изучать развитие военного дела и соответствующим образом влиять на собственную армию — делом, словом, помышлением.

Военное дело изменялось ранее чрезвычайно медленно. Новые методы ведения войны выработывались столетиями. В генеральном штабе надобности не было. За свою обширную практику каждый военачальник успевал вовремя присмотреться к медленно и постепенно прояснявшимся новостям. Об отсутствии генерального штаба можно было пожалеть только в тех случаях, когда у противника появлялся первоклассный полководец, который перестраивал в несколько лет армию на новых началах; или когда приходилось столкнуться с новым противником, высадившимся на берега, или налетевшим из степей; или когда крестовый поход заводил в совершенно новую обстановку; или когда приходилось столкнуться с вооруженной народной массой, взбаламученной религиозным или социальным движением. Генеральный штаб пригодился бы всегда, когда нужно было оглядеться, когда нужно было избрать новые методы действий, так как старые шаблоны отказывались служить. На ровном же плацу, при плац-парадной тактике, при мастерах учебного шага и ружейных приемов, стоявших во главе армий, генерального штаба не было и быть не могло; попытка создать его родила бы только сословие привилегированных писарей, которые бы затирались блестящей толпой адъютантов и писали “пухлым штилем” реляции; это были бы третьяковские военной науки. Они боялись бы затрагивать основные вопросы военного дела, решение которых было бы уделом более знатных лиц более строевого облика: жалкие, они бы спорили о словах и элементах; изгнанные с поля житейской, реальной работы, они бы парили в метафизических высотах... И такова будет всегда тяжелая доля генерального штаба в минуты реакции и застоя. Рожденный быть колонновожатым на пути развития и реформ вооруженных сил, генеральный штаб при остановке теряет всякий смысл и содержание.

Теперь стоять нельзя. Нельзя оставаться при старых методах борьбы. “Силы новые врага” нельзя “успехом старым мерить”. Внутри и вне государства складывается новая обстановка. Изменяется строй государств; открываются новые театры борьбы, является новый противник. Пролагаются новые пути сообщений, войска получают новое оружие, обоз, телефоны, дирижабли. Старые шаблоны бессильны; надо изучать весь мир — и противников, и союзников, и нейтральных; надо познать и самого себя — свою материальную,

моральную и финансовую силу. Всюду нужен трезвый взгляд, нужна палка капельмейстера; нужно грозить налево технике и переучивать направо войска.

И что же? Все разве идет таким скорым темпом, как то требуется? Нужны уже тормоза? Так уничтожьте идею генерального штаба — большого, властного, руководящего.

К счастью, на силу идей, увлекающую государства в бешеную скачку, жалоб не слышно. Наоборот, ход развития слишком медлен, в особенности в армиях крупных государств, которым приходится считаться с огромной инерцией существующего. Нужны истинные богатыри духа, чтобы дать толчок такой большой организации, какою является великодержавная армия. Грозным напоминанием всем нам являются слова Гамильтона, что армия, по мере своего роста и увеличения гордости, становится все неподвижнее в своем консерватизме и все менее делается восприимчивой к чужому опыту.

Большому кораблю — большое и плавание. В жизни человеческих обществ и учреждений это надо понимать так: большое дело нуждается и в большой основной идее. Такие идеи рождаются в минуту кризиса, при чрезвычайном напряжении духовных сил; те же малые идеи, которые господствуют в эпоху духовного мира, почти недостаточны для развития больших социальных организмов. Большая лошадь всегда имеет сонный вид. Величественно-спокойный котенок и резвый слон — существа противоположные. Те запасы любознательности, стремления использовать чужой опыт, желания скорей сделать шаг вперед, которые заставляют худых людей, голодное общество проявлять чудеса энергии и подвижности, оказываются недостаточными для сытых людей, большой и сложной организации.

Несмотря на то, что армии больших государств втягивают в себя больших людей, как Мольтке, даже из-за границы, и на то, что те же большие люди бегут из малых армий, имеющих узкие оперативные перспективы, скромные оборонительные задачи, — несмотря на все это, малые армии в общем лучше вооружены, снаряжены, держатся более новых тактических взглядов, чем армии больших государств.

Вспомним, как быстро и круто переменяла свои тактические взгляды английская армия после трансваальской войны, с какой силой увлеклась она новыми, во многом ошибочными, методами боя, как в 2-3 месяца успела вновь переиначить свое обучение по опыту русско-японской войны, как теперь она опять изменяет свой полевой устав на основании более вдумчивого толкования того же опыта. Таковую быструю восприимчивость мы объясним только малыми размерами английской армии: вся-то она могла бы войти в один из на-

ших военных округов. Пожаловали бы сэры Никольсон и Гамильтон к нам! В Румынии, Швейцарии, Аргентине реформаторская деятельность еще легче.

В большой армии надо смело, широкими петровскими ударами рубить новизну. Она большая — ей нужно давать и большие толчки вперед. По силе своих толчков все гениальные полководцы были в военном деле революционерами. такие толчки теперь надо давать бесперывно.

Новые запросы ко всем областям военного дела появляются чуть ли не ежедневно; ход развития у соседей принимает темп кинематографа; новые же идеи в армии встречают глухое сопротивление. задача генерального штаба ясна. Генеральный штаб должен представлять гвардию зарождающихся идей; он должен схватывать, лелеять и проповедовать их. Сомкнутым, дружным строем должен идти он навстречу новому времени. Только по ошибке портного в нем могут оказаться принципиальные защитники старины. Генеральный штаб должен изучать все новое, что может отразиться на ведении войны, должен подтачивать все шаблоны и безжалостно уничтожать все пережитки, исключать из современного обихода всю рухлядь военного дела, доставшуюся нам в наследство.

Понятие “специальность” с большим трудом прилагается по отношению к генеральному штабу. Представим себе фабрику часов, где все специалисты, вырезающие отдельные колесики и никогда не выдавшие часов в целом. Первокласный мастер, который собирает эти колесики, который ощущает всякое несовершенство их выделки, — это войсковой штаб. Большой же генеральный штаб — это лицо, следящее за требованиями рынка и ломающее установленное в Женеве производство часов в соответствии со вкусами персидского покупателя.

Силу генерального штаба составляет широкий, не специальный взгляд. Он считается не с одним родом оружия; он знает все русские уставы, знаком с иностранными, понимает, чем обуславливается то или другое отличие. В рамках такого энциклопедического знания внешние формы теряют свою обязательность; является возможным критически отнестись к существующим требованиям тактики, к принятому техникой направлению.

Ведь существующие шаблоны придется во многом с первым же боевым выстрелом совершенно перевернуть. Нельзя смотреть на них только снизу; взгляд сверху, взгляд энциклопедиста решительно не-

обходим. Энциклопедизм, правда, всегда приведет к стремлению к новшествам, к перевороту в чем-нибудь. Вы боитесь изменений — бойтесь смотреть и в целом. Организуйте хорошее местничество в идейном отношении, разбейте военное дело по ячейкам специалистов — и ложитесь спокойно отдыхать: идеи замрут в летаргическом сне.

Мы уже испытали такую летаргию. Не ясный сказочный принц разбудил нас, а суровая маньчжурская действительность. Задача генерального штаба — не давать дробить идеи, не давать засыпать; генеральный штаб — это будильная машина.

“Специальность” генерального штаба — это революция в военном деле! Это непрерываемая проповедь новых взглядов, новых понятий; это борьба с “гасильниками” во всех их проявлениях.

Русский Инвалид. - 1909. - № 268. - 11 декабря.

Балканская война и резервные войска

Обозревателю крайне трудно подводить итоги в момент, когда события развертываются с большой быстротой. Нельзя перебивать точкой далеко еще не законченную фразу чрезвычайных вооружений Европы. Необходимо, однако, отметить существенное для интересов государственной обороны обстоятельство, выдвинутое на очередь событиями на Балканском полуострове.

Современные армии можно сравнить со школой, имеющей гораздо больше учеников, чем могут вместить ее стены. При школе имеется пансионат — это постоянные кадры, содержимые в мирное время; многочисленные экстерны — запасные, разбросаны по всей стране и призываются лишь на учебные сборы. Соответственно с этим действительным характером организации вооруженных сил, на войне мы встречаем два типа войск: перволинейные — это интерны, части, имевшие сильные кадры, которые и сохранили перевес над влитыми в них при мобилизации запасными, представляющими только дополнение до штатов военного времени; и второочередные, основа коих образуется “приходящими” в армию на войну элементами.

На Балканском полуострове мы были свидетелями дебюта, вслыханном до того масштабе, войск резервного, второочередного характера. Только отчасти перволинейный характер имели лучшие болгарские полки. Действительно, вся болгарская пехота из двухба-

тальонных полков мирного времени развернулась при мобилизации в четырехбатальонные. Из одной роты, содержимой в мирное время в половинном масштабе, в военное время развернулись 2 роты, т.е. численность этих полков раздулась вчетверо. Сверх того, при помощи ничтожных кадров — десятка человек на полк — были образованы еще резервные полки, которые сразу же приняли энергичное участие в действиях против Адрианополя. В Сербии постоянные кадры были еще слабее. Дивизии первого призыва на 5/6 состояли из запасных, и сверх того, к операциям в поле были притянуты и дивизии второго и третьего призыва. И мы читали о подвигах этих дивизий второго призыва в сражении у Прилипа и других, где на их долю выпали весьма существенные боевые задачи. Греческие и черногорские войска имеют столь же ясно выраженный характер резервных формирований. У турок, наряду с дивизиями низама — перволинейными, мы встречаем огромную массу — две трети всей армии — дивизий редифа, целиком образуемую приходящими элементами армии — запасными.

Та или иная оценка дебюта войск резервного характера на Балканском полуострове далеко не безразлична для относительной расценки сил противоположных группировок европейских держав. Чем меньше значения на войне получают войска “приходящие”, тем выгоднее складывается обстановка для тройственного союза. В Германии военное дело, более чем во всякой другой стране, является делом профессии; вся подготовка войск, носящая ясно выраженный характер муштровки, имеет в виду воспитание надлежащих навыков, ломку человека в настоящего специалиста. Как бы мы ни говорили о том, что германские победы подготовлены школьным учителем, но безусловно достоверно, что все успехи Пруссии были куплены усилиями перволинейных войск. Войска импровизированные и народные ополчения играли существенную роль в “освободительной” войне 1813 года — но и это участие германского народа в войне, согласно трудам германских военных историков, представляется нам теперь в весьма узких рамках. Представление о войне, как о борьбе, локализованной между специалистами — “копейными бойцами” и “мастерами меча”, как называли их на заре новой истории, весьма характерно для германского мирозерцания, слагавшегося под влиянием вечной борьбы германских князей между собой. Но, помимо исторического тяготения Германии к вымуштрованным солдатам-интернам, существуют весьма веские стратегические соображения, которые отодвигают на второй план значение германских ре-

зервных, ландверных и ландштурменных формирований. Главный козырь Германии — это расположение среди ее возможных противников и большая готовность, выражающаяся в подготовке к нанесению соседям энергичных ударов с молниеносной быстротой. Сила Германии находит свое полное воплощение в том миллионе прекрасно обученных и снабженных солдат, который может, по произволу, в 10 дней быть собран на любой границе и быстрым вторжением предупредить подготовку врагов к отпору. Второй и третий миллионы германских солдат, при достаточном племенном единстве, отсутствии хулиганства в немецком характере и разумной организации, представляют также серьезный боевой элемент, но эти миллионы не так страшны, как первый миллион, в который будут вложены все надежды Германии: эти последующие миллионы не могут успеть принять участие в том решительном начале войны, которое составляет выигрышную карту тройственного союза. Германия не может ждать тех двух лишних недель, которые бы потребовались для того, чтобы сплотить и сосредоточить второочередные формирования на театре военных действий. Запоздалое наступление и упование на численность трехмиллионного войска, представляющего почти непреодолимые технические затруднения для быстрого развития активных операций, в корне противоречат всей германской военной доктрине <...>

Еще большее значение имеют второочередные части для России. Прежде всего, наша гигантская территория обеспечивает нам больше, чем всякому другому государству, времени, для того чтобы ополчить родную землю миллионами штыков. В отечественную войну дивизия новобранцев Неверовского, подкрепления Милорадовича усилили нашу армию только к смоленскому периоду операций. Государство меньших размеров за это время было бы уже завоевано. Никогда, ни в одну прошлую, ни в одну будущую войну, необъятная Россия не окажется в силах сосредоточить подавляющую часть своей постоянной армии на театр войны. Если будущее не повторит нам картину восточной войны, когда 10% наших сил дрались у Севастополя, а 90% образовывали ряд заслонов и сторожили второстепенные театры, то Кавказ, Туркестан, Сибирь, Петербург с побережьем Финляндского залива несомненно образуют как бы колоссальный резерв знакомых с военным делом лиц и военных средств. Россию не может постигнуть такая катастрофа, которая постигла Францию в первый месяц войны 1870 года, когда она лишилась всей постоянной армии под Мецом и Седаном и должна была импровизировать

свою дальнейшую оборону на морях, пожарных, гарибальдийцах, отставных и недержавших никогда ружья новобранцев. Если сосредоточение сил на любой театр войны дается нам очень трудно, то мы имеем и большой плюс — русская почва всегда будет очень урожайна в отношении новых формирований. Вместо двух миллионов штыков эпохи обороны Севастополя мы могли бы теперь, при желании, поставить под ружье в случае затяжной войны десяток миллионов. Русский солдат удивительно неприхотлив в смысле командования. В курсе профессора французской военной академии Модюи содержится любопытное указание, что если мы оценим в 10 баллов среднего французского и русского солдата, а дадим им начальников, оцениваемых в 5 баллов, то цена французскому солдату будет нуль, а за русского еще 8 очков можно будет смело дать. Эта неприхотливость на командный состав, которым так трудно обеспечить второочередные части, представляет наш безусловный плюс. Тогда как капризные французы требуют талантливых вождей, от главнокомандующего до взводного командира включительно, и требуют могучего воздействия выдерживающей острую критику личности на свой непостоянный, увлекающийся характер, русские солдаты легче пойдут за идеей, прощая жрецам ее все их человеческие слабости.

Между колоссальной Россией и маленькими государствами в военном отношении есть много общего. Всем им приходится думать об обороне в первый период операций: армиям малых государств — до вмешательства более крупных величин в военном и политическом отношении, России — до сосредоточения сил с огромной площади на угрожаемую границу. Второочередные формирования имеют в обоих случаях большое значение; тот выигрыш времени, который получается в России пространством, получается и в Швейцарии, Сербии, Болгарии — микроскопическими размерами страны, ясностью опасности, угрожающей на этой же неделе всем ее гражданам, возможностью в течение нескольких часов поставить на ноги всех ее защитников; наконец, в поголовном ополчении всех граждан малого государства заключается единственная надежда его на сохранение национальной независимости во вспыхнувшей борьбе.

Эта аналогия между очень большим и очень малым объяснит нам, почему единственная великая держава, имевшая в мирное время войска резервного характера, типа болгарских двухбатальонных полков, развертывающихся в четыре батальона, — Россия. Это не просто следствие нашего влияния в деле организации болгарской армии. Части резервного характера — резервные и крепостные пол-

ки и батальоны, артиллерийские бригады — до последней реформы составляли типичную особенность русской военной организации. В период управления военным министерством генералом Ванновским главное внимание обращалось исключительно на то, чтобы создать урожайные условия для формирования новых батальонов при мобилизации, даже в ущерб качеству — подготовке и снабжению — перволинейных войск.

Опыт русско-японской войны дал резкие указания относительно ничтожной боевой ценности резервных формирований. Крушение бригады ген.-м. Орлова памятно всем. Пятый и шестой сибирские корпуса, образованные исключительно из резервных полков, приобрели действительную боевую ценность только по прошествии нескольких недель, если не месяцев, по прибытии на театр военных действий. Особенно сильное впечатление оставило то обстоятельство, что не только русские резервные полки, но и японские оказались не на уровне крайне строгих требований современной войны. Фее-рический успех наших стрелков на Путиловской сопке объясняется тем, что ее защищал японский резервный полк, который бежал, бросив свою артиллерию; рядом, на Новгородской сопке, которую оборонял перволинейный японский полк, мы встретили упорное сопротивление, потребовавшее для своего преодоления громадных жертв. При штурме Порт-Артура 11 августа 1904 года японский резервный полк не мог преодолеть чувства самосохранения и оказался не в силах броситься на указанный ему участок Китайской стенки; фланг перволинейных войск, прорвавших обход крепости, оказался обнаженным, и большая часть их погибла.

Все эти факты, в период после русско-японской войны, были истолкованы в смысле признания за резервными войсками ничтожной боевой годности, по крайней мере в первый, важнейший период войны. Признание этого положения сразу сбрасывало со счетов франко-русского союза те десятки резервных дивизий, мобилизация коих была вполне подготовлена в России, и создало тот безусловный перевес на стороне тройственного союза, который определял направление европейской политики в период 1906-1912 годов. Между тем вывод о ничтожной боевой годности резервных формирований русского, сравнительно сильного типа был сделан, может быть, решительнее, чем то обуславливало вполне хладнокровное размышление над событиями маньчжурского похода. Четвертый сибирский корпус, тоже образованный резервными полками, но мобилизованный первым, в весьма выгодных условиях, получивший кадры и

прибывший на театр войны до тех пор, когда сложилась крайне неблагоприятная обстановка от понесенных уже нами неудач, действовал от начала до конца войны прекрасно. Пятый и шестой сибирские корпуса, располагавшие неудовлетворительными кадрами, плохо обученными, как и все войска московского и казанского военных округов той эпохи, мобилизованные в период смуты нашего отечества, втянувшие в свои ряды с толпами запасных — прапорщиков и солдат — все то недоумение, которое овладело русским обществом по поводу разыгравшегося на Дальнем Востоке акта великой исторической драмы, имевшие во главе неудачный подбор высших начальников, очевидно не могли сразу же удовлетворить трудным условиям войны. Безусловно чувствовалось отсутствие той идеи, которая так важна для русского солдата в обстановке резервной части и которая должна возместить ему все прорехи твердой организации и командования, обратив кампанию в крестовый поход, заинтересовав его настолько в исходе войны и боя, чтобы он мог чистосердечно решиться, надевая чистую рубаху перед боем, на победу и смерть. Остается только удивляться, как к началу 1905 года наши резервные полки успели настолько окрепнуть и обстреляться, что перестали уступать старым полевым полкам <...>

Хотя мы и имели полное основание полагать, что резервные войска будут несравненно лучше драться, имея за собой московский кремль, чем лупанарии Харбина, что переход к более краткому сроку службы, омолодивший состав “приходящих” запасных, выгодно отразится на резервных частях, однако при предпринятой капитальной реформе 1909 года мы пожертвовали заблаговременно имевшейся организацией резервных частей в пользу создания более сильной и лучше подготовленной перволинейной армии. Это не значит однако, что мы можем теперь противопоставить противнику лишь тот миллион штыков, который образуется тремя десятками корпусов. Позади них как во Франции, как в Германии, так и у нас носятся призраки новых миллионов бойцов — резервистов, ландверистов, территориальной армии — не в названии дело, боевой коэффициент которых, поколебленный русско-японской войной, представлял до последнего времени весьма загадочный вопросительный знак. Россия и Франция непобедимы, если коэффициент боевого достоинства второочередных формирований значителен, если тот океан штыков, который представляет русская земля, действительно колется, а не представляет лишь обманчивую декорацию. Если же судьбы народов решаются только усилиями перволинейных войск,

то весьма вероятные первоначальные успехи тройственного союза должны оцениваться — на весах политики и стратегии — более высоко.

За интернов отвечает организация армии, за приходящих — та энергия, которую народ может вложить в свою защиту от боевой невзгоды. Успехи славянских, резервных по существу, войск на Балканском полуострове дают чрезвычайно ободряющий нас ответ — и не только с точки зрения всеславянской идеи, но и в техническом отношении. С точки зрения германской военной доктрины, исповедуемой и у нас широкими кругами “штундистов” в области военной мысли, болгарские и сербские войска, как принадлежащие к резервному типу, должны были потребовать много времени, чтобы сплотиться перед началом боевых действий, годились только для обороны и не способны были к решительным приемам в стратегии и тактике. Мы же видели на самом деле быструю изготовку, наступательный образ действий повсюду — и на театре войны, и на полях сражений и, наконец, применение самых решительных методов действий — Куманово, Киркилисэ, Люлэ-Бургас, Чаталджа.

Нужно обратить внимание, что на развитие несколько пренебрежительного отношения к второочередным войскам имела существенное влияние полемика, начало коей исходит из стен законодательных учреждений. Крайние левые партии всюду вписали в свои платформы переход от постоянных армий к милициям, т.е. к отклонению в сторону “приходящих” — второочередного типа. Особенно горячая полемика велась во французском парламенте шесть-семь лет тому назад при обсуждении перехода от трехлетнего срока службы к двухлетнему. Естественно, военные круги добивались сохранения долгого срока службы, а левые стремились перейти если не к типу швейцарской милиции, то к одногодичному сроку службы. Доказательствами служили ссылки на историю, и прежде всего на великую революцию, во время которой республиканские милиции с успехом сражались с солдатскими армиями старого порядка. Эти частые ссылки заставили французский генеральный штаб перейти в наступление, выполнить ряд капитальных исторических работ, вытащить на свет Божий все скандалы и недоразумения, которыми омрачились походы “волонтеров”, чтобы установить, что волонтерам потребовался закал двухлетних походов, чтобы стать настоящими солдатами, годными к наступательному бою. Та же полемика, в более или менее скрытой форме, ведется во всех странах, и военная история до сих пор являлась доброй союзницей на стороне сомневающихся в

успехе боевой работы “вооруженного народа” — как окрестил фон дер Гольц современные миллионные армии — и на стороне готовых обосновать всю защиту государства на сравнительно небольшой горсти постоянных войск.

Истина заключается где-то между этими пределами — и для каждого народа, для каждой эпохи, для каждой идеи, положенной в основание войны, это истинное, верное решение будет различно. Мы видели, что обстановка толкает державы тройственного союза на предпочтение меньших, крепче сплоченных, легче и быстрее маневрирующих армий, образованных в решительные минуты лишь перволинейными войсками. Обстановка потребовала от Сербии и Болгарии буквального обращения армии в вооруженный народ. У нас, в России, постоянная армия окажется численно далеко не на высоте всех многочисленных и разнообразных задач по обеспечению наших пределов, и широкое обращение к второочередным войскам — несколько шагов в сторону вооруженного народа — окажется в случае серьезной войны безусловно необходимым. Текущая война подтвердила, что войска резервного типа могут оказать неисчислимые услуги, и более тщательное ее изучение даст много ценных технических указаний по обработке страны, необходимой для получения столь пышного урожая бойцов. Прежде же всего война подтвердила, что для успеха действий войск резервного типа нужен крестовый характер похода, нужна идея, которая бы разбудила и координировала народную энергию, нужна ясность в постановке цели. Бойцам на поле сражения должны предшествовать идейные бойцы, которые должны еще до объявления войны покончить с разногласиями и недоумениями. И нужно помнить, что во время войны можно отлить пушки, сформировать новые корпуса, выпустить из мастерских новые стаи аэропланов, но нельзя импровизировать идею войны. Идея войны должна ранее получить свое развитие — мы видели, какую жалкую роль играли толпы турецких редифонов, не имевших такой идеи, и как, несмотря на угрозу самому существованию Турции и на долю фанатизма, свойственную всякому мусульманскому солдату, “идею” не удалось туркам создать и во время самой войны.

Над подготовкой второочередных войск нужна тяжелая и самоотверженная работа — и в армии, воспитывающей их вождей и хранящей их средства, и в народе — в той семье, которая покоит “приходящих”. За бумажную отписку, за сонное отношение к подготовке вооруженного народа можно получить сюрприз в виде людской пыли, в виде толпы пьяной и вооруженной, а потому и опасной, черни,

в виде бегущих с поля сражения редифов, ставящих в безысходное положение еще сражающиеся перволинейные войска. Но ведь спать нельзя при организации армии и по постоянному типу — пансионеры требуют не менее тщательного наблюдения.

Русская мысль. - 1913. - Кн. II (февраль). - С. 39-46.

Большая военная программа

Когда весной текущего года на столбцах заграничной печати появился слух о предполагаемом формировании трех новых русских корпусов, в противовес намеченному усилению германской армии, то известие это было принято во Франции без всякого энтузиазма. Скептическое отношение французской критики к росту союзной армии может показаться удивительным только поверхностному наблюдателю жизни европейских армий. Между русской и французской точкой зрения на нашу армию легко провести отчетливый рубеж. Наши союзники готовятся к чрезвычайно короткой и решительной кампании. Покойный генерал Ланглуа, считавший безнравственным стратегическое учение, утверждавшее, что с проигранным решительной битвы на границе и первым разгромом миллионной армии война будет окончена очень скоро, в какие-нибудь 3 недели, все же не полагал возможным допускать, что борьба Франции с Германией затянется свыше 2 месяцев. При таком темпе ожидаемого развития военных действий французов, очевидно, интересует не абсолютная сила русской армии, а сила той ее части, которая успеет вступить в бой за этот короткий срок. Условия стратегического развертывания русских армий привлекают особое внимание наших союзников; мы слышали во французском парламенте даже запрос о степени подготовки русской железнодорожной сети к военным перевозкам. Ясно, что те же французские писатели, которые бьют тревогу при малейшем усилении германской армии, относятся с полным равнодушием к созданию в России новых армейских корпусов, в особенности во внутренних наших областях, что может скорее замедлить, чем ускорить нашу мобилизацию и сосредоточение; совершенно естественны, в этом случае, дружеские предупреждения о безумной погоне за числом. Наоборот, всякий успех наш в увеличении подвижного состава, проложении железнодорожных путей, усилении мирной численности войск и, в особенности, в развитии в нашей подготовке активного духа глубоко радует французов.

Положение может быть резюмировано так: во Франции ожидают чрезвычайно спешного появления за Рейном всей германской армии, которая оставит в заслон против России всего 2 или 3 корпуса. Важнейшим, первостепенным театром в глазах француза является Лотарингия; русский фронт является второстепенным театром борьбы, и французов интересует не столько наша окончательная победа над нем, как количество германских войск, которое нам удастся оттянуть на себя в первые же недели войны.

Стратегия учит нас приносить в жертву все интересы на второстепенном фронте в пользу успеха на важнейшем театре операций. Если признать правильность французской точки зрения на Лотарингию как на главный фронт борьбы с Германией, то, действительно, серьезная неудача русских войск, оттянувших на себя десять немецких корпусов, с точки зрения союза представляется более ценной, чем успех русских против 2-3 корпусов. И, наоборот, если признать, что важнейшим противником тройственного союза является Россия и центр тяжести борьбы будет лежать в Польше, а не в Лотарингии, то действия русской и французской армий придется рассматривать под совершенно новым углом.

Вся подготовка России и Франции к войне должна будет переосмыслиться на иных основаниях.

Существует две стратегии — больших и малых армий. Бельгийская, голландская, датская армии не могут рассчитывать нанести серьезное поражение в открытом поле первоклассной армии, и потому вся организация обороны такого малого государства рассчитывается на выигрыш времени — спасение должно прийти со стороны. Наоборот, когда победу может дать лишь собственная армия, приходится внимательно взвешивать каждое мероприятие, ослабляющее активную силу армии, но дающее возможность выиграть время. Все должно быть поставлено на карту, чтобы выиграть решительное сражение. Если судьба Франции должна решиться на полях Лотарингии, то было бы преступлением отвлекать солдат, пушки, деньги и заботы на укрепление Парижа.

Если мы с этой точки зрения посмотрим на организацию военной мощи нашей союзницы, то мы должны будем констатировать, что Франция совершенно игнорировала вопрос о стойкости государственной обороны.

Мы готовы преклониться перед отвагой французов, решивших умерить кредиты на чисто оборонительные мероприятия в таком размере, чтобы, обеспечив оборону крепостей лишь на немногие недели, сосредоточить все заботы на полевых операциях, но тот сильный закал, который получает государственная оборона нашей союзницы и который дает ей твердость, но и хрупкость хрусталя, не может нас не беспокоить. Если, по исчислениям германской и французской военной литературы, мы можем лишь на тридцатый день вторгнуться значительными силами в Восточную Пруссию и только на сороковой день — в Познанскую провинцию, а французы к этому времени предлагают уже закончить военные действия, то это не может нас не интересовать. Французская гордость не позволяет положить в основу плана войны, что борьба с Германией будет решена в бассейне Одера и Вислы, и как бы толкает французов на несвоевременную авантюру где-то в районе Вердюна-Нанси <...>

Многие крупные изъяны германской организации мне прекрасно знакомы; так же точно мне известно, что французская армия, наравне со своими характерными недостатками, имеет и существенные, недостижимые в других армиях плюсы. Но все это не может поколебать нашего заключения, что в боевом отношении силу Франции надо приравнять 50% силы Германии и что попытка решить участь будущей европейской войны на полях Лотарингии в условиях 1 против 2 или даже 2 против 3 была бы непростительной стратегической ошибкой тройственного согласия, одной из тех ошибок, которых история побежденных приводит бесчисленные примеры <...>

Колоссальны успехи, сделанные нашей армией после русско-японской войны. В тактической подготовке войск, в стрельбе, в обучении и группировке запасных, в мобилизации, в накоплении огромных материальных средств мы сделали огромные шаги вперед. Офицеры, оторванные от строя в течение нескольких лет и снова познакомившиеся с ним, поражаются той напряженной работой, которая ведется в войсках. Мы можем с гордостью оглянуться на успехи нашей государственной обороны за последние годы. Требования поднялись настолько, что сравнение постановки любого вопроса ныне с тем, что делалось в недавно минувшее время, почти невыполнимо. Ленивые вспоминают о прошлом, как о золотом веке бездумья. На-

ши успехи в деле боевой подготовки ни для кого не тайна; оптимизм растет; действительно, на любое опасение, выраженное вами, готов ответ: “Успокойтесь, сравните настоящее с нашей беспомощностью в этом отношении в прошлом, убедитесь, как мы шагнули вперед”. И подобный ответ, базирующийся на эволюции нашей армии, нельзя не признать заслуживающим уважения.

Если, с одной стороны, мы и раньше представляли настолько грозную силу, что наш сосед, внимательно нас изучающий, не считал выгодным для себя нападение на нас, и если за последние годы мы значительно усилились — в два, три или четыре раза — цифра в нашем рассуждении не играет роли, — то в чем же заключается причина дальнейшего беспокойства за судьбу сухопутной войны, в чем лежит основание для требования дальнейшего роста нашей армии, для тревожного заглавия настоящей статьи о большой военной программе?

Ответ очень простой: второстепенный русский фронт стал для Германии важнейшим театром операций; а первостепенный театр операций предъявляет к русской подготовке к войне требования по совершенно отличному масштабу.

Нет никакого сомнения, что в России все, включая и моряков, убеждены, что успехи на суше для нас в бесконечное число раз важнее успеха на море. На суше будет брошен жребий Великой России. Суша — главный театр операций, море — второстепенный, и успехи флота интересны нам именно постольку, поскольку облегчают положение на суше. Совершенно ясно, что если бы на суше мы имели дело с коалицией, располагающей крупным перевесом сил, например, если бы к тройственному союзу примкнула и Франция, то нам пришлось бы забросить идею подготовки к господству на морях и все силы народа напрячь для обороны на суше подступов к внутренним областям государства. Так и Германия: ослабление французской армии двухлетним сроком службы и России — войной 1904-05 гг. позволили германским правящим кругам начертать программу подготовки государства к борьбе с Англией за господство на морях. И наоборот, усиление военной мощи России и призрак — увы! — Балканского союза, готового примкнуть к тройственному согласию, заставили адмирала Тирпица отречься от морского соперничества, являвшегося роскошью, и напрячь все силы государства и израсходовать очередной миллиард на доведение армии до 860 тысяч солдат.

Бюджет морского министерства у нас скоро достигнет 75% бюджета военного министерства. Если мы можем почти половину средств расходовать на второстепенный театр, то, несомненно, мы с большим оптимизмом рассматриваем условия борьбы на главном. Вполне возможна и такая комбинация, что все растущие цены кораблестроения и стремление располагать действительно операционноспособной морской силой приведут к тому, что бюджет морского ведомства перерастет бюджет военный. И это явление может быть вполне законным, но лишь при условии, что занятие Берлина и Вены через два месяца после объявления войны является обеспеченным, что настолько велик перевес наших сухопутных сил <...>

Каковы же признаки переноса Германией своего внимания на восточный фронт? Отметим прежде всего официальную мотивировку чрезвычайных вооружений 1913 года, имеющую в виду, с одной стороны, усиление России, а с другой — народнение Балканского союза. Кстати, германская военная программа официально считается с появлением у России союзной славянской армии в 600 тысяч человек на южной границе Австрии; ныне, когда от балканского союза остались одни черепки, положение России явно остается неуравновешенным и требует военного усиления, взамен уже учтенного противником славянского союза.

Вслед за словом отметим дела. Из только что отпущенных рейхстагом чрезвычайных средств 200 миллионов марок обращаются на спешное усиление крепостей на русском фронте. В дополнение к готовому Торну переустраиваются Кенигсберг, Грауденц и Познань. Участок Вислы в германских пределах обращается в прочную перегородку, основываясь на которой сравнительно слабая германская армия может долго задерживать русское вторжение, переходя целиком в наступление то по правому, то по левому берегу Вислы, направляя свои удары на разрозненные армии русских, вися над правым флангом русских, если бы последние двинулись по опаснейшему направлению Варшава-Калиш-Берлин, и заманивая русских в Померанию, где русские не могут нанести немцам чувствительного удара. Такова идея оборонительного плана войны с Россией, развитая еще Мольтке в записке “о фланговом расположении армии у Торна” — и все мероприятия немцев доказывают, что они свято чтят его традиции. На случай же, если Россия, быстрым ударом разгромивши австрийцев, двинется по южному направлению, через Чен-

стохов-Бреславль-Берлин, вне досягаемости с фланговой позиции у Торна, Германия, по совету любимейшего генерала императора Бернгарда, приступила к постройке “антиславянской” крепости Бреславль, которая непосредственно преграждает южные пути и которой суждено сыграть особенно большую роль в случае распада Австрии и принятия европейской войной характера германо-славянской борьбы.

Слова, сказанные в рейхстаге, имеют одну цену, а та лихорадочная работа, которая идет теперь вдоль нашей границы, от Кенигсберга до Бреславля, — несравненно большую. Так 18 лет тому назад немцы сосредоточивали все свое внимание на Лотарингии.

Удивительное, наконец, зрелище представляет германская военная литература. Еще три-четыре года тому назад статьи о России представляли редкое исключение. Казалось, что в мире существуют только французская и немецкая армия — так деятельно сосредоточивала все свои усилия немецкая военная литература на подготовку к войне с Францией. Шел ли вопрос о сравнении действия артиллерии, об охране, о методах боя пехоты — всегда германский писатель имел в виду только французский фронт. Теперь же германские военные журналы на три четверти заполнены статьями о русской армии, о русских уставах, о русских приемах боя, о будущей борьбе на германо-русской границе. Мы еще не знаем, на какой фронт будет направлена правая и куда левая рука вооруженной Германии, но что Германия повернулась к нам — это безусловный факт.

Стратегический центр тяжести Европы с каждым годом передвигается на восток. Россия, остававшаяся раньше лицом к лицу лишь с лоскутной армией Австро-Венгрии, теперь должна считаться с тем, что славянский театр войны стал и для Германии важнее гальского. По мере того, как наши, а не французские армии, ставятся главной опасностью для тройственного союза, мы должны изготавиться выдержать и град главнейших ударов. Экспедиция во Францию приобретает второстепенный характер, и ученики Мольтке предпримут ее лишь постольку, поскольку оборона Франции будет допускать сведение с ней счетов в несколько недель.

Германское сосредоточение на два фронта, из которых на одном будет 3-5 корпусов, а на другом 20-22, представляет, как видно, очень опасную игрушку. Это — колотушка, находящаяся в неустойчивом равновесии, которая больно ударит того, кто крепче ее потя-

нет. Русско-французская стратегия стоит перед очень трудной задачей. Действия коалиции бывают часто неудачными именно по отсутствию искренности. Близорукий эгоизм может толкать на очевидно гибельный образ действий. Ведь если бы после маньчжурских неудач мы не взялись серьезно за усовершенствование наших вооруженных сил, Польша и по сие время оставалась бы для Германии второстепенным театром и нам по-прежнему приходилось бы учитывать каких-нибудь 2-3 немецких корпуса. Впрочем, такая идиллия, наверно, уже привела бы к войне, к разгрому Франции и к установлению германской гегемонии. Как в тройственном союзе первая боевая роль принадлежит Германии, вторая — Австрии и очень скромная третья — Италии, так и в двойственном союзе имеется известная градация. Семь лет тому назад первая роль безусловно принадлежала Франции, теперь она безусловно отошла к России. Почет первой роли связан и с тяжелыми обязанностями, из которых первая состоит в том, чтобы сразиться с важнейшей ратью противника. Нашей большой военной программе надо считаться не с одним довольно значительным усилением соседних армий за последние 3 года (германская армия — на 157 тысяч человек), а с тем, что вместо двух германских корпусов придется драться с 15 или 20.

В стратегическом отношении Россия и Франция представляют коня и трепетную лань, запряженных в одну и ту же колесницу. Подготовка к войне должна допустить дружное напряжение их усилий, без которого нет победы. С этой точки зрения нельзя согласиться с теми эгоистическими мнениями, которые так часто разделяются во французской печати относительно дальнейшей эволюции наших сухопутных сил. Стремление подравнять русское участие в европейской войне по скоротечной операции французской армии, вступающей в решительную битву в Лотарингии, вполне объяснимое желанием ослабить удар по Франции направлением более тяжелой части колотушки на русский фронт, не отвечает интересам союза. Равняться надо по важнейшему театру.

Если французы очень беспокоятся, не запоздаем ли мы своим участием в войне, то мы вправе потребовать от наших союзников такого переустройства их обороны, чтобы ни при каких условиях через 4-5 недель после начала войны не могла бы начаться перевозка немецких войск с долин Мозеля и Мааса к Одеру. Мы не можем допустить, чтобы французы проиграли бы новое Кир-Килиссе. Французские Адрианополь — Туль, Вердюн, Эпиналь — должны находиться в состоянии, приличествующем нации, рискующей не только

тридцатимиллиардной контрибуцией, но и своей самостоятельностью. Соответственно с изменением ролей, подготовка Франции должна стать более оборонительной; французы должны в стратегии дать то, что Петр Великий дал в тактике, проведя шведскую армию под Полтавой сквозь линию редутов. Это решение — далеко не блестящее; оно вызовет, конечно, возражение со стороны выдающихся офицеров французской армии, умы которой ориентированы в сторону наступления во что бы то ни стало, защиты каждого вершка французской территории от неприятельского посягательства, упования почти исключительно на свои собственные силы. Но такое решение координирует действия французов и русских; французская армия перестанет быть хрупким бющимся объектом — и это вернее всего гарантирует Францию от германского вторжения. Переход французов к такой скромной оборонительной подготовке к войне заставит уже нас подумать о том, чтобы французы не отставали от нас и предприняли бы крайне энергичное наступление, как только выяснится, что перед ними оставлен лишь слабый германский заслон.

В корню придется запрячься русской армии. Армия, занимающая в союзе первое место, обязана ныне по обучению, снабжению, численности и железнодорожной сети быть подготовленной к захвату в два месяца неприятельской столицы. Чтобы попасть в цель, надо брать еще выше.

Те скромные оборонительные идеи, которые мы только что рекомендовали нашим союзникам, имеющим перед собой вдвое сильнейшего врага, совершенно не отвечают требованиям, предъявляемым к нам первой ролью. Нам нужна огромная наступательная мощь, мы не нуждаемся в особых оборонительных мероприятиях; в случае неуспеха оборона наша зиждется не на крепостях, которые всегда гибнут при отсутствии выручки, — а выручки России ждать приходится не извне, — а на огромных расстояниях, которые дадут время истощить неприятельские армии и организовать новое сопротивление. Наши крепости должны служить наступательным целям. На постройку Бреславльской антиславянской крепости следовало бы ответить Владизападом — большой крепостью где-нибудь у Калиша, наличность которой значительно бы ускорила наступательный маневр. Нам нужны новые корпуса, нужно увеличение мирного состава существующих частей, нужны большие маневры, с пополне-

нием частей довоенного состава призванными запасными, нужна постоянная тренировка солдата и начальствующих лиц, нужны новые железнодорожные линии, новые тысячи паровозов и вагонов, нужно обильное снабжение кавалерии мостовыми средствами вместо пироксилина, так как в задачу ей вместо разрушения придется поставить захват; нужна подготовка тяжелой артиллерии — те тяжелые мортиры, которые в несколько часов могут истолочь преграду из неприятельских фортов. Нужны войска сообщений, нужны летчики, а главное, нужны новые десятки тысяч молодых пехотных офицеров и надежных подпрапорщиков, которые бы увлекали своим примером наши пехотные взводы в цепи вперед и своей кровью освящали путь к победе.

Нужна большая работа во всех закоулках нашей армии, добавление пехоты и всего нехватящего, настройка гигантского органа на ярко наступательный мотив, по новому камертону; таким камертоном должна явиться военная большая программа, которая должна задаться целью подготовки наступательной операции против главных сил германской и австрийской армий на важнейшем европейском театре действий — в бассейне Вислы. Нужно, чтобы вместо пяти германских корпусов мы были бы всегда готовы разбить двадцать, плюс австрийская армия. И, разумеется, раз мы будем грозить Берлину, о всяких петербургских страхах, отнимающих соки нашей обороны, можно будет забыть.

Мне кажется, что если такая программа будет поставлена, вопроса о недостатке средств не явится. Отдыхать можно будет после ее завершения, как отдыхала Германия с 1887 г. по 1911 г.

Когда разрешался вопрос о малой судостроительной программе, слышалось много суждений о том, насколько может существовать уверенность в том, что морское министерство окажется в силах осуществить эту программу. Теперь, когда международная конкуренция, так обострившаяся в деле постройки дредноутов, перебросилась с моря на сушу, естественно возникает вопрос: насколько можно быть уверенным в осуществимости большой сухопутной программы, которая поставила бы наши вооруженные силы на требуемую высоту?

Вся история нашей армии за последние пятьдесят лет дает основание для удовлетворительного ответа на этот вопрос. Кривая русской армии бодро поднимается кверху. Об успехах наших в послед-

ние годы, которые могут навлечь на нас такую же грозу, с переменной фронта Германии, как успехи болгар против турок, — уже говорилось. Мы уже опасны, но у нас нет еще гарантии непобедимости. Но надо признать, что и война в Маньчжурии, нанеся столько тяжелых ран русскому сердцу, не знаменовала какого-либо периода падения уровня военного искусства в России. На противопоставление неудачников Ляояна и Мукдена героям Шипки и Плевны надо смотреть, как на льстивое щекотание за ухом народных страстей. Наша армия 1904 г. стояла во всех отношениях не ниже, а выше армии 1877 года; это признавалось даже столь мало склонным увлекаться новаторскими течениями, как генерал Гершельман. Как ни крупны ошибки Куропаткина, как ни противоестественно расчленилось управление между Наместником и командующим армией, между Стесселем и Смирновым, все же это веточки по сравнению с плевненскими ягодами. После неудач под Ляояном, Шахэ и Мукденом наши полки проявили большую моральную упругость, чем после второй Плевны. Как ни прискорбны эпизоды атаки Сандепу, мы не обнаружили здесь больше тактического недоумения, чем под Горным Дубняком, когда корпус отборных войск окружил несколько дружин турецкого ополчения, жаждавших сдаться, и оказался беспомощным со всей своей артиллерией против земляного вала, за которым прятались турки. Если Горный Дубняк был все же взят, а от Сандепу пришлось уйти, то плюс и минус надо отнести на счет неприятеля, а не ухудшения своих войск. Героизм защитников Шипки не превосходил беззаветного самоотвержения истребленных до последнего в борьбе против десятерных сил безвестных защитников селения Суману — 15 января 1905 года, не нашедших еще в нашей армии себе биографа. Вечные отступления не смогли создать блестящего облика белого генерала, но Порт-Артур оставил нам светлую память Кондратенка. Руководители войск и штабов в 1904 году, несмотря на всю непопулярность их имен, должны быть признаны головой выше Зотова, Непокойчицкого, Левицкого, барона Криденра, князя Имеретинского и т.д. Вооружение, тыл, интенданты в войны 1877 и 1904 годов не могут и сравниваться. Если в Маньчжурии кое за что переплатили, кое-кто нажился, то интересы солдат не приносили в жертву, как в Болгарии. Запомним: армия может сделать большой шаг вперед и, несмотря на это, потерпеть неудачу.

Преступно окрашивать розовым цветом более дальнее прошлое и этой ложью наталкивать на вывод, что наша эволюция идет не по восходящей, а по нисходящей линии. Наши главные ошибки в

Маньчжурии заключались в повторении таких же ошибок в турецкую войну, оставленных неисправленными и затушеванными псевдо-исторической критикой. Как в Германии наступило теперь время, когда герои 1870 года сошли со сцены и об их ошибках заговорили беспристрастно даже в официальных изданиях, так и нам пора отнестись справедливо к отцам и детям. Мы шли недостаточно скоро, но все же вперед; перед русско-японской войной мы не хотели посмотреть на себя в зеркало турецкой войны; та искренность, удивившая весь мир, с которой мы критикуем наши действия в Маньчжурии, является порукой, что эта капитальная ошибка не будет повторена.

Нам нужно усилить нашу сухопутную мощь, у нас есть необходимые средства и имеется уверенность, что эти средства будут толково использованы. Но время не ждет.

Русская мысль. - 1913. - Кн. VIII (август). - С. 19-29.

Национальные черты (идеи) в военном искусстве

Год тому назад, в докладе, сделанном в обществе ревнителей военных знаний, я осторожно подходил к этой теме, говоря о призвании варягов в русскую армию, о стратегической и тактической штунде, смущающей попытки русской военной мысли занять самостоятельную точку зрения при разрешении возникающих вопросов. Если я решаюсь высказаться ныне по тому же вопросу с большей определенностью, с той точностью, которую требует письменный способ изложения мыслей, то к этому меня привели два обстоятельства: во-первых, мне придают смелости успехи славянского оружия на Балканах, которые позволяют видеть свет не в одном лишь окошке, из которого наши переводчики черпают всю свою премудрость, и, во-вторых, те нападки, которые приходится слышать по поводу устно доложенных мною в обширной аудитории соображений. Устный способ обмена мнений, предоставляя докладчику значительную свободу, имеет и свои невыгоды: очень обидно слышать из третьих рук свои тезисы, как призыв назад, как отказ от тяжелой заботы в области тактики и стратегии, как посул на разрешение импровизацией, исключаяющей всякую преждевременную подготовку, тех трудностей, с которыми придется столкнуться на войне. То, что слывет у нас под именем “русского военного искусства”, пользуется столь мрачной репутацией, что достаточно заговорить о том, что кое-что,

родственное нам, русским, оказалось на Балканах весьма на месте, чтобы быть заподозренным в любви к лени, в проповеди безделья. Если русская армия имеет и так самодовлеющие плюсы, если переводчики накладывают на нашу армию тот немецкий грим, который принес нам уже вред в эпоху царствования императора Павла I, то — делают заключения — не проще ли вовсе сложить руки в мирное время и ждать на войне чудес от одного того, что мы русские? С такой посылкой согласиться отнюдь нельзя: именно в подражании и переводах отражается лень и скованность военной мысли; протест против идейного рабства, призыв к самостоятельному, оригинальному развитию не может не быть в то же время обращением ко всем интеллигентным силам армии.

Но, может быть, влияние на развитие военного искусства в России — и в любой другой стране — основных течений национального характера является чисто призрачным? Предостерегая от зарубежных идейных инструкторов, от наводнения переводами, не тормозим ли мы тактическую эволюцию нашей армии; не останавливаемся ли мы перед миражем? Истина и в военном деле едина и, как утверждал еще Вобан, истина имеет всегда будущность; что же нам мешает экспроприировать у наших соседей эту голую истину? Электричество ведь также едино, и безумец будет тот, кто в России потребует отказа от пользования заморским изобретением, с тем чтобы электричество второй раз, но самостоятельно было бы изобретено в России. Чем родное электричество будет различествовать от бельгийского? Не предостерегает ли нас пример Китая, великая стена которого представляла надежную ограду от штунды всякого рода, но и привела это великое государство на край гибели, от малейших попыток окрасить военное искусство в родные цвета?

Я убежден, что эта интернациональная точка зрения не нашла бы себе защитников в глубине веков; да и ныне, обсуждая события давно минувших дней, мы находим, что парфяне и скифы были совершенно правы, не подражая римской тактике; римский легион и его метод боя — это идеальное, художественно-законченное явление военного искусства, но для своего успеха он требовал прежде всего римлян, римского духа и вооружения. Все условия жизни у скифов настолько различествовали от условий римской жизни, что вполне естественным и законным являлось проявление военного искусства у скифов в оригинальной форме. Скифская тактика и методы боя уступали римским, но, по-своему, могли выражаться в очень совершенном виде, и, во всяком случае, настоящий скиф, дерущийся по-

скифскому, был много опаснее театрального, переводного римлянина.

Утверждать существование тесной связи между формами военного искусства и всем строем народной жизни — значило бы ломиться в открытую дверь; история военного искусства это доказывает нам вполне научно. Эпоха рыцарей, возрождение пехоты, фридриховская армия старого порядка, новые методы боя, принесенные великой революцией, — все это имело глубокие основания в условиях жизни европейских народов. Интернациональная точка зрения на военное искусство опирается на современные условия жизни народов: все уже отказалось от национальной одежды и носят платье немецкого покроя, все пользуются примерно одинаковым вооружением, телефонами, аэропланами, железными дорогами и т.д.; за утренним кофе и немец, и русский пробегают телеграммы, а вечером восторгаются тем же Вагнером. Отрицать полирующей под один общий тон ход истории нельзя, и, разумеется, наша армия по сравнению с германской не может представлять тех резких различий, которые заметны, например, между французским рыцарским ополчением и благоустроенной уже английской армией эпохи столетней войны, или бурами, оторвавшимися от цивилизации в дебрях Южной Африки, и англичанами.

Много неудачных замечаний приходилось слышать в свое время по поводу англо-бурской войны; однако, не приходилось слышать, чтобы буров ругали за то, что они буры и что они держатся бурской тактики, а не руководятся переводами немецких уставов, хотя бы в национальных переплетках. Некоторые близорукие критики упрекали буров за их склонность придавать огню решающее значение и недостаточный порыв к рукопашной схватке, но как-то само собой понималось, что из этих схваток совершенно не подготовленных к ним буров, не имевших соответствующего вооружения, воспитания и традиций, привыкшим к бою в редких цепях, с вербованной, сбитой только для действий в сомкнутом строю, английской пехотой ничего бы не вышло. Этот упрек представлял лишь попытку с негодными средствами вовлечения буров в невыгодную сделку, попытку подвести их под общий шаблон военной теории.

Но если бурам, вместо военной организации имевшим лишь навыки по борьбе с кафрами и охоте на хищных зверей, дозволительно было проявить полную самостоятельность в борьбе с английской армией, чувствовавшей себя дико в непривычном южно-африканском ландшафте, и если мы их снисходительно извиняем,

что они поступали по-своему, а не подражали растерявшимся регулярным войскам, то терпимо ли, чтобы в Европе две регулярные армии, одинаково вооруженные и организованные, действовали различно? Ведь полтора столетия тому назад, когда мы посылали наши полки в Берлин, мы снабжали их париками с косичками и на биваках окружали их цепью парных часовых, совсем как Фридрих, стороживший своих грозивших разбежаться солдат, хотя наши полки в Германии и вовсе не знали, что такое дезертирство! Какие громадные жертвы были перенесены и переносятся теперь нами, чтобы подойти к какому-то всемирному солдатскому идеалу, и неужели же все усилия наши напрасны?

Пример резкого отражения национального характера в военном искусстве европейских армий? Изберем наиболее ясно подчеркивающий нашу мысль. Остановим наше внимание на столкновении армий старого и нового порядка; пусть действуют на одной стороне застарелые консерваторы — австрийцы начала XIX века, упорно боровшиеся с французской революцией во всех видах, настойчиво хранившие боевые традиции “времен Очакова и покорения Крыма”, на другой — армия Наполеона воспользовавшаяся тем переворотом, который внесла революция в военное искусство. Возьмем эпоху, когда австрийцы были уже изрядно избиты и начали с уважением относиться к тем новшествам в тактике и стратегии, которые характеризовали французов. Эрц-герцог Карл, австрийский генералиссимус и полновластный вершитель судеб ее с 1806 года, был пламенным поклонником французской армии и Наполеона, и все свои силы направил на то, чтобы переделать австрийскую армию на французский лад. Вместо прежних линейных строев он настойчиво вводит маневрирование на широком фронте, требует боя на пересеченной местности, подчеркивает значение самостоятельности частных начальников; явное предпочтение оказывается расчлененным построениям, бою в стрелковых цепях, где отдельному бойцу предоставляется широкое поле для проявления своей личной активности. Эрц-герцог Карл заявил себя крайним проповедником революционной штунды и, в идейном отношении, звал варягов из Франции установить порядки в австрийской армии. Каков же был результат трудов горячо обожаемого армией вождя, с талантом, авторитетом, широкой взгляда и боевой опытностью которого современные переводчики, конечно, спорить не могут?

Результат: начало кампании 1809 года — Регенсбургская операция — пять дней — пять капитальных поражений. Австрийская армия была отброшена на левый берег Дуная, а по правому берегу Наполеон бросился к Вене.

Если бы эрц-герцог Карл обратился в эту минуту к своим войскам с речью: “австрийцы — вы были недостаточно французами; вы недостаточно точно и искусно подражали французам. Вы недостаточно проявляли частный почин, недостаточно по-революционному вели бой в стрелковой цепи. Старайтесь в следующих боях тверже помнить преподанные вам мной и ныне подтвержденные Наполеоном образцы”. Если бы эрц-герцог Карл произнес такую речь, он оказался бы на высоте усердия и слепоты современных апостолов Шлихтинга, но никто и никогда не считал бы его — не гениальной, но крупной личностью. Ярлык посредственности был бы наложен на него дальнейшим упорством в подражании Наполеону. Но эрц-герцог Карл поступил не так.

Тех, кто гонится за дословной точностью в описании последующей метаморфозы, я отсылаю к кропотливому архивному исследованию подполковника Кристе, к трудам Войновича и других. Но сущность происшедших событий я берусь очертить исторически верно. Эрц-герцог Карл обратился к своим ближайшим сотрудникам со следующими словами: “господа, мы стремились разыграть — вы французскую армию, я — Наполеона — со всем доступным нам умением. Эта комедия привела нашу империю на край гибели. Какой я Наполеон? Какие вы маршалы? Как можно предоставлять вам самостоятельность на поле сражения, если вы обращаетесь в пассивных истуканов, как только скроетесь с моих глаз? Вы честные и храбрые люди, но всей предшествовавшей деятельностью вы не подготовлены к французской стратегии и тактике. Наши солдаты сильны, выносливы, лучше обучены и дисциплинированы, чем у неприятеля; война получает оттенок Отечественной борьбы, и наши батальоны мужественно кидаются врукопашную; но наши солдаты старого порядка, и им крайне трудно дается бой в рассыпном строю. По-французски мы никогда не будем так хорошо сражаться, как французы; копия всегда будет бледнее оригинала. И хотя французский метод боя и является ныне, по-видимому, самым совершенным, но я вам предлагаю забыть о нем. Забудьте все тактические новшества, которым вы обучали войска последние три года; предлагаю вам обратиться к старому уставу, к тому линейному порядку, в котором вы воспитались, который освящен победами над турками, в котором

вы под командой Суворова и моей не раз били лучшие французские армии. Этот линейный порядок как бы нарочно создан по вашим способностям, господа генералы, и для ваших солдат. Заморская форма была красивее, но вы производили в ней впечатление жалкой карикатуры; своя же родная, быть может и хуже, зато сидит на нас, как вылитая”.

И в армии эрц-герцога Карла, только что пять раз в пять дней разбитой, началось ликование: по-своему, говорили, будем теперь биться с французами. Каждый день армия к ночлегу подравнивалась, устраивалась зря с церемонией, полки печатали с носка в общей колонне, генералы, не способные к проявлению инициативы, перестали и баловаться мечтой о ней. Через три недели пред Наполеоном оказалась совершенно перерожденная на старый лад армия. Эрц-герцог Карл оказался настолько сообразительным, что выбрал поле сражения в открытой долине Дуная, где линейному порядку было где развернуться, и широко использовал свою артиллерию; его ликующей армии улыбнулось счастье — и он разбил Наполеона под Асперн-Эслингеном. Победили австрийцы, а не жалкие ломачи. И если потом гению Наполеону и удалось сорвать Ваграмскую победу, то лишь с огромными жертвами и с трудом, в чрезвычайно почетной для эрц-герцога Карла и австрийской армии борьбе.

1809 год ознаменовался буйным ростом национального раздражения во многих углах Европы против гегемонии Франции, и эрц-герцог Карл, уловивший это движение и в последнюю минуту сознательно отказавшийся от лучшей по тому времени тактики, которая была не по плечу его армии, решившийся в здравом уме и полной памяти на худшую тактику, но вполне отвечающую характерным чертам австрийской армии, — эрц-герцог Карл заслужил право на добрую память в военной истории.

Шаг к победе — всегда шаг вперед; я не могу признать эрц-герцога Карла, перестроившего свою армию на возмутительный с точки зрения последнего слова моды, но верный лад, сделавшим шаг назад. Запомним и упрямство, с которым Велингтон и англичане в течение всей борьбы с Наполеоном держались старой тактики и отказывались перенимать у французов их методы боя. Настоящий шаг назад, движение вспять начинается, когда забывают, что повелевает обстановка, что обстановка для каждого народа складывается чрезвычайно характерно, и когда начинают подражать без разбора тому, кто кажется всех умнее, всех сильнее.

Истекшим летом журнал “Швейцарское знамя” устроил между своими читателями анкету: французской службы, а родом швейцарец, генерал-майор Жомини почувствовал себя в 1813 г. оскорбленным: его, как казалось, обошли производством в генерал-лейтенанты, и он получил замечание за упущение в штабной службе; знамена, под которыми он служил, находились в тяжелом положении; прав ли он был, дезертировав в такую минуту из французской в русскую армию?

Большинство — пятнадцать против двух — ответов анкеты сложилось в пользу Жомини: швейцарские читатели стремились выгородить своего соотечественника и получили резкую отповедь со стороны не ожидавшего такого легкомыслия жюри. Интернациональные взгляды оказались господствующими в Швейцарии.

Жомини был не только дезертиром, но, к сожалению, и очень умным человеком, и ему принадлежит закладка начал военной науки на русской территории. Разумеется, нельзя было бы требовать от сего урожденного швейцарского писателя изложения точек зрения, характерных для русской армии; Жомини по всему складу своего ума был космополит; он мог трактовать только об единой, вселенской военной теории, и его труды, в интересующем нас отношении, являлись вполне бесплотными. Жомини установил у нас традицию космополитизма, которую колебал только тот генерал, которого современные авгуры военной науки снисходительно именуют “Конопским философом”. Жомини писал на родном ему французском языке; его чисто русские наследники стараются думать на плохо им знакомом немецком языке — вот вся разница.

Интернациональный флаг в руках возражающих мне является плодом тяжелого недоразумения. Мне не трудно будет доказать, что лица, не признающие никаких особенностей тактики или стратегии на русской почве, охотно мирятся с существованием соответствующей французской и немецкой тактики. Все они являются ведь горячими сторонниками единства военной доктрины. Есть много слов, в которых плохо разбираются. Если на меня обрушилась целая фаланга за один намек на приспособление тактики к русской обстановке, то она же отдала бы мне почтительно честь, если бы я выразился, в сущности, решительнее: о русской военной доктрине. И сам патриарх единства военной доктрины у нас прежде всего возражает против отмеживания нашей доктрины от соседей. Бедная логика!

Что такое доктрина — доктрина единая для армии? Я пробежал столбцы, которыми пестрели эти страницы год тому назад, во время завязавшейся полемики, выяснившей трудность столкновения, когда люди говорят на разных языках, как во время вавилонского столпотворения. В чем разница между наукой и доктриной, если не в том, что единая доктрина — это та же наука, но утратившая свой бестелесный лик и воплощенная в национальном образе. Единая военная доктрина — это военная наука, переработанная исключительно с точки зрения условной борьбы данного государства. При этом часть важнейших принципов тактики и стратегии отступает на второй, даже на третий план; те же начала военного искусства, которые сами по себе имеют, может быть, второстепенное значение, но роль коих в данных условиях особенно обостряется — выдвигаются вперед. Совершенно естественно, что немецкая доктрина рассматривает явление войны под углом зрения наступления превосходных сил на широком фронте, на еще не изготовившегося и не собравшегося противника, фланги коего надо немедленно охватить и смять. Совершенно естественно, что французская военная доктрина рассматривала до последнего времени все явления войны с точки зрения прикрытия операции — авангардом, сторожевым охранением, так как обстановка на лотарингской границе складывалась против налета французов, и за выжидание ими подхода второочередных частей и перехода русской армии в наступление. Кто еще сомневается в том, что особенности обстановки дают яркую окраску стратегии и тактике, пусть попробует примерить французскую доктрину к германской армии и наоборот. Впрочем, французские штундисты охотно последнее и выполняют, подражая примеру их русских коллег.

Нужно очень неглубоко смотреть на военное дело, чтобы весь вопрос о военном искусстве в России — о нашей доктрине — сводить к давно затасканному уже противоположению штыка и пули. Кто не хочет идти в немецкую школу, тот враг разумного пользования огнестрельным оружием, гласят штундисты. Кто за огонь, тот с нами, к Шлихтингу! Какое легкомыслие! Как будто на пространствах нашей огромной Империи, ее важнейших, типичных театров борьбы, в организации и комплектовании наших армий нет никаких особенностей, кроме старой традиции, выработанной вековой борьбой с турками — о предпочтительности разметывать их плохо спаянные и подверженные панике орды быстрым натиском перед вступлением с ними в длительную борьбу за перевес в огне; а в последней борьбе турки могли выказывать все сильные стороны своего

солдата и укрыть свою неспособность быстро парировать неблагоприятное изменение в обстановке.

Не приглашая вовсе следовать за теми, кто перескакивает от древней русской старины к современной неметчине и доказывает, что Суворов, вопреки поговорке “пуля — дура, штык — молодец” является глашатаем самой современной тактики ружейного огня, или за теми, кто стремится доказать, что наша армия в XVIII веке предупредила французскую революцию в ведении боя в рассыпном строю и в установлении идеи общего резерва, позволительно все же поставить вопрос: неужели наша военная история и наши современные условия борьбы с важнейшим противником представляют пустыню Сахару, которая не дает никаких элементов для создания русской военной доктрины, оставляя жевать только вопрос о пуле и штыке? Неужели на карте к востоку от Немана и Вислы тянется совершенно белое пространство, на котором ничего нельзя прочесть? И, значит, правы те, кто русскую единую военную доктрину, т.е. русскую страницу стратегии и тактики, списывают с Шлихтинга?

Особенно много нареканий мне пришлось выслушать за то, что я усмотрел какой-то русский стиль в болгарских победах. А между тем, что может быть естественнее применения болгарами хорошо знакомого им, родственного стиля, который был выкован русской армией в борьбе с теми же турками. Как в эпоху гладких ружей, так и в эпоху магазинок арабы в Алжире, Марокко и Триполи прекрасно выдержали огневой бой с европейцами, но сейчас же сдавали при энергичной атаке. Странно ли, что и турецкую армию, большую теми же пороками, в продолжение 150 лет можно было бить теми же средствами? Вопрос заключается не в штыковых ударах, а в стремительности стратегического наступления, в отсутствии маниловщины на поле сражения, в щедрой оплате кровью первых успехов, памятуя, что развитие их неминуемо поведет к панике у турок. И если бы вместо энергичного образа действий болгары окунулись бы в позиционную стратегию, если бы в бою они начали применять жидкие, бурские приемы боя — они несомненно пошли бы на неудачу. И, когда захлебываясь в болгарской крови, оппоненты указывают, что там-то и там-то болгарский наскок не имел успеха, сорвался, я оставаюсь в недоумении: ведь это возражение не только против Суворова и конотопского философа, это выпад и против Мольтке, выпад против применения энергии на поле сражения — та самая

маневренная опасность, которая казалась грозной Клаузевицу и которая заставляла его проповедовать стратегию прямого удара: какая фальшивая мечта — осилить противника маневренным контрадансом! Турки стреляют не картонными пулями, у болгар уязвимые тела, огненный поток не раз останавливал их наступление, потери доходили до 50% — в этом и заключается война. Неужели же то русское в военной доктрине, которое авгуры таят даже до отрицания, окажется в результате теорией, как мямлить в решительные минуты? Мы, к сожалению, слишком хорошо знаем, в какой тупик ведет эта теория.

Национальный мотив в стратегии звучит еще громче, чем в тактике. Перед нашими соперниками, австрийцами, мы имеем несомненное преимущество: австрийцы не располагают тем барьером против наводнения германских идей, который мы имеем в русском языке. Германская военная литература, а с ней и германская доктрина прочно завоевали Австро-Венгрию. Однако, нельзя не подметить разницы в организации и условиях боевого применения германской и австрийской армий. Очевидно, германская доктрина далеко не могла удовлетворять австрийцев, и действительно, несмотря на тиски немецкого языка, при начальнике генерального штаба Конраде фон-Гетцендорфе австрийцы принялись энергично освобождаться от германского ига и работать над созданием своей, более умеренной австрийской доктрины. Внимательные наблюдатели эволюции военной мысли в Австрии подтвердят это непризнающим необходимости учитывать в военном искусстве национальный характер и особенности обстановки.

Какая мертвая тоска зубрить чужой букварь, насаждать чужие шаблоны, подобострастно ссылаться на чужие авторитеты, признавать гегемонию противника! Кто признал необходимость иметь свою доктрину, тот уже схизматик, тот тем самым уже отказался от единых вселенских шаблонов, от единой — бездушной и бесплодной — военной науки, тот высказался за живое, разнообразное, в каждой стране, в каждую эпоху проявляющееся в различных формах военное искусство. Будем помнить, что мы станем непобедимы, когда найдем свою верную форму и выльем ее в единую русскую доктрину, но для этого обратимся к зрячим вождям. А какой простор для работы!

<...> Сторонники единой военной науки, вероятно, не поймут безусловной необходимости раздробить в солдатском понимании

военное искусство на пехотную, артиллерийскую, кавалерийскую доктрину, быть может, даже частью противоречащих друг другу. Но я убежден, что найду сторонников, утверждая, что привитая многим из нас (и мне, как бывшему артиллеристу, в том числе) в мирное время мысль о всемогуществе шрапнельного огня являлась в бою тяжелым грузом. Если теперь связь пехоты с артиллерией найдет в нашей армии выражение в том, что пехота будет заражена артиллерийским убеждением, что шрапнель может скосить в несколько минут пехотную часть на лугу так же регулярно, как коса косит спелую траву; если мы позволяем себе на артиллерийских полигонах показывать пехотным офицерам шрапнельные фокусы, неосуществимые в боевой обстановке, но воспоминание о коих заставит пехотинцев тесно жаться в бою на дно окопов, то такую связь родов войск, такое единство доктрин не следует ли признать наибольшим злом? Холера и чума не так опасны для армии, как потеря солдатом той точки зрения, которая составляет его идейную силу. Тот же вопрос об едином или национальном военном искусстве в миниатюре — бесконечная вариация темы о том, что русскому полезно и представляет немцу смерть, переложенная уже, вместо разных государств, на голоса разных родов войск... И вся Австро-Венгрия со своей слабой числом артиллерией, старыми гаубицами, бронзовыми, быстро изнашиваемыми пушками, — не имеет ли она армию резко пехотной окраски, и не прав ли был Конрад фон Гетцендорф, давший единой австрийской доктрине тот же резкий пехотный оттенок, с которым говорит своему взводу о действительности артиллерийского огня пехотный поручик?

Идеи не всемогущи; идеями нельзя компенсировать отсутствие артиллерийских снарядов; но армия вправе требовать, чтобы идеи не подрубали тот сук, на котором зиждется ее могущество; она вправе требовать такой доктрины, в которой занималась бы точка зрения, на которую можно опереться в бою. К чему единая военная наука, если она может висеть только камнем на шее в нашем тяжелом плавании, как висела в Австрии до 1903 года включительно? <...>

Людям искренним, и тем горше — пишушим, так достается за то, что у них сорвется с пера или языка, — так часто приходится слышать, что “язык мой — враг мой”, что “слово — серебро, а молчание — золото”, что им может быть позволено опереться на противоположную точку зрения. Нас обязывает не только смело вырвавшееся у

нас слово, но и простая пауза. В молчании заключается такая же тяжелая ответственность, как и в нашей деятельности — с кафедры ли, или в литературе.

Это вступление мне потребовалось для извинения перед читателями за почти трехнедельный перерыв в моих очерках, посвященных той же теме. Знак молчания — знак согласия. Возражение не последовало — я продолжаю и прошу внимания теперь не к столь высокому деятелю, как Конрад, и вовсе не злободневному, но представляющему одну из наиболее крупных фигур в рядах миссионеров, работавших против немецкой штунды.

Я должен сделать оговорку: быть может, противники немецкой штунды попадают несравненно точнее в такт сущности немецкой военной мысли, чем в те легионы, которые обнаруживают более самоотверженности, чем наблюдательности в рабской ее копировке. Правда, про известного “Находского льва” — генерала Штейнмеца — говорили, что он не может себе представить бога побед иначе, как в прусском генеральском мундире. И я даже знаю авторитетных писателей по сю сторону границы, которые также держатся этого забавного суеверия. Но сердцевина немецкой мысли по этому вопросу выражена фон-дер-Гольцем совершенно определенно: “Тот, кто пишет по стратегии и тактике, должен был бы обязать себя преподавать только национальные стратегию и тактику, которые одни только могут быть с пользой восприняты народом, для которого он пишет”. О, поклонники Шлихтинга! Если бы вы следовали германскому учению по духу, а не по букве, вы бы вырвали из ваших трудов все переводное, все антирусское, — даже если от них угрожали остаться одни пустые обложки. Вы — за немцами, но немцы — против вас.

Хотя некоторые ученые труды наши представляют любопытный агломерат глав “с французского” и “с немецкого”, все же можно считать установленным, что наиболее распространенная в соответствии с требованиями защиты родной земли — это доктрина французская. Я не задаюсь теперь целью обрисовать ее в общем достаточно известные контуры, а хочу вернуться к героическому периоду ее зарождения, который нас в настоящую минуту наиболее интересует <...>

Удивительно: сколько в германской военной доктрине заключается задорно-наступательного, и все-таки наваждение этой доктрины во Франции рассеялось как раз в тот период, когда по рядам французской армии и по всему народу пронеслось подлинное, не заимст-

вованное и не переведенное дуновение эпохи буланжизма. В нем было много отрицательных черт, оно отзывалось демагогией дурного тона; в политическом отношении его постигла неудача, оно осмеяно и предано поруганию всей той пишущей черни, почтенная задача коей заключается в добывании павших. Но это движение имело корни во французской почве и потому явилось для французской армии во многом живительным. Быстрое введение магазинного ружья, дерзания в области артиллерии, вместо рабского подражания пушечному немецкому королю — Круппу, постановка задания, приведшая позднее к созданию скорострельной пушки, не превзойденной другими странами через 15 лет, наконец, подлинная перестройка практической подготовки к войне с оборонительного на активный лад — все это подлинные заслуги буланжизма. Не будем ограничивать буланжизм исключительно авантюрой ее шефа. Историческая задача буланжизма была несравненно шире: в стане побежденной французской армии наступила пора зажечь аустерлицкие огни, по выражению известного французского риторика. И злейшие враги буланжизма — социалисты — признают, что буланжизм не был представлен одними бесплодными фанфарами грубого шовинизма: это была целая система, имевшая богатую идейную основу, это был потрясающий зов, но обращенный к рассудку, это был идейный сигнал, очаровавший офицерскую молодежь, искавшую мотивов, чтобы верить, нуждавшуюся в поклонении собственному знамени. В интересующем нас отношении буланжизм дал Франции единую военную, и притом французскую, доктрину.

Наш юбилейный год миновал, но работа по сбору материалов для того, чтобы разжечь в нашем лагере бородинские огни, только начинается, и только эти огни осветят нашу военную доктрину.

Нужен строгий разбор, так как нестерпимый, дух воротящий чад поднимает одна щепотка неблагородного, маргаринового материала. Чем объяснить успех штунды, как не негодованием на легенды о военных в рясах, на лубок на обложке и бессовестную неправду в тексте, на то шулерство мысли, которое творило свой шабаш около великих священных боевых заветов нашего прошлого.

Быть может в наших задачах нам поможет разобраться пример одного из возжигателей аустерлицких огней эпохи буланжизма — великого духом инвалида телом — скромного родоначальника французской доктрины.

Я еще раз должен извиниться за скромное положение героя моего очерка. Это уже не блестящий начальник генерального штаба великой, хотя и пестрой военной державы, а журналист, скрывавшийся под инициалами G.G. — Жорж Жильбер. Впрочем, все мы, работающие на военно-литературной ниве, можем гордиться коллегой Жильбером. В посвящении к одному из сборников его статей содержится заявление автора о той иллюзии — возможности быть полезным родине, которую он сохранял во время своей журнальной работы... Когда теперь пересматриваешь пожелтевшие страницы изданий девяностых годов и когда всматриваешься в пройденный за последнюю четверть века французской армией идейный путь, то рождается полная возможность ответить на сомнения умершего еще в 1901 году военного критика: да, он принес своей родине огромную пользу, и Жильбер, как родоначальник доктрины, заслуживает, быть может, постановки на один уровень с Конрадом фон Гетцендорфом. В нашей газетной полемике мы перестаем уважать огонь человеческой мысли, мы забываем, что и Москва сгорела от трехкопечной свечи. Бережнее, господа, ко всему, что светит не отраженным светом!

Мой герой — капитан в отставке — чрезвычайно интересен сам по себе. Он окончил курс высшей военной школы в период неоспоримого господства в ней пруссомании, но не окунулся в то море житейской суеты, которое образует прохождение службы каждого офицера генерального штаба. Еще почти на школьной скамейке его разбил паралич и уложил навеки в постель. У Жильбера крылья были действительно подрезаны, физически он был оторван от армии, но тем свободнее он мог предаваться размышлению над убожеством национальной мысли, которое выражалось в рабском послушании немцам его профессоров. Мысль Жильбера не была подавлена болезнью и не поддавалась горькому отчаянию. Именно он, бессильный, безногий офицер, мог до глубины прочувствовать, какую цену имеет идейная подготовка к войне. И Жильбер твердил всей Франции, что спасение заключается не в том, чтобы копировать наследственного врага, а в самостоятельной работе, в вере в национальный гений Франции, в необходимости воздвигнуть французское учение о войне из подлинных французских материалов, а не из нелепого восхищения победителем — Мольтке. Жильбер требовал для Франции идейного реванша у немцев прежде, чем можно будет воплотить в жизнь мечту об общем реванше. Вслед за Виктором Гюго он повторял, что полезно думать о том, что раньше победа улыбалась и нам <...>

Как Драгомиров почувствовал острую необходимость опереться на Суворовскую науку побеждать, так и Жильбер пришел к необходимости ответить на прекрасные исторические труды прусского генерального штаба, посвященные прусским победам, историческими трудами еще большей научной стоимости, посвященными периоду наибольшего боевого расцвета Франции — Наполеоновской эпохе. Учившиеся в нашей академии на рубеже XIX и XX столетий переживали отраженный удар проповеди Жильбера в виде наводнения курса наполеоновскими походами — и притом по преимуществу теми, к которым мы не имели никакого касательства. Тогда пруссо-мании еще не было, и мы делали “то же”, что и французы.

Принц Гогенлоэ, в своих стратегических письмах, утверждал, что самые юные ученики и преемники Наполеона — это прусские генералы, только что победившие в 1870 году; они превзошли своего наставника, так как их стратегия более обдуманна и более решительна, чем наполеоновский метод.

Эта мысль нашла широкое распространение в Германии и в штундистских кругах. Основной пункт французской доктрины — это полемика, возражение против этого прусского натиска на самые дорогие французам боевые заветы. Читатель усматривает, какая пропасть между доктриной и наукой: последняя в голову своего учения, конечно, не может ставить полемику, тогда как доктрина, защищающая уже в мирное время, в области идей, национальную независимость, не только может, но и должна ориентироваться по полемике против главного врага.

Сам Жильбер выступил с превосходной параллелью между Йенской операцией Наполеона и начальной операцией 1870 года, руководимой Мольтке, где ясно оттенил превосходство Наполеона над прусскими генералами. Но главной его заслугой было создание во Франции, по его программе, военно-исторического отделения. У нас, после неудачного опыта с комиссией по описанию русско-турецкой войны, существует серьезная и обоснованная оппозиция против всяких “штатных” военных историков. Действительно, военное ведомство, кующее оружие на врага, только тогда окажется вправе содержать военно-историческое отделение генерального штаба, если оно будет чувствовать потребность в идейном оружии для защиты своей доктрины от посягательств соседей. Между Францией и Германией идейная борьба оказалась, с успехом проповеди Жульбера, столь напряженной, что против регулярных сил прусского военно-исторического определения, в котором работали лучшие офицеры

генерального штаба под непосредственным руководством Мольтке и его преемников, нельзя было возлагать надежды на одну частную инициативу и потребовалось дать регулярный отпор в виде французского же военно-исторического отделения, блестящий состав которого дал ряд высокоценных капитальных трудов; это была тяжелая артиллерия, поддержавшая начатую буланжистским журналистом контратаку и до сих пор хранящая память своего передового бойца. Когда читаешь критику австрийской печати наших действий в войны 1877 и 1904 года, и в то же время слышишь гимн похвал австрийскому оружию за подавление восстания в Боснии в 1878 году нескольких тысяч турецких запасных, потребовавшего мобилизации 200 000 армии, то начинаешь думать, что и у нас нашелся бы круг деятельности боевому военно-историческому отделению. Пока же, в идейном отношении, все наши надежды на партизан...

Мой очерк о национально-идейном движении, связанном с журнальной работой отставного инвалида, несколько затянулся, и я окончу его указанием на важнейшую критическую работу Жильбера. Он дал разбор учения Клаузевица, выяснил те нити, которые через его труды связывают современную германскую доктрину с полководческим гением Наполеона, и затем, разобрав “элементы войны” — академический курс полковника Мальяра, поставил его на одну высоту с Клаузевицем; Мальяр, французский ученик Клаузевица, впитавший и переработавший те элементы его, которые отвечали французским условиям борьбы, написал прекрасный курс, но евангелием французской доктрины сделала его критика Жильбера. Каждое учение нуждается в апостолах, в бояцах за него охраняющих его единство и широко несущих проповедь. Как бы была счастлива русская критика, если бы ей, вместо борьбы со штундой, вместо бесплодного отрицания Драгомирова, пришлось встретить, согреть и вырастить труд русского Мальяра! Такому труду литературную форму может придать один человек, но он может быть рожден только сотрудничеством энергичного, авторитетного кружка, которому дует попутный ветер. В военном пробуждении нашего общества — всей России — мы видим тот попутный ветер, который с успехом может исполнить роль буланжизма во Франции, дать толчок и сплотить в одном порыве за русской доктриной нашу армию.

Много есть горячего для бородинских костров...

Где тот Прометей, который добудет нам огонь?

Русский Инвалид. -1912. - №№ 261,262,263,264,273;1913.-№ 3,4

“Gredo” модерниста

В области мысли существует своя музыка прошлого; мы знаем увядшие мотивы, которым не суждено более царить над массой. К таким увядшим мотивам многие охотно относят значение национальных черт в военном искусстве. Попытка воскресить отживший мотив обречена на неудачу, так как в ней всегда будет звучать фальшивая нота. Теперь раздаются сетования на присутствие этой фальшивой ноты в моих статьях. Во избежание недоразумений необходимо установить, чем различается моя точка зрения от старого, заигранного мотива русского военного искусства.

За исключением, отчасти, Драгомирова представители “русского военного искусства” игнорировали ту обстановку, в которой теперь приходится устраивать и вести в бой нашу армию. Изучение многих националистических попыток производит очень тяжелое впечатление. Мы как бы пробовали декорировать в русские цвета плагиат — французские и немецкие идеи. Мы нахлобучивали Вобану скуфью. Русский элемент в “русском военном искусстве” напоминал ту постановку чеховского “Вишневого сада” в Англии, о которой недавно сообщала З.Гиппиус. Горничная порывалась одеть живописный русский костюм, актеры, несмотря на то, что действие происходит летом, вынесли на сцену все свои меха, а Пищик появился в облачении дьяка боярской Руси — в отороченном мехом кафтане. Петербуржцы на сцене Кривого Зеркала видели пародию на такие заграничные представления из русской жизни. Такая же фальшь заключалась и в русском военном искусстве, заимствовавшем свой орнамент из домостроя и артиллерийского музея.

Если это “русское военное искусство” совершенно невыносимо теперь для наших понятий, то надо все же отметить период нашего развития, когда оно, до известной степени, являлось законным. То был, по определению Ключевского, век затмения вселенской идеи. Когда-то обстоятельства на Руси сложились так, что русский народ в своем сознании выделил себя из вселенской семьи на особое, избранное служение. Русские, думалось, созданы из особого теста: им одним даны ключи жизни и нового слова; наш народ православный — превыше всех сынов земли. Москва должна явиться средоточием вселенной, третьим Римом. Русский народ отмечен особой культурной миссией и призван создать цивилизацию “Востокозапада”. Русский избранный народ, как некогда еврейский, все должен был иметь свое — и военное искусство не могло быть трэфным, заимст-

вованным у запада. Надо было в эту эпоху придумать русское военное “искусство”.

Это резкое, ветхозаветное противоположение русского военного искусства всему западному, его архаический национальный убор не казались шутовскими до тех пор, пока звучала бесконечно талантливая проповедь Достоевского, пока держалась вера, что — мы новый народ Мессия. Но уже на закате прошлого века сам В.Соловьев, работавший над этой русской национальной идеей, пророчил ей горькую участь:

“...И третий Рим лежит во прахе

А уж четвертому не быть”.

От идеи Тютчева, Данилевского, Достоевского теперь ничего не осталось. Реакция ударились в другую крайность. После “русского военного искусства” мы не хотим слышать и о том скромном сообразовании подготовки к войне с нашими национальными чертами и особенностями предстоящих нам боевых задач, которое составляет базис всей мирной работы в иностранных армиях. Нас, говорит князь Евгений Трубецкой, слишком долго держали в сознании, что русский человек — “всечеловек”, а не просто человек с определенными конкретными чертами расы и народности; это неизбежно повело к утрате сознания собственной национальной физиономии. Мы привыкли видеть в России целый мир и потому утверждаем, что в ней нет ничего местного. Вселенское и истинно русское — одно и то же. От дерзновенной мечты о русском народе как преемнике римлян на всемирной арене мы бросаемся в другую крайность и утверждаем, что русские — даже не народ, а какой-то бессмысленный механический конгломерат. Отсюда, из этого чрезмерного разочарования исходит протест против нашего права — и обязанности — иметь такое же “военное искусство в России”, как немцы имеют “военное искусство” в Германии и французы — “во Франции”.

Мы загипнотизированы успехами внешней культуры и придаем им чрезмерное нивелирующее значение. Основываясь на том, что в Петербурге пользуются такими же трамваями и телефонами, как и в Берлине, мы делаем ошибочную посылку, что в XX веке русские стали более похожими на немцев и французов, чем в XVIII. Пять лет тому назад я подробно останавливался на этих же страницах на том, что как раз в тот век, когда все народы переодевались в общий костюм, они заговорили каждый своим языком. В Европе произошел процесс проявления колоссальной этнографической пластинки. Националисты создались успехами начального обучения. Австрия на

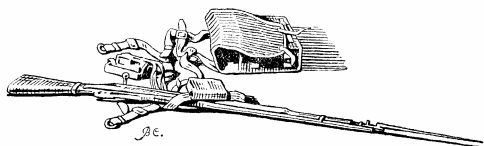
нашей памяти стала славянской, нашелся неизвестный до того народ — болгары.

Из маленького Парижа наша северная Пальмира обратилась в русскую, на три четверти, столицу. Только гениальность Суворова дала ему силу не обратиться в XVIII веке в космополита — в наше же демократическое время на национальную точку зрения стали все крупные и масса посредственных военных писателей запада.

Я первый бы обвинил себя в фальши, если бы в моих статьях заключалась попытка задрапироваться в пышный боярский костюм, если бы я допустил хотя бы одну ссылку на ”гнилой запад” славянофилов. Наоборот, я стремился возможно деликатно подчеркнуть, как успешно западные армии стремятся использовать свои национальные черты, как далеки они от того, чтобы базировать интерес государственной обороны на существующем только в теории ”всечеловеке”, да ”нормальных” условиях войны. Читатель признает отсутствие грубых зоологических черт в моем понимании ”военного искусства в России”. Это очень умеренная позиция. С этой точки зрения русский элемент в доктрину должен быть внесен не декорациями старины и не одними только типичными особенностями русской расы, представляющей столь пестрое сочетание огромных плюсов и минусов; решающее значение имеют также и стратегические, тактические, технические, организационные условия, в которых нам придется действовать. С изменением их должна непрерывно эволюционировать и наша доктрина.

Этот путь к победе нам преграждают не имеющиеся всюду и всегда скептики, а наша расовая обломовщина, привычка жить на всем готовом в материальном и в умственном отношениях. Соблазнительное обыкновение покупать духовный хлеб в немецкой булочной расслабляет нас, как употребление морфия. Побеждать с репетитором нельзя.

Русский инвалид. - 1913. - № 25.

ИДЕОЛОГИЯ НОВОЙ АРМИИ

Военное дело в революционную эпоху

Революционная тактика

На фронте голод — голод материальный, не хватает фуража, продовольствия, обуви, обмундирования и голод духовный — острый недостаток в идеях долга, которые бы могли возместить зияющую пустоту, оставленную в сердцах людей ушедшим старым режимом. Но чтобы мышцы нашей армии получили прилив новых сил, получили бы способность к энергичным сокращениям, необходимо дать здоровую пищу не только сердцам и желудкам: широкая неудовлетворенность чувствуется на всем фронте и в области тактики; с каждым днем старые, изжитые формы боевых действий становятся все очевиднее неудовлетворительными. Как 217 лет тому назад, после Нарвы, так и для армии Новой России вопрос об оперативном творчестве стал на очередь как вопрос жизни или смерти.

Ведь в эпоху неудач великой Северной войны, в эпоху крайнего напряжения и истощения всех сил русского народа, когда колокола не эвакуировались, а переливались на замену потерянной артиллерии, среди смуты на Руси, Булавинского бунта на Дону, восстания башкир и измены на Украине, творчество Петра Великого дало нам Полтавскую стратегию и тактику, которые позволили нашим многочисленным, но не окрепшим еще полкам одержать полную победу над лучшими в Европе дружинами, предводимыми счастливым и дерзким полководцем. В неизмеримо труднейших условиях, чем мы, находился великий преобразователь, и его гениальному оперативному творчеству удалось все же протолкнуть нас на берега Балтийского моря, и аннексировать Ригу...

Убежденный сторонник безбрежного заимствования с Запада науки, методов, форм и обычаев, чтобы наш темный и отсталый народ посадить в ряду культурных наций, введший с особой жадностью эти заимствования во всех областях, соприкасавшихся с военным делом, в области тактики и стратегии Петр Великий был вынуж-

жден стать на совершенно самостоятельный путь: по недостатку внутренней спайки, по необученности, по отсутствию доверия к командному элементу петровская армия слишком еще отличалась от шведской. Регулярный строй еще не давался нашим войскам, представлявшим скорее скопища людей, чем вымуштрованные полки; Нарва и Головчино показали Петру, что то, что шведу здорово, русскому смерть... Он нашел самостоятельное решение оперативной задачи — и новое слово, сказанное в области тактики под Полтавой, не затихло: подхваченное маршалом Саксонским, перенятое от него Монтенем, полтавское решение было воплощено французской революционной армией в блестящие формы глубокой тактики.

Не стоит ли русская армия в настоящую минуту перед такой же потребностью в оперативном творчестве? Не должны ли мы из Риги, Якбштадта и Эзеля извлечь те же уроки, которые русский гений извлек однажды из Нарвы, и наше творчество не должно ли стремиться обратить эти поля поражения не в могилу русской славы, а в школу нового военного искусства?

И действительно: последние два года, в тактическом отношении, наша эволюция заключалась в переносе на наш фронт всех методов борьбы, к которым пришли наши союзники французы, находясь в совершенно отличных от нас условиях. Мы завалены брошюрами, дающими интересные данные и блестящие выводы из боев на французском фронте, мы знаем сколько пушек, когда и как стреляли в Шампани, а о блестящем прорыве Брусилова в 1916 году даже участники его не имеют никаких технических данных. А между тем, какое различие в способе действий 39 русских дивизий, опрокинувших 40 австро-германских, отказавшихся от позиционного боя и перешедших на 2 месяца к полевой войне, от совпавших по времени успешных действий французов на Сомме! И не зарыли ли мы вновь успех Брусилова в землю, перейдя через 2 месяца борьбы к позиционной войне, по чуждым для нас формам? <...>

Сколько полков нашей армии располагает на фронте сетью окопов и ходов сообщений, общим протяжением 30-40 верст, которых нет возможности очистить от снега и грязи, ни даже охранить от растаскивания их одежды на дрова; а занятие их для обороны могло бы смело поглотить в десять раз больше войск, чем мы располагаем... Собираясь наступать, не рыли ли мы по французскому образцу плацдармы для сосредоточения в исходном положении атакующих масс, те плацдармы, которые во Франции возведены по всему фронту, а у нас за три недели указывают германцам, где им ждать атаки,

и лишают наше наступление главного козыря успеха — внезапности? Не стали ли мы рабами позиционной войны и перед лицом 200 германских батарей и огромного количества снарядов, навезенных в течение месяца на узкий участок, как под Иксюлем и Якобштадтом; не допускаем ли мы явно несостоятельную гипотезу, что противопоставленная этим 200 батареям слабая, ополченческого типа, дивизия на фронте в 15-18 верст сумеет защищать землю пядь за пядью?

И, конечно, не в одной густоте войск в окопах и техническом оборудовании разница между нами и англо-французами, заставляющая нас искать новых путей. Бедная участь того оперативного искусства, которое не учтет совершенно различный характер бойцов, осаждающих Германию с запада и востока. Вопрос не ограничивается только уровнем дисциплины той или другой армии. Наш солдат, сделанный из того же теста, из которого Суворов лепил своих чудобогатырей, и при старом режиме никогда не был “охотником за черепами”, как бойцы-спортсмены туманного Альбиона, и это одно всегда окрашивало жизнь на русском и английском фронтах в различные цвета.

Австро-германцы против нас приняли страшно растянутое расположение, но их кордонная тактика не может служить нам образцом: сила германского кордона заключается в нашей пассивности, в их превосходной разведывательной службе, в 40-50 германских дивизиях, всегда стоящих в резерве на отдыхе и всегда готовых к переброске по внутренним линиям могущественно развитой сети железных дорог.

Сколько нападков на командный состав вызвано стремлением перенести на наш огромный фронт выводы из боевых действий, развившихся в совершенно отличных условиях и требовавших, прежде всего, тесных рамок бельгийского или пикардийского театров борьбы. Сколько расшатанности внесло в наши войска переобременение их окопными работами, отказ от обучения, обративший русского солдата в землекопа!

Важнейшее требование военной теории по Суворову — глазомер, по Блуме — необходимость всегда соразмерять цель, которой задаются, с имеющимися средствами. Правило, очень простое в теории, но требующее на практике большого мастерства в военном искусстве. Чтобы наша армия на фронте между Балтийским и Черным морями могла бы задаться англо-французскими военными целями, требуется утроить ее; действительность же требует неотложного сокращения армии, как единственного залога сохранения ее боеспособности.

собности. И если в оборонительных боях 1917 года на наши дивизии ложились непосильные задачи, если одна наша дивизия, плохо обученная, плохо укомплектованная, недостаточно технически снабженная, брала на себя работу и принимала на свои плечи удар, распределяющийся на западе на 3 дивизии, то в дальнейшем отказ от оперативного творчества приведет к тому, что русская дивизия будет навьючиваться оборонительными заданиями 4-5 португальско-американо-франко-английских дивизий. Нашему фронту грозит окончательная эволюция к кордону, что при всяких условиях сулит мало хорошего. Расхождение между заданиями, которые ставятся войскам, и имеющимися средствами к выполнению их, особенно опасно и нежелательно в текущий момент. Направляя усилия к поднятию боеспособности армии, к установлению боевой дисциплины, мы прежде всего должны охранить войска от задания неисполнимых уроков, от непосильных оперативных приказов.

Океан русской земли, по сравнению с французским стратегическим малоземельем, представляет далеко не одни минусы; в дальнейшем мы остановимся на тех его благоприятных данных, которые должны лечь в основу нашего революционного творчества в области оперативного руководства войсками.

Армия и флот свободной России. - 1917. - № 239. - 18 октября.

Великая китайская стена

Наш фронт рисуется в умах — и не только в тылу, но и на позициях — в виде огромной плотины между Балтийским и черным морями, охраняющей русскую землю от затопления ее волнами германских и австрийских солдат. Когда является беспокойство за поведение защитников какого-либо ее участка, мы спрашиваем “не открыть ли фронт” в том же самом смысле, как спрашивают “не открыть ли шлюзы”. Отсюда наша оборонительная доктрина, которая тянет все силы государства, все усилия, на которые способны войска, для того чтобы поддерживать, совершенствовать, занимать Великую Китайскую стену XX века и затыкать образующиеся в ней бреши. Сколько сотен тысяч жизней поглощено созданием этого оплота, столько миллиардов рублей, забот, мыслей, пота и здоровья поглощено линией нашего фронта, что цельность и нерушимость ее стали догмой русского оборончества. В жертву этой цельности, не-

прерывности, нерушимости принесена русская армия, растянутая в кордон, навьюченная работами и обремененная службой охранения в 5 раз больше наших союзников во Франции.

А между тем, эта цельность и нерушимость Великой Стены — гипотеза, не выдерживающая никакой критики. Во многих местах — и с нашей, и с немецкой стороны полк-скелет, в составе тысячи бойцов, занимает десятиверстный участок лабиринта окопов. Наши солдаты, бегущие из немецкого плена и проходящие через такие малонаселенные войсками участки, приходят прямо на наши батареи и заявляют, что в окопах ни с немецкой, ни с русской стороны им никто не повстречался. Чтобы ни говорили сторонники широких фронтов о могуществе огня обороны, ясно, что на этих участках оборона зиждется на честном слове, на невыгодности здесь для обеих сторон продвигаться вперед, а разбросанные здесь кордон-роты, не видящие друг друга, стоят только “для порядка”, во имя фикции неразрывного, сплошного фронта.

Но и там, где кордон гораздо гуще, где все опорные пункты заняты гарнизоном, где дым, признак жизни, поднимается по утрам и из землянок между ними — Великая стена играет свою роль лишь до первого серьезного удара врага. Слишком велико несоответствие между теми двумястами тысячами снарядов, которые изготавливается выпустить наступающий в один день на восьмиверстном участке, и тем десятком тысяч снарядов, которые здесь в распоряжении обороны, и которые не удастся сколько-нибудь толково выпустить, так как всякая связь сразу у него будет порвана, как было под Иксюлем и Якобштадтом, и батареи будут обречены в жертву лавине неприятельского огня или неприятельским штурмовикам. Несответствие сил так подавляет защитников великой стены при хорошо подготовленной атаке, что собственно боя не происходит и неприятельское наступление вслед за обвалом огня получает характер лишь высылки партии для сбора пленных и трофеев. Боеспособна дивизия или малобоеспособна — их ждет одинаковая участь, когда на занимаемый ими кордон навалится огненная лавина. В этом выводе нас убеждает и прорыв итальянского фронта на Изонцо, и успехи французов между Уазой и Эном. Если англичане так медленно продвигаются во Фландрии, то не потому, что перед ними — особенно сильный участок, а потому, что там перед английской армией сосредоточилась германская армия, так же сгустившая свои батареи и часто меняющая усталые дивизии свежими.

Но если плотина фронта, пригвождающая к себе 95 процентов наших сил, не может задержать серьезного удара, и в лучшем слу-

чае, на неудачников, попавших под лавину, следует смотреть как на авангард тех масс, которые будут собраны нами для приготовления противодействия, то может быть такая стратегия до соприкосновения с неприятелем была аксиомой для нас в эту войну — и ей наши войска обязаны многими горькими минутами, тысячами затраченными бесплодно жизнью и тяжелыми разочарованиями. Мы не терпели пустого пространства между нами и неприятелем, останавливавшимся там, где ему удобно, и считали своей обязанностью на всем фронте непременно доходить вплотную к неприятельским окопам. Линия нашего фронта на девять десятых своего протяжения обусловлена не стратегическими и тактическими требованиями, а тем, что нас сюда пустили немцы. Если неприятель располагался на сухих удобных холмах, то мы считали ниже своего достоинства выбирать себе противоположающую гряду холмов и обязательно спускались на болото перед неприятелем, уступая ему выгоды командования; располагая солдат в наполненных водой траншеях-канавках, обрезакали их на цингу и с невероятными усилиями возводили в жидкой грязи укрепления, которые неприятель всегда может сдуть как картонный домик. Весь наш фронт, в оперативном отношении, представляет не продуманное оборонительное целое, а дает картину несостоявшегося наступления. Закапывались в землю там, где дальнейшее продвижение стоило слишком больших жертв. Стоходские плацдармы, не выдерживающие критики ни сточки зрения тактики, ни стратегии — широко распространенное явление. Наши штабы не усвоили необходимости самоограничения, необходимости не делать всего, что позволяет противник, не форсировать сил солдата там, где это не требуется обстановкой.

И в сравнении с нашей стратегией, основанной на полном посыле вперед войск, как высылает лошадь в начале скачки неопытный жокей, чтобы затем съехать с половины круга, высшей мудростью являются отступления Гинденбурга — отступление в Восточной Пруссии в августе 1914 года перед Ренненкампом, чтобы обрушиться на Самсонова, отступлением от Варшавы к Калишу в том же октябре, чтобы не втягивать свою армию в бой в невыгодных условиях, отступление на Сомме прошедшей весной во Франции, чтобы подготовленная с большой тщательностью франко-английская атака повисла в воздухе, — наконец, последнее отступление немцев на Рижском фронте, на более узкий фронт сильных по местности и подготовленных позиций. Тщательное самоограничение — наиболее характерная черта германской стратегии, о которой возвещали Блуше и Фрейтаг-Лорингофэр, и которая воплощена в жизнь Гинденбур-

гом. Поход Карла XII вглубь России давно осужден немецкой военной мыслью, и не наша китайская стена, тогда еще не существовавшая, остановила их движение в 1915 году.

Когда перед рижской операцией мы очистили наши позиции в районе болота Тируль и отошли на 10 верст, немцы продвинулись вперед, так как фронт их позиции сокращался вдвое, и надо было, ввиду намеченной атаки Риги, поддерживать с нами соприкосновение.

Но взятые нами пленные передавали, что все немецкие офицеры и солдаты отчаянно ругались по поводу этого маневра; пришлось оставить бетонные укрепления, землянки с электрическим освещением, готовые линии узкоколеек, чтобы в холодную и дождливую августовскую пору выходить на новый рубеж и без всякого комфорта располагаться под открытым небом и русской шрапнелью.

Конечно, есть на нашем фронте, вблизи от немцев лакомые куски, вроде Двинского железнодорожного узла, или уголка неприятельской земли у Брод, которые никак нельзя дать немцам без боя. Но есть и огромные участки, где неприятель, продвигаясь вперед, не достигает никаких целей, а между тем удаляется от своих железных дорог, теряет комфорт и должен утратить, вследствие отсутствия долговременного укрепленного фронта, количество действующих здесь войск и снабдить их колесным, запряженным обозом, когда лошадей в Германии нет. Можно быть уверенным, что германцы на этих участках вперед не пойдут; последнее было бы повторением наших ошибок. Та фикция Великой стены, которой мы располагаем на таких участках, в действительности никакой роли не играет.

Этот анализ нашего фронта позволяет утверждать, что возможно разрешить проблему существенного сокращения нашей армии не только не переходя к кордону, но даже значительно увеличив абсолютную цифру наших резервов, и не только не обременяя войска новой непосильной растяжкой на позициях, но обеспечив им более частую смену и более легкие оборонительные задания. В основу требуемого оперативного творчества следует лишь положить отказ от принятия во чтобы то ни стало на всех участках наступательной позы, которая неприятеля нисколько не смущает, и поддержание соприкосновения с неприятелем на многих участках лишь разведочно-кавалерийскими частями. По мере того, как мы будем освобождать завязшие ныне на кордоне войска и сводить их в ближайшем тылу в крупные резервы, дадим им возможность и лучшего существования, и обучения, положение наше для противника будет становиться более грозным; забыв о непрерывности фронта, отказавшись

местами от развращающей войска позиционной войны, обнаружив уклон к маневру и полевому бою, мы создадим достойное основание нового оперативного творчества.

Армия и флот свободной России. - 1917. - № 241. - 20 октября.

Искюль мог быть Полтавой

Когда неприятель атакует какой-либо участок “Великой стены”, все так убеждены в гипотетичности обороны, в тактической несостоятельности оказавшихся под ударом войск, что об участии их и не запрашивают. Аппараты выстукивают на телеграфной ленте один и тот же запрос высших штабов: были ли произведены резервами контратаки? Какая участь постигла наши контратаки?

Ту же фразу выстукивает телеграф и у немцев, и у французов, и у итальянцев. Только на контратаках зиждятся все надежды обороны.

Неутешительные ответы приходилось давать на нашем фронте на этот постоянный насущный вопрос <...>

Особенно выгодно было положение наше на Рижском фронте, где были кое-какие резервы, где неприятель, перейдя под Искюлем Двину, не расширил и не устроил себе надлежащего плацдарма на правом берегу реки. И между тем, полный крах контр-атак: из одной дивизии совершил вперед прогулку, успешную вначале, только один полк, другой, выйдя из окопов, залег под неприятельскими снарядами, и очень скоро перед немцами оказались только обороняющиеся; критические для немцев минуты были нами упущены. Ложится ли вина исключительно на войска, или ее должна разделить наша тактика?

Подготавливалась ли и поддерживалась ли наша контратака артиллерийским огнем? Предшествовал ли нашим стрелковым цепям град снарядов, пролагавший контратаке брешь в рядах германцев, заставлявший неприятельских стрелков прятаться, пулеметчиков убегать от своих “швейных машинок” — или неприятелю предоставлено было свободно “строчить” незащищенные груди наших пехотинцев?

Точный ответ даст история, дадут участники контратаки. Мы же можем опираться на следующие данные. Наша артиллерия под Ригой была расположена вся для защиты фронта; чтобы сгустить заградительный огонь на наших растянутых позициях, батареи находившихся в резерве дивизий были у них отобраны и выставлены на фронте. Вся наша артиллерия находилась в боевой части, и в решительный момент, когда неожиданно прорвавшиеся через Двину немцы распространились на 4-5 верст по правому берегу, на поле сра-

жения часть батарей погибла, раздавленная германским огнем или захваченная штурмовыми отрядами, а другая часть, потеряв свои наблюдательные пункты и телефоны, чудом вырвавшись из рук атакующего, унеслась по-орудийно, полным галопом, от бежавших к ним немецких солдат, рассеялась по тыловым путям. В бою на второй день латышскую бригаду на второй укрепленной полосе подерживали, кажется, только 2 конных батареи — все, что осталось боеспособного из артиллерии корпуса, насчитывавшей больше 200 орудий.

Для меня определенно ясно, что к моменту контратаки нашей артиллерийской организации у нас не сохранилось и что сражение решалось одними силами нашей слабой пехоты, брошенной против соединенных сил 800 германских пушек, многих пулеметов и двойного количества германских пехотинцев. Исход контратаки не мог быть иным.

Под Якобштадтом было еще грустнее. Пехотных масс сзади нашего фронта не было. Вместо них, в 6-7 верстах за фронтом, река, правда, оборудованная многими мостами. Невнимательное наблюдение за неприятелем слабой, Цимервальдовского толка, дивизии не открыло сосредоточение перед ней 150-200 немецких батарей. В темноте, еще до рассвета, неожиданное пробуждение: без всякой предварительной пристрелки, по карте, неприятель внезапно обрушил лавину снарядов на наши штабы, селения, батареи. К 9 часам утра телефоны порваны, от особенно угрожаемого полка — никаких известий. Затем стремительное наступление неприятельских штурмовых отрядов, которые через полтора часа уже прошли 6 верст и грозят нашим мостам. Резервы надергиваются с обоих флангов прорыва и вступают в соприкосновение с неприятелем, когда уже выстрелы замолкли и весь фронт отходит к мостам, частью пробиваясь через забегавших наперерез ему германцев... Контратака вовсе не обозначается, назначенные для производства ее батальоны прикрывают отход к мостам через Двину.

Наконец, Эзель и Моон — острова, на которых русский солдат не только не ощущает свободы, но предчувствует катастрофу и плен. Не верится ему ни в заминированное море, поверхность которого так ясна, ни в согласованность операций наших морских и сухопутных сил. Прозевали траление мин неприятелем; слабые и раскиданные по побережью батареи замолкают одна за другой, расстреливаемые издали дредноутами; неприятельский десант утверждается на берегу, с которого наши пехотинцы прогнаны неприятельским огнем. У всех

мысли только о том, как унести ноги из этой безнадежной обстановки <...>

Как далеко ушли мы от Петра Великого, войска которого дважды, под Гродной и на Пруте, попали в безвыходное положение. Петр понимал, что нельзя обращаться с солдатами как с пешками и нельзя требовать победы в обстановке стратегического отчаяния. Когда Карл XII убежал и отрезал в Гродне армию Меншикова, Петр воспринимает ему пытаться пробиваться, несмотря на численное превосходство, и указывает, воспользовавшись весенним ледоходом, который снесет мосты шведов через Неман, бежать с армией через польские земли на Волынь. На Пруте, припертый турками, Петр, не исчерпывая всех сил войск, не останавливается перед тем, чтобы купить великого визиря, и, заключив договор, уводит армию в Россию. Горький опыт Нарвы заставил Петра дорожить армией, а как отражается на сознании солдата уверенность, что им дорожат, что вожди не разменивают его жизни на жизни неприятельских солдат, что к его самопожертвованию обращаются лишь в действительно нужных случаях.

Сравните Полтаву хотя бы с Икскюлем: бой — “зело опасное дело”, вся наша армия собрана сзади, в укрепленном лагере; и укрепленный фронт редутов занят только 2 батальонами и драгунами; весь неотразимый первый удар шведов обрушивается на эту горсть наших войск и является ударом почти по воздуху. Прорвавшись через линию редутов, шведы вынуждены перестраиваться с поворотом на 90° против главных сил русских — а в это время 72 русских пушки начинают подготовку Петровской контратаки. Шведская армия уже заморена, расстроена, разорвана на несколько частей, когда наша армия выходит из укрепленного лагеря и бросается в контратаку. Победа полная и достигнута “малою кровью”, чем особенно гордится наш полководец и что к нему особенно привязывает сердца солдат. Если бы Петр Великий дал бы на линии редутов шведам возможность захватить всю нашу артиллерию, если бы для решительной контратаки не оставил бы в лагере только две дивизии, на глазах которых бежали бы наши главные силы, подставленные под первый удар шведов, Полтава была бы Икскюлем.

Если бы под Икскюлем мы оставили на берегу Двины только несколько сторожевых рот, а позади оставили огненный мешок, если бы 200.000 немецких снарядов, выпущенных за 5 часов до переправы, хлопали бы в пустом пространстве, а перешедшие через Двину немцы были бы встречены сосредоточенным огнем наших 250 орудий, на глазах наших свежих дивизий смешались в бесформенную

массу и затем последовало бы вступление в бой наших главных сил, Икскуль был бы Полтавой, “зело опасное дело” было бы выиграно “малою кровью” и немного немцев спаслось бы за Двину...

Цель этих строчек — не сожаление о невозвратном прошлом. Что сделано, то сделано. Но под влиянием неудачи наших контр-атак, которые были обставлены так неудовлетворительно, что были обречены на верную неудачу, у нас явилось течение, отрицающее совершенно возможность для наших революционных войск вести контр-атаки и обрекающее их на пассивное сидение в окопах. Раз нет надежды на успешное маневрирование резерва, мы рассаживаем его вдоль Китайской стены, занимаем не только первую полосу, но и важнейшие части второй и третьей полосы. Являются в тыловых укреплениях заблаговременные “гарнизоны безопасности” на случай, если впереди сопротивление не будет оказано, и вся наша армия приговаривается к полной пассивности, делает шаг назад по отношению к Полтавскому решению уходит от глубокой тактики, к которой обязаны тяготеть всякие революционные войска.

Революция должна не сближать нашу пехоту с германской, а удалять их. Между нашими главными силами и неприятельскими нельзя довольствоваться узкой полосой — это подходящая арена только для братальщиков, а для разведки боя из глубин маневра нужна более широкая полоса. На позициях надо оставить только дежурные взводы артиллерии для будничной стрельбы и увести массу наших батарей на намеченные рамки огненных мешков. Отбирать же артиллерию от резервов, до кавалерийских дивизий включительно, и держать все батареи годами на позиции, в погоне за лишь воображаемым заградительным огнем — это значит готовить обстановку для нового обвинительного акта против нашей пехоты, вынужденной вновь сорваться на неподготовленной и неподдержанной контратаке.

Армия и флот свободной России. - 1917. - № 244. - 24 октября.

Поддавки и крепкие

Раек в испанском цирке награждает тореадора самыми бешеными рукоплесканиями тогда, когда остервеневший бык, желая поднять неприятеля на рога, сам накаливает свой мозжечок на шпагу, подставленную застывшей фигурой тореадора. Только легкая победа, без видимого напряжения, представляется ясной и грациозной, но для этого нужно, чтобы ослепленный противник играл свою партию не в крепкие, а в поддавки.

Перелистывая страницы истории, мы встречаемся с фигурами великих тореадоров, которые вели борьбу в несравненно более широком масштабе, которым с небольшими армиями приходилось выдерживать натиск больших, приведенных в ярость масс, и которым также улыбалась легкая, ясная и грациозная победа. К нашему удивлению мы заметим, что причиной самых больших триумфов являлась игра противника в поддавки.

Под Каннами блестящая победа удалась Аннибалу потому, что римский полководец, яростный патриот, плебей и честолюбец, Теренций Варон, сам полез в расставленный ему мешок, приняв все меры, чтобы римская армия представляла компактную и беспомощную массу, которую легче всего окружить. Под Росбахом самый счастливый день Фридриха Великого дался целиком за счет французского главнокомандующего, принца Субиза, который подвел французскую армию в беспомощных походных колоннах под удар развернутого фронта пруссаков. Под Аустерлицем Вейротер подставил на Праценских высотах мозжечок русской армии под удар наполеоновской шпаги. Не Мольтке, а сама императрица Евгения толкнула последнюю армию второй империи к Седану.

Раек истории бешено приветствует всякий крупный успех и щедро награждает лаврами победителя. Но игра в поддавки ускользает от его внимания, и только среди побежденных растут, стелятся и клубятся слухи об измене, и в жертву инстинктам толпы суд бросает обвинительный приговор несчастному генералу Базену.

Серьезный историк с презрением отбросит эти жалкие бредни побежденных, ставших перед врагом на колени, которым нужен виновный, нужна жертва, которую можно заставить расплатиться за перенесенные бедствия и унижения. Разве измена причиной того, что грузная туша быка падает бездыханной к ногам тореадора? Изменой еще иногда можно объяснить пассивность, но не энергичную игру в поддавки; чтобы так стремительно лезть в омут головой, как это делали Теренций, Варон, принц Субиз, генерал Вейротер и французы под Седаном, надо иметь другие мотивы.

Пословица гласит: кого Бог захочет наказать, у того отнимет разум. Историк, взвешивая сделанные ошибки, найдет причину игры в поддавки не в стремлении к проигрышу, а в ослеплении игрока. В трезвом уме и здравом рассудке на рожон не лезут. Подставляют себя под смертельные удары, прямо напрашиваются на них потому, что вместо действительности в ослепленном мозгу полководца рисуется совершенно фантастическая картина.

В военном деле, где все должно быть просто, трезво и основано на здравом смысле, есть одна постоянная причина этого ослепления и фантастики: это официальный оптимизм. Всякий офицер, носящий форму — мундир с погонами, обязан был воспитанием и присягой носить незримую форму для своих душевных и моральных переживаний, показывать своим подчиненным и товарищам улыбающееся надеждой бодрое лицо, толковать в нашу пользу все происшествия, игнорировать неудачи и высказывать лучшие чаяния. “Прошу добрых слов”, говорили в походе римляне. Великий Вольфганг Гете, который чувствовал так утонченно, принимал участие в походе герцога Брауншвейгского против французской революции и присутствовал при сражении под Вальми. Но скоро жизнь в армии и общество офицеров стали невыносимы для Гете именно вследствие того, что в каждом военном он замечал отсутствие душевной непринужденности, на всех лицах видел маску официального оптимизма, в разговорах слышал не желание раскопать истину, сущность дела, а стремление подбодрить друг друга.

На лице вождя солдаты и офицеры также стремятся прочесть, будут ли они завтра разбиты или одержат победу. И у генералов естественно вырабатывается такое выражение, которое сулит войскам самое счастливое будущее. Никакого сомнения не было ни во взгляде, ни в голосе Наполеона, когда в утро Бородинской битвы он вышел на воздух и воскликнул: “Вот солнце Аустерлица” Но горе полководцу, который, запершись в своем кабинете над картой, сохранит свою митинговую физиономию и свой митинговый образ мысли. Все управление должно жить двойной жизнью: в официальной маске обращаться к массам, и, оставшись наедине, спускать с цепи злого, насмешливого, недоверчивого беса критики; “дух отрицания и сомнения” должен пробежать по докладу начальника штаба прежде, чем он скрепит его своей подписью.

История учит, что каждый вождь должен быть в то же время и актером; и слишком часты случаи, когда лицедейство поглощает вождя, когда он, оставшись наедине, продолжает мыслить теми же образами, которыми только что ослеплял толпу...

Самым блестящим игроком в поддавки, какого знала история, был австрийский генерал Мак. В октябре 1805 года он стоял с 50 тысячами солдат у Ульма, а Наполеон с 260 тысячами широким размахом с севера стремился его окружить. Всякий здравомыслящий человек, на месте Мака, нашел бы лишь один возможный способ действий — уходить назад, на соединение с двигавшейся из России армией Кутузова. Но Мак, один из инициаторов войны, убеждавший

министерство иностранных дел в возможности победы над Наполеоном, боровшийся с пессимизмом эрц-герцога Карла и его ставленников, создавший в Австрии и австрийской армии победное настроение, оказался сам ослепленным своим оптимизмом. Ему докладывают, что севернее Дуная движутся французские войска: значит, Наполеон побоялся заготовленных Маком сильных позиций на р.Лех и хочет отыграться, устроив что-то вроде рейда через нейтральные государства, чтобы разорить Богемию — пустыки, не имеющего стратегического значения. Ему докладывают, что французские войска свернули на юг и грозят перерезать Дунай в его тылу. Мак готов хлопать в ладоши: Наполеон хочет спугнуть меня угрозой моей коммуникационной линии по Дунаю; а того он, бедный, не знает, что я подготовил себе другую коммуникационную линию, вдоль Швейцарской границы, на Меминген. Ему докладывают, что Наполеон разбил в его тылу корпус Кинмайера, переправился через Дунай — и двигается теперь на него со стороны Вены. Это было 13 октября. Мак хитро улыбается, достает из кармана донесения тайной разведки, французскую газету. “Вы думаете, что Наполеон решил идти на меня, на мои позиции? Вы ошибаетесь. Вот донесения шпионов. Англичане высадились в Булони, в Париже роялисты подняли восстание и захватили власть. Вот доказательство — выпущенная ими газета (сфабрикованная, конечно, Наполеоном и искусно подложенная Маку для его ослепления). Наполеон меньше всего думает обо мне теперь, он хочет пробиться к Парижу, но я его необшипаным мимо себя не пропущу”. Через три дня петля вокруг армии Мака была туго затянута, и горе-оптимист приступил к переговорам о сдаче...

Мираж восстаний, бунтов в тылу противника, мираж мифических высадок, мираж разложения неприятельской армии погубил не одного Мака, нашел и других игроков в поддавки. Как заманивал Наполеон русских в Аустерлицкую мышеловку, заставляя убежать свои батальоны сторожевого охранения при одном виде русского разбега и посылая комедиантов-переговорщиков, которые как бы нечаянно давали понять, что Наполеон находится в отчаянном положении. И русские клюнули, набрались храбрости и твердо сыграли Аустерлиц в поддавки...

Опиум в военном мышлении, искажение истины, замалчивание неудач, условность и ложь в донесениях и в печати — вот что доставляет врагам величайшие триумфы.

Военное дело. - 1919. - №26. - С.840-842.

Милиция как идеал **(Критика тезисов Л.Троцкого)**

Не признавать значения идеалов, программных требований нельзя. Плодотворная работа возможна лишь в том случае, если наша программа намечает нам идеал впереди нас, на нашем пути, так, чтобы с каждым шагом вперед, с каждым пройденным этапом нашего развития, с каждой пролитой каплей пота и крови мы приближались бы к нашему идеалу. Наметить стране или армии идеал в стороне от ее тернистого пути или позади — это значит горько пошутить над ней, это значит оставаться теоретиком, недостаточно уважающим требования практической жизни, действительности: обреченные иметь свой идеал позади или в стороне армии, партии, государства — оглядываясь на него, могут совершать свой скорбный путь или боком, или пятясь задом, как рак.

Тезисы Л.Троцкого поддерживают для Красной армии идеал милиции. В жизни вся работа председателя Ревсовета республики сводится к тому, чтобы не дать развиться в Красной армии милиционному оттенку, но в теории он не имеет решимости порвать со старой милиционной программой 2-го Интернационала. Постановление, которому уже десятки лет, постановление, которое вырабатывалось при отсутствии сколько-нибудь определенного представления о той обстановке гражданской войны, в которой его приходится осуществлять, постановление, выработанное кучкой идеалистов и теоретиков, не имевших и десятой части тех военных знаний и военного опыта, которыми располагают наши руководители, продолжает стеснять и давить на наше военное строительство. При нашей бедности людьми и средствами, Военный Комиссариат тратит сотни миллионов на Всевобуч, посылает десятки тысяч организаторов, в том числе 5-6 тысяч инструкторов, бывших офицеров, в которых чувствуется такой острый недостаток в Красной армии — и все это без малейшей практической корысти: жертвоприношение сил и средств республики программному Молоху! Но, может быть, не стоило бы возбуждать вопроса о даровой трате энергии на Всевобуч, — мало ли куда выше тратится энергия без осязательных результатов, — если бы милиции Всевобуча не выдвигались программой и тезисами Л.Троцкого как идеал, как маяк, к которому должна совершить свою эволюцию Красная армия.

Красная армия, признает Л.Троцкий, постоянная, регулярная армия. И я не предвижу возражений, утверждая, что чем постоянное и регулярнее полк Красной армии, тем больше его ценит начальство, уважает местное население и тем дороже он Советской власти. Наоборот, чем полк имеет более выраженный милиционный характер, чем меньше он оторван от интересов своей колокольни, чем податливее он на агитацию, приливы и отливы местных настроений, чем слабее в полку закал своего корпоративного, полкового духа, чем “всеобучистее” полк — тем больше с ним хлопот и огорчений: отчаяние комиссаров, гроза мирных жителей, блестящее поле для лево-эсэровской пропаганды, позор боев; за такой полк никто и никого благодарить не будет. А какой полк ближе стоит к милиционному идеалу?

Вполне понятен поход против постоянной армии со стороны 2-го Интернационала. Постоянная армия представляла орудие диктатуры капитализма, оплот буржуазии — социалисты не могли не ненавидеть казарму — за ее свойство, за ее силу, — переваривать совершенно мировоззрение поступающих в нее детей народа — новобранцев, из которых казарма вырабатывала преданнейших слуг существующего режима. Идеалисты и теоретики постановили: захватив власть, мы уничтожим казарму; мы враги казармы, которая деклассирует людей, обращая их в солдат, в чей-то оплот; мы будем править и диктаторствовать, опираясь на ... впрочем, здесь, по видимому, в рассуждениях теоретиков был большой пробел, так как они сохраняли только милиции, а на милицию опираться нельзя.

Явилась диктатура пролетариата, явилась гражданская война. Нужна ли казарма — не казарма — школа для экстернов, а казарма, перерабатывающая мировоззрение новобранцев под одну гребенку, казарма, создающая и строящая оплот существующего режима, казарма, создающая, выковывающая солдата — настоящего борца и победителя на полях сражений, солдата с таким обликом, что доверие к существующему режиму сейчас же поднимается, базарные цены падают вдвое, всякие восстания прекращаются и весь народ принимается с новой энергией за будничный, но производительный труд?

Когда в Москве было восстание левых эсеров, то все партийные члены происходившего тогда съезда советов были поставлены под ружье. И это естественно, так как в период гражданской войны мыслима только партийная милиция, так как партия, ее нравственное воздействие и воспитание до известной степени заменяют казарму.

Какие необходимые условия должны быть для создания боеспособной милиции? Во-первых, гражданский мир в стране, так как милиция не имеет своего лица, своего рисунка, своей окраски — это зеркало, отражающее собой все происходящее в стране — там дерутся друг с другом, будут драться и в милиции. Милиция — прежде всего совершенно негодный инструмент для гражданской войны, а так как Советское правительство дает обет никаких других войн, кроме гражданских, не вести, то заводить себе идеал милиции, по меньшей мере, слабо. Затем, милиция может сложиться удовлетворительно только в стране, где народ не устал от войны, так как иначе эта военная усталость отразится особенно полно в зеркале милиции! Наконец, в милиции должен быть какой-то авторитет, как в каждом социальном организме, имеющем ответственные задачи; милиционное начальство таким авторитетом никогда располагать не будет, так как это только школьные инструктора, всегда находящиеся в положении учителя немецкого языка в третьем классе гимназии; поэтому боеспособность милиции требует высокого уровня народного развития, во-первых, и во-вторых — привлечения интеллигенции в самых широких размерах в ряды милиции. Единственный в истории пример боеспособной милиции — это германский ландвер эпохи 1813-1815 гг., когда вся Германия была охвачена одним чувством, когда стоял полнейший гражданский мир, профессора и студенты массами наполнили ряды ландвера, а от большой распущенной в 1807 г. старой армии в стране оставалось большое количество военспецов, которые взяли на себя инструкторскую роль. И что же? Этот ландвер перестал умирать от болезней и лишений на походе, приделся и обучился через 1 1/2 — 2 года войны; в конце 1814 года, в 1815 году он стал серьезной боевой силой, нисколько не уступавшей полевым полкам, но он перестал быть милицией; ландвер получил солдатский дух, солдатский закал, в нем появились корпоративно-кастовые погони — и он стал побеждать.

Гражданский мир, отсутствие военной усталости, единодушие и высокое развитие народа, обеспеченное, от души, широкое участие интеллигенции — вот главные предпосылки для возможности создания милиции. Прошу судить, насколько оно отвечает задачам Советского военного строительства.

Затем, милиция — это форма строительства мирного времени. Только в мирное время можно говорить о различии между постоянной и милиционной организациями. В военное время есть только действующие войска, бывшая постоянная армия или бывшая милиция — все равно, и заниматься теперь всеобщем и милициями —

это прежде всего отвергать состояние войны для России теперь, саботировать интересы действующей армии и войны. Возлагать на милицию роль запасных частей для солдатских полков, что, по видимому, предполагается у нас, также весьма неосновательно: поиграть сначала в солдатики с кем-нибудь, а затем направить его на тяжелую солдатскую службу, заставить его потом, в полку, на походе, переживать солдатский перелом в психологии — это значит оказать плохую услугу и призываемому, и полку: один будет обманут в предъявляемых к нему требованиях, другой будет награжден элементами балласта и разложения.

Милиция — это только мечта, мечта, идущая вразрез всем требованиям советской политики, и совсем неважная мечта. Кто смеет называть себя трезвым реалистом — за борт эту мечту! А казарме верните ее чудесные свойства, используйте ее качества для филигранной отделки красноармейца под тот тип, о котором скучают теперь на полях сражений — и вы увидите улыбающиеся лица и протянутые руки, посыплется хлеб и завертятся фабричные колеса.

Запомним — армия может быть и белой, и серой, и красной, в зависимости от вкусов строителей армии, причем, однако, прочность и добротность окраски зависит исключительно от того, насколько казарма, пропускающая через свои стены новобранцев, действительно казарма, а не богоугодное заведение. Милиция же определенного цвета иметь не может, так как цвет милиции — это цвет зеркала, отражающего все политические вихри, которые проносятся в стране. Красная армия — это выражение имеет определенный смысл. Красная милиция — это такая же бессмыслица, как, например, красный хлеб. Именно бесцветность милиции заставила опираться за нее 2-й Интернационал, когда он находился частью в оппозиции, частью в подполье. Но чтобы бесцветностью мог соблазниться кто-нибудь, пришедший к власти, этому поверить нельзя. Тут может быть только не-до-разумение.

Военное дело. - 1919. - № 11-12. - С.436-438.

Инспекторская болезнь и милиция

Едва ли кто будет спорить против положения, что “инспекторская болезнь” широко распространилась в России. Это безусловно поветрие: на местах только и делают, что отражают на-

езды той или другой инспекции. Инспекции в войсках имеют преимущественно не политический, а профессиональный характер. Инспекции бывают и хозяйственные, и тактические, и педагогические, и нет им числа. В столицах военспецы с трудом вырывают часы для исполнения своих прямых задач и обязанностей — их поминутно отрывают для инспектирования какой-либо отрасли обучения или снабжения войск. Иные применились и видят в разъездах по инспектированию недурные возможности для широкой организации мешочничества.

Но если инспекционное поветрие является общепризнанным, то утверждение, что в нем заключаются серьезные болезнетворные начала, безусловно требует доказательства. Ведь многие только в инспектировании видят якорь спасения ...

Если мы окинем глазом историю русской армии, то найдем аналогичный период увлечения инспекциями. Этот период должен быть периодом, когда командный состав русской армии пользовался наименьшим доверием центральной власти, когда военные явления в центре и на местах рассматривались в совершенно различных плоскостях. Это период царствования Павла I, не любившего и презиравшего “мужицкую армию”, оставленную ему в наследство Екатериной, не доверявшего командному составу Суворовской школы, желавшего изгнать из армии дух почина, самодеятельности, свободного решения на месте возникающих вопросов и решившего подтянуть всю русскую армию по прусскому шаблону.

В этих условиях Павел упразднил в русской армии командование и заместил начальников дивизий инспекторами. Все управление сосредоточилось в инспекторском кабинете. До Павла главнокомандующий мог производить в полковники, при Павле отпуск прапорщика на 29 дней требовал уже разрешения императора; центральная власть следит за всеми вакансиями, от нее исходят все назначения. Инспектора не имеют никакой власти, никаких прав, но к первому числу каждого месяца ориентируют императорский кабинет во всех деталях войсковой жизни их инспекций.

Характерно, что этому инспекционному поветрию сверху отвечает рождение “шефов” вместо командиров на местах. Командир полка является только бесправным заместителем “шефа” полка в его отсутствие. Во время гарнизонной жизни “шеф” шефствует, а в поход и на войну ведет полк обезличенный командир полка.

Если Павел задавался целью напугать и подтянуть командный состав, то великолепно достиг своей цели: с его царствования все внимание командного состава русской армии оказалось устремлен-

ным на мелочи, на выполнение буквы регламентов; инициатива младших начальников на многие десятилетия оказывается задушенной, начинают даже бояться пользоваться оставленными им по закону ничтожными правами, на все начинают испрашивать предварительное разрешение сверху. Вот инспекции достойные плоды... Они созрели в течение всего XIX столетия.

Я тщетно перечитывал пятую главу Павловского устава 1797г. — “как полки состоят под инспекторами и какую имеют инспектора власть” — и так и не нашел за инспекторами никакой власти. “Все повеления, касающиеся до одного или более полков, подписываются государем”, а на долю инспектора остается только передача их по назначению.

Особенности комплектования командным составом Красной армии вновь вызывают чрезмерное увлечение инспекцией. Увлечение централизацией, разность в квалификации командиров, занимающих равные должности, и недоверие к одним ответственным работникам, и признание необходимости вести на помочах других ответственных работников, как недостаточно подготовленных для самостоятельной деятельности, — вот основы, на которых пышно разрастается инспекционная работа в армии, бюрократизирующая войска, обезличивающая начальников, несущая смерть частному почину и самодеятельности.

Но если “инспекционная болезнь” является для постоянной армии как бы временной, необходимым злом на переходный период, в период ломки старого и нового строительства, то с точки зрения милиционной армии она представляет еще более страшную и перманентную угрозу.

В милиционной армии является чрезвычайно благоприятная почва для развития инспекционной заразы. В милиционной армии налицо два круга работников, совершенно различной квалификации: профессиональный военспец, кадровый учитель военного дела, и вышедший из рядов милиции милиционный командир. Последний в милиции призывается занимать очень высокие должности — в Швейцарии все высшие должности, включая и генштаба, до командиров корпусов включительно, замещаются не профессионалами, а командирами-милиционерами. Нет сомнения, что у профессионалов военного дела более набитый глаз, подыскивающий правильное решение скорее, чем глаз командира-милиционера, которому в вопросах обучения и воспитания войск приходится действовать осязательно. Итак, в милиционной армии всегда налицо те две плоскости мнений, которые являются в постоянных армиях в переходный период; все-

гда налицо сравнительно малоавторитетные начальники на местах и очень высококвалифицированный центр. Милиционная армия должна обладать громадной выдержкой, чтобы дать своим частным начальникам в мирное время свободу ошибаться, свободу спотыкаться, даже падать — так как все эти ошибки и падения необходимы, чтобы милиционные командиры приучились к работе без подсказки, приучились бы на свой страх принимать ответственные решения. Горе армии, которая перед лицом врага на каждый выстрел нуждается в разрешении сверху! И громадную выдержку должен иметь учебный центр милиционной армии: видно, как идет к канаве, не замечая ее, милиционный командир, ясно, что на следующем шагу он споткнется — как не подсказать, как не помочь, как не подынспектировать вовремя? Но если стать на эту точку зрения, то милиционная армия получит пешек-командиров, милиционер без профессионала будет всегда считать себя беспомощным; чтобы не считать самого себя второстепенным бойцом, нужно и поошибаться, нужно и попадать, но привыкнуть ходить без помочей.

Поэтому-то швейцарская армия, которая наиболее глубоко культивировала милиционные воззрения и которая располагает небольшим количеством профессионалов — стоит на точке зрения, противоположной инспекционной заразе. Полная самостоятельность каждому, самому неопытному милиционному командиру. Полный запрет для всякого вмешательства, всякой подсказки — профессиональному военспецу. Пусть милиционный командир батальона чувствует себя очень плохо перед батальоном, собранным на учебный сбор, не знает, как вести учение — он должен извиваться, как может, сам решать все возникающие вопросы; ведь в бою няньки, в виде профессионала-военспеца, у него не будет, а задачи явятся и потруднее. В конце занятия или всего учебного сбора не инспектор, не посторонний учитель, а его же милиционный начальник даст разбор его работы, оценит ее результаты, сделает в общее поучение выводы — и сделает это таким образом, чтобы не подорвать, а усилить авторитет своего подчиненного. А учитель-профессионал постарается только уловить общие заблуждения подготовки милиции и направить ее в надлежащее русло работой на командных курсах или изданием соответственного наставления. Чем менее авторитетен командир, тем бережнее надо относиться к его авторитету, а не подрывать его производством в части посторонней экспертизы. Инспектировать командира может только его прямой начальник.

Много и часто приходится слышать возгласы: “Да здравствуют красные командиры!” Все к ним присоединяются. Но не кроется ли в нем не для всех ясный смысл: “Долой инспекторов?”

Вестник милиционной армии.- 1920. - № 18 - С.21-23.

Культурно-классовые типы армий

Социальные базы военной политики

Одним из тех заблуждений, на которых умышленно настаивал старый порядок, являлось положение о незыблемости и единстве основ, на которых воздвигались различными народами их вооруженные силы. Вопреки мнений таких авторитетов, как фон-дер Гольц, Жильбер, эрц-герцог Карл, наш старый порядок настаивал на интернационализме в вопросах тактики, воспитания и организации войск. Poleмика, поднятая автором этих строк на страницах “Русского инвалида” в 1911-1912 годах по вопросу о национальных чертах в военном искусстве, была прекращена давлением с самих верхов нашей государственности. Старому порядку представлялось нежелательным, чтобы критический анализ осветил бы те корни, на которых зиждется дисциплина армий в различных условиях государственного бытия, чтоб перед лицом широкой публики демонстрировались те моральные нити, дергая за которые государство добивалось от своих солдат преодоления всех тягостей военной жизни, самопожертвования и геройских подвигов в бою. Старому порядку представлялось, что в военном деле существуют вопросы, о которых лучше говорить только в тесном кругу, между жрецами, по возможности на непонятной латыни, чтобы героизм солдата на поле сражения казался бы совершенно простым, естественным явлением и чтобы солдат в моральном отношении отнюдь не являлся бы Петрушкой на театре военных действий, Петрушкой — то героем в боях, или мучеником в снегах Шипки, то носителем культуры в диких областях Азии, рыцарем цивилизации в песках Закаспия или тундрах Сибири, то жалким трусом, беглецом, — мародером, грабителем — смотря по натяжению тех невидимых нитей, которые соединяют его с культурно-классовым базисом государства <...>

И если в боевой игре этих дорогих нам Петрушек не было жизни, если мы перестали кусаться, и наш лай получал безобидный характер, если глубокое отчаяние, стремление позабыться, даже опьяниться — все шире распространялось в русской армии в Маньчжу-

рии, то причины этому надо искать не в том, что японец храбрее и умнее русского солдата, а в том, что обветшали, пришли в негодность какие-то незримые основы существования нашей вооруженной силы <...>

Бонапартизм

Методы бонапартистской военной политики представляют огромный интерес, особенно потому, что многие историки видят в бонапартизме необходимое, заключительное звено всякой глубоко всколыхнувшей народные массы революции. Наполеону Бонапарту пришлось взять кормило правления над народом, только что прокричавшим девиз свободы, равенства и братства, готовым легко отказаться от свободы, невыгоды злоупотребления коей он уже почувствовал, но крепко держащимся за равенство всех. Для решения стоящих пред бонапартизмом военных задач предстояло мобилизовать огромные массы граждан: борьба с Россией 1805-1807 гг. потребовала набора 420 000 человек, а после гибели армии в русских снегах 1812 года набор за 15 месяцев достиг миллиона с четвертью.

Как устроить, организовать, дисциплинировать эти массы, еще проникнутые революционным духом, не подвластные никаким историческим традициям, на которых опираются наследственные монархи? Как создать и из каких элементов офицерский корпус — кто явится вождями этих масс в решительный кризис боя?

Гений Наполеона отрекся от всякой попытки создания офицерства из тех элементов, которые могли дать буржуазия и интеллигенция Франции. Слишком остро чувствовалось разобщение офицеров от солдат в старой армии; к явному развалу организации приводил однородный состав офицерства королевских войск — классовый подбор их из помещичьи-дворянских округов, против которых были направлены главные удары революции. Революционный солдат не желал признавать другого авторитета, как вышедшего и созданного в его среде. Ни знатность дворянина, ни богатство буржуа, ни высокое образование интеллигента не могли создать той магической палочки, которая давала действительную командную власть над солдатами, остро ощущавшими каждый оттенок неравенства. И необходимый авторитет был найден Наполеоном в единственно подходящем элементе — старом солдате <...>

Генералы в бонапартистской армии молоды, но большинство обер-офицеров, вышедших из солдатской среды и не отличающихся от солдат ни происхождением, ни образованием, — люди зрелых лет. Каждый солдат чувствует возможность, если повезет, добраться

до верхов воинской иерархии, — у всякого новобранца как бы чувствуется за спиной, в ранце, маршальский жезл. И солдаты любят, чтобы старшие генералы, их вожди, были бы обставлены в обществе особенным почетом и материальными благами — это не затрагивает их ревнивого чувства равенства.

В полуофициальном военном журнале второй империи говорилось о французском солдате так: “Он видит равных себе во всех офицерах — начиная от подпоручика до маршала включительно; у него твердое и ясное убеждение, что он стоит ниже их только в порядке отдачи приказов. По образованию, воспитанию и рождению существенной разницы между офицерами и солдатами нет. Чувство равенства так сильно, что сознание своего “я” совершенно растворяется, открывая дорогу безусловному господству закона и дисциплины. Каким врагам уступят такие солдаты? Какая человеческая сила может противостоять солдатам, равняющимся со своими начальниками, которые все герои”?

Демократические тенденции, лежавшие в основе бонапартизма, позволили офицеру пользоваться только авторитетом старого и опытного солдата. Высшей наградой для маршала являлась солдатская медаль. Дисциплина получила своеобразный характер — она базировалась преимущественно не на карательной власти, а на показе примером старшими служивыми как надо нести службу и как бережно надо относиться к солдатской чести и славе.

Создать такую армию, в которой общегражданские чувства переродились и получили военную окраску: патриотизм — в шовинизм, любовь к завоеваниям революции — в верность своему гениальному полководцу, стремление к свободе — в стремление к славе и почестям, бонапартизм мог только в атмосфере громких, небывалых побед и постоянных походов, которые порывали связь между войсками и народом <...>

Таковы основные черты бонапартистского строительства армии. Где его слабое место? Бонапартизм ищет сильные руки и побаивается способных голов. Он не создает школы, он возлагает все творчество на Бонапарта. Бонапартистские полки без Наполеона, или с померкнувшим Наполеоном — это банды, это прах, людская пыль <...>

Готика юнкерской армии

Бонапартизм в своем умении организовать и дисциплинировать толпы вооруженных граждан и обращать их в серьезное орудие войны на протяжении XIX века встретил серьезного конкурента в воен-

ной системе, имеющей столь характерные черты, что она, как и бонапартизм, является классическим типом военной политики.

Если Наполеон, воздвигая свою военную систему на фундаменте завоеваний великой революции, должен был прежде всего отречься от попытки создания классового офицерства, то положение в Пруссии было иное. Прусская армия создавалась в 1813 году, чтобы смирить и согнать с лица Германии топтавшие немецкую землю полки с трехцветными знаменами революции, чтобы ликвидировать остатки французского революционного духа и водворить во Франции, вместо императорских орлов, более спокойного соседа — белые лилии Бурбонов. Движение по существу являлось контрреволюционным, с проникавшей во все его поры могучей мыслью об единой Германии — едином отечестве всех немцев. Дворянство и буржуазия устремились в армию. Университеты закрылись, так как профессора и студенты оказались в первых рядах добровольцев. В этих условиях самое широкое использование старого офицерства и создание нового, со строгим подбором его из классов дворянства, буржуазии и интеллигенции, никого не коробило и представляло ту выгоду, что классы, руководящие мирной жизнью и трудом народа, призываются командовать им и на войне, и привыкшие в штатском костюме повелевать и добиваться соблюдения дисциплины, естественно, без всякого маскарада, обращаются в командиров, как только облачаются в военные мундиры. Эта прочная связь командного состава армии с руководящими классами гражданского общества и создала в Пруссии тот привкус милитаризма и юнкерства, которого нет в империях обоих Бонапартов — великого и малого, где военная служба была прежде всего специальностью, ревниво охраняемой от соприкосновения и смешения с народом и особенно с интеллигенцией <...>

Германская система имела огромные выгоды прежде всего потому, что она предоставляла в распоряжение армии огромный резерв обученных запасных и открывала широкую возможность к развитию с течением войны многомиллионной армии. Тогда как в других странах воинская повинность являлась общеобязательной только по названию, по существу же от солдатской службы богатые и образованные классы уклонялись или посредством откупа, или зачислением на тыловые должности, или посредством зем-гусарских организаций. Пруссия крепко держалась за вырванные с трудом Шарнгорстом во время патриотического подъема 1813 года согласие буржуазии на распространение на нее воинской повинности, прусская армия, по процентному содержанию в ней образованных и достаточных солдат, резко отличалась не только от русской, но и от француз-

ской и английской армий. Это нахождение в рядах германской пехоты цвета руководящих классов общества вызывало, в свою очередь, гораздо более бережливое отношение к пехоте, чем это было у союзников или в особенности в России, и если Германия смогла четыре года сопротивляться почти двойному превосходству союзников, то исключительно потому, что, вопреки рассказам газетных корреспондентов, германская кровь на полях сражений проливалась относительно экономным образом, и те задачи, которые возможно было решать артиллерийским огнем, решались им, а не живыми ядрами.

Если французы, на которых школа бонапартизма сказывается до сих пор, искали перед нарастающей в 1912 году грозой мирового пожара спасения в возвращении от двухлетней к трехлетней службе и приходили в восторг после принятия в парламент этого патриотического законопроекта, то немцы перед войной заботились о подготовке новых формирований, об обеспечении их всеми запасами. Наличие в рядах германской армии испытанных организаторских талантов многочисленной буржуазии и интеллигенции открывало перед немцами легкую возможность создания новых кадров. Тогда как в России только те второочередные дивизии дрались сносно, которые получили достаточное число хороших офицеров, выделенных из первоочередных частей, в германской армии поразительны успехи, достигнутые частями, почти вовсе не уступавшими полевым <...>

Героем антибонапартистской юнкерской армии явится, конечно, не старый солдат; в германской армии буржуазия, дворянство и интеллигенция занимают слишком видное положение, чтобы искать героев не из их среды, а из той массы, которую они подвергают обработке. Поэтому герои немцев, — это Крупп, организующий промышленность и капитализм в целях милитаризма, это — принц Фридрих-Карл, венчающий собой в 1870 году классовый подбор офицеров, или кронпринц прусский, выполняющий ту же роль в 1914 году, но обе разновидности героев от буржуазии и дворянства бледнеют перед выдвигаемыми прусской военной системой героями от милитаристической интеллигенции — генеральным штабом. Мольтке-дядя — в 1870 году, по облику, по учености, по выдающимся трудам в области истории, создании школы и доктрины, по растерянности перед войсками и в непосредственной атмосфере боя — что ему не хватало, чтобы быть типичным берлинским профессором и доктором философии? Мольтке-племянник, Людендорф, Фалькенгейн, Бернгарди, Гинденбург — герои германской военной интеллигенции 1914-1918 гг. <...>

Младо-турецкие фантазии

Мелкая по своему социальному углублению, младо-турецкая революция не может, однако, нас не интересовать, так как это прежде всего была революция военспецов — воспитанников военных школ, захваченных западничеством, нашедших свой идеал в процветающей юнкерской Германии, пожелавших сбросить чары и негу Востока и выдвинуть Турцию в среду европейских культурных наций. Вожди переворота получили, главным образом, подготовку в Константинопольской академии генерального штаба, под руководством немецких специалистов, или даже прослушали курс военных наук в Берлинской академии генерального штаба.

Каковы же основные линии их военного строительства и какие результаты дало их творчество?

Армия, раньше с большим или меньшим успехом померявшаяся с русской, после 4-летнего хозяйничанья младо-турок потеряла совершенно свое лицо при первых же встречах с жалкими болгарскими ополченцами.

Роковое влияние на успех реформ младо-турок оказала турецкая “корниловщина” — попытка контрреволюции 1909 года. Константинополь, во втором году после младо-турецкого переворота, оказался захваченным партией старого режима, опиравшейся на мусульманское духовенство и на массу строевого офицерства, не получившего образования, вышедшего из солдатских рядов. Командир Салоникского корпуса, Махмуд-Шевкет-паша, быстро подавил контрреволюцию, но в дальнейшем младо-туркам прежде всего пришлось устранить из армии всех офицеров, коих можно было заподозрить в сочувствии старому режиму — целое поколение сошло со сцены; была устранена именно наиболее демократическая часть офицерства, имевшая с солдатами один язык и один образ мышления — младо-турки порвали с действительностью, с массами, с реальными основами, на которых возможно было основать строительство турецкой армии; опираясь на твердую диктатуру, на партийный деспотизм, превосходивший деспотизм султана Абдул-Гамида, они начали сооружать, в царстве мечты, свою Вавилонскую башню, по типу и подобию готики Кельнского собора <...>

Революционеры, идеалисты, теоретики политического радикализма во всех областях военного строительства не желали сохранять, улучшать, развивать полученное ими от старого режима наследие, и всюду, вместо эволюции, являлся жест с губкой — нужна была чистая доска, девственная почва, чтобы уложить на нее вывезенные с Запада схемы и идеи; всякое проявление старой жизни, старой орга-

низации только стесняло пробившуюся к власти молодежь. Наступил час расплаты — война. Много было, действительно, талантливых, выдающихся офицеров в турецком генеральном штабе, но эти военспецы были отравлены кастовым высокомерием и не спускались до будничных вопросов. Горько жалуется фон-дер-Гольц на то, что его бывшие ученики впали в абстрактную отвлеченность, стали учеными стратегами типа германского Пфуля или нашего Леера. Со всех сторон сыпались разгадки болгарского плана и прожекты, как вернейшим способом победить — и никто не думал об организации тыла, снабжения, подвоза. Мысль отказывалась вовсе работать по насущным, простейшим вопросам сегодняшнего дня и терялась в фантастических построениях. Полуодетые толпы крестьян, образовавшие турецкое войско, следовало снабдить, обучить, организовать — и прежде всего следовало расположить на позиции, усиленной окопами, в которых турки всегда умели крепко сидеть; но это войско ни с какой стороны не годилось для наступления. Но так как в Германии (и у В. Борисова) всегда указывается, что успех надо ожидать от активных действий, и “наступательная смелая, нападательная тактика” рекомендуется при всех случаях, то турецкий эркиан-хорб, как только выяснилось стремление болгар к раскидистому охвату, решил ответить быстрым, энергичным переходом в наступление. теоретически это верно, замечает фон-дер-Гольц, но нужен решительный вождь, высокоподготовленные к маневрированию войска, театр операций, допускающий быстрые движения — а этих предпосылок налицо не было. В результате — паники и поражения <...>

Лагерь Валленштейна

Если бонапартизм является тем буквой, которым обычно запугивают республиканских строителей армии, особенно в период революций, то монархическая власть всегда имела призрак узурпатора, который угрожает захватить в свои руки вооруженную силу, установить свою диктатуру. Валленштейн и Наполеон играют одинаковые роли; правильное строительство армии республики начинается только тогда, когда она преодолет свой страх пред грядущим генералом на белой лошади, откажется от всех перестраховок в виде милиций, всеобуча, военных советов и советников, лишения действительной власти всякого начальника и командарма в особенности; и правильное устройство монархической армии становится возможным только тогда, когда перестают бояться, что войсковой лагерный сбор обратится в лагерь Валленштейна, когда монархи перестают формировать гофкригсраты и конференции, где сосредотачивается действи-

тельная власть, ежеминутно подчеркивающие избранному полководцу, — что он только пешка, только исполнитель предначертаний составленной из специалистов коллегии, только одно из колесиков общего бюрократического механизма, правящего армией.

О лагере Валленштейна необходимо вспомнить, чтобы понять военное строительство скончавшейся в 1918 году “цесарской” австрийской армии. Мы пожали наши лучшие лавры в минувшую войну в боях именно с этой армией; из десяти взятых нами пленных наверное девять ответят на вопрос, кто они — “мы — цесарские”. Австрийская военная постройка в XX веке трещала уже по всем швам, но многое в ней так типично, так созидалось и держалось веками, что наши этюды были бы не полны, если бы в них мы промолчали о вооруженной силе кесарей священной римской империи.

Утробой, родившей имперскую армию, является лагерь Валленштейна. В этом лагере прежде всего не было отечества, не было национальной идеи, не было и особенной преданности императорской верховной власти, которая в представлении солдат олицетворялась в венских канцеляриях, всегда задерживавших уплату жалованья, лишавших полки хороших стоянок, отстаивавших интересы буржуазии против интересов войск, и выдумавших не сообразованные с действительностью планы походов, обрекавшие войска на голодовку, лишения и поражения. В этом лагере не было и религиозной идеи — несмотря на то, что армия собиралась для того, чтобы отстаивать в религиозной войне католические интересы против натиска протестантов. И нужен был гений Валленштейна, чтобы, не базируясь на идеи отечества, национальности, монархизма и религии, создать свою глубокую идею, которая бы дала стиль, создала тип своего военного строительства. В неприятельском стане с утра до вечера пели псалмы и произносили проповеди; Валленштейн удержался от искушения напустить в свою армию католических монахов и положил религиозную и политическую терпимость. “Слово свободно, послушание слепо” — вот основная заповедь лагеря Валленштейна. Но если принципы монархизма отходили в солдатском представлении на второй план, то на первый план выдвигалась фигура самого генералиссимуса, князя Фридланского, Валленштейна, полководца, взявшего на себя борьбу с огромным военным гением — Густавом Адольфом, при непременно условии предоставления ему полной мощи, до права заключить мир и объявлять войну включительно. И эта личность объединяла весь лагерь, на ней сосредоточились все надежды и упования солдат, в ней была гарантия, что жалование будет уплачено вовремя, что на зиму будут хорошие квартиры, что

никто не погибнет от голода, что полки не будут брошены в аферу, в которой бесславно погибнет солдатская жизнь и солдатская честь. Валленштейн — строгий и суровый, расстреливавший за всякое нарушение приказа, сумел окружить себя ореолом настоящего цесаря, повелителя, исполняющего свою власть, чтобы дать солдатам счастье, использующего свой обширный ум, чтобы дать своим солдатам хорошее, честное имя, избежать таких позорных действий, как штурм и разрушение Магдебурга католиками Тили, создать своим войскам обаяние умиротворителей и защитников серединной Европы. Валленштейн хотел уже столкнуть стоящую на пути его к цезаристским мечтам фигурку императора, когда кинжал наемного убийцы, капитана Даверу, убрал его из числа действующих на исторической арене лиц.

Устранив Валленштейна, “свою опору и свой ужас”, Габсбурги унаследовали его армию, с ее цезаристскими традициями и наклонностями, и прежде всего озаботились тем, чтобы во главе ее не проявлялись больше кандидаты в цезари, вынуждающие к некрасивому жесту с кинжалом. Австрийская армия была обречена на судьбу цезарской армии без цезаря, так как сами габсбургские императоры не становились во главе войск и никому не доверяли больше полководческих прав. Генералы-пешки и всесильный бюрократический гофкригсрат — вот основная причина дальнейших печальных судеб имперских войск <...>

Но в других отношениях традиции Валленштейна были сохранены. В австрийской армии не спрашивали никого о фатерланде, а только о “мутершпрахэ” — родном языке, чтобы соответственной разбивкой по батальонам облегчить обучение. В австрийской армии не читали в сердцах, не копались в политических убеждениях — хорошему республиканскому офицеру была открыта дорога в армии, лишь бы он соблюдал дисциплину. Даже в самый острый момент борьбы с французской революцией, когда военные действия перекинулись в Швейцарию, австрийское военное министерство сманивает за двойную плату с русской службы швейцарца Готце, республиканца, поклонника творчества французской революции, но хорошего генерала и прекрасно знающего швейцарский театр борьбы <...>

Удивительна ассимилирующая сила безусловно внеклассовой и безотечественной цесарской армии. Австрийский офицер не имел, со времен Валленштейна, других интересов, других привязанностей, кроме своих полковых, уходил с головой в службу, и в армии складывался крепкий корпоративный дух, удивительное товарищество. Между застывшей в старых формах австрийской армией и бонапар-

тистским военным строительством внимательный читатель найдет много общего: армия являлась истинным отечеством и для австрийского старорежимника, и для бонапартиста, полковая казарма — второй родиной и для того и другого солдата. И конечно, австрийская армия, как и наполеоновская, должна была тяготеть к длинным срокам службы, и принятие по прусскому образцу в царствование Франца-Иосифа коротких сроков службы могло только сильно испортить валленштейновскую постройку из специалистов военного дела <...>

Бурбоны, которые ничему не научились

Любопытно ли бросить теперь взгляд на то, что принесла армии контрреволюция, опирающаяся на иностранные штывки; какие идеи военного строительства приносят с собой эмигранты, победившие собственное отечество, стремящиеся к реставрации на родине дореволюционного порядка — партия восторжествовавших ультрароялистов и конгрегации? Каковы их герои, кто важнейшие в их глазах преступники и какие последствия несет с собой для армии контрреволюция с ее бурбонами?

Великая революция не посягнула на старую французскую армию, на седую славу ее полков, на хранимые в них традиции Тюреня и Виллара. Несмотря на то, что все первые попытки контрреволюционных заговоров группируются около частей старой армии, несмотря на постоянно повторяющиеся случаи измены среди офицеров, несмотря на дезертирство — эмиграцию в ряды неприятеля не менее 50% всего офицерского корпуса, революция нашла в себе благоразумие — противостоять требованиям крайних политиков расформировать старые полки и мужественно провела закон об амальгаме — о слиянии старых полков с новыми революционными батальонами, что и дало возможность французским армиям перейти в наступление и создать цикл побед — эпопею 1793-1815 годов. Бурбоны, вернувшись во Францию в 1815 году, “в обозе Веллингтона и Блюхера”, застали стотысячную армию Даву — остатки гвардии, уцелевшие под Ватерлоо, корпус Груши и другие части. не имея вождя, с отъездом Наполеона, не имея цели войны, считаясь с русскими резервами, спешившими на помощь англичанам и пруссакам, Даву не стал разжигать пламя войны — безнадежной и долженствовавшей неминуемо принять гражданский характер, сдал Париж на капитуляцию и отвел на Луару французскую армию, чтобы передать это ценнейшее наследство Наполеона новым хозяевам Франции, Бурбонам. На Луаре стояли полки, прославившие себя еще при Людовике XIV, правда,

пережившие революцию и обаяние Наполеона; армия была немногочисленна, но состояла почти исключительно из ветеранов, участников многих побед; на знаменах их, правда, не было лилий Бурбонов, но зато они победно колыхались почти во всех столицах Европы... Какая участь ждала эту армию?

Если армия была хороша сама по себе, то на династическую ее верность особенно полагаться было нельзя, как показали события “ста дней” — периода возвращения Наполеона с острова Эльбы, когда только у одного 10-го линейного полка хватило решимости открыть огонь по своему бывшему императору. Эта армия ненавидела иностранцев, пришедших во Францию искоренять все завоевания революции, и эту армию ненавидели иностранцы, диктовавшие Бурбонам их линию поведения — особенно ненавидели Веллингтон и англичане, дрожавшие долгие годы на своем острове перед приговорами Наполеона к высадке. И, толкаемые Веллингтоном, Бурбоны решились поднять свою руку на те старые полки, которых пощадила даже безжалостная революционная ломка: вся армия была объявлена распущенной <...>

Бурбоны минировали Францию, минировали самих себя. В ночлежных домах, в харчевнях, в дешевых пивных появился новый посетитель — появились обреченные на нищенское существование люди, которые привыкли дорожить честью больше, чем жизнью, которые все ушли в свое славное прошлое, которые прониклись ненавистью к “иностранцу” — посаженному иностранными штыками Людовику XVIII, и которые представляли самый удобный материал для возможных подпольных организаций, заговоров, бунтов, политического бланкизма. Тщетно соединенными усилиями министры военный и внутренних дел “очищали” Париж от отставных офицеров — эти люди, приносившие всю жизнь в дар родине и все потерявшие, не имевшие заработков и готовые на всякий риск, стремились в столицу, связывались с оппозицией и являлись отборным кадром для гарнизона баррикад. Это преимущественно их грудью и кровью, через 15 лет, была совершена июльская революция, и Бурбоны были выброшены из Франции уже навсегда <...>

Тяжелая чаша выпадает на долю офицеров в дни политических бурь; рядовое офицерство выдерживает натиск солдатских масс, разнузданные демагоги направляют против него свои удары, генералов комиссары конвента отправляют чуть ли не десятками на гильотину, иногда только за правдивый отзыв о новых революционных формированиях. Но и контрреволюция не гладит армию по головке, когда, в ожесточенной борьбе, берет верх партия — какие заслуги

перед отечеством, какая беспартийная, хотя бы самая самоотверженная служба будут зачтены? По свидетельству умеренных французов, реставрация бурбонского типа — худшая из революций.

Милиции Гамбетты

Адвокат Гамбетта, со скамеек оппозиции, при императорском режиме, доказывавший, что влияние народа зависит от его принципов и культуры, а не от числа его солдат, что моральная сила в политике выше материальной, что истинная граница Франции очерчивается не бастионами ее крепостей, а патриотизмом и преданностью народа государственным учреждениям, что организация и подготовка войны — преступна и что Франция, вместо того чтобы пополнять склады порохом и картечью, должна разоружаться, показывать пример самоотречения вместо того, чтобы сеять семена ненависти, — этот адвокат, вылетевший из осажденного Парижа 8 октября и на следующий день прибывший в Тур, оказался в положении военного диктатора. на его долю вышла трудная обязанность — ударить в набат, призвать к оружию провинцию на выручку осажденной столице, побороть областничество, остановить крайних республиканцев, которые в минуты жесточайшей угрозы государственному бытию Франции более думали об углублении революции, чем об ее защите, стремились чаще арестовывать генералов, чем помогать им в их работе. Никогда и никто не достигал таких успехов в милиционном строительстве армии, как Гамбетта — и если он в окончательном результате потерпел неудачу, не добившись освобождения Парижа, то мы все же должны помнить, что в среднем, в течение 4 месяцев своей работы, Гамбетта создавал в день 6 тысяч пехотинцев с 2 батареями — создавал целиком, заново, так как в его распоряжении были лишь пустые склады и никаких кадров; и созданные им милиции как-никак дрались, одержали победу под Кульмье; в руках генерала Шанзи они в многодневных боях мерялись силами с лучшими германскими корпусами, и целый ряд поражений, понесенных ими, более почетен для побежденных французов, чем для победителей — немцев. Уже с этой стороны работа антимилитариста Гамбетты, превратившегося в пламенного патриота и оказавшегося выдающимся строителем военной организации, заслуживает нашего полного внимания. Оно должно усугубиться и потому, что будущий историк, несомненно, проведет параллель между Львом Гамбеттой и Львом Троцким — действительность дает богатый материал для аналогий между военным творчеством в 1870 и 1918 годах <...>

Несмотря на то, что Гамбетта безусловно сосредоточил в себе всю власть над провинциями, поборол сепаратистские и крайние движения, подчинил себе безусловно всю революционную деятельность, он все же постарался изолировать свои формирующиеся полки от контакта с гражданским населением. Была глубокая зима — 25 ноября, — когда Гамбетта издал декрет о войсковых лагерях. Тогда как формирование частей русской Красной армии в 1918-19 гг. неразрывно связывалось с крупными центрами городской жизни, Гамбетта, несмотря на спокойствие городского населения и свою твердую власть, несмотря на лютую зиму, порвал с городами и, чтобы скорее дать возможность начальникам взять в свои руки новобранцев, перенес все формирования в лагерь <...>

Дисциплина в армиях Гамбетты поддерживалась особым суровым законом, установившим смертную казнь за 11 родов преступлений. Дезертирство, смутьянство, неисполнение приказа, порча оружия, потеря патронов, неповиновение, угроза начальнику — все это предусматривалось высшей мерой наказания. Декрет ясно и честно гласил, что в бою каждый офицер и унтер-офицер уполномочивался убить всякого, кто выкажет свою трусость, не заняв указанного ему места, или будет сеять беспорядок в роте — бегством или паническими действиями. <...>

Но если Гамбетта являлся сторонником постоянной армии, казарменного режима, настоящей дисциплины, твердой власти начальников, почему его республиканские импровизации называют милициями? Их называют милициями потому, что они не победили, что полки, не выдержав трудностей боев в обстановке зимней кампании с испытанными немецкими частями, разваливались и разбегались. Когда, в 1871 году, контрреволюция во Франции была сильна, их звали “луарскими разбойниками” — за то, что они изнемогли, не справившись с своей задачей — не выручили Парижа. В более спокойной атмосфере, впоследствии историки им дали снисходительное название милиции. Гамбетта же, несомненно, стремился, с одной стороны, поднять всех способных носить оружие французов, но по-ставить их при этом в твердые рамки регулярной армии.

Между формированиями Гамбетты и русскими красноармейскими частями есть одна общая отрицательная черта. Регулярные полки, при умеренных потерях в бою, обыкновенно с развитием военных действий получают настоящий боевой закал; обстрелянные регулярные полки каждый начальник ценит выше необстрелянных, так как у них развиваются очень ценные боевые сноровки, они перестают пугаться дальнего артиллерийского огня, становятся менее под-

дающимися панике. В войсках же Гамбетты, как и в русской Красной армии, наблюдалось обратное явление: наибольшую боеспособность полки обнаруживали при первом своем дебюте; даже после 2-3 удачных боев полки Гамбетты представляли меньшую ценность, чем за неделю до боев, когда они представляли только агломерат новобранцев, прошедших самых краткий курс обучения. Это крайне печальное явление чисто милиционного порядка. В регулярной армии, под бдительным оком младших начальников, и хороший, и дурной солдат равно тянут общую лямку, равно подвергаются опасности и выбывают из строя не в слишком различной пропорции. Но как только отсутствует в бою работа фельдфебеля, работа взводных, жестоко подгоняющих хвосты — а эта работа в милиции невозможна — то сейчас же в роте происходит резкое расслоение — энтузиасты, фанатики, патриоты, просто порядочные люди тянут лямку, надрываются, гибнут при первых же атаках, в которые бросаются с большим подъемом, а главная масса шкурников сидит за кустами или разбегается в тылу под предлогом, что все патроны расстреляны. По письмам современников видно, что в гамбеттовской роте, в сущности, дралось в среднем человек по 40-50, по внутреннему убеждению, а свободные от внешнего принуждения, человек 150 на роту, являлись аккуратно к котлам за получением обеда, устраивали порой грабежи и погромы, но в рядах наступающих цепей всегда блистали своим отсутствием. И когда милиционный полк, в результате 2-3 боев, теряет 25% своего состава, это значит, что он потерял всех тех 40 человек на роту, которые исключительно в нем дрались, и что этот “обстрелянный” полк сведен исключительно к человеческому балласту, — ртов еще много, но настоящих штыков уже нет. Аналогичные явления наблюдаются в процессе гражданской войны как на белом, так и на красном фронтах; принято, в моде, объяснять потерю боевой готовности побывавшими во многих боях полками политической агитацией, разложением, связанным с классовой подоплекой войны. Но в армиях Гамбетты те же явления наблюдались при отсутствии всякой агитации со стороны немцев. Не толкуется ли и теперь значение политической агитации несколько шире, чем следовало бы, и не лечат ли политкомы душеспасительными брошюрами болезни, которые поддаются только фельдфебельским приемам исцеления? Милиция подобна повозке, в которую впряжена одна чистокровная, горячая лошадь и три, а то и больше — ленивых и берегущих свои силы и здоровье, привыкших к хорошему кнуту, крестьянских лошадки, с кучером-философом, противником палочной дисциплины, рассчитывающим на добрую волю каждой твари.

Результат ясен — повозка с грехом пополам будет катиться, пока горячая лошадь не надорвется и не свалится, и даже легкая работа будет не тренировать, а разлагать такую милиционную запряжку. На одних примерах далеко уйти нельзя, в особенности, когда примеры лежат в виде трупов, один за другим, вдоль всего нашего жизненно-го пути...

Военное дело. - 1919. - № 5-6. - С. 226-230; № 7-8. - С. 307-310; № 13-14. - С. 480-482; № 15-16. - С. 542-546; № 17-18. - С. 602-606; № 19. - С. 642-644; № 21-22.

Основы военной доктрины

Тезисы

1. В области военного мышления в России царит интеллектуальная анархия.

2. Необходима радикальная перемена в программах теоретической военной подготовки, с изгнанием из стратегии и тактики элементарного, чисто отвлеченного спекулятивного отдела, с перестройкой этих наук в теорию военного искусства, с переносом центра тяжести на военную историю, с ослаблением в академии математической подготовки и съемки.

3. Необходимо расчленить вопрос о военной доктрине от вопроса об единой военной доктрине.

4. Доктрина должна заимствовать у морали ее методы, правила и заповеди и должна быть прежде всего доктриной сердца.

5. Доктрина, являясь проявлением воли к победе, ферментирует переход мысли в действие. Масштаб для оценки доктрины: насколько она толкает к активности, настолько она проникнута и распространяет лозунги действия, как она отражается на действиях армии.

6. Начальники и войска нуждаются в доктрине; но создание ее требует огромного общего усилия и подъема и большой работы и согласия наставников армии.

7. Доктрины должны создаваться на военно-исторической работе; работающим над ней органом должна быть Военно-Историческая Комиссия.

8. Доктрина должна быть перелита из работ Военно-Исторической Комиссии в уставы.

9. Доктрина является тактическим мирозерцанием, находящимся в тесной связи с условиями эпохи и характером народа и войск. Поэтому доктрина не может быть переведена или заимствована, а должна родиться из нашего сознания.

10. Доктрина должна иметь фронты, обращенные для борьбы с материализмом и интеллектуализмом.

11. Доктрина почтения, прощения, соболезнования не способна выковать дух солдата; доктрина должна быть хищной и суровой, безжалостной к поражению и побежденным <...>

Что такое военная доктрина?

Военной доктриной называется угол зрения, под которым понимается военная история и освещается ее опыт и поучение.

Доктрина — дочь истории.

Военная доктрина является военным и, в особенности, тактическим мировоззрением; доктрина создает убеждения, в которых — душа всякого действия.

Понять чью-либо доктрину — это позволяет глубоко проникнуть в мысль и отчасти предвидеть действие.

Учение, не создающее доктрины, сводится исключительно к гимнастике мышления, к схоластике, не объединяющей взгляды. Чтобы в области военного мышления армия не представляла людскую пыль, а сплоченное целое, нужна доктрина. Спекулятивная военная наука вынуждена маскировать отсутствие положительного содержания расхвалением значения метода и фразами “хорошо развитая голова лучше хорошо наполненной”.

Уставов не достаточно — нужна доктрина, которая их пропитывает и дополняет.

Доктрина руководит тактическим обучением войск.

Доктрина освещает все частные вопросы военного дела. Она помогает приступающим к изучению военного дела накоплять не разрозненные, пестрые, мозаичные знания, а связывать каждую прочитанную статью в одно стройное целое, и позволяет критически относиться к каждой строке. Поэтому доктрина является и лучшим методом обучения.

Доктрину обвиняют в том, что она представляет определенную точку зрения, которая по необходимости скоро останется позади, так как жизнь идет вперед. Неверно: не только сама доктрина способна к эволюции, но она, устанавливая интеллектуальные взгляды и тенденции, коллективное тактическое мировоззрение, надежнейшим

образом подготавливает способность армии к дальнейшему тактическому развитию. К дальнейшим походам дисциплинированный батальон подготовлен много лучше разношерстной толпы.

Доктрину обвиняют в предвзятости; тогда как спекулятивная теория военного дела ничего не решает, позволяет делать все и так, и этак, позволяет посмотреть на дело с одной стороны и признается, что можно прийти к противоположному выводу, если посмотреть с другой стороны, доктрина стремится всегда толкать человека по определенному направлению. Но всякое убеждение — тоже предвзятость. В одном частном случае, разбираемом совершенно бесстрастно, без убеждений, без доктрины и ее руководства, может быть и получится более легкое решение. Но в массовой работе, на дальнем пути без руля доктрины армия далеко уйти не может. Это возражение — возражение обывателя без дела — о преимуществе не иметь убеждений и связанной с ними предвзятости.

Солдатам в их лагере нужны боги, и нужны скрижали завета.

Не следует смешивать с доктриной национальные особенности, имеющие свою равнодействующую, проявление коей в жизни армии какой-либо нации можно подметить в течение многих веков. Например, немецкий народ является особенно пригодным для выполнения заранее намеченной недробной и точной программы, но импровизирует с большим трудом и ошалевает при внезапности; он особенно способен к одновременному, линейному напряжению всех усилий. Эти его расовые особенности не являются доктриной, но, разумеется, должны быть взяты на учет последней, чтобы выдвинуть вперед сильные стороны немецкого народа и организовать сознательную борьбу против его слабых сторон. Доктрина — далеко не эта пассивная национальная равнодействующая, а боевой лозунг, — призыв, будящий сердца и умы. Напомню стихи Гейне о доктрине:

Возьми барабан и не бойся

.....

Сильнее стучи и тревогой

Ты спящих от сна пробуди!

Вот смысл глубочайший искусства!

А сам маршируй впереди

.....

Давно я постиг эту тайну,

Лихим барабанщиком стал!

Каждое развитое тактическое мировоззрение, приведенное в стройность, являющееся достоянием не отдельного лица, а хотя бы школы, кружка, и стремящееся не замкнуться в самом кружке, а выйти на простор для широкой агитации и пропаганды, имеет право называться доктриной. В одной и той же армии могут существовать одновременно несколько доктрин. Это ведет, однако, к прискорбному делению на “своих” и “чужих” в области военной мысли — к расколу, к делению на правоверных и еретиков.

Драгомиров стремился построить русскую военную доктрину на том прочном фундаменте, который дает русская военная история в лице Суворова. Но русская армия уже забыла и утратила драгомировское учение и не имеет сколько-нибудь твердой доктрины. Будущим строителям русской доктрины придется заново повторить и продолжать работу Драгомирова. Необходимая предпосылка: расцвет русской военной истории, которая только и может произвести на свет русскую доктрину.

Раскол станет опасным лишь тогда, когда “хорошо развитые” спекулятивной наукой головы начнут “наполняться” содержанием, которое дает трактовка военного дела как искусства, когда от приемов научного мышления мы перейдем к мастерству. Тогда и более уместно будет перенести центр тяжести вопроса на “единство” доктрины.

В русском языке в слове “ремесленник” заключается обидная нотка. Русскую армию долгое время составляли люди очень далекие от военного ремесла. Между тем, единственная задача теории военного дела — поднять ремесло на степень мастерства. “Только в правильной мере познается мастер”, — писал Гете. Выкачать из истории эту правильную меру, вложить идеологию в рецепты устава, облагородить искусством ремесло — может только доктрина.

Ереси можно не бояться только на кладбище.

Военное дело. - 1920. -№ 2. - С.38-41.

Капитализм в военном искусстве

В середине XIX века чувствуется вторжение со стороны в военное дело, наложившее на развитие его мощный отпечаток. До этого времени европейцы дрались между собой почти равным оружием. Шуваловские гаубицы или железные шомпола пехоты Фридриха Великого, нарушавшие это равенство, имели второстепенное значение. Только редким чудачкам в докапиталистический период военного искусства приходила мысль обосновать свои надежды на

победу на более дорогом вооружении. Организация, тактическое и стратегическое искусство, моральный элемент, численный перевес — вот главные военные козыри доброго старого времени. Посмотрите в музеях форменное оружие начала XIX века и убедитесь, как оно было грубо и топорно. Любовная чеканная работа встречается только в кустарных изделиях, да и то отсталых стран — в турецком пистолете, в кавказской шашке. Дубоватому, гладкостенному солдатскому ружью отвечала и идеология старого порядка, более интересовавшаяся ростом солдата и мощью его рук, чем совершенством состоявшей на его вооружении дубины.

Капитализм сорвал свои первые победные лавры в военном деле под Севастополем. Дореформенная помещичья Россия столкнулась с богатым промышленным Западом. передовые капиталистические страны — Франция и Англия — выдвинули свои козыри — паровые машины на море, нарезные штуцера на суше, богатство в вооружении и снабжении. В действительности, причины наших неудач заключались не в нашем плохоньком вооружении, а в неспособности наших генералов и в нашей отсталой от века ударной тактике. Но севастопольская Россия уже назрела для реформ в духе капитализма; все общество — от частных лиц до тогдашнего военного министра кн. В.А.Долгорукого — увидело причины поражений в нашей капиталистической отсталости: нет фабрик, нет даже крупных рынков сырья, нет крупных подрядчиков, нет транспорта, плохое снабжение, вороватые интенданты — по всем статьям победительница Наполеона, Россия, внезапно оказалась в детском возрасте. И правда, под Севастополем столкнулись капитализм, уже подросший, с капитализмом в пеленках, не освободившимся еще от детских болезней. Севастопольский солдат, объяснявший сдачу Севастополя тем, что у нас ружья казенные, а у них “аглицкие”, стоял уже на том пути мышления, по коему шло русское общество, а за севастопольским солдатом и историки Крымских боев пошли в плоскости толкования столкновения богатых цивилизованных армий с геройским, но полудиким и отсталым народом.

Еще пышнее развились победные лавры капитализма на полях сражений в войну за нераздельность Соединенных Штатов. Богатые промышленные янки Севера покупали победу над геройскими бойцами помещичьего Юга, подавляя их и огромным численным превосходством, и новыми огромными пушками, и броней, и минами, и телеграфом, и магазинками, и т.д., и т.д. — бесчисленным количеством новинок техники. “Все куплю, сказала злато” — и в век капитализма допущение, что победа покупается, рождается совершенно

естественно, и вооруженная сила естественно обращается в кунсткамеру всех последних новинок и изобретений; в армии мгновенно появляются двадцать образцов магазинок, один лучше другого; каждый опытный военный, конечно, предпочел бы такому блестящему разнообразию, в видах облегчения обучения и пополнения патронов, единый, хотя бы и несовершенный, образец.

С тех пор капиталистическое хозяйство прочно удерживает захваченную командующую позицию. Оно объяснило успехи пруссаков в 1866 г. превосходством игольчатого ружья над австрийским штуцером; — успехи пруссаков над французами в 1870 г. миллионами, переработанными Круппом в могущественную немецкую артиллерию. Оно выбросило из сферы обсуждения русско-турецкую войну 1877-78 гг., как нелюбопытное столкновение между народами, плетущимися в хвосте капиталистической цивилизации. “Купленная” победа Соединенных Штатов над Испанией на Кубе и на Филиппинах продолжала лить воду на мельницу этого толкования военного успеха.

Внимательный наблюдатель давно уже получил впечатление, что “покупные” победы довольно сомнительны. Под Севастополем именно англичанам, с их лучшим в мире штуцером, ничего не удавалось; кое-как продвигаться вперед удавалось только французам, но каждый раз с таким кровопусканием, что за штурмом являлся вопрос, не снять ли подобру-поздорову осаду с Севастополя, и только энергия генерала Пелисье довела осаду до конца. Победа Сев.Штатов любопытна не только дюжиной миллиардов истраченных долларов, но и 4 годами борьбы, исполненными страшных кризисов и унесенными три четверти миллиона человеческих жизней. Помещичий юг Штатов не имел никакой военной организации, имел белого населения в семь раз меньше Франции эпохи второй империи, и для разгрома его средствами капитализма понадобилось в шесть раз более убитых и раненых, чем для разгрома Франции в 1870 г. На пороге XX века, в англо-бурскую войну, капитализм изведal минуты горького отчаяния, когда победу, казалось, нельзя было сорвать на аукционе никакими материальными жертвами. Однако, Робертс, Китченер, Френч, английское упрямство, английское золото, материальные ресурсы всего земного шара, десятерное превосходство позволили после трехлетней борьбы смирить буров заключением всей страны с женщинами и детьми в концентрационный лагерь. Сильно пострадал капиталистический венок и на головах

итальянских генералов, бежавших под Адуей перед вооруженными дрекольем абиссинцами и принужденных развертывать в Триаполи подавляющее превосходство против ничтожного врага.

Большие сомнения рождала и русско-японская война. Куропаткин, образцовый полководец капиталистической доктрины, искусно накопил в Маньчжурии большие массы войск, прекрасную по числу и качеству артиллерию, огромные технические средства, создал образцовый тыл, — и все это оказалось бессильным против более бедной и меньшей числом, но превосходной по духу, японской армии.

Тем не менее, в мировую войну Европа выступает с той же капиталистической доктриной, которую беспрерывно поддерживает соперничество Франции и Германии в области вооружения армий. Эта доктрина становится особенно четкой весной 1915 г., когда обнаружилась неспособность французов и англичан прорвать германский фронт и когда голгофа русского отступления из Галиции и Польши была растолкована ставкой обществу плохой работой военного министерства и всего тыла по снабжению армии. Ставке поверили и у нас, и за границей, и общим лозунгом стало — “побеждает тыл”, в каждом государстве появилась своя “программа Гинденбурга”, обратившая всю Европу в питательный аппарат для армий. С момента устройства министерства (или особых совещаний) снабжения война уже не является средством к достижению цели, но сама является целью, подчиняющей себе все государственные и общественные функции. Участие Соединенных Штатов дает Антанте безусловный перевес над блокированной Германией в этом капиталистическом конкурсе. “Это мы воюем”, по справедливости говорили и фабриканты, взявшие многомиллионные подряды на снаряды, и многочисленные интеллигенты, окопавшиеся в тыловых организациях. Весеннее наступление германцев в 1918 г., сопровождавшееся невиданными поражениями на тысячи квадратных верст захваченного пространства, еще раз поставило под сомнение вопрос, кому же принадлежит на войне победа — духу ли, твердой организации, военному искусству, или материальным факторам, технике и численности? С невероятным напряжением рвала, хватала на прием и поднимала Германия вооруженную массу Антанты — и пала под обрушившейся на нее тяжестью. Была ли это победа десятков тысяч аэропланов, муравейника танков, десятков миллионов снарядов? Было ли это поражение духовно изнемогавшей и начавшей разлагаться армии? Драгомиров, всегда выдвигавший на первый план в военном деле моральный элемент, и Ллойд-Джордж, создатель английского

министерства снабжений, дали бы противоположные ответы на эти вопросы.

Белые являлись бедными родственниками Антанты. У них мелькали и танки, и автоматические ружья, но в общем в гражданской войне красные не только не уступали белым в материальных средствах, но даже часто их превосходили. Красная артиллерия была, по видимому, в гражданской войне всегда сильнее. Против отдельных орудий Юденича гремели целые красные батареи. Белый тыл работал отвратительно в раздетой и разутой армии, спекулировал и правил пир во время чумы в армии Деникина, не мог оправиться и в теплом Крыму у Врангеля.

Если так обстояло дело в прошлом, то какие перспективы открываются перед нами в будущем? Ждем ли мы от техники решения побед и поражений в будущих столкновениях, приписываем ли мы ей главнейшую роль на полях сражений, соответственно ли воспитывается дух и мышление русской армии?

В течение последних семидесяти лет ветерок капитализма поднял развитие военного искусства в определенном направлении. Пожалуй, для многих соблазнительны толки об индустриализации военного дела, о превращении проблемы войны в производственную проблему, о тактике как приложении системы Тэйлора к решению боевых задач, о разделении труда на войне и в частности на поле сражения, о прекращении учета сил армии по живой силе, по “штыкам” и о замене его учетом числа боеспособных конгломератов из легких пулеметов, автоматических ружей и гранат, в которые (к 1917 г.) переродились французские роты. Особенно у артиллеристов, считающих себя отныне главным родом войск, идеология штурма как прогулки во весь рост под неприятельским огнем, уже заменилась идеологией решения баллистической задачи по расстрелу и отравлению всех видимых и невидимых мишеней перед нашим фронтом. Шаг за шагом незаметно капитализм сделал огромные завоевания, я бы сказал, опустошения в области военного мышления...

Если бы существовало уже твердое убеждение, что победа отдается с аукциона тому, кто предложит за нее наивысшую цену, — тому, кто сможет доставить на линию фронта наибольшее количество пушек, снарядов, автоматических ружей, танков, аэропланов, радиотелеграфов, колючей проволоки и т.п. металлических изделий, если бы доктрина подобного материализма обосновывалась в общем сознании совершенно прочно, то будущие перспективы являлись бы

для нас и совершенно ясными, и бесповоротными. Капитализм завтра же объявил бы войну России; были бы найдены миллиарды на превосходящее в десятки раз наши средства оборудование операции. А красные, воспитанные в духе учета материальных средств, сразу же оказались бы морально уничтоженными при виде взвившихся над ними тысяч аэропланов. Достаточно самых общеизвестных данных по добыче угля и металла, по состоянию транспорта, чтобы придти к убеждению, что еще долгие годы материальное соперничество с Западом нам непосильно.

Если значение материальных средств на войне весьма относительно, то громадное значение имеет вера в них. Солдат, считающий свою винтовку плохим оружием, не будет любовно нацеливать ее на врага. Он уже наполовину готов к тому, чтобы воткнуть штык в землю и поднять руки. А как раз по отношению солдатской винтовки прогресс техники является наиболее сомнительным. Автоматы несомненно совершеннее нашей трехлинейки, но вводятся самыми богатыми армиями нехотя, с раздумьем для части солдат...

Проповедь решительного превосходства техники и материальных средств на войне в сущности для нас является призывом к капитуляции. Между тем решительно сдается в архив проповедь в защиту духа и против преувеличений значения техники. Подтверждением этому служит все то, что мы слышим на лекциях, в беседах, читаем в журналах, особенно посвященных воздушному флоту.

А между тем трезвая оценка действительности требует выдвижения в порядок дня военного мышления Драгомирова. Надо иметь мужество окинуть глазом открывающиеся перед нами перспективы и сделать соответствующие выводы. Копия с капиталистической организации у нас может быть очень слаба. Надо искать на другом полюсе.

Еще недавно испанцы с наилучшей малокалиберной магазинкой дрожали в Марокко при борьбе с арабами, вооруженными дедовским оружием. Испанский солдат с отчаянием рассказывал о том, что невозможно воевать с таким врагом: марокканец работает целую неделю, чтобы заработать полтинник и приобрести на него патрон. С единственным патроном в ружье он ползет ночью к испанскому лагерю и плотоядно, жадно, опасаясь промаха и потери недельной работы, с двадцати шагов долгие минуты выбирает и выщеливает жертву — офицера или часового из более крупных, толстых солдат. Ночью слышится одиночный выстрел, означающий безусловную

смерть испанца, и в ответ натянутые нервы испанского охранения разрешаются десятками тысяч выстрелов, поливающих беспросветную тьму кругом всего лагеря. Если бы за золото можно было создать психологию такого марокканца!

Разительный пример духа, торжествующего над техникой и числом, представляет оборона Летовым-Форбек юго-восточной Африки. Имея всего около 3-х тысяч европейцев, из них не свыше 800 чел. кадровых солдат и моряков, и до 13-ти тысяч чернокожих солдат, вооруженных исключительно ружьем образца 1871 г. (много хуже нашей берданки), имея, и притом в весьма ограниченном количестве, только патроны с дымным порохом, с двумя пушками образца 1874 г., Летов сражался в течение 4 1/2 лет империалистической войны против англичан, бельгийцев, португальцев — всего до 300 тыс., с 143 генералами, сотнями аэропланов, транспортов, тысячами автомобилей. Англичане загубили в походе против Летова 20 тыс. людских жизней и 140 тыс. лошадей и мулов.

Мы до такой степени еще скованы цепями чрезмерного учета технических сил и средств в военном искусстве, что нам положительно кажется сказкой история этой борьбы в тропической тайге между современным Давидом и Голиафом. Летов вдохнул в своих черных “аскари” тот же фанатизм, который наводил трепет на испанцев в Марокко, но скрепил их вдобавок твердой организацией и дал им крайне искусное тактическое и стратегическое руководство. И капитализм кажется особенно беспомощным против этого умного и решительного врага в обстановке, где кафры рвут проволоку, где противник кормит свою армию убитыми слонами и гиппопотами, где муха цеце убивает всех животных, где львы атакуют сторожевое охранение, где приходится строить железные дороги, чтобы подвозить воду собранным войсковым массам. А двуногий лев со старой берданкой в руках остается самым ужасным опасным львом, разрушает железные дороги, смеется над динамитными бомбами, бросаемыми английскими аэропланами, нападает на транспорты и магазины, наносит в чаще ужасные фланговые удары и обращает в бегство целые дивизии с самой усовершенствованной артиллерией, минометами и прочим оборудованием. Двуногий лев остается до конца, опустошает ближайшие владения Португалии и Англии и капитулирует только по приказу своей родины, подписавшей Версальский мир...

Последние десятилетия в России воля к победе была слаба, и русский боец требовал себе самого лучшего вооружения; мы забыли, что человека можно лишить жизни и тульским дробовиком. Если

действия Летова будут представляться нам только сказкой, если мы не сумеем вырваться из идеологии капиталистического взгляда на войну и победу, так заманчивого для дряхлеющих цивилизаций, то надолго “подвигов наших молва сказкой казарменной станет”.

Надо обосновать нам русскую, отвечающую нашим военным условиям, доктрину. надо просмотреть под новым углом зрения все войны, начиная с Севастопольской. Мы должны наглядно себе представить все операции, доказавшие, что победа за деньги не покупается. Прежде всего надо на широком интеллектуальном фронте в области военного дела дать бой материальному элементу.

Вестник милиционной армии. - 1921. - № 4-5. - С.17-22.

Машинный век

Народ с законченной, исчерпавшей себя культурой, — старая военная держава — Франция пережила в начале 1916 г. глубочайший кризис в области военной мысли. Война была начата при условии самого торопавого расхода человеческого материала. Дерзость и упорство в активных действиях, в борьбе за почин, по выражению глашатая французского генерального штаба полковника Гранмезона, следовало доводить до крайних пределов.

В 1916 г. французам пришлось в корне пересмотреть программу действий. Человеческий материал Франции был исчерпан до конца. В дальнейшем можно было рассчитывать на крохи пополнения — выздоровевшими, ранеными и окопавшимися в тылу, на смену коим удавалось организовать женский труд. Заметный плюс давало продолжающееся формирование чернокожих войск, но в случае серьезных боев — под Верденом, под Соммой — противодействовать росту некомплекта можно было только двумя основными методами: или сокращением штатов войсковых частей, или расформированием некоторых дивизий, с обращением их в команды пополнения для остающихся.

Так как протяжение фронта соприкосновения с германцами французской армии оставалось почти прежним, то сокращать число дивизий можно было очень осторожно. Выход заключался исключительно в том, чтобы сокращать число бойцов в дивизии. Современная техника шла на помощь, ставя на место ушедших бойцов усовершенствованные машины, которые позволяли небольшому числу оставшихся боевых работников выполнять задачи в среднем объеме. Сокращение штатов ударило главным образом по пехоте, так как

артиллерию приходилось даже увеличивать, вследствие увеличения числа батарей. Число строевых пехотинцев в дивизиях с 12-ти тысяч было уменьшено до 6.750, французская пехота уменьшилась с полутора миллиона бойцов (начало 1916 г.) до 800.000 (конец войны). В начале войны пехота была вчетверо многочисленнее артиллерии плюс авиация. К концу войны произошло почти уравнивание. Необходимость наводить крайнюю экономию в человеческом материале не исчезла во Франции и после окончания войны: 18 возрастов французских мальчиков и юношей, не участвовавших в войне, насчитывают только 4 миллиона, против 9 миллионов немецких мальчиков. Подавляемый и угнетаемый победителями немец при будущем столкновении может рассчитывать более чем на двойное численное превосходство. Выход для французов остается один и тот же. Машина должна заменить пушечное мясо. Эта мысль была очень далека от взглядов французских военных авторитетов перед войной. Теперь она является основной исходной данной всех французских рассуждений в области толкования опыта войны, стратегии, тактики, техники, администрации. Процесс механизации военного дела, наметившийся еле-еле уже в Севастопольскую войну, теперь во Франции пойдет полным ходом, а так как Парижу суждено еще оставаться законодателем мод для очень широких кругов, то с этой тенденцией придется серьезно считаться всем.

Каждый чернокожий, которого Франция бросала на прорыв германской проволоки, имел амулет, купленный иногда за порядочные деньги, называемый на сенегальском языке “ши-ши”. Трогательно наивны речи и рассуждения сенегальцев перед и после боя. “У него был плохой “ши-ши”, пуля попала ему в лоб”. “У меня великолепный “ши-ши” — прострелило в двух местах шинель, а меня не тронуло”. И нетронутый, не испорченный цивилизацией негр идет в бой, заботясь больше всего о каких-то лягушачьих костях, зашитых в мешочек у него на груди. Современная машинная армия, очень и очень тронутая цивилизацией, также имеет свои, быть может, не столь безобидные “ши-ши”, уделяет им такое же внимание, старается найти в них залог будущих побед и поражений. “Ши-ши” европейца — это боевая машина, это — автоматическое оружие, это — артиллерия, ползущая танковой гусеницей по пехоте, и оборачивающаяся автомобилем на твердой дороге, это — воздушные дивизии аэропланов.

Когда говорят о механизации в области артиллерии, или авиации, или автомобильного тыла, то каждый иллюстрирует новую создающуюся обстановку колоссальными цифрами: автомобильный ре-

зерв Фоша, в 24 т. грузовых автомобилей, бросается как тяжелый козырь там, где нужно быстрое сосредоточение личного состава и снабжения, и способен за месяц операции (август 1918 г.) перевезти свыше миллиона людей и 60 миллионов пудов груза. Танки, которые в числе около 550 выходят из строя, подбитыми, из одной только французской армии за одну неделю операции (июль 1918 г.), но дают возможность прободать и существенно поколебать ответственный участок германского фронта. Артиллерия двух французских армий, выпускающая в три недели, при отражении немецкого прорыва на С.-Амьен (март-апрель 1918 г.), около 5 миллионов снарядов — все это дает нам возможность осязать успехи машинной армии. Но, по существу, переход на машины менее заметно, но более глубоко задевает пехоту.

В рыцарских армиях подсчет сил шел не по головам бойцов, а по копьям. Копье — это сложный агрегат из тяжело вооруженного рыцаря, господствующего на открытом поле сражения, но во многих случаях бессильного, и конных и пеших стрелков и копейщиков. Копье — это боевая ячейка, 7-10 человек разных родов оружия, средневековый танк-рыцарь — с прислугой.

В машинной армии силу пехоты так же считают невозможным подсчитывать по головам (число штыков); для учета важно число машин, которые могут быть введены в бой; пехота свернулась в машины и обслуживающие их ячейки. Рота представляет определенное число ячеек, тащащих пулемет и ленты к нему; определенное число ячеек, обслуживающих автоматическое ружье и его боевой комплект (3 человека); ячейки минометные, ячейки с 37-миллиметровой пушкой, ячейки чистильщиков (разведчик, стрелок, метатели бомб, подносчик и начальник); в недалеком будущем прибавятся ячейки, обслуживающие ротные танки, те же рыцарские копья, более разнообразные по качеству, но характерные в том отношении, что индивидуальный боец ячейки перерождается в прислугу, — правда, не человека, но машины. Пехотинец машинной армии теряет самостоятельность, обращается в прислугу своей машины, нечто вспомогательное. Силу прядильной фабрики исчисляют количеством работающих в ней веретен, а не числом досматривающих за ними рабочих и работниц, и, по-своему, правы французы, исчисляющие силу пехоты числом боевых машин.

Военные давно знакомы и с понятием машинной ячейки, и прислуги — в артиллерии. Артиллерист — что-то вспомогательное к своей пушке, и тактик при боевом подсчете не интересовался числом людей, кормящихся в батарейной кухне, а брал в расчет только чис-

ло орудийных жерл. Теперь приемы и психология артиллерии перебрасываются и на пехоту. Французы перестают в своей машинной армии усматривать разницу между пехотой и артиллерией; грани стираются; войсковые части, обслуживающие машины дальнего боя называются батареями — это артиллеристы. Войсковые части, обслуживающие машины ближнего боя, передвигаемые в бою без лошадиных запряжек и организованные для работы в районе пулеметного огня, называются ротами — это пехота. И это различие не принципиальное, а весьма относительное: гусеничный трактор, открытый или бронированный танк — увеличивает силы пехоты далеко за пределы человеческого двигателя, позволяет пехоте включать в свои ряды все более тяжелые, громоздкие, требующие обильного питания машины. Если сейчас только маленькая 37-миллиметровая пушка-пехота, — то в будущем калибр пехоты может сильно подрасти.

Психологически пехоту создавал до сих пор строй, регулярное начало. Дисциплина, чувство локтя, шаг в ногу, одновременные движения и повороты по команде начальника, весь аппарат сомкнутого строя служили тому, чтобы подавить эгоистические проявления и выработать тактическое целое, с единой коллективной волей. Бой в рассыпном строю, введенный в общее употребление французской революцией, предъявил новые повышенные требования к морали пехотинца. Бой в ячейке у машины, в разлагающих условиях ближнего столкновения с врагом, вызовет, может быть, еще более коренную ломку в психологии пехотинца, чем переход от сомкнутого строя к рассыпному. Правда, создание психологии артиллериста, психологии ячейки, объединенной совместной работой у одной конкретной машины, давалось всегда скорее и легче, чем сплочение людей в живую стену, готовых в чистом поле противостоять всем попыткам врага ее развалить. Но психология орудийной прислуги, а пехота могла ее уже проверить на своих пулеметчиках, имеет много положительных данных (стойкость, группировка у своей машины до последнего и т.д.), но в ней есть крупные минусы: неизбежная оборонительная тенденция, известная пассивность, признание за своей работой вспомогательного характера, отсутствие порыва... Артиллерия наносила потери, иногда очень серьезные, но кусалась, брала за горло раньше только пехота (и конница). А что, — машинная пехота будет ли кусаться? Или будет только способна к машинному лаю? Не будет ли напоминать столкновение двух машинных армий переругивание базарных торговки, не имеющих темперамента, чтобы вцепиться друг другу в волосы?

Автор этих строк далеко не поклонник машинных армий, далеко не сторонник утраты пехотой значения главного рода оружия, но он должен признать, что кризис, переживаемый теперь пехотой, выходит за пределы французского безлюдья, и в промышленности недостаток рабочих рук является существенным двигателем для перехода к усовершенствованной машине, и, наоборот, дешевизна труда — всегда враг машины и обуславливает техническую отсталость, захватывает все армии в мире и выдвигает острые вопросы не только в отношении организации, но и обучения воспитания пехотинца, по классическому образцу героев сомкнутых штыковых атак XVIII-го столетия, так быть может и сейчас пора подытожить опыт, учитывающий автоматы и машины XX-го века, и указать новый путь эволюции пехоты.

Вестник милиционной армии. - 1921. - № 14 (35). - С.1-5.

Антимилитаризм и всеобщее военное обучение

Вопрос о введении милиционной системы, в своем существе, сводится к тому, чтобы с отмиранием известных органов постоянной армии, имеющих чисто военную окраску, нарождались соответственные органы в гражданском теле народа. Военный спец исчезает, но специальность его не пропадает, — его функции популяризируются в широких кругах гражданского общества. Государство, уничтожающее чисто военное воспитание в кадетских корпусах, должно открывать военные кафедры и, может быть, даже военные факультеты в университетах. В России получила некоторое распространение книга профессора цюрихского университета полковника Эгли о последней мировой войне. И если у нас, в старой России, полковник — университетский профессор представлялся каким-то нонсенсом, то в Швейцарии, не имеющей постоянной армии, где все граждане — воины, полковник — университетский профессор представляет совершенно законное, логичное явление.

В старой России, особенно в эпоху 1905 г., когда армия имела наиболее постоянный, оторванный от народа характер, антимилитаризм является почти официальным направлением нашей высшей школы. Тогда как в Германии историки с большим вниманием изучали военные вопросы прошлого, русский либеральный ученый почти демонстративно и часто в ущерб истине их игнорировал. Знаменательно, что наш старый режим создал и наиболее объемистый и

ученый труд по антимилитаризму (“Будущая война” — Блюха) и рекламировал приглашение на Гаагскую конференцию. И это антимилитаристическое направление русского просвещения тяжело сказалось на нашей военной мощи, когда, с течением великой войны, армия утратила свои постоянные кадры и разбухла за счет бесконечных призывов и мобилизаций.

Кто главный враг милиционной системы и всеобщего военного обучения? Ошибаются те, которые полагают его в образе закоренелого военспеца. Последнему найдется работа при любой военной системе. Основной враг всеобуча — это антимилитаризм; у него есть благодарная почва в толстовских чертах характера русского народа, у него есть опора в традициях нашей школы и литературы, у него есть убежденные проповедники и покровители. Отдает ли себе отчет Всеобуч, что никакое милиционное строительство не может дать плодов, пока гидра антимилитаризма не будет побеждена, что борьба с ней — путем устройства праздников, расклейки плакатов и допризывной подготовки направлена только по верхам? Корни же антимилитаризма, основы отчуждения народа от армии, от военного дела остаются незатронутыми.

В период бумажного кризиса, несмотря на объявление Советской Республики единым осажденным лагерем, печатание книг, посвященных военному делу, встречало огромные трудности. За три года Советской власти, если не считать популярных брошюрок, переживающих азы военного дела, выпущено не свыше десятка оригинальных военных трудов, коим можно было бы присвоить название книги. И за тот же период времени государственное издательство выпустило и рекомендует в своем указателе книг, посвященных вопросам антимилитаризма, 49 названий.

Я познакомился с этим указателем в книге, которую получил курсант из библиотеки красных курсов. Книга эта, несмотря на свою безграмотность, весьма любопытна. Это — “Война ... ради чего” Джорджа Киркпатрика. Автор ее — социалистический рабочий Соединенных Штатов, агитирующий за то, чтобы американские рабочие не поддавались на удочку вербовщика правительственной армии. С этой целью, на протяжении 383 страниц, он расписывает ужасы войны; хотя автору местами мешает незнакомство с военным делом, — у него пушки при выстреле откатываются с лошадьми, а колючая проволока заграждений, при подходе к ним, взвивается и закручивается вокруг солдатских тел, — но язык его, его способ выражения таков, что на темного читателя произведет несомненно сильное впечатление. Из книги читатель узнает, что если раньше на

полях сражений убивали четвертую часть солдат, то теперь, вследствие усовершенствования техники, каждый солдат имеет 2000 шансов быть убитым и ни одного — остаться живым; что современные раны ужасны: вывороченные внутренности, вырванные глаза, 40 пуль от пулемета в одном теле и т.д.; что помимо шансов быть убитым имеется много оснований рассчитывать на смерть от заразных болезней, которые косят армию на походе, и что во всяком случае солдат обречен на гниение от венерической болезни. Начальство всегда обсчитывает и не докармливает солдата, торгует на сторону хорошим мясом, а солдату дает мясные консервы, лежавшие несколько лет на складе (?!). Вожди солдата — политические деятели и генералы, толкающие его на войну, сидят в тылу, пользуясь всем комфортом, и никогда сами не подставляют своего высокоценного лба под выстрелы... и т.д., и т.д., — сплошная проповедь дезертирства на 383 страницах. Автор рассматривает под одним углом зрения и империалистические войны, и войну за нераздельность союза американских штатов (1861-65 гг.), которую он называет гражданской войной; всякая война вообще для автора есть надувательство рабочих и крестьянских масс, и ни автор, ни переводчик, ни издатель не присоветовали ни одной строчки примечания, что рассуждения автора неприменимы к нашим русским, советским условиям, к нашей гражданской войне. На 383 страницах раздается самый сильный и яркий призыв ко всем шкурническим интересам, которые сидят в человеке, и этим снадобьем заражают мозги будущих красных командиров и всего русского народа.

Типичная эмблема на обложке — рабочий, ломающий о колено меч.

Подумали ли переводчики и издатели хотя бы о том, что такая эмблема впору для страны, где рабочие — рабы и является изменой рабочему делу в стране, где рабочие захватили оружие?

Когда говорят о различных системах строительства вооруженных сил, мне прежде всего приходит в голову вопрос об отношении к вопросам милитаризма. И чем шире будет вести свою антимилиитаристическую проповедь государственное издательство, тем безудловнее придется замыкать наше военное строительство в рамки постоянной армии. И может быть первым шагом и милиционной армии будет введение в коллегия государственного издательства полноправного члена — военспеца, который бы положил свой запрет на издание, на народный счет, книг, явно ведущих к развалу создаваемой с таким трудом военной силы, — или снабдил их соответственными разъяснениями и примечаниями. Пока же допризывной подго-

товке приходится плыть против течения — антимилитаристического течения; и злейшие враги постоянной армии, антимилитаристы, являются ее вернейшей опорой, развивая в народе необходимые для перехода к другим формам предпосылки.

Вестник милиционной армии. - 1921. - № 2(23). - С.15-17.

Вопрос о генеральном штабе

- **М**оя задача осветить вам, товарищи, задачи академии генерального штаба, которые тесно связаны с задачами генерального штаба. В ряду специалистов по этому поводу существуют большие противоречия. Поэтому я позволю себе коснуться вопроса в корне.

Откуда взялся генеральный штаб? Он только существует одно последнее столетие. Раньше генерального штаба не было. Какие же условия за это последнее столетие вынудили к жизни во всех армиях генеральный штаб? Дело в том, что раньше, до XIX века, люди воевали и дедовским оружием, и дедовскими приемами. Военное дело было в некоторой степени постоянным. В XIX же веке произошел в этом отношении полный переворот.

Не только каждые десять лет изменяется тактика, как говорил Мольтке, она изменяется каждый год, чуть ли не каждый месяц. Старые средства техники отживают со страшной быстротой. Если вы на Неве видите новый гигант дредноут, который спущен на воду, то не думайте, что это последнее слово техники: он 3 года провел в стройке, за это время человеческая мысль пошла дальше, создала новые средства и стремления. Мы живем в эпоху постоянной революции в военном искусстве, изменяются все размеры, все сроки. После русско-японской войны в одном из своих трудов я писал, что если представить себе, что Куропаткин и Олма воевали в столовой, то по сравнению с ними оказалось бы, что Наполеон со всеми его войсками поместился бы на подоконнике, Мольтке — на обеденном столе, Густав Адольф — на тарелочке, а Александр Македонский и Юлий Цезарь — на блюдечке. Вот как изменился масштаб военных действий по отношению к русско-японской войне. Если же теперь вы возьмете необъятные пространства теперешней войны, то увидите, что борьба вырвалась на улицу, что она уже не имеет границ, что она ведется в 3 измерениях: и на воздухе, и на воде, и даже под во-

дой, и начинает идти и в 4-ое измерение, потому что воюют все народы. Когда мы встречаемся, с одной стороны, с такими необычайными размерами войны, с другой стороны, считаемся с постоянной эволюцией в военном искусстве, то мы, пережившие опыт революции, должны следить, чтобы в этой революции не было постоянного хаоса из-за постоянного изменения техники, а для этого нужно, чтобы у революции был свой генеральный штаб. И каждая революция, как вам известно, имеет свой штаб и свою партию. Так вот генеральный штаб и является партией и штабом постоянной революции в военном искусстве. Что это так, вы убедитесь из краткого обзора военных штабов, который я сделаю.

Первый раз генеральный штаб возник в Германии после Йены. Пруссия была разгромлена Наполеоном, и создался кадр людей, который стал думать о реформе, о том, чтобы старую белогвардейскую наемную армию переделать на народном основании. Это был целый ряд лиц, которые почти все были тайными членами союза Тугенбунда, они пользовались покровительством королевы Луизы. Они потребовали пересмотреть после войны действия всех офицеров. Получилось так, словно все офицеры были отданы под суд, и затем было просеивание всех офицеров. Они представляли кучку вроде отдельного государства в государстве, и когда в 12-ом году Пруссия должна была воевать против России, они вышли в отставку. В 13-ом году они атакуют Пруссию и переманивают на нашу сторону целый прусский корпус. То, что это была партия в настоящем смысле слова, этот первый генеральный штаб, что он действительно был штабом в революции военного искусства, вы видите по его действиям. Когда с Наполеоном было покончено, когда стала устраиваться жизнь, несмотря на то, что они имели облик национальных героев, их всех выгнали в отставку. Это был первый блестящий образец генерального штаба, который заложил основы и создал революцию в Пруссии.

Теперь возьмем другой момент расцвета генерального штаба — эпохи Мольтке. Многие не понимают, что такое Мольтке, как он мог явиться таким героем, прославляемым в Германии. Человек, который аккуратно посещает придворные балы, танцует, который ни одного вечера во время самых ответственных сражений не провел, чтобы не сыграть в карты, и который даже умер мирно за карточным столом, как такое лицо могло быть героем и начальником генерального штаба? Это ничем объяснить нельзя, как именно тем, что он был вождем партии. Он организовал около себя генеральный штаб, и подле прусской армии появились невидимые нити, власть перешла в

распоряжение молодых людей, которые группировались около Мольтке. Они-то и дергали ниточку, которая заставляла прусскую армию изменять свой состав соответственно новым требованиям военного искусства, когда сразу впервые была выдвинута миллионная армия, была произведена мобилизация и взяты запасные от народа. Что это так, достаточно бросить взгляд на поле сражения, хотя бы под Мецом.

Если поглядите, как был организован во Франции генеральный штаб, то увидите также следы организации партии, только там все время партия генерального штаба находилась в борьбе с республикой. Эта борьба особенно проявилась в деле Дрейфуса, где боролся, с одной стороны несомненно, генеральный штаб, и во всех остальных делах генерального штаба, где он атакует великую армию революции.

Теперь перейдем к нам. У нас, в 812-ом году, во главе генерального штаба генерал-квартирмейстером генерального штаба был поставлен Мухин, и Клаузевиц — германский офицер генерального штаба, заинтересовался, кто такой был Мухин, почему он был поставлен противодействовать мысли Наполеона. Ему сказали: “Он лучший ситуатор, он лучше всех раскрашивает планы”.

В настоящее время очень часто во многих странах путают генеральный штаб с мобилизационным, с людьми, которые могут высчитать потребность армии до мельчайшей пуговицы, и в таком мобилизаторе видят того гения, который может разрешить задачу. На самом деле такой мобилизатор имеет отношение к генеральному штабу немного больше, чем имел к нему Мухин. У нас были отдельные полковые офицеры, которые больше подходили к генеральному штабу. Вопрос о тяжелой артиллерии был выдвинут в первый раз Драгомировым, который понимал, что взять укрепленную позицию с одними полевыми пушками нельзя. Он добился введения тяжелых полевых мортир, но на этом дело и стало, а между тем немцы схватили мысль Драгомирова, начали жать, убедились в том, что укрепленных позиций нельзя взять с одними полевыми пушками и, несмотря на сопротивление самих артиллеристов и финансового ведомства, они ввели в Германии страшное количество тяжелой артиллерии, которой и обязана Германия успехом.

Если вы посмотрите, чем должен быть действительно генеральный штаб, то вы увидите, что он должен быть постоянным участником в этой перманентной революции военного искусства, которая происходит на наших глазах. С этой точки зрения если вы посмотрите на все военное дело, которое развивается теперь с кинематогра-

фической быстротой, то вы спросите, в чем должна заключаться главная задача генерального штаба — изучать последние снимки этой кинематографической ленты или смотреть всю пьесу с начала до конца, с тем чтобы предвидеть следующее действие. Мы должны сказать, что мы не можем учить тому, что придется делать завтра на полях сражения. Завтра можно встретиться с новой обстановкой. Мы можем взять у французов инструкцию для атаки укрепленных позиций с танками и облаками искусственного газа, и можно такую инструкцию детально изучить, но завтра придется атаковать по-иному, и нам, когда мы учимся, лучше, на мой взгляд, просмотреть кинематографическую пьесу с начала. Я не согласен с точкой зрения, которая у нас в последнее время защищается и которой придерживалась академия, а именно, что нужно учиться последней войне. У нас стали в известной степени на рассмотренную точку зрения, отчасти, под влиянием французов, на ту точку зрения, что все прежние кампании нужно отбросить и нужно учиться только последней войне. Нужно дать офицерам генерального штаба более ремесленных знаний, учить их, напр., печатать на машине “Юза”, изучать детально вопрос о пленных и т.д. Я повторяю, что если бы меня в 1903 г. начали учить только ремесленной стороне генерального штаба, то, очевидно, меня пришлось бы сдать давным-давно в архив, как сдали в архив броненосцы, которые одновременно со мною были спущены на воду и как сдали в архив те уставы, которые одновременно со мною вышли в свет. Если я могу действовать, если я являюсь деятелем революции военного искусства, то это потому, что я знаком был не только с техникой и ремесленной частью генерального штаба. Не умел стучать на машине, а знал военное искусство у греков, у римлян, знал, как все менялось на протяжении веков и мог следить за его поступательным движением вперед. Во Франции много было борьбы с генеральным штабом, которая заключалась в том, что не позволяли иметь генеральному штабу большого центра, не позволяли иметь даже форму генерального штаба. Во Франции нет генерального штаба, там есть отдельные лица. Общее образование проходят до академии, а в академии только прикладная сторона. В такой культурной стране, как Франция, это проходило довольно безнаказанно, но у нас, в России, особенно в настоящее время, это допущено быть не может. В Германии генеральный штаб сложился, как государственная партия, которая взяла в свои руки все дело, благодаря не только единству академии, но благодаря тому, что был большой центр. В генеральном штабе было 350 офицеров в мирное время. Из них было 200 собрано в одно место. Они занимались научными ра-

ботами, и только 150 были в рассылке. Благодаря этому было твердое, крепкое, сплоченное ядро, благодаря которому удавалось вести дело. У нас ядра не было. Многие офицеры вырывались, уезжали в Приамурье, и через 30 лет мы встречали такую архивную достопримечательность, которая далеко отставала от новых требований. У нас революция столкнулась с вопросом о генеральном штабе. Кто у нас сейчас генеральный штаб? Я лично думаю, что те творческие силы в революции, кто ведает реформой армии, кто изыскивает на полях сражения новые способы, кто организует армию по-своему. У нас генеральный штаб — это комиссары. Прежде всего Троцкий представляет собою начальника генерального штаба. Еще т. Дзевялтонский, т. Склянский, т. Подвойский, которые, в сущности говоря, люди, имеющие власть, которые организованы между собою и которые держат все нити, которые часть специальной работы штаба взяли на себя. Наполеон мог обойтись без генерального штаба, потому что вся армия его окрепла после французской революции. Ему не приходилось, как Мольтке, разбивать Стейница, у него состав был новый.

У нас, в настоящее время, армия в таком же кипучем состоянии борьбы со старым, и этим во многом облегчается и задача генерального штаба. С этой точки зрения перед нашей академией возникает задача, именно: отбросить в значительной степени всю ту прикладную часть, которую офицер генерального штаба учит в канцелярии, учит на деле, но вдвинуть в программу все те основные данные, руководящие основания, которые помогали бы офицеру следить и быть участником в революции военного искусства, которая происходит на каждом шагу. Это было бы гораздо более уместно, чем изучать во всех деталях, во всех подробностях последний натиск, который Фош сейчас производит на немцев, так как в военном деле никогда копия и подражания не удаются. Если бы мы попробовали произвести то, что делает Фош во Франции, мы оказались бы на втором месте, оказались бы отсталыми. Единственная успешная у нас атака Брусилова была совершенно оригинальна, так как ему не дано было резерва и средств, чтобы можно было ее производить, и когда мы копировали в 17-ом году то, что французы отбросили в 16-ом, то мы испытывали одни кровавые неудачи и неуспехи. Таким образом, генеральный штаб есть как бы штаб революции военного искусства, как бы есть партия, которая может работать только в том случае, если она обладает той властью, той силой, какой она обладала в германской армии. Затем, совершенно несомненно, что генеральный штаб офицеров вовсе не представляет таких специалистов, как ар-

тиллеристов или военные инженеры, которые могут делать свое бездушное дело при всяких режимах одинаково. Разумеется, труднее всего использовать генеральный штаб, который сделан не по мерке настоящей армии, и потому при новом строительстве армии реформа генерального штаба и реформа того источника, который нас питает, должна всегда выдвигаться на первый план.

А.Свечин. Вопрос об академии. Доклад на Первом Всероссийском съезде представителей советских командных курсов // Известия Народного Комиссариата по военным делам - 1918. - № 153. - с. 3-4.

Интеллектуализм в военном воспитании

<...> До 1866 года, взвешивая качества, необходимые для начальника, все довольно единодушно согласились с Суворовым, отводившим волевому началу решающее значение. В 1796 году Суворов, требуя присылки в армию генералов, писал: “пришлите мне кого хотите, только чтобы они были деятельны, быстры в атаке и послушные”. Об умственных качествах своих будущих помощников Суворов не говорил ни слова, так как эти качества для генерала не представляются Суворову выдвигающимися на первый план. После 1866 года обстановка круто изменилась, и лишь один Драгомиров имел мужество подчеркивать суворовские требования: “на войне, как и в жизни, основная причина успеха кроется в воле, и ум является только на втором месте. Воля — это сила неотразимая, увлекающая и слепая — это Отелло. Ум — это сила проникающая, но неуравновешенная, сомневающаяся и склонная к воздержанию — это Гамлет” <...>

Интеллектуализм приписывает успех на войне могуществу мозга: обучение войск, с одной стороны, гений вождя, с другой — вот основы победы. Учение, наука рождает победу. Победа — это мозговое производное; ее богиня, Афина Паллада, родилась в полном одеянии, в шлеме и с копьем из мозга Зевса. Мы, будто бы, живем в эпоху научной войны и шагаем уже через порог промышленной войны, в которой генералы будут инженерами, а офицеры — начальниками мастерских. Какой простор... для головастика!

Отметим, прежде всего, контрабандный прием, с помощью которого интеллектуализм ворвался в романо-славянские армии: он об-

лекся в германские цвета, он использовал в свою сторону ореол германских побед 1866 и 1870 годов, он фальсифицировал Мольтке, как ученого противника Бенедека и Базена. Между тем, наиболее свободной от грехов интеллектуализма была именно германская армия; после Бюлова и Пфуля, двух великих схоластиков-интеллектуалистов. Германия освободилась совершенно от их влияния, главным образом благодаря Клаузевицу. Мольтке, как и Клаузевиц, как и Шарторий, был далеко не ученый-интеллектуалист, а артист, подходивший к жизни не с готовыми рецептурными принципами в кармане, а с громадным уважением к обстоятельствам каждого данного частного случая и с запасом здравого смысла, чтобы действовать исключительно руководствуясь условиями данного частного случая. Мольтке, как и Клаузевиц, видел только военное искусство, а не военную науку, признавал только скромную теорию военного искусства, а не науку как выигрывать кампании, и, сам выдающийся стратег, дал стратегии скромнейшее определение: “стратегия — это система подпорок”, — что значило в уме Мольтке, что стратегия — это сплошной компромисс между различными противоречивыми требованиями обстановки.

Отметим еще, что в русской литературе, в то самое время, когда интеллектуализм начался проповедоваться с нашей академической кафедры авторитетным голосом русского Бюлова или Пфуля — профессора Генриха Антоновича Леера, изгнавшего драгомировские определения тактики и стратегии как отделов военного искусства и возведшего их в ранг наук, одновременно с голосом М.И. Драгомирова, упорно отстаивавшим начала волонтаризма, в нашей литературе появилось и первое гениальное обличение интеллектуализма. Перечтите под этим углом зрения бессмертный роман Льва Толстого “Война и мир”. Несомненно, гениальный автор предвидел будущий расцвет военного интеллектуализма, несомненно, что философские взгляды Клаузевица были знакомы Толстому и произвели на него глубокое впечатление; боевые места из Клаузевица, его страстные выступления против ученого шарлатанства, дали Толстому значительный материал для философских и скептических рассуждений князя Андрея Волконского о военной науке вообще, для иронической оценки Пфуля, для оценки возможности победы накануне Бородина. Значение морального элемента, значение чувств, переживаемых скромным Тимохиным — одного из массы, — и подчеркивание решающего характера этих сердечных переживаний сравнительно с выбором позиции, оружием или численностью

войск — во всех этих чертах Толстой, совершенно в тон Клаузевицу, является могучим противником военного интеллектуализма <...>

Забыты у нас, в России, истины, которые проповедовал умеренный основатель нашей академии генерального штаба Жомини: “человек не сведущий, но с природными способностями, может совершить большие дела; но тот же человек, напичканный ложными доктринами, зазубренными в школе, нафаршированный схоластическими системами, не сделает ничего путного, разве что забудет все, чему его учили...”.

“Ничто так не способно убить природный, здравый смысл и дать победу ошибочным взглядам, как это схоластические теории, основанные на ложной идее, что война — это положительная наука и все операции могут быть сведены к точным расчетам”.

“Генерал, участвовавший в 12 походах, должен был бы знать, что война — это великая драма, в которой действуют тысячи причин морального или физического порядка, которых нельзя свести к математическим подсчетам...”.

Вместо Жомини и еще гораздо более суровых Клаузевица и Драгомирова наша военная наука преклоняется ныне перед писателями типа генерала Леваля, который, вводя во французскую армию интеллектуализм, низко расшаркивается перед ученостью и жестоко осуждает неученых генералов первой и второй империи <...>

Если интеллектуализм дошел до экзаменов на генерала, но не додумался еще до экзамена на главнокомандующего, то он строит свою Вавилонскую башню в другом направлении. Вавилонская башня — это единая военная доктрина. Таковая действительно существует в Германии, но эта доктрина — в стране, где о ней вовсе не говорят, доктрина не мозгового порядка, а доктрина единства сердец, единодушного отвержения интеллектуализма, единодушного преклонения перед Клаузевицем, единодушного признания решающего значения волевого начала. В таких широких рамках оказываются выброшенными за дверь только шарлатаны, имеющие систему, рецепт на победу, секрет ложной науки в своем кармане; все же добросовестные работники, признающие, что военное искусство есть искусство практическое, где теория может оказать практике посильную, скромную помощь, признающие, что единственной наставницей этой теории должен быть не тянущийся к схоластике мозг человека, а седая, умудренная опытом многих кампаний, военная история, — все такие работники оказываются нисколько не стесненными германской военной доктриной. И поэтому германская военная мысль не имеет своих “изгоев”, “ахеров”, как назывались у евреев

вольномудцы, протестовавшие против единой доктрины кагала, и в то же время германская военная мысль блещет удивительной силой воли, преклонением перед волевым началом, которое отмечает всякий незаинтересованный читатель во всей германской литературе и, особенно, у Бернгарди.

Не так понимает единство военной доктрины интеллектуализм: для интеллектуализма единая доктрина — это венец творения, это будущее, это спасение, на которое он уповает. Доктрина — не только единая метода, единая мозговая дисциплина, единое точное толкование слов; доктрина задается не только тем, чтобы всякая мысль была точно изложена, передана, понята и послушно исполнена — чтобы люди говорили на одном общем языке; доктрина задается большими претензиями. Она хочет вдохновлять и руководить начальниками в бою; единство доктрины стремится ввести единство и гармонию в боевые действия.

Гордая была мысль у людей — построить башню, которая вознесется до неба. Но не было в сердцах их согласия, они перестали понимать друг друга, — и стали бессильными...

Интеллектуализм строит свою Вавилонскую башню, чтобы добиться гармонии действий. Но еще Паскаль подчеркнул, что в мозгу лежит корень расхождения, и кто поручится, если у нас будут одинаковые мысли, одним словом, весь свет сойдется клином на одном профессоре, и у всех будут под рукой его лекции — что действия всех и каждого будут тождественны? Общая страсть, общий порыв, сердца, учащенно бьющиеся при одних и тех же мотивах, могут дать гармонию действий. Но полагаться на мозг человеческий — это строить здание гармонии на песке.

А если в доктрину вкрадутся ошибки, как вкрадывались они до сих пор во все военные системы? Господа интеллектуалисты подходят к концепции профессора стратегии и тактики, также непогрешимого, как римский папа, когда он с кафедры трактует догматы католицизма. Иначе ведь будет единство в заблуждении, со всеми его роковыми последствиями; горе вольномудцу, у которого поднимается рука на скрижали, на которых начертаны заповеди доктрины!

Долговременность заблуждения будет обеспечена, попытки обнаружить истину затруднены до крайности, заблуждение проникает во все правоверные мозги! Интеллектуализм стремится создать догматы, которые убьют свободную мысль <...>

Какой же идеальный офицер, при демократическом буржуазном строе, по мнению интеллектуалистов?

Офицер, “ставший на новый путь”, верит в могущество разума и в науку. Он любит свое отечество, но любовью мозгового порядка, “сознательной и продуманной”; любовью, в которой нет ничего узкоэгоистического, широкой, справедливой, просвещенной, он видит над отечеством все человечество и “понимает свой двойной долг к отечеству и всему человечеству”. Он пацифист, так как дух демократии далек от воинственности. Он любит “малых сих”, идет к ним и живет бок о бок с ними не только материальной, но и духовной жизнью. Он либерален, он отбросил кастовые предрассудки и заменил их духом солидарности. Он знает, что для общества полезнее производить богатства, чем готовиться к убийствам и пожарам — и полон уважения к тем, кто фабрикует богатство, и даже благодарности к ним, т.к. это их золотом оплачивается его жалованье.

Он изучит каждого новобранца, будет беседовать с ним, откроет себе его сердце, заинтересует его и тогда использует годы военной повинности для того, чтобы оздоровить народ, создать для него в армии школу, которая отчасти окупит то зло, которое причиняет цивилизации и обществу содержание постоянных армий. Новый офицер будет “проповедовать крестовый поход против детской смертности, туберкулеза, алкоголя, венерических болезней”, он подчеркнет благодеяния союзов, кооперативов, синдикализма. Большое воспитательное значение имеет хоровое пение — в казармах будут петь, тоже танцы — будут танцевать, будут устраивать театральные представления. Он будет усиленно заботиться о благоденствии солдат. Чтобы солдат работал, надо о нем хлопотать. Нет хлеба, нет и кроликов! Нет супа, нет и солдата! Этих соблазнительных выкриков больше не раздастся во французской казарме, с гордостью замечает майор Эбнер. На военных кухнях во Франции уже водворились дипломированные повара <...>

Не слишком ли много требовать, чтобы офицер выступал наставником в морали, в гражданском, социальном, политическом и даже военном воспитании. Не забывают ли интеллектуалисты, что гражданин является в казарму только чтобы обучиться своему ремеслу защитника родины, что уже теперь его паек много обильнее пайка граждан, что отец солдата работает много больше, находясь в условиях, далеких от полного комфорта. Офицер и себя, и своих солдат должен готовить для действия, для работы в очень суровых условиях, а не переродить в рассуждающих Гамлетиков. Престиж офицера — престиж солдата, а не риторика, человека, который готов биться, а

не говорить. Солдат должен прежде всего создать культ силы, ненавидеть и презирать слабость. Каких комун-кулусов имеют в виду интеллектуалисты? Для молодежи усилие — это жизнь, счастье и радость. Чтобы отличиться в спорте, побить рекорд, молодежь согласна на самый суровый режим. Вспомните слова революционного генерала Клебера: “быть солдатом, это значит не есть, когда голоден, не пить, когда жаждешь, идти, когда смертельно устал, нести раненого товарища, когда сам валишься с ног. Вот чем должен быть солдат”. А интеллектуалисты стремятся нагулять на нем моральный и материальный жирок.

Интеллектуализм, подчеркивая значение материальных благ, привязывает к жизни, не подготавливает к тому, чтобы распрощаться с ней; не самопожертвование, а аппетит развивается их, эгоизм спускается с цепи — подготавливается трусость и предательство. Офицер скрывает от солдата, что он — пушечное мясо, скрывает солдатскую идею долга и тяжелую мысль о жертве, на которую всегда должен быть готов солдат...

Велика и широка гамма прегрешений интеллектуализма против правды военного дела. Интеллектуализм пробивается во все щели, освещает со своей стороны все вопросы. Выдержанных волюнтаристов военная литература романо-славянских народов знает лишь в очень небольшом числе. Кто из нас не приносил жертв в капище интеллектуализма: следы этого преклонения перед техникой, перед наукой, перед прогрессом, перед магазинной винтовкой, перед появившимся переводом положительной философии Огюста Конта песярят почти во всех трудах по военному искусству. В настоящей статье затронута лишь небольшая часть тех опустошений, которые произвел интеллектуализм в генеральских и солдатских сердцах; список их можно было бы растянуть на многие десятки страниц. Но и приведенного достаточно, чтобы показать во весь рост опасности, угрожающие военному искусству от интеллектуализма. Конечно, есть мелкие грехи и крупные преступления — и великая разница между уклонениями хотя бы генералов Левала и Бонналя и майоров Симона и Эбенера. Да не посетуют на нас интеллектуалисты различных толков, часто непримиримых между собой, что автор их соединил на одной скамье подсудимых.

Я предвижу возражение: несмотря на свой интеллектуализм, Франция победила же верную Клаузевицу Германию. Да не благодаря интеллектуализму, а именно несмотря на интеллектуализм, Франция победила. Интеллектуализм не проник во всю толщу французской армии, война обнаружила здоровое, не подгнившее ядро. Но

с более волюнтаристической доктриной французы, вероятно, победили бы не с такими громадными жертвами кровью и материальными средствами, не в четыре года, а в один год. Если же Германия сумела так долго продержаться против всего мира, то именно потому, что была верна Клаузевицу, что волевому началу не только в армии, но в воспитании всей нации было уделено исключительное внимание, что среди ее вождей не оказалось ни Пфулей, ни Лееров, ни Симонов и Эбенеров.

Мне приходилось видеть в театре сцены из “Войны и мира”. Каким анахронизмом представлялись мне фигуры немцев — Вольцогена и других, прогуливавшиеся на подмостках и ломаным языком разводящих накануне битвы типичные интеллектуально-схоластические рассуждения; — теперь эти фигуры говорят самым чистым русским языком, одеты в русскую форму, и наводняя кадры преподавательского персонала, пробивают в умах ответственных военных деятелей России широкую дорогу интеллектуализму. Большинство наших лекторов — это жрецы капища военной науки, интеллектуализма, и лишь изредка встречается единомышленник по взглядам на военную теорию как теорию исключительно военного искусства.

Обидно: и Лев Толстой — русский писатель, и лучший портрет Клаузевица изображает его одетым в русскую форму, и самые сильные впечатления остались у Клаузевица от походов 1812-1814 годов, проделанных на русской службе. Тот общий кризис, который переживает русская интеллигенция, не дает ли нам необходимый толчок, чтобы выбраться из засасывающего болота интеллектуализма?

Военно-педагогический журнал. - 1920. - № 1-2. - С. 45-55.

ИНТЕГРАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Стратегия, оперативное искусство и тактика в современной войне

Четырехлетняя война 1914-1918 гг.

(Общий обзор сухопутных операций)

<...> **М**ировая война являлась неизбежной. Боснийский кризис 1909 г., Мароккский кризис 1911 г., Балканский — 1912 г. являлись этапами приближения к мировой войне. Если с создавшимся в 1914 году кризисом европейской дипломатии справиться не удалось, то в значительной степени это объясняется тем, что после неудач России в войне с Японией в 1904-1905 гг. и последовавшего революционного движения политическая и военная сила России начала в Германии и особенно в Австро-Венгрии недооцениваться; уступки со стороны России Австрии в Боснийском вопросе давали основания австро-венгерским дипломатам, искавшим скорейшей развязки, рассчитывать, что и в 1914 году Россия в последнюю минуту отступит, принесет в жертву Сербию.

Такая низкая оценка боеспособности русской армии к моменту мировой войны была глубоко ошибочна. Благодаря обширным кредитам, полученным военным ведомством, не только были восстановлены все неприкосновенные запасы, израсходованные во время русско-японской войны, но нормы их были значительно расширены — в отношении снарядов в три раза. Выполнение спешных заказов по военному снабжению значительно развило русскую военную промышленность. В мобилизационном отношении были также сделаны большие успехи — кадры усилены, производство учебных и поверочных сборов позволило проконтролировать технику мобилизационного аппарата, железные дороги были вполне подготовлены к предстоявшей им ответственной задаче. Можно утверждать, что,

благодаря всестороннему испытанию русской военной системы в русско-японскую войну, в отношении снабжения и организации русская армия к моменту мировой войны повысила свою боеспособность за последние десять лет, по крайней мере, на 300%. Не меньший прогресс надо отметить и в отношении тактической подготовки войск и в повышении квалификации среднего и низшего командного состава. Наша артиллерия сохранила неудовлетворительную организацию в восьми-орудийных батареях, тяжелая артиллерия находилась еще в процессе создания; однако, в техническом отношении наши батареи ушли далеко вперед от того жалкого уровня, на котором находились в русско-японскую войну, и смело могли выдержать состязание с лучшей в мире артиллерией.

Сознание наступающего кризиса вызвало общее стремление к усилению вооружений. Осенью 1912 г., по инициативе начальника оперативного отделения большого генерального штаба, полковника Людендорфа, был внесен законопроект об усилении германской армии. Однако, начальник генерального штаба, Мольтке, исключил из него требования сформирования заново трех новых армейских корпусов, и закон, принятый 2 июля 1913 г., увеличивал мирный состав армии лишь на 29 тыс. человек, создавая два новых армейских корпуса, преимущественно из излишествовавших против нормальной организации частей других корпусов. Центр тяжести этого “миллиардного закона” лежал в усилении мобилизационных запасов германской армии. Общее внимание привлекла форма покрытия этого чрезвычайного расхода — не посредством займа, а посредством единовременного поимущественного налога, распространявшегося исключительно на состоятельные классы и достигавшего половины годового дохода. На такие жертвы господствующие классы германии могли идти только под непосредственной угрозой войны.

Ответом на германские вооружения явился французский закон 7 августа 1913 г., который вводил во Франции трехлетний срок действительной военной службы вместо двухлетнего. Переход был выполнен в форме призыва на военную службу осенью 1913 г. не одного контингента новобранцев, а двух — 21-летних и 20-летних сразу и, таким образом, был связан с понижением призывного возраста на один год. Вместо нормальных 250 тыс. новобранцев французская армия получила в 1913 году 450 тыс. новобранцев, и, таким образом, кадры к 1914 г. значительно увеличились. Несомненно, такое военное напряжение могло продолжаться во Франции самое короткое время, и принятие этого закона являлось предтечей грозных событий.

Русская армия сосредоточила в период, последовавший за русско-японской войной, все свое внимание на повышении качества, сохраняя прежнюю численность — около 1.225 тыс. человек. Но к осени 1913 года была разработана “большая” военная программа, призыв новобранцев был повышен на 30%. Впрочем, программа была рассчитана на несколько лет, в отличие от быстрых, краткосрочных мероприятий по усилению армии, вводившихся во Франции и Германии, и могла существенно сказаться на усилении русской армии лишь в 1916 г.<...>

Мобилизованные армии достигли в первые месяцы войны следующих размеров:

Германия	2.061.000.
Австро-Венгрия	1.250.000.
Турция	600.000.
	<hr/>
	3.911.000.
Россия	2.712.000.
Франция	1.856.000.
Сербия	350.000.
Англия	320.000.
Бельгия	151.000.
	<hr/>
	5.389.000.

При оценке выставленных с обеих сторон масс надо иметь в виду, что русские азиатские корпуса могли собраться полностью только через два месяца войны; Германия в течение этого срока смогла сформировать заново 5 армейских корпусов и сплотить многочисленные ландверные части. Кроме того, в связи с особенностями русской жизни и менее экономным отношением к человеческому материалу, процент нестроевых в русской армии был значительно выше, и для сопоставления верных цифр бойцов численность русских войск подлежит сокращению, по крайней мере, на 30%. Надо также не терять из виду и превосходство германских войск как в отношении подготовки высшего командного состава и обучения войск, так и по силе артиллерии. Тогда как в России на 32 бтл., входивших в состав армейского корпуса, приходилось только 96 пол. пушек и 8 гаубиц, в Германии на 24 бтл. имелось 108 полевых пушек, 36 легких и 16 тяж. гаубиц; таким образом, русский батальон был обеспечен огнем 3 настильных и 0,25 навесного орудия, а германский — 4,5 настильных и 2,17 навесных орудий. Полуторное превосходство в настильном огне и почти девятикратное в навесном не только позволяло германской пехоте гораздо легче разрешать боевые, особен-

но наступательные задачи, но могущественно влияло на несравненно более экономное расходование кадров пехоты; русская пехота, оплачивая лишними жертвами боевую работу против превосходной артиллерии, должна была несравненно скорее раствориться в массе пополнений, приобрести милиционный характер, чем германская, и превосходство последней, заметное и в начале войны, должно было вскоре приобрести подчеркнутый характер.

Отношения русской пехоты к австрийской, вследствие значительного превосходства русской артиллерии, складывались в обратном отношении, и австрийская пехота, не уступавшая русской в первых боях, вскоре, вследствие громадных потерь австрийцев, значительно разложилась и потеряла боеспособность. Французы не уступали германцам в количестве легкой артиллерии, но имели в 5 раз слабейшую тяжелую артиллерию, и потому в начале войны могли успешно разрешать только оборонительные задачи.

Австро-Венгрия и Германия, связанные тесным политическим союзом, не были связаны, однако, военной конвенцией. Прусский и австрийский генеральные штабы избегали связывать себя какими-либо военными обязательствами. Австрийцам германцы обещали, в неопределенных выражениях, помощь против русских: в случае вторжения австрийцев в русскую Польшу — переход в наступление из пределов Восточной Пруссии на р. Нарев; но германцы стремились сохранить свободу для направления подавляющей массы своих войск против Франции. Австро-Венгрия имела свои цели войны — прежде всего разгром Сербии — и стремилась не связывать себе руки военной конвенцией, чтобы иметь возможность с самого начала войны двинуть 40% своих войск против сербов, в расчете на медленность русской мобилизации и сосредоточения и на возможность в несколько дней нанести решительный удар Сербии и своевременно перебросить освободившиеся части в Галицию. Кроме того, австро-венгерское командование очень ревниво относилось к сохранению своей полной самостоятельности, а чем теснее было бы военное соглашение с Германией, тем более оно являлось бы подчинением австро-венгерского верховного командования германскому. Таким образом, до осени 1916 года, когда австро-венгерская армия почти совершенно утратила боеспособность, перед Соглашением не было объединенного противника, а были отдельные вооруженные силы Германии и Австро-Венгрии, не объединенные командованием, преследующие каждая свои цели, иногда согласующие свои операции друг

с другом, а иногда и преподносящие их союзнику как сюрприз (весна 1916 г. — атака Вердена германцами и наступление австрийцев из Тироля).

Франция и Россия, разделенные пространством, до войны совершенно не испытывали той угрозы, которую могло бы вызвать для самостоятельности командования более тесное военное соглашение, установленное между этими странами. Военная конвенция имела тем большее значение, что она была установлена за 7 лет до установления формального франко-русского союза. Военная конвенция представляла для России то значение, что она открывала широкую возможность размещения на французском рынке русских государственных займов для обеспечения планомерной подготовки к войне, главным образом для усиления русской железнодорожной сети с целью ускорения русского развертывания на германской границе. Франция же видела в военной конвенции обеспечение перехода русскими войсками германской границы до момента решительного кризиса на французском фронте. Франция была обязана выставить против Германии от 1.200.000 до 1.300.000 человек в течение 14 дней (в 1913 г. количество французских войск было обещано довести до 1.500.000). Россия брала на себя обязательства выставить против Германии от 700 до 800 тыс. человек в течение 28 дней. Французы были заинтересованы не в дальнейшем увеличении русского контингента, а в ускорении перехода русских в наступление. В соответствии с ожидаемым началом генерального сражения на французской границе к 14-ому дню мобилизации и с наступлением решительного момента не позже 18-ого дня мобилизации, французы были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы наступление русских в пределы Восточной Пруссии началось не позже 15-ого дня мобилизации. Россия в 1911 г. взяла на себя обязательство перейти границу не позже 20-ого дня мобилизации, а в 1913 году — закончить сосредоточение, в существенных чертах, на 15-й день мобилизации и на 16-й день перейти в наступление. Принимая, однако, во внимание, что фронт развертывания русских армий отстоял от германской границы в 3-4 переходах, действительного выигрыша здесь не было, дело ограничивалось скорее игрой слов. В конце 1914 г., с введением в действие нового мобилизационного расписания, мы получили бы действительный выигрыш в сосредоточении в два дня. В общем, надо признать, что Франция достигла цели, которую она ставила, заключая военную конвенцию и открывая России кредиты: 1 августа было первым днем германской мобилизации, а 17 августа армия Ренненкампафа перешла с боем у Сталюпенена границу, 19-20 августа вы-

ступила в большое сражение у Гумбинена; в этот момент и армия Самсонова уже вторглась с юга в Восточную Пруссию. Таким образом, русское наступление последовало до начала большого пограничного сражения на западном фронте (20-27 августа) и вызвало переброску двух корпусов и 1 кав. дивизии на усиление германской армии на русском фронте, присутствие которых безусловно бы позволило немцам преодолеть кризис в сражении на Марне (5-9 сентября).

Но нельзя не отметить, что русское верховное командование, пропитанное духом военной конвенции, во всех случаях выдвигало на первый план интересы коалиции, а не интересы России и русской армии. Этим оно позволило, в окончательном счете, англо-французам разгромить Германию, но вызвало крушение русской армии, что вызвало кризис, угрожавший катастрофой и для Франции. С переносом главных усилий германцев на русский фронт (1915 г.) русское верховное командование постепенно утрачивает свою самостоятельность, и русская армия постепенно оказывается в подчиненном положении по отношению к западным союзникам <...>

Инициатива находилась в руках Германии, которая занимала центральное положение и имела возможность сосредоточить центр тяжести своих усилий или на французском, или русском фронте, в зависимости от чего находились действия французов и русских.

Старый Мольтке не считал возможным покончить коротким ударом, по-наполеоновски, ни с Францией, ни с Россией и, в общем, комбинировал войну в том же стиле, как Фридрих Великий — Семилетнюю: наступление германцев должно было преследовать не решительные, а ограниченные цели. Если перед гигантскими трудностями задачи решительного вторжения в Россию, с целью захвата ее жизненных центров, после катастрофы, постигшей французов в 1812 году, отступала полководческая мысль в течение всего XIX и XX века, то задача нанести серьезный удар, отрезать “Царство Польское” с находившимися в нем крепостями и войсками до окончания русского сосредоточения, представлялась чрезвычайно благодарной и легко осуществимой при совместном наступлении германцев из Восточной Пруссии и австрийцев — из Галиции. На достижении этого серьезного и верного, хотя и ограниченного, успеха и базировался план Мольтке в промежуток между Берлинским конгрессом и заключением военной конвенции между Францией и Россией (1879-1893 гг.).

Только половина германских сил должна была оставаться против Франции и, опираясь на сильную фортификационную подготовку в Лотарингии (Мец), Эльзасе (Страсбург) и на Рейне, задерживать французов.

Начальник прусского генерального штаба, граф Шлиффен (1891-1905 гг.), через три года после своего вступления в должность в корне изменил план войны Германии. Он боялся затяжной войны и видел главный шанс победы Германии в том случае, если ей удастся сразу достигнуть решительного результата, по крайней мере на одном из своих фронтов. Главным противником Германии Шлиффену рисовалась не Россия, а Франция, с ее неутомимой жадной реванша и лихорадочной погоней за усилением армии. Развитие промышленности Германии (Рурский и Саарский бассейны) также заставляло уделять западному фронту Германии доминирующее значение. Граф Шлиффен пришел к решению — собрать возможно большие силы в начале войны против Франции, нанести ей решительный удар, а против России ограничиться выделением ничтожного заслона, который после демонстративных действий должен отойти за Вислу. Восточную Пруссию граф Шлиффен приносил в жертву русскому вторжению даже в эпоху русско-японской войны и русской революции, когда силы русской армии были настолько ослаблены, что задачи обороны Восточной Пруссии были легко разрешимы весьма скромными силами.

На французском фронте мысль Шлиффена сосредоточилась на обходе через Бельгию линии французских крепостей, возведенных на Эльзас-Лотарингской границе. Примерно до 1901 года граф Шлиффен ограничивал обходное движение через Бельгию районом Бельгийского Люксембурга; правый фланг немецкой армии должен был проследовать только через небольшой выступ бельгийской территории между Люксембургом и Францией в общем направлении на Седан. Этот план был хорошо известен Бельгии и Франции, и в соответствии с ним было соображено стратегическое развертывание их армий. Между тем, граф Шлиффен, углубляя свою мысль, пришел к сознанию, что такой обход будет недостаточно глубок и связан с опасностью, что неприятель с фронта Мобеж-Шарле-руа-Номюр-Льеж ударит во фланг и тыл обходящих немецких армий. Поэтому уже свыше чем за 10 лет до начала мировой войны германский генеральный штаб принял твердое решение — расширить район своего обходного движения на 175 километров к западу, направляя правый фланг уже не на Седан, а на Лиль. Почти все германские силы должны были двинуться в Бельгию. Мец являлся почти левым флангом

германского развертывания. Против французской границы должна была оставаться только одна слабая армия. Этот окончательный план Шлиффена, включавший в район германского обхода Брюссель и почти всю территорию Бельгии, уже, разумеется, существенно задевал интересы Бельгии, но, при известных меркантильных склонностях бельгийского короля Леопольда II, граф Шлиффен не терял надежды путем угроз, с одной стороны, и щедрых подачек, с другой — добиться того, что Бельгия ограничится платоническим протестом против нарушения ее нейтралитета и не окажет вооруженного сопротивления германским войскам.

План, который престарелый племянник великого Мольтке, Мольтке-младший, проводил в жизнь в 1914 году, и к которому приложил свою руку Людендорф, отличался от плана графа Шлиффена своей половинчатостью. Шлиффен, становясь на точку зрения наполеоновской стратегии, все приносил в жертву для того, чтобы сосредоточить на обходящем правом фланге германцев решительный перевес сил. Чтобы сокрушить Францию одним ударом, в район обходящего движения германцев должен был попасть и Париж. Чтобы добиться этой грандиозной цели, нужно было отказаться от всех других задач. Уголь Саарского бассейна, богатые области Эльзаса и Лотарингии, территория Восточной Пруссии, имеющая столь важное значение для прокормления Германии во время войны, — все это было чрезвычайно важно с точки зрения стратегии измора, борьбы за выдержку, и все это было ничтожно, если бы удалось в 40 дней раздавить Францию и принудить ее к миру. Шлиффен отказывался от защиты этих интересов, а Мольтке-младший и Людендорф стремились и осуществить план Шлиффена, и уберечь каждую пядь германской земли от неприятельского вторжения. Они являлись в одно и то же время представителями идеи стратегии сокрушения и стратегии измора, несовместимых по самой природе своей; чтобы обеспечить Лотарингию от французского вторжения, в ней пришлось оставить три лишних корпуса и два корпуса пришлось перебросить в Восточную Пруссию из числа вступивших уже в Бельгию войск. Правое крыло немцев, от силы которого зависел весь успех наступления, было ослаблено на 5 корпусов. Наличие их, без сомнения, изменила бы ход мировой истории — есть основания предполагать, что мир мог быть заключен французами уже в сентябре 1914 года.

Французы сгруппировали почти все свои силы на тесном пространстве (145 километров) между Бельгийской границей и Вогезами. Из 5 армий — 4 находились в первой линии, а одна — в резерве за центром, между р.р. Маасом и Марной. Для действий в Эльзасе

было предназначено правое крыло 1-ой армии, в составе 9 дивизий, которые, однако, вскоре растаяли, когда наступил кризис на бельгийском и лотарингском участках фронта. Развертывание французских армий с трудом может выдержать даже снисходительную критику. Фронт был очень тесен, особенно принимая во внимание нагромождение на нем с обеих сторон долговременных укреплений; резерв был расположен не за угрожаемым крылом, а в районе, откуда переброска его по различным направлениям представляла большие трудности. Очевидно, французы находились под влиянием представлений о протяжении фронта в бою и длительности боевых столкновений, отвечавших масштабу 1870 года, но решительно устаревших в XX веке, и имели в виду переход в наступление половиной своих сил на 80-километровом фронте между крепостью Мец и Вогезами. Последний маневр не обещал никакого успеха; оба фланга французского наступления подставлялись под удары немцев, и чем далее углублялась эта часть французских армий в Лотарингию, тем сомнительнее становилось их положение и тем труднее было бы за их счет выделить поддержку на север против обходного движения немцев через Бельгию. Стратегическая мысль, легшая в основу французского развертывания, отстала от требований времени по крайней мере на полстолетия. Борьба с германским обходным движением через Бельгию началась посредством прорыва французского левого крыла в Люксембург, что грозило перерезать сообщения обходящих армий с Германией. Основная задача, рисовавшаяся французскому командованию, заключалась в том, чтобы выдержать первый натиск главной массы германских войск, имея в виду, что в течение ближайших же недель должен был сказаться натиск русских войск на восточный фронт Германии, в связи с которым Германия должна была ослабить свои силы на французском театре переброской их на восток.

Перед Россией стратегическая обстановка ставила трудную проблему. Главную массу живой силы неприятеля на русском фронте образовали австрийцы, и русский удар, чтобы не быть направленным впустую, должен был нацеливаться преимущественно на австрийский фронт. Но так как Германия, конечно, являлась менее восприимчивой к тяжелому положению армий своего союзника, чем к вторжению русских войск непосредственно в ее пределы, то для разгрузки французского фронта русские, согласно военной конвенции, обязаны были, одновременно с наступлением против Австрии, наступать и на германском фронте. В связи с возможностью направления главного удара Германии не на французский фронт, а на рус-

ский, план войны русского генерального штаба предусматривал два варианта: Г, в случае обнаружения сосредоточения крупных сил германцев в Восточной Пруссии, и А, когда главным врагом являлась Австрия. По плану Г против Германии направлялось 672 бтл., а против Австрии — 552 бтл.; по плану А — против Германии — 480 бтл., против Австрии — 744 бтл. Принят был к выполнению план А, так как нарушение нейтралитета Бельгии ясно обнаружило направление главных сил Германии на французский фронт <...>

Мировая война изучена пока лишь по внешности. Нам известна лишь хронологическая последовательность, геометрическая проекция наступлений и отходов на географическую карту, отчасти — мотивы, которыми руководились ответственные начальники и, очень неполно, статистические данные. Мы наблюдаем резкое изменение стратегических и тактических форм боевых действий в течение войны, но делаем еще только первые шаги, чтобы осмыслить гигантские уроки войны. Мы должны подчеркнуть, что в основе планов почти всех полководцев мировой войны лежала наполеоновская идеология — сокрушить врага с помощью одного решительного толчка, в который вкладываются все усилия — и нигде эта стратегия не имела успеха. Не удивительно ли, что даже Сербия, стертая с карты Европы к началу зимы 1915 года, продолжала оставаться опасным врагом Австро-Венгрии, комплектуя остатки своей армии за счет австрийских пленных, и в сентябре 1918 года, прорывом болгарского фронта сербскими дивизиями, открыла решительную брешь в расположении центральных держав?

Мировая война являлась, прежде всего, испытанием государственной прочности — ни германская, ни австро-венгерская, ни турецкая, ни болгарская армии не получили смертельного удара в лицо, а закончили свое существование разложением, пришедшим с тыла. Это была первая большая упорная война, в которой у всех противников армии комплектовались по общей воинской повинности. (В Англии — с 17 апреля 1916 года, в Соединенных Штатах — с 29 апреля 1917 года.). Воинская повинность позволяла быстро пополнять немислимые раньше потери в боях, но установила самую тесную зависимость боеспособности войск от настроения тыла. Отсюда, значение тыла во время войны возросло в сильнейшей степени. Потребленное армиями во время войны снабжение приблизилось к половине общей ценности всего национального капитала; разумеется, эти огромные запасы снабжения не могли быть заготовлены в мир-

ное время — оружие для войны ныне преимущественно изготавливается во время самой войны. Тылом армии становится все государство, средствами ведения войны становится все национальное богатство, заключающееся в материальных ценностях, в крови мужчин, в рабочей силе женщин, подростков, стариков.

Отсюда, неприятелем во время мировой войны являются не только комбатанты, которых выставляет враждебное государство, как это утверждал три века назад Гуго Гроций, а весь враждебный народ в целом. Голодная блокада Германии, которую установила Англия, — оружие, направленное против женщин и детей, — явилось существенным методом борьбы. Захват нефтяных и угольных бассейнов, промышленных районов, хлебородных провинций, подрывающий экономические возможности неприятеля, выдвигается как одна из важнейших целей войны.

Борьба шла на срок — кто дольше выдержит. Жоффр отчасти разгадал этот секрет, дав Франции после Марны почти двухлетний отдых. Китченер еще яснее и раньше усмотрел характер затяжной войны. Но Жоффр поостерегся поделиться с нами своим секретом. События на французском фронте освещались обманчивым светом. О схватках за лачугу паромщика (*maison du passeur*) французские официальные сообщения разглагольствовали, как о больших сражениях. Только русское правительство, только русское командование не вело борьбы на выдержку, а в угоду представителям Антанты выжимало последние силы из русской армии.

Важнейшая задача руководящего политика и полководца в начале войны — разгадать характер будущей войны и соответственно сообразовать программу внешней и внутренней политики и стратегии. Лозунги “в Берлин” или “в Вену”, относительно которых спорили русские генералы, оба шли в разрез с реальными условиями мировой войны. Оккупация Восточной Пруссии и Галиции — методы пограничной войны XVIII века — были бы много уместнее.

Сосредоточение вначале главных сил Германии на французском фронте возложило на Россию задачу наступления в Германию. Трудности этой задачи ускользают от поверхностного историка войны. Успешное стратегическое наступление является результатом лишь здоровой наступательной политики, предпосылкой же здоровья последней является общее историческое наступление — нации, капитала, класса, революции. Россия уже свыше столетия перешла к исторической обороне на своей западной границе. Относительно мы являлись политически подготовленными к наступлению против умиравшей Австро-Венгрии. Но ни идейно, ни материально мы не

были подготовлены к нанесению решительного удара Германии. Наша дорожная сеть, наша дислокация, наша артиллерия, не приспособленная к атаке крепостей, наша инженерная подготовка — все было основано на идее обороны, и все это дало себя решительно знать в катастрофе, постигшей армию Самсонова.

Исторически к наступлению на Германию была подготовлена лишь Англия: она и создала враждебную для Германии группировку держав, а в 1914 году смогла организовать и переход от политического к военному наступлению.

Германия поставила себе задачу сокрушения одним ударом Франции, но не сумела ни сформировать достаточной для этого вооруженной силы, ни осуществить с наполеоновской энергией план Шлиффена. В течение войны она не сумела вернуться к нему до 1918 года. Фалькенгайн переходил к стратегии измора, Людендорф еще в 1918 году носился с идеей сокрушения не стоявшей ему на пути России.

Змеиная мудрость французской стратегии и Англии, “мыслящей материками”, при русской доверчивости, позволяли Франции и Англии выйти победителями. Но Версальский мир — только момент длительного исторического процесса <...>

Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Седьмое издание. Первый и второй выпуски 46-го тома. Четырехлетняя война 1914-1918 гг. А.Свечин. Общий обзор сухопутных операций. - С. 3-15; 136-139.

Мировая война

Красная армия должна быть моложе ее вероятных противников и ориентироваться преимущественно на более ранние моменты мировой войны, чем они..

12 лет прошло с начала мировой войны, и нет еще полных 8 лет с момента ее прекращения. Историческая перспектива еще недостаточна, чтобы правильно разобраться в ее сложных явлениях и дать им верную расценку; между тем, наше внимание к ней значительно ослабело; мы удовлетворяемся первоначальными набросками, мемуарной литературой, мы не извлекаем для подготовки Красной армии всех тех драгоценных данных, которые заключаются в опыте этой отошедшей в прошлое войны.

Петровская регулярная армия сложилась в Великой Северной войне и, после двухсотлетнего существования, скончалась в мировой войне. Какая огромная разница между этими двумя эпохами. При Петре Великом Европа раздиралась одновременно между двумя огромными войнами: центр и запад Европы полтора десятка лет сражался за “испанское наследство”; Англия, Голландия, Австрия, Пруссия стремились уничтожить могущество Франции — Людовика XIV; восток Европы — Россия, Польша, Дания — два десятка лет сражался против Швеции — Карла XII и отчасти против Турции. Французские армии достигали Баварии, а шведская — Саксонии; театры военных действий на востоке и западе Европы почти соприкасались — и все же это были две отдельные европейские войны. Мыслимо ли это в XX веке, когда империалистическая политика так тесно спутала в один клубок интересы всех государств земного шара? Конечно же, нет: мировая война должна была быть единой и втягивать в свой водоворот все большее количество государств.

Петровская армия сложилась в великой Северной войне; Нарвский разгром, спешное бегство из-под Гродно являлись только этапами роста ее мощи. И та же армия развалилась в мировой войне. Как не вовремя говорили плац-парадные строевики XVIII столетия о том, что война портит войска, подрывая в них уважение к мелким требованиям порядка и строя. Насколько справедливее было бы повторить это замечание в нашу эпоху, когда потери, наносимые усовершенствованными средствами истребления, настолько повысились, что хорошо подготовленные кадры мирного времени быстро тают и замещаются наскоро подготовленным вооруженным народом.

Тактика в период мировой войны эволюционировала чрезвычайно быстро. Мне, однако, представляется, что было бы большой ошибкой смотреть на линию ее развития как на одно непрерывное движение к совершенству. Войска, разумеется, приспособлялись к новому оружию — к массовому автоматическому огню пулеметов, к возросшему до миллионов количеству артиллерийских снарядов, к газам, к танкам, к позиционным методам борьбы.

Но они одновременно приспособились и к более слабому обучению и, в особенности, более слабому военному воспитанию вновь призванных масс, вливавшихся во все армии; войска приспособились к оперативному равновесию, водворившемуся на главных фронтах, к возможности одержать только скромные, ограниченные успехи, к неизбежности топтания на одном месте. Тактика приспособилась к гибели миллионов отважных, дисциплинированных бой-

цов; раны на телах других представителей поколения мировой войны напоминали об осторожности; сорокалетние вновь призванные бойцы, порой тщедушные, корявые, одержимые многими болезнями, которых нормальные приемочные комиссии по воинской повинности забраковали бы без разговоров, — требовали от тактики конца мировой войны, чтобы она учла оставленные ими на родине семьи, учла бы их физическую слабость, отсутствие задора, их большую склонность выполнять очень сложные подготовительные работы и их таланты — срывать только вполне спелые плоды.

Уставы и организация всех современных европейских армий представляют вариации к тактике конца мировой войны. Таким образом, вопрос о том, хороши или плохи были организация и тактика армий конца мировой войны, имеет далеко не только академический интерес.

Одна ли только русская армия была близка к развалу в конце мировой войны? Конечно, нет: германская армия, после колоссальных усилий, также закончила свое существование катастрофой; французская армия держалась почти чудом и развивала лишь все более слабующий натиск; английская армия с конца 1917 г. также шла уже под уклон. Решение мировой войне дала американская армия. Важнейшее значение имел не миллион новых бойцов, а их свежесть; американские дивизии, спешно вступившие в бой, не успели, к счастью Антанты, изучить все хитрости французской тактики. Американцы в 1918 году во многих отношениях дрались так, как другие дрались в первый год мировой войны. Людендорф относился с пренебрежением к отсталым методам американской тактики, к их слишком густому наступлению, к отсутствию у них четырехлетнего боевого стажа; однако осенью 1918 года успехи американцев были существеннее, чем успехи многоопытных французов.

А попытки интервенции армий Антанты в 1918 и 1919 годах, закончившиеся тем, что Красная армия использовала для себя их богатые склады обмундирования, вооружения и прочего, не говорят ли они о том же — что современная четырехлетняя война является такой школой, которая не столько развивает, как обескровливает ученика.

Экономический развал, оскудение у победителя — Франции — очевидны для всех. Но в военном отношении Франция для очень многих еще представляется идеальным образцом. Военные авторитеты, после капитуляции Германии, переместились на жительство по ту сторону Рейна. Польша, Чехо-Словакия, Юго-Славия непосредственно вскармливаются французской военной мыслью; уставы десят-

ков других государств щедро делают у нее заимствования. Парижские моды расширили свое содержание, и французский военный журнал стал модным военным журналом.

Легок путь подражания, но часто он приводит к крупным разочарованиям. Будущая война не явится продолжением мировой войны. Она будет иметь свое начало, она будет вестись другим поколением, за другие лозунги, во имя интересов, отличных от того национально-шовинизма, который с такой яркостью запечатлелся в мировой войне. Между тем, многие армии готовятся так, как будто будущая война начинается с конца — мобилизованной в тылу промышленностью, с вялыми массами на фронте, с богатейшим транспортом в тылу застывшего неподвижного фронта.

Для Советского Союза путь подражания неприемлем. Наши условия слишком своеобразны. Что для буржуазного государства здорово, то может принести смерть пролетарскому, и наоборот. Мы располагаем совершенно другими массами и совершенно отличной техникой. Совершенно ясно, что мы нуждаемся в оригинальном, творческом строительстве. Мы вышли уже из тех пеленок, когда можно было рассуждать о том, что можно нанять опытного специалиста, который покажет верный путь. Извозчики имеются, но географию все же самим учить надо.

Чтобы идти оригинальным путем, чтобы перестать подражать соседям, недостаточно одного доброго желания; надо уметь смотреть на действительность не через чужие очки; надо базировать свою военную мысль непосредственно на историческую действительность, а не на преломление этой действительности во взглядах чуждой армии. Изучение мировой войны представляется нам особенно важным для Красной армии, так как только оно может явиться предпосылкой для самостоятельного творчества в военном искусстве. Работа над гражданской войной не может возместить пробелов в изучении мировой войны; да, по правде сказать, Красная армия в гражданской войне работала много лучше, чем ее историки справляются со своей задачей. Нужны огромная подготовка и глубокие знания в истории и военном искусстве, чтобы стать хотя бы сносным историком гражданской войны, возвыситься от компиляции архивных материалов до научной оценки ее сложных явлений. Ведь даже гражданская война в Соединенных Штатах, имевшая место свыше 60 лет тому назад, породившая огромную литературу, не имеет до сих пор сносной истории ...

Любое направление в военном искусстве, которое изберет Красная армия, явится тем или иным толкованием опыта мировой войны.

Мировая война дает основную массу того конкретного материала, которым еще долгое время преимущественно будет питаться военная мысль.

Различные периоды мировой войны имеют свои характерные оттенки. Энергичное маневрирование, полевые бои, связанные с огромными потерями, знаменуют первые ее месяцы. Большое совершенство в позиционных работах, бесконечно разросшаяся артиллерия типичны для ее конца. Германия капитулировала в тот момент, когда у нее почти не стало пригодных пехотных бойцов и когда ее склады оказались загруженными десятками тысяч новых пушек и гаубиц, а производство снарядов выросло до такой степени, что вагонами со снарядами можно было перегородить Европу вдоль и поперек... Сейчас на западе, пожалуй, можно найти армии, как раз подготовленные для конца войны. Но в какой степени их надлежит биться?

Основная линия эволюции мировой войны — от маневренности к позиционности, от ставки на живую силу к ставке на технику — представляет только повторение эволюции, имевшей место и ранее в длительных войнах, когда силы сторон уравнивались. И Семилетняя война была начата в поле с 1-2 пушками на 1000 штыков, а закончилась в укрепленных лагерях с артиллерией, выросшей до 7 пушек на 1000 штыков. Велик, разумеется, принцип маскировки, но такое военно-учебное заведение, как высшая школа маскировки, должно было возникнуть не перед, а после большой войны.

Мировая война имела свой восход, расцвет и закат. Изучать ее опыт — вовсе не значит проникнуться ее последними, закатными тенденциями, духовно поседеть, пронизать военное искусство погребальными мотивами. А последние слышатся во многих современных работах, и даже автор этих строк получил (заслуженный или нет) упрек в них за его “Стратегию”.

Изучить опыт мировой войны — это значит представить себе различные решения всех вопросов военного искусства в различные моменты мировой войны, при различных отношениях между массой и техникой. Правильное решение в одном случае — являлось гибельным в другом. Одна из крупнейших ошибок Людендорфа заключалась в том, что он попытался конец мировой войны сделать похожим на начало; массы, воспитанные уже в позиционной войне, для нее организованные и для нее же снабженные, он пожелал бросить в маневренные операции. Его дивизии имели слишком мало бойцов с ружьем в руках, его артиллерия нуждалась в узкоколейках для подвоза снарядов, его армии требовали соприкосновения плечом

к плечу, окопы и проволока на фронте вырастали сами собой, а полководческая мысль стремилась к свободным маневренным комбинациям. Германские армии Людендорфа могли бить англичан и французов весной 1918 года, но были бессильны покончить с позиционным фронтом, так как он сидел в них самих.

Мы должны пользоваться юбилейными днями мировой войны, чтобы привлекать внимание Красной армии к необходимости изучать ее опыт. А самостоятельное изучение последнего нам необходимо, чтобы из чужих рук не проникнуться тенденциями ее последних минут, чтобы, готовясь к маневренной борьбе, не завалить себя слишком грузным позиционным балластом, чтобы принять такую организацию, которая позволит шагать необходимым оперативным шагом, а не ползти по какому-то количеству метров в день.

Красная звезда. - 1926. - № 173 . - 30 июля.

Вторая часть мировой войны

“Драма, исполненная ужаса и страстей” — так определял Жомини войну. Как же слагается композиция этой драмы?

В давние времена история, как драматург войны, придерживалась классического представления об единстве времени, места и действия. Противнику посылался вызов: маркграф Альбрехт Ахилл в 1450 г. писал городу Нюрнбергу, что 11 марта он явится ловить рыбу в Пиленрейтские садки и с насмешкой просил горожан придти помочь ему. Горожане, в составе 500 конных и 4000 пеших, были в назначенный час у рандеву в Пиленрейте, и в полчаса все было покончено.

Затем дело осложнилось. Единство действий, объединенных одной идеей места и времени, можно наблюдать теперь только в отдельных сценах, которые на подмостках театра зовутся явлением, а на арене войны — операцией. Несколько операций, объединенных временем и местом, образуют кампанию. Совокупность кампаний в течение четырех времен года называется походом. Поход — это действие, акт.

Было бы ошибочно думать, что из одного, двух или нескольких походов и слагается целое — драма войны. Из одного или нескольких походов создается только одна из частей этой драмы.

Война состоит из пролога и двух частей. В прологе — в течение подготовки, пушки молчат, но стучат машины, выделяющие сна-

ряжение; дипломатия с особой тщательностью подготавливает группировку действующих лиц к началу действия; происходит репетиция в виде маневров, военных игр, полевых поездок и пр., а мобилизационная работа неустанно минирует все основы государства, его хозяйство, его транспорт, его рабочую силу и финансовую организацию.

Взрыв минированного мобилизацией общества знаменует поднятие занавеса, начало первой части войны. Перед лицом каждой стороны оказывается противник, в виде враждебного правительства и враждебной военной организации, приготовленной им.

Текут операции, слагаются кампании, нарастают походы — и все в такой пропорции, которая наконец оказывается достаточной, чтобы низвергнуть враждебное правительство и уничтожить или рассеять вооруженную силу, на которую оно опиралось.

Где же остается материал для продолжения войны? Из чего может сложиться целая новая часть? — спросит читатель.

Но ведь на арене остается победитель с длинным счетом за военные издержки, за пролитую кровь, с прибавкой процентов за риск и успех всего предприятия. Те, с которыми была начата война, являются политическими покойниками. Нечего и думать, что с Вильгельма II, пишущего в голландской вилле мемуары, можно было бы взыскать репарации. Счет предъявляется по месту жительства, всему населению, рабочим и крестьянам побежденного в первой части войны государства.

Только сила оружия заставляет оплачивать политические счета. Победивши монархов и министров, нужно победить затем весь народ, покорить своей воле, наложить на него цепи, обратить в илотов. Это дает весьма обильное содержание второй части войны. Первая должна уничтожить военную силу врага, вторая превратить его в данника. Только умеренность победителя могла бы сделать вторую часть войны излишней.

Но он не может быть умерен: “как может быть умеренным государство, которое, затрачивая огромные средства, преследует огромные цели, каждое дыхание которого есть насилие; быть умеренным для него так же неразумно, как проспать момент” (Клаузевиц).

Принципиальное деление войны на две части, конечно, нельзя отрицать, опираясь на то, что не всегда война проходит все ступени. Если только второстепенные интересы вдохновляют актеров на арене, то наступает общая усталость, и занавес мира набрасывает по-

кров на борьбу, продолжающуюся вестись, но временно другими средствами. Авантюра, как мексиканская экспедиция Наполеона III, или проба сил, как австро-прусская война 1866 г., являются только отрывочными эпизодами, а не цельной драмой войны. Такими же “куцыми” были кабинетные войны XVII и XVIII столетий, а также новейшие войны, оканчивающиеся без сокрушения одной из сторон (русско-японская).

Для второй части войны характерно резкое различие в моральной позиции сторон: с одной стороны — идея покорения, завоевания, стремление сделать выгодную аферу, в лучшем случае — миссия пристава, явившегося получить по долгу, с другой стороны — энтузиазм отчаяния, решимость умереть или жить “свободным”. Здесь стороны находятся далеко не в таком морально уравновешенном состоянии, как в первой части войны.

Есть войны, которые начинаются прямо со второй части, с покорения. Правительства нет или оно ничтожно, и организованная военная сила немногого стоит; в бесхозную страну является завоеватель, рассчитывающий на легкую добычу, и неожиданно оказывается лицом к лицу с народной войной, требующей огромных усилий и жертв. Двадцать пять лет сопротивлялся Алжир богатой и организованной Франции, пятьдесят лет императорская Россия, в апогее своего могущества, вынуждена была затратить, чтобы овладеть, хотя бы условно, жалкими саклями аулов Кавказа. Полиция и дипломатия Наполеона смогли устранить печальный образ испанского короля и без боя удалить его армию, но все могущество Наполеона оказалось бессильным покорить испанский народ.

К крестьянке являются французские мародеры и требуют есть. Так как для французов испанцы не скупаются на мышьяк, то солдаты предупреждают, что вместе с ними будут есть ее дети. Через час мать с чувством исполненного долга смотрит, как в смертельных судорогах на полу корчатся чужеземцы и ее детишки. Таков был дух борьбы в Испании в 1808-12 гг. Надо признаться, что у французов особый талант вызывать самые огромные народные движения в оккупированных ими странах.

Войны французской революции имеют также совершенно особый характер: они вывернуты наизнанку и начинаются сразу со второй части; французский король хочет брать под опеку врагов Франции, французская армия в полном развале, большая часть офицеров дезертировала к врагам. Перед немецким главнокомандующим — только народ, почти безоружный, который надо покорить и образумить, народ, к тому же раздираемый жестокой внутренней борьбой;

война рисуется, как увеселительная прогулка в Париж и неожиданно получает совершенно другие очертания: народные массы ошетинились, выгнали завоевателей, и сами бурным потоком разлились по Европе; первая часть последовала после второй.

В 1812 г., находясь в Москве, Наполеон ясно почувствовал, как сменились исторические декорации и началась вторая часть войны. В Москве Наполеон не нашел, кому он, как победитель, может предъявить свой счет. Правда, русское правительство не было низвергнуто, но оно находилось в стороне, в Петербурге; в сторонку отошла пополняться и русская армия. А кругом зашипело осиное гнездо, создавалась новая моральная атмосфера, выступили новые люди.

Березина, — эти повозки с награбленным серебром и мехами, около которых голодные, обезумевшие от ужаса люди поедают дохнувших лошадей; трупы замерзших, заносимых снегом; зовущий к вечному покою зимний ландшафт, и агония охваченной паникой армии ветеранов, — это, несомненно, сильная иллюстрация ко второй части войны.

1870 год дает довольно цельное представление о войне. Мец и Седан покончили с империей Наполеона III и не оставили наследовавшей ей республике никаких кадров для организации армии. Все, кто в мирное время готовился к войне, попали в плен к немцам. Но война не кончилась, так как новому французскому правительству был предъявлен счет, содержащий требование Эльзаса, Лотарингии и очень крупной денежной контрибуции. Чтобы взыскать с французов по этому счету, пришлось вести новую войну, уже против народа. Если полмиллиона немцев справились в течение одного месяца, и очень легко, с императорской армией, — то победа над народной армией, и то не полная, потребовала пятимесячных усилий целого миллиона немецких солдат.

История бесспорно свидетельствует, что если перед нами не мумия — не труп, сохраняющийся от разложения посредством хитрой политической аптеки, — а жизнеспособная нация, то действительное покорение ее представляет почти невыполнимую задачу, трудность которой несравнима с борьбой с регулярными армиями. Бисмарк очень хорошо знал, что такое вторая мировая война, борьба с народом, каковы трудности реализации политических векселей — отсюда сравнительная умеренность его политической программы войны сравнительно с требованиями военного командования и решитель-

ное расхождение с ним в оценке обстановки во вторую половину войны. До известной степени с трудностями оккупации и непосредственного выкачивания из населения “репараций” познакомились и немцы на Украине осенью 1918 г. Но это были только первые искры пожара.

Крупнейшим авторитетом в этом вопросе является Клаузевиц, годы активной деятельности которого протекали в обстановке оккупации французами Германии. Если мы попробуем сравнить соотношение сил Пруссии, побежденной Наполеоном, и современной Германии, побежденной Фошем, то должны будем безусловно согласиться, что Клаузевицу приходилось действовать и мыслить в более трудных для сопротивления условиях, чем его правнукам. Идея германского единства тогда гнездилась только в головах буржуазии, и то далеко не во всех; Наполеон мог еще наложить цензурный запрет на самое слово “Германия”, поставленное на обложке труда г-жи Сталь. Для Фоша борьба с этим понятием уже невозможна — истекшее столетие значительно углубило его в ущерб центробежным представлениям — Южной Германии, Баварии, Рейнского союза.

Фош не может опираться на ту огромную центробежную силу, которую в руках Наполеона представляли германские государи и государики с их эгоистическими противоречивыми интересами. Если отношение численности французов и немцев за истекшее столетие изменилось больше чем в два раза в пользу Германии, то выигрыш немцев при сопоставлении завоеваний в отношении политической сознательности, культуры, развития путей сообщения, земледелия, промышленности, наук — еще больший. В эпоху Клаузевица состоятельные классы немцев нередко думали и писали по-французски. Французский язык претендовал на наследие латыни — всемирную гегемонию. Франция располагала не только гениальным полководцем, не только могущественной военной организацией, но и являлась самой передовой страной. Ее стремление к господству в Европе опиралось на завоевания и авторитет революции, на отмену крепостного права, на гражданский кодекс Наполеона, на сеть шоссейных дорог и длинную эпопею блестящих побед ее знамен. Правда, теперь у Франции имеются в Европе вассалы; но они были и у Наполеона, и последний держал их в несравненно более строгой дисциплине и зависимости; и у Наполеона Великое Герцогство варшавское являлось рынком, поставлявшим для его целей пушечное мясо...

Отчаивался ли в этих условиях Клаузевиц в возможности вступить в борьбу с французами? Наоборот, он весь был проникнут мыс-

лю, что стоит захотеть, стоит ничего не пожалеть для достижения намеченного результата,— и цепи будут сброшены, так как великий народ не может быть покорен. Клаузевиц тщательно обрабатывал проекты подпольной организации ландштурма. Ему приходилось обдумывать план войны в труднейших условиях, так как Наполеон оккупировал значительно большую часть территории Германии, чем Франция в 1923 г.

Но, может быть, объективная, философская мысль Клаузевица была ослеплена его горячим патриотизмом и он строил воздушные замки о возможности народной войны в Германии? Посмотрим, что говорит он относительно чужого, враждебного государства. Мы имеем в виду его критический разбор вторжения союзников во Францию в 1814 г. “Стратегическое наступление не могло ставить себе целью завоевание Франции, так как государство таких размеров, имеющее такое многочисленное население, с таким воинственным духом, вообще не может быть завоевано”. Впрочем “для такого завоевания и физические, и моральные силы союзной армии были безусловно недостаточны”. “Вообще, можно получить господство над большим государством только посредством политического расщепления. Этот принцип вполне мог быть применен к Франции. Столица большого государства является всегда очагом политических расщеплений, а Париж больше, чем всякая другая столица”...

“Нужно было разбить точки опоры политического бытия Наполеона, и затем уже можно было рассчитывать на внутреннее разложение, которое открывало пропасть, долженствовавшую поглотить могущество Наполеона”.

Итак, Клаузевиц считал трудности второй части войны непреодолимыми. Он считал возможным организовать народную войну в Германии против всемогущего Наполеона и полагал, что и истощенная Франция 1814 г. не может быть покорена всей ополчившейся против нее Европой. И есть только одно средство добиться мира — это внутреннее разложение враждебного государства.

В этом англичане отдавали себе такой же ясный отчет, как и Клаузевиц; поэтому, воюя с Наполеоном, они возили в своем обозе Бурбонов.

Мы наблюдали явления народной войны преимущественно в обстановке диких ландшафтов — лесов Вандеи, гор Тироля и Кавказа, степей Алжира, тущоб Испании. Даже Париж баррикадировался преимущественно в то время, когда представлял скопление узких,

кривых переулков, и значительно утихомирился после того, как Наполеон III проложил в нем ряд широких просек — бульваров. Фабричные трубы, так часто мелькающие в окнах вагона при проезде через Германию, ее роскошные железные дороги, шоссе, школы, заливающий вечером улицы городов электрический свет, — не является ли все это препятствием для народной войны, не облегчает ли это доступ вторжению?

В двух-трех переходах от занятого французами Рура лежит Тевтобургский лес. Так называется местность, через которую когда-то пролегал путь римских легионов Вара и которую придется проходить французской армии в случае вторжения в Германию.

Тевтобургский лес изменил свой аспект до неузнаваемости. Только по характеру почвы можно догадаться, где здесь в отдаленную эпоху должна была находиться непроходимая чаща первобытного леса. Что же культура, обратившая суровый ландшафт Тевтобургского леса в уютную, мирную картину успешного приложения человеческого труда, — сделала ли она из него политико-стратегический Лустгартен — парк с кабачками для прохожих? Может ли кладбище латинского империализма после электрификации продолжать выполнять свою роль?

Конечно, для современной народной войны отнюдь не требуется декораций первобытной культуры, если не мыслить последнюю в масштабе подвигов петлюровских банд на Украине или исторического дон-кихотства. Вторая часть войны может обосновывать свой расчет на успех не на партизанстве, а на широком порыве организованных масс. Все, что увеличивает организованность народа — школа, газета, телеграф, одновременно является и существенной слагаемой его сопротивляемости. Если бы удалая шайка Ермака Тимофеевича нашла в Сибири людей, не стоявших на первой ступени культуры, то едва ли бы ей удалось так быстро завоевать бесконечные пространства.

Мольтке безусловно не видел в телеграфе и дорогах, окутывавших Францию в 1870 г., обстоятельств, облегчающих ему задачу борьбы с импровизированной народной обороной. Он видел козыри противной стороны — Гамбетты — в развитии французской промышленности, в культурных навыках и богатстве населения и требовал от военного министра Пруссии Роона, в нарушение прусских законов, призыва под знамена даже не обязанных воинской повинностью возрастов немцев.

Чтобы вторая часть войны логически вытекала из первой, и являлась вообще возможной, необходимо, чтобы первая часть не поглотила все ее содержание, не являлась народной в полном смысле этого слова. Но если народ действительно исчерпает в первой части войны все свои силы и возможности, то он или перестает существовать, или вторую часть войны ему приходится вести лишь в качестве завоевателя.

Обратимся к мировой войне: действительно ли она являлась для Германии народной войной, действительно ли до конца все силы и средства всех классов немецкого народа напряглись на войну, и действительно ли Фош сломил всю силу немецкого сопротивления? Длительность первой части мировой войны и проявленное Германией упорство заставляет внимательнее остановиться на этом вопросе.

Гамбетте и его друзьям, вдохновлявшим сопротивление французского народа в 1870 г., правые вменяли в вину пораженческие тенденции в эпоху второй империи. Прежде, чем стать вождем народной войны, Гамбетта создал себе политическое имя борьбой в парламенте с отпуском средств на подготовку войны с Пруссией и сопротивлением росту императорской армии. Именно поверхностность воинственного одушевления французов в императорский период войны обусловила готовность к жертвам во второй, именно слабость испанского правительства, которое сверг Наполеон I, обусловило силу сопротивления испанских крестьян. Такова диалектика истории: нужны пораженцы, чтобы было возможно сопротивление в новой фазе войны. Не были ли лучшими батальонами парижской коммуны те, которые доставляли всего больше хлопот Трошю при осаде Парижа немцами? Не развивалась ли в России гражданская война за счет сил и средств, сэкономленных в 1917 г. на июльском наступлении Керенского?

Мировая война поглотила много сил и средств германского народа. Можно утверждать, что если бы до конца за Людендорфом стояли бы все классы населения, если бы в Германии не существовало пораженческих течений, если бы наша февральская революция не отвлекла внимание немцев от боевого фронта и не заставила рейхстаг принять мирную резолюцию, если бы Октябрьская революция и пламенное ее выражение — речи Троцкого в Бресте не раздули, искры бунта против старого государства, ведшего войну, то материала для второй части войны осталось бы немного.

Свидетельства и документы, исходящие как из революционного лагеря, так и от Людендорфа и его сподвижников дают на поставленные вопросы вполне согласованный ответ. Начиная с 1916 г., ми-

ровая война постепенно перестает быть делом германского народа в целом. В дальнейшем мы видим еще "кантовское" понимание долга на фронте, но народные массы все дальше и дальше уходят от войны: фронт Людендорфа, его мысли и заботы, его энергичная воля обращены не столько против Франции, сколько против отлива, который чувствовался в тылу. Тыл становился все враждебнее к фронту. Самые различные воздействия вели к тому, чтобы лишить войну народного характера и экономить силы для второй части: провокация 14 пунктов Вильсона, вакханалия спекуляции, голодная блокада Англии, веселье кронпринца на фронте, русская революция, пораженческая позиция независимых социал-демократов, брест-литовские переговоры. К осени 1918 г. улицы германских городов были полны мужчинами, фронт перестал получать подкрепления.

Также согласованно отвечают документы германской и французской стороны на вопрос о квалификации успехов Фоша в конце войны. Тогда как во Франции сопротивление во вторую половину 1870 г. приходилось организовывать исключительно из элементов, находившихся в оппозиции к первой, не участвовавшей в ней, новая Германия осталась наследницей кадров отесненной, но не побежденной армии. Англичане, следуя в Бельгии за германскими войсками, удивлялись порядку отступления, организованности отпора арьергардов и целесообразной, систематизированной работе немцев по эвакуации и разрушению. Последнее большое сражение на французском фронте произошло 26 сентября — 5 октября. Вот в каком выговоре Петэну оценил Фош 4 октября французскую победу: "После 8 дней непрерывных боев, 4-я армия, конечно, достигла значительных результатов, которые, однако, несомненно, ниже тех успехов, которых надо было ожидать, имея в виду, что неприятель связан на всем фронте и ведет оборону некоторых участков против 4-й армии только истощенными и перепутанными частями, собранными наспех, и уже не располагает никакими заблаговременно возведенными укреплениями.

Вчерашний день, 3 октября, в особенности подчеркнул отсутствие управления в бою; он представлял картину недостаточного натиска, сражения, в котором не хватает цельности из-за отсутствия порыва и взаимодействия различных армейских корпусов; поэтому нельзя было и использовать достаточных результатов".

"Отмечаются корпуса, не проявляющие деятельности, корпуса не маневрирующие, — тогда как другие изматывают все свои силы для успехов, остающихся неиспользованными".

Я довольно начитан в военной истории, но такого тона в обращениях полководца к своему ответственнейшему помощнику после действительной победы встречать не приходилось. Бесстрастные цифры убитых свидетельствуют, что осенью 1918 г. французская пехота отказывалась от достижения поставленных ей задач при проценте потерь впятеро меньшем, чем в эпоху сражения на Марне. Несмотря на явный развал германского фронта, несмотря на ясно обозначившуюся победу, французы были способны только на вялые атаки и нигде не смогли прорвать германского фронта.

В моральной обстановке второй части войны вероятно еще большее понижение способности к жертвам и напору.

Зачем же немцы подписали версальский мир? Не логичнее ли было продолжать сопротивление, не складывая оружия?

В 1807 г. прусаки подписали тильзитский мир, а в 1813 г. начали народную войну против наполеоновской оккупации. 6-летний промежуток оказался разделяющим первую часть войны от второй. Документы ясно свидетельствуют, что вождям Германии не требовалось вовсе 6 лет для того, чтобы придти к мысли о народной войне — подпольная работа началась на другой день после заключения мира. Конечно, в 1813 г. политическая и военная обстановка сложилась особенно выгодно, но очень удачный момент был и раньше — в 1809 г., когда борьба с Австрией и Испанией поглощала все силы Наполеона. Ответ лежит не в плоскости более или менее удачной внешней конъюнктуры, а в отсутствии предпосылок, необходимых для ведения второй части войны.

Скифский образ борьбы с вторжением заключался в выжигании самых убогих деревень, в которых наступающая армия могла бы получить малейшую зацепку. Жгут свое, чтобы не дать опорного пункта — крыши, продовольствия — неприятелю. Это начало скифской стратегии является руководящим и для обороны против политического наступления. Какие-то политические пожары должны предшествовать началу вооруженной борьбы, чтобы лишить неприятеля политических точек опоры. Не был ли таким политическим пожаром удачный жест царского правительства в мировую войну — манифест нашей ставки об автономии Польши? Если в дальнейшем течении войны все попытки германских и австрийских генералов использовать польскую кровь для борьбы против антанты потерпели полную неудачу, то, в некоторой степени, не падает ли заслуга в этом на политическое ауто-да-фе старых русских домогательств в

польском вопросе? И не стали ли после манифеста несколько лучше сражаться польские крестьяне в русских рядах?

В 1870 г. вторая часть войны могла последовать за первой непосредственно, вследствие политического пожара, происшедшего в Париже, когда пришло известие о Седане. Революция имела поверхностный характер, что обусловило и неполное напряжение народной войны; все же только те опустошения, которые она сделала в государственном наследстве, оставленном второй империей, сделали возможным дальнейшее сопротивление Франции. Половинчатая позиция Гамбетты не помешала ему стать “атаманом шайки луарских разбойников” в глазах консервативных современников, и только следующее поколение признало его национальным героем.

В 1807 г. одряхлевший государственный организм Пруссии, приспособленной только к “кабинетным” войнам, был не пригоден для ведения в его рамках второй части войны. Слишком глубоки были те трещины, на которых могло бы опереться “разделяй и властвуй” Наполеона. Прежде всего — крепостное право. Когда в 1818 г. польские помещики в Галиции попытались поднять бунт против австрийских властей, то последним, чтобы образумить поляков, не потребовалось ни одного австрийского солдата; достаточным оказалось разрешить крестьянам погром бунтующих крепостников. Точно так же после Тильзита нельзя было начать народную войну несвободными крестьянами против французской армии, еще помнившей свое революционное происхождение.

Нужно было уничтожить привилегии феодалов и сравнять с ними в правах буржуазию; буржуазии в народной войне 1813 г. отводилась главная роль, и, разумеется, предпосылкой была ее эмансипация. Нужно было изменить отношения, перестать бить солдат, изменить каторжный дух казармы, взгляды на дисциплину, чтобы можно было осуществить всеобщую воинскую повинность. В сущности в 1808-1811 гг. в Пруссии — сплошное зарево политического пожара, уничтожающего те опорные пункты, за которые могла бы уцепиться французская оккупация. Мы имеем безусловно дело с революцией, которая ввиду французской оккупации и уступчивости слабого короля требованиям партии реформ, протекала без внешней вспышки. Но о революции говорили и справа, и слева, и внутреннее бурление свидетельствовало о напряжении, неизбежном при внутренних сдвигах.

Клаузевиц квалифицировал, еще до свержения наполеоновского ига, йенский разгром как “подарок истории” за ту сумму внутренних возбудителей, которое дало Пруссии это потрясение. Счастливая

Пруссия 1807 г.! Ее лучшие политические и военные вожди, ее лучшие граждане поняли историческую необходимость покончить с остатками феодализма, чтобы сохранить свободное место под солнцем. Почему Гнейзенау занял определенную революционную позицию? Потому что он являлся вождем не только эгоистичных обывателей, а великого народа. Нужно было совершить за счет феодалов буржуазную революцию.

Когда-то буржуазия была передовым классом. 100 лет назад история отметила бы жест бюргера Людендорфа, отказавшегося во время мировой войны получить награду за победу в виде графского титула или хотя бы дворянского “фон”. Но сегодня она игнорирует взгляды на феодальные побрякушки: на повестке дня стоят другие вопросы...

Народная война 1813 г. могла состояться только при условии принесения в жертву феодальных привилегий. И, естественно, феодалы являлись противниками Гнейзенау и его друзей, видели в них наемных агентов Англии и стояли за покровительство Наполеона, за единение с Францией, чтобы сохранить классовые привилегии за счет национального рабства.

Немцы и тогда уже были великим народом, так как Наполеон мог найти в Германии опору только в изжившем себя классе. Иначе этот великий политический мастер не остановился бы перед тем, чтобы уже в 1806 г. своим декретом решить аграрный вопрос в Пруссии, что лишило бы прусских патриотов возможности провести эту реформу как свободное решение прусского правительства и очень ослабило бы их внутренние позиции.

В настоящий момент народная война в Германии требует жертв уже не от феодалов, а от крупной буржуазии, и последняя естественно выбивается из колеи защиты общенациональных стремлений и жметя к идее илотского мира. Как в 1812 г. Йорк наступал к Риге, образуя авангард Наполеона и нанося удары тем, кто только и мог помочь немцам начать освободительную войну, так ныне крупные германские промышленники обречены играть роль авангарда французского капитала. Но Йорк нашел в себе силы в декабре 1812 г. изменить своему классу и перейти в Таурогене со своими войсками в противоположный лагерь. Ждать теперь того же от Стиннеса, конечно, не приходится, но когда настанет час таурогенской конвенции XX века, ряды сподвижников Людендорфа заколеблются...

Народная война 1813 г. стала возможной только после политического пожара в Германии, начавшегося после тильзитского мира;

этот мир является отсрочкой, взятой у истории. Такая же отсрочка и для тех же целей была дана Германии в образе версальского мира.

Нужен пожар, который бы устранил возможные опорные точки французской оккупации. Но безразлично, какой это будет пожар — фашистский или революционный. Германские фашисты сыграли уже свою роль, и, признаем это, с честью в 1916-18 гг. История не допускает переигрывать игру, и вторая часть войны не может явиться повторением первой. Политическое содержание второй части войны должно резко отличаться от первой. На большой смоленской дороге, от Москвы к Березине, родились русские декабристы. Свой смысл вторая часть войны получает в том, что она вдохновляет и бросает в первые ряды ту часть народной энергии, которая осталась неиспользованной в первой. Ветераны первой части войны, специалисты, являются и здесь горячо желанными, но не они определяют ее характер. Народная война в Германии не может быть организована силами фашистов. Германский фронт тогда обретет превосходство над французами, когда в первых рядах его окажутся те элементы, из которых слагался враждебный тыл к концу первой части мировой войны, — революционные рабочие.

Не всякое движение вперед является стратегическим наступлением. Когда в конце сентября 1914 г. Людендорф направлял 9-ю германскую армию от Ченстохова и Кракова к Иван-городу, это движение вперед преследовало явно оборонительную цель — занятие позиции по левому берегу Вислы. Это “дупное” наступление, продиктованное оборонительной идеей, привело немцев к поражению.

Не всякая оккупация является историческим наступлением. Историческое наступление требует излишка народонаселения, излишка капитала, превосходства в предприимчивости и организованности вождей промышленности и торговли. Всем ясно, что для исторического наступления не только на правом берегу Рейна, но и на левом его берегу у Франции нет никаких предпосылок. А всякая оккупация, не являющаяся историческим наступлением, неумолимо упирается в народную войну.

Первая половина войны дает возможность политике одной из сторон одержать крупный, видимый успех. Нищий, выигравший двести тысяч, начинает пьянствовать. Политик, не бисмарковского покроя, не возвышается выше этой психологии. Политическое наступление обращается в политический разгул, не оправданный никакими историческими данными. Этот политический разгул неизбежно

ведет ко второй части войны. Греки тоже чувствовали себя победителями в первой части мировой войны и проделали этот опыт в Малой Азии.

Я попытался, возможно объективно набросать самый краткий разбор условий второй части мировой войны. Я не руководился никакими симпатиями, но мне хотелось рассеять роковое заблуждение, что марш на Берлин может явиться чем-то вроде военного апофеоза или колониальной экспедицией, а не второй, недоигранной частью мировой войны. Только ослепление французов позволяет им одновременно базировать свои расчеты на своих достижениях в военной технике и учитывать сопротивляемость промышленной Германии едва ли не ниже Алжира.

Франция уже закончила свое политическое развертывание для второй части мировой войны. Фош уже поставил заключительную точку на плане стратегического развертывания на случай народной войны в Германии. Эта точка поставлена Фошем заблаговременно: уже в 1900 г. он излагал в парижской военной академии основные положения того плана сосредоточения (№ XVII), который французы действительно осуществляли в августе 1914 г. Весь мир был поражен полной нелепостью начального французского рипоста на величественный шлиффеновский охват через Бельгию. Здравое мышление Ланрезака, с позором за это выгнанного из армии, спасло французов от уничтожения в нелепом для них пограничном сражении.

Нельзя понять глупостей, предназначанных Фошем и осуществленных Жоффром в августе 1914 г. без руководящей нити: Фош стремился на обход через Бельгию ответить так, как Наполеон ответил на обход Вейротера под Аустерлицем <...>

Надо признать, что подражателю Наполеона скопировать Аустерлиц в августе 1914 г. совершенно не удалось. Теперь, после Аустерлица, очередь за копией с Йены.

Военная мысль и революция. - 1923. - Кн.5. - С. 23 - 37.

Опасные иллюзии

Перед мировой войной мне пришлось вести переписку с майором французского генерального штаба, переводившим на французский язык мой труд о русско-японской войне. Французский офицер никак не мог понять мое пояснение недостаточного упорства, проявленного русскими войсками в Маньчжурии, тем обстоятельством, что в сознании маньчжурской армии оставалась до конца

мысль, что она представляет только авангард русской вооруженной силы и дерется только на передовых позициях России. Ведь русские войска в Маньчжурии можно было еще рассматривать как авангард в первые месяцы войны, когда численность бойцов колебалась около ста тысяч; но как это представление можно перенести на моменты сражений под Ляояном, Шахе, Мукденом?

Я вполне понимал недоумение французского офицера, воспитанного в идеях, что две недели боев в пограничном районе решат судьбу Франции, но все же отстаивал свою точку зрения.

Стратегическое развертывание русских армий в Маньчжурии продолжалось вплоть до заключения мира. У русских бойцов в Маньчжурии, несмотря на громкие фразы Куропаткина, никогда не было представления о том, что наступил момент, когда судьба войны должна быть решена. Неудачи русско-японской войны, в сущности, решили судьбу русского царизма; только внешние обстоятельства отсрочили русскую революцию 1905 года на двенадцать лет. Но предательская история, нанося тяжелый удар царской России, толкала ее вниз по наклонной плоскости, не давая почувствовать, что на карте стоят основные вопросы, что какая-нибудь деревушка Лишин-пу или холмик Нежинской сопки представляют существенную позицию русского империализма. Атмосфера, в которой пребывали русские войска в Маньчжурии, была наполнена опиумом. Старая Россия убаюкивалась сознанием, что война происходит за тридевять земель, что из Маньчжурии и в десять лет враг до Москвы не доскачет, что неудача трех полков под Тюренченом — это пустыки в сравнении с миллионами солдат, которые может выставить русская земля. Горсть русских людей, заброшенных в Маньчжурию, вместо того чтобы понять всю ответственность, лежащую на них, как на людей, развернувших знамя русского империализма, апеллировала к масштабу — к нашей огромной численности, к нашим огромным расстояниям, к превосходству нашей финансовой мощи над Японией, к зиме, защитившей нас от вторжения Карла XII в Украину и Наполеона в Москву. Упование на благоприятные внешние данные увеличивало в несколько раз эффект отсутствия политической подготовки к войне и обращало последнюю в авантюру; создались такие условия, в которых русская армия могла успешно обозначать сопротивление, но в каждую решительную минуту необходимо должна была уступать противнику. Сумма этих уступок и создала проигрыш войны.

В русской истории бывали моменты, когда враг грозил со всех сторон, и сознание необходимости напрячь все силы для отпора, сознание того, что на карте стоит вопрос о национальной независи-

мости, выработало в XVI веке атмосферу, позволившую русской милиции проявлять необычайное упорство в бою. Петр Великий, упорядочив устройство вооруженных сил и явившись наследником того сознания, которое явилось в результате одновременного напора на Московию татар, шведов и поляков, открыл широкую дорогу для успехов русского оружия в XVIII веке.

Гибель армии Наполеона в 1812 г. явно знаменует крутой перелом в нашем военном развитии. Несмотря на нашу неготовность, несмотря на то, что “двенадцать народов” мобилизовали свои силы для похода на Россию, несмотря на то, что во главе полумиллионной армии неприятеля стоял самый выдающийся, гениальный полководец всех времен и народов, — победа оказалась на нашей стороне. Мы, собственно говоря, приносили жертвы, но не наносили поражения французам; победил бесконечный океан русской территории, в котором растаяли неприятельские полчища, победила русская зима, похоронившая в снегах на большой смоленской дороге лучших солдат Наполеона. Не следовало ли из этого сделать вывод о непобедимости России вообще? После того как Клаузевиц доказал, что Наполеон не сделал ошибки, двинувшись из Витебска и Смоленска дальше на Москву, сама логика, казалось, требовала признать, что ни одна враждебная комбинация в мире не окажется в силах нанести смертельный удар русскому государству.

В течение XIX века два государства в Европе не поспевали в пейс той скачки, которую представляло общее развитие военного дела. Эти государства были Англия и Россия. Англии незачем было особенно стараться, так как она на своем острове чувствовала себя неуязвимой и со слабой армией: моря, омывавшие великобританские острова, с господствующим на них английским флотом, представляли достаточную защиту. Это сознание отражалось не только на количественном развитии английских войск, но и на их качественном закале. Под Севастополь англичане привезли небольшую отборную часть своих войск, и все же эта часть значительно уступала союзным французским войскам, и несмотря на превосходство в вооружении, действовала малоуспешно против русской армии. Англо-бурская война вскрыла перед всем миром военную слабость англичан: англичане нуждались в шестикратном численном превосходстве, чтобы получить перевес над слабоорганизованной милицией буров. Мировая война подтвердила эти выводы: только с большим запозданием Англия смогла выставить на континенте внушительные по числу армии, а качество их, до самого конца войны, решительно уступало германским и французским войскам.

Царская Россия также начала скользить по наклонной плоскости, потому что после 1812 года она почувствовала себя как бы вне военной конкуренции. Военная Россия в XIX веке представляла также идеологический остров. Наши политические центры омывались океанами земли, на которых свирепствовали зимние бури, унесшие лавры величайшего завоевателя. Пространство от Вислы до района между верхней Волгой и Окой представляло в нашем сознании не меньшую преграду, чем Ламанш. Как и англичане, русские также могли не беспокоиться. Им незачем было стремиться к военному совершенству, так как в споре с европейским государством они могли нанести смертельный удар, а сами рисковали получить только царапину. Эта царапина, под Севастополем, оказалась довольно глубокой и на некоторое время явилась благодетельным импульсом, позволив провести широкую реформу и, в частности, дав Милютину возможность привести нашу армию в некоторое соответствие с современностью. Но севастопольский урок вскоре был забыт и ложно истолкован. западная Европа, в лице Англии и Франции, показала свое бессилие углубиться далее нескольких верст в русский океан земли; а если им удалось на побережье одержать местный успех, то не заключалась ли причина его в отсутствии в России железных дорог, что крайне затруднило сосредоточение усилий русского колосса к атакованному пункту его периферии. можно было провести железные дороги и продолжать спать под мерный стук вагонов и свистки паровозов, начавших бороздить нашу территорию...

В восьмидесятых годах австрийский офицер генерального штаба, скрывшийся под псевдонимом “Сарматикус”, написал труд, который русский генеральный штаб должен был бы приветствовать всеми силами. Нашумевшая книга Сарматикуса стремилась доказать, что военная неуязвимость России — это миф, что при современных средствах возможно нанести русскому могуществу сокрушительный удар, что в настоящих условиях путь от Вислы до Москвы может быть проделан много успешнее, чем это удалось Наполеону. Один из наших злейших врагов взял на себя роль сказочного принца, пробуждающего спящую красавицу. России пора было проснуться от очарования, наложенного на нее лаврами 1812 года; казалось бы, русские военные должны были только благодарить Сарматикуса за его услугу. Однако, идейная слепота представляет непререкаемую привилегию режима, идущего к гибели. Один из наиболее бесталанных представителей русского генерального штаба, молодой офицер П.А.Гейсман взялся за перо и выступил как “Анти-сарматикус”. Он добросовестно перечислил все трудности войны с Россией, все ру-

бежи — реки, болота, леса, — которые лежат на пути немцев к Москве, сослался на русское бездорожье, на русскую зиму, на убогость русских деревень и бедность местных средств Белоруссии, на наши огромные расстояния — и пришел к выводу, что от границы дороги, ведущие в Берлин и Вену, много короче и удобнее, чем дороги, ведущие в Москву. Гейсман отстаивал наше право чувствовать себя отрезанным от Европы, сознавать себя на острове, оставаться в дремоте — и режим почтил его назначением профессором в академию генерального штаба, которая обязана ему глубоким двадцатилетним упадком кафедры истории военного искусства.

Основной причиной прусской катастрофы 1806 г. Клаузевиц признал посредственность во всех военных усилиях Пруссии, недостаток могучих импульсов к борьбе. В 1796 г. Пруссия перестала быть участницей борьбы с революцией и попыталась сохранить нейтралитет для Северной Германии. Пруссия убаюкивала себя сознанием, что она ведет мирную политику и что знамена ее полков обвеяны славой непобедимости Фридриха Великого. Чтобы почувствовать себя на идеологическом острове и привести свою армию в запущенное состояние, нет необходимости ни в Ламанше, ни даже в океане русской земли. Фридриху Великому удалось выдержать борьбу с Австрией, Францией, Россией, Швецией и Саксонией, соединившими свои усилия. Семилетняя война оставила после себя традицию неуязвимости Пруссии, а что может быть опаснее для государства того опiums, который представляет сознание безопасности?

После йенского погрома исходная точка мышления прусских историков, политиков и стратегов была изменена радикальным образом. Новая точка зрения может быть охарактеризована как противоположная митинговому утверждению “шапки забросаем”. Прусские историки, политики и стратеги при каждом удобном случае повторяли, что немецкий народ получил свое место под солнцем на большой дороге, в Центре Европы; что нет никаких значительных рубежей, которые обеспечивали бы его от вторжения с востока, юга, запада, что Германия — это историческое поле битв, где все европейские народы сводят свои счета; что соседи немцев со всех сторон враждебны им и географически предрасположены заключить против Германии коалицию; что Германия была уже однажды разорена и отброшена на столетие назад ужасами тридцатилетней войны; что кровавая эпопея Наполеона разыгрывалась преимущественно на немецкой земле, велась преимущественно за счет реквизиций, нало-

женных на Германию, вызвала огромные потери среди немецкого народа и оставила наибольшие разрушения в немецких селах и городах. Если немцы не хотят и в будущем быть объектом войны, а предпочитают быть субъектом, ведущим войну, для этого Германия, поставленная в ужасные стратегическо-географические условия, должна видеть свое спасение в военной подготовке, в стремлении к военному совершенству. Немцам придется вести борьбу на несколько фронтов, против подавляющей своей численностью коалиции; из предстоящих кризисов немцы, обреченные жить под угрозой страшных опасностей, не смогут выйти, одерживая только обычные победы; только сверхъестественные успехи, экстраординарные победы, комбинация таких исторических Канн, как Седан, позволят немцам сохранить свою самостоятельность, независимость и цельность германского государства. Всякая борьба для Пруссии или Германии связана с вопросом о жизни или смерти государственного организма; за минуту слабости, за одну кампанию, не составляющую непрерывную цепь триумфов, германскому народу придется расплачиваться десятилетиями политического и экономического рабства.

Этой точке зрения обязана своими успехами бисмарковская Германия; если мы обратим наше внимание на мировую войну, на десятки выигранных германской армией операций в борьбе с превосходящими силами, то успехи немецких войск нам придется объяснить сознанием серьезности положения: германские вожди задавались высокими целями, отказывались от будничных побед, не стеснялись предъявлять войскам самые трудные требования, ставили самые тяжелые задачи, вели решительную, хотя и рискованную игру; германские солдаты сознавали, что только их воля к победе, их самопожертвование является оплотом немцев, что только живая стена их тел является преградой потоку враждебных армий, грозящему опустошить и поработить всю страну. В этих условиях германские войска дрались блестяще; успех германцев при русском вторжении в Восточную Пруссию в августе 1914 г. был успехом голодного, припертого к обрыву, отчаявшегося человека над сытым буржуа, которому нет необходимости во что бы то ни стало опрокинуть этого несчастного в обрыв, чтобы пройти по своей исторической тропинке; для него не заказаны и другие дороги.

В статье “Современное положение Германии” Радека неоднократно подчеркивается мысль об антиостровном положении Германии, о кольце угрожающих ей врагов, об ответственности за национальные судьбы тех течений, которые установят свою гегемонию между Вислой и Рейном.

Автор проводит параллель между Россией, располагающей громадными пространствами и могущей не иметь заботы о будущем страны в том смысле, чтобы бояться за самое ее существование, и Германией; у нас, в момент брестского договора, было куда отступить, германская же революция, в случае своего торжества, должна будет сделать центральным вопросом диктатуры рабочих — защиту и удержание в единых пределах разорванного уже отчасти версальским договором германского пролетариата, отстаивание самого существования германской нации и всего того, что создано ее гением. Этими словами К.Радек только протоколирует вывод из германской истории, и в том, что касается Германии и судеб германской революции, с ним можно только соглашаться.

Советская власть получила от старого режима сложное наследство, в том числе и ту пуховую перину, которую представляют мысли о бесконечности русской территории, представляющей широкое поле для отступлений, о неуязвимости для внешнего врага политического центра, о русской зиме, которая остановит всякое вторжение. Правда, в 1919 г. об этих идеях никто не думал: не на жизнь, а на смерть велась борьба на все четыре конца света. Когда крымские татары еще производили свои грозные набеги по водоразделу между Доном и Днепром и опасность висела над Московией со всех сторон, наши прадеды не проявляли более лихорадочной энергии, не ощущали острее, что на карте стоит все — государственное бытие, жизнь, последние крохи народного достояния, — чем революционная власть в момент продвижения Деникина по забытому в течение трех с половиной веков историческому пути на Курск-Орел.

Но гражданская война закончилась, и, подытоживая ее результаты, советская мысль вспомнила и о своих географических союзниках — зиме, расстоянии и пр. Новая экономическая политика покоится на этой пуховой перине и на ясно выражаемых наших миролюбивых стремлениях.

Нельзя не приветствовать отказ Советской власти от какого-либо шовинизма, от стремления использовать Красную армию для проповеди революции с оружием в руках. Но будет ли проявлением шовинизма предложение — посмотреть на географическую карту, поразмыслить над современной техникой и отказать от нескольких приятных, но тем более опасных, иллюзий?

Мы все, конечно, понимаем, что от Москвы до Варшавы точно такое же число километров, как и от Варшавы до Москвы. Но всегда

ли мы отдаем себе отчет, что районы возможного развертывания русских и польских армий лежат почти совершенно точно посередине этого пространства и что те же 550-600 километров, которые потребовались бы русским войскам покрыть, чтобы прибыть в Варшаву, отделяют поляков от Москвы.

Но что значат эти шестьсот километров, взятые хотя бы в масштабе того небольшого полуострова азиатского материка, который представляет Европа? От французской границы, даже выдвинутой по версальскому договору, точь-в-точь то же расстояние до Берлина, как от польской границы до Москвы.

Но, может быть, неправильно мерить русские расстояния протяжением от границы до Москвы. Ведь в 1812 г. занятие Москвы французами не решило участи войны, а Александр I даже говорил о том, что он отпустит бороду, удалится в крайнем случае в Сибирь, но будет продолжать войну.

Иллюзии! История нас учит, что стратегическое значение столиц находится в прямой зависимости от напряжения политических страстей в государстве. Наполеон сделал только жалкие попытки для агитации среди русских крестьян и мещан, и поэтому занятие им Москвы оказалось политически бесплодным: перед ним оставался монолит русского народа, лишь в слабой степени затронутого классово-борьбой, не представлявшего еще конгломерата различных интересов и борющихся партий. Для Наполеона I в 1814 г. временный, по его мысли, захват Парижа союзниками уже оказался смертельным ударом, так как в Париже союзники нашли ряд французских политических группировок, на которые они смогли опереться. При том напряжении классовой борьбы, которое непременно будет сопутствовать будущей войне, никому не рекомендуется отказываться от прямой обороны столицы. Участь Варшавы будет участью Польши; отпускать бороду, в случае взятия врагами Советской России Москвы, может быть пришлось бы и теперь, но в других целях. На задаче защиты Москвы должны быть сосредоточены все силы Советской России, решительная партия должна быть сыграна здесь.

В 1812 г. Наполеон начинал свое вторжение с Немана. Ему пришлось продвигаться по русской территории до Москвы на 860 километров и оккупировать 235 тыс. кв. километров русской территории. Вторжение было начато массой в 450 тыс. солдат. Через 3 1/2 месяца, к моменту занятия Москвы, силы Наполеона уменьшились до 213 тысяч. На квадратный километр русской оккупированной территории приходилось 0,9 французского солдата.

В 1870 г. немцы начали вторжение во Францию такой же массой в 450 тыс., но благодаря системе высылки укомплектований запасными частями и второлинейным формированиям армии в распоряжении Мольтке, в момент осады Парижа, так же через 3 1/2 мес., насчитывали почти первоначальное количество солдат — 425 тыс. От немецкой границы Мольтке удалился всего на 335 километров, ему пришлось оккупировать только 71 тыс. кв.километров французской территории, и на один квадратный километр оккупации приходилось 6 германских солдат. Мольтке в отношении захваченной территории располагал в 6 1/2 раз большими силами, чем Наполеон в 1812 г., отсюда большой запас устойчивости в его положении к моменту падения Парижа.

Если мы будем рассматривать пространство, оккупированное Красной армией в 1920 г. при наступлении к Варшаве, равным площади треугольника Полоцк-Казатин-Варшава, то оно будет измеряться 190 тысячами кв.километров. С 15 мая по 15 августа, так же в продолжении трех месяцев, Красная армия, в составе около 125 тыс., продвинулась по основному направлению приблизительно на 550 километров.

Ввиду значительного уменьшения численного состава наших армий, почти равносильного падению войск Наполеона в период наступления к Москве, и недостаточного пополнения, можно оценивать силы красных в середине августа 1920 г. не выше 95 тыс. в пределах оккупированной территории, т.е. всего по 0,5 бойца на кв.километр. Положение могло быть охарактеризовано лишь как чрезвычайно неустойчивое и возможное только благодаря ряду одержанных успехов и выгодной политической обстановке на театре войны. В 1920 г. под Варшавой мы были в 13 раз слабее, чем Мольтке в 1870 г. под Парижем.

Эти цифры дают некоторое представление о надежности пуховой перины, на которой мы почиваем. Каждый может попытаться выкроить кусок защищающей нас территории, которой пришлось бы нашим врагам оккупировать при операции на Москву. Минимальный срок этой операции — около 3-х месяцев с момента окончания стратегического развертывания. Площадь, подлежащая оккупации, будет где-то посередине между цифрами, относящимися к войнам 1812 и 1870 гг. и будет видоизменяться в зависимости от объема продвижения, которое мы наметим к югу от Полесья. Во всяком случае она будет очень близка к размеру оккупированной нами в 1920 г. территории.

200 тыс. квадратных километров — это не океан земли. Нужно иметь в виду, что телеграф, радио, авиация, автомобили, вся современная техника — это великие пожиратели пространств. Для Наполеона, наступление которого часто велось на фронте, сужавшимся до одного-двух переходов, пространство было несравненно опаснее, чем для современных армий, представляющих как бы гигантскую метлу, захватывающую театр военных действий по всей его ширине. И мы не можем расценивать слишком низко подвижность современных армий: армия Клука в течение трех недель, предшествовавших Марне, покрыла своим правым крылом более двух третей всего расстояния от района польского развертывания до Москвы.

Стоит ли говорить о русской зиме? Во-первых, чтобы зима сказалась на ходе военных действий, нужна предпосылка, что военные действия не будут закончены в промежуток между весенней распутицей и наступлением зимы. Во-вторых, наш опыт в Маньчжурии, где мы тоже очень надеялись на зимние холода, показал, что русский крестьянин, проводящий зиму на русской печи, в плотно закупоренной хате, не имеет каких-либо преимуществ даже над расой, вышедшей из-под тропиков (малайцы), но привыкшей проводить свою легкую зиму на открытом воздухе и жить один-два месяца в году при температуре около нуля в почти открытом балаганчике. Европейские народы, шире нас использующие на родине благоденствия Гольфстрима, вполне способны и к зимней работе в русском климате.

Из мировой войны самые печальные воспоминания оставили зимние наши атаки (в Галиции — в декабре 1915 г., у озера Нарочь — в марте 1916 г.) точно так же в русско-японской войне операции под Сандепу в январе 1905 г. являются памятником самого печального саботажа русского командования и войск. Наоборот, немцы одержали один из своих важнейших успехов над нами в зимнем сражении в августовских лесах, имевшем характер удивительного состязания двух армий в ужаснейшую снежную метель. В период позиционной войны немцы в своих окопах прекрасно справлялись с лишениями, вызванными зимними холодами. Русская зима является защитой только против черных войск Франции, но ведь последняя имеет в своем распоряжении и белых негров...

Мне кажется, что если мы отбросим все иллюзии о неуязвимых доспехах, даваемых нашим географическим положением, об особенных выгодах, которые предоставляет нашему маневрированию об-

ширность нашей территории, мы станем идейно богаче и материально сильнее. Чтобы мог сложиться колосс на глиняных ногах, нужно известное отчуждение, уединение, отсутствие конкуренции — идеологический остров.

Если мы станем на ту точку зрения, что справиться с угрожающими опасностями мы сможем только крайним напряжением сил, что любая война может поставить на карту не только вопрос о мало-важном изменении границ, но и о самостоятельности существования Советского Союза, что потребуются высочайшие достижения, чтобы не быть уничтоженным в грядущей войне, то мы порвем с той нисходящей кривой, по которой шло развитие военного искусства в России с 1812 г., уничтожим важнейшую причину недостатков нашей политической и военной подготовки, недостаточный закал воли к победе, мягкотелость, которые обуславливали в течение последнего столетия наши неудачи.

До мировой войны Европа являлась центром вселенной, и нам понятны те опасения за свое положение между Рейном и Вислой, где пересекались все интересы, которые являлись источником большого прилива сил и больших успехов германских армий. Но будущая война будет также мировой борьбой, в которой интересы, лежащие вне Европы, будут играть большую роль.

Еще Наполеон стремился сделать Индию ареной борьбы с Англией: в 1798 г. он предпринял экспедицию в Египет как начало похода в Индию, через десять лет он вернулся к той же мысли и послал французских офицеров разведать подступы к Индии, исходя из русского Кавказа, через Персию. Германия проиграла мировую войну, так как по неготовности железной дороги в Багдад и вследствие географических условий Турции не имела возможности сколько-нибудь развить давление в направлении Персидского залива, что заставило бы Англию охотнее выслушивать германские мирные предложения. Может быть даже круг мышления германских политиков и стратегов был слишком замкнут европейскими условиями, и Германии было бы правильнее с самого начала ограничиваться обороной на западе и направить все усилия свои на то, чтобы обратить Россию в исходную базу для наступления через Герат к Инду.

Клаузевиц писал перед своей смертью в 1831 г. в момент польского восстания: “Горе нам, если наступит момент, о котором мечтают некоторые германские философы, как о золотом веке востока, когда Россия будет вынуждена отказаться от царства польского и

своих польских провинций — Литвы, Волыни, Подолии. Россия, которая не устоит или будет вынуждена на эту жертву, совершенно отвратит свои взоры от Европы, где ей больше не на что надеяться и нечего опасаться, и предоставит Германию своей судьбе. Тогда поляки и французы, которые презирают нас еще больше, чем ненавидят, попытаются подать друг другу руки на Эльбе”.

Однако, поворот России спиной к Европе представляет горе не только немцев, но и англичан. Недаром Англия настаивала на наиболее выгоднейшем для советских республик варианте этнографической границы с Польшей. Только германская революция представляет теперь для России положительный интерес в Европе.

Английский империализм не может не опасаться переноса в Азию центра русского внимания. Советский Союз унаследовал от старого режима русские позиции в Средней Азии, это волчье, с английской точки зрения, облачение русской политики. Как бы миролюбивы мы ни были, англичане будут видеть нас одетыми в волчью шкуру и рыскающими на подступах к Индии. Самая невыгодная политическая позиция — это позиция овцы в волчьей шкуре, так любил драпироваться Вильгельм II. Мы можем быть ягненками — и будем вызывать сильнейшие подозрения. Англичане не поверят нам, даже если бы сам лорд Керзон занял пост Чичерина, и особенно не поверят нам, если мы будем систематически разоружаться. Действительно, как может Англия надеяться на то, что безоружная Россия сумеет сохранить свой нейтралитет в случае нового мирового конфликта. Если старая царская армия в 1914 г. явилась важнейшим препятствием для германского продвижения к Индии, то в случае возникновения какой-либо континентальной коалиции — не явится ли безоружная Россия готовой базой для повторения похода Александра Македонского?

И где и как сложится борьба за Индию? Мы знаем, как англичане разряжали опасность, когда французские полки Наполеона I готовились в булонском лагере к десанту в Англию: английская политика и английское золото организовало европейскую коалицию, отвлекло внимание Наполеона в Вену, Берлин, Мадрид, Москву. И в будущем, волчья шкура, одетая на нас географией, в связи с несколькими десятками миллионов фунтов стерлингов, израсходованных на поддержку воинствующих партий, на подкуп и нейтрализацию лидеров, на государственные субсидии, приведут в движение ожерелье лимитрофных государств. Индия будет защищаться от попытки нападения, существующей, может быть, только в мозгу английских империалистов, на всем пространстве от Ладожского озера до Днестра

включительно, с эпизодическими десантами на всех омывающих Россию морях. Англия позаботится, чтобы мы не уходили из Европы.

Мы должны себе отдать ясный отчет, что самая искусная и уступчивая советская дипломатия не сможет нас предохранить от бурь войны. Политика так же, как и наше западное пограничное пространство, не представляет бесконечных пространств для отступления — где-то очень близко в тылу каждого гегемона находятся те исторические позиции, упустить которые — значит совершить политическое самоубийство.

Вместе с иллюзией мира мы должны отбросить и упования на географию. История нас стратегически не гандикапировала. Наши пространства заставляют нас разбрасывать нашу энергию и способность к организации, затрудняют сбор сил для отпора; они хранят в своих недрах богатейшие сокровища, отказаться от стражи которых равносильно исторической измене; они включают в свои пределы важнейшие политическо-стратегические позиции, требующие серьезной военной силы, хотя бы для того, чтобы сохранить нейтралитет и не быть втянутым в войну.

Верить в мир, когда такие политические распри раздирают мир и классовая борьба так обострилась, верить в то, что география нас защитит и выручит — это значит умышленно создавать отравленную опиумом атмосферу для своего мышления и закрывать глаза перед настоящими задачами. Эти иллюзии — источник большой слабости. Им мы были обязаны многими поражениями. первый шаг к победе должен лежать в сознании, что на нас нет никаких географических доспехов, что наша грудь открыта для удара, что враг не спит, что завтра делается сегодня.

Военная мысль и революция. - 1924. - Кн.2. - С.44-55.

Стратегия

<...> Мы атакуем значительное количество предрассудков стратегии, которые, быть может, в глазах у многих не потерпели еще окончательного поражения в жизни, на театре войны. Новые явления заставляют нас давать новые определения,

устанавливать новую терминологию¹⁶; мы стремились не злоупотреблять новшествами; однако, и при таком осторожном подходе, как ни путаны устаревшие термины, вероятно, они найдут своих защитников. Маршал Мармон, которому сделали упрек, что он употребляет вместо термина “оборонительная линия” термин “операционная линия”, имеющий совершенно другое значение, имел же развязность назвать шарлатанами лиц, стремившихся согласовать военный язык с военной действительностью!

Характер нашего труда не допускает цитирования авторитетов для подтверждения наших взглядов. Если на стратегию сыплются упреки в том, что это лишь “вежливость военных”, скрывающая пустое место, казарменная сказка, то в этом дискредитировании стратегии крупную роль играли чисто компилятивные труды, блестящие набором афоризмов, заимствованных у великих людей и писателей разных эпох. Мы не опираемся ни на какие авторитеты: мы стремимся воспитывать критическую мысль; наши ссылки указывают или на источник фактического материала, которым мы орудуем, или приводят первоисточник отдельных слишком известных мыслей, улегшихся в нашу теорию. Первоначальный наш замысел был — написать труд по стратегии без всяких цитат, — так стали нам ненавистны наборы изречений, — усомниться во всем и лишь из бытия современных войн построить учение о войне; нам не удалось осуществить этот замысел полностью. Мы не хотели точно так же и вступать в полемику — поэтому мы не подчеркивали противоречий между определениями и пояснениями, которые являются нашими и мнениями очень больших и знаменитых писателей. К нашему сожалению, этих противоречий в нашем труде имеется даже значительно больше, чем требовалось бы для признания его вполне оригинальной работой. К сожалению, — так как это может затруднить понимание нас при поверхностном чтении <...>

Мы рассматриваем современную войну, со всеми ее возможностями, и не стремимся сузить нашу теорию до наброска красной советской стратегической доктрины. Обстановку войны, в которую может оказаться втянутым СССР, предвидеть необычайно трудно, и ко всяким ограничениям общего учения о войне надо подходить крайне осмотрительно. Для каждой войны надо выработать особую линию стратегического поведения; каждая война представляет частный случай, требующий установления своей особой логики, а не

---

¹⁶ Это неотъемлемое право каждого автора. В математике цифры и формулы имеют совершенно точное значение, а в стратегии термины представляют такие же формулы, в которые, однако, часто вкладывается совершенно различное содержание.

приложения какого-либо шаблона, хотя бы и красного. Чем шире охватит теория все содержание современной войны, тем скорее придет она на помощь анализу данной обстановки. Узкая доктрина, может быть, будет более путать наше мышление, чем ориентировать его работу. И надо не забывать, что только маневры бывают одно-сторонними, а война представляет всегда явление двухстороннее. Надо иметь возможность охватить войну и в представлении противной стороны, уяснить себе ее стремления и ее цели. Теория может принести пользу только поднявшись над сторонами, проникшись полным бесстрашием; мы избрали этот путь, несмотря на негодование, с которым встречают некоторые наши молодые критики избыток объективности, “позу американского наблюдателя” в военных вопросах. Всякая измена научной объективности явится в то же время изменой и диалектическому методу, которого мы твердо решили держаться. В широких рамках общего учения о современной войне диалектика позволяет гораздо ярче характеризовать линию стратегического поведения, которую нужно избрать для данного случая, чем это могла бы сделать теория, даже имеющая в виду только данный случай. Человек познает лишь различия <...>

История должна являться материалом для самостоятельной проработки, а не иллюстрирующими, часто подтасованными приемчиками для заучивания.

Многие, вероятно, не одобряют отсутствия в труде какой-либо агитации в пользу наступления и даже сокрушения: труд подходит к вопросам наступления и обороны, сокрушения и измора, маневренности и позиционности совершенно объективно: цель его — сорвать плод с древа познания добра и зла, посылно расширить общий кругозор, а не воспитывать мышление в каких-либо стратегических шорах. У него нет идеала — стратегического рая. Когда-то Виктор Кузен провозгласил подчинение философской истины моральной полезности. Многие стратегические доктрины, образовавшие как бы секту наступления, отказавшись от объективного подхода к явлениям войны, веровавшие в победоносную силу принципов, правил, норм, стояли на той же точке зрения и не брезговали даже подтасовкой материала для достижения воспитательного эффекта. Мы очень далеки от подобных взглядов. Мы не думаем, что стратегическая теория в какой-либо степени ответственна за наступательный импульс в армии. Последний ведет свое происхождение из совершенно других источников. Клаузевиц, провозгласивший оборону сильнейшей формой войны, не развратил германскую армию.

Мы отказались от погони за деталями и не давали правил. Изучение деталей является задачей дисциплин, соприкасающихся со стратегией, останавливающихся подробно на вопросах организации, мобилизации, комплектования, снабжения, стратегической характеристики отдельных государств. Правила в стратегии неуместны. Китайская пословица, правда, гласит о том, что разум создан для мудрецов, а закон для людей немудрых. Теория стратегии, однако, напрасно стремилась бы стать на такой путь и пыталась бы популяризировать свое изложение в виде уставных правил, доступных для лиц, не имеющих возможности самостоятельно углубиться в изучение стратегических вопросов и посмотреть в корень. В любом вопросе стратегии теория не может выносить жесткого решения, а должна апеллировать к мудрости решающего <...>

В спорных вопросах автор развивает и дополняет в настоящем издании свою прежнюю точку зрения. Он не может согласиться с другими намечавшимися границами между сокрушением и измором; наиболее проработанная критикой точка зрения заключалась в том, что война складывается на измор, если центр тяжести ее лежит на экономическом и политическом фронтах, и на сокрушение — если центр тяжести войны переносится на действия вооруженного фронта. Это неверно, так как грань между сокрушением и измором нужно искать не вне, а внутри вооруженного фронта. Понятия о сокрушении и изморе распространяются не только на стратегию, но и на политику, и на экономику, и на бокс, на любое проявление борьбы и должны быть объяснены самой динамикой последней.

Некоторые трудности возникают из того, что не мы изобрели эти термины. Развивший заключенные в них понятия профессор Дельбрюк видел в последних средство исторического исследования, необходимое, чтобы осмыслить военно-историческое прошлое, которое не может быть понятно в одном разрезе, а требует при оценке фактов войны прилагать то масштаб сокрушения, то масштаб измора, в зависимости от эпохи. Для нас же эти явления живут в настоящем, соединились в одной эпохе, и мы не усматриваем возможности, обходясь без соответствующих им понятий и терминов, построить какую-либо теорию стратегии. Мы не ответственны за чуждое нам толкование сокрушения и измора.

Мы считаем себя связанными в определении категории сокрушения блестящей характеристикой Клаузевица; жалка была бы попытка заменить яркое, сочное, богатое следствиями и выводами определение сокрушения другим, смягченным понятием полусокрушения, измористого сокрушения, не дающим никаких следствий и вводов,

под тем предлогом, что сокрушение в чистом виде в настоящее время неприменимо. Мы охотнее идем обратным путем, заостряем сокрушение до предела, который едва ли полностью осуществлялся даже реальной наполеоновской стратегией, а является, скорее, ее идеализацией.

Мышление предшествующих теоретиков стратегии было связано почти исключительно с предельным сокрушением; для соблюдения логики сокрушения излагался принцип частной победы, разыскивались решительные пункты, отрицались стратегические резервы, игнорировалось воссоздание военной мощи в течение войны и т.д. Это обстоятельство и делает стратегию сокрушения как бы стратегией прошлого, и в силу контраста выставляет автора, стремящегося к полной объективности, но резко разрывающего со своими предшественниками, каким-то любителем измора. Деление на сокрушение и измор в наших глазах не является средством классификации войн. Вопрос о сокрушении и изморе, в том или другом их виде, дебатруется уже третье тысячелетие. Эти абстрактные понятия лежат вне эволюции. Цвета спектра не эволюционируют, тогда как краски предметов линяют и меняются. И разумно, что мы оставляем известные общие понятия за бортом эволюции, так как это — самое лучшее средство осознать самую эволюцию. Заставлять сокрушение эволюционировать к измору, вместо признания, что эволюция идет от сокрушения к измору — мы не видим ни малейшего смысла <...>

Стратегия

в ряду военных дисциплин

Классификация военных дисциплин. Военное искусство, понимаемое в широком смысле, охватывает все вопросы военного дела; оно включает в себя: 1) учение об оружии и других технических средствах, которыми ведется вооруженная борьба, а также учение об устройстве оборонительных сооружений; 2) учение о военной географии, оценивающее средства, имеющиеся в различных государствах для ведения вооруженной борьбы, изучающее классовую группировку населения и его исторические, экономические и социальные устремления и исследующее возможные театры военных действий; 3) учение о военной администрации, исследующее вопросы организации вооруженных сил, аппарат их управления и методы снабжения, и, наконец, 4) учение о ведении военных действий.

Еще в эпоху великой французской революции военно-технические вопросы, отнесенные нами к первой рубрике, представ-

ляли основное содержание, вкладываемое в понятие военного искусства. Искусство ведения военных действий представляло область, на которой лишь немногие историки войн останавливали свое внимание; только формальная его часть, охватывающая элементарные уставные вопросы — о строях, перестроениях, боевых порядках — анализировалась в курсах тактики как предмет ежедневных упражнений войск.

В настоящее время вопросы, относящиеся к ведению военных действий, значительно осложнились и углубились. Ныне нельзя рассчитывать вести сколько-нибудь успешно войну против подготовленного врага, если командный состав не будет заблаговременно подготовлен к решению тех задач, которые встанут перед нами с началом военных действий. Эта часть военного искусства настолько теперь расширилась и получила столь самодовлеющее значение, что под военным искусством в тесном смысле мы разумеем в настоящее время именно искусство ведения военных действий.

Искусство ведения военных действий не делится какими-либо гранями на вполне самостоятельные, резко очерченные отделы. Оно представляет одно целое, к которому относится и постановка задач для действий фронтов и армий, и вождение небольшого разъезда, высланного для разведки врага. Однако, изучение его в целом представляет крупное неудобство. Такое изучение породило бы опасность, что не всем вопросам будет уделено надлежащее внимание; мы могли бы усвоить себе подход к основным, крупным вопросам войны с точки зрения мелочных требований, или, наоборот, могли бы слишком свысока, обобщенно подходить к изучению боевых действий мелких частей, и от нашего внимания укрылись бы чрезвычайно существенные в своей сумме подробности. Поэтому вполне разумным является деление искусства ведения военных действий на несколько отдельных частей, при условии, что мы не будем упускать существующую между ними тесную связь и не будем забывать некоторой условности такого деления. Наше деление следует провести так, чтобы, по возможности, не раздроблять между различными отделами вопросы, подлежащие решению по одинаковым соображениям. Мы замечаем, что искусство ведения военных действий естественнее всего распадается на искусство ведения войны, ведения операции и ведения боевых действий. Требования, предъявляемые современным боем, современной операцией и войной в целом, представляют три сравнительно определенных ступени, в соответствии с которыми естественнее всего и обосновать классификацию военных дисциплин.

Тактика. Тактическое искусство теснее других частей военного искусства связано с боевыми требованиями. Боевые требования, при данном состоянии техники, данных культурных условиях государств, ведущих войну, и театра, на котором война ведется, и при данном напряжении войны, — представляют известное целое; исходя из действительности современного поля сражения, тактика оркеструет отдельные технические действия в одно цельное ведение боя; в связи с боевыми требованиями, тактика стремится рационализировать всю военную технику, устанавливает критерий для организации, вооружения и воспитания войск, для совершения войсками походных движений, для расположения их на отдых, разведки и охранения. Теория тактики есть не что иное, как технические вопросы (понимая под таковыми и технику походных движений и проч.), рассматриваемые не порознь, а в совокупности, с точки зрения создаваемых ими ныне в целом условий современного боя.¹⁷

Определяя существо тактики, как приспособление техники к боевым требованиям, мы значительно стесняем пределы тактики, по сравнению с существовавшими ранее определениями. В основе старых определений лежало представление о большом сражении, искусство ведения которого относилось к области тактики. Больших сражений фактически теперь не существует; боевые действия раздробляются во времени и пространстве на ряд отдельных боев, слагающихся в операцию, исследование коей не может быть предметом тактики. Последняя должна остановить свое внимание лишь на отдельном бое, который вытекает из развертывания войск, движущихся по одной дороге: таким образом, тактика не может задаваться исследованием действий организационных соединений, превосходящих дивизию, но изучение работы в пределах дивизии является необходимым, так как дивизия представляет самое малое организационное соединение, в котором с достаточной полнотой представлены различные рода войск и различная техника. Изучая действия меньших частей, например, пехотного полка, мы постольку будем останавливаться на почве тактики, поскольку не будем забывать, что бой представляет не единоборство пехоты, а комбинированную работу всей нашей техники против всей техники противника.

---

¹⁷ Тогда как стратегия преследует цели, тактика разрешает задачи. Под целью мы подразумеваем сравнительно крупный объект, от которого нас отделяет известный путь; достижение одной цели требует разрешения нескольких задач; задачи перед нами вырастают в непосредственной близости, имеют преимущественно злободневный характер. Этим мы хотим подчеркнуть, что сущность стратегии связана с перспективой во времени, тогда как тактика во времени почти не имеет изменения; если она и разделяет ведение боя на определенные фазы, то они очень близки и скоро следуют одна за другой.

Оперативное искусство. Техническое творчество, в свою очередь, регулируется оперативным искусством. Боевые действия являются не чем-то самодовлеющим, а лишь основным материалом, из которого слагается операция. Лишь в очень редких случаях можно рассчитывать одним приемом достигнуть окончательной цели военных действий. Нормально этот путь к конечной цели распадается на ряд операций: последние разделяются во времени более или менее значительными паузами, слагаются на различных участках территории театра войны и особенно резко различаются между собой вследствие различия промежуточных целей, к достижению которых временно устремляются усилия войск. Мы называем операцией такой акт войны, в течение которого усилия войск без всяких перерывов направляются в определенном районе театра военных действий к достижению определенной промежуточной цели. Операция представляет конгломерат весьма различных действий: составление плана операции, материальная подготовка, сосредоточение войск в исходное положение, возведение оборонительных сооружений, выполнение маршей, ведение боев, ведущихся либо непосредственным охватом, либо путем предварительного прорыва к окружению и уничтожению части неприятельских войск и к оттеснению других частей, к выигрышу или удержанию за нами определенного рубежа или географического района. Материалом оперативного искусства являются тактика и администрация; успех развития операции зависит как от успешности разрешения войсками отдельных тактических вопросов, так и от обеспечения их всем материальным снабжением, необходимым для бесперебойного проведения операции до достижения цели последней. Оперативное искусство, исходя из цели операции, выдвигает целый ряд тактических задач и ставит ряд заданий для деятельности тыловых органов. Оно не может безразлично пользоваться любыми тактическими средствами. В зависимости от имеющихся материальных средств, от времени, которое может быть уделено для разрешения различных тактических заданий, от сил, которые могут быть развернуты для боя на определенном фронте, и, наконец, от характера самой операции — оперативное искусство диктует тактике основную линию ее поведения. Мы не можем признать полного господства над нашей волей объективно существующих условий поля боевых действий. Боевые действия, это — только часть высшего целого, представляемого операцией, и характер наших боевых действий должен быть подчинен характеру намеченной операции. Нивель в апреле 1917 года и Людендорф в марте 1918 года, решась предпринять на западном фронте прорыв с целью сокрушения не-

приятельского позиционного фронта, стремятся изменить самым резким образом и тактику своих войск в соответствии с характером намеченных операций.

Стратегия как искусство. Выигрыш отдельной операции не является, однако, последней целью, преследуемой при ведении военных действий. Немцы выиграли в течение мировой войны много операций, но проиграли последнюю, а с ней и всю войну. Людендорф, показавший выдающиеся достижения в оперативном искусстве, не сумел так сочетать ряд своих оперативных успехов, чтобы добиться хотя бы малейших положительных достижений при заключении Германией мира; все его успехи в конечном счете никакой услуги Германии не оказали.

Стратегия, это — искусство комбинировать подготовку к войне и группировку операций для достижения цели, выдвигаемой войной для вооруженных сил. Стратегия решает вопросы, связанные с использованием как вооруженных сил, так и всех ресурсов страны для достижения конечной военной цели. Если оперативное искусство должно учитывать возможности, представляемые фронтовым тылом, то стратег должен учитывать весь тыл — свой и противника, — представляемый государством, со всеми его политическими и экономическими возможностями. Стратег будет действовать успешно, если правильно оценит характер войны, находящийся в зависимости от разнообразных экономических, социальных, географических, административных и технических данных.

Стратегия не может безразлично относиться к оперативному искусству. Характер войны, с которым сообразуется стратег, не должен оставаться понятием отвлеченным и оторванным от войсковой деятельности. Стратег должен подчинить своему пониманию возможного характера войны реальные формы предпринимаемых нами операций, их размах и напряжение, преследуемые ими цели, их последовательность и относительное значение, придаваемое им. Отсюда является необходимость для стратега — диктовать основную линию поведения оперативному искусству и в случае чрезвычайного значения, придаваемого основной операции, даже сосредоточивать в своих руках непосредственное руководство ею.

Но, подобно тактике и оператору, и стратег не является совершенно независимым в своей области. Как тактика является продолжением оперативного искусства, а оперативное искусство — стратегии, так и стратегия является продолжением, частью политики. Война является не самодовлеющим явлением, а лишь надстройкой над мирной жизнью народов. Война предпринимается в определенных

политических целях и в главных своих чертах определяется, как мы увидим ниже, политикой. Вытекающим отсюда взаимоотношениям между политикой и стратегией посвящается особая часть нашего исследования.

Весьма часто мы встречаем термины: стратегия воздушного флота, морская стратегия, стратегия колониальной войны и т.д. Такая терминология, очевидно, основана на недоразумении. Мы можем говорить лишь о морском оперативном искусстве, поскольку вооруженные силы на море получают самостоятельную оперативную цель; то же мы можем сказать и о воздушном флоте, с еще большими оговорками; ввиду тесной связи между действиями воздушных сил, сухопутной армии и флота предметом оперативного искусства воздушного флота могут являться лишь самостоятельно предпринимаемые им бомбардировочные операции; но, поскольку таковые действия пока самостоятельного значения не имеют, а являются одним, хотя бы довольно существенным, слагаемым общей операции, то мы должны и бомбардировочные, равно как разведочные и боевые действия воздушного флота, рассматривать только как часть общего оперативного искусства. О стратегии же здесь говорить не приходится — это явное злоупотребление термином. Точно так же не может быть и стратегии колониальной войны — речь может идти лишь об особенностях стратегического искусства при борьбе империалистического государства с неравносильным, отсталым технически и культурно противником, в обстановке колониального театра войны.

Стратегия как теория искусства. Стратегия как практическое искусство, представляющее важнейшую часть полководческой деятельности, существует с тех доисторических времен, когда человеческие общества начали вести войны. Но разработка теории стратегии началась лишь 150 лет тому назад, одновременно с научным приступом к разработке политической экономии. Ровесник Адама Смита, получивший с ним одинаковое образование, англичанин Ллойд, служивший в австрийской, прусской и русской армиях, приступил на основе опыта Семилетней войны к разработке вопросов, резко выходящих из пределов обычного тактического кругозора военных. Труды его открывают новейший период развития военной мысли, уже давший ряд глубоких исследований по стратегии, характеризующихся, однако, или незаконченностью, или односторонностью мышления. Много времени и внимания было затрачено на вопрос, представляет ли стратегия науку или теорию искусства. Ответ зависел, в существенных чертах, от размера требований к науке, ха-

рактизирующего наше представление о ней. Клаузевиц, Вилизен, Блуме, рассматривавшие стратегию как искусство, исходили из требования аподиктической (неоспоримой) точности, предъявлявшегося Кантом к “собственно науке”. Неоспоримой точности выводы военной теории не представляют. Но уже Кант допускал именовать наукой любую систематическую теорию, охватывающую особую область, познание коей упорядочивается по известным основам и принципам. Такие теории являлись как бы науками второго разряда. Чтобы причислить к их числу и стратегию, многие выдающиеся стратегические писатели уделяли особое внимание утверждению наличности вечных, незыблемых принципов стратегии, на которых они строили свои труды. В настоящее время наши взгляды на науку стали значительно шире. Мы склонны понимать под наукой всякую систему знаний, облегчающую нам понимание жизни и практики. Под такое широкое определение науки, несомненно, подходит теория всего военного искусства, в том числе и стратегия.

Отношение теории к практике. Практика стратегии, бесспорно, не представляет отрасли научной деятельности, а образует область приложения искусства. Теория же стратегии должна представлять систематизированные знания, облегчающие нам понимание явлений войны.

Но если человеческие общества в течение тысячелетий могли осуществлять на практике стратегическое искусство, не имея представления о теории стратегии, о стратегической науке, то не свидетельствует ли это о том, что последняя представляет излишний, надуманный, бесплодный балласт, плод интеллектуалистических увлечений нашего века? Мы этого не думаем. Если вообще бытие определяет сознание, то в некоторых сложных областях практики сознание отстает на целые века от жизненных достижений. Существуют правила и законы речи, из которых складывается наука грамматики; существуют известные экономические отношения, из которых складывается наука политической экономии — своего рода экономическая грамматика; наконец, существуют известные законы мышления, его грамматика — логика. Но не видим ли мы правильную речь, предшествующую изучению грамматики; не усматриваем ли мы в историческом прошлом экономической политики, отвечающей определенным экономическим интересам, задолго до зарождения политической экономии; не встречаем ли мы здравомыслящих людей, никогда не проходивших курса логики? Точно так же и на войне — не только в отдаленном прошлом, но и в очень недавние времена гражданской войны мы могли наблюдать решения весьма сложных

вопросов стратегического искусства, не находившиеся в какой-либо связи с предварительным изучением теории стратегии. Но мы не делаем из этих фактов заключения о желательности исключения грамматики из программы общеобразовательной школы. Мы находим, что каждый ответственный государственный деятель должен обладать хотя бы элементарными сведениями из политической экономии. Не отрицая права на самостоятельное мышление со стороны лиц, не изучивших логику, мы непременно включим ее в программу образования лиц, стремящихся выступить с самостоятельной критикой философско-экономических доктрин. Знакомство с грамматикой, политической экономией, логикой, стратегией может предохранить нас при работе в соответственной области от многих ошибок и позволяет быстро схватывать отношения, разгадка коих иначе потребовала бы от нас многих усилий и, может быть, даже вовсе не далась бы нам.

Приведенные соображения было бы ошибочно толковать как сравнение теории стратегии с чем-то вроде теории красноречия, о которой как раз самые красноречивые ораторы не имеют никакого представления. Действительное знание не может быть нейтральным; если оно ничего не может изменить в нашей системе действий, то следовательно, оно лишено какого бы то ни было содержания. Если, переходя к практике, следует забывать о теориях, чтобы вырабатывать решение не книжное, а вырастающее из условий данного частного случая, то эта работа мышления становится плодотворной лишь благодаря точкам зрения, усвоенным предыдущими размышлениями и теоретическими занятиями <...>

Стратегия — искусство военных вождей. Стратегия — искусство полководцев, по преимуществу, искусство тех лиц, которые призваны решать основные проблемы, выдвигаемые обстановкой войны, и передают свои стратегические решения для исполнения оперативному искусству. Стратегия, это — искусство всего высшего командного состава армии, так как не только командующий фронтом и командующий армией, но и командир корпуса не сумеет справиться со своими оперативными задачами, если у него не будет ясного стратегического мышления. Во всех случаях, когда оперативному искусству предстоит сделать выбор между двумя оперативными альтернативами, оператор не найдет оправдания того или иного оперативного метода, оставаясь в пределах оперативного искусства, а должен подняться в стратегический этаж мышления.

Тогда как тактика живет решениями, требуемыми моментом, и вся тактическая работа отличается крайней злободневностью, стра-

тегия начинается там, где виднеется ряд последовательных целей — этапов к достижению конечной цели войны. Стратегия должна широко заглядывать вперед и учитывать будущее в очень широкой перспективе. Стратег шагает операциями; эти шаги стратегии растягиваются во времени на несколько недель и даже месяцев. Стратег должен глубоко учесть обстановку и возможные ее изменения, чтобы не менять основ своей директивы, когда операция достигнет лишь начала своего развития. Стратег должен быть дальновзорким, чтобы оперативное и тактическое искусство могли работать планомерно. Немцы до мировой войны считали, что, благодаря Клаузевицу, остающемуся для других армий непонятным, они обладают монополией стратегической дальновзоркости. Дальновзоркость возможна лишь при условии широкого идейного кругозора; можно легко указать целый ряд тактиков, бывших умственно ограниченными людьми, но выдающихся стратегов в числе последних мы не найдем. Каждый вождь, указующий путь, является хотя бы отчасти пророком.

Неизмеримо значение правильно указанной и реально очерченной цели для деятельности человеческих масс. Стихия разрозненных действий, общий разброд в результате непланомерности, перекрещивание намерений, взаимно уничтожающиеся усилия — все это исчезает, когда устанавливается общий уклон к намеченной вождем цели. Действия упорядочиваются, сливаются в небольшие ручьи, текущие по уклону к цели и создающие в результате одно обширное течение; усилия всех и каждого во всех вопросах как бы самостоятельно и естественно устремляются в указанном направлении. Указание верной цели обуславливает бурный поток мыслей и воли...

Ответственные политические деятели должны быть знакомы со стратегией. Изучение стратегии требуется не только для высшего командного состава армии. Стратег, дающий директивы инстанциям, непосредственно руководящим операциями, должен отдавать себе отчет в тех пределах, которые являются достижимыми для оперативного искусства с наличными средствами, и обладать острым оперативным и тактическим глазомером, чтобы ставить действия своих войск в возможно выгодные условия. Точно так же и политик, выдвигающий политическую цель для военных действий, должен отдавать себе отчет в том, что достижимо для стратегии при имеющихся у нее средствах, и как политика может повлиять на изменение обстановки в лучшую или худшую сторону. Стратегия является одним из важнейших орудий политики; политика и в мирное время в значительной степени должна основывать свои расчеты на военных возможностях дружественных и враждебных государств. Бисмарк не

мог бы так авторитетно руководить политикой Пруссии, если бы не отдавал себе глубокого отчета в положении на театре войны.¹⁸

Обязательность знакомства со стратегией для всего комсостава. Для достижения дружной работы огромных масс на тянущихся на сотни верст фронтах необходима серьезная стратегическая подготовка частных начальников. Эта истина была несколько забыта во время позиционного периода мировой войны, благоприятствовавшего развитию крайней централизации управления. Командирам корпусов в обстановке маневренной войны сплошь и рядом приходится принимать ответственные решения, дающие операции тот или иной стратегический уклон <...>

Приступ к изучению стратегии должен относиться к началу серьезных занятий военным искусством. Необходимость изучения стратегии всем командным составом армии вытекает из того, что нельзя откладывать изучение стратегии до момента выдвижения на ответственный полководческий пост. Стратегия относится к числу тех дисциплин, преуспевание в которых находится в очень слабой степени от запоминания наставлений, делаемых с кафедры, от усвоения логических построений, заключающихся в стратегических учебниках. Иллюзорным является единство доктрины, базирующееся на единстве стратегических инструкций. В стратегии центр тяжести заключается в выборе самостоятельной точки зрения, что прежде всего требует серьезной самостоятельности. Нужно освоиться уже в начале военной службы со стратегическими вопросами и под их углом зрения изучить военно-историческое прошлое, оценивать пережитые лично военные события и рассматривать современную эволюцию военного дела.¹⁹ Изучение стратегии должно являться задачей каждого, рассчитывающего принять ответственное участие в войне. Армия, стремящаяся преодолеть свойственную ей тяжеловес-

---

¹⁸ Например, при мирных переговорах с Австрией в августе 1866 года под угрозой вступления в войну Франции.

¹⁹ Моды идут из Парижа; поэтому всюду, в особенности после конечного военного успеха Франции, находятся поклонники французской системы высшего военного образования и программ парижской военной академии, в которой стратегия почти отсутствует. Мы рекомендуем интересующимся ознакомиться с трудами Cordonnier. *La methode dans L'etude de strategie*, и в особенности Ragueneau. *Les etudes militaires en Franse* (1913 г.) Регено рассматривает французскую академию, как школу первой ступени, вследствие недостаточности стратегической подготовки. Фош тщетно пытался в 1910 г. изменить ее характер, введя, по русскому образцу, третий дополнительный курс специально для изучения стратегии. Регено красноречиво доказывает невозможность развить подготовку по стратегии, опираясь только на курсы усовершенствования высшего комсостава. Бональ (Bonnal. *Methodes de commandent, d'education et d'instruction*) точно так же доказывает необходимость совершенно различной подготовки к строевому и высшему командованию.

ность маневрирования, не должна делать занятия стратегией уделом немногих военных мыслителей. Стратегической мысли должно быть отведено широкое место на полевых поездках, в военной литературе, на докладах военно-научных обществ. Военной истории необходимо сделать значительное усилие, чтобы перейти от так называемых “стратегических очерков”, представляющих изложение в самых крупных чертах внешнего хода событий, к действительно углубленной критике важнейших решений, принятых на войне.

Задача курса стратегии. Задача курса стратегии не в том, чтобы исчерпать сколько-нибудь полно почти беспредельную область этой дисциплины, а в том, чтобы начерно подготовить почву для дальнейшей самостоятельной работы мысли, указать направления, в которых она должна развиваться, создать условия для упорядочения отдельных усилий. Особенно важным преподавание стратегии в высших военно-учебных заведениях является в нашу переходную эпоху, когда не только Европа, но и весь земной шар начинает обрисовываться как совершенно новый стратегический ландшафт, когда военное искусство во многих отношениях переходит к новым методам и приемам ведения войны и в обстановке назревающих социальных потрясений приобретает новые формы <...>

Военная история. Критика и опыт должны идти рука об руку. Изучение стратегии малопродуктивно без военно-исторических знаний, но сознательная работа мысли над военной историей становится, в свою очередь, возможной лишь на основе определенного стратегического кругозора. Ведь в военной истории одно запоминание фактов может, в лучшем случае, дать нам представление лишь об известных шаблонах, когда-то существовавших при ведении военных действий. И в военной истории ценность представляет, главным образом, самостоятельная работа. Как ни трудно сделать серьезную самостоятельную стратегическую оценку какого-либо важного момента в военной истории, охватывающую реальную действительность в целом, эта работа по отношению к историческому прошлому все же легче, чем на войне, в обстановке сегодняшнего дня. Все содержание стратегии представляет, по существу, размышление над военной историей. И стратегия, по завету Клаузевица, должна избегать перехода от формы размышления, к жестокому руслу точно отчеканенного учения из правил, выводов и заключений. Русский военный историк обычно стремится вслед за фактическим изложением событий развернуть свои выводы и заключения, часто весьма ограниченного размаха и углубления. Историк школы Клаузевица, изложив факт, переходит к размышлению над ним (*Betrachtung*).

Различие между терминами — вывод, с одной стороны, и размышление — с другой, отражает и различное понимание отношений теории к реальному бытию.

Вопросы военной истории особенно близки для лица, занимающегося стратегией, так как по своему методу стратегия представляет лишь систематизированное размышление над военной историей. Отрыв от исторической почвы так же опасен для стратега, как и для политика: ввиду многочисленности действующих факторов и сложности связывающих их отношений теоретический, умозрительный подход, не улавливающий всех данных, необходимых для правильного решения, часто может привести к грубейшим ошибкам. В стратегии, как и в политике, курица часто высиживает утят — последствия оказываются вовсе не похожими на породившие их причины. Например, все стратегические писатели до мировой войны считали, что железные дороги — фактор, ускоряющий развитие военных действий, придающий им с самого начала решительный характер, обуславливающий применение исключительно стратегии сокрушения. При этом всеми упускалось из виду уравнивающее влияние железных дорог, которые помогают обороне, задерживают оторвавшегося от них наступающего, позволяют заштопывать прорывы на фронте, облегчают возможность использования на фронте всех сил государства. В результате, ускоренный способ передвижения по железным дорогам в мировую войну высидел утенка — неподвижный позиционный фронт и стратегию измора.

К сожалению, современное состояние военной истории не удовлетворяет самых скромных пожеланий стратегии. Мы вовсе не имеем истории войн; в лучшем случае так называемая военная история представляет только оперативную историю. С тех пор, как произошло разделение военной истории на историю военного искусства и историю войн, широкие точки зрения стали достоянием первой, а вторая начала мельчать, игнорируя роль политики и стремясь изучить лишь ход операций. Причинная связь военных событий ищется лишь под углом зрения чисто военных соображений, что, безусловно, ошибочно. Поучительность теряется, нарождается много иллюзий; стратегия вопиет об искажении логики событий военными историками; она не только не может опереться на их труды, но вынуждена затрачивать лишние усилия на то, чтобы рассеять посеянные ими предрассудки. Читатели, интересующиеся стратегией, найдут более вызывающих на размышление замечаний не в военных трудах, в особенности не в “стратегических очерках”, а в политической истории прошлых войн.

Маневры. Но изучение стратегии, параллельно с размышлением над прошлым, должно заключать и размышления над настоящим. Всякий опыт в области человеческих отношений относится к минувшему, а стратегия должна всемерно тянуться к разгадке будущего. Многие предпосылки, определившие в минувших войнах стратегический ход событий, ныне исчезли; на место их народились новые предпосылки. Только в редких случаях мы можем, пока не вспыхнет война, произвести эксперимент, чтобы установить их действительность. Так, французский генерал Леваль опытным путем доказал возможность стратегического сосредоточения на немецкой границе с плотностью до 15-20 тысяч бойцов на километр фронта, что требует движения всей пехоты, кавалерии и полевой артиллерии без дорог, по колонным путям, с целью оставить существующие сквозные дороги для работы снабжения и подвоза тяжелой артиллерии. Для оперативного искусства роль эксперимента, в весьма несовершенной форме, могут играть большие маневры. На них возможно изучить переброску крупных частей в условиях современной техники, организацию связи и технику управления на широких фронтах; но уже вопросы снабжения и воздушной разведки, вследствие невозможности в мирное время создать в полном объеме тот тыл, который будет работать на войне, нельзя проконтролировать маневренным испытанием. Даже важнейшие оперативные вопросы, связанные с боевыми действиями, — ширина фронтов, продолжительность боевых столкновений, нормы расхода огнеприпасов, количественное превосходство на участках атаки, — не могут быть сколько-нибудь учтены в результате самых обширных и дорогостоящих экспериментов мирного времени. Еще меньше можно думать о стратегическом маневренном опыте. Большие маневры, которым когда-то отводилось крупное значение в подготовке вооруженных сил, все более приобретают характер гигантского тактического парада, демонстрации слаженности и беспорности армии.

Военная игра. Если воспроизведение военных действий на маневрах слишком далеко уклоняется от военной действительности, то мы можем попытаться перенести наши упражнения с местности на карту. При изучении тактики метод решения тактических задач на карте является основным. Точно так же он может дать многое при изучении оперативного искусства. Однако, главная ценность этого метода не в исследовании новых вопросов, а в натаскивании, в передаче наставником ученику сноровок; задачи на плане позволяют изучить преимущественно техническую сторону искусства, оставляя принципиальные вопросы на втором плане. Поэтому в стратегии

решение задач на карте имеет весьма относительную ценность; техника стратегического распоряжения очень не сложна.

Чтобы несколько выдвинуть принципиальные вопросы, прибегают к методу военной игры, т.е. ведения двухсторонних упражнений на карте. Техника в этом случае отходит на второй план, и на все упражнение приходится смотреть лишь как на подбор известного материала, в интересных географических условиях, при современных данных организации и техники, для заключительной дискуссии. Ценность такой дискуссии обуславливается исключительно компетентностью руководства; военная игра представляет могущественное средство пропаганды определенных стратегических и оперативных воззрений, но вызывает сомнения как метод исследования вопроса. Руководство военной игры только тогда выполняет свою роль, когда самим заданием и даваемыми ходами оно подтасовывает материал для заключительной дискуссии. Неподтасованные военные игры, с беспристрастными арбитрами, вообще ничего дать не могут.

Занятия в поле и полевые поездки представляют, в сущности то же, что и задачи на плане и военная игра²⁰, только перенесенные в более поучительные условия работы. Если полевая поездка организуется с достаточными средствами связи, то она может дать хорошую практику в штабной службе, познакомить участников с важнейшими районами театра военных действий, но для стратегии и здесь является лишь возможность организовать дискуссии, представляющую тем более важное значение, чем ближе сходство задания для поездки с действительными предположениями нашего оперативного развертывания.

Таким образом, прикладной метод в стратегии может иметь значение преимущественно лишь для популяризации в командном составе определенных стратегических идей и для выяснения существующих взглядов на острые стратегические вопросы.

Изучение классиков. При достаточной общей военной подготовке средством для углубления своих взглядов на современную стратегическую действительность является размышление над классическими трудами по стратегии. Как ни сильно было мышление их выдающихся авторов и как ни коротка история стратегической теории, насчитывающая только полтора столетия, но эволюция в стратегии идет таким темпом, что все эти труды уже отошли в область истории и отмечают этапы, уже пройденные человеческой мыслью. Даже

---

²⁰ Военная игра “Кригшпиль”, рассматриваемая как средство положительного исследования, заслуживает действительно того иронического оттенка, который вкладывают французские писатели в это немецкое слово, приводимое ими неизменно в кавычках.

Клаузевиц, для которого длительность боевого столкновения представляла только стратегическое мгновение, а протяжение его фронта — стратегическую точку, несомненно, во многих отношениях устарел. Он еще не знал оперативного искусства, так как операция для него еще не представляла измерений ни в пространстве, ни во времени. Поэтому изучение классиков представляет для нас особенную ценность, если мы будем обращать наше внимание не только на положения, сохраняющие еще свое значение в полном объеме, но и на положения, которые ныне нас не вполне удовлетворяют, которые или вовсе ныне отпали или должны быть существенно изменены. Если мы будем примеривать известный нам опыт гражданской и империалистической войн к положениям значительнейших стратегических авторов, писавших ранее этих войн, то сможем ярко ощутить то новое, что характеризует современную стратегию.

Мы рекомендуем подходить к авторитетам прошлого не только без выраженной почтительности, без стремления насытиться возможно большим количеством цитат и афоризмов, а определенно критически. Мы сумеем почерпнуть многое у великих мыслителей стратегии, лишь отбросив ложную скромность и усвоив кажущееся бесстыдство исследователя истины. Нужно не простое чтение, а серьезное критическое изучение классика, которое, может быть, более удобно вести путем семинариев или дискуссий в кружках, чем путем индивидуальной работы. Стратегические решения по природе своей радикальны: стратегические оценки должны охватывать вопросы в корне; нигде так не требуется независимость, цельность, свобода мышления, как в стратегии, и крохоборческая мысль нигде не может дать более жалких результатов, чем в стратегии. И жестокой насмешкой над стратегической мудростью нам представляется пиетет начетников, видящих в наследстве Наполеона стратегические заповеди — идеал стратегических чиновников.

А.Свечин. Стратегия. - М.: Военный вестник, 1927. - С.7-26.

Методы стратегического мышления

Искусство вождя — это прежде всего искусство усмотреть верную цель и указать путь к ее достижению. На любом фронте человеческой деятельности, чтобы одержать успех, нужно искусство вождя; в не меньшей степени требуется и грамотность исполнения. Боремся ли мы со стихией, боремся ли за достижение высшего уровня экономического благосостояния или за рас-

пространение наших политических убеждений, вынуждены ли мы взять в руки оружие, чтобы отразить врагов внешних, всюду перед нами возникают вопросы, как и куда ориентировать эту борьбу, и какова должна быть техника этой борьбы. Отсюда, естественно, рождается деление искусства борьбы на его стратегию и на тактику.

Тактика — это техника действий войск, упорядочение, организация их усилий для достижения определенного результата наиболее прямым, скорым и экономным образом. Стратегия — это самое определение результата, которого надо добиваться. Точное разграничение между этими двумя областями работы, однако, встречает такие затруднения, что часто являются даже сомнения в том, существует ли в действительности граница между ними. На эти сомнения наталкивает нас также и необычайная пестрота и противоречивость определений, данных стратегии выдающимися военными мыслителями. Бюлов, первый пустивший в ход термин “стратегия”, видел в стратегии ту часть военного искусства, которая охватывает деятельность полководца до момента, когда в поле зрения появляется неприятель и военное искусство переходит в тактику. Жомини видел в стратегии искусство двигать массы на театре войны, Гнейзенау — расчет времени и пространства, Клаузевиц — искусство применения боев для достижения цели войны. Эрцгерцог Карл понимал под стратегией искусство полководца, определяющее ход военных предприятий; это определение в новейшее время уточнено Блуме, который видит в стратегии полководческое искусство за вычетом тактики; под последней же он подразумевает все, что касается употребления вооруженных сил в бою и упорядочения их действий с точки зрения боевых требований. Богуславский дал ему другое развитие: стратегия у него обратилась в искусство вождения армий, в искусство старшего начальника в отдельном районе театра военных операций, а тактика — в искусство управления войсками; граница проведена им по иерархической лестнице, и эта грубая квалификация стратегических и тактических вопросов, в зависимости от “табели о рангах”, от служебного положения командующего армией или командующего дивизией, все шире получает распространение в наше время. Вилизен видел в стратегии учение о сообщениях, Мольтке — систему подпорок, Шлихтинг, опираясь на выраженную однажды Мольтке мысль, оценивал стратегию как искусство “идти врознь, имея в виду требования своевременного сосредоточения”. Верди-дю-Вернуа в первом томе третьей части своего исследования о ведении войны определяет стратегию как часть учения о войне и в то же время часть самой военной деятельности, которая, с точки зрения

всех оперативных моментов, охватывает как научное исследование войны, так и подготовку и ведение ее. Определение трудное и перекладывающее наше недоумение с понятия стратегии на не менее туманное представление об определяющем ее оперативном моменте. Впрочем, через 2 года в пятом томе третьей части Верди уже чисто-сердечно признается, что он сомневается в том, имеются ли вообще основания для проведения границы между стратегией и тактикой...

Читатель, который даст себе труд вдуматься в эти определения, будет поражен противоречивостью взглядов на стратегию. Поясним эту пестроту примером, взятым из области, где свобода нашей мысли не затруднена какой-либо предвзятостью или шаблоном. В Токио землетрясение вызывает стихийный пожар. Борьба с пожаром столицы, как и всякая борьба, имеет свою стратегию и тактику. Попробуем квалифицировать по этим двум категориям возникающие соображения. Что надо защищать в первую очередь: императорский дворец, министерства или спасти музеи с неоценимыми художественными ценностями? Надо ли отстаивать квартиры богачей или же фабрики и пролетарские кварталы? Как использовать для локализации пожаров имеющиеся линии бульваров и садов? Как учесть при организации противопожарной работы, при условии разрушения водопровода, нахождение воды для пожарных машин только в некоторых, точно определенных районах? Как учесть при организации тушения пожара направление ветра? Где использовать мощное оборудование пожарных частей и где только простейшие средства — топоры, лопаты и ведра, — с которыми явятся на пожар войска? Какие меры принять для снабжения продовольствием работающих на тушении пожара людей? Как обеспечить порядок, необходимый для успеха работы? В какой степени допустить разброску пожарных средств и децентрализацию самой работы?

Читатель, который попробует распределить эти вопросы на стратегические и тактические, легко справится с квалификацией части их, а перед другими станет в тупик. Что же говорит нам теория? Бюлов скажет, что пока мы не прибыли на пожар, мы действуем стратегически, а как только соприкоснемся с огнем, принуждены действовать тактически. Клаузевиц скажет, что искусство тушения отдельного пожара — тактика, а искусство комбинирования усилий по тушению отдельных пожаров для спасения города — стратегия. Богуславский будет утверждать, что работа брандмейстера — это тактика, а брандмайора — стратегия. Вилизен заметит, что объекты стратегии это все то, что лишает огонь пищи, и все то, что питает усилия пожарных. С его точки зрения под стратегию подойдет заблаговре-

менное проложение в городе обширных полос садов и пустырей, являющихся преградой огню, издание пожарных правил, регулирующих постройку города, обязывающих возводить брандмауеры, запрещающие постройку деревянных зданий и т.д.; проложение пожарной сигнализации и обеспечение запасов воды, соответственное расквартирование пожарных частей, изолирование пожаров от тех участков, где огонь может получить наибольшее распространение. Определение Мольтке гласит, что стратегия всеми правдами и неправдами должна найти выход из катастрофического положения. И так далее.

Если мы сравним эти определения, отрицающие одно другое, с результатом нашей личной работы, то мы признаем, что все они содержат известную частицу истины,— и тем не менее совершенно неудовлетворительны. Большинство из них будет поражать нас своей односторонностью. Поэтому, как мы ни проникнуты уважением к великим мыслителям, посвятившим десятки лет на углубление в вопросы стратегии, мы не можем присоединиться ни к одному из прежде данных определений и — это участь всех стратегических писателей — должны дать свое. По-видимому, число определений стратегии должно равняться числу пишущих о ней...

Как и во всякой борьбе, во взятом нами примере стихийного пожара одни вопросы могут быть разрешены, не выходя из кругозора узко-пожарной специальности, а другие, наоборот, очень обширны, так что только та или иная исходная политическая точка зрения, определенное понимание экономических вопросов и интересов, подход к ним не с кругозором пожарной техники, а из общих требований благоустройства города, могут дать им различное решение. Тактика охватывает те вопросы, которые могут быть решены с субъективной точки зрения данной специальности. Все же те вопросы, ответ на которые лежит не исключительно в данной специальности, а требует объективного подхода, учета политического и экономического момента, а также учета возможностей снабжения, относятся к стратегии.

Проводимая нами грань между стратегией и тактикой¹ быть может не слишком резка, но это вполне отвечает современному развитию военного искусства, которое не усматривает в настоящее время в них резко подчеркнутого различия и которое выработало в нашем

---

¹ Тактика понимается нами как искусство и навыки отвечать исключительно боевым требованиям; она не должна включать в свой объем вопросов о снабжении и тыле, за исключением вопросов снабжения и эвакуации на самом поле сражения.

языке новый термин “оперативный” для обозначения тесно граничащих областей стратегии и тактики.

Наше определение отрицает очень определенное в настоящее время тяготение к стратегическим брандмайорам и тактическим брандмейстерам, так как признает сферу стратегической деятельности за каждым самым маленьким начальником, когда перед ним встает вопрос, который не может быть решен исходя из узко-боевых соображений. Начальник разъезда, который в течение гражданской войны вместо того, чтобы выслать дозор для осмотра деревни, ведет и демонстрирует на ее улице свой разъезд полностью, чтобы вызвать на свет своих сторонников в деревне, уже выходит из пределов тактики и совершает стратегический акт. Командир первого русского корпуса, принимая 14 августа 1914 года решение отвести свои расстроенные войска назад, из их скученного положения, где они находились под ударами противника, тактически действовал правильно, но совершал стратегическое предательство, так как открывал неприятелю сообщения Самсоновской армии. Наступательные действия юго-западного фронта на Карпатском фронте стратегически были глубоко ошибочны, так как не отвечали возможностям нашего тыла питать это предприятие вооружением и снарядами. Важнейшая стратегическая ошибка Людендорфа заключалась в том, что он стремился обратить в завоевательную войну борьбу, которую Германия, при сложившихся мировых соотношениях политических сил, могла вести только оборонительно.

Мы предлагаем следующее определение: стратегия — это искусство ведения войны, охватывающее ту часть его вопросов, решение коих находится в зависимости от характера войны и определяющих его экономических, политических, географических данных или условий снабжения.

Вероятно, это определение покажется многим чудовищным, так как открывает перед нами почти беспредельное поле для изучения. Но нас интересует еще в большей степени, чем проведение водораздела между стратегией и тактикой, подчеркивание огромности понятия стратегия и зависимости стратегического решения иногда от очень далеких от узко-военной специальности соображений. Стратег не должен допускать, что в помещающемся над тактикой этаже его мышления потолок свисал бы слишком низко.

Чем больше мы будем знакомиться со стратегией так, как она обрисовалась в мировую войну, тем более мы проникнемся мыслью об огромных глубинах стратегического искусства, о чудовищной широте и емкости, которые должна иметь его теория, если только она не

хочет сознательно идти на односторонность. Война — это политическое и социальное землетрясение

Искусство вождя не может быть изучено по учебнику, так как это искусство заключается прежде всего в том, чтобы создать себе такой идейный пьедестал, с которого открывалась бы широкая точка зрения и видны были бы далекие горизонты. Это точка зрения преподавателя быть не может: каждый может претендовать возвыситься до стратегического понимания, подготовиться к задачам вождя только своими собственными усилиями. Ни в каких других отраслях самостоятельная научная работа не имеет такой важности, как при подготовке к ответственной политической или стратегической деятельности. Курс лекций по стратегии не может претендовать на большее, как на введение, на подготовку к самостоятельному изучению.

Учительницей политика или стратега может быть только сама жизнь, или ее отображение в истории. Глубокое критическое изучение опыта какой-либо войны, связанное с изучением решений, которые были бы сообразованы с современными условиями, многое может нам дать. Но эта работа будет протекать скорее и вестись успешнее, когда мы ознакомимся предварительно с теми методами, которые применялись великими пионерами стратегической мысли. Ознакомление с классическими писателями по стратегии будет несравненно полезнее преодоления какого-либо руководства: мы окажемся осведомленными, что и на каком пути изучения стратегии может быть достигнуто; прогулка в этом стратегическом арсенале даст нам представление о разнообразном оружии, которое имеется в распоряжении стратегической мысли и внимательный читатель сможет сознательно отнестись к выбору соответствующего для него метода исследования <...>

Если управлять — это значит предвидеть, то в стратегии управлять означает предвидеть далеко вперед. Когда-то вожди именовались пророками; Мольте отчасти был пророком, предсказывая за четверть века до мировой войны ее характер и продолжительность. Всякое указание далекой цели заключает в себе элемент пророчества. И если нет более трудной и неблагодарной задачи, как пророчествовать, то такие же трудности и тернии представляет задача стратегии. В мировую войну военное ясновидение самых выдающихся вождей оказалось не на высоте.

Если бы задача изучения стратегии сводилась исключительно к тому, чтобы миллионам людей затрачивать свои силы и время на одоление премудрости, постичь которую удастся единицам, то, может быть, не стоило бы и браться за это дело. Может быть, следова-

ло бы ограничиваться отбором этих единиц, предназначенных для главного командования, и подвергать их особому научному режиму, как подвергают пчелы особому режиму особей, избранных быть матками...

Так, примерно, и обстояло дело вплоть до Семилетней войны включительно. В военном искусстве царил исключительно “гений”. Однако, уже обстановка, в которой велась семилетняя война, ясно указала на нерациональность этого решения. Опыт Семилетней войны указал, с одной стороны, на необходимость организации и подготовки генерального штаба, а с другой — дал могучий толчок пробуждению стратегической мысли². Если научная работа в области стратегии насчитывает только полтора столетия, то это не фантазия, не каприз новейшей истории, а явление, предпосылками которого являлись глубокие изменения в характере ведения войны. До Семилетней войны все задачи частных начальников могли решаться исключительно с боевой точки зрения. Характер кабинетных войн изолировал войну в категорию особых явлений, связь которых с политической, народной жизнью направлялась исключительно через головы военного аппарата и правительства. Объекты действий были чисто военные — неприятельская армия или неприятельская крепость; армии не имели точек соприкосновения с населением, располагались на отдых бивуаком, сражались только в поле, кормились из своих магазинов. По существу, воевали между собой два военных ведомства; народ в этой борьбе не принимал участия и дуэль двух армий могла регулироваться исключительно боевыми, т.е. тактическими соображениями. Весь ход развития военного искусства в новейшее время оказался направленным на уничтожение такого военного сепаратизма. Выражение “теперь воюют не армии, а народы” надо понимать прежде всего как обращение деятельности на войне в тот фокус, в котором отражаются все политические, экономические, классовые интересы, имеющиеся в данном государстве и как утверждение того, что линия поведения на войне никогда не может быть найдена, если исходить только из чисто боевых соображений и не считаться с определяющими войну общими интересами. Чем больше война затрагивает интересы населения, чем ярче основные ее линии обрисовываются требованиями политики и экономики, тем большее значение получает стратегия.

---

² Стратегия возникла одновременно с привлечением общественного внимания к теоретической разработке политической экономии. Интересно, что Ллойд, первый писатель по стратегии появился почти одновременно (через 7 лет) с капитальной работой Адама Смита о богатстве народов.

Как мы указывали выше, граница, проведенная нами между стратегией и тактикой, исходя из научных требований, совершенно не отвечает современной педагогической практике: тактика ныне чувствует себя в своих собственных пределах бессильной выдвинуть какую-либо чисто боевую цель, разрешить своими силами всецело какую-либо задачу; поэтому тактика широко аннексирует себе соображения чисто стратегической категории и старается обосновать это тем, что она трактует все военное искусство в целом в пределах компетенции начальника дивизии. Таким образом у нас, в военно-учебных заведениях, преподавая вместе стратегию и тактику в пределах компетенции начальника дивизии, называют это “тактикой”, а стратегию и тактику высшего командования именуют “стратегией”.

Это указание мы делаем с исключительной целью подчеркнуть, что в стратегии, в истинном понятии этого слова, очень настоятельно нуждается не только главнокомандование, но и широкие массы командного состава. Стратегия нужна, чтобы армия понимала, относилась сознательно к выполняемому ею маневру и чтобы стратегические вопросы, решаемые частными начальниками, до командира отделения включительно, находились в согласовании с указываемым главнокомандованием путем.

Уже понятие о пути отступления — чистая стратегия. Беглецы, дезертирующие с окопов с криком: “нас отрезают”, в сущности высказывают паническую оценку стратегического положения: “дело стратегически проиграно, наши тактические усилия обречены быть тщетными, бежим”. Точно так же, когда части выходят на неприятельские сообщения, берут, по красноармейскому выражению, противника “за жабры”, то это тоже стратегическая оценка, та же Шлиффеновская мысль о “Каннах”, из которой вытекает огромное значение предстоящего боя, необходимость проявления особого упорства, дабы одержать “чрезвычайную” победу.

“Чрезвычайная” победа, а не простой обмен на рану — рану, к чему преимущественно сводились действия русских войск в мировую войну, не может быть добыта в плоскости тактического мышления. Она, помимо тактики, требует двух предпосылок: закала воли к борьбе, который может дать правильная воспитательная и политико-просветительная работа в войсках, в связи с соответственным направлением общей политики государства, и затем — стратегического понимания требований войны и стоящей на очереди операции. Нужно, чтобы командиры и войска, когда надо, постарались бы и себя не пожалели. Если Шефферу-Бояделю удалось уйти из окружения, пробившись в ноябре 1914 года под Брезинами, если польская

армия, с потерями, но все же ускользнула из Киева, а части Врангеля, бросив артиллерию, сумели проскочить в Крым, то эти неполные удачи старой царской армии и новой красной армии как бы свидетельствуют о том, что нашей стратегии приходится иметь дело с равным напряжением боевых усилий войск, идет ли дело о второстепенном бое местного значения, или моменте, когда решается судьба кампании. Если немцы характеризовали маневрирование старой русской армии как тяжеловесное, то они вовсе не имели в виду неспособность русского солдата пройти столько же верст, сколько делает немец, а хотели подчеркнуть известную стратегическую тугодумность русских войск, неспособность их резким броском немедленно полностью использовать благоприятный стратегический момент.

Война — это долгие месяцы трудов, лишений и жертв; войска равномерно тянут свою лямку; но они должны понимать, что бывают моменты, когда требуется собрать урожай, являющийся плодом всех этих усилий. Один день, говорит в таких случаях крестьянин в своем обиходе, целый год кормит. Тактика пашет и сеет, сбор урожая — это дело стратегии. Если забывать об урожае, то не стоит и хозяйством заниматься...

Чтобы покончить с идейной тяжеловесностью, нужна идейная гимнастика. Одной из основных ее форм является изучение классиков стратегической мысли. И нам кажется, что знакомство со всем разнообразием представленных в этом сборнике методов не будет лишним, так как современная стратегия требует синтеза.

Стратегия в трудах военных классиков. Под ред. А.Свечина. Т.1. - М.: Высший военный редакционный совет, 1924. - С. 7-17.

Базирование и ударность

Никакая борьба немислима без известных точек опоры, и ничего в наблюдаемой борьбе мы не поймем, если не отдадим себе отчета во взаимных соотношениях борющихся с их опорными точками. Стратегический успех — это лишение противной стороны ее точки опоры или ослабление ее связи с нею. Такой опорой вредителей являются обычно межи, пустыри, невозделанные рукой человека пространства, и всякое непосредственное избиение саранчи, не захватывающее ее рассадников, является только тактическим успехом в борьбе с нею...

Все вензеля, которые выписывают борющиеся стороны, останутся непонятными нам, если мы будем рассматривать борьбу лишь как изолированную надстройку, а не охватим своим вниманием целое — борьбу и те опорные точки, которые имеются в распоряжении каждой стороны. Уже Жан Жак Руссо призывал нас искать в мирной жизни государства причины его поражений на войне. И этот призыв расслышал гениальный Бюлов. Он уже видел, что политика, объявляя войну, оставляет стратегии ряд опорных точек, совокупность коих представляет базу, на которой ведется война. Он правильно объяснял непобедимость армии французской революции и Наполеона превосходством политической опоры, даваемой завоеваниями революции над тем, что мог дать политически одряхлевший строй немецких государств, удерживавших еще старый порядок. У Бюлова родилось понятие о базе, которое тысячи раз повторялось затем в других военных трудах; но военная мысль как бы замерла, и следующее слово о войне, как надстройке, до сих пор еще не было проинзенено.

Геометрическое мышление Бюлова, опираясь преимущественно на опыт кабинетных войн XVII и XVIII веков, представлявших спор правительств без участия в нем народных масс, постаралось затем сузить понятие о базе в геометрически-географические пределы: база обратилась в известнейшем его исследовании в линию, соединявшую пограничные крепости-магазины, откуда действующая армия получала все свое снабжение. Дальнейшие писатели нашли возможность это понятие о базе, вследствие появления железных дорог, перенести на всю страну, ведущую войну, изнутри которой теперь непосредственно снабжаются войска. А между тем понятие базы следовало бы трактовать в духе Жан Жака Руссо и некоторых беглых замечаний Бюлова не только с географической, но и экономической, социальной и политической точек зрения. Кое-какие замечания об этом имеются у Клаузевица и, посвятившего всю свою жизнь на пересмотр его учения для нужд современности, — Блуме.

Пусть читатель подойдет к труду Бюлова с такой широкой точкой зрения и будет помнить, что армия, ведущая войну, базируется прежде всего на позиции господствующих классов воюющего государства, на их мощь и на классовое самосознание; что, затем, она базируется на имеющиеся в их распоряжении материальные средства, т.е. на весь экономический фундамент государства, на его территорию и население, поскольку последнее охвачено органами военного учета. Затем, армия базируется на всю подготовку государства для специально военных целей — на инженерную подготовку погранич-

ных районов, организованный для военных целей транспорт, непрерывный поток пополнений, военную промышленность и т.д. Если мы хотим понять явления военной борьбы и научиться успешно руководить ими, то нам надо обратить сугубое внимание на исследование условий базирования обеих сторон в каждом частном случае. Слабым местом русской армии в мировую войну была слабость русской буржуазии в ее тылу²¹. Это слабая опорная точка не могла ни обеспечить тыл от революции, ни доставить достаточные материальные средства, ни дать армии многочисленный и классово выдержанный командный состав... Австрия, позади фронта своих армий, также разлезалась по всем национальным швам. В Германии наступательная линия военного командования совершенно оторвалась от тех, пригодных лишь для обороны, опорных точек, которые создала немецкая политика. Армии Фоша не вышли и не прервали путей сообщения германской армии с родиной, как этого хотела Антанта. Но эта связь, естественно, оборвалась и без вмешательства оперативного маневра: на четвертый год войны иссяк поток пополнений (в среднем 170 тыс. в месяц); а что поступало, то шло на минус, а не на плюс для ведения войны. Летом 1918 года наступил этот разрыв германской армии со своими опорными точками, и несказанно быстро непобедимыми армиями овладело военное бессилие.

Вопросы базирования всегда играют огромную роль. В известном разрезе борьба вообще представляется борьбой за базирование... Бюлов, в своем преклонении перед базой и выдвигаемыми ею массами, иногда склонен был игнорировать моральные силы и рассматривал военные действия как простой подсчет соотношений сил обеих сторон. Он заходил так далеко, что иногда считал сам и сражения лишь следствием безграмотности генералов, которые не в силах сделать в уме требуемые расчеты и которые нуждаются в очевидности, чтобы сделать необходимые выводы.

Конечно, эту точку зрения защищать нельзя. Нужна выдающаяся гениальность, чтобы сделать заранее тот подсчет сил, который выполняется историей с математической точностью на весах сражения; кроме того, такой совершенно точный гениальный подсчет никого не убедил бы, — никогда пророчество не мешало событиям на земле идти своим ходом. Но, несомненно, если мы возьмем в любой войне момент оперативного кризиса, мы убедимся тотчас же, какое решительное значение имеют условия базирования обеих сторон для решения его в ту или другую сторону.

---

²¹ Этот пример основывается на заметке Дельбрюка в статье 27 сентября 1914 года. Hans Delbruck. Krieg und Politik 1914-1916. Berlin, 1918, стр. 57.

И чем дальше отстоят от историка события какого-либо боевого кризиса, тем более склонным становится историк объяснять разрешение его не причинами, лежащими в самом событии, а условиями базирования. Исход осенней кампании 1813 года сначала объясняли ошибками маршалов Наполеона, затем противоречиями между огромными массами, собранными Наполеоном, и методом действия по внутренним линиям; потом историки начали видеть объяснение неудач в молодости войск, в массах новобранцев, для надлежащей организации которых Наполеон более не располагал кадрами, потерянными им в 1812 году в снегах России; а работы, вышедшие к столетнему юбилею, переносят центр тяжести объяснения на ухудшившиеся условия базирования Наполеона. Внутри Франции развивались процессы, ослаблявшие опорные точки наполеоновского могущества; французская земля начала давать рекрут “пальчиков”, самострелов. Сообщения четырехсоттысячной армии Наполеона тянулись по одной грунтовой дороге на сотни верст от Дрездена на Эльбе к Страсбургу на Рейне. В этих условиях наполеоновская армия была обречена и на голод, и на быстрое таяние от недостатка пополнений, и на недостаток снарядов, сильно сказавшийся под Лейпцигом, и на разлагающее влияние пребывания на немецкой почве.

Предоставляем самим читателям произвести баланс условий базирования на Висле к 16 августа 1920 года 120 тысяч поляков и 40 тысяч красноармейцев. Надо подсчитать все — и Врангеля, проявлявшего на юге лихорадочную деятельность, и Антонова, и зеленых, все несовершенства тогдашнего советского аппарата управления, и оторванность армии от железных дорог, и отсутствие снарядов, обращавшее немногочисленную наличную артиллерию в балласт, и группировку Красной армии, с “тараном”, устремленным в пустоту нижней Вислы, и с 20-40 бойцами Мозырской группы, развернутыми на километр фронта на важнейшем, прикрывавшем сообщения, люблинском направлении... и особенности нашего военного управления, и еще целую гамму других, очень разнообразных соображений. Если мы взвесим теперь условия базирования обеих масс и их численный состав, то не придем ли мы к убеждению, что бои, разыгравшиеся между 16 и 23 августа, являлись простой формальностью, некоторой условностью, необходимой, чтобы напомнить стратегам очень простые вещи. И высказываемый нами взгляд отнюдь не является профанацией боя. Сам апостол решительного сражения и сокрушения, доведенного до идеала “Канн“, Шлиффен, не вспоминает ли он саркастически письма Наполеона прусскому королю от 12 ок-

тября, накануне йенской операции²², в котором Наполеон уверяет, что прусский король должен быть убежден не менее его самого в том, что в ближайшем же времени прусская армия будет наголову разбита. И прусский король знал это так же твердо, как и Наполеон, но из приличия должен был взять на себя выполнение своей тяжелой роли в йенской операции... Шлиффен также сводит, в конечном счете, поднявшись на известную точку зрения, Йену к простой формальности <...>

Из учения о базе можно сделать и вывод, что в том случае, если обе стороны, или по географическому своему положению (Англия и Россия, Россия и Япония), или по отсутствию надлежащей военной подготовки (Север и Юг в войне за нераздельность Соединенных Штатов), или вследствие отсутствия определенного перевеса сил (мировая война) лишены возможности нанести непосредственно друг другу смертельный удар, то война должна перейти в форму борьбы за опорные точки; удары на фронте, как могущественны бы ни были, сохраняют характер лишь эпизодов; решительное значение получает — выдержка: финансовая, экономическая, социальная, политическая. Хорошо базированное государство, как Англия, имеющее прочный экономический фундамент и сравнительно слабую армию, всегда должна тяготеть к такой борьбе на измор. Только момент наибольших успехов германских подводных лодок, угрожавших подорвать экономическую стойкость Англии, заставил ее политиков и стратегов задуматься о своевременности перехода к более решительным действиям на фронте. Такая война на измор, конечно, направляет стратегическое мышление на совершенно другие рельсы, чем борьба, ведущаяся при большом перевесе сил одной стороны и при имеющейся для нее возможности нанести смертельный, сокрушительный удар. Стратегия сокрушения вся проникается единой идеей, замысел ее прост, как удар оглоблей, она развивается полностью по кратчайшей логической линии, идущей к конечной цели, и достигает ее с наименьшей затратой своих сил и средств и с наименьшим повреждением опрокидываемого на лопатки противника; а стратегия измора представляет несравненно более сложное фехтование, гораздо менее дисциплинируемое в своих решениях требованиями быстроты, краткости и экономии своих сил и шкуры врага, допускающее гораздо большее число сносных решений, не имеющее такого регулятора, такой все ориентирующей магнитной стрелки,

---

²² Т.1 настоящего труда, стр. 347. Наполеон “победил пруссаков прежде, чем раздался первый выстрел на передовых постах”. “Сражение при Йене было формальностью, избегнуть которой не позволяла честь”.

какую имеет стратегия сокрушения в лице решительного пункта на поле сражения.

Еще ни один военный стратег не дал нам теории стратегии измора. Клаузевиц только подходил к ней. Признание стратегии измора делает условными и все выводы теории военного искусства. Поэтому целые поколения офицеров германского генерального штаба стремились удушить в течение последних 47 лет всякие разговоры о ней. Между тем, мировая война выдвинула вопросы стратегии измора с небывалой раньше остротой. Знакомство с ними должно безусловно входить в объем современной стратегической грамотности. Poleмический выпад Богуславского и статьи Дельбрюка о стратегии Фридриха и Наполеона позволяют уяснить себе несколько важнейших основных вопросов, относящихся к двойственному характеру стратегии.

Другое великое начало, имеющее решающее влияние на судьбы войны, — это начало ударности, сосредоточения превосходных усилий на решительном пункте. В среднем, в течение 1623 дней мировой войны, германцы теряли по 3 убитых в каждые 4 минуты. Однако, было бы полным отрицанием военного искусства сводить задачи стратегии к поддержанию в рядах неприятеля такой травматической эпидемии. Дверь, выдерживающая десятки тысяч толчков ребенка, будет проломлена с гораздо меньшей, в сложности, затратой усилий одним толчком атлета. Солидный крепостной форт в 1914 году можно было лишь не вполне разрушить с затратой 50-100 тысяч пудов снарядов 6-ти дюймового калибра, и лучшие результаты давала затрата 10 тысяч пудов снарядов 16-ти дюймового калибра...

Когда французская революция выдвинула на поля сражений огромные массы, то явилась возможность не разбрызгивать их усилия на многочисленных фронтах, а сосредоточивать их для нанесения сокрушительных ударов. Наполеон осуществил эту возможность, и стратегия сокрушения называется по имени ее творца — наполеоновской. Мольтке сложившейся исторической обстановкой был поставлен в такие же выгодные условия большого перевеса сил, как Наполеон, и получил возможность осуществить войны с Австрией и Францией в стиле сокрушения. Отсюда “здравый смысл” всех профессоров военного искусства, всех генеральных штабов сделал заключение, что единственно правильной является стратегия сокрушения, и что только недостатками мышления и характера полковод-

цев объясняются наблюдаемые иногда в истории отличные от наполеоновских стратегические приемы.

Сокрушение иногда приводит к решительным результатам даже и без предварительного изолирования неприятеля от его опорных точек. Даже фронтальный удар, легко преодолевающий сопротивление отдельных разрозненных частей противника, приводит иногда к решительным результатам, если неприятель при ударе получает такое сотрясение, что все его связи с опорными точками рушатся и армия начинает разваливаться. Удар вырастает до полного уничтожения неприятеля, принимает характер Канн. Если Жомини, размыслив, предлагал впоследствии лишь наполовину подражать примеру великого корсиканца, так как едва ли всем по плечу наполеоновская стратегия, то Шлиффен, сам составивший план, исполненный наполеоновского дерзания, хотел вселить в мысли всего командного состава германской армии необходимость повсюду развивать тягу к крайней ударности, к нанесению таких ударов, которые бы сразу сметали миллионные армии с арены борьбы.

Характернейшим признаком стратегии сокращения является признание ею — раньше — решительного сражения, а ныне — решительной операции — единственным средством стратегии для достижения цели войны. Все, что происходит на других театрах, должно терять свое значение по сравнению с результатами одного сокрушительного удара, развитие коего, путем непрерывного преследования, должно привести нас к решительной цели. Йенская операция включает в себя весь разгром Пруссии в 1806 году; пленение различных обломков прусской армии, занятие столицы и всей прусской территории до Вислы являлись лишь эпизодами преследования после Йенского сражения. Так же смотрел в 1920 году, после успешного прорыва польского фронта в Смоленских воротах в июле месяце, Западный фронт на условия дальнейшей борьбы с Польшей. Преследование поляков Красной армией по своему замыслу и размаху может быть вполне сопоставлено с преследованием, организованным Наполеоном после Йены. Но у нас не было того перевеса сил, которым располагал Наполеон, мы действовали в эпоху железных дорог, дающих отступающему возможность быстро усилиться и перегруппироваться, и переоценка нами сокрушительного характера одержанных успехов сказалась в горьком разочаровании на Висле.

С точки зрения сокращения, титула “операции”, заменившего титул “генеральное сражение” заслуживает только такая победа, развитие которой ведет к тому, что неприятельская организация начинает уже пороться по всем швам, и война обращается уже в скачку к

конечной цели. Такой сокрушительный характер имел успех русских над турками при форсировании Балкан в зиму 1877-78 гг. В мировую войну такой успех мог бы увенчать план Шлиффена, если бы удалось захватить одним приемом Париж и обезоружить у швейцарской границы остатки французской армии. Людендорф, одерживавший так много побед в мировую войну, находит в ней только одну “операцию”: это прорыв осенью 1918 года армиями Антанты болгарского фронта на Балканском полуострове, повлекший за собой выход из войны Болгарии, затем Турции и ускоривший разложение Австрии. Самому Людендорфу не удалась ни одна сокрушительная операция. Уничтожение центра самсоновской армии и поражение армии Ренненкампа — очень приличные победы с точки зрения стратегии измора — являются отнюдь не решительной операцией в стиле сокрушения. Это только ослабление на 10% русского военного могущества. (Что решительный пункт в этот момент не лежал в Восточной Пруссии, это видно из того, что Танненберг не определил исхода галицийской операции: мы продолжали с удвоенной энергией бои на всем фронте соприкосновения с австрийцами и одержали крупный успех над ними в момент полной неудачи нашего вторжения в Восточную Пруссию). О сокрушительной операции можно было бы говорить лишь в том случае, если бы Людендорф после поражения Самсонова имел силы и возможность непосредственно броситься через Нарев и выйти в тыл значительной части нашего фронта.

Точно так же не превратился в операцию удар Людендорфа, приведший к окружению в Августовских лесах центра 10-й русской армии в феврале 1915 года. Чтобы дорасти до операции, германские армии должны были выйти одним ударом на фронт Белосток — Гродно; громадные массы русских армий в Польше оказались бы в ужаснейшем положении. Свенянский прорыв в сентябре 1915 года, на который Людендорф возлагал столько надежд, явился уже совершенной пародией на операцию. Тарнопольский прорыв, которым летом 1917 года при помощи дивизий, подвезенных с французского застывшего фронта, Людендорф отвечал на “наступление Керенского”, также не дорос до операции: несмотря на явную потерю боеспособности у русских войск, австрийцы и тут умудрились замяться и потерпеть ряд неудач, и надежда — от Тарнополя проскочить до берегов Черного моря, чтобы захватить в плен значительную часть Юго-западного и весь Румынский фронт — оказалась неосуществимой.

Осенним ударом 1917 года, у Капоретто, Людендорф смял огромную часть итальянской армии, добился совершенно баснословных цифр трофеев — в течение 17 дней у итальянцев было захвачено 294 тысячи пленных, 3.152 орудия, 1.732 миномета, 3.000 пулеметов; потери наступающих были сравнительно ничтожны, так как и итальянцы потеряли всего десять тысяч убитых и тридцать тысяч раненых. Сверх того, не менее 200 тысяч итальянских солдат, под впечатлением этой катастрофы, оставили ряды войск и разбрелись по всей стране. И, несмотря на эти колоссальные цифры, это все же не была генеральная победа, не была “операция” в смысле сокрушения: с помощью десятка англо-французских дивизий остатки итальянских армий были подперты, получили возможность собраться и устроиться; на реке Пиаве германо-австрийцы вновь натолкнулись на организованный Фошем крепкий позиционный фронт, и наступила пауза. Выход на прямую к финишу оказался недостижимым, и через год итальянцы могли гордиться тем, что, перейдя в наступление против переставшей воевать австрийской армии, они захватили в шесть дней 7000 орудий и 450.000 пленных!

Большие наступления Людендорфа весной 1918 года во Франции представляют огромные успехи, знаменуемые сотнями и тысячами квадратных километров захваченной территории, тысячами захваченных орудий, десятками и сотнями тысяч пленных — но все это образовывало лишь прорехи во французской обороне, поддававшиеся штокпе, починке, не выливавшиеся в йенскую беспомощность побежденного. Победы Людендорфа не являлись генеральными, так как англичане получили возможность сказать, что их у немцев было много, а они одержали только одну, но зато последнюю. Трагедия Людендорфа заключалась в том, что он целиком ориентировался на стратегию сокрушения, пути которой, при сложившемся соотношении сил, были для него недоступны.

Начало сокрушения прельщает нас своей ясной логикой и воплощаемым ею принципом экономии сил. Спенсер как-то определял грациозность движения, как совершение его с наименьшей затратой сил. Прыжок серны грациозен потому, что она совершает его без малейшего лишнего напряжения; все ее мускулы дают строго целесообразную работу; малейшая частица энергии не пропадет бесплодно. Мы должны признать грациозным и жест тореадора, легким ударом шпаги в мозжечок убивающего массивного разъяренного быка. Мы должны признать грациозной и стратегию сокрушения, когда она удастся. Короткая вспышка заканчивает борьбу прежде, чем неприятель успеваает реализовать большую часть сил, средств и

энергии, которые он может извлечь из своих опорных пунктов. Противник падет к ногам победителя не как разоренный нищий, а со всеми своими богатствами. Если бы Антанта сумела в два месяца войны победить Германию, как бы жестоки ни были потери в течение энергично веденных операций, они были бы много меньше, чем за годы затяжной войны...

Сокрушение, ударность характеризуются тем, что они признают начало частной победы; они признают существование решительного пункта, успех на котором определит все прочие отношения. Однако, одними приемами ударности нельзя вести экономической борьбы. В мировую войну, несмотря на тяготение к сокрушению всех генеральных штабов, удары на фронте оказались лишь эпизодами. Решение всюду было обусловлено крушением базы. Это обстоятельство, однако, не позволяет нам отнюдь игнорировать начала ударности. В известных условиях, в известном масштабе, оно играет огромную роль. Даже в мировой войне, если мы будем подходить не с точки зрения конечной цели, а с точки зрения промежуточной цели, частной цели одного из эпизодов борьбы, мы увидим огромное значение этого, если можно наименовать его, “решительного пункта ограниченного района войны”. Сама стратегия измора вовсе не означает вялого ведения войны, пассивного ожидания развала неприятельского базиса. Она видит, прежде всего, невозможность достигнуть одним броском конечной цели и расчленяет путь к ней на несколько самостоятельных этапов. Достижение каждого этапа должно означать известный выигрыш наш в мощи над противником. Уничтожение неприятельских вооруженных сил, не являясь единственным средством, представляется и для стратегии измора весьма желательным, и такие предприятия, как Танненберг и Капоретто, прекрасно укладываются в ее рамки.

Даже в том случае, если стратегия измора выдвигает, как промежуточную цель, захват географического объекта — например, каменноугольного бассейна, промышленного района, производящей хлеб области, то и в этом случае в борьбе с противодействием неприятельских войск найдется известное приложение принципу ударности. Если на экономическом фронте войны приложение принципа ударности иногда представляло большое зло, например, при обращении железнодорожных мастерских на фабрикацию снарядов, при лишении сельского населения гвоздей и сельско-хозяйственных орудий из-за спортивного соревнования с неприятелем в количестве выпускаемого в сражении металла, то ударность и здесь, при пра-

вильном руководстве, при наличии широкого экономического плана, может оказать огромные услуги.

Мы поэтому полагаем, что ударность, лежащая в основе сокрушения, отнюдь не отжила свой век; начало ударности вместе с началом базирования представляет двух китов, на которых покоится существенная часть теории стратегии.

Конечно, идеи ударности можно проследить у многих писателей старых времен. Ведь Александр Македонский, Ганнибал, Юлий Цезарь издавна являлись весьма поучительными объектами для размышления. В новейшей истории актуальное значение в теории они получили лишь после того, как Наполеон дал им новые формы бытия. Эрцгерцог Карл был одним из первых, уловивших эту сторону наполеоновского искусства. Мы в этом отношении решительно расходимся с Дельбрюком, считающим эрцгерцога Карла “пустой головой и слабым характером”. Может быть наша точка зрения объясняется нашей осведомленностью об эрцгерцоге Карле, базирующейся исключительно на австрийские исторические труды²³.

Во всяком случае, он предупредил Жомини в изложении основного начала стратегии сокрушения — в указании решительного пункта, на котором в решительный момент надо быть сильнее неприятеля. Поэтому мы предлагаем рассматривать приводимые отрывки из трудов эрцгерцога Карла, имеющие и другие достоинства, как первый черновой вариант к произведению великого популяризатора начала сокрушения и наполеоновской стратегии — Жомини. Последний с необычайным тактом отбросил все сумбурное, всю излишнюю геометрию, всю утрировку военной географии, которые мы встречаем у Бюлова и эрцгерцога Карла, и создал в основных чертах то стратегическое учение, которого держалось огромное большинство вплоть до мировой войны. Перед Клаузевицем расписывались в уважении, его цитировали, а когда предстояло переходить к конкретному вопросу — простой и прозрачно-ясный Жомини одерживал в большинстве случаев верх в сознании оператора над глубоким, но туманным германским философом войны.

Линию Жомини в русской литературе продолжал Г.А.Леер; однако, последний, в противоположность Жомини, вовсе не воевал и не работал два десятка лет над капитальным военно-историческим тру-

---

²³ Единственный момент, вызывающий у нас сомнения, это поведение эрцгерцога в ночь перед решительным днем ваграмского сражения, когда он, накануне раненный, пассивно относится к проведению его энергичным начальником штаба, генералом Вимпфеном, его, Вимпфена, концепции сражения, а также бессилие эрцгерцога Карла справиться с непослушанием своих братьев-командиров входящих в его армию корпусов.

дом. Действительность с ее материализмом отошла у Леера совершенно на второй план. Это кабинетный ученый, идеалист чистой воды, пытавшийся создать положительную науку о войне; в семидесятых годах его имя пользовалось мировой известностью. Разумеется, Леер видел только ударность, и Бюлов рисуется ему как антипод правильного стратегического мышления. Но как эрцгерцог Карл, так и Жomini и Леер заимствовали у Бюлова боязнь за свой тыл и воплотили ее в учение о безопасности операционной линии <...>

Стратегия в трудах военных классиков. Под ред. А.Свечина. Т.2. - М.: Государственное военное издательство, 1926. - С.8-18.

Сокрушение и измор

Задачей политики является определение будущей войны не только как обороны или наступления, но и как измора или сокращения.

Бисмарк в 1870 г. весьма опасался вмешательства во франко-прусскую войну других держав, считая выгодные политические условия, в которых находилась Пруссия, только преходящим моментом, и потому выдвигал требование — скорейшего сокращения Франции, не блокады, а атаки Парижа.

Стратеги старой школы обычно указывали, что всякое промедление на войне идет во вред наступающему. Это справедливо, если мы будем иметь в виду лишь стратегию сокращения и понятие наступления будем ограничивать исключительно фронтом вооруженной борьбы. Однако, если мы под наступлением будем понимать преследование позитивных целей, в отличие от обороны, преследующей негативные цели, то уясним себе возможность политического и экономического наступления, которое для оказания воздействия на противника часто потребует длительного времени и которому затяжка войны может пойти на пользу. Все попытки русских нанести сокращительный удар Дагестану оказались неудачными; но когда русские организовали последовательную борьбу на измор и оторвали от Дагестана кормившую его хлебом Чечню, — Шамиль был побежден, и Дагестан был завоеван. Антанта преследовала в мировой войне против Германии самые активные цели, стремясь совершенно обезоружить ее в военном и экономическом отношениях, но применяла методы измора, и время работало в пользу не Германии, а политически наступавшей Антанты.

То обстоятельство, что борьба на измор может стремиться к достижению самых решительных конечных целей, до полного физического истребления противника, ни в коем случае не позволяет нам согласиться с термином — война с ограниченной целью. Стратегия измора, действительно, в противоположность стратегии сокрушения, задается, до момента конечного кризиса, операциями с ограниченной целью, но цель самой войны может быть далеко не скромной²⁴.

Уточнение указания на выбор между сокрушением и измором при постановке политической цели имеет громадное значение для ориентировки всей военной деятельности; но еще важнее оно для правильного выбора политической линии поведения и организации экономической подготовки; последняя может направляться по совершенно противоположным путям в зависимости от того, готовимся ли мы к бурному развитию максимальной энергии, короткой вспышке или к развитию длительных, последовательных усилий. Война на сокрушение будет вестись преимущественно за счет запасов, накопленных в мирное время; заграничные заказы, для экстренного их пополнения перед войной, могут быть чрезвычайно уместны. Борьбу же на измор большое государство может базировать исключительно на работе своей промышленности в течение самой войны; военная промышленность может развиваться исключительно за счет военных заказов, и отнимать у нее работу в мирное время, передавая заказ за границу, это — больше, чем преступление, это — ошибка. Подготовка войны на сокрушение может быть проведена путем такого чрезвычайного усиления военного бюджета, которое остановит или даже подорвет развитие производительных сил государства. Подготовка же войны на измор должна, главным образом, заботиться об общем, пропорциональном развитии и оздоровлении

---

²⁴ Мы совершенно не согласны с общераспространенной терминологией Блуме (W.Blume.“Strategie”.1912,стр.24-27). Последний, отрицая деление на сокрушение и измор, делит войны, по напряжению, на войны до последней крайности, как , например, борьба Пруссии против Наполеона в 1806-1807 гг. или борьба буров против англичан в 1900-1903 гг, на укороченные войны, которые начинаются с такой же энергией, но прерываются до исчерпания всех средств, вследствие безнадежности сопротивления и переполнения чаши страданий народа, и на войны с ограниченной целью, в которых развитие вооруженной борьбы не происходит полным темпом. Война с ограниченной целью, (к такой войне Блуме хотел бы отнести борьбу на измор), представляет только войну слабого напряжения, из-за мелких целей. Такие войны были типичны для XVIII века; в настоящее время ожидать повторения их очень трудно, между тем как войны на измор легко могут иметь место; первой такой войной, попавшей в историю, была Пелопонесская в конце V века до нашей эры, прекрасно описанная Фукидидом, а последними были Восточная война (Севастопольская) 1853-1856 гг., гражданская война за нераздельность Соединенных Штатов, русско-японская и мировая войны.

экономики государства, так как большая экономика тяжелых испытаний измора, конечно, выдержать не может.

Постановка политической цели войны, столь не хитрая по видимости, представляет в действительности труднейшее испытание для мышления политика. Здесь возможны самые крупные заблуждения. Вспомним хотя бы постановку наступательной цели Наполеоном III для войны с пруссаками в 1870 г., или постановку целей сокрушения всеми генеральными штабами в начале мировой войны. Особенную трудность представляет именно выбор между сокрушением и измором. Подавляющее большинство военных и экономистов перед мировой войной жестоко ошиблось, полагая, что она протянется около 3 и не более 12 месяцев; только Мольтке старший и Китченер не впали в это заблуждение. Ошибка лежала в плоскости применения формальной логики: исключительно дорогая и разорительная война должна скоро кончиться. Диалектика же истории гласит, что если война так разорительна и поглощает столько средств, то, при известной длительности, разорение одной стороны и выдержка другой, последний пуд хлеба явятся средством победы; именно дороговизна войны и ее разлагающее действие на государственность и осмысливает войну на измор. Так было в начале XVI века, когда из-за появления наемников и артиллерийской техники стоимость войны очень возросла, и такие же основания явились и во второй половине XIX века, когда техника вновь очень осложнилась, а массы сильно выросли. Трудность уяснения характера будущей войны приведет на практике, вероятно, к тому, что в политическом задании, устанавливающем политическую цель, будет предлагаться компромисс — и краткое сокрушение, и длительный измор; задача подготовки к войне получит такое же компромиссное решение, заключая в себе и стремление к подготовке быстрых операций части сил, и противоположную тенденцию обеспечить возможность длительной борьбы.

Характер и длительность войны являются результатом условий, складывающихся на всех трех фронтах войны. Слабый в классовом отношении противник может быть побежден уничтожением его вооруженной силы; но линия наименьшего сопротивления к победе, может быть, идет через некоторую затяжку войны, могущую вызвать у врага политический развал. Сильное в классовом отношении и значительное государство едва ли может быть опрокинуто приемами сокрушения без длительной подготовки путем измора. При слабой подготовке государства к сухопутной войне (Англия, Соединенные Штаты) момент его высшего стратегического напряжения, очевидно, не может совпадать с первыми неделями войны, а будет

отнесен на 1, 2 или 3 года позднее. Государства, имеющие слабые армии в мирное время, ведут долгие войны. Перенос центра тяжести на мобилизацию военной промышленности ведет к тому же. В военном отношении несходство двух противников— морская и сухопутная державы — ведет к изморю (Англия и Россия); удаление двух государств, имеющих возможность вступить в борьбу лишь на отдаленном театре войны, отрезанном морями или расстоянием от важнейших центров воюющих государств (Япония и Россия), конечно, препятствует борьбе принять сокрушающий характер. Военное равновесие также приводит к отказу от сокрушительных целей.

Военная подготовка, доведенная до возможности немедленного максимального напряжения своей боеспособности, обширная сухопутная граница с перерезающими ее хорошими путями сообщений, значительное превосходство сил, политическая постройка неприятельского государства по образу колосса на глиняных ногах, это — условия, благоприятствующие сокрушению и позволяющие закончить войну в короткий срок и с минимальным расходом материальных средств и человеческих жизней. Поскольку военные бюджеты, несмотря на свой рост, отстают от роста производительных сил и максимум стратегического напряжения становится ныне достижимым лишь через полгода после окончания экономической мобилизации, т.е. не раньше второго года войны, постольку мы в будущем, вероятно, будем иметь преимущественно длительные войны.

Если бы указание о сокрушении было вовсе опущено в политической ориентировке, то экономическая подготовка, предоставленная соображениям преимущественно экономического фронта борьбы, естественно направлялась бы в русло борьбы на измор. Но такое упущение было бы неправильно, несмотря на большую вероятность длительной борьбы в будущем. Подготовка экономики на измор, может быть, не вполне отвечала бы чисто военной подготовке: из-за нее, быть может, пришлось бы отказаться от возможности решить борьбу одним ударом, от следования кратчайшим путем к конечной цели, по примеру великих полководцев. Априорное решение, не считающееся с условиями данной войны, недопустимо. На что послужит подготовка к десятилетней войне, если она настолько пойдет в ущерб первому же нашему военному усилию, что противник, действуя методами сокрушения, сумеет в два-три месяца достигнуть своей политической цели? Если политика потребует молниеносного удара по одному из соседей, то соответственным образом должны быть приняты и экономические решения.

Говоря о политической цели войны, мы пришли к заключению, что на политическое руководство ложится обязанность ориентировать, после внимательного обсуждения со стратегом, действие вооруженного фронта на сокрушение или на измор. Противоречие между этими формами гораздо глубже, важнее и чревато более существенными последствиями, чем противоречие между обороной и наступлением.

Задача стратегии существеннейшим образом упрощается, если мы или неприятель стремимся покончить войну сокрушительным ударом по примеру Наполеона и Мольтке. Труды по стратегии, имевшие в виду исключительно стратегию сокрушения, в сущности обращались в трактаты по оперативному искусству, и Г. А. Леер с полным правом поместил на обложке своих трудов, под заглавием “стратегия”, второй заголовок — “тактика театра военных действий”. Естественно пристрастие стратегов старой школы к анализу наполеоновских походов: в последних целая кампания часто сводилась к одной лишь операции на главном театре²⁵; стратегические вопросы не представляли затруднения и заключались лишь в определении главного театра; группировка сил между главными и второстепенными театрами производилась по принципу решительного предпочтения интересов главного театра, постановка цели для единственной операции на главном театре не могла вызывать сомнений, так как она при стратегии сокрушения сводилась к уничтожению развернутых на нем неприятелем живых сил. Изучение наполеоновских походов в большинстве случаев сводилось, таким образом, к изучению оперативного, а не стратегического искусства. Естественно, что Жomini считал вопросы стратегии более простыми, чем вопросы тактики. Из сказанного отнюдь не следует, что мы не признаем за Наполеоном стратегического величия; но оно при тогдашних приемах ведения войны поглощалось политикой: войны 1805, 1806, 1807, 1809 годов мы можем рассматривать в одной общей перспективе, как отдельные гигантские операции против выдвигаемых Англией на континенте врагов, и нас тогда поразит верная постановка цели каждой войны, верный момент для начала военных действий и чрезвычайно искусное завершение, в нужный момент, каждой кампании. Несомненно, и в эпоху Наполеона сокрушительная операция не всегда приводила сразу к развязке, например, в войну 1796-97 гг., 1812 г., 1813 г.; и Наполеону в таких случаях приходилось решать

---

²⁵ Идеи сокрушения, несомненно, толкают деятелей второстепенного театра на пассивность; это верно как в стратегии, так и в политике.

стратегические проблемы. Однако, военные историки Наполеона остаются и по сейчас еще историками отдельных его операций, и лишь политическая история несколько открывает нам перспективу для охвата его стратегического искусства.

Три основных элемента операции — сила, время и пространство — при стратегии сокрушения всегда комбинируются так, что выигрыш времени и пространства является средством, а поражение массы неприятельской армии — целью. все подчиняется интересам генеральной операции, а в последней все зависит от решительного пункта. Этот решительный пункт является для стратегии сокрушения как бы магнитной стрелкой компаса, определяющей все маневрирование. Есть только одна чистая линия сокрушения; существует только одно правильное решение; полководец в сущности лишен свободы выбора, так как его долг — понять решение, диктуемое ему обстановкой. Идея сокрушения заставляет признать ничтожными все второстепенные интересы и направления, все географические объекты. Паузы в развитии военных действий противоречат идее сокрушения. Если мы видим таковую паузу, протяжением в шесть недель, между сражениями под Асперном и Ваграмом, то она являлась уже результатом легкомыслия, допущенного Наполеоном при подготовке первой переправы через Дунай, и последовавшей неудачи. Стратегию сокрушения характеризует единство цели, времени, места и действия. Образцы ее являются действительно классическими по своей стильности, простоте и стройности. Теоретики сокрушения посмеивались над тонким фехтованием стратегии XVII века. Действительно, по сравнению с игрой стратегических укулов и защит Тюрена удары Наполеона и Мольтке напоминают оглобли, которые одним ударом размоzzают черепа.

Стратегия сокрушения требует еще одной предпосылки: чрезвычайной, экстраординарной победы. Целью сокрушительного наступления географический пункт может явиться лишь тогда, когда живая сила неприятеля станет призрачной. До тех же пор оно должно метить на полную дезорганизацию неприятельской живой силы, на совершенное ее уничтожение, расщепление всякой связи между уцелевшими осколками, на захват важнейших сообщений — важнейших для вооруженной силы, а не для государства в целом.

Поход сокрушительного стиля ставит наступающие армии в столь невыгодные материальные условия, так ослабляет их в пользу охраны флангов и тыла, требует таких усилий для снабжения этих армий, что от конечной неудачи становится возможным предохранить себя только путем одержания ряда выдающихся оперативных

побед. Для успеха сокрушения нужны сотни тысяч пленных, поголовное уничтожение целых армий, захват тысяч пушек, складов, обозов. Только такие успехи могут предотвратить полное неравенство при конечном расчете. Таких побед не было ни в Галиции, ни в “пограничном сражении”, ни при наступлении Красных армий в 1920 году. Всюду мы имели дело с ординарными победами, с оттеснением неприятеля назад с несколько большими потерями, чем у наступающего. Этого совершенно недостаточно.

Необходимость экстраординарной победы при сокрушении предъявляет особые требования при выборе формы операции. Главная масса неприятеля должна быть окружена или приперта к морю, к нейтральной границе. Постановка такой цели связана, конечно, с риском. Если имеющиеся средства совершенно не соответствуют такой обстановке, то надо вообще отказаться от сокрушения. Если бы Мольтке не удалось уничтожить с корнем, на пути к Парижу в 1870 г., армий Базена и Мак-Магона, то положение германцев под Парижем было бы отчаянным. Нельзя согласиться с первым решением Мольтке 25 августа 1870 г., при приступе к Седанской операции (сосредоточение у Дамвиле), преследовавшим скромную цель фронтально загородить Мак-Магону путь к Мецу. Стратегия сокрушения должна ловить всякую возможность полного уничтожения противника, и Мольтке следовало бы сразу главные усилия направить на то, чтобы отрезать пути отхода Мак-Магона на запад.

Еще в большей мере вызывает сомнения оперативное руководство генерала Алексеева в Галицийской операции 1914 года; стратегия выдвинула для последней величественную цель — окружение всех австрийских армий, посредством двойного охвата обоими нашими крыльями; а генерал Алексей направил все свои заботы на уменьшение риска и стремился сомкнуться к центру, задерживая крылья уступом позади. Такими приемами можно было добиться лишь ординарных успехов, вытолкнуть австрийцев из Восточной Галиции, но при их применении исключалась мечта о походе на Берлин или Вену.

Совершенно прав был Шлиффен, сочетавший оперативную идею Канн — полного уничтожения неприятеля при боевом столкновении — со стратегией сокрушения. Его идеи сокрушения характеризуются стремлением к максимальному сосредоточению сил на заходящем правом фланге германского вторжения во Францию. В 1912 году, в ответ на домогательства австрийцев об усилении германских войск, оставляемых против России, Шлиффен разработал проект — не оставить против России ни одной полевой или резервной дивизии, а

только ландвер. Все полевые части — на запад, чтобы обеспечить достаточный перевес на решительном пункте. Судьба Австро-Венгрии должна была, в его представлении, разрешиться не на Буге, а на Сене.

Однако, в дальнейшем ни Шлиффен, ни Мольтке-младший не выдержали своей логики. Они были заинтересованы в том, чтобы австрийские армии перешли против русских в наступление и отвлекли последних от вторжения в Германию. Поэтому они твердили австрийскому генеральному штабу, что не стоит тратить усилий на сербском фронте, а надо бросить все силы против России, так как вместе с судьбой русской армии будет решена и судьба сербской. Этим предложением германский генеральный штаб предлагал Австрии применить по отношению к России и Сербии тот же план борьбы на два фронта, который он устанавливал для Германии по отношению к Франции и России. Но немыслимо проводить два сокрушительных плана одновременно. Наступление 49 австро-венгерских дивизий должно было создать на Буге второй решительный пункт, близкий по своему значению к решительному пункту 80 германских дивизий на Марне. Требования австрийцев о помощи со стороны Восточной Пруссии получили определенный вес. И Мольтке-младший должен был считаться с увеличившимся удельным весом Восточного фронта; он выделил на него 14 полевых и резервных дивизий, потом попытался похитить из числа их, обсчитав австрийцев, 5 дивизий, но сражение под Гунбиненом заставило их вернуться на Восточный фронт. План Шлиффена являлся сокрушительным только в масштабе одиночного ведения Германией войны на два фронта и вовсе не согласовывался с участием в войне Австро-Венгрии. Логика сокрушения требовала воздержания австрийцев от наступления на русском фронте до разгрома Франции и, может быть, даже занятия частью австро-венгерских корпусов Лотарингского фронта, чтобы усилить правое крыло германского вторжения.

Сокрушительное наступление, при усложнившихся условиях, представляет ряд последовательных операций, находящихся, однако, в такой тесной внутренней связи, что они сливаются в одну гигантскую операцию. Исходное положение для следующей операции вытекает непосредственно из достигнутой цели операции законченной.

Мы относим в настоящее время к стратегии сокрушения последовательный ряд операций, которые имеют постоянное направление, ряд целей которых представляет одну прямую логическую линию. Так, Мольтке вел в 1870 году первую операцию для уничтожения армии Базена и окружил ее в Меце; немедленно он двинулся к ко-

нечной цели — Парижу; по пути выяснился безумный маневр армии Мак-Магона между тройными силами немцев и бельгийской границей; вторая операция Мольтке ликвидировала эту армию под Седаном; третья операция привела Мольтке к голодной блокаде Парижа. Прав был Бисмарк, требовавший обстрела и атаки Парижа, — штурм его действительно отвечал бы тому сокрушительному характеру, который политическая обстановка указывала для войны.

После победы в Галиции над австрийцами в 1914 году стиль стратегии сокрушения требовал бы от русских непосредственного наступления в Моравию и Селезию. Однако, у нас не было для этого достаточного перевеса сил и, вследствие угрозы обхода 9-й германской армией нашего правого фланга, пришлось отказаться от преследования австрийцев и приступить к новому развертыванию на Висле, от устья Сана до Варшавы, для чего, в свою очередь, пришлось отвести назад 9-ю, 4-ю и 5-ю армии. Новое же развертывание представляет резкое отступление от основ сокрушения. Это — начало фехтования; а сокрушение именно стремится избежать фехтования и имеет для этого одно средство — постоянное и энергичное развитие своего удара в самый жизненный центр неприятеля; чем сосредоточеннее и массивнее при этом наш кулак, тем скорее неприятель вынужден будет ориентировать свои действия по нашим, т. е., говоря старым языком “мы будем предписывать неприятелю оперативные законы”.

Стилем сокрушения была проникнута большая часть наступления Красной армии от берегов Двины к Висле в 1920 году. Сосредоточение кулака на правом крыле и прямое движение его на сотни километров действительно связало все оперативные контрмероприятия поляков, рушило все их попытки задержаться на выгодных рубежах от Березины до Буга включительно; фехтование, измор эпохи мировой войны испарились. Наполеоновская оглобля, одним ударом решавшая войну, как бы воскресла, окрасившись в красный цвет. Однако, на пути Красной армии к Висле, как на пути германских армий к Марне, не удалось одержать экстраординарных побед; на конечную часть наступления стали оказывать влияние географические соображения: в Данцигском коридоре Красные армии стремились отрезать не столько сообщения польских армий, сколько важнейшую артерию всего польского государства. Красные армии, как бы игнорируя материальные силы поляков на вооруженном фронте, вступили в бой с Версальским договором. Это уже мистика, в особенности в условиях сокрушения.

Сокрушение складывается не только из быстроты и прямолинейности, но и из массивности; Красные же армии при подходе к Висле настолько ослабли численно и настолько оторвались от своих источников снабжения, что являлись скорее призраками, чем действительностью. В 1829 году Дибич, в приблизительно таких же условиях появившись вблизи Константинополя, сумел вовремя заключить мир. Наполеон в 1797 году, в несколько лучшем положении вблизи от Вены, также сумел, подарив разбитой Австрии Венецию, заключить столь желанный революционной Францией мир. Мы же переоценили свои достижения и продолжали наступление; за рубежом Белосток-Брест кульминационная точка наших возможных успехов оказалась далеко позади, и каждый шаг вперед ухудшал наше положение.

Значение, которое в стратегии сокрушения отводится генеральной операции на уничтожение неприятеля, серьезно сужает перспективу стратегического мышления. На другой день после завершения операции мы будем стоять лицом к лицу к совершенно новой обстановке; экстраординарные события операции в корне изменят положение, создадут переоценку всех ценностей. При стратегии сокрушения, придающей такое единственное и исключительное значение результату боевого столкновения с противником, обстановка получает характер калейдоскопического зрелища: один щелчок решительной операции — и создается совершенно новая, неожиданная картина, загадывать о которой нет возможности. Этот завтрашний день операции является в стратегии сокрушения окутанным густыми сумерками. Только располагая таким огромным превосходством сил, как Наполеон в 1806 году или Мольтке в 1870 году, стратег сокрушения может, ориентируясь по своей магнитной стрелке “решительного пункта”, не упускать из виду и конечной цели. Вообще же “решительный пункт” операции господствует в стратегии сокрушения почти безраздельно, и всякое нарушение его велений может рассматриваться как опасный уклон, “предвзятость”<...>

Термин — измор — очень плохо выражает все разнообразие оттенков различных стратегических методов, лежащих за пределами сокрушения. И “картофельная война” (война за баварское наследство), и кампания 1757 года (второй год Семилетней войны) — эти оба произведения творчества Фридриха Великого — относятся к категории измора, так как не заключают в себе решительного движения к

конечной военной цели; идея похода на Вену в них отсутствует. Но одна кампания прошла в совершенно бескровном маневрировании, а другая насчитывает 4 генеральных сражения — Прага, Колин, Росбах, Лейтен. Для измора характерно то разнообразие, в котором он проявляется²⁶. Один вид измора весьма близко граничит со стратегией сокрушения, что позволяет прусскому генеральному штабу — правда, весьма непоследовательно — даже утверждать, что Фридрих Великий предвосхитил наполеоновские приемы сокрушения; противоположный вид может заключаться в формуле “ни мир, ни война” — в простом непризнании, отказе подписать мир, одной угрозой возможностью действий на вооруженном фронте. Между этими крайними видами заключается целая гамма промежуточных. Стратегия сокрушения едина, и допускает каждый раз лишь одно правильное решение. А в стратегии измора напряжение борьбы на вооруженном фронте может быть различным, и соответственно каждой ступени напряжения имеется свое правильное решение. Уяснить степень напряжения, требуемого данной обстановкой, возможно лишь при весьма внимательном изучении экономических и политических предпосылок. Воздействию политики открываются широкие пределы; стратегия должна проявлять большую гибкость.

Стратегия измора отнюдь не отрицает принципиально уничтожения живой силы неприятеля, как цели операции. Но она видит в этом лишь часть задач вооруженного фронта, а не всю задачу. Значение географических объектов и второстепенных операций при отказе от сокрушения усиливается во много раз. Распределение сил между главной и второстепенными операциями представляет уже очень сложную стратегическую проблему; “решительный пункт” — та магнитная стрелка, которая позволяет каждый раз легко обосновать решение при сокрушении, отсутствует в стратегии измора²⁷. Приходится обдумывать не только ориентирование усилий, но и их дозировку.

Французская стратегическая мысль очень плохо разбиралась в этих вопросах в течение мировой войны. Она оставалась в заблуж-

---

²⁶ Мы допускаем справедливость упрека, что наши категории сокрушения и измора представляют не две противоположности — не белое и черное, а белое и небелое. Однако, на наш взгляд, здесь нет никакого философского или логического ляпсуса. Изменяющееся напряжение вооруженной борьбы характеризует целый ряд градаций измора и достигает в сокрушении своего предела. Только для этого предела являются абсолютными некоторые начала стратегии; на других же градациях борьбы они становятся условными, а иногда и совершенно ложными.

²⁷ Однако, как мы укажем ниже, ошибочно было бы рассматривать переход от сокрушения к измору как выход из царства необходимости в царство произвола.

дении, что и после крушения Шлиффеновского плана французский фронт являлся столь же главным и решающим и что на него все должно ориентироваться, несмотря на переход войны в рамки измора. Французы утверждали, что Германия по-прежнему является важнейшим врагом, на которого только и стоит тратить усилия. Между тем, если с точки зрения стратегии сокрушения Австро-Венгрия являлась второстепенным противником, то с точки зрения измора она являлась даже важнее Германии. Если сокрушение должно было искать оперативной линии наименьшего сопротивления для поражения главных живых сил Германии, то стратегия измора должна была искать стратегическую линию наименьшего сопротивления в союзе центральных держав, а таковая, после поражений, нанесенных русскими войсками австрийцам, проходила через Австро-Венгрию. Как только в 1915 году обозначился перенос центра тяжести германской активности на русский фронт, Англия и Франция были обязаны во всей мере, допускаемой развитием сообщений на Балканском фронте, поддержать Сербию; развертывание полумиллионной англо-французской армии на Дунае заставило бы Болгарию сохранить нейтралитет, подвинуло бы Румынию на выступление, прервало бы всякие сообщения Германии с Турцией, позволило бы итальянцам дебушировать через пограничные горы, разгрузило бы русский фронт, который смог бы удержаться в Польше, в сильной степени ускорило бы развал Австро-Венгрии. Длительность мировой войны была бы сокращена, по крайней мере, на два года.

В меньшем масштабе изменение соотношений между главными и второстепенными районами, при переходе к стратегии измора, мы можем проследить на судьбах Риго-Шавельского района. В течение первого периода мы, поскольку мыслили в плоскости сокрушения, справедливо придавали этому району очень небольшое значение и ограничивались наблюдением за ним при помощи частей ополченско-го типа. Но, когда наш фронт замер на зиму 1914-1915 года, значение района, несомненно, увеличилось. Целый ряд неприятностей посыпался на него: обход правого фланга 10-й армии, постепенное распространение германцев в Курляндии, наконец, Вильно-Свенцянская операция.

Стратегия измора так же, как и стратегия сокрушения, представляет поиски материального превосходства и борьбу за него, но эти поиски уже не ограничиваются только стремлением развернуть на решительном участке превосходные силы. Необходимо еще создать предпосылки для того, чтобы “решительный” пункт вообще мог существовать. Тяжелый путь стратегии измора, ведущий к затрате го-

раздо больших средств, чем короткий сокрушительный удар в сердце неприятеля, вообще избирается лишь тогда, когда война не может быть покончена одним приемом. Операции стратегии измора являются не столько непосредственными этапами к достижению конечной военной цели, как этапами развертывания материального превосходства, которые бы, в конечном счете, лишили неприятеля предпосылок успешного сопротивления.

Французы любят говорить о решительном ударе, производство коего они намечали в Лотарингии на 14 ноября 1918 года и от осуществления коего им пришлось отказаться вследствие заключения перемирия. Мы относимся к реализации его, в конце мировой войны, достаточно скептически.

Этот решительный удар сорвался у Людендорфа в начале 1918 года; он сорвался бы и у французов во второй половине 1918 года, и большое счастье французов и Фоша заключалось в том, что из стадии угрозы удар не перешел в исполнение. Задача германской стратегии в 1918 году нам рисуется в том, чтобы выждать и отразить этот решительный удар, после чего Антанта стала бы, несомненно, более покладистой в вопросе о перемирии и мире.

В конечном счете, лишь французская шовинистическая мысль будет приписывать победу Антанты успехам маршала Фоша на французском театре военных действий; здесь у германцев имелись еще огромные источники для противодействия. Окончательную победу дал развал Австро-Венгрии, имевший глубокие исторические корни; прямая логическая линия победы в мировую войну начинается галицийской победой русских и заканчивается победой Балканского фронта и сербов и Антанты.

Сорок вымотавшихся французских дивизий встретили бы достаточные силы на очень хорошо укрепленных позициях; материальных средств противодействия у немцев было достаточно, и даже в обстановке начинавшегося разложения французам не удалось бы углубиться далее реки Саары. Мы не думаем, что существуют какие-либо основания рассматривать всю мировую войну как подготовку к этому жалкому несостоявшемуся удару.

Действительно, в рамках стратегии измора все операции характеризуются прежде всего тем, что имеют ограниченную цель; война складывается в виде не решительного удара, а борьбы за такие позиции на вооруженном, политическом и экономическом фронте, с которых нанесение этого удара в конце концов стало бы возможным. Однако, в процессе этой борьбы происходит полная переоценка всех ценностей. Главный театр, на котором, при затрате громадных сил и

средств, борьба разыгрывается вничью, постепенно утрачивает свое господствующее значение. Решительный пункт, этот боевой конь стратегии сокрушения, обращается в дорогостоящую, но пустую побрякушку. Географические пункты, олицетворяющие политические и экономические интересы, наоборот, получают преобладающее значение. Оперативные и тактические вопросы играют в стратегии все более подчиненную, техническую роль. Вместо сокрушительной логики — Париж-Берлин выдвигается логика измора — Париж-Салоники-Вена-Берлин. 14 ноября 1918 года Антанта занимала бы решительные позиции не на Лотарингском фронте, как утверждал Фош, а на Дунае.

Боксер сосредотачивает свои усилия на защите нижней челюсти рта от удара, так как такой удар может привести его к потере сознания и падению; защита от решительного удара является первым правилом всякой борьбы. Стратегия сокрушения, таящая в себе ежеминутное стремление нокаутировать противника, связывает его движения и заставляет его ориентировать свои действия по нашим. Ограниченные удары, которые наносит стратегия измора, связывают неприятеля в несравненно меньшей степени. Отдельные операции не имеют непосредственной связи с конечной целью, являются лишь обрубками, плохо подчиняющимися себе волю противника. Каждый такой обрубок требует особого оперативного развертывания. Неприятель имеет полную возможность преследовать в этой игре оперативных развертываний свои цели²⁸. “Операционная линия” Наполеона являлась единственной осью, около которой развивались события войны; операционные вождедения его противников целиком должны были подчиняться воле великого сокрушителя. При стратегии же измора вполне возможен разнотой: в 1915 году можно было мыслить такое развитие событий, при условии задержания главных сил Германии на французском фронте, что Людендорф постепенно укрепился бы в прибалтийских провинциях, а русские армии овладели бы выходами из Карпат на венгерскую равнину.

В стратегии сокрушения единство действий представляется совершенно необходимым; если в первые недели мировой войны Франция становилась театром сокрушительных усилий немцев, то русские неоспоримо обязаны были приступить, не считаясь ни с ка-

---

²⁸ Мольтке-младший после пограничного сражения в августе 1914 года считал дело сокрушения уже выигранным. Но французы далеко не на всем фронте были связаны немцами и имели возможность приступить к новому оперативному развертыванию путем перевозок корпусов с правого фланга в центр и на левый фланг. Именно эта возможность нового оперативного развертывания неприятеля и исключает логику сокрушения.

кими соображениями, к вторжению в Восточную Пруссию, которое своевременно бы разгрузило Францию. Но, если идея сокрушения отпадает, то такое соподчинение операций может быть допущено лишь весьма условно. Преследование ограниченных целей позволяет каждому оперативному обрубку в известной степени сохранять самостоятельность. Чтобы затруднить неприятелю последовательное использование его резерва, периоды проявления активности на различных театрах, в общем, должны совпадать. Но не было никакой необходимости связывать с обороной Вердена наше мартовское наступление в 1916 году у озера Нарочь или, так как французы довольно успешно продолжали Соммскую операцию, рассчитанную на измор, — продолжать Брусиловскую операцию. Вместо соподчинения, при изморе необходимо, чтобы каждая операция сама по себе вела нас к определенным реальным достижениям.

В условиях измора генеральная операция не образует такой непроницаемой завесы, которая вовсе отрезает наше мышление от последующего развития войны. Эшелоны военной и экономической мобилизации вполне входят в стратегию измора и чужды, по духу, стратегии сокрушения. Измор руководится более далекими целями, чем подготовка к ближайшей большой операции. Само ведение этой операции, не могущей дать при изморе решительных результатов, часто должно быть, в случае измора, предвзятым, т. е. руководство ею должно подчиняться и сообразовываться с дальнейшими задачами, которые предстоит разрешить. Стратегические проблемы при изморе в значительной степени усложняются вследствие этого роста вширь и вглубь. Стратегу, для принятия правильного решения, недостаточно верно оценить важнейшее направление операций, а необходимо отдать себе отчет во всей перспективе войны. Примером решения, вытекающего из такой перспективы, является, например, рассчитанная на четыре года Китченеровская программа новых формирований английской армии и ограниченная помощь Англии французам в первые годы войны.

В стратегии сокрушения разумное место находит только оперативный резерв, т. е. тот резерв, который может поспеть в решительный момент на решительный участок операции. Сокрушение, признающее за генеральной операцией решающую роль, не может признавать каких-либо стратегических резервов, не участвующих в решении в рамках времени и пространства, представляемых операциями. А стратегия измора может и должна учитывать такие резервы (азиатские русские корпуса в 1914 году, милицейские формирования, дальнейшие эшелоны мобилизации, контингенты колоний, за-

поздалое выступление союзников) и сообразовать с ними свою линию поведения.

Стратегия сокрушения заканчивает операции достижением конечной военной цели. При изморе же иногда создается такое положение, что наступающая сторона достигла своей ограниченной конечной военной цели, а война продолжается, так как на политическом и экономическом фронтах решение еще не достигнуто. Так было в русско-японскую войну; конечная военная цель японцев заключалась в уничтожении русского Тихоокеанского флота, в овладении его базой — Порт-Артуром и в вытеснении русских войск из южной Маньчжурии. В момент поражения русских армий под Мукденом эта цель была достигнута. Однако, война продолжалась еще полгода. Жизненные центры России находились вне достигаемости японских ударов, и Японии пришлось выжидать развития революционного движения в России. В такой же обстановке протекли последние полгода Восточной войны: Севастополь был очищен русскими 9 сентября 1855 года, и в этот момент союзники достигли своей конечной военной цели — уничтожения нашего Черноморского флота и его базы, а Парижский конгресс открылся лишь 13 февраля 1856 года. Эти периоды войны, очень содержательные в отношении событий на политическом и экономическом фронтах, отличаются затишьем на вооруженном фронте, которое прерывается лишь жестом отчаяния (Цусима) или очень мелкими предприятиями (атака Кинбурна в 1855 году, Сахалинская экспедиция летом 1905 года).

А.Свечин.Стратегия. - М.:Военный вестник,1927. - С.41-43;173-182.

Государственный и фронтовой тыл

Тыловая традиция

Кто не слышал элементарных суждений о том, что в XVIII веке война велась за счет запасов, заблаговременно накопленных на угрожаемой границе в ряде крепостей-магазинов? Что с проложением железных дорог необходимость в устройстве такой базы в пограничном пространстве отпала и что нужное снабжение может доставляться армиями со своей территории государства? Что понятие базы, имевшее в виду в XVIII веке линию, соединявшую пограничные крепости-магазины, ныне распространилось на всю страну?

Эти элементарные замечания представляют, однако, неоспоримую истину только “для простого народа” — для широких масс военных, не имеющих непосредственного отношения к тылу. Специалисты в этом отношении проявляют величайший скептицизм. Их теория создается из оговорок к намечаемому эволюцией военного искусства пути.

Величайшие шаги вперед совершаются под давлением суровой необходимости. Отказ от нагромождения колоссальных запасов в приграничной полосе, базирование на широкий государственный тыл впервые мы наблюдаем у Пруссии, когда она вступила в войну 1866 г. Двигающей силой этой коренной реформы явилась не глубина стратегического гения Мольтке, а отсутствие наличных средств в прусском казначействе, при политико-экономической обстановке, исключавшей широкое обращение к печатанию бумажных денег. Мольтке уделял в то время тылу минимальное внимание; вопросы снабжения относились к компетенции не прусского генерального штаба, а военного министерства, поглощенного заботами об экономике. Основная заслуга Мольтке заключается в том, что он не опротестовал предложения прусского министра финансов, который, не имея средств на оборудование специальной базы для действующей армии, сослался на железные дороги, которые позволяют провинциям непосредственно снабжать продовольствием и фуражом мобилизованных в их пределах людей и лошадей. Прусское казначейство брало на себя впоследствии оплату счетов провинций по произведенным расходам. Железные дороги позволили вести войну экономно и сверх того оттянуть оплату издержек войны.

Хлебопечение для действующих войск по провинциям себя не оправдало, но в прочих отношениях прусский тыл 1866 г. явился образцом для последующих войн. В 1870 г. пустота казначейства не играла уже такой роли, но в основном организация государственного тыла была сохранена; военное министерство, правда, с запозданием, распорядилось об образовании на Рейне особой продовольственной базы, но последняя почти не была использована. После 1870 г. французы усвоили основные организационные идеи пруссаков. Корпусные округа, на которые делилась территория западноевропейских государств, явились основными источниками снабжения действующих войск.

62 года — продолжительность деятельности трех поколений исторических деятелей — отделяет нас от 1866 г. Между тем удачное новшество пруссаков не усвоено нами. В тыловом отношении русская армия осталась самобытной: мировую войну мы вели, опираясь

не на государственный, а на фронтовой тыл; рассуждения о нагромождении запасов во фронтовые базы, подобно тому, как делалось повсюду до проложения железных дорог, играют в нашем изучении тыла и сейчас очень видную роль. Позиция тыловых работников по отношению к очень слабым наскокам истории военного искусства и стратегии на тыловые вопросы характеризуется замечанием: “кот Васька слушает, да ест”. Причины такой косности заслуживают рассмотрения.

Вопрос о государственном тыле теснейшим образом связан с вопросами взаимоотношения политики и стратегии. Феодалная тенденция, отказывающаяся признать господство политики над стратегией и зависимое положение последней, конечно, при старом режиме существенно препятствовала переходу на государственный тыл. Отсутствие самостоятельного, замкнутого хозяйства естественно связано с известным ограничением усмотрения главного командования на театре военных действий. Главный начальник снабжения при наличии своей могущественной базы является тыловым диктатором, а при отсутствии ее перерождается лишь в организатора распределения, каптенармуса, хотя бы и очень важного; активность центрального правительства в ведении войны соответственно умалется или растет. При наличии государственного тыла центральное правительство даже изымлет из усмотрения главного командования распоряжение средствами обширных захваченных территорий, не давая возможности организовать крупные самостоятельные военные хозяйства-сатрапии, а образуя отдельные генерал-губернаторства (Бельгийское, Варшавское), эксплуатация коих организуется под углом зрения общегосударственных интересов. Людендорф, как известно, был обижен тем, что у него государственный тыл отобрал “царство Польское”, предоставив ему довольствоваться “великим княжеством Литовским”.

С другой стороны, русская самобытность в вопросах тыла питалась известным феодальным высокомерием военных по отношению к вопросам, непосредственно не связанным с вождением войск в бой. Военное искусство в старой армии имело два крыльца — парадное и черное. Стратегия, очень узко понимаемая, и тактика монопольно владели парадным крыльцом. Все внимание генерального штаба было привлечено к очень тесному кругу вопросов группировки и передвижения войск на поле боя и на театре войны, отчасти разведки. Профессора военной администрации и военной статистики старой академии не считались компетентными в военном искусстве и не имели права вести занятия по другим дисциплинам, вне круга

их специальности. Существовал особый термин “краснокожие” для обозначения штабных офицеров без высшего образования, коим вверялись очень сложные вопросы снабжения, укомплектования, назначений, техники, санитарии, поддержания дисциплины, мобилизации. Для генерального штаба это было черное крыльцо; на работу сюда шли преимущественно второсортные представители генштаба. Даже Шлиффен протестовал против обсуждения на полевых поездках генерального штаба снабженческих вопросов и предложил перенести дискуссию по ним на особую “мучную” поездку, на которой он не присутствовал. В Главном управлении генерального штаба разработка вопроса даже столь капитальной важности, как исчисление количества мобилизационных запасов — оружия и снаряжения, была поручена комиссии офицеров генерального штаба определенной скромной квалификации, менее пригодных для парадной или разведывательной работы. Отсюда и крупные просчеты, — например, количества нужных для войны винтовок.

Оперативное искусство оторвалось от своего материального базиса, что наносило двусторонний ущерб. Стратегия русской армии получила резко схоластическую окраску, а существенные вопросы черного крыльца имели возможность развиваться только самотеком, без влияния каких-либо рационалистических идей. Теория предоставила полную свободу снабженцам и “краснокожим”; в результате театр военных действий оказался организованным без продуманного плана, как своего рода безалаберное помещичье хозяйство гигантских размеров.

Генеральный штаб владел всецело военной историей; последняя поэтому уделяла максимум своего внимания парадному крыльцу военного искусства. Посторонние тактике и оперативному искусству вопросы она воспринимала как обязательный ассортимент. Мы еще в 1928 г. можем порой наблюдать вопросы дисциплины, техники, снабжения и укомплектования на задворках военной истории. Сейчас, при отсутствии организованной военно-исторической работы, мы кое-как еще справляемся с освещением парадных вопросов военного искусства в мировую войну, имеем более или менее ценные исследования. Как ни жалуются представители тактической мысли на скудность предоставляемого им военной историей материала, они находятся в несравненно более привилегированном положении, чем исследователи вопросов тыла.

Тыловое творчество поросло травой забвения. Уцелевшие документы мирно покоятся на полках архивов; они разрознены, и охват их непосилен отдельному научному работнику. Критическая мысль

бездействует. Почти невозможно использовать чужой опыт, так как тыловые работники меньше стремятся к славе, чем оперативные, и гораздо более скупы на издание своих наблюдений и воспоминаний. Теория устройства тыла, у нас, по крайней мере, может базироваться только на личных впечатлениях своих авторов и кое-каких сухих, сомнительных по достоверности официальных отчетах заинтересованных ведомств. На уровень научных требований XX века тыловые исследователи подняться не могут по объективным, не зависящим от них причинам.

Может быть, и разумно не тревожить архивного кладбища, на котором покоится русское тыловое творчество и в минувшую войну? Что мы можем у него заимствовать? Растраченное на войне рабочее время, загубленные миллиарды ведь не вернуться. не проще ли отвернуться от неудачных концепций и ошибок недалеких людей?

Это — глубокое заблуждение. Деяния прошлого, оставленные без обсуждения, не похоронены еще в архивах и не потеряли еще власти над нашим мышлением. Не освещенные критическим исследованием, они продолжают жить в традиции, перерастают в рутину; приемы 1916 года еще сейчас сказываются в работе нашего военного аппарата, в ходе нашего военного мышления. При всей нашей бедности мы не можем отказываться от издержек на солидные похороны прошлому, чтобы вырвать из-под власти его рутины нашу мысль. Хороший осиновый кол! — история и критика не выполняют своего долга, если не преподнесут его мертвому, чтобы он не хватался за живых.

В настоящем этюде мы стремимся создать несколько опорных точек как для суждения о ближайшем прошлом, так и о будущем устройстве тыла. Говоря о тыле, мы вступаем в царство тумана и темноты и оказываемся в столь же трудном положении, как другие работники по тылу — без точных цифр, без проверенного фактического материала, без той научной культуры, к которой мы ныне привыкли в других областях. К тому же автор этих строк имеет очень ограниченный круг собственных наблюдений по тылу. Задавая себе вопрос, где я видел своими глазами работу армейского транспорта, я должен сознаться, что за несколько лет военных походов в разнообразных должностях мне приходилось наблюдать таковой лишь в течение нескольких минут; это было в 1905 году, в тот день, когда русская армия покидала Мукден; мимо меня в образцовом порядке тянулись на север повозки, нагруженные дровами, а тут же оставались японцам целые штабеля сапог и ценного снаряжения... Эта эмблема тылового устройства и упорядоченности запомнилась мне (и

(и некомпетентные в специальных вопросах лица могут осмелиться высказать о ней свое суждение), и столь же нелогичными рисуются мне и основы устройства всего русского тыла в мировую войну, а также некоторые продолжающие у нас господствовать тыловые традиции...

Малокультурная организация

7-8 миллионов нестроевых, копошившихся в тылу русских войск в мировую войну, 3-4 миллиона работавших в тылу во время гражданской войны, где ваша история? Каковы были ваши стратегия и тактика? Это не ствол войны, но могучий сук, поглощавший большую часть усилий, которые делало государство.

Вся страна может являться базой лишь при наличии известных предпосылок — культурности театра войны, наличии местных средств, достаточного развития железнодорожной сети. На малокультурном театре тезис государственного тыла естественно отпадает. Характерной особенностью ведения войны на малокультурном театре являются громадные расходы — на создание обширного базиса для ведения операций, на проложение необходимых путей, на постройку складов, тыловых городков, укреплений, на сосредоточение обширных запасов, даже на проложение просек и осушение болот; огромными добавочными усилиями преодолевается малокультурность театра военных действий, он приспособляется к условиям действий европейских войск, центр тяжести действий переносится на подготовительную и административную работу, и затем уже используется превосходство европейской техники и подготовки войск. Оперативное исполнение часто спускается на второстепенную роль по сравнению с оперативно-административной подготовкой. Летов-Форбек мог хвастаться, что он в Восточной Африке с полутора тысячь немцев задал работу 300 тысячам людей, мобилизованных англичанами. Такое несоответствие сил возможно лишь в тех случаях, когда одна сторона приспособляется к природе театра войны, а другая — вынуждена его перестраивать.

Однако естественная оговорка о малокультурных театрах, вплоть до начала мировой войны, не распространялась на западное пограничное пространство России. Действительно, русская железнодорожная сеть, по своей мощи и развитию, намного превосходила прусские железные дороги эпохи 1866 г., когда впервые военные действия начали базироваться на государственный тыл. На квадратный километр в западных губерниях приходилось по 40-60 жителей — в 20 раз больше, чем в тех степях, на которых разыгрывалась анг-

ло-бурская война. Это население жило не слишком впроголодь и питалось не какими-нибудь моллюсками и водорослями, а картофелем и ржаной мукой, сеяло для скота овес, ячмень, клевер, содержало лошадей и коров. Отрицать наличие известного запаса местных средств не приходилось. В изобилии имелись лес, вода, встречалось жильё. Генеральный штаб исповедовал в отношении базирования общеевропейскую доктрину; официальная мысль, в курсе стратегии Михневича (2-е изд. 1906 г.), гласила, что при наличии железных дорог возможно использовать для снабжения армии запасы, собранные глубоко в тылу, и что театр военных действий должен быть оборудован магазинами лишь в том размере, который необходим, чтобы снабжать войска в период сосредоточения, не растягивая последний выделением особых поездов для снабженческих перевозок. В теории дело обстояло, таким образом, довольно благополучно; мы не говорим — вполне, так как стратегия уделила лишь поверхностное внимание тылу и оставила тыловых деятелей не связанными вовсе, дрессированными на свободе.

Но между принятой теорией и практикой существовал крупный разрыв. Традиции русской оперативной мысли воспитывались на практике балканских и азиатских походов. Паскевич после войны с персами, в малокультурной обстановке Закавказья, стал ревностным сторонником массового тыла, игнорирования местных средств, магазинного довольствия войск. На европейском театре, вынужденный отрываться от магазинов, он чувствовал себя совершенно не в своей тарелке, не понимал обстановки и действовал всегда вопреки ей. В турецкую войну 1877-78 гг. русские уделили очень слабое внимание организации нашего тыла; между тем, опираясь только на слабые румынские железные дороги и не располагая вовсе таковыми в Болгарии, они должны были бы не пытаться подражать Мольтке, а отойти от европейской теории в сторону приемов борьбы на малокультурных театрах. Снабженческие зловключения 1877 г. произвели сильное впечатление на молодого капитана Куропаткина, и последний пошел по стопам Паскевича. Этот путь принес большие результаты при окончательном завоевании Туркестана, где оказался вполне уместным, и сомнительные — в Маньчжурии, когда Куропаткин выступил уже в роли полководца. В хозяйственном отношении Куропаткин создал прекрасный тыл, в оперативном — отвратительный. Преувеличенное опасение за свои сообщения — это одно из последствий малокультурной практики. Опасения за тыл привели к проигрышу Ляоянской и Мукденской операций. Одна из важных причин проигрыша войны с Японией заключалась в недооценке культурно-

сти Маньчжурского театра военных действий. уже в 1904-1905 гг. мы можем отметить со стороны тыловых деятелей очень опасный хозяйственный уклон — непонимание местных средств, стремление все везти из центра, несмотря на загруженность Сибирской железной дороги. Сибирь рисовалась, по-видимому, русским интендантам, как голодная ледяная пустыня. Они сразу же решили развезти с Волги по важнейшим станциям Сибирской дороги несколько миллионов пудов муки, чтобы обеспечить продовольствие перевозимым через Сибирь войскам. Если это им не удалось, то только по полному отсутствию нарядов на вагоны в их распоряжении. Конечно, от этого в пути никто не голодал. О Маньчжурии они знали, конечно, еще меньше, чем о Сибири; они не желали знать, что Маньчжурия может прокормить не только полумиллионную армию, но много большее количество людей и животных; и, несмотря на величайшие затруднения на Сибирской железной дороге, в ущерб доставке войск, пополнений и технического оборудования, они сумели протолкнуть в Харбин тысяч двенадцать вагонов муки и зерна... Если бы такие люди стали во главе любого коммерческого предприятия, они его очень скоро бы привели к банкротству. И им вовсе не потребовалось быть сознательными вредителями, чтобы пустить ко дну гибнущий старый строй России в мировую войну, создав экономическую катастрофу...

В отличие от пруссаков эпохи 1866 г., у которых каждый талер был на счету и фантазия коих жестоко обуздывалась скудностью средств в распоряжении государства, русский тыл мировой войны зародился в эпоху относительного благоденствия русских финансов; казначейство не знало заминок, так как на помощь ему всегда были готовы придти прекрасно оборудованные станки экспедиции заготовления государственных бумаг. Задерживающего центра в этом отношении не было. С другой стороны, театры военных действий связывались с центром государства десятком мощных железных дорог, которые могли фактически перекачать на запад все важнейшие материальные средства государства — зерно, скот, жиры, мануфактуру, оборудование, металл, доски. Не было и того задерживающего центра, который образовала в 1904 году теснина Сибирской железной дороги. В сущности Россия должна была бы прогореть в мировую войну гораздо скорее, если бы тыловые деятели не оказались вначале скромными людьми, которые лишь постепенно, к 1916 году, получили полный размах,

Распоясывание должно было иметь место, так как теоретических предпосылок для развертывания тыла не было, представления о

стратегии и военной экономике были близки к нулю, а положение о полевом управлении войск 1914 года, естественно, имело в виду лишь регулирование юридических взаимоотношений между различными инстанциями. При этом это положение 1914 г. вводило чрезвычайно опасное мероприятие: оно делило весь театр военных действий против Германии и Австрии на два фронта и предоставляло каждому из них полную хозяйственную самостоятельность. Ставка верховного командования не имела никаких органов для руководства снабженческими вопросами; оба начальника снабжения фронтов самостоятельно требовали от государства все им нужное.

Тенденция современного развития заключается в том, что граница между театром военных действий и остальной частью государства должна сглаживаться; тылом становится вся страна. Но это требует единого, централизованного руководства всем тылом. Этот интегральный тыл возможно создать лишь при наличии интегрального полководца, то есть если войну ведет не особое лицо, а центральная государственная власть с неограниченной какими-либо пределами диктатурой. В условиях 1914 года это означало бы, по меньшей мере, подчинение всего военного министерства верховному главнокомандующему; военный министр должен был бы играть при последнем роль архиглавно начальника снабжений. По многим причинам, однако, при существовавшем режиме и личных отношениях, такая комбинация в 1914 г. являлась невозможной.

Для государственного тыла, следовательно, не хватало основных предпосылок. Россия вела на западном фронте в тыловом отношении две войны: одну — преимущественно германскую, другую — преимущественно австрийскую. В этих условиях граница, разделявшая театр военных действий от государства, должна была, конечно, не ступшеываться, а углубляться. Если в начале войны тыловая граница проходила у Смоленска, то появлялась существенная разница между запасами, сложенными, положим, у Вязьмы или у Смоленска: военный министр мог направить запасы из Вязьмы и на юго-западный фронт или израсходовать их на какую-либо иную потребность. А что попало уже в Смоленск, то находилось в полном и бесконтрольном распоряжении фронта, составляло часть его хозяйства. Отсюда, конечно, предпочтение, отдаваемое фронтом Смоленску; а так как станция его, сдавленная между Днепром и холмами, не допускала развития и постройки складов, то последние стали создаваться на глухом участке железной дороги, пролегавшем на равнинной местности, — потребовалось капитальное, но по существу типично “ма-локультурное” строительство.

Мы все очень хорошо понимаем разницу между видимыми и невидимыми запасами. “Видимые” запасы хлеба — это склады на станциях железных дорог, амбары крупных мельниц, элеваторов, портов, базисных складов кооперации. Конечно, весьма почтено стремление обосновать снабжение действующих войск на видимых, надежно учтенных запасах, а не на разбросанных во всей крестьянской массе продуктах урожая. Но беда заключалась в том, что при известной близорукости русского тыла “видимыми” для него запасами являлись только те, которые находились в пределах его юрисдикции, на его фронтовой территории, которые непосредственно ощущались на его учете. Так возникли фронтовые базы русского фронта в мировую войну, воскресшие наперекор железным дорогам традиции XVIII века.

Запасы фронтовых баз исчислялись в десятки миллионов пудов; такие запасы, конечно, не могли сосредоточиваться в непосредственной близости от линии, на которой сражались наши и неприятельские войска. Территория фронта искусственно растягивалась в глубину, чтобы найти железнодорожные станции, достаточно удаленные, могущие дать приют бесконечным фронтовым складам и учреждениям. Глубина фронтовой территории достигала 500-800 км; когда перед нами встала угроза захвата немцами ст. Барановичи и линия фронта грозила приблизиться к Смоленску на 430 км, это удаление уже показалось недостаточным, и тыловая граница была отнесена на 176 км назад, к Вязьме.

Представьте себе пространство от Черного моря до Финского залива, между 46-м и 60-м градусами северной широты, по меридиану 1550 км и по параллели 600 км, следовательно, около 930 000 кв. км, с 50 или 60 миллионами населения, с массой важных и архиважных производственных центров, — вот территория, которую ныне пришлось бы выделить под фронтовые сатрапии, если бы мы пытались удержать схему фронтовых баз. Государство по живому телу разрезается на опричнину и земщину. Такая опричнина, конечно, немислима для западноевропейских государств уже просто потому, что она поглотила бы их целиком, и на земщину ничего бы не осталось. Но даже при наших огромных пространствах, даже при океане земли СССР, выделение таких сатрапий является очевидно непосильным и подрубает нашу экономику в ее основе. Идеология этой опричнины имеет глубокие феодальные корни: “армия на войне подобна кораблю на океане, снаряженному сообразно указанной ему цели; он заключает в самом себе все средства существования и успеха. Как корабль, армия составляет независимое целое, доверенное главно-

командующему на тех же основаниях самостоятельной отдельности, как корабль отдается капитану, посылаемому вокруг света. В этом уподоблении заключается та непогрешимая и священная тайна, которая до сих пор служила основой нашего устройства на войне". Так протестовал еще фельдмаршал Барятинский против слабых попыток Милютин наметить роль государственного тыла на войне. эта истина, к сожалению, оставалась почти непогрешимой и священной еще во время мировой войны, да и теперь еще далеко не вытравлена из нашего сознания.

Пышный расцвет фронтовых сатрапий в мировую войну в значительной степени обязан тому позиционному характеру, который она вскоре приняла на всех фронтах. В маневренной войне трудно мыслить военную юрисдикцию иначе, как преходящей. Сегодня здесь, а завтра там; границы армейских и фронтовых районов имеют относительно мимолетный характер, не впиваются в территорию страны глубокой межой. Тыл маневренного периода поневоле имеет сходство с полевой фортификацией, которая вынуждена применяться к местности, так как для капитальных работ и связанного с ними самодурства нет времени. С наступлением позиционного сидения обстановка в этом отношении круто изменяется. Предания гласят, что когда-то, при постройке Владивостокской крепости, на одной горной вершине не оказалось достаточно места, чтобы построить наш шаблонный равнинный форт: рвы, существенная часть форта, на ней не умещались; и наш гениальный строитель вышел из затруднения тем, что он присыпал к вершине ров... Не только бумага, но и действительность многое терпит, в особенности в части бесцельных расходов, нерациональных мероприятий, неумения уложиться в данные условия. Гениальность владивостокского инженера не затмила гениальности строителей нашего тыла. Позиционный период стал периодом капитального строительства: нет города строй город, больницы, бараки, склады, холодильники, станции, заводы, занимайся электрификацией. Как только войска останавливаются, расходы на войну удваиваются и утраиваются, армия начинает обрастать. Особенно примечательно для русского фронта в 1916 г. то, что все это тыловое творчество развивалось на холостом ходу: для землянок на фронте не давалось никакого освещения, тыл не помогал войскам оборудовать позиции ни рамами, ни стеклами для землянок, ни распилкой досок для нар, ни заготовкой кирпича для печей. Все это производилось в тылу в большом количестве, но и пожиралось им, на его капитальное строительство по преимуществу.

Позиционная психология господствовала не только в пределах России; Людендорф сообщает, что когда в 1918 г. перед ним выдвинулась необходимость отступательного маневра, он оказался не в состоянии его произвести, так как предварительно нужно было эвакуировать имущество, для поднятия которого требовалось до 15 тысяч — не вагонов, а поездов. И свои силы германские бойцы в течение лета и осени 1918 г. израсходовали не для достижения каких-либо целей, которые бы помогли Германии заключить сносный мир, а для прикрытия этой гигантской эвакуации. Людендорф объясняет наличие огромных тыловых складов своим недосмотром. Мы думаем, что Людендорф был по природе своей опричником, стремился к “самостоятельной отдельности” стратегии от политики, являлся далеко не горячим сторонником государственного тыла; при таких задатках и тенденциях, вызываемых позиционным периодом, его недосмотр являлся не случайной ошибкой; но у немцев, по крайней мере, узкоколейки подходили к фронту; блиндажи освещались электричеством и имели бетонные прикрытия <...>

Небольшое замечание личного порядка: в начале 1917 года я формировал независимую от военного ведомства (морскую) дивизию; материальная часть мне почти не отпускалась, но в мое распоряжение были отпущены большие кредиты. Цены на все товары росли как на дрожжах. Мой интендант, человек с высшим интендантским образованием, предложил мне покупать что ни попало, хотя бы крестьянские телеги, чтобы обратить падающие денежные знаки в определенные материальные ценности; не понадобится — через месяц можно будет ликвидировать покупку с совершенно надежным для дивизии барышом. Впоследствии, особенно в период инфляции 1921-22 гг., эти приемы, как известно, получили широчайшее распространение. Я, конечно, радикально отверг это спекулятивное предложение, внушенное только лучшими чувствами по отношению к хозяйству дивизии. Но, в сущности, какая разница была между этим предложением и основной тенденцией роста фронтового тыла во вторую половину мировой войны? То же противоположение интересов части интересам целого, удар государству в спину...

Конечно, антигосударственные тенденции фронтового тыла прикрывались соответственными теориями. Спекуляция открыто выступать не любит, а за фиговым листочком теории дело никогда не останавливается. Фиговый листок упирается преимущественно на самобытность: вот если бы имели французскую железнодорожную сеть, ее густоту, ее мощность; если бы наши пространства были того же масштаба, с которыми имеет дело Западная Европа, — мы могли

бы тогда перейти к государственному тылу; а то не угодно ли вести хлеб из-за Волги за несколько тысяч верст при наших перебоях в работе железных дорог; а кушать надо войскам давать каждый день. Как тут обойтись без фронтовой базы; Франция и Германия нам не в пример...

Где железнодорожное движение более свободно от перебоев — в ближайших 500-800 км от фронта или в дальнейшем тылу? Главной причиной, вызывающей перерывы в правильном продвижении снабжения по железным дорогам, являются оперативные переброски — маневрирование войск по железным дорогам. Основные перебои, очевидно, происходят на территории фронта. Почему же руководители снабжения фронта относили свои фронтовые базы на самую тыловую границу фронта? Кто предлагает базировать какую-либо армию, действующую в Белоруссии, на Иркутск? А какая разница выслать поезд с мукой из Вязьмы, где находится фронтовая база, или из Ельца? Отпадает только необходимость в лишней перегрузке, в постройке складов, да в создании лишнего многочисленного персонала, будет меньше одной целью для неприятельских воздушных нападений, освободятся ценные помещения, облегчится работа железных дорог, и войну станет вести дешевле... Вся софистика фронтовых сатрапий опрокидывается простейшим путем — допуском, что Елец включается в пределы их опричнины: в таком случае фронт сам сейчас бы отбросил свою фронтовую базу в Елец.

Изобилие тыловых санитарных учреждений, “земгусаров”, находило свое оправдание в особой ученой медицинской теории — о быстроте воспалительных процессов при ранении, из которых следовало, что добрую часть раненых можно вести по железной дороге в тыл, но только на несколько сот верст; а затем их надо выгружать и лечить на месте. Характер современных ранений таков, что от ст. Молодечно до Вязьмы везти его в санитарном поезде можно, а до Москвы нельзя; отсюда надо строить санитарные городки в пределах сатрапии. Кто хочет, пусть верит этой софистике! Раньше врачи при желудочных заболеваниях пичкали больных яйцами, а теперь наоборот, запрещают им есть яйца. При государственном подходе к вопросам эвакуации раненых изменение во взглядах на характер современных ранений может сложиться чрезвычайно просто.

Сейчас мы очень интересуемся военными действиями на малокультурных театрах Африки и Азии. Специалисты по этим театрам могут подсчитать, что Англия в Южной Африке или Франция в Марокко вынуждены были развернуть в четыре, а порой в десять раз превосходные силы, в сотню раз превосходную технику и израсхо-

довать так же примерно в сто раз большие материальные средства, чтобы раздавить своих слабых противников. Вот что значит вести борьбу на малокультурном театре! У нас существует также известная традиция борьбы на малокультурных театрах, вскормленная турецкими войнами России, туркестанскими походами, борьбой в Маньчжурии. В России было два крупных “малокультурных” полководца: Паскевич и Куропаткин. Что значит сохранить эти традиции для европейской войны? Это означает требование по меньшей мере десятикратного материального превосходства над неприятелем. Вести войну с сильным европейским государством приемами, которыми Франция сломала сопротивление Марокко, это означает сознательное устремление на поражение...

Небольшое пояснение: существуют государства, имеющие на важнейших морских путях свои или союзнические оборудованные порты, где их военные суда могут возобновлять запасы угля; поэтому они могут строить свои суда с сильной артиллерией и броней, уделяя угольным ямам скромное место. Это — культурный военный флот. В истории русского военного флота были характерные периоды, когда морское командование предполагало, что крейсера должны быть готовы к океанской работе, вдали от всяких баз; в результате получились наполовину боевые суда, наполовину угольщики — вроде владивостокских крейсеров 1904 г. При одном тоннаже русские суда были много слабее английских, японских, итальянских. То же мы видим и на сухопутье; символ оперативной организации для борьбы на малокультурном театре — это большой живот и слабые руки. Еще в XIII веке, при завоевании Уэльса, английские рыцари начали облегчать свои панцири, которые мешали действовать в дебрях Уэльса. Война заставила французов ослабить свою артиллерию, и они заплатили за свои малокультурные устремления разгромом 1870 г.

Нельзя идти в тяжелых доспехах, с тяжелой техникой в дебри Африки и Азии, но горе пузатым, со слабыми мускулами армиям, выступающим в европейской войне!

Государственный тыл

Мы стремились с возможной беспощадностью расправиться с русской тыловой традицией эпохи мировой войны, так как представляемая ею опасность удесятерится вследствие совпадения с практикой гражданской войны. Опыт последней в отношении тыла чрезвычайно реакционен. Он отбрасывает нас на столетие назад. Эволюция войны привела нас в XX веке к понятию государственно-

го тыла, к широкому обобществлению всех средств, находившихся на территории государства, для целей войны; эта эволюция свидетельствует о том, что всякая попытка организовать отдельное, замкнутое хозяйство разлагает общую экономику государства, и нет на войне спасения вне коллективизации усилий и средств. Создание фронтовых сатрапий с их стремлением к отдельным базам и экономической самостоятельности, отсутствие государственного тыла в мировую войну отчасти являлось недосмотром, отчасти блажью, пережитком, отчасти продуктом феодальных тенденций и общей слабости государственной идеи в царской России. В мировую войну фронтовой тыл являлся одним из важнейших факторов разложения государственной экономики; в гражданскую же войну уже разложение экономики диктовало устройство не только фронтовых, но и дивизионных баз, антисоциалистический характер устройства всего тыла, рождение бесчисленного множества отдельных хозяйств, отчасти питавших красные армии, но преимущественно работавших на холостом ходу, на началах самообслуживания. При разрушенном транспорте и жесточайшем истощении экономики государственный тыл отсутствовал, суровая необходимость толкала отдельные части к самопомощи. Если мировую войну Россия вела малокультурно, то в гражданскую войну в отношении экономики и транспорта мы оказались уже в малокультурных условиях, и, естественно, многие тенденции в устройстве нашего тыла в обеих войнах совпадают. Действительно, если в гражданскую войну наличность 12 нестроевых на 1 бойца являлось почти идеалом, то не напоминает ли это условие борьбы на малокультурном театре, хотя бы Англии против Летов-Форбека? На пути рационализации тыла мы всегда будем иметь против себя практику не только мировой, но и гражданской войны. Нужен резкий, диалектический скачок в эволюции наших взглядов на тыл, нужен революционный подход к устройству тыла, и самые резкие слова нам представляются уместными...

Как будто идея об интегральном руководстве войной, о слиянии правительственной и полководческой власти, которую несколько лет тому назад принимали в штыки, не встречает теперь возражений, и государственные деятели теперь держатся мнения, что они не имеют права быть простыми дилетантами в вопросах стратегии. Одновременно мы сделали несомненные успехи в вопросах экономики войны; внимание к ним привлечено, растут работники, специализирующиеся на них. Мы все понимаем, что войну ведет не особая организация, а государство в целом, и тылом дерущихся войск является все государство.

Из понятия государственного тыла надо сделать соответственные выводы для фронтовых тылов. Введенное русским генеральным штабом понятие фронта, со своим тылом, охватывающим армейские организмы в целом, сейчас же отразилось на армейских тылах, лишило их самостоятельности, поставило их в подчиненное положение, сузило их функции до распределения. Но сами фронты в тыловом отношении разрослись, став самодержцами. Введение понятия о государственном тыле логически требует производства над фронтами той же самой операции, которую они проделали в 1914 году над армиями: функции их должны быть резко сужены, самостоятельность их должна быть уничтожена, основные функции их должны отойти к государству, в хозяйственном отношении они должны занять подчиненное положение. Проведение всей этой реформы стало бы значительно легче, если бы мы уже в мирное время уничтожили такие крупные экономические сатрапии, какими являются военные округа, и перешли к более мелким и послушным подразделениям государственного тыла — корпусным округам.

Фронты и армии должны перенести свою деятельность ближе к сражающимся войскам. Мы отнюдь не возражаем ни против запасов, ни против какого-либо строительства в районе действий самих войск. Эти запасы очень нужны, так как в современную войну по железнодорожной сети, на глубине до 500 км за фронтом, будут происходить массовые железнодорожные маневры. Но глубину современного театра военных действий, вырезанного из государственного тыла, неблагоприятно было бы значительно увеличивать за пределы 300 км. Все, что позади, желательнее изъять из ведения фронтов и армий. О распространении военного положения в тыл заботиться теперь не приходится, так как при наличии воздушного флота и классовом характере войны военное положение, вне театра военных действий, должно распространиться теперь на весь государственный тыл, включая и мосты через Волгу.

Перенесение центра тяжести на государственный тыл диктуется нам и ограниченным размером наших материальных средств. Здесь может быть только два выхода: или логические выводы, жесткая централизация распоряжением всех средств, крупный шаг вперед, или частно-хозяйственная анархия, тылы пухнувшие и богатеющие параллельно общему оскудению, экономическая катастрофа, миллионы бесполезных нестроевых. Или мы будем базироваться на всю страну, или сразу же окажемся в тупике. При общей экономике нашего Союза создание самостоятельных фронтовых баз, иммобилизующих огромные средства, не может пройти безнаказанно. Ведь

наше плановое хозяйство уже в мирное время развивается при втрое-вчетверо меньших относительно годового оборота количествах запасов, чем частно-капиталистическое хозяйство буржуазных государств. Мы должны научиться и войну вести с меньшими запасами на театре военных действий, чем то делала Россия.

Налаживание работы нашего государственного тыла мыслимо только в том случае, если мы покончим с жупелом самобытности и с аргументацией малокультурности нашего театра военных действий. Во-первых, потому, что эта аргументация фальшива в своей основе, во-вторых, потому, что существо ее заключает пораженческую тенденцию. И не будем слишком себя гипнотизировать позиционным характером конца мировой войны, а равно и заграничными образцами: на английском командовании, например, столь же чувствительно тяготела рутинная борьба на малокультурных театрах, как и на русском командовании. В рационализации устройства тыла мы не можем ставить себе задачу только догнать Запад, — надо идти дальше вперед. И первой предпосылкой успеха явится отказ от узкотыловых интересов, рассмотрение вопроса с широкой государственной точки зрения. Нельзя рассекать территорию государства юридической гранью, равносильной тому, как если бы железные дороги фронтового района и тыла были разной колеи.

Война и революция. - 1928. - Кн. 11. - С. 94-108.

Эволюция оперативного развертывания

Передо мною лежит только что изданный ГВИЗом посмертный труд А.М. Зайончковского: “Подготовка России к мировой войне. Планы войны”. Автор просмотрел в архиве дела Главного управления генерального штаба по делопроизводствам оперативно-крепостному и мобилизационным запасам и привел из них ряд интересных выдержек. Дела эти находятся в большом порядке, компактны; они заключают ряд решений конкретных стратегических и оперативных вопросов, данных русским генеральным штабом в период, предшествовавший мировой войне. Мы должны быть очень признательны автору за оглашение в печати важнейших данных прошлого русской стратегической мысли. Каждый стремящийся углубить свое стратегическое мышление, несомненно, должен будет внимательно остановиться на содержании труда Зайончковского. Содержащиеся в нем данные позволяют конкретизировать стратеги-

ческую мысль. Хорошо или плохо решал свои задачи старый генеральный штаб, но эти задачи выдвигала жизнь, они являлись вполне реальными; мы можем говорить о них вполне откровенно, не оставиваясь ни перед какими стратегическими тайнами царской армии, которые больше не существуют, и не преклоняясь ни перед какими авторитетами эпохи подготовки к мировой войне: ни цензурных, ни живых преград для научной критики здесь нет. Только полтора десятилетия отделяют нас от этой эпохи, и все же она целиком уже отошла в область истории.

Нас сейчас в этом труде интересует другая сторона. А.М. Зайончковский еще на последнем съезде ВНО выступал, как паладин “чистой” истории. В его посмертном труде заключается, однако, очень наглядное опровержение этой философской истории. Приведя какой-либо факт, автор спешит высказать о нем свое мнение, не скрывает, что его привлекает и что отталкивает. Перед читателем — точка зрения Зайончковского, пожалуй, более ярка, чем стратегическое мышление отошедших в историю деятелей генерального штаба.

Мы остановимся в этом очерке на тех положениях, в которых мы диаметрально расходимся с автором. Мы полагаем, что изучение этих расхождений далеко не бесплодно и может помочь углубить наше понимание некоторых стратегических вопросов.

Научную ценность могут иметь военно-исторические труды как вышедшие, так и не вышедшие из школы исторического материализма. Однако, мы должны требовать от автора, во всяком случае, глубокого уважения к реальности, к материальному базису, лежащему в основу тех или иных событий и принятых решений.

Мышление Зайончковского — ультраидеалистическое. Он характеризует (65)²⁹ период 80-х годов “застоем, вызванным в развитии производительных сил страны реакционной политикой царизма”. Не правильнее было бы характеризовать этот период реакционной политикой царизма, вызванной застоем в развитии производительных сил страны и связанной с ним политической слабостью буржуазии? Но если в своих общих взглядах автор просто идеалистичен, то он становится ультраидеалистичным в своей военной критике. главное ее содержание — похвалы смелым решениям эпохи 80-х годов, Обручева и хула стратегической трусости генерального штаба периода,

---

²⁹ Цифры в скобках представляют ссылки на соответственные страницы труда Зайончковского.

последовавшего за русско-японской войной. Всякому понятно, что осторожность может получить целую шкалу оценок — от похвальной рассудительности до отвратительной трусости, — но что наша оценка только в том случае может сколько-нибудь претендовать на научность, если мы изучим тот материальный базис, на котором зиждилось принимаемое решение. То решение, на которое надо обязательно рискнуть с хорошей армией, представляется безумным, если армия затронута разложением, не имеет снабжения, надежного командования, плохо и недостаточно вооружена.

Ушедший в область истории генеральный штаб, кажется, вправе претендовать на то, чтобы после упраздненной его Октябрьской революции деятельность его критиковалась с теми гарантиями объективности, которые обеспечивает исторический материализм. Автор, однако, устраняет их полностью: “Вопрос о состоянии снабжения русской армии всем необходимым не входит в программу настоящего труда” (281). Однако, русскому генеральному штабу приходилось, принимая свои решения, в огромной степени считаться с тем, что армия в течение русско-японской войны истратила мобилизационные запасы патронов, шинелей, сапог; что в армии не было пулеметов; что к формированию тяжелой артиллерии только имелось в виду приступить; что только что закончившаяся война в Маньчжурии засвидетельствовала слабую тактическую подготовку младшего комсостава и вовсе негодную высшего; что революционное движение 1905-08 гг. подорвало старые устои дисциплины, а новые еще не были выработаны, и массы являлись крайне сомнительной силой для защиты старого государства, в особенности в политической атмосфере острых столкновений правительства с большинством Государственной думы. В главе XV, в конце своего труда, по попавшемуся делопроизводству по мобилизационным запасам, автор нам рисует отчаянное состояние многих вопросов снабжения еще в 1912 году. Он вполне основательно говорит, что гаубицы были только на бумаге, а в пограничных округах не хватало 40% снарядов (284-286), и совершенно объясняет миролюбие русского правительства во время балканского кризиса 1912 г. этим состоянием вооружения и артиллерийских запасов; однако, автор отказывается сделать отсюда какие-либо выводы для критики русского развертывания; вопросы сосредоточения автор рассматривает отвлеченно, чисто геометрически, вне всякой связи с той реальной действительностью, в которой приходилось это сосредоточение готовить. Осуждая русский генеральный штаб за его осторожность, автор мог бы в равной степени осудить того коменданта крепости, который не салютовал за

отсутствием пороха... Упреки ультраидеалиста получают чисто платоническое значение.

Нам кажется, что если автору попались ценные, но далеко не все основные материалы для оценки решений генерального штаба, то та осторожность, которую он громит в своей книге, была бы вполне уместна в его критике.

Сильно достается генеральному штабу за ошибку в исчислении мобилизационного запаса винтовок (289) и за недостаточную цифру определенного им комплекта снарядов к полевым орудиям — тысячу снарядов на каждое орудие (286-289,301). О винтовках стоит поговорить отдельно, чтобы выяснить причины ошибки; что же касается до запаса снарядов, то генеральный штаб решил после русско-японской войны повысить комплект с 600 на 1500 и даже вытребовал на них деньги. Но снаряды обязательно должны были фабриковаться в России, а Главное артиллерийское управление проявило в этом деле такую медлительность, что в 1912 г. в пограничных округах не хватало 40% до переходной нормы в 1000 снарядов; имевшиеся в избытке ассигнования оно расходовало, например, на перевооружение горной артиллерии. Если при 1000 снарядов некомплект достигает 40%, то изменение нормы повысило бы некомплект до 60%; мобилизационные расчеты выглядели бы еще более некрасиво, а реальной пользы не было. О необходимости доведения комплекта до 1500 снарядов ГАУ было известно; медленность ГАУ травилась всеми силами от Сухомлинова до Гучкова включительно; окопавшись за великим князем Сергеем Михайловичем, ядро этого учреждения отбивало все атаки. Десяток мелких взяточников удалось выгнать, да и то без суда, столпы же были неуязвимы. Разобравшись детальнее, Зайончковский, вероятно, направил бы свои обвинения по другому адресу.

Характерной особенностью, гордостью автора, является то обстоятельство, что вся работа составлена исключительно по первоисточникам. Работа по печатным источникам автору, с его архивных высот, рисуется почти как полупочтенное занятие, в таком пересказе: “автору ведь поневоле приходится идти на чужом поводе” (169).

Мы не разделяем такого архивного высокомерия: труд по собиранию архивного материала и его разработке представляет необходимую, но низшую часть деятельности историка. Это ремесло историка; историческое же творчество заключается в такой компоновке и освещении этого материала, которые находились бы на высоте тре-

бований философии эпохи и обращали историка в вождя, указующего путь своему поколению и методы решения им своих задач; военный историк должен пролагать новые пути стратегии, оперативному искусству и тактике, а работает ли он сам в архивах или черновую работу выполняют за него подручные — не так важно.

Архивная замкнутость автора, нежелание его сверить попавшиеся документы с имеющейся литературой — представляют не достоинство, а существенный недостаток. Конечно, гораздо проще отметить переписчице в архиве, какие документы она должна перестукать на машинке, чем познакомиться с содержимым библиотек, гласящих о том же. Мне знакомы труды французских историков, щеголяющих тем, что все их примеры извлечены ими впервые из архивной пыли. Но это не мешало им детально изучать всю литературу по исследуемому вопросу. Щегольское же противопоставление архива библиотеке — просто нелепо и ведет к целому ряду досадных ошибок.

Так, автор не находит у Австрии к моменту мировой войны ни одного дредноута (100). Сибирская магистраль предполагается однокорейной (106); стратегические железные дороги в мирное время оказываются совершенно бесполезными (56) и бездоходными (128), тогда как даже Полесские дороги оправдывали процент на вложенный в них капитал. Утверждается громаднейшая, неизмеримая отсталость в железнодорожном строительстве России по сравнению с Австро-Венгрией (44); однако, у последней была только одна приличная линия для сосредоточения — Краков-Львов, все же остальные дороги, переваливавшие через Карпаты, находились в самом жалком положении, — а русская сеть железных дорог вызывала восхищение Людендорфа. 530 поездов, которые можно выгружать одновременно в Галиции (139), представляют оговорку документа, повторяемую автором: Галиция могла в сутки принять до 530 поездов, а воинских платформ для одновременной выгрузки в ней было не сотни, а только десятки. От устья Немана до Дуная не 2600 верст (134) по линии сухомлиновского развертывания, а 1200 километров. После Крымской войны в России стало распространяться не строительство шоссе (55), а железных дорог. В последнее время перед войной в Германии отнюдь не было обращено особое внимание на оборудование восточно-прусского плацдарма (137); последнее явилось в результате постепенной 70-летней работы. Откуда-то автор взял (96), что в России перед мировой войной увлекались Шлиффеном; о последнем ничего не говорили; едва ли было пятеро офицеров, прочитавших его сочинения; очевидная путаница со Шлихтингом — ошибка для нас, посещающих не архивы, а библиотеки, не-

простительна. Сам автор никогда не был знаком ни с одним немецким источником, и о плане Шлиффена осведомился лишь по статье Добrorольского.

Таковыми же архивными ляпсусами являются рассказ о 200-300-тысячной турецкой армии (326), которая будто бы угрожала (без железных дорог, в горах) собраться к Эрзеруму, и рассуждение о превосходных силах турок на Кавказском фронте (338). Вопрос о качестве нисколько не интересует завязшего в географической геометрии автора, почему он утверждает (321), что русское развертывание против Германии было относительно много сильнее, чем против Австрии.

Список неточностей и промахов можно было бы продолжить еще на много строк; но мы и так достаточно подчеркнули, что скромность, столь украшающая каждого научного работника, идет к лицу и работника, получившего доступ в архивы, и что сличение данных архивов с литературой может принести только пользу. Зачем, например, пользоваться архивами (110) для извлечения данных о плотности населения (дело Военно-ученого архива № 180 518), когда сам составитель доклада, попавшего в архив, пользовался данными всероссийской переписи? Где первоисточник? Или зачем автору было обыскивать архивы бывшего министерства иностранных дел, чтобы утверждать (215), что нет никакого следа, даже намека на возможность такой размолвки между Австро-Венгрией и Италией, которая вынудила бы Австро-Венгрию большую часть своих сил в начале войны направлять против Италии и южнославянских государств. По этому вопросу существует целая литература, до записок Конрада включительно, и осуждать генеральный штаб за учет возможности такой “несбыточной, ничем не оправдываемой радужной перспективы” (226) можно, только не интересуясь литературой этого вопроса.

Несомненно, сильной стороной старого генерального штаба была хорошая постановка информации о германских вооруженных силах и трезвая, реальная оценка их удельного веса. В определении количества германских резервных дивизий и их боевой роли русские стояли во много раз ближе к действительности, чем французы, для которых появление десятков германских резервных корпусов оказалось, как удар грома с чистого неба; ведь французы в основу своего плана войны положили невозможность для немцев, по отсутствию у них этих резервных корпусов, совершить большой обход через Бель-

гию; а русские, учитывая эту скрытую мощь Германии, в 1910 году настаивали на осторожности развертывания. Французы полагали, что германские резервные дивизии будут осаждать крепости в тылу и выполнять другие второстепенные назначения, а мы считали, что 23 резервных корпуса будут работать в первой линии.

Как эта сторона деятельности русского генерального штаба оценивается автором? “В своих предположениях генеральный штаб, исходя из принципа рассчитывать для себя все в худшую сторону, а для противника в лучшую, доходил до некоторых явных увлечений” (97-98). Автор (138) стремится упрекнуть генеральный штаб в превеличенном расчете воинской провозоспособности германских дорог: в секретной справочной книжке германского генерального штаба (мне неизвестной) стояла будто бы цифра 20 пар воинских поездов для однопутной и 40 пар для двухпутной дороги, а русский генеральный штаб в своих расчетах увеличил эти цифры до 25 и 50 пар. Настоящие паникеры, не правда ли? Но ведь в действительности перевозки 1914г. дали для германских железных дорог на круг, в среднем, на однопутной — 24 пары, на двухпутной магистрали — 51 пару поездов. точнее подойти к действительным цифрам — 24 и 51, чем определение — 25 и 50, нелегко.

Рисуя себе возможности австро-германцев, генеральный штаб в 1910 году допускал возможность, что из общего числа 79 пех. дивизий, оставленных против русских, 56 дивизий будет направлено, чтобы защемить “передовой театр”; для обеспечения с востока германцы оставят в Восточной Пруссии только 6 пех. дивизий, а австрийцы в Галиции — только 17 пех. дивизий. “Можно ли было рассчитывать, — спрашивает автор (194), — что немцы, при своем наступлении на соединение с австрийцами, прикроются со стороны русских, которые по окончании сосредоточения имели бы значительный перевес в силах, только 6-ю дивизиями в столь опасном для них направлении или что австрийцы свой марш на север прикроют на широком фронте от Днестра только 17-ю дивизиями? Также полагаю, что это не принадлежало к числу разумных за неприятеля решений...”

Ответ на этот упрек пусть даст история: германцы не только не оставляли против Ренненкампа во время самсоновской операции 6 пехотных дивизий, но не оставили ни одной, а австрийцы свой марш на север прикрыли со стороны Днестра только 12 дивизиями. Удивительно здесь только то, что гадания русского генерального штаба перед войной были ближе действительности, чем заключения историка, критикующего прошлое <...>

Под давлением самой легкомысленной в свете французской разведки, в течение всей мировой войны подтасовывавшей данные так, чтобы быть приятной главнокомандующему, русский генеральный штаб ослабил масштаб предвидимого со стороны немцев сопротивления при нашем вторжении в Восточную Пруссию и соответственно уменьшил силы армий Ренненкампа и Самсонова. И под Гумбиненом и под Танненбергом русские войска были обречены на встречу с превосходящим количественно, качественно и технически врагом. Судьба наших первых поражений была решена. Как оценивает автор это решение? “Я неоднократно подчеркивал утрировку в сторону чрезмерного исчисления грозящей России опасности. Записка французского штаба 1911 года не могла не воздействовать на уменьшение этого психоза страха” (243). Наконец, в 1912 году принято решение, допускавшее переход в наступление против Восточной Пруссии, однако “без излишнего нагромождения войск” (309).

Критика Зайончковского политических взглядов русского генерального штаба исходит из твердо антантовской ориентировки автора. “Соглашение с Францией имело смысл только в наступательном с обеих сторон плане войны” (40), не могло быть “отдельных планов войны, русского и французского, а должен был быть один общий, который неизменно требовал от обоих союзников развития энергичных наступательных операций, даже с риском поступиться чрезмерной осторожностью” (153). Оставаясь на почве реальности, мы полагаем, что Франция и Россия не должны были одновременно наступать против Германии; тот союзник, против которого была брошена основная масса германской армии, должен был сохранить возможность обороняться в выгодных условиях.

Автор является горячим сторонником куропаткинской идеи 1903 года о войне на Западе, а не на Востоке, связанной с надеждами на поддержку со стороны славянства (71-73), а также программной мысли 1907 года министерства иностранных дел о соглашении с Англией и Японией: “В Европе произойдут осложнения, и нам надо быть готовыми подать свой голос, чтобы не оказаться в положении полузабытой азиатской державы” (175). Очевидно, автор не был сторонником того мнения, что счастливые народы не имеют истории, и никогда не пробовал нарисовать себе картины, как бы Россия разбогатела, если бы сумела удержаться в стороне от мировой войны, да торговала бы пшеницей по 4 рубля за пуд, да спускала бы всякое барахло на вес золота...

В стороне от мировой войны России, конечно, удержаться не удалось бы; но старому русскому генеральному штабу не чужда была идея — не ставить себя в абсолютную подчиненную зависимость от союза с Францией и Англией и сохранить за собой свободу решения. Вместо сосредоточения русских войск уже в мирное время в мешке Передового театра, где они могли существовать только милостью союза с Францией, и плана Шлиффена, русский генеральный штаб стремился к такой дислокации мирного времени, которая отвечала бы и другим политическим комбинациям. Основания для этого были. Франция очень плохо поддерживала Россию в течение войны с Японией; а из нее Россия вышла настолько ошипанной, что ценность союза с нею умалилась в сильной степени. В 1906-08 гг. позиция Франции была странной. Автор подтверждает (187), что Германия, Австро-Венгрия, Турция сразу поняли, что Россия в балканских вопросах предоставлена своим силам, и приняли враждебное, вызывающее по отношению к России положение. Материальная слабость России позволила поднять против нее голову даже таким спокойным и мирным державам второго порядка, как Швеция и Румыния. Автор подметил эту особую линию поведения русского генерального штаба и сейчас же клеймит ее: “без всякого учета работы дипломатии” (163); или “тут говорить о связи политики и стратегии не приходится”. Вероятно, автор охотно развил бы свою мысль в обвинение в изменническом колебании русского генерального штаба по отношению к франко-русскому союзу.

“Рабы, не шумите своими цепями” — сказал Гете по адресу немецких масс в момент нашествия Наполеона. Русские, рабы французских займов, тоже действительно смогли в 1910 году только позвенеть своими цепями и не сумели вырваться из антантовского плена вплоть до Октябрьской революции.

Еще Жомини, во второй четверти XIX века, обращал внимание на возможность использования выдающегося положения присоединенного к России королевства Польского для действий по внутренним линиям против коалиции Пруссии и Австрии, если бы таковая создалась против России. В грозный момент Восточной войны, когда Австрия и Пруссия полуприсоединились к выступавшим против нас Франции, Англии и Турции, Жомини уже признавал невозможность таких операций. У него не хватило духа поставить ребром вопрос о необходимости отнести развертывание за линию Гродно-Брест; Жомини настаивал, чтобы дипломатия, какой угодно ценой, удержала

бы Пруссию от войны, так как в случае последней он не мог посоветовать приличного решения, а лишь предвидел глубочайший кризис для русского государства.

В эпоху создания тройственного союза вершителем стратегических судеб России является генерал Обручев, активный деятель создания франко-русского союза. При слабости русских железных дорог того времени нормальное развертывание затянулось бы на три месяца войны; а французам было памятно, что пруссаки успели в 6 недель покончить войну с Австрией в 1866 году и в еще меньший срок в 1870 году уничтожить под Мецом и Седаном всю французскую императорскую армию. Обручев, чтобы ускорить вступление русских войск в войну для помощи Франции, придумал антитерриториальную систему вооруженных сил для России: 43% наших войск были в мирное время уже притянуты в пограничную полосу; внутренность России оголилась вовсе от войск; в Московском и Казанском военных округах вместе осталось только 10% вооруженных сил; из внутренних городов русские войска были выведены и разместились, в очень печальных условиях, по местечкам и деревушкам Польши и Литвы. так как при мобилизации они должны были пополниться местными запасными, которые характеризовались, как ненадежные инородцы, то комплектование их производилось за счет внутренних губерний, а поляки, литовцы, украинцы направлялись на укомплектование внутренних и азиатских округов. Только ничтожная часть новобранцев (12%) попадала на службу поблизости от места, где она выросла, что усугубляло тяжесть военной службы. Войска стали определенно хуже; мобилизационные затруднения стали очень велики; в первый день войны 42-летние поляки призывались в полевые части пехоты. Армия стала чужда своей стране.

Обручевская система, делавшая полевые части бездомными, отбрасывавшая их от районов комплектования к границе, исключила возможность формирования при них резервных войск. второочередные части должны были получить уже в мирное время свои особые, явные кадры, в виде резервных и крепостных полков и батальонов. Это были части определенно второго разбора, далеко не воинственные, содержимые в мирное время в очень ограниченном составе, давшие отвратительную подготовку проходившей через них части призыва. Опыт русско-японской войны показал их впечатлительность, нестойкость и тактическую неумелость в первых боях. Качество их было несравнимо хуже, чем полевых частей; густыми толпами появились они на полях сражений, несли большие потери, не

нанося врагу вреда, охватывались паникой, обращались в бегство и являлись существенным моментом проигрыша операций.

В экономическом отношении обручевская система представляла благотворительность польской окраине за счет русского центра. Помимо двух сотен миллионов на крепости, она потребовала сотню на строительство казарм в пограничной полосе, чтобы разместить в них хоть часть нагроможденных войск. Она привела к тому, что все жалкие средства, которые выделял бюджет на постройку шоссе, расходовались исключительно в Польше. Польское сельское хозяйство и города чрезвычайно выигрывали от обширного рынка, который создавался сосредоточением войск в мирное время.

Чтобы обеспечить трудную мобилизацию в пограничном пространстве, и чтобы помочь Франции в первые же дни войны, масса кавалерийских дивизий была расположена в непосредственной близости от границы и в первые же часы войны имела задачу — вторгнуться в неприятельские пределы и произвести погром транспорта, связи, администрации. Конница, крупный козырь, была обречена на гибель, разрешая второстепенную задачу...

В стратегическом отношении систему Обручева можно характеризовать как громопровод. Мольтке старший, Вальдерзее, Шлиффен в первые две трети своей деятельности начальника генерального штаба — были вынуждены ограничиваться обороной против Франции и наносить главный удар по массе собранной в бассейне Вислы русской армии. Это был и лакомый, и легко доступный кусок: удар из Восточной Пруссии и Галиции естественно вел к окружению охваченного неприятельской территорией с севера и юга Передового театра. Русским армиям пришлось бы отступать не к Москве, а к Варшаве. Здесь уже для нее был приустроен редюит, в виде укрепленного района Варшава-Новогеоргиевск-Зегрж — русский Мец, ожидавший лишь своего Базена для катастрофической сдачи в плен полумиллиона солдат.

В политическом отношении система Обручева, это развитие русских вооруженных сил в виде польского флюса, характеризуется потерей независимости и полным принесением в жертву интересов русской армии и русского народного хозяйства на алтарь союза с Францией. С устремленным против Германии уже в мирное время развертыванием, Россия становилась не субъектом, а орудием политики. Зайончковский, конечно, выступает горячим паладином этой системы и мечет грома негодования против посягнувших на нее русских деятелей...

Автор не видит охвата русского сосредоточения; он усматривает лишь географический прорыв неприятельского центра (226) и требует утрамбования русских войск в польском мешке. Особенно “привлекательной чертой этого развертывания” представляется автору выделение для обеспечения наших операций минимума сил, несмотря на то, что оно было “несколько рискованно” (225). Особенно прельщает автора предложенный Драгомировым вариант, вовсе очищающий Неман и приближающий центр сосредоточения к левому берегу Вислы — для прямого марша на Берлин. Автор тут пользуется случаем бросить камешек в близкий мне огород: “Правда, в плане Драгомирова, с точки зрения некоторых современных стратегов, есть вещи абсурдные. Здесь мы видим все признаки “гнусного” сосредоточения и, главное, полное неуважение к Шлиффеновским “клещам” (48). Этот выпад лишен, однако, какого-либо материального обоснования: сам автор вынужден признать отрицательные черты защищаемого им “гнусного сосредоточения” — “недостаток пространства для маневрирования все увеличивавшихся массовых армий, скученность ближайших тыловых районов и отхождение от флангов главных железнодорожных магистралей” (67).

Такое противоречие взглядов автора, неустойчивость их представляют чрезвычайно характерную черту. Автор имеет не одну, а несколько точек зрения и перебегает с одной точки зрения на другую для удобства осуждения реформаторов обручевской системы, не считаясь с тем, что на одной странице он опровергает другую. Так, автор не мог не признать достоинство военной реформы 1909-10 гг.; в основе этой реформы лежал переход от приграничной к территориальной дислокации армии. Войска в Вислинском бассейне были разрежены и перемещены в бассейн Волги; были сформированы новые полевые дивизии, и количество рядов в полках внутренних округов значительно увеличено, что повысило возможности их тактической подготовки. Явные кадры резервных дивизий были уничтожены и обращены в скрытые, влитые в полевые части; последние в момент мобилизации выделяли ядро для формирования второлинейных дивизий, стоявшее по своему обучению несравненно выше прежних резервных батальонов, представлявших не то караульные команды, не то нестроевые части для ухода за неприкосновенными запасами. Артиллерия была усилена. И вся реформа была проведена при неперменном условии, выдвинутом Государственной думой, чтобы общий состав мирного времени не был увеличен ни на одного солдата... Реформа была произведена за счет уничтожения резервной и крепостной пехоты. Последняя по своим качествам приближалась

к тем инвалидным командам, с которыми воевал еще Пугачев; слабая духом и внутренним порядком, ушедшая в свои огороды и караульную службу, она была девственно невинной в вопросах тактики и современного боя как в поле, так и в позиционных условиях.

Автор хвалит реформу и признает, что новые “второ-очередные дивизии даже в выполнении важных оперативных задач... весьма скоро сравнялись с полевыми и далеко превосходили своими качествами резервные дивизии времен японской войны” (91). Но далее, с героической непоследовательностью, автор осуждает Сухомлинова за “важную, но сказал бы, бесславную реформу. Он уничтожил крепостную пехоту... неопределимое средство в руках энергичного коменданта” (151). Логика здесь, примерно, такая же, как у восхваления Октябрьской революции, которое было бы связано с сожалением о переходе власти от буржуазии к рабочему классу. Плохая крепостная пехота заменена хорошей полевой: приветствуем последнюю, но сожалеем о первой...³⁰

В вопросе о крепостной пехоте и крепостях мы переходим в область, пропитанную политикой, политиканством и интригой.

Крепости, стратегически распланированные при Николае I, как двойные тет-де-паны на важнейших реках Польши, утратили в XX веке значительную часть смысла своего существования... Переправы через реки могли осуществляться, при современных мостовых средствах, в любом месте и требовали гораздо большего фронта, чем им обеспечивали первоклассные крепости. Последние выполнили свою маневренную роль, когда фронт генерального сражения не превосходил десятка верст. Новые условия требовали долговременного укрепления не одного пункта на реке, а всего ее течения; укрепленный рубеж создавался переплетом огня тяжелой артиллерии по всей реке. Если бы на Немане, Бобре и Нареве мы имели такую стратегическую опору, наши операции в мировой войне были бы действительно облегчены крепостями. Куропаткин, на рубеже столетий, начал обозначать укрепление этих рубежей³¹.

---

³⁰ Несомненной ошибкой генерального штаба было не уничтожение крепостной пехоты, а сохранение крепостной артиллерии. Русская армия много выиграла бы от замены ее сотней тяжелых дивизионов, как это имело место в Германии. Надо обвинять реформаторов за то, что они останавливались перед предрассудками, а не за то, что они преодолевали их.

³¹ Рожан, Пултуск, Олита так и остались недоношенными укреплениями. Но вместе с Порт-Артуром они оттянули средства и заставили запустить другие большие крепости.

В техническом отношении русские крепости к моменту русско-японской войны отстали лет на 30; за исключением редких бетонных капониров, они представляли нагромождение немаскированных кирпичных построек; любой простой окоп, как только в восьмидесятых годах появился начиненный сильно взрывчатым веществом гаубичный снаряд, стал много безопаснее кирпичных фортов, обитать в коих во время боя стало немыслимо. За период 1904-08 гг. крепости оказались еще более запущенными. Овладение ими для неприятеля стало задачей более легкой, чем штурм слабенькой полевой позиции.

В то же самое время русская первоклассная крепость представляла ценнейший склад: тысяча орудий, свыше полумиллиона снарядов, миллионы ружейных патронов, десятки миллионов продовольственных дач, масса технических средств.

Обессиленная поражением в Маньчжурии и революцией 1905 года, русская армия не имела возможности прикрыть большинство крепостей в Польше своим развертыванием и явилась вынужденной предоставить им бороться с врагом собственными силами. Вместе с ценным имуществом, в каждой первоклассной крепости были обречены на садуху в плен около 100 тысяч плохо организованных солдат.

Пусть читатель теперь сам решает — было ли изменническим деянием упразднение русских крепостей в Польше, или прямой изменой явились бы сохранение для немцев колоссального материального приза и обеспеченная сдача в плен полумиллионного, в сложности, гарнизона.

В наполненной интригами петербургской атмосфере 1910 года уход войск из Польши и упразднение крепостей вызвали громадное волнение и яростную оппозицию. Получилась удивительная коалиция агентов Франции, сомневавшихся — не обеспечиваем ли мы свободу действий, чтобы скинуть ярмо франко-русского союза; военных инженеров, которые приняли это мероприятие за покушение на их профессию; заинтересованного местного начальства; консервативно мыслящих людей, привыкших полагаться на крепости и не желавших считаться с тем, что “крепость” превратилась теперь, в сущности, в “слабость”, и разных лиц, просто заинтересованных в том, чтобы свалить одного военного министра и найти послушное орудие в другом или устроиться при нем.

В этих условиях генеральному штабу были навязаны полумеры; на Висле Новогеоргиевск был сохранен. Николай Николаевич возглавлял оппозицию по вопросу о крепостной пехоте и настоял на постройке новой большой крепости — у Гродны, большой крепости — Ревеля и на ремонте Выборга. В 1910-1914 г.г. кредиты на уст-

ройство и усиление крепостей были увеличены; ассигнования не разбрасывались по многим пунктам, а сосредоточились на Новогеоргиевске, Гродне, Бресте и Ковне. К 1915 году фортификационная сила этих немногих крепостей поднялась, вероятно, не меньше, как на 500%, по сравнению с условиями 1907-09 гг. Что же сказал по поводу этих крепостей опыт мировой войны? Лучшая крепость, Новогеоргиевск, сумела продержаться неделю, и дала немцам драгоценные трофеи — массу тяжелой артиллерии с большим комплектом снарядов, массу продовольствия и технического снабжения, 120 тысяч пленных. Ковна была взята без окружения ее германцами, как слабейший участок русского слабо укрепленного окопного фронта; гарнизон поэтому смог уйти. Гродна серьезно не оборонялась, но форты ее были взяты с налета. Брест вовремя был эвакуирован. Упраздненный Ивангород вновь возродился во время войны и отвлек на себя большие средства; когда же ему стала угрожать серьезная опасность, он был очищен без боя. Мировая война полностью подтвердила скептическое отношение русского генерального штаба к крепостям и предложенное им в 1909 г. смелое решение. Каковы же взгляды А. М. Зайончковского?

Он чрезвычайно расхваливает инженерную подготовку, оставленную нам XIX столетием: она парализовала риск развертывания на Передовом театре (224, 225); здесь не было ни одного укрепленного пункта, который не являлся бы логически последовательным во всей сети вариантов стратегического развертывания (53-54). “Начало реформы крепостного вопроса с шумливого разрушения системы обороны.... настолько оригинально и настолько нежизненно, что трудно подвести под него какой-нибудь логический фундамент. Немудрено поэтому, что Петербург того времени был наполнен по крепостному вопросу массой сплетен” (163). Но зачем же автор теперь идет на их поводу? И какую реформу возможно произвести, ориентируясь на то, что скажут московские просвирни, и без борьбы с заинтересованными в сохранении старого порядка лицами?

Особенно автор разносит русский генеральный штаб за то, что последнему не удалось упразднить Новогеоргиевск: “разрушив всю милютинскую систему развертывания и крепостей и очистив от войск передовой театр, заперев там, однако, как в ловушку, в Новогеоргиевске целый полевой корпус...” (210). Однако, одна глупость все же лучше 3-4 равновеликих глупостей. Защитнику крепостной системы едва ли прилично упрекать генеральный штаб, которому пришлось уступить в вопросе Новогеоргиевска, за то, что “все здание венчалось новым Порт-Артуром — Новогеоргиевском, в кото-

ром было приказано запереть, с риском бесславной гибели, 32 батальона полевых войск”.

Сухомлинов мотивировал капитуляцию в вопросе Новогеоргиевска политическими соображениями. Последние имели в виду как общественное мнение Франции, так и воинствующих русских националистов; русское знамя, под обеспечением солидных крепостных верков, продолжало развиваться на Висле, — следовательно, нет предательства ни французских, ни русских интересов в Польше. Автор, однако, сопровождает эти “политические соображения” вопросом: “уж не подавление ли внутреннего восстания?” Мы можем смело ответить отрицательно: Новогеоргиевск, чисто военная крепость, без какого бы то ни было гражданского населения, никакого отношения к подавлению восстаний не имел. Для борьбы с восстанием назначалась Варшавская крепость, второлинейные форты которой удивительно удобно были устроены строителем крепости, инженером Вернандером, для действий не против внешнего врага, а против ядра крепости — города Варшавы с его населением сомнительной преданности старому режиму. Эта крепость и эти форты были ликвидированы в 1912 году, за исключением дрянной цитадели, сохраненной в угоду внутренне-политическим требованиям.

М.Н. Тухачевский, написавший предисловие к труду Зайончковского, ставит на ту же тему более широкий вопрос: не являлась ли вся реформа Сухомлинова вызванной страхом перед революцией? Не изменились ли развертывание русских войск и их дислокация вследствие выяснившейся для Столыпина необходимости оккупировать войсками всю страну, а не ограничиваться, в случае необходимости, займом войск из передового театра для пресечения волнения внутри России?

Подозрения М.Н. Тухачевского неосновательны. Для борьбы с революционным движением важно не столько количество войск, как их качество; важно сохранить войска от разложения до момента физического столкновения. С этой точки зрения обручевская система была превосходна. Русские войска нигде не встречали “земляков” среди восставших. Главная масса их, квартировавшая в Польше, была крайне трудно доступна польской революционной пропаганде. Все противоречия, вытекавшие из национального шовинизма, использовались в полной мере. Реформы толкались не черносотенной, а либеральной частью генерального штаба. Войска, размещенные по всей территории и комплектованные преимущественно местными уроженцами, отнюдь не могли явиться лучшим орудием борьбы с

революцией; идея реформы, несомненно, не вышла из департамента полиции.³²

Укажем еще на одно заблуждение Зайончковского. Он объясняет вызов к жизни вопроса об укреплении Либавы, с переводом в нее части флота, ослаблением русских войск, охранявших Балтийское побережье, в пользу армий, сосредотачиваемых на западной границе (38). Не правда ли, как “привлекательно”: крепость строится, чтобы освободить живую силу для удара? Но так можно утверждать лишь против очевидности и архивных документов: когда был возбужден вопрос о постройке Либавы (конец 80-х годов), представитель военного ведомства и интересов развертывания, молодой тогда еще Куропаткин, честно и горячо докладывал о ненужности и вреде этой крепости. Но вопрос был уже решен в недрах морского ведомства великим князем Алексеем Александровичем, тогда всесильным; либавские пески были уже скуплены за бесценок надежными людьми, и государство должно было строить крепость, чтобы отчуждать их по дорогой цене. Вот недурное, но очень грязное логическое звено в столь прославляемой автором системе инженерной обороны.

В 1908 г., как только ослабела волна революции 1905 г., русскому генеральному штабу пришлось приступить к подготовке заново развертывания на случай войны на западной границе. С 1900 г. работа по развертыванию уже тормозилась дальневосточной авантюрой и вовсе замерла с началом русско-японской войны. Одной из существенных причин неудач России в Маньчжурии явилось стремление к сохранению обручевского флюса, в который входили лучшие войска и запасы. После ляоянского поражения, сохраняя его формально, начинали вырывать из него стрелков, артиллерию, укомплектования, снаряды, патроны, шинели, сапоги, лучших офицеров и т.д. Обручевская система показала, что она является серьезной помехой для всякого иного выступления России, кроме столкновения франко-русского союза с Германией. как оруженосец Франции, Россия была бессильна для защиты своих отдельных интересов.

Приступая к своей работе, генеральный штаб прежде всего должен констатировать, что он стоит перед разбитым корытом обручевского развертывания: флот, долженствовавший обеспечить на его

---

³² Буржуазно-либеральные основы реформы легко усмотреть в выдвижении на первый план экономических выгод реформы, устанавливавшей экономическое равновесие между польскими и русскими областями, и выгод территориальной дислокации, связывающей армию с населением, облик доводов был чисто демократический.

фланге Балтийское море, утонул в водах Цусимы; нет оружия, одежды, обуви для масс, которые будут призваны при мобилизации. Да и насколько исправно явятся польские запасные, которыми по преимуществу должны были пополниться главные силы, квартировавшие в пограничном пространстве, — было очень сомнительно. Наконец, в основу обрубчевского развертывания ложилось убеждение в высоких достоинствах русской армии, в превосходстве русского солдата над германским, отбывающим действительную службу только два года, затронутым социализмом, на три четверти горожанином, а потому и более слабым физически. Реставрированные Драгомировым суворовские образы наших чудо-богатырей составляли фантастический базис наступательного развертывания конца XIX века, не заботившегося об обеспечении операции, о возможности, на худой конец, отступить. Действительность боевых действий 1904–05 гг. внесла жестокое разочарование и прекратила всякие толки о неоспоримом превосходстве русского крестьянского комплектования над западноевропейским. Высший же командный состав ярко засвидетельствовал свою малопригодность к выполнению сложных операций.

В этих условиях сохранение прежнего плана развертывания, закупоривание всех русских армий, лишенных возможности наступать, в возможное для обороны положение на Передовом театре — являлось преступлением и нужно было иметь малейшее представление об ответственности перед государством, чтобы предложить другой план, при котором русские армии не были бы лишены возможности отступательного маневра, чтобы впоследствии, на линии Двины и Днепра или даже дальше, задержать вторжение.

Естественно, что каждый порядочный работник, поставленный перед задачей развертывания, начинал тянуть вон из мешка назад. Зайончковский обращает свои громады преимущественно на Ю.Н. Данилова и его сотрудников, но должен признать, что и М.В. Алексеев в 1908 г. робко подходил к тем мыслям, которые в следующем году уверенно проводили в жизнь другие лица. Конечно, автор пользуется тут случаем подчеркнуть крайне осторожные черты личного характера как начальника генерального штаба Ф.Ф. Палицина, так и докладчика по сосредоточению М.В. Алексеева (79,81). О проповедник дерзаний!

Чтобы еще больше подчеркнуть нелепый характер отнесения развертывания назад, автор напоминает читателю (158), что в то время, когда русские столь опасались немцев, последние у себя руководствовались планом Шлиффена, с крайней определенностью сосре-

доточивавшим почти все германские силы против Франции. Русские, оказывается, отступали перед призраком!

Читателю, чтобы не быть сбитым с толку этим аргументом, надо подойти несколько диалектически к этому вопросу. Что такое план Шлиффена? Мыслим ли он отдельно, внутри одной Германии, или он охватывает действительность и за пределами германских границ?

В конце XIX века Россия и Германия стояли лицом друг к другу: Россия — со своим нагромождением войск на германской границе, Германия — со своим решением наносить главный удар России. С началом XX века происходит поворот германского развертывания спиной к России. В начале Шлиффен полагает осуществить против Франции лишь малый обход, не переходя в Бельгии за Маас. Еще значительнее германские массы связаны на русской границе, хотя Россия со своей дальневосточной политикой, естественно, грозила меньшим нажимом на Германию. Но вот Россия втягивается в войну с Японией, а затем революция лишает ее вовсе боеспособности. Шлиффен реагировал на это планом большого обхода через Бельгию. Впоследствии Мольтке-младший сохранил этот шлиффеновский план. Но почему? Да потому, что русский генеральный штаб отказался от обрубчевского развертывания. Сомнения Мольтке о том, куда наносить главный удар, решаются в сторону Франции именно потому, что русский генеральный штаб с 1908 г. приступает к изменению дислокации, к упразднению крепостей, к отнесению развертывания назад; раз русские армии могут выскользнуть из-под первого германского удара, раз вывезли из Польши свои склады, — опустевший Передовой театр теряет, как добыча, свои привлекательности, и германская гроза над ним и не собирается.

Можно гарантировать, что как только, по мысли Зайончковского, русский генеральный штаб реставрировал бы обрубчевскую подготовку к войне, то германский генеральный штаб в три дня повернул бы шлиффеновское сосредоточение с запада на восток; мы имеем даже очертания этого плана: Бонналь, в своей Виленской операции 1812 г.³³, очертил уже направление такого маневра на Ковно-Свенцяны-Минск с гигантским окружением русского фронта, и Людендорф только и мечтал о нем в течение всей кампании 1915 г.

Планы развертывания имеют двустороннее действие, о чем забывает автор; русский генеральный штаб не убежал перед призраком, а провоцировал обращение германской мощи на русскую границу в призрак. Изменял ли он при этом русским интересам?

---

³³ На русский язык переведено Иностранцевым.

Конечно, Ю.Н. Данилов, проводивший ломку подготовки к войне, удостоивается от автора целого ряда комплиментов, распространяющихся и на его сотрудников: “трусливый оттенок” (149); “тенденциозно-оборонительный и склонный даже к отступательной стратегии взгляд”; “своего рода Мольтке русской армии”; “центр тяжести стратегической мысли переносится на чрезмерную осторожность”; “чрезмерный гипноз могущества ожидаемых врагов” (225); “если же внимательно взглядеться в ту обстановку, в которую генеральный штаб ставил полководца, то выйдет, что он связал его оперативные решения и по рукам и по ногам”; он ставил полководца “в наихудшее положение для начала какого-нибудь маневра” (277).

Эти выпады — а ими переполнен весь труд, и они являются его стержнем — имеют значение лишь постольку, поскольку мы в лице автора считаемся со серьезным стратегом. Мы на них не останавливаемся. Я позволю себе задержаться на одном докладе, написанном Стоговым и Валовым — начальником оперативного отделения и его помощником. Последние указывали на бедственное положение 4-й армии по плану развертывания: и сил мало, и сосредоточивается армия позже, чем все другие, а, между тем, в районе Люблина она подвергается первым ударам австрийцев. Чтобы избегнуть поражения 4-й армии, с которого действительно началась Галицийская операция, Стогов и Вялов указывали, что ее следует оттянуть назад. Главная мысль этих основных работников русского развертывания заключалась в том, что раз нет надежды, что французы сумеют удержать немцев в течение 3–4 месяцев³⁴, то нам необходимо, думая о себе, действовать осторожно. Автор, разумеется, подсмеивается над этим духом чрезмерной осторожности, духом оттягивания назад, этим своего рода “Drang nach Osten”, который царил в Главном управлении генерального штаба (225).

Позвольте добавить маленькое послесловие: доклад этих “стратегических трусов” не был одобрен; а они не захотели приложить своей руки к постановке 4-й армии в опасное положение и отказались от блестящей карьеры, которая им навязывалась, от имевшихся роскошных казенных квартир и наградных в двойном размере, от столичной жизни и отправились на скромные должности в провинцию. В войне они проявили выдающуюся личную храбрость. Вялов — это тот самый, который увлек Самсонова на архицерзкий удар в центре,

---

³⁴ Таковы были заявления самих французов. Во французской литературе длительность сопротивления Франции, при неуспешном ходе войны, оценивалась в 4–6 недель, и лишь генерал Ланглуа боролся с такой “позорной” мыслью и указывал в своих статьях срок сопротивления Франции в 3 месяца...

который, когда штаб Самсонова хотел сдаваться, лично зарубил германских пулеметчиков и вывел за собой штаб, который был храбрейшим командиром полка и был убит при отступлении 1915 года. Не только в Германии Людендорф ушел по идейным соображениям с блестящего поста начальника оперативного отделения, но такие случаи бывали и в русском генеральном штабе, и — это, может быть, самые красивые страницы его истории. “Стратегические трусы!” Не правда ли, странная порода!..

Кутузов, накануне очищения, совершенно неизбежного, Москвы, собрал в Филях военный совет, надеясь, что сможет разгрузить свою ответственность констатированием военным советом невозможности не пускать в Москву Наполеона. Но генералы его “подсидели” и говорили в совете о чем угодно, только не о том, что всеми хорошо сознавалось: на то Кутузов и главнокомандующий, чтобы отвечать за все неприятности акта очищения Москвы; к чему же подставлять себя под негодование Петербурга? Никто не подал совета отступить, никто не оказывался “стратегическим трусом”. Стратегическая трусость, — это открытие Зайончковского, который был настолько “стратегически” храбр (или легкомыслен?), что взял на себя командование в Добрудже в 1916 году, когда для него самого был совершенно ясен предстоящий ему и вверенным ему войскам полный провал, — представляется вообще явлением весьма сомнительным: существуют трусость физическая — недостаток нервной системы, и существует трусость гражданская, когда человек или не сознает своего гражданского долга или презирает все, кроме своих личных интересов <...>

<...> Нет никакого сомнения, что Россия 1914 года, по своей экономике, по своей железнодорожной сети, по мощи своей армии, по запасу военнообученных, по количеству и качеству подготовленного для войны снабжения далеко превосходила Россию 1900 года³⁵. И однако она почти ничего не выиграла ни в быстроте, ни в мощи своего первого удара. Центр тяжести ее могущества, находившийся раньше в пограничной полосе, расплзся теперь по всему государству. Выросли новые корпуса на Волге, выросла могучая сила сибирских стрелков. Туркестан и Сибирь связались железными дорогами в одно целое с пограничной полосой и готовы были через два месяца после начала войны подсылать на запад свои прекрасные полки. За-

---

³⁵ Нормальные доходы бюджета увеличились на 118%, военный бюджет — на 124%, мирный состав армии — на 15%, количество новобранцев — на 53%.

падные части, разбросанные по всей территории страны, готовы были покрыть даже такую непомерную убыль первого месяца боевых действий, каковая имела место в действительности, — до 600 тысяч человек.

Развитие русского государства, как впрочем и других, подвигалось в сторону подготовки его к длительной войне, к измору, а не к сокрушению. Этот процесс совершался незаметно даже для самих вождей реформы в армии. Зайончковский признает только стратегию сокрушения; как милы его сердцу замечания Драгомирова о переводе войск на левый берег Вислы, о прямом движении на Берлин (48), мысль Алексеева о продуктивности наступательных действий против Германии только на левом берегу Вислы (166). А жестокая эволюция, которую не признает автор и у которой он не хочет учиться, преподносит ему изменение подготовки русского развертывания в сторону измора: сокрушительная сила России несколько не выросла за 14 лет. При том направлении, которое получила эволюция русской военной силы, единственным правильным решением был бы не немедленный поход на Берлин, а борьба за дальнейший этап развертывания на фронте Данциг-Перемышль...

Обвинять генеральный штаб в ужасном открытии, сделанном Зайончковским, — это значит обвинять эволюцию, это значит вступать в борьбу с ветряными мельницами, быть неисправимым идеалистом и презирать материальный базис деятельности.

Перейдем к “суете и импровизации”, заменявшим “поход заведенной машины”. Обширное протяжение границы с Германией и Австрией, несколько свободных рокадных линий в Польше — открыли ставке полную возможность вносить желаемое изменение в заранее подготовленное развертывание. генеральный штаб использовал представившиеся возможности железнодорожного маневра в своих вариантах А и Г, а 1 мая 1912 г. пошел и дальше; в предположениях 1914 г. эта гибкость находит еще большее развитие: тогда как раньше все части, назначенные для войны на западном фронте, расписывались по армиям, теперь генеральный штаб нашел нелепым заблаговременно предугадывать назначение частей, которые прибывают после 25 дня мобилизации; действительно, с 20 дня должны были начаться оживленные бои, и разве можно было заранее сказать, куда придется направить прибывающую на 36-й день дивизию? За 15 дней напряженных боев могло произойти радикальное изменение обстановки. И русский генеральный штаб решает не распределять заблаговременно позднее прибывающие дивизии, которые вместе с азиатскими корпусами, а также и с 6-й и 7-й армиями обратились в

могучий резерв верховного командования, не расписанный ни на одном фронте и имеющий возможность появиться там, где окажется выгодным.

Да, в 1914 году 40% русских сил развернулись в Передовом театре; почти те же 46%, которые намечались в 1900 году! Но кто не понимает ту свободу, которой русские пользовались в 1914 году, со 2-й, 4-й и 5-й армиями, которые могли влететь в передовой театр, а могли и не влететь; кто не понимает различия с развертыванием 1900 г., огромную часть которого составляли войска, уже в мирное время приткнутые к своим пунктам развертывания, гарнизоны крепостей, гарнизон укрепленного района, — тот стратегически проспал 40 лет.

Русский генеральный штаб атаковал труднейшую проблему, выдвинутую XX веком: замену жесткого развертывания Мольтке развертыванием гибким, включением в развертывание не связанного заранее железнодорожного маневра. Но Зайончковский поворачивается спиной к эволюции. Железнодорожный маневр для него — это суэта, импровизация... Уменьшение числа батальонов (по лит. А) в Передовом театре на 96 поздно прибывающих, зачисленных теперь в резерв верховного командования, Зайончковский расценивает (278, 303, 313, 314, 320) как новый рецидив “робости”, вызванный тем, что Главное управление генерального штаба выскользнуло из-под опеки “опытного коллектива” начальников окружных штабов!

Гибкость — это трусость и импровизация; железнодорожный маневр — это суэта; развитие русской мощи в условиях XX века в сторону подготовки к измору, а не к сокрушению — это очевидное доказательство кретинизма центральных работников русского генерального штаба.

Читатель видит, какая пропасть отделяет масштаб оценок Зайончковского от моих суждений. Это две различные доктрины. Зайончковский остался верен той стратегической идеологии, которая ему была преподана в 80-х годах в академии Леером и которая отвечала нашему развертыванию 1887 года. За истекшие 40 лет он и работал и читал, но убежденный в вечности и непоколебимости своих стратегических принципов, он не двигается вперед, и оказывается все в большем противоречии с новыми материальными условиями ведения войны. Его идеи вступали во все более ожесточенный спор с фактами. В 1887 г. он оценивает работу русского генерального штаба полным баллом, а далее идет по убывающей прогрессии и 1914 году посвящает самую отрицательную отметку. Он думает, что ставит баллы русскому генеральному штабу, а в действительности он

оценивает все более растущую пропасть между своей идеологией и новой материальной действительностью. С точки зрения диалектического материализма, это удивительная драма — борьба идей, выросших на почве старой действительности, с новой материей, борьба, исход которой, конечно, предопределен...

Задача, которую взял на себя Зайончковский, заключалась в том, чтобы исследовать эволюцию русских планов развертывания. Минимальной предпосылкой успешности этой работы является признание самого принципа эволюции, признание права новых птичек на новые песни, возникающего из нового материального бытия. Как мог подойти к этой задаче Зайончковский, принципиально отрицавший эволюцию, представлявший, со всеми своими взглядами, прекрасную военно-историческую иллюстрацию тех берегов, от которых нас уносила эволюция стратегии в течение последних 40 лет! Новое — с неподвижной точки зрения старого: такова сущность реакционной стратегической проповеди Зайончковского...

Я отнюдь не стремлюсь огулом оправдать все ошибки генерального штаба эпохи подготовки к мировой войне. Он был слаб, шел на полумеры, терпел главные управления артиллерийское и инженеров и совершил еще множество других грехов. Но нужно прежде всего ориентироваться в вопросе, куда толкала эволюция XX века решение развертывания, и затем только можно начать устанавливать частные ошибки, поскольку это будет представлять интерес.

Читатель, будем стремиться понять, а не осуждать реальное бытие, откажемся от скверной привычки ставить фактам баллы. Только тогда мы не проспим переживаемой нами эволюции человеческих обществ, эволюции военного искусства.

Война и революция. - 1926. - № 5 (май). - С. 3-26.

Стратегические и оперативные этюды

<...> **М**обилизация во времени еще недавно казалась моментом; новая экономическая мощь человечества дает мобилизации, с точки зрения стратегии, новое измерение. В течение самой войны получается возможность подготовить и вооружить новые огромные массы, создать огромные материальные запасы. Соединенные Штаты в течение мировой войны мобилизовали в 5 раз большие массы, чем в войну за нераздельность союза, за полвека перед этим; при этом американские дивизи-

зии оказались несравненно лучше подготовленными, снаряженными и боеспособными, и формирование их происходило вдвое скорее. Правда, и во вторую половину войны 1870-71 гг. Гамбетта развивал лихорадочную деятельность по созданию новых армий, выставляя в среднем 6 тыс. человек в день. Но это были малобоеспособные части, вовсе не обученные, со случайным командным составом, со случайным вооружением, с 70 образцами винтовок, скупленных на рынках всего земного шара. В мировую же войну мы встречаем в Германии совершенно планомерные формирования тылом полутора десятка дивизий в течение 7-8 недель. Китченеру удалось, даже в стране без военных традиций, в Англии, сформировать в течение войны боеспособную трехмиллионную армию, правда, несколько затянув ее создание.

Какие материальные возможности открываются для деятельности государства во время войны, видно хотя бы из того скопления различного снаряжения и запасов в тылу германских армий летом 1918 г., которое помешало Людендорфу своевременно отступить за р.Маас и уклониться от ударов Фоша. Это скопление оценивается в 15-20 тысяч поездов, т.е. 300-400 миллионов пудов. Вся военная Германия в 1914 г. весила во много раз меньше.

Мобилизация ныне является не отдельным моментом в ведении войны, а становится перманентной. В настоящее время было бы грубейшей ошибкой смешивать понятие оперативного развертывания, охватывающее сосредоточение на театре войны одного первого эшелона мобилизации в ближайшие дни после начала войны, и понятие стратегического развертывания, относящееся к достижению кульминационного пункта напряжения военной мощи, допустимого при данной экономике государства. Если Наполеон и Мольтке могли еще сосредотачивать все свое внимание на единственной цели — поражении видимой живой силы неприятеля, то при современной способности государства рождать новые армии это часто было бы ошибкой; объектом действий является весь неприятельский народ, со скрытыми в нем потенциальными возможностями к сопротивлению. Перманентность мобилизации обращает современные армии в своего рода саранчу, борьба против которой не может быть успешна, если она не направляется одновременно на обезвреживание тех пространств, на которых саранча отрождается. Понимание современной стратегии, уяснение того ряда целей, которые она должна выдвигать,

может создаваться только на почве ясного представления о живучести современных армий, обуславливаемой новой экономикой.

Военные обозреватели газет, стремящиеся всегда козырять статистикой, подсчитывали раньше сотни и тысячи батальонов и батарей, которые могли выставить различные государства и их коалиции. Их соображения теперь стали гораздо сложнее: Франция выставляет от 32 до 150 пех. дивизий, Англия — от 7 до 49 пех. дивизий, то же колебание и у всех других государств; приходится только гадать, где и сколько месяцев потребует этот рост вооруженных сил на 500-700% и более для его завершения. В основе этого явления лежит перманентность экономической и военной мобилизации. Быстрота этого роста в военное время и его предел не могут быть точно установлены даже ответственными штабами, так как ответ зависит как от успешной работы тыла во время войны, так и от интенсивности военных действий, от прожорливости фронта. Очевидно, что весной 1915 года, когда русский фронт пожирал много более, чем производил тыл, формирование новых частей было обречено на неуспех.

Изменяющаяся, растущая сила неприятеля ставит перед стратегией трудные проблемы. В 1866 г., в июне месяце, армия Бенедика собиралась около Ольмюца; Мольтке, пристреливаясь по живой движущейся цели, решил раздавить ее в полутораста километрах от Ольмюца, на плато между горами Иозефштадт и Гичин. Теперь проблема сложнее: сейчас 20 неприятельских дивизий там-то; где я встречаюсь с ними через 2-3 недели и как они за это время операции размножатся?

История дает нам примеры удивительного нарушения правил логики стратегами при решении вытекающих из этой проблемы простейших арифметических задач. Австрийский генеральный штаб, с Конрадом во главе, рассуждал перед мировой войной так: Россия может выставить против нас на 20-й день мобилизации 35 дивизий, на 30-й день — 60 дивизий; Австрия может на 20-й день располагать четырьмя десятками дивизий. Значит, австрийцы должны наступать: при обороне австрийцы будут раздавлены, при наступлении они могут рассчитывать даже на некоторый численный перевес.

Ужели можно было рассчитывать в одну неделю победить Россию, или хотя бы оторвать от нее Польшу? Ведь если австрийская операция затянулась бы только на десять дней, австрийцы должны были иметь перед собой все 60 русских дивизий, из которых два десятка должны были высадиться и сгруппироваться так, чтобы наиболее удачно препятствовать австрийскому маневру...

Отсюда вытекает весьма важная мораль: надо учитывать, сколько дней потребует операция, и мерить силы неприятеля не наличностью их к началу операции, а подсчитывать и вероятный прирост его сил к концу операции. Выдвигая в 1920 году такую цель, как глубокое вторжение в Польшу, взятие Варшавы, наша стратегия не должна была ограничиваться подсчетом русских и польских батальонов, находившихся на фронте, но должна была бы оценить творчество Польши по формированию новых частей в течение 6 недель похода от Двины к Висле, подсчитать количество пополнений, которые могли получить польские части; так как мы отрывались таким быстрым походом от своих железных дорог, то со своих счетов следовало скинуть соответственный крупный процент на потери. Баланс такого подсчета показал бы, какая материальная база имеется для постановки нашей стратегией сокрушительных задач.

Наступающий нормально хуже связывается с тылом, чем обороняющийся; на прирост сил ему рассчитывать в течение операции почти не приходится; он свое настоящее должен мерить с будущим обороняющегося, что в настоящую эпоху перманентной мобилизации, когда армии растут, как на дрожжах, чрезвычайно невыгодно. Даже двойное превосходство в наличных силах окажется недостаточным. В 1870 году Мольтке начал успешную борьбу против Франции, имея 500 тысяч против 250 тысяч. В современных условиях перманентной мобилизации его наступление захлебнулось бы уже через месяц перед превосходной численностью французов.

Отсюда модно сделать несколько заключений о характере современной войны: для наступательной операции, которая намечается накоротке и будет закончена в две недели, можно обойтись значительно меньшим численным превосходством, чем тот перевес, который требуется для 4-6 недельной операции, где раз-

ница между настоящим наступающего и будущим обороняющегося возрастает непомерно.

И вывод номер второй: крупные операции имеют большие шансы на успех после завершения экономической мобилизации, когда неприятель уже достиг максимума стратегического напряжения и рост его вооруженных сил прекратился; и наиболее трудный для них момент — начало войны, когда кривая военной мощи наиболее резко поднимается вверх и “рождаемость” новых сил велика.

Оба вывода указывают на вероятность будущих войн, в особенности их первой части, в стиле измора <...>

Первоначальное развертывание должно обеспечивать важнейшие географические объекты в пограничной полосе и метить на таковые же у неприятеля; первоначальное развертывание должно прежде всего обеспечивать наш первый эшелон от изолированного поражения. При наличии тактического превосходства на нашей стороне развитие активности, погоня за неприятельской живой силой в пограничной полосе окажутся выгодными, так как будут способствовать понижению общего предела неприятельского напряжения и скорейшему переходу неприятеля на убывающую ветвь развития его вооруженных сил.

Надо, конечно, защищать территорию. Старая мудрость русского генерального штаба, оставлявшего в стороне экономические вопросы, гласила, что каждая верста отнесения линии фронта нашего развертывания на восток стоит нам потери тысячи запасных. Их, однако, можно эвакуировать.

Напряжение защиты территории, с одной стороны, и покушения на нее, с другой, должны быть пропорциональны ценности этой территории. Стратегия поляков в 1920 году ясно показала, что поляки прекрасно разбираются в сравнительной ценности украинского чернозема и белорусских песков и болот.

С точки зрения стратегии, охватывающей первые месяцы войны, довольно бесплодными кажутся самые рекордные броски в Белоруссии, и несравненно чувствительнее явится каждый выигрыш или проигрыш на черноземе. Там и запасных больше, и земля — производящая, а не потребляющая.

Плотность первоначального развертывания к северу и югу от Полесья, по крайней мере со стороны наших противников, будет находиться приблизительно в таком же отношении, в каком находится урожайность десятины на Украине и Белоруссии.

Если мы вспомним факты мировой войны, то убедимся, что количественно оборонительные задачи несравненно перевешивали наступление. Если заняться подсчетом, сколько времени в течение всей войны дивизии, в среднем, тактически оборонялись и сколько наступали, мы пришли бы, может быть, к отношению 20 дней тактической обороны и более на 1 день наступления.

Оборона охватывает не только долгие месяцы позиционного сидения, но пронизывает и наступательные операции: оборона охватывает собой всю подготовку наступательной операции, устройство на занятых рубежах, отражение неприятельских контратак и завершение всякой операции. В толково веденной наступательной операции, опутывающей неприятеля нашей сетью, количество тактически оборонительных боев, может быть, будет даже превышать количество наступательных. Наиболее активно действующие части, вышедшие на неприятельские сообщения и перерезавшие их, в решительные минуты переходят к тактической обороне. I-й прусский корпус, отрезавший отступление центра армии Самсонова, выдержал в труднейших условиях оборонительный бой и тем самым захватил огромную добычу.

Если мы предусматриваем в первом периоде будущей войны, вплоть до перелома, вызванного успехами мобилизации государства, вероятную постановку ограниченных целей, то мы должны готовиться к разрешению широких оборонительных задач. Наступательные операции будут кратковременны; при всякой остановке наступления на первый план выдвигается оборона. Сам успех наступления на обоих участках будет возможен лишь при достаточной стойкости обороны на других.

Вопросы обороны особенно выдвигаются вперед для государства, ведущего и оборонительную политику, армия которого содержится в мирное время в не слишком большом составе, долго мобилизуется, не может рассчитывать превзойти неприятеля в технических средствах и не располагает перевесом в тактической подготовке.

Мы сейчас можем уверенно осудить, как грубейшую ошибку, то воскрешение суворовского “ничего, кроме наступательного”, которое затмевало мозги французской армии перед мировой войной и едва не вызвало общий разгром Франции. В 1914 году серьезно подготовились к обороне лишь германцы, правда, втихомолку.

Времена, когда на экзамене слушатель академии одним выкриком “подлая оборона” сразу располагал профессоров, должны отойти в прошлое, — там, где преподается военное искусство, а не воспитываются лишь авантюристы.

В сознании Красной армии решительно нет требуемого соответствия в оценке значения обороны и наступления. Если приходится обороняться, дело признается плохим. Помыслы, энергия, инициатива, внимание — все уходит на наступление и его подготовку. Традиции гражданской войны и смешиваемый с ними ее опыт толкают к презрению к обороне. Не надо, чтобы первые недели будущей войны принесли начальникам и войскам жестокое разочарование.

В период больших наступлений 1920 года Красной армии не удалось ни разу Канны не вследствие недостатка наступательных порывов или гениальных замыслов, а именно вследствие недостатка в обороноспособности. Почему весной 1920 года польская армия ушла из Киева, а вышедшие на ее сообщения части 12-й красной армии уклонились и образовали для поляков “золотой мост”? Почему глубокой осенью 1920 года Буденный, перерезав сообщения войск Врангеля с Крымом, должен был посторониться и пропустить людей в Крым, пощипав только артиллерию и обозы?

Быть может, безумно дерзкий маневр к Висле в августе 1920 года, в конечном счете, не был вовремя остановлен вождями Красной армии потому, что в тайниках своего сознания они ценили в ней лишь мощь стремительно падающей лавины и недоумевали, на что они могут от нее рассчитывать при остановке, связанной с переходом к обороне? Неумение обороняться, естественно, приводит к неумению вовремя поставить точку в наступательной операции. Но можно ли готовить армию лишь к безудержному наступлению, возможному лишь в обстановке восстания всего населения в тылу врага, как это было в борьбе с Колчаком?

Мы утверждаем, что в будущей войне придется останавливаться, и достаточно часто. Нужно, чтобы эти остановки были прочными, чтобы войска не скользили бы при этом на сотни верст, а умели пускать корни. Армия будет подготовлена к войне, если она будет уметь обороняться, а для этого нужен перелом в литературе, уставах, занятиях и особенно в маневрах.

Умение обороняться надо культивировать.

Автор этих строк был бы плохо понят, если бы читатель из предшествующего заключил, что он строит бедную оперативными перспективами схему будущей войны, начало которой, вплоть до завершения экономической мобилизации, будет заполнено топтанием в приграничной полосе. Война не ведется “вообще”, она ведется из-за чего-то, и это что-то есть политика, накладывающая на каждую войну весьма своеобразный отпечаток. Политика может выдвинуть перед стратегией с самого начала войны ответственные цели, которые нельзя было бы отнести к категории ограниченных. Политика может создать у одной из сторон положение, вовсе исключаящее экономическую мобилизацию (всеобщая стачка) и последовательный рост вооруженных сил в течение войны, что, конечно, подорвет предпосылки приводившихся заключений. Политика может потребовать от стратегии самой короткой войны, в виду полной невозможности вести длинную и т.д. Стратегия должна подчиняться, как часть подчиняется целому. Но политике должна быть ясна природа средств современной стратегии. Политике должно быть ясно, что если в эпоху Мольтке объявление войны производило взрыв, так как мобилизация являлась моментом, то в настоящее время оно является пожаром, требующим известное время, чтобы разгореться, и что на сокрушительные удары рассчитывать сразу трудно: вместо постановки сразу решающей цели придется пройти, кроме исключительных случаев, целую гамму растущих в своем размере целей.

Впрочем, ограниченные цели далеко не являются крохоборчеством. Такие операции, как уничтожение стопятидесятитысячной армии Самсонова или захват правобережной Украины, вполне подходят под категорию операций с ограниченной целью. Особенно огорчаться мелким и унылым характером начала будущих столкновений не придется.

Нарождение нового измерения в мобилизации требует, чтобы стратегическое мышление встало бы на новые рельсы. Но новые измерения появились и у сражения. С точки зрения стратегии Клаузевица, сражение является точкой в пространстве и времени: несколько километров, на которые растягиваются боевые порядки XIX века, и несколько часов, которые нужны для полного развития боев, до обращения корпусов одной стороны в “потухшие вулканы” — это не измерение в стратегическом масштабе. Теперь мы стоим лицом перед совершенно новыми условиями. Новая материальная часть вооружения повелительно заставляет вести бой на широких фронтах; войска жестоко наказуются за крупные столпления. Та же новая техника ставит тесные пределы всякому стремлению форсировать ход событий в бою; та боевая реакция, которая приводит к аннулированию огня одной из сторон, требует значительного времени для своего развития. И если раньше продолжительность сражения лишь немногим превосходила продолжительность боя, то ныне она складывается из многих боев, которые приходится вести один за другим: имеющиеся массы людей и снаряжения позволяют организовать сопротивление в глубину; сражение, состоявшее еще при Мольтке из одного этажа боев, обратилось в настоящее время в многоэтажную постройку. Сам термин “сражение”, ныне является так же неуместным для обозначения сложной группы боевых действий, как наименование, “большая изба” неуместно по отношению к американскому небоскребу. Бои, тянущиеся в течение нескольких недель на протяжении сотен километров, захватывают уже крупный район театра военных действий и протягиваются уже на известный стратегический период войны; такая группа боев, получивших уже стратегические измерения в пространстве и времени, называется операцией, и вопрос их исследования не может больше оставаться в компетенции тактики.

Если раньше стратегия ограничивалась подготовительной группировкой для сражения и бездействовала, пока продолжали греметь пушки, очищая поле действий тактике, то ныне это было бы совершенно неуместно. Небоскреб операции нельзя охватить с тактической точки зрения. Руководство операцией возможно лишь для оперативного искусства.

Старое стратегическое учение классифицировало операции на главные и подготовительные. Сосредоточение тех сил и средств, которыми должна была вестись операция, выбрасывалось за ее борт, так как относилось к разряду подготовительных операций. С этим делением можно было соглашаться в ту эпоху, когда этот сбор сил и средств происходил по заранее разработанному во всех деталях жесткому плану и заканчивался до приступа к маневру. Войска, в качестве пассажиров, перевозились по рельсам и приступали к маневру после того, как отрывались от железных дорог.

В настоящее время подготовка и исполнение операции смыкаются несравненно теснее. Недальнобойность современной операции, вытекающая из затруднений, которые испытывают войска, оторвавшиеся на 4-5 переходов от своих железнодорожных линий, заставляет выносить развертывание назначенных для операции сил и средств возможно вперед. Продолжительность современной операции и мощь транспорта позволяют вводить существенные поправки в начальное развертывание. Мольтке считал ошибки в нем непоправимыми; в 1914 году, однако, русские исправили его под Люблином, а французы на Марне, при помощи железных дорог. Железные дороги работают на операцию не только до начала боев, но глубоко вторгаются во все ее течение, вплоть до выхода из операции. Перевозка войск по железным дорогам является уже не путешествием, а маневром на рельсах. Железнодорожный маневр тесно связан с важнейшими событиями мировой и гражданской войн, вплоть до маневра на Висле в августе 1920 года. Оперативный боевой порядок частью забрался на рельсы. Оперативная оборона будет удерживать свои резервы в тылу с расчетом переброски их по железной дороге в течение самой операции.

Рассматривать перевозки по развертыванию как подготовительную операцию было возможно еще в ту эпоху, когда с этими перевозками приходилось иметь дело лишь однажды, при первоначальном развертывании. В настоящее время оперативные перевозки будут составлять начальную стадию всякой операции; если бы мы исключили их из нашего рассмотрения в пределах самой операции, то последняя стала бы в такой же степени недоступной нашему пониманию, как в тактике — бой, если мы исключим из

изучения боя вопросы о развертывании и о переходе их походного порядка в боевой.

Первая операция на войне начинается с прикрытия границы; дальнейшие операции — с приказов о выходе из заканчивающейся операции или о преследовании, так как тот или другой приказ будут уже иметь в виду новое оперативное развертывание.

Включение перевозок в операцию, обращающее их в железнодорожный маневр, представляет не пустую игру слов. Как походное движение тактика приспособила к требованиям развертывания для боя, так и железнодорожный маневр, попав в сферу операции, должен быть основательно рационализирован оперативным искусством <...>

На наш взгляд, теорию и практику в этом вопросе следовало бы примирить, хотя бы такое примирение и потребовало бы радикальных мер. Обозы, по существу, должны были бы делиться на боевой, нужный в бою, и на оперативный, нужный в операции. В глубоком тылу каждая дивизия могла бы иметь свой “дом” для полковой собственности и ее ремонта. Мы утверждаем, что в обозном деле сейчас там, где пишется “конка”, произносят “трамвай”. Одной из наиболее поучительных книг по мировой войне была бы подлинная история обоза II разряда любого полка.

Оперативный обоз дивизии должен распадаться на две части. Одна из них, меньшая, должна быть органической принадлежностью дивизии. Это будут, по преимуществу, остатки полковых обозов II разряда. Другая часть, предназначенная для подвоза различного снабжения, не должна органически входить в дивизию. Это транспортный хвост, который может быть оторван от одной дивизии и приставлен к другой. Смена дивизий в современной войне является нормальным явлением: бойцы на фронте истощаются в немногие недели; но смена боевой головки не должна вызывать смены транспортных хвостов. Неужели, если в августе 1920 года наши железные дороги работали бы и имелись бы свободные резервы, следовало вести дивизии с полным тылом в район между Бугом и Вислой, где находились десятки тысяч повозок, принадлежавших исчезнувшим полкам и дивизиям?

Этот транспортный хвост не может быть всегда одного обоза. Это было бы недопустимое мотовство. Дивизия, получившая позиционную задачу под Ленинградом, опирающаяся на ряд железнодорожных станций в своем расположении, должна иметь более

экономный транспорт, чем дивизия, предназначенная для глубокой наступательной операции.

Маневрирование боевой силой и транспортными средствами далеко не всегда должно происходить аналогично. Если мы из Иркутска перебрасывали куда-нибудь к Воронежу дивизию, то требовалось ли одновременно тащить и все жалкие обозы, сформированные из обывательских повозок? В будущем маневрирование резервов к северу и югу от Полесья, связанное с переброской по железным дорогам, вовсе, может быть, не потребует появления новгородских телег на Украине, где имеются свои тачанки. Организация должна предусмотреть требования раздельного маневра живой силы и транспортных средств.

Иные читатели, быть может, разочаруются настоящими страницами, в которых, под громким заголовком “стратегических и оперативных этюдов” трактуется и о таких будничных вопросах, как пригонка организации, в особенности устройства обозов, к требованиям железнодорожного маневра. Напомню, что стратегия Мольтке, столь отличная от наполеоновской, выросла из другого состава походных колонн и что глубочайшее творчество Мольтке в теории выразилось в очень невинной, на взгляд дилетанта, статье “О глубине походных колонн”. Мольтке сумел, из изменения материальной базы операции, сделать все нужные выводы для оперативного искусства. Из увеличившегося количества повозок он сумел сделать вывод качественный — о новых формах, в которые должна облачиться операция.

Вообще же в нашем сознании количество не так быстро переходит в качество, и ответ на новые требования эволюции слагается прежде всего в количественной плоскости нашего мышления. Такие ответы, постепенно наслаиваясь, с течением времени ведут к организационному безобразию. Русское организационное творчество в мировую и гражданскую войны имело по преимуществу количественный характер, и в результате, за 6 лет — с 1914 по 1920 годы, мы видим увеличение количества нестроевых, приходящихся на одного бойца, с 1 на 12 и более. Это — организационное безобразие, так как отношение органов производственных к органам самообслуживающим характеризует организованность любого предприятия. Работу в Донцеком бассейне мы оцениваем

по отношению числа забойщиков к общему числу служащих и рабочих.

Есть много условий, в том числе необъятность нашей территории, малокультурность, скверная дорожная сеть, малосильная крестьянская лошадка, бедность, которые, в русских условиях, влияют на повышение отношения нестроевых к строевым. Хозяйственная инициатива снизу всегда стремится компенсировать экономическую слабость коллектива. Мы долгое время еще будем иметь более невыгодные соотношения, чем армии Западной Европы. Тем острее надо ставить борьбу с организационными уклонами, которые создавали нам и в мировую, и в гражданскую войну вооруженную силу в виде организма с раздутым желудком и тонкими конечностями. Наши армии росли в сучок; военный организм болел штатным ожирением и одряхлением <...>

<...> Стратегические и оперативные вопросы на наших полевых поездках организационно оттесняются на второй план; нужны крайние усилия руководства, чтобы собрать хотя бы самые скромные оперативные крохи. Постановка полевых поездок не отвечает более современным запросам стратегии и оперативного искусства.

Мостик, который связывает тактику с местностью, несравненно короче и легче строится, чем мост, связующий стратегию и оперативное искусство с мирными полями, лесами, болотами, речками пограничного пространства. Отсюда и естественный тактический уклон, который принимают “стратегические” поездки.

В эпоху Мольтке руководить поездкой было несравненно легче, так как фронты были много уже; в решительный момент — на поле сражения — стратегический масштаб совпадал с тактическим; железнодорожный маневр отсутствовал; экономические вопросы не поднимались. Сотни раз французские офицеры генерального штаба толкались в металлургическом бассейне Брие, на германо-люксембургской границе, и ни разу сотни шахт, попадавших им, не заставили их возбудить вопрос о судьбе французской металлургии во время войны и о возможности и необходимости защиты этого бассейна.

Несмотря на простоту полевых поездок минувшей эпохи, руководителю поездки в Германии давали 6 месяцев на подготовку

к ней. У нас же полевые поездки, как и военные игры, падают, как снег на голову, непосредственным руководителям. Мы, по-видимому, полагаем, что достаточно ступить на почву Волини или Белоруссии, чтобы эта почва начала нам разгадывать загадки будущих операций; достаточно на карте противопоставить массу красных массе синих, чтобы перед нами развернулся характер будущей войны. Конечно, и в наших условиях являются предметы споров, собираются материалы для более или менее красноречивого разбора. Номер отбывается, но где убеждение в том, что выдвинуты актуальнейшие и характернейшие для будущей войны вопросы, что участники полевой поездки разъехались, подняв свое оперативное мышление на высшую ступень?

Мы должны с осени начинать подготовку к полевым поездкам будущего года, и работать над ней, может быть, следует не одному лицу, а маленькому штабу. Стратегические и оперативные вопросы в пограничной полосе растут не из-под поверхности земли, а выявляются при наложении на ее поверхность определенного плана развертывания наших и неприятельских сил. Необходимо предварительно проработать какие-то варианты оперативного развертывания. Нужно, чтобы неприятель действовал, в соответствии со своей подготовкой и возможностями, наиболее разумно; нужно, чтобы наш вариант был близок к действительности, чтобы извлечь полезные поучения. Руководство полевой поездки должно очень близко прикоснуться к самым святым тайнам секретных шкафов. И предварительная проработка должна охватить не только общие черты, но и детали оперативного развертывания, так как на местности приходится непосредственно сталкиваться только с деталями, и от них исходить к обобщениям.

Полевая поездка должна развертываться на основе такого предварительного решения. Рассыпавшиеся по местности участники, по дням, могут проконтролировать, насколько решение, принятое по плану, отвечает действительности; в какой степени надежным и соответственным является прикрытие развертывания в различные периоды его функционирования, в какой степени окажется возможным использовать местные средства — рабочую силу для постройки дорог, местный гужевого транспорт — для обслуживания периода развертывания и усиления транспортных средств армии, местную промышленность — на нужды армии, крупные здания — для расположения тыловых учреждений и т.д.

Одна партия, исследующая жизнь какой-либо крупной станции высадки и прикрывающей ее в 1-2 переходах позиции в течение первых недель войны, может многому поучиться. Нужно только отказаться от мысли, что и без затраты нашего мозгового фосфора все образуется: при некотором внимании мы обнаружим сразу огромное поле деятельности для тейлоризации, для повышения производительности труда и войск, и тыловых учреждений. Достаточно набросать “попросту” схему детальной деятельности крупного магазина, или работы транспортов на военной дороге, чтобы после внимательного анализа придти к убеждению, что 50% сил тратится напрасно и путем рационализации устройства и функционирования может быть сокращено.

И лишь после изучения и основательного ознакомления с работой развертывания в пограничной полосе можно передвинуть стрелку маневра, который сожмет оперативный механизм на одном участке, растянет его на другом, заставит совершить крупные железнодорожные перевозки в течение самих боев с неприятелем. Мы получим подлинные заключения о гибкости нашей организации, о той быстроте маневрирования, на которую мы можем рассчитывать, о способах ее повысить.

Такая скромная оперативная поездка откроет нам районы, где средства местности используются недостаточно: транспорт, сеть дорог, помещения, возможности для маневра остаются свободными, не уплотненными нашим развертыванием; и подчеркнет районы, в которых они недостаточны, где имеется излишек войск, где придется ставить войска в трудное положение или предпринимать большие работы для сохранения за ними полной оперативной силы.

Долгое время верховой конь являлся единственным средством передвижения на полевой поездке. Аллюры его сильнее не стали, а масштаб работы вырос в сильной степени. Исключительное им пользование тянет нас к тактике. Отказаться от него, при нашей дорожной сети, полностью еще нельзя. В различных пунктах полевой поездки, заранее намеченных, должны иметься группы верховых лошадей и конные ординарцы. Но участники поездки должны по временам пожирать пространство — посредством железных дорог и автомобилей. Два-три десятка автомобилей и лишняя сотня железнодорожных билетов на полевую поездку — это отнюдь не преувеличенное требование для решения на месте

фронтовых и армейских задач в наше время, когда дивизия на западе имеет сотню автомобилей. Русские дороги доступны для хорошо дисциплинированных автомобильных частей в летнее время года, конечно, если они снабжены легкими полевыми машинами.

Мы заканчиваем наши этюды вопросом о полевых поездках, так как видим в них могучее средство поднять нашу оперативную мысль на современную высоту. Но для этого конструкция полевых поездок должна сама перейти от приемов уже отжившей эпохи к современным.

Стратегия есть обозрение всех вопросов военного искусства с целью гармонизации их в соответствии с той точкой зрения, на которой стоит стратегия. Эта точка зрения — современные материальные данные, современные данные политики. Избранная линия гармонизации окажется правильной, если мы займем надлежащую, широкую точку зрения и обнаружим полное понимание подлежащих гармонизации вопросов.

Сборник военной академии РККА им. М.В.Фрунзе.
Книга первая. - М., 1926. - С. 30-49.

У истоков оперативной мысли

*Ударь в барабан, и не бойся.
Смело шагай впереди...*
Гейне

Наполеончото

Чтобы охватить большее, попытаемся раньше разобраться в малом и вообразим себе подготовку к войне и самую войну между двумя государствами, каждое из которых примерно в сто раз меньше СССР.

Карликовые государства, немного большего размера, существовали и воевали в недавнем прошлом: вследствие балканизации Европы количество таких государств ещеросло.

Ограничимся самыми грубыми расчетами. Если площадь государства в 100 раз меньше, то протяжение границ окажется меньшим только в 10 раз. Это означает, что количество материальных и людских ресурсов, приходящихся в карликовом государстве на 1 км его границы, в 10 раз меньше, чем в большом государстве.

Большие государства содержат армии, которые после мобилизации развертываются на угрожающей границе со средней плотностью в 5-8 км на дивизию. Если бы малое государство пыталось копировать свою военную систему с большого государства, ему пришлось бы производить развертывание с плотностью 50-80 км. на дивизию, что явно недостаточно. Военная система большого государства, очевидно, не отвечает потребностям малого. Еще большее несоответствие получилось бы, если бы малое государство стало на точку зрения организации небольшой, профессиональной армии типа рейхсвера. Германский рейхсвер, пропорционально уменьшенный до масштаба карликового государства, представлял бы полтора батальона, два эскадрона и одну батарею. А если бы малое государство пыталось осуществить у себя идеи Фуллера, то его отборная моторизованная армия очень напоминала бы по своему размеру пожарную команду и могла бы уместиться под одной каланчей.

Малое государство вынуждено необходимостью стать на путь возможно полного осуществления идеи вооруженного народа. Большое государство мобилизует одновременно 2-3 процента своего населения и подготавливает в тылу 3-4 заместителей на каждого бойца на фронте, что дает его армии огромную живучесть. Малое государство не может следовать этому примеру. Чтобы плотность его оперативного развертывания была только втрое слабее плотности развертывания большого государства и колебалась бы хотя только около 25 км на дивизию, малое государство должно мобилизовать сразу 7-8 процентов своего населения; почти все способные носить оружие мужчины выступают сразу в поход. Возможности пополнения убыли в войсках, исчисляемые для большого государства в 300-400 процентов, сокращаются для малого до 20-30 процентов.

Мобилизация такого большого процента населения не требует от малого государства особого углубления политической работы. Процессы разложения и революционизирования армии

малого государства вполне возможны, но требуют времени, исчисляемого целыми месяцами. А война двух малых государств, как мы увидим, будет очень скоротечна; а для двух-трех недель военных действий важен самый бум объявления войны и первое, следующее за ним, политическое ошеломление масс. Политическая подготовка — оружие очень дальнобойное; в масштабе карликовой войны результаты ее скажутся уже за пределами военного решения; в малом государстве стратегия менее тесно предопределяется в своих решениях политикой.

Вопросы экономической мобилизации для малого государства отпадают. Оно не может сколько-нибудь рассчитывать на свою военную промышленность во время войны — последняя будет вестись, опираясь только на готовые запасы и на помощь извне. Решающими факторами здесь являются экономическая специализация малого государства, недостаточная глубина территории, целиком входящей в прифронтовую полосу, и очевидная скоротечность военного столкновения между двумя малыми государствами.

Каков будет характер операций? Артиллерийский таран будет, несомненно, не применим: чтобы артиллерия имела возможность стать решительным фактором, нужно достаточное ее сосредоточение — 1500 орудий на фронте в 25 км являются уже голодной нормой. Но малому государству также трудно располагать 1500 орудиями, как СССР — 150-ю тысячами пушек. Очевидно, артиллерия не будет главным родом войск малого государства. Артиллерия должна быть очень скупа на ураганный огонь, так как нет мобилизации промышленности, а запасы мирного времени не могут быть слишком обширны. Нет предпосылок для создания артиллерийского резерва главного командования. Танки являются для малого государства более соблазнительными, так как допускают использование и без особо большой концентрации. К тому же короткая боевая жизнь танка вполне отвечает молниеносности ожидаемой войны, а маневренные их возможности — на высоте требований ожидаемого быстрого, решительного, но короткого маневрирования. Тем не менее, очень ограниченны возможности введения в дело танков, так как какая-нибудь дюжина последних — предел платежеспособности военного бюджета малого государства, не превышающего десятка миллионов рублей. Разве что подарят добрые империалисты. Танки, броне-

автомобили, самокатчики — особенно ценны, так как кавалерия будет количественно очень скромна.

Но ни в артиллерийском резерве, ни в танках существенной нужды не будет. Позиционная война между двумя малыми государствами невозможна. Чем меньше враждующие группировки, тем слабее действие факторов, оказывающих уравнивающее влияние на фронт. Как ни будут стремиться малые государства выставить возможно большие массы, все же средняя плотность оперативного развертывания будет в 3-4 раза меньше, чем в большом государстве. А это представляет важнейшую предпосылку для ведения маневренной войны. В распоряжении армий малых государств окажется втрое больше местных средств, втрое больше дорог, чем для армий больших государств, а преодолевать им придется много слабейшее огневое сопротивление.

Перед двумя лилипутскими государствами, вступившими в борьбу друг с другом, открывается блестящая перспектива — закончить войну одним ударом. Действительно, раны, которые наносятся малой неприятельской армии, не могут так скоро и успешно залечиваться, как в армии большого государства. Если дивизия малого государства разбита, то это всерьез и надолго. Пехота армий великих держав в первые 30 дней крупных операций теряла 50 процентов своего состава. Эти потери были бы даже излишне велики, чтобы вывести вон из войны армию малого государства.

Концы на театре военных действий малого государства в 10 раз меньше, чем на театре большого. Оперативная скорость человеческих ног в войне малых государств — 25 км. в сутки — равняется, относительно, скорости движения легкового автомобиля — 250 км в сутки — на шоссированной дороге большого театра и оставляет далеко за собой возможности маневрирования идеальных моторизованных дивизий Фуллера. Эта оперативная скорость сводит к нулю возможность железнодорожного маневра на малом театре борьбы. Идеальные Канны оказываются, при малом масштабе, вполне осуществимыми. В 2-3 дня энергичного броска неприятельская армия может оказаться окруженной “целиком и полностью”.

Решительный успех в борьбе двух малых армий оказывается тем более осуществимым, что командование и войска каждой стороны действуют в соответствии со своей подготовкой мирного

времени и не имеют времени усвоить уроки войны, примениться к требованиям новой техники, выработать новую тактику. Удары не учат, а оглушают и бросают на обе лопатки. А какие возможности открываются для преследования! Неделя на мобилизацию и сосредоточение, 3-4 дня на решительную операцию, затем в 3 перехода занятие неприятельской столицы, ликвидация последних остатков неприятельского сопротивления, мирные переговоры — и через 3 недели после объявления войны — мир. Наполеоновские приемы войны еще не ушли в прошлое, они еще осуществимы. Война еще может быть решительной и вестись сокрушительно.

Взятый нами пример отнюдь не является фантастикой. Если мы обратимся к истории мелких войн — хотя бы Балканской войны 1912 года, мы увидим осуществление многих положений наполеоновской стратегии. Болгары с полным основанием назвали своего полководца — Радко-Дмитриева — Наполеончото. Быстрый ход событий 1-й и 2-й балканской войны утвердили в 1913 году генеральные штабы всех армий, не испытанных в диалектическом мышлении, в убеждении, что мировая война сложится в виде кратких, молниеносных операций и закончится в 3 месяца сокрушением одной из коалиций.

Количество переходит в качество

Наше государство в сто раз больше карликового государства, о котором только что шла речь. Важнейшие противники, с которыми нам придется иметь дело, превышают его в 20-30 раз. наше стратегическое мышление ориентируется на борьбу с сильной коалицией. Будем ли мы вправе оценивать стратегически СССР или другое большое государство как арифметическую сумму сотни малых государств? Можем ли мы руководиться в нашей подготовке к войне и в руководстве операциями только что рассмотренными идеями лилипутской стратегии? Сохраняют ли свою силу стратегические закономерности, верные для столкновения двух карликовых государств, для столкновения колоссов? Как влияет изменение масштаба на стратегические и оперативные истины?

Мы уже видели, что при малом масштабе отпадает целый ряд методов, осуществимых лишь при значительной концентрации средств. Если в армии всего один или пара кавалерийских пол-

ков, то, естественно, в ней может быть только войсковая конница — вопрос о конных массах, о задачах армейской конницы для нее отпадает. Точно так же отпадает возможность пробивать путь наступления пехоты артиллерийским тараном. Крепость в войне двух малых государств может держаться долго и сыграть ту роль, которую она играла еще в середине XIX века. Авиация малых государств может быть пропорционально сильнее авиации больших государств в два раза, и все же при войне малого масштаба пехота может совершать свои передвижения по старинке: так как у неприятеля всего-навсего два десятка аэропланов, перед которыми стоит очень много разнообразных задач, то сосредоточенная бомбежка концентрированными силами авиации походных колонн на каком-либо направлении отпадает.

Но существенный интерес приведенного нами примера борьбы карликовых государств заключается не в этих замечаниях, а в том, что в этом примере исключается влияние развития производительных сил. Чтобы оно оказало влияние на войну, необходимо, чтобы последняя протекала в значительном масштабе. Стеснив до карликовых размеров пространство и время, мы аннулировали важнейший фактор, определяющий эволюцию военного искусства, и, естественно, пришли к положениям наполеоновской стратегии начала XIX века.

Количество переходит в качество. Вся тайна эволюции военного искусства заключается в том, что в начале XIX века мы видели наполеоновскую стратегию в полном величии, сокрушающей одним ударом целые государства; Наполеон побывал со своими армиями во всех важнейших столицах нашего континента, а в XX веке он выродился в Наполеончото. Тот же болгарский герой, Радко-Дмитриев, весьма почтенный генерал, переброшенный из лилипутского масштаба в гигантские рамки мировой войны и поставленный во главе одной из царских армий, совершенно не выглядывал Наполеоном, как мы в него ни вглядывались.

Что верно в одном масштабе, оказывается совершенно ложным в другом. Значение государственного тыла для действий армии малого государства весьма ограничено и является решающим при столкновении колоссов. Пропорционально масштабу растет и значение политической подготовки. Только обширные размеры воюющего государства допускают возможность активного участия тыла в войне — подготовки и высылки пополнений,

мобилизации промышленности, формирования новых частей, создания нового оружия и новой тактики.

В эпоху Наполеона войны вызывали безработицу; тыл на время войны замирал. Такой же мертвый характер будет иметь тыл малого государства в нашу эпоху. Но с увеличением масштаба мы будем наблюдать в нем лихорадочную деятельность, энергичные процессы кровообращения, которыми будет обуславливаться громадное повышение стратегической устойчивости фронта.

Крупные операции на фронте будут связаны с огромными поломками организационного характера, поломками людей и материальной части, и в малом государстве сломанные части, как и в эпоху Наполеона, окажутся незаменимыми. А большое государство располагает в своем тылу удивительно богатым складом запасных частей к той сложной машине, которую представляют современные армии; ремонт будет идти непрерывно, и подбившиеся дивизии в 2-3 недели будут приводиться в полный порядок.

Не только мощность, но и значение железнодорожной сети растет с масштабом воюющего государства. В две недели 30 дивизий должны иметь возможность перескочить с одного фланга стратегического развертывания на другой. Если одна сторона опростоволосится и не заметит искусно собранного другой стороной кулака, то в течение 10-15 дней она имеет возможность исправить свою ошибку посредством железнодорожного маневра. Ошибка в первоначальном развертывании, остававшаяся в эпоху Мольтке неисправимой в течение всей кампании, может быть теперь искуплена ценой отскока части фронта на сотню километров. Пока в стане противника ремонтная работа протекает успешно и все пробоины фронта моментально заделываются, отдельная победа, естественно, может иметь только ограниченное значение. Если на каждого бойца неприятель располагает 3-4 заместителями, надежда пустить одним ударом ко дну неприятельскую армию оказывается совершенно необоснованной. Преследование возможно только внутри рамок операции. Сторонники преследования во что бы то ни стало вынуждены включить этот акт в свою теорию не после решительной операции, а до нее, после исходной операции, но в таком случае это не преследование, а необдуманный подход к решающему моменту...

Конечно, большое государство способно наносить несравненно более сильные удары, чем малое; но способность его выдерживать удары растет еще в большей пропорции, и чем крупнее масштаб войны, тем эти удары имеют меньше шансов стать решительными. Оперативная подвижность армии великой державы не только не превосходит, но даже уступает подвижности миниатюрной армии карликового государства, а театр военных действий ширится во много раз. Трудности осуществления Канн растут пропорционально широте неприятельского фронта. На тысячекилометровом театре русской равнины Канны в целом вообще неосуществимы. Шлиффен это прекрасно понимал, отказываясь наносить первый удар России: необозримые пространства последней находились в явном несоответствии с величием и грандиозностью его стремлений. План Шлиффена должен был покончить одним приемом с армией Франции; но события 1914 года показали ясно, что он был слишком величественен и для 500-километрового размаха французского театра. Этот план, вероятно, дал бы блестящие результаты при условии, если бы Франция и Германия, весь масштаб западного театра, были бы меньше в два-три раза. В большой войне возможны только полу-Канны, четверть-Канны — уничтожение живой силы неприятеля не сразу, а по частям. Конечно, недорубленный лес отрастает, уничтожение по частям потребует несравненно больше усилий, времени, средств, гораздо менее рентабельно, чем один сокрушительный удар, — но последний является невозможным в обстановке борьбы крупных государств и современного развития производительных сил. Поэты сокрушения могли бы с большей пользой предложить свои услуги, например, Эстонии, где в XX веке открывается еще простор для Наполеончото; но им не следует пытаться решать мировые проблемы во главе армий Германии или СССР.

К сказанному только и сводится современная проблема сокрушения и измора. Сокрушение — это метод прошлого, начала XIX века, не отвечающий современному развитию производительных сил. Все курсы стратегии имели в виду только теорию наполеоновского сокрушения и чувствительно сбивали с толку полководцев XX века. Ныне оно применимо только в тех случаях, когда обстановка аннулирует влияние возросших производительных сил, — например, при территориально ничтожных размерах воюющих государств, или при развитии сильнейшего революци-

онного движения в тылу крупной сражающейся армии, обрывающего поток укомплектований, парализующего военную промышленность и дороги. Не совсем удачным термином измора, имевшего в XVIII веке совершенно отличную подоплеку, характеризуется современная большая война, определяемая развитием производительных сил и возросшим значением тыла, и подчеркивается противоположность ее войне наполеоновской. Старое, отжившее — и новое; лилипутское мышление — и мышление континентами; ядовитый сарказм над попыткой воскрешения наполеоновской стратегии — и прокладывание основной перспективы для современного стратегического мышления <...>

Ближний и дальний бой

Отношение государства к массам может вылиться в один из трех уклонов: отрицание массы как орудия военного искусства, сохранение массовой армии при недоверии к ней и, наконец, признание массы как решающего фактора войны.

Буржуазная военная мысль Запада, в эпоху обостренной классовой борьбы, не может стать на точку зрения полного признания масс, но и не становится в положение полного отрицания, разве что вынужденно, как это имеет место в Германии, располагающей, по Версальскому миру, только стотысячным рейхсвером. Организатор его, генерал Сект, является идеологом небольшой, отлично обученной профессиональной армии и утверждает, что успехи техники отодвинули на задний план не человека, а массы. В основном же, господствующая в военном искусстве Запада точка зрения стоит за сохранение массовой армии, но исполнена недоверия к ней.

Это недоверие сказывается яснее всего в отношении к средствам ближнего и дальнего боя. Человекоубийственная промышленность, организованная средствами дальнего боя, обходится, примерно, в 20 раз дороже и требует в 20 раз больше по весу огнестрельных припасов, чем тот же промысел, организованный средствами ближнего боя. Дешевле всего застрелить человека из револьвера с расстояния в 10 метров; это стоит только 8 копеек и требует доставки только одного патрона весом в 20 грамм. При обработке артиллерийским огнем с 4-5 км батальона, окопавшегося и замаскировавшегося на площади одного квадратного километра, приходится расходовать десяток тысяч снарядов, и издержки на каж-

дого из 300-400 подстреленных бойцов достигнут 2-3 тысяч рублей; вес снарядов, приходящихся на одного выведенного из боя неприятеля, достигнет 300 кг., что почти поглощает грузоподъемность парной повозки.

Конечно, тактика не может обходиться ни без дорогих и громоздких методов дальнего боя, ни без дешевых, но встречающих крупные затруднения методов ближнего боя; однако упор может делаться на артиллерию в большей или меньшей степени. Если мы потребуем от артиллерии законченной на 70 процентов работы и оставим пехоте доделать только 30 процентов, то мы переходим к системе военных действий, по крайней мере, в три раза более дорогой и громоздкой, чем в том случае, когда артиллерия будет выполнять только 30 процентов работы, а остальное делать пехота. Соответственно мы будем иметь дело или с артиллерийской операцией, или с пехотной операцией. Главным родом войск будет являться или артиллерия, или пехота.

Было бы ошибочно предполагать, что мы свободны в выборе того отношения между средствами ближнего и дальнего боя, которое определит весь характер нашего военного искусства. Работать дорогими и громоздкими средствами дальнего боя можно при превосходстве тяжелой промышленности, при обширных финансовых средствах, при богатом развитии железных дорог и шоссе. Эти предпосылки существуют у капиталистических государств Запада. Работать дешевыми средствами ближнего боя можно только при большом энтузиазме масс и готовности их на самопожертвование. Так героически защищались марокканцы против численного и технического превосходства французов. Этих предпосылок у государств Запада или нет, или они вызывают сомнения. Отсюда естественно родится предпочтение буржуазной мысли к артиллерийской операции, и оно находит свое обоснование в соответственно обработанной истории мировой войны.

Классовая военная история

Мировая война заботливо хранит от нас свои тайны. Существующая история ее представляет, по преимуществу, историю штабов и историю артиллерийских группировок. Француз Грассе, правда, выступил как историк деталей пехотного боя, но он изучил всего два или три эпизода и при этом изгнал из своего изло-

жения все ошибки, неустойки, грехопадения, составляющие сущность скоротечной драмы ближнего боя.

Мы знаем, что характер боевых действий в 1918 году являлся совершенно не похожим на бой 1914 года, что действия пехоты постепенно отошли на второй план по сравнению с артиллерийской подготовкой, но насколько мы имеем здесь дело с новыми успехами военного искусства и насколько — с реакцией на разложение пехоты и позиционный характер войны?

Мы читали описания сотни атак, не удавшихся вследствие недостаточной артиллерийской подготовки. Так ли это? Если вопрос только в недостатке артиллерийской подготовки, если оборонительная сила пехоты так возросла, — почему неудачи, в конечном счете, сводятся не к тому, что не удается взять неприятельский окоп, а к тому, что не удается удержаться в нем, что сдаются в плен головные части пехоты наступающего? И если сама пехота сваливает вину своей неудачи на недостаточность подготовки артиллерии, то должны ли мы верить ей на слово?

Мы знаем, что в период позиционной борьбы и французам, и англичанам, и русским, и немцам не раз удавалось преодолевать укрепленные полосы и оказываться перед незанятым окопами пространством. Смогли ли пехотные части в широкой степени использовать свое оружие и маневр в открывшейся перед ними перспективе? Нет, они оказывались неспособными двинуться с места в обстановке отсутствия огневого вала.

Нам говорят о волшебных свойствах автоматического оружия, увеличивших обороноспособность пехоты и понизивших ее наступательные возможности. Насколько тут правды и насколько лжи? Введение нарезного оружия, зарядание с казны, переход к скорострельной магазинке являлись почти таким же крупным усовершенствованием, как и введение пулеметов. И если бы война, с переходом к берданкам, затянулась на несколько лет и качество пехоты значительно ухудшилось, не слышали ли бы мы утверждения, что изобретение берданки парализует наступательные возможности пехоты? И действительно, после русских неудач под Плевной, такие голоса раздавались уже в 1877 году.

Начиная с 1915 года воюющие государства имели пехоту, способную еще “рвать” неприятельский фронт, но пехоты, умеющей сражаться при наступлении, больше не было³⁶. А “рвать” и сра-

---

³⁶ В царской армии ударная тактика в сильной степени стимулировалась статутом

жаться — это не одно и то же. Пехота лучших ударных дивизий 1916 года была способна только “рвать”, т.е. без применения к ней особых дисциплинарных насилий способна была по команде вылезти из окопов, подставить себя во весь рост под расстрел неприятеля и двигаться вперед, затрачивая все свои моральные силы на этот акт героизма. Пехота гораздо дольше сохраняет способность умирать по команде, чем умирать, сознательно работая над достижением определенной цели.

Невозможно отрицать факта постепенного перехода пехоты всех армий в мировую войну к ударной тактике. Чем более насыщалась пехота пулеметами, тем более беспомощной чувствовала она себя перед всякой наступательной задачей, тем более нуждалась в исчерпывающей артиллерийской поддержке. А что такое ударная тактика в своем существе, как не вовлечение в невыгодную сделку пассивных бойцов, лично не связанных с успехом боя, посредством внешней дисциплины? Это — выталкивание командирами на боевую арену масс, которые, предоставленные самим себе, разошлись бы по добру, в разные стороны.

Ударная тактика — не плохая тактика, но это тактика плохой пехоты. Мы наблюдаем возвращение к ней в мировом масштабе потому, что ни одно буржуазное государство не может рассчитывать в будущую войну выставить такую же добротную массовую пехоту и такие же добротные пополнения, какие имелись в начале мировой войны. И пехота мировой войны скоро испортилась — уже в 1915 году ружье вышло у французов “из моды”, и расход патронов сократился до 30 на ружье в месяц.

Оценка пулемета как фактора, дающего перевес оборонительным свойствам пехоты, отражает не только техническую, но и классовую точку зрения. Военный историк, делающий в оценке конечных операций мировой войны то или иное ударение на развитие техники или на разложение пехоты, также отражает, часто бессознательно, классовую точку зрения. Историк военного искусства мог бы привести из далекого прошлого многие примеры такой классовой оценки военного опыта. Так, в самом конце войны 1859 года австрийское командование было под сильным впечатлением необходимости перехода к огневой тактике; но по-

---

ордена Георгия, превозносившего рывки и не уделявшего внимания серьезной огневой работе. Недооценивать этого воздействия не следует: статут ордена намечал высший идеал, притягивавший к себе внимание лучших представителей комсостава.

следняя, вследствие феодальных пережитков и национального угнетения, не являлась тогда доступной австрийской пехоте, и австрийская военная история выступила с резким провозглашением архиударных выводов. Слишком часто приходится ревизовать выводы лишенного возможности подойти объективно военного историка.

Буржуазия может в будущем располагать только небольшой отборной армией, вроде германского рейхсвера, способной применять на поле сражения при наступлении огневую тактику, т.е. сознательно и рационально использовать свое оружие при сближении с неприятелем, видеть в последнем не рывок, а постепенное продвижение к противнику своих огневых средств и постановку огневой борьбы во все более гнетущие условия боя на коротке. Поскольку же буржуазная мысль имеет в виду борьбу масс, огневая тактика пехоты для нее уже прошлое, уже более недоступна. Для Запада масса — это прежде всего масса артиллерийская, затем масса танков и масса аэропланов, под управлением сравнительно немногих отборных людей, на которых она может рассчитывать, и масса пехотная — на втором плане, для второстепенных задач.

И военный историк французской буржуазии провозглашает: победа — богатому, победа — у кого больше артиллерии и возможностей питания ее, победа — в превосходстве средств дальнего боя, победа — за техникой. Эти положения иллюстрируются событиями 1916, 1917 и 1918 годов. Пехота уменьшается количественно — буржуазная военная история это отмечает, но она почти не замечает качественного вырождения пехоты, хотя в последней — весь секрет эволюции тактики.

Германской революции в ноябре 1918 года предшествовал длительный процесс разложения германской пехоты. Успешные атаки Фоша и подвиги танков совпали с потерей немецкой пехотой аппетита к войне, с пробуждением в ней неудержимого желания последовать примеру русских собратьев и разойтись по домам. Если бы процесс этого разложения не достиг огромной остроты, какого мнения мы держались бы о технике и полководческом искусстве Фоша? Ведь до этого момента ничего не давало нагромождение англо-французами ни артиллерии, ни танков?

При обороне немецкой пехоте, хотя и переродившейся, но еще превосходившей французов и англичан, до того всегда удавалось

застопорить продвижение союзников на очень немногих километрах.

История мировой войны, это — история перехода империалистической войны в войну гражданскую, перехода, не во всех армиях получившего полное развитие. История мировой войны, это — не только процесс выявления новой громадной техники, но и история непрерывного ухудшения и разложения пехоты: перехода ее к более низким формам тактики. Эта история еще будет когда-нибудь написана, и вероятно в СССР. Если не мы, то последующее поколение сумеет установить более правильную точку зрения на события мировой войны и увидит их в новом свете. Пока же запасемся известным скептицизмом к выводам буржуазных военных историков, захлестывающим нашу литературу, при отсутствии у нас серьезного противодействия с нашей стороны. Будем помнить, что отсутствие у нас серьезной, систематической работы над мировой войной создает большую опасность пленения нас буржуазным мышлением в областях тактики и оперативного искусства.

Сумерки вооруженного народа

Основное положение военного искусства — не выпячивать, а уклонять слабые места. Буржуазное оперативное искусство, в частности французское, должно прежде всего, считаться с неизбежным невысоким уровнем своей пехоты, с быстрым ухудшением ее качеств после крупных потерь в первых боях, с неспособностью ее вести сознательный огневой бой при наступлении на близких дистанциях, с пассивностью ее, с неумением и нежеланием, посредством дерзкого маневра небольших групп, использовать представляющиеся ей удобные случаи. Как трезвый реалист, французский оператор в спор с фактами не вступает и провозглашает принцип: наступление должно быть так подготовлено и организовано, что основные трудности перед пехотой должны быть сметены и движение пехоты в атаку должно представлять легкую задачу.

Итак, оператор подходит к пехоте с известным благотворительным уклоном и прежде всего сосредотачивает свое внимание на основном, важнейшем — артиллерии. Последняя должна выполнить важнейшую работу — сгладить перед пехотой все пре-

пятствия, создать предпосылки для обращения атаки в бодрящую прогулку.

Артиллерия как главный род войск может действовать решительно только при условии большой ее концентрации. Если на километр атакуемого фронта в течение нескольких часов артиллерия может выбросить каких-нибудь тысячи четыре снарядов разного калибра, — она остается еще на втором плане. Решительные действия артиллерии характеризуются возможностью выпустить в 4 часа на километр неприятельского фронта от 10 до 20 тысяч снарядов³⁷. Так как атакуемый фронт не может быть уже 30 км., то артиллерийская операция требует развертывания на нем от 1.500 до 3.000 орудий. Такая концентрация артиллерии может быть достигнута на две трети путем сужения участков корпусов до норм XIX века и на одну треть — путем подкрепления атакующей армии артиллерийским резервом главного командования.

Производство такой концентрации — дело кропотливое, и ее приходится сохранять в течение нескольких недель подряд. Чтобы дать этой массе жизнь и возможность действовать “решительно”, ежедневно ей надо подвозить по сотне выстрелов на орудие. Голодная норма такого артиллерийского тарана — 10 тыс. парных повозок, или 1,5 тыс. грузовых автомобилей или 15 поездов огнеприпасов в сутки. Доставка огнеприпасов и в нормальных случаях маневренной войны — очень хлопотливое дело. В данном случае не только требуется огнеприпасов втрое больше на орудие, но и количество последних сгущается в 4-5 раз, так что на небольшой участок фронта приходится доставлять в 12-15 раз больше огнеприпасов сравнительно с нормой.

Несколько таких артиллерийских таранов будут расшатывать и толкать перед собой неприятельский фронт. От 5 до 10 процентов дорог, ведущих к фронту, будет перегружено доставкой огнеприпасов таранам, на остальных будет относительно слабое движение.

Каковы перспективы таких артиллерийских операций? Поймать, зажать, окружить, хоть как-нибудь устроить Канны, хотя бы в малом масштабе — артиллерийский таран, квалифициро-

---

³⁷ В артиллерийской операции при наступлении требуется в десятки раз больше огнеприпасов, чем при обороне. В пехотной операции разница в подготовке к наступлению или обороне гораздо меньше, и потому артиллерийская наступательная операция трудно осуществима, связана с большими паузами и необходимо ведет к позиционной борьбе.

ванный тихоход, очевидно, не может. Он может распугать, оттолкнуть, истрепать неловкие, попавшие под его огонь части. Маневр, использование выгодной обстановки исключается. Это — квалифицированная система упущенных благоприятных случаев; можно рассчитывать лишь на постепенное, ровное оттеснение параллельного фронта неприятеля.

Какова скорость развития артиллерийской операции? Теоретики-оптимисты рассчитывают на возможность, после основательной подготовки, покрыть в 1 месяц 250 км; затем намечается основательная передышка. Француз-практик Рок, в самых благоприятных условиях покрытой шоссе территории Франции, гораздо скромнее. Семидесятикилометровый отрыв от хорошо оборудованной железнодорожной сети является уже пределом. Наконец, пессимист, генерал Сект, считает, что такая масса вообще не способна сдвинуться с места и останется в своих окопах. Корни этой доктрины явно уходят в позиционную и даже крепостную войну. Это — многомесячная борьба за один и тот же местный предмет.

Когда Мольтке писал о гнусной крайности сосредоточения, он имел в виду массы в 300-400 орудий, сосредоточиваемые на немногих дорогах. В данном случае гнусность сосредоточения надо оценить как концентрированную, раз в 15-20 сильнее, чем та, которую имел в виду Мольтке: помимо 1.500 орудий надо иметь в виду еще 4.000 грузовиков и 20 тыс. парных подвод, работающих над подвозом огнеприпасов. В наших условиях эти грузовики и обозы не найдут, конечно, для себя дорог, и гораздо вернее считать, что таран продвинется постольку, поскольку удастся сзади него прокладывать 5-6 узкоколеек. По существу, он требует десятка хороших шоссе на каждую армию.

Роль пехоты сведется к тому, чтобы усиливать пулеметным огнем уничтожающее действие артиллерии. Пулеметы, собранные на закрытых позициях, через головы передовых частей будут осыпать пулями, с предельных дистанций, участки местности, на которых сосредотачиваются разрывы артиллерийских снарядов. Выполнив этот акт “черной магии”, пехота будет занимать изрытые артиллерией площади.

В таране все будет по карточкам — и уцелевший домик, может быть один на дивизию, и овражек, дающий укрыться от выстрелов, и кустик, маскирующий от аэропланов, и незараженный

ипри том участок земли. В тылу будет происходить движение более оживленное, чем в центре важнейших столиц в час окончания службы. Приход будет разрешаться только по карточкам-путевкам, действительным только на указанное время и на определенную скорость. В случае дождя заградительные отряды будут останавливать всякое движение по важнейшим дорогам, так как в сырую погоду при таком движении любое шоссе, несмотря ни на какой ремонт, будет очень скоро разбито, а грунтовые дороги обратятся в бездонные топи.

Идея такой артиллерийской операции становится в решительное противоречие с требованиями эволюции военного искусства. То же развитие техники обусловило переход к широким фронтам. Только разрезая свои порядки, военное искусство балансировало до сих пор успехи техники. Чем гуще нагромождение силы и средств, тем могущественнее и губительнее сказывается современная техника. Наступая на широких фронтах, мы можем не слишком бояться ни аэропланов, ни дальнобойной артиллерии, ни химии. Мы можем обходить зараженные, наблюдаемые, обстреливаемые места, мы можем выбирать между днем и ночью, между различными дорогами, сможем уклоняться от неприятностей. Не то в таране: достаточно бросить несколько бомб с ипри том, и можно быть уверенным, что найдутся охотники подышать им; дорог мало, и все они должны быть использованы днем и ночью, обстрел их артиллерией и аэропланами никогда не будет бесплодным.

Я не большой сторонник вождения дивизий на 72 км. в глубину, в виде тонких цепочек людей и отдельных повозок на больших интервалах. Но таран, который явится целью концентрических усилий техники противника, очевидно, потребует таких предосторожностей. А они с ним несовместимы.

Как будто Сект прав — масса артиллерии окажется беспомощной и, если не разложится за отсутствием местных средств и возможности подвоза продфуража с тыла, то застрянет на месте <...>

В настоящем

Крупнейшее достоинство в военном мышлении — его трезвость, его реальность, отсутствие отрыва от конкретной действительности.

Военное искусство не может быть системой упущенных благоприятных случаев. Напротив, оно требует максимального использования выгодно сложившейся обстановки. Оно требует ошеломления врага, широчайшего использования внезапности. Надо бить противника не изготавившегося, а врасплох. Надо быть изворотливым, скорым на подъем, способным в условиях наших плохих дорог оторваться от железнодорожных станций на 150-200 км., чтобы окружать, брать в плен, захватывать неприятельские армии, узлы путей и склады. Это возможно только при сохранении решающего значения за средствами ближнего боя. Успех в ближнем бою возможен только при крайнем напряжении сил, и пехота всегда должна быть готова к нему; в этом вопросе никакая демагогия недопустима.

При упоре на средства дальнего боя важнейшую роль имеет количество их; при упоре на средства ближнего боя решающее значение принадлежит качеству; старенькая, плохонькая пушка может быть использована для обстрела неприятельского расположения, но скверная пехота для ближнего боя вовсе не годится. Концентрация — важнейшая предпосылка успешного употребления средств дальнего боя; а в ближайшем бою концентрация возможна лишь в очень точных пределах. Пехота может выказать свои таланты лишь при достаточной широте фронта боя; в таране она из субъекта уничтожения обращается в объект уничтожения. Пехотная операция — это операция, захватывающая большую часть фронта развертывания.

Наше замечание нельзя понимать так, что количественный вопрос отходит в вопросе о средствах ближнего боя на второй план. По своей природе и по решительному характеру ближнего боя средства ближнего боя несравненно менее долговечны, чем средства дальнего боя. От страхования жизни пехотинца откажется любое страховое общество. Пушки живучее людей. Количество пехоты очень важно, но сказывается не в статике, а лишь в динамике войны. Решительные успехи возможны в самых редких строях, но нужна глубина, нужны пополнения. Количество пехоты необходимо не сразу, а в рассрочку платежа, причем существо дела заключается в том, чтобы при постоянном обновлении состава пехоты не слишком проиграть в качестве.

Буржуазные государства стоят перед альтернативой — или вовсе отказаться от ставки на бой и остаться у разбитого корыта

артиллерийского тарана, или организовать отборную пехоту, обреченную, однако, на быстрое вырождение, на разжижение ее такими пополнениями, которые будут в лучшем случае способны рвать, а не сражаться. Война для них складывается под угрозой срыва возможности успешного ближнего боя: существует для них только два возможных метода борьбы с этим срывом — моторизация, которая может оказать содействие ускорению хода событий и позволит закончить войну прежде, чем пехота вовсе развалится, и танки — эрзац пехоты, умеющей наступать с боем. Не случайно танки сделали свою карьеру в конце мировой войны, в обстановке вырождения и разложения пехоты³⁸. Но, по существу, возможности влияния на войну моторизации и танкизации ограничены, в особенности в условиях востока Европы и при широком распространении в пехоте батальонных орудий, крупнокалиберных пулеметов, минометов, специальных фугасов и прочих противотанковых средств.

Основная проблема войны с буржуазным государством заключается не в том, чтобы покрыть несколько сот километров, отделяющих исходное развертывание от его столицы, а в том, чтобы нанести его вооруженной силе неизлечимую рану, выбив из нее профессиональные кадры, воспитанные и вытренированные буржуазией для защиты ее интересов. Старая русская армия в три первые недели операций мировой войны выбила из рядов австрийской армии 350 тыс. лучших ее бойцов и этим обеспечила себе на долгие годы превосходство над австрийскими войсками; даже летние успехи 1915 года не остановили процесса разложения австрийской государственности. Это — путь к победе и в будущем.

Чем являлись в сущности все операции 1914 года на русском фронте? Каково, например, значение Танненберга? Эти огромные кровопускания, пленения целых групп, корпусов, наскоки и отскоки представляют в сущности только этапы борьбы за качество средств ближнего боя. Из этой борьбы германская пехота вышла на первое место, что и определило ход событий 1915 года и разложение царской России и Австрии.

---

³⁸ Если грибы размножаются, то можно быть уверенным в присутствии гниющего органического вещества. Эти замечания не препятствуют нам оставаться горячими сторонниками моторизации, но лишь как вспомогательной для пехоты отрасли.

Государство, которое имеет шансы вступить с успехом в борьбу за качество пехоты и может рассчитывать связать интересы масс с достижением победы, сделало бы чрезвычайную оплошность, если бы не стало на этот путь с первых шагов войны. Немногие теперешние буржуазные государства способны в короткое время перенести потерю 350 тыс. бойцов, которая сгубила Австрию. Надо только при этом досмотреть, чтобы своя собственная пехота не так потерпела бы в качестве, как это произошло с русской пехотой к весне 1915 года.

Борьба за качественное превосходство, за господство в ближнем бою, развернется еще в период прикрытия развертывания. Очень скоро результаты этой борьбы дадут себя знать, и боеспособность воюющих сильно прировняется. Разница в боеспособности создает предпосылки для энергичных маневренных операций. При тех противниках равной боеспособности, которых мы преимущественно имеем в виду при наших занятиях мирного времени на карте, оперативное искусство оказывается вообще в тупике перед неразрешимыми проблемами.

В борьбе за качество пехоты, решающей войну, на артиллерию выпадает чрезвычайно ответственная задача. Все, что может дать индустриализация страны, должно быть использовано для того, чтобы наша пехота не слишком страдала от неприятельской техники и смогла бы сохранить способность применять огневую тактику. Пусть происходит самое энергичное соревнование техники, но оно не должно иметь самодовлеющего значения, а являться подсобным для сохранения хорошей пехоты.

Неплохо продумать даже действия артиллерийского тарана и располагать, на крайний случай, оборудованием для него; легче всего погрязнуть в позиционной войне, если вовсе не готовиться к ней; можно быть остановленным на первых шагах легко укрепленным непрерывным фронтом. Прав был Шлиффен, энергично развивая тяжелую артиллерию в целях сохранения возможности решить участь борьбы в маневренной войне и не поскользнуться на апельсиновой корке какой-нибудь Плевны. Артиллерийский таран имеет законное право на существование, но лишь как подсобное средство, чтобы сняться с позиционной мели, к которой могут приткнуться нас случайности и бури войны.

Но решающее значение принадлежит средствам ближнего боя. Это видно из того, что хороший батальон легче выдержит десять

тысяч снарядов, упавших на его участок, чем плохенький батальон — одну тысячу снарядов. Психология бойцов статистикой в бою не занимается. Да и потери у хорошего батальона в результате такого обстрела могут оказаться не больше, чем у плохого. Одному море по колено, у другого бывает насморк от промокших перчаток. Таковы отношения техники к человеку.

Резюмируем. На пути развития нашего военного искусства имеются угрозы: 1) лилипутского мышления; 2) недооценки классовой борьбы; 3) пленения нашего мышления буржуазной доктриной в областях военной истории, тактики пехоты, общей тактики, оперативного искусства; 4) потуг на артиллерийскую операцию.

Столетия хвостизма в вопросах теории военного искусства могут сделать для нас обольстительными даже сумерки буржуазных армий.

Отход пехоты на второй план, торжество техники и средств дальнего боя — являются приметой возрастающей угрозы перехода войны империалистической в войну гражданскую.

Огневая тактика пехоты для буржуазных армий — невозвратное прошлое. Ее нет и у вас. Но она может стать монополией Красной пехоты и дать нам неисчислимые выгоды.

Мы должны ясно представить себе плоскость отрицания, в которую толкает армии Запада развитие производительных сил, и добиваться полной самостоятельности нашего военного мышления.

Наш путь — борьба за качество, за огневую тактику, за углубление сознания бойцов, за крепкие кадры, за подвижность, за ближний бой, за пехоту — нашу силу, нашу гордость и наше будущее.

Красная звезда. - 1929. - № 57. - 9 марта;
№ 59. - 2 марта; № 60. -14 марта.

Современная наступательная операция в маневренной войне

Война в феодальном представлении

“Армия на войне подобна кораблю на океане, снабженному сообразно указанной ему цели: он заключает в самом себе все средства существования и успеха. Как корабль, армия составляет независимое целое, доверенное главнокомандующему на тех же основаниях самостоятельной отдельности, как корабль отдается капитану, посылаемому вокруг света...”. Таковы феодальные представления о войне в редакции, принадлежащей русскому фельдмаршалу Барятинскому и являвшейся протестом против милютинской реформы положения о боевом управлении войск, отводившей известное значение тылу и обеспечивавшей военному министру скромное влияние на ведение войны.

Нет ничего ошибочнее такого феодального взгляда на вооруженный фронт. Корабль не оставляет за собой на море следа, он порывает всякую связь с пристанью, от которой он отвалил, а армия оставляет за собой широкий, организованный след и связывается тысячами нитей со всеми сторонами бытия государства; тыл беспрерывно накачивает ее новыми тысячами жизней, миллионными грузами снарядов, продовольствия, одежды, строительных материалов, накачивает войска теми мыслями и настроениями, с которыми они вступают в бой.

Армия на войне — не парусное судно, имеющее на себе все необходимое для кругосветного путешествия, а скорее фонтан, который готов сократиться и исчезнуть в тот же момент, как иссякнет питающий его напор воды. Армия представляет только надстройку над тылом, одно целое с ним; и в этой настройке обязательно сказываются основные, характерные черты экономической и социальной гармонии тыла.

Всякий крупный сдвиг в политическом устройстве или материальных данных тыла накладывает сейчас же свой отпечаток и на ведение военных действий. С другой стороны, крупное, революционное изменение системы вооруженных сил немислимо без соответствующей пертурбации в тылу. Чтобы создать себе армию, внешне похожую на западноевропейские, Петр Великий должен был атаковать и быт народных масс, стричь бороды и обрезать длиннополые кафтаны купечества.

Мы начинаем понимать военное искусство только с того момента, когда наше внимание остановится на тысячах зависимостей, стесняющих свободу военного творчества и толкающих его на определенный путь. Наличие или отсутствие смычки с крестьянством заставляет совершенно по иному подходить к вопросам встречного боя и радикальным образом варьировать тактику пехоты. Тем хуже для тактиков, не учитывающих этих обстоятельств. Конечно, командиру роты, стоящему перед задачей атаки хутора Новоселицы, не следует приступать к своей задаче с широкой оценки международного положения. Но творцы уставов, рекомендуя ему приемы боя, непременно должны исходить из определенного представления об уровне политической сознательности и военной подготовки человеческих масс, из которых строится армия, и из учебных возможностей последней. Поэтому-то так мало гарантий успеха дает в тактике путь подражания чужеземным образцам.

Не вылазка, а планомерная борьба

Описывая различные германские племена, римский историк Тацит расточал похвалу постановке военного дела у племени каттов и обронил следующее многозначительное замечание: “Тогда как другие племена выступают в бой, катты выступают на войну”.

Действительно, какое существенное различие между государством, начинающим драку на границе, чтобы выместить свои чувства, померяться силами и мужеством с врагом и затем подчиниться судьбе, и ведением войны — планомерным стремлением к обдуманной, взвешенной конечной цели насильственных действий оружием!

В одном случае — беспочвенная вылазка, не имеющая завтрашнего дня, оперативный тупик, отсутствие продолжения взятой линии, автоматическое возвращение в исходное положение, даже если благоприятствует судьба, необходимость, на хороший конец, начинать новую попытку с того же начала. В другом — планомерная борьба, которая должна нас вести от этапа к этапу к конечной цели, подчинение требованиям будущего руководства нашими сегодняшними усилиями, стремление к завершению операции — важной слагаемой конечного итога войны.

Оперативное искусство требует прежде всего, что бы мы оставляли без внимания мыльные пузыри и гнались только за стойким успехом. Всякая вылазка, всякий местный бой, не влияющий на общее положение, не изменяющий нашего удаления от конечной цели, является таким мыльным пузырем. Операция, в отличие от вылазки, приводит к органическому росту нашего вооруженного фронта, улучшает его положение; корни для дальнейшего ведения войны с нашей стороны нарастают, с неприятельской — обрубаются <...>

Оперативный и тактический путь фронта

Задача вооруженного фронта — уничтожение неприятельской живой силы. Тактический путь к разрешению этой задачи — это физическое истребление неприятеля путем применения наиболее рациональным путем всего оружия, всех средств, доставляемых современной техникой. Но если нет уж слишком вопиющего несоответствия в технике, если обе стороны располагают приблизительно одинаковым огнестрельным оружием, этот тактический путь не дает решения задач войны. Имея вдвое лучшую пушку и втрое большее количество снарядов, все же нельзя уйти далеко, нажимая на неприятельский фронт, который будет исправно пополняться. Даже двойное превосходство в технике не окупит издержек фронтального наступления.

На помощь обязательно должен прийти оперативный путь уничтожения неприятельских войск. Этот оперативный путь заключается не в физическом истреблении неприятельской армии, а в приведении ее в состояние паралича, в котором она окажется бессильной тактически сопротивляться. Этот паралич, на который метит оперативное искусство, достигается расстройством сообщений и связи у неприятеля. В идеале — это Канны, это полный захват всех путей, по которым неприятель снабжается, это полное окружение; в таком случае окруженная часть неприятельской армии обречена; это спелый плод, который без особого труда может быть нами сорван.

Но не следует думать, что если нам не удастся сжать кольцо, наши оперативные усилия пропадут даром: всякий нажим на неприятельские сообщения, даже скромный успех партизан в тылу или воздушный налет на питающую противника станцию отзовется на его фронте, — малейшее расстройство кровообращения

делает уже врага более чувствительным к нашим ударам и ослабляет энергию даваемых им толчков.

Чувствительность тыла

Тыл современной армии работает нормально, если имеет возможность использовать все дороги, отходящие от фронта в перпендикулярном направлении назад; армия нуждается в широком пространстве позади фронта для просторного размещения тыловых учреждений и для того, чтобы не скучивать движение по немногим артериям. Всякая скученность тыла сделает его сейчас же чрезвычайно чувствительным к налетам неприятельского воздушного флота. Если нам путем нажима с фланга удастся перехватить хоть часть дорог в тылу неприятеля, то будет уже достигнут крупный оперативный успех: тылы нескольких неприятельских дивизий спутаются в один клубок; снабжение фронта начнет функционировать неудовлетворительно; неприятель, находясь под угрозой перерыва его последних сообщений, будет вынужден спешно и беспорядочно перебрасывать войска с фронта для прикрытия уцелевших в его распоряжении дорог; войска начнут переплетаться с обозами, что резко отзовется на их боеспособности.

Ляоянская и мукденская операции в русско-японской войне, неудачи армий Самсонова, Ренненкампфа в Восточной Пруссии в 1914 г., лодзинская операция 1915 г. — представляют в основном начертанную картину развития оперативного нажима на фланг; обычно эта картина знаменует начало разгрома.

Арсенал современной тактики беден приемами для достижения крупных тактических побед; оперативные методы, предпосылкой коих является значительный тактический успех, найдут себе применение лишь в редких случаях. Операция должна быть построена так, чтобы суммировать и скромные достижения тактики. В крупном размахе операции, в заключающемся в ее замысле стремлении прервать неприятельские сообщения и уничтожить значительную часть неприятельского фронта целиком лежат величайшие возможности облегчить трудности фронтального наступления. Дальний грохот стрельбы конной батареи, появившейся в неприятельском тылу, облегчит пехоте фронтальную атаку в не меньшей степени, чем самая непосредственная напряженная поддержка огня многих батарей тяжелой артилле-

рии. Это факт, проверенный на опыте англо-бурской, русско-японской, мировой и гражданской войн.

Сущность оперативного искусства — борьба за сообщения

Оперативное искусство сводится к борьбе за сообщения — за сохранение в неприкосновенности нашего тыла и за нажим на тыл противника. Фланговый удар в оперативном искусстве имеет еще большее значение, чем в тактике. Было бы ошибочно полагать, что фланговые удары ушли в прошлое вследствие появления непрерывных фронтов, пересекающих весь театр военных действий и упирающихся свои крайние точки в моря или нейтральные территории. Исчезновение флангов характерно только для позиционной войны. В маневренной войне фронт только кажется непрерывным; фланги, хотя часто незримые, в маневренных условиях обязательно имеются налицо.

Пока фронт не затянут проволочными сетями и не представляет еще развитую систему глубоко эшелонированных укреплений, он может быть занят равномерно прочно; если бы в маневренной войне фронт стремился законопатить все щели, получился бы слабый и непригодный для маневрирования кордон. Пока фронт не пускает позиционных корней, он включает заведомо слабые участки, прикрываемые сосредоточением войск на других участках и имеющимися у них возможностями маневрирования. Участки, которым придается второстепенное значение, будут маскироваться только слабыми, иногда только кавалерийскими заслонами; за лесо-болотистыми, озерными, речными или горными рубежами плотность развертывания войск будет много слабее; будут иметься едва затянутые разрывы на стыках, внутренние фланги. Оперативное искусство и имеет задачей усмотреть эти скрытые фланги, обнажить их, уничтожив или отогнав немногочисленные прикрывающие их части или преодолев рубеж, который враг оценивал как недоступный для значительных масс, или расширив театр военных действий на еще не затронутую ими территорию.

Оперативное искусство, через кризис в материальном функционировании неприятельского тыла, стремится вызвать и кризис сознания в неприятельских рядах. В этой борьбе за и через посредство сообщений оперативное искусство должно опираться на

величайшую помощь, которую может оказать политическая работа при подготовке и ведении операции.

Так как наши сообщения являются основным объектом оперативных устремлений неприятеля и каждый оперативный неуспех начинается с перебоев в работе тыла, в маневренной войне политическая работа должна уделять особое внимание тылу. Политическое здоровье тыла представляет собой необходимую предпосылку для успешной работы фронта.

Массирование и ширина фронта наступления

Войска, наступающие на узком фронте, естественно, попадают в мешок и оказываются тактически и оперативно охваченными неприятелем; это грозит быстрой ликвидацией первоначально достигнутых успехов. Возможность успешных действий на неприятельские сообщения открывается только при широком фронте наступления; широкий фронт необходим и для того, чтобы ввести в выгодных условиях в бой все огневые средства, особенно ближнего боя, проявить все имеющиеся в армии богатство энергии, инициативы и тактической выдумки и создать готовность использовать повсюду благоприятные случайности — неустойчивость, панику, разложение в рядах противника, все его плохо обеспеченные стыки.

Поэтому, хотя массирование войск на важнейших направлениях и является одним из основных приемов оперативного искусства, желательно не слишком разрезать войска на всем фронте наступательной операции для достижения подавляющего перевеса сил на небольшом, узком участке.

Не усложняйте замысла операции

Выгоды тактической обороны настолько существенны, что в течение всей наступательной операции — и ее подготовки, и самого развития — придется неоднократно прибегать к оборонительным приемам. Тесное перемешивание оборонительных и наступательных действий, характерное для современных операций, является серьезной угрозой единству действий в операции, тем более что наступающие массы раздробляются часто по отдельным полкам и разбредаются по всем ведущим к неприятелю дорогам. Отсюда необходимость уделять серьезное внимание единству наступательной операции и отказываться от всяких ослож-

нений замысла операции, которые, вместе с цепляющимися за них случайностями, могут отвлечь нас от поставленной для операции цели.

Надо отказываться от всяких демонстраций и вообще от действий ошупью, уменьшать силы и значение всякого рода прикрывающих отрядов, категорически отказываться от столь излюбленного австрийским и старым русским командованием метода усиленных рекогносцировок. Все эти приемы могут завести нас совсем не туда, куда мы хотим, и открывают неприятелю возможность вырвать у нас инициативу. Чем проще оперативный замысел, тем надежнее обеспечивает он энергию исполнения.

Особенно нежелательной формой усложнения операции является выставление требования, чтобы одни какие-либо части фронта одержали предварительный успех, захватили определенные рубежи для вступления в бой остальных частей фронта. Это — любимый способ оперативного руководства глубоко нерешительных вождей — великого князя Николая Николаевича в 1877-1878 гг., генералов Куропаткина и барона Каульбарса в 1904-1905 гг. Такой способ приступать к операции душист начатые активные действия в их зародыше и свидетельствует об отсутствии у старшего начальника веры в успех операции.

Дерзновенный приступ к операции переходом в наступление на всем фронте является наиболее предпочтительным; иногда замысел операции потребует эшелонированного во времени начала наступления на различных участках, но это эшелонирование, и так увеличивающее влияние случайностей, должно быть лишено всякой условности.

Начало равнения должно быть совершенно чуждо руководству операцией; темп ее развития дается наиболее успевающими частями. Задержка развития операции до преодоления трудностей на каждом участке связала бы войска, толкала бы их к бездействию, препятствовала бы использовать богатые возможности, которые не могут быть предвидены планом операции.

Пехота должна уметь наступать фронтально

Наступательная операция предъявляет высокие требования к тактической гибкости войск. Тяжеловесное оперативное маневрирование старой царской армии объясняется не только низким

оперативным уровнем подготовки генералов, но и той ударной тактикой, в которой долгое время воспитывалась русская пехота. Ее можно было двигать в наступление только в тех случаях, когда штурм являлся заранее подготовленным во всех деталях и хорошо обеспеченным охватывающим тактическим положением и могущественной артиллерией. В других случаях наша пехота, воспитанная в ударном стиле, стремившаяся подавить неприятеля массой, автоматически подпиравшая и физически подталкивавшая залегшую цепь последующими линиями поддержек и резервов, нарвавшись на неприятеля, умело пускавшего в ход скорострельное и автоматическое оружие, неизбежно несла большие жертвы, была не в силах достигнуть объекта атаки и нанести неприятелю какие-либо потери, откатывалась назад и от крайней, неразумной активности, которой ее учили в мирное время, переходила к полной пассивности и становилась вовсе не годной для фронтального наступления.

А последнее необходимо. Было бы глубокой ошибкой думать, что самое высокое проявление оперативного искусства, самые глубокие оперативные охваты в силах избавить пехоту от трудностей и неприятностей фронтального наступления. Пехота в сфере ближнего боя видит обращенные против себя дула винтовок, пулеметов и орудий всегда, во всех случаях своей боевой деятельности. В конечном счете, пехота всегда наступает фронтально. Лучший оперативный урожай был бы не убран, кулак, занесенный над головой противника, не опустился бы, угроза повисла бы в воздухе, если пехота была бы не способна к фронтальной атаке.

Последняя доступна и будет практиковаться только той пехотой, которая умеет строго согласовывать свою активность с встречаемым огневым сопротивлением неприятеля, а не бросается во всех случаях одинаково напролом. Оперативное искусство требует от пехоты умения наступать быстрым темпом, чтобы использовать решительное превосходство артиллерийского огня там, где мы сумеем его добиться. Но пехота должна быть способна и к производству длительного наступательного нажима, хотя бы перевес в числе и технике находился на стороне противника. Лицом к лицу с сильным, часто основательно укрепившимся противником, пехота должна быть готова в течение нескольких суток вести огневой бой, перенести свои огневые позиции на все более

решительные дистанции, используя каждое недоразумение у неприятеля, каждое ослабление его огня, проникая во все щели его расположения.

Условия для успеха оперативного охвата

Чтобы сократить этот тягостный, изобилующий кризисами период фронтального наступления, необходимо развить маневр по нажиму на сообщения неприятеля самым энергичным образом. Существенную помощь может оказать решительное движение сосредоточенной на охватывающем крыле массы конницы. При наступлении возможно такое массирование конницы, которое нетерпимо при обороне уже вследствие трудностей довольствия фуражом. Выход массы конницы на сообщения неприятеля представляет хорошее начало для крупного оперативного успеха.

Быстрота и действительность оперативного охвата достигаются в том случае, если не приходится для этого выдвигать резервы из-за нашего фронта; протяжение нашего фронта должно с самого начала превосходить протяжение неприятельского; оперативный обход должен быть намечен уже в самом разворачивании войск для операции и получаться из него простейшим движением вперед. Важно, чтобы мы превосходили неприятеля не только по широте фронта, но и по широте и охватываемому положению нашего базирования.

Наши огромные пространства во многом затрудняют и усложняют ведение военных действий: мы должны затрачивать много добавочных усилий на сосредоточение; промежуточные склады нашего глубокого тыла требуют большого оборотного запаса снабжения для бесперебойной доставки его на фронт; доставка войск и материалов издалека ложится тяжким бременем на наш транспорт и удорожает войну. Но те же наши огромные пространства дают огромные оперативные преимущества, допуская более широкое базирование, подачу снабжения на фронт по скрещивающимся направлениям, более просторную организацию тыла, что обеспечивает, помимо ряда других выгод, большую свободу маневрирования.

Энергичная контратака изнутри оперативного охвата сильно затруднена: нет предпосылок для планомерной работы по уничтожению охватывающих частей, наступление неприятеля вырождается в вылазку или в попытку пробиться сквозь окружающую

дорогу и уйти. Поэтому охватывающие части могут действовать крайне смело, становясь между неприятелем и непроходимой преградой; последняя даже очень желательна, так как основная опасность грозит не изнутри дуги охвата, а снаружи, от уступов и резервов, не включенных в намеченную нами к уничтожению часть неприятельской армии.

Напряжение усилий и преследование

Когда противник начнет сдавать под угрозой, нависшей на его сообщениях, нужно крайнее напряжение усилий, чтобы обратить угрозу уничтожения в действительность. Пока остатки неприятеля не ускользнут из оперативно-охваченного района, они будут представлять легкую добычу, выгодный объект для расходования всех наших усилий. Смешавшиеся с обозами неприятельские войска, уходящие по немногим путям, сохранят минимум боеспособности.

Только выйдя из района оперативного охвата, неприятель сможет привести свои войска в порядок и произвести нужную перегруппировку сил; могучую помощь окажет ему его железнодорожная сеть, тогда как мы окажемся временно оторванными на два-три, может быть четыре перехода от своих головных станций.

Если неприятельское государство еще политически не разложилось и не исчерпало еще своих экономических ресурсов, то боеспособность неприятельской армии, восстановившей свое кровообращение, обильно накачиваемой из тыла силами и средствами, быстро возрастет. Нам придется не столько увлекаться преследованием, сколько думать о подготовке новой операции, группировать войска для нового развертывания.

Неосторожное преследование, не считающееся с энергией современных восстановительных процессов, привело немцев в 1914 г. к Марне, а Красную армию в 1920 г. к Висле. Только в случае полного политического банкротства неприятеля преследование может продолжаться на сотни и тысячи километров, распространиться на половину континента, как это было в гражданскую войну в Сибири, после победы над фронтом Колчака.

Роль тыла в операции

Таков характер современной наступательной операции. Если непосредственная оперативная деятельность направлена на

ущемление неприятельского тыла и на обеспечение спокойной работы своего, то существенную роль во всей подготовке операции приобретают заботы о правильном функционировании всех отраслей тыла. В противном случае, смятение в тылу, перебои в его работе начнутся и без всякого участия неприятеля, и мы можем оперативно задохнуться, еще не получив ни одного вражеского удара. Отсюда крупное значение "оперативной арифметики" — подсчетов по интендантской, артиллерийской, санитарной, инженерной, железнодорожной службам, необходимым для наиболее рациональной организации их в предстоящей операции. Но, конечно, эта оперативная арифметика представляет не все оперативное искусство, а только служебную, хотя и очень важную его часть.

Современная операция — не столкновение двух кораблей в океане, а борьба, в которой каждая сторона старается вырвать корни, питающие противника; сейчас изучение оперативного искусства имеет у нас уклон в эти корни, в изучение условий их правильного функционирования, и проделанная в этом отношении огромная работа нашего высшего командного состава очень почтенна: мы хорошо усвоили технические предпосылки ведения операции.

Красная звезда. - 1927. - № 228 . - 6 октября; № 229 .
- 7 октября.

Маневр техники

Impedimenta

Еще сто лет тому назад поступательное движение военной техники развивалось столь ничтожными темпами, что воздействие его на военное искусство почти не ощущалось современниками. В посвященной войне капитальном труде Клаузевица технике не уделяется вовсе внимания, она оказывается за порогом военного искусства. Вооруженные силы с их техникой рассматривались как данная величина; предполагалось, что у всех европейских государств примерно одинаковый, постоянный уровень техники, и говорить о ней не приходится. Во второй половине XIX века с появлением на полях сражения все более совер-

шенствуемых образцов нарезного оружия и началом быстрых успехов военной техники отрицать зависимость военного искусства в полном объеме от достигнутого техникой уровня стало невозможно. Выдающиеся буржуазные авторитеты признали, что каждые 10 лет приходится ставить вопрос о замене тактических уставов новыми, т.е. менять методы боевых действий в связи с новыми данными вооружения. Таким образом тесный контакт тактики и техники был официально признан. Но тактика представляет только часть военного искусства. Другая же часть, стратегия и оперативное искусство, продолжала декларировать свою независимость от техники. Господствующим подходом к оперативному искусству являлось чисто механистическое воззрение, видевшее в нем только комбинации, элементами коих явились массы, пространство и время.

Буржуазные военные историки также находились во власти этих механистических воззрений и искали основные причины победы и поражений исключительно в геометрических взаимоотношениях группировок. Известно, например, что в 1870 г. во французской армии имелось значительное количество пулеметных батарей. Но надо очень глубоко изучить массу источников по этой войне, чтобы собрать самые скромные данные об этом дебюте автоматического оружия. Особенно оторванным от техники являлся прусский генеральный штаб. Здесь господствовали еще пережитки эпохи Клаузевица, и даже тактика почти не соприкасалась с техникой. Французская тактическая мысль, более материалистическая, питаемая политической школой, добилась лучшего согласования. Высшим ее достижением являлась разработка профессором французской военной академии Ланглуа тактических требований к новой скорострельной артиллерии. Техническое осуществление этой тактической программы дало французской армии крупнейший козырь — знаменитую 75-мм пушку, непревзойденную и во время мировой войны, через 20 лет после ее появления на свет. Ланглуа по справедливости считается ее духовным творцом. Немцы дважды после ее появления перевооружали свою легкую артиллерию, и все же остались позади. Это была расплата за отрыв тактики от техники.

Но если тактика грешила по отношению военной техники, то оперативное искусство до самого конца XIX столетия положительно отворачивалось от техники, принципиально оставляло ее

беспризорной. Военно-техническая академия в Германии получила в армии презрительное прозвище “слесарной академии”. В царской России артиллерийская и инженерная академии совершенно оторвались от генерального штаба и не имели никакой военной ориентировки. Поставленные вне всякой связи с эволюцией военного искусства, они оказывались оплотом реакционных взглядов. Разрабатывая в 1906 г. программы требований для скорострельных тяжелых орудий, артиллерийский комитет, по опыту осады Страсбурга в 1870 г., выдвинул требование высокого шестифутового лафета. Последний имел полный смысл в 1870 г., когда стреляли непосредственной наводкой с близкого расстояния, чтобы орудийная прислуга могла укрываться за более высоким валом, и являлась совершенной нелепостью в современных условиях. Инженеры отстаивали идею тесных старых фортов, создавали идеальные мишени для современных тяжелых гаубиц и невозможное положение для крепостей.

Развитие техники положительно шло ощупью. Ясно ощущалась необходимость не отставать в технике от соседей. Отсюда — мировой хвостизм в технике, завистливое наблюдение за соседями, стремление возможно быстро их копировать, и почти отсутствие технической инициативы. Намек на технический генеральный штаб имелся только в отношении железных дорог. Значение подготовки железнодорожных перевозок, выяснившееся еще в 1870 г., привело к созданию во всех армиях управлений военных сообщений.

Техника для оперативного искусства представляла по ироническому выражению Шлиффена “impedimenta”, т.е. помеху, обязательный ассортимент, бремя, которое загружает войска и лишает их подвижности, удлинняет походные колонны и осложняет маневрирование, развертывание и ведение боя. Чем более совершенна техника, тем она становится прожорливее и требует больше снабжения. Позиция оперативного искусства по отношению к технике характеризовалась отрицательными, тормозящими моментами: не допускать перегрузки техникой, не допускать, чтобы потребность в боеприпасах вышла за рамки возможности подвоза к полю сражения. Только эта принципиально отрицательная позиция объясняет, например, единодушие, с которым генеральные штабы армий всего мира ставили перед мировой войной препятствия к увеличению числа пулеметов в пехоте. В числе таких

тормозильщиков мы находим и такого крупного организатора, как лорд Китченер, обязанный как раз пулеметам своей победой над дервишами в 1898 г. при Омдурмане, хотя эта победа одновременно открыла карьеру как для пулеметов, так и лично для него.

Ведущие генеральные штабы, прусский и французский, упорно продолжали утверждать, что техника не имеет отношения к оперативному искусству. Сделать какую-либо уступку в этом отношении было в особенности невозможно для французского генерального штаба. Фош продолжал воспитывать слушателей французской военной академии на высоких оперативных образцах наполеоновского искусства. Ведь тактика, поставленная в зависимость от техники, была вынуждена сдать тактические методы Наполеона в архив: допустив влияние техники на оперативное искусство, пришлось бы логически признать устаревшими и оперативные образцы великого наставника. Наиболее передовой мыслитель Германии Шлихтинг так и поступал. XIX век стал веком пара и электричества; последние в оперативном искусстве нашли ясное отражение в виде железных дорог и электрического телеграфа. Наполеон отмечает эпоху оперативного искусства развертывания войск по грунтовым, уже частью шоссированным дорогам и управлении посредством конных ординарцев. Железные дороги и телеграф создали эпоху Мольтке, переместившего оперативное искусство на другой уровень. Взгляды Шлихтинга получили значительное распространение в Германии и России, но прусский генеральный штаб официально признавал их еретическими. Однако уступки Шлихтинга технике на этом и заканчивались. Он не интересовался новейшими войнами англо-бурской, русско-японской, не видел дальнейшего революционизирующего влияния техники на оперативное искусство и полагал, что человечество еще сотни лет будет пользоваться железными дорогами и телеграфом, и потому с точки зрения оперативного искусства техника эпохи Мольтке стабилизировалась на долгое время.

Современное поколение с удивлением и сомнением отнесется к этим фактам. Возможно ли допустить такую близорукость? А между тем Шлихтинг был наиболее передовым военным мыслителем самого конца XIX века.

Техника и оперативная цель

Со времен Клаузевица установилось положение, что средства должны отвечать намеченной оперативной цели. Оспаривать это положение, конечно, нет никакой возможности. Но “средства” в этом утверждении понимались преимущественно как то или иное количество войск, как размер необходимой для сокрушения враждебного сопротивления массы. Оперативное искусство допускало помимо количественного подхода к средствам — и качественный, требуя соответствия средств данному театру войны: при наличии необходимости в десантной операции требовались морские транспортные средства и военный флот с соответственным радиусом действий. На горном театре войны допускалась возможность уменьшения процента конницы в составе армии и требовалась горная артиллерия и соответственная организация обоза. Для колониальных театров признавалось необходимым облегчение организации — формирование четырехбатальонных бригад вместо массивных европейских дивизий, уменьшение артиллерии и повышение заботы о снабжении. Но в основном в понятие средств, соответствующих оперативной цели, техника не включалась. Ассортимент техники являлся общей нормой, установленной эпохой, и не варьировался в зависимости от оперативных задач. Единственным исключением являлась осада большой крепости; для этой задачи имелся особый ассортимент техники в виде осадного артиллерийского и инженерного парка. В основном же все оперативные цели полагалось достигать помощью войск в составе трех родов оружия, в процентном отношении, установленном с эпохи Наполеона I, при небольшой добавке саперов и понтонеров.

Первая робкая попытка пробить традиционное отношение к технике была сделана русскими. На полях сражений с турками в 1877 г. пехота впервые оказалась снабженной лопатами, и русским войскам постоянно приходилось атаковать турок в окопах, против которых огонь легких орудий оказывался малозначачим. Поэтому как только сильно взрывчатые вещества — пироксилин, мелинит — были применены для снарядов осадной артиллерии, у Драгомирова возникла мысль использовать 15-см калибр с пироксилиновыми бомбами в полевой артиллерии для повышения наступательной способности войск. Следствием этого было включение в русскую армию первой тяжелой артиллерии — не-

скольких десятков батарей 15-см полевых мортир образца 1885 г. Но этим первым шагом все и ограничилось. Ни количественно, ни качественно эта тяжелая полевая артиллерия не развивалась; ко времени войны с Японией образец полевой мортиры, имевшей дальность только в 1,5 км, решительно устарел.

В нашем представлении техника является одним из основных элементов оперативного искусства, и технические мероприятия подчиняются общему и, пожалуй, единственному закону стратегии и оперативного искусства, гласящему, что при достаточной грамотности и политической ориентировке корень огромного большинства оперативных и стратегических ошибок заключается в полумерах. Центр тяжести оперативного, как и политического решения заключается в темпах напряжения. Даже небольшое отступление от надлежащего темпа, почти незаметный в начале уклон, с развитием операции приводит к все большим столкновениям с действительностью и в результате губит все дело. Еще Гете подчеркивал эту опасность:

“Но сильнее открытых, разгневанных сил

Этот тайный соблазн полдороги”...

Царская русская армия в вопросе тяжелой полевой артиллерии, как и во многих других благих начинаниях, остановилась на половине пути, что и привело ее к тяжелым неудачам. Иначе поступил через 15 лет начальник прусского генерального штаба Шлиффен, подойдя к тому же вопросу. Он пришел путем ряда тщательно поставленных опытных стрельб к тому же выводу о бессилии легких калибров против окопов, что и Драгомиров под Плевной. А между тем европейские театры войны становились тесными для расплзшихся фронтов миллионных армий; возможности обхода и охвата с каждым годом суживались. Надо было сохранить возможность овладения укрепленной позицией фронтальным наступлением. Буры показали, что даже при отсутствии сносных дорог можно перевозить самые тяжелые образцы орудий среднего калибра; даже при воловой запряжке тяжелые орудия буров совершали переходы в 50 км. в сутки. Преодолевая ожесточенное сопротивление артиллерийских кругов Германии, Шлиффен провел полностью введение в состав германской армии мощной тяжелой полевой артиллерии. Каждый корпус получил 4 батареи — 16 скорострельных гаубиц 15-см калибра. И чтобы эти гаубицы могли полностью использовать свою мощь, он их

снабдил таким хвостом из зарядных ящиков, который в походной колонне растягивался на 9 км — почти столько же, сколько занимали зарядные ящики 144 легких орудий корпуса. Это удвоение массивности артиллерии корпуса, с точки зрения консервативно настроенных офицеров, являлось величайшим тактическим посягательством, и Шлиффену пришлось поставить на карту весь свой авторитет. Мероприятие проводилось совершенно явно, но оно казалось столь дерзким, что соседи отказались следовать по обычному пути подражания. Россия двинулась по этому пути лишь с большим запозданием, Франция перед мировой войной делала только первые шаги. Но Шлиффен использовал технику как средство в истинном соотношении с оперативной целью, и германская армия в течение двух первых лет мировой войны собрала обильные плоды этого мероприятия <...>

Сама мировая война являет поразительное зрелище соревнования техники. Однако остатки механистических воззрений на оперативное искусство еще прочно держались в головах военных вождей на обеих сторонах, и надлежащее оперативное использование техники не имело места. Техника заявляла уже свое стремление к достижению оперативной цели, в данном случае к преодолению позиционного фронта, но не встречала еще того доверия со стороны оперативных руководителей, которое было совершенно необходимо для того, чтобы не застрять на полпути. Та же техника вскоре находит средства противодействия новому техническому средству поражения. Поэтому внезапность, выигрыш времени, которые законно играют столь выгодную роль в оперативном искусстве, имеют особо важное значение для того, чтобы техника возвысилась до степени решающего элемента. С этой точки зрения с техникой в мировую войну обращались безобразно. Германия решила использовать, как средство поражения, ядовитые газы. Обстановка для этого была наиболее мыслимо выгодная, так как противник не имел никакого представления о химической войне и не располагал никакими противогазами. Ничто не препятствовало к тому, чтобы подготовиться и сразу отравить добрую половину неприятельского фронта. Германское же командование решило произвести опыт на участке двух английских дивизий под Ипром. Это был именно опыт, а не серьезное дело, так как никакой крупной операции здесь не полагалось, и успех уничтожения неприятельского сопротивления и паники

на значительном участке не намечалось немедленно использовать. В результате две дивизии были отравлены; затем удалось отравить еще десять тысяч русских под Болимовым, далее игра продолжалась с равными шансами на обеих сторонах.

Такая же недооценка техники, рассмотрение ее вне оперативного искусства, имела место и со стороны Антанты, выдвинувшей танки, как новое оружие, чрезвычайно подходившее для преодоления проволочных заграждений — главного устоя позиционного фронта. Антанта проявила здесь такую нерешительность, дебютировала такими опытными шагами, что у немцев даже сначала создалось представление, что танки — демонстративная, несерьезная затея. Конечно, под Камбрэ в конце кампании 1917 г. танки достигли блестящего успеха, но этот успех был мимолетным, так как выступление танков было приурочено к окончанию операций: поработали, теперь побалуемся. Единственное значение этого сражения было серьезное предупреждение немцам, чтобы они позаботились о противотанковой защите завели бы крупнокалиберные ружья и бронебойные пули для пробивания танковой брони, выделили бы для этой цели специальные пушки, расположили бы на опасных подступах фугасы и непреодолимые для танков препятствия и т. д.

Несмотря на громадные технические достижения, мировая война была решена не техникой, а громадным материальным перевесом, истощившим силы сопротивления Германии. В мировой войне техника не заняла еще подобающее ей место, так как она включалась в оперативный маневр не сразу, а лишь после долгого прохождения опытного периода. Техническая инициатива вынуждена была пробивать себе дорогу снизу, сквозь стену недоверия, а не являлась сознательным элементом оперативного руководства. К концу войны техника была представлена очень обильно, и десятой ее доли в более ранние моменты войны было бы достаточно, если была бы ясно осознана необходимость установления соответствия оперативной цели и технических средств.

Техническая операция

Крупнейшей заслугой покойного т. В. Триандофилова являлась работа над смычкой техники и операции. Он трудился над разработкой норм технического обеспечения операции прорыва в условиях нашего Западного фронта. Можно не соглашаться с ря-

дом цифр и выводов, к которым он первоначально пришел и в которые он, несомненно, сам ввел бы существенные поправки. Но полный отказ от механистического подхода и всесторонний учет техники, как основного элемента операции, господствующий теперь в Красной армии, свидетельствует о том, что его труд не прошел бесследно. Операция теперь мыслится прежде всего как сложный технический маневр, успех которого зависит от удачного сочетания во времени действий артиллерии, авиации, танков, пехоты и конницы. Техника позволяет добиваться и при прямолинейных непрерывных фронтах охвата и даже окружения. Современная операция проникнута техническим элементом. Опасность остановиться на пути, погрешить в темпах использования новой техники осталась далеко позади. Очередная задача — найти наиболее гибкие формы пользования техникой, полностью учитывающие противника, театр военных действий и данную обстановку. Оперативная цель всегда конкретна, и такими же конкретными, в точности ей соответствующими, должны быть избранные технические средства. Установление какого-либо общего шаблона, малейший намек на объявленный технический ассортимент совершенно нетерпимы. Работа по любому шаблону, не учитывающая особенности конкретного случая, не может не представлять настойчивого нагромождения полумер, массового производства небольших уклонов от действительно нужного в данной операции, и с развитием операции можно быть уверенным в том, что эти уклоны вырастут в чреватые последствиями ошибки. Новая роль техники не должна пониматься как максимальная нагрузка войск всеми средствами техники. Когда-то встречались бродячие музыканты, пытавшиеся в одном лице изобразить целый оркестр: в руках скрипка, во рту — пищик, на голове колпак с бубенцами, за спиной, приводимые ногой в движение, тарелки и турецкий барабан. Это отнюдь не эмблема будущего военной техники. Существенное — строгое согласование используемой техники с поставленной оперативной целью. Нельзя закрывать глаза на трудности этого согласования, требующего равно глубокого понимания и техники, и оперативного искусства. Технический минимум знаний, требуемый ныне от оператора, разрастается чрезвычайно пышно, но необходимо, чтобы и техники, имеющие соприкосновение с вопросами обороны, также широко прикоснулись к вопросам оперативного искусства. По-

следнее должно еще значительно подрасти и хотя бы немного позаботиться о своей теории, которая во всех армиях мира еще не вышла из детского возраста.

Будущая война

Картину будущей войны почти невозможно представить сколько-нибудь достоверно. Трудно предугадать последствия использования даже хорошо изученных новых образцов вооружения. Конечно, достаточно формальной логики и четырех правил арифметики, чтобы попытаться подсчитать прямое воздействие данного техникой нового образца. На таком-то удалении, столько-то поражающих пуль или осколков в единицу времени на погонный метр фронта или такая-то плотность отравляющего вещества на такой-то площади. Но развитие техники имеет свою диалектику, и каждое техническое средство, кроме непосредственного воздействия, оказывает и весьма существенное косвенное влияние, производя сдвиг в условиях применения всех других средств техники и тем вызывая новые, в большинстве непредвиденные последствия. Введение походных кухонь преследовало заботу об улучшении существования солдата на войне. Но создав возможность питания солдата во время боя, походная кухня тем самым весьма существенно содействовала зарождению современных многодневных или даже многонедельных боев, которые особых удобств для солдата не составляют. Пулеметы преследовали цель создания при обороне неуязвимого фронта, но тем самым они расширили фронт настолько, что прорыв, являвшийся до того исключением, стал почти единственным способом ведения наступательного боя. Распространение скорострельной артиллерии имело неожиданные последствия в виде замирания ружейного огня, который в мировую войну не имел и десятой доли той интенсивности, как в предшествующие войны, и который стал применяться только в моменты отражения штурма. Развитие танков сделало из этого средства преодоления проволочных заграждений позиционной борьбы архиманевренное средство. Военная химия явилась как средство преодоления позиционного фронта. Но в настоящее время, когда многие армии готовятся применить ее в масштабе, превосходящем в десятки раз конец мировой войны, отравляющие вещества могут оказаться существенной помехой для сохранения войной маневренного характера.

Решительный упор на авиацию, отмечаемый во многих армиях в последние годы, по толкованию некоторых авторитетов, может привести к тому, что борьба наземных войск замрет в позиционной форме, а маневрирование и решительные удары по важнейшим центрам отойдут в воздушную стихию. Автомобиль в мировую войну прекрасно ужилась как позиционное средство. Быстрое сосредоточение резервов обороны, перевозимых на автомобилях, парировало все попытки перевести борьбу на рельсы маневренной войны.

При этом тот или иной успех техники находится в самой тесной зависимости от человеческого материала воюющих армий, а следовательно от хода классовой борьбы в различных странах. Крупнейшие успехи английских и французских танков в августе и сентябре 1918 г. к концу мировой войны объясняются прежде всего развитием пораженческих тенденций в германской армии. Те же французские танки, прибыв к белым на фронт гражданской войны, произвели на Красную армию отнюдь не уничтожающее впечатление и очень скоро стали трофеями. Можно предвидеть различные судьбы отдельных отраслей техники в зависимости от того, на каких театрах и в каких политических условиях разыгрывается будущая война. Азиатский театр с его просторами, слабым развитием дорог, безлюдными местами, тайгой и недостаточно исследованными горами резко отличается от европейских.

Пожалуй, наиболее характерное и общее в современном техническом развитии буржуазных армий является стремление к централизации наступательной техники и к децентрализации оборонительной. Во всех буржуазных армиях основные козыри военной техники не распределяются по массе войск, а образуют особую категорию резерва главного командования. Это обстоятельство вытекает из необходимости различной дозировки войсковых группировок отдельными техническими средствами в зависимости от стоящих перед ними оперативных задач. Организационная централизация мощной артиллерии, танков, авиации, особо подвижных частей приводит и к централизованному руководству введением их в бой. Последнее вытекает и из широкого района воздействия новейшей техники: чтобы полностью его использовать, нельзя подчинять новейшую технику интересам отдельных участков, и необходимо руководить ею в рамках общего плана. Таким образом, новая техническая эра оперативного ис-

куства привела к реорганизации методов управления. Тенденция XIX века — общие, не стесняющие исполнителей директивы, план, сокращенный до минимума, до указания отдельным начальникам подчиненных им войск и предоставляемых им участков территории, широкое обращение к инициативе подчиненных, в значительной степени оказалось под натиском требовавшей централизации техники, сданной в архив. В мировую войну мы уже наблюдаем значительно более жесткое управление сверху, далеко идущую подготовку операции, проработку плана во многих деталях.

Но такая централизация, вытекающая из требования маневра техники, не может, конечно, распространяться на средства противодействия авиации, танкам, химии. Без известного минимума противотанковых и зенитных средств войска являлись бы безоружными перед лицом противника, являлись бы не субъектом боевых действий, а только поставленным под избиение объектом, мишенью, поэтому в буржуазных армиях уже небольшие организационные ячейки, в пределах батальона, обильно снабжаются оборонительной техникой. Народилась батальонная и полковая артиллерия, а с ней и известная самостоятельность пехотных группировок, которой они не имели к началу мировой войны. Но здесь сказываются и ростки принципиально нового.

Сплошной фронт на сотни километров порожден ростом новой техники, и прежде всего автоматического оружия. Но дальнейший рост породившей его техники грозит обратить сплошной фронт в фикцию. Перед лицом современной наступательной техники — сотен мощных орудий, готовых забросать любой участок фронта тысячами тонн металла и взрывчатых веществ, быстроходных, преодолевающих все препятствия и хорошо бронированных танковых масс, грозящих глубоким прорывом на сотню километров в тыл, и в особенности авиации, могущей прервать все сообщения атакованного участка с тылом и остановить подход резервов и подвоз боевого снабжения, полоска сплошного фронта, на которой, на глубине в 6-10 км. разбросаны отдельные очаги сопротивления с легкой оборонительной техникой, представляет ее более чем хрупкой. Неуязвимость, неразрывность сплошного фронта уже сейчас существует только как иллюзия, готовая рассеяться с первыми боями будущей войны. Воздействие техники, создавшей неодолимые позиции мировой войны,

уже назрело для того, чтобы перейти в свою противоположность, привести к крайне маневренным формам боев, раскинутых на большую глубину; операция грозит принять формы пространственной свалки техники, в которой само понятие фронта потеряет всякий смысл, так как сражающиеся части образуют переплет в несколько слоев.

Отсюда в буржуазных армиях наравне с высочайшей централизацией и готовностью к планомерному руководству каждый современный штаб корпуса и даже армии готовится не только к отражению налета авиации и к бою с прорвавшейся механизированной частью противника, но и к тому, чтобы создать островок сопротивления против вынырнувшего партизанского десанта. И еще более подавно к созданию такого острова готовится каждая батальонная ячейка фронта. Подготовка к этому производится заблаговременно. Поэтому, в сущности говоря, сплошной массив фронта, в виде непрерывных укреплений, теперь уже не возводится.

Тактика обороны, в предвидении худшего, сама устанавливает искусственные трещины, складывая фронт из отдельных батальонных островов, с известными промежутками между ними.

Маневр современной техники таким образом основывается на синтезе двух противоположных тенденций: вызываемых ею необходимостью в высочайшей планомерности ее применения и вызываемой ею величайшей анархии в районе операции. Отсюда техника ставит войскам и командирам такие высокие требования, которые раньше были неизвестны. Типичный бой будущего — схватка в окружении, когда противник будет со всех сторон и сверху, воздух будет отравлен и сама земля может быть минирована, и сколько-нибудь точные представления о расположении своих и неприятеля будут утрачены. Высшие достижения в военной технике вновь переносят центр тяжести на человеческий материал, на его сознательность и преданность знаменам, под которыми он сражается.

От конкретных условий будущей войны, от степени встреченного сопротивления, от решительности преследуемых наземными войсками оперативных целей во многом будет зависеть, какая из тенденций техники, полностью включенной в операцию, планомерность или анархия, возьмет верх. Но противник, рядов коего хотя бы слегка уже коснулось политическое разложение, перед

лицом современной операции, планомерно ведущей к созданию анархии на поле сражения, будет иметь только один выход — поспешное отступление, несмотря на весь связанный с ним ущерб.

Техника ныне ведет маневр. Мы попытались наметить его перспективы.

Фронт науки и техники. - 1934. - № 7. - С. 35-41.

Авиация и массы

<...> **А**виация в будущей войне будет играть роль, принципиально отличающуюся от роли ее в мировую войну. Боевое прошлое авиации отмечает известные достижения: она помогла своим войскам, вела разведку, фотографировала окопы, пристреливала батареи, мешала противнику, бросала бомбы, обстреливала из пулеметов. Но авиация еще являлась только придатком к сухопутным и морским вооруженным силам. Войска пользовались услугами своей авиации, терпели от авиации неприятеля, прятались, маскировались, несли потери, но в общем продолжали гнуть свою самостоятельную линию. Эволюция авиации в мировую войну шла своим самостоятельным путем; для истории военного искусства авиация мировой войны являлась почти только эпизодом, не отражавшимся существенно на синтезе военного искусства.

В настоящий момент авиация выросла из этих рамок и является не только могущественным орудием войны, но и существенным элементом военного искусства, находящимся в тесной связи с прочими и определяющим пути их развития.

В каком направлении надо ожидать воздействия авиации на оперативное искусство?

При не слишком глубоком анализе гражданской войны на первый план выделяется один элемент маневра — сосредоточение плотной ударной группы. При средней плотности фронта, достигавшей только 50 бойцов на километр фронта, сосредоточение на любом участке группы с плотностью в 800 бойцов на километр давало самые решительные результаты, и все оперативное искусство сводилось к умению предупредить неприятеля в сосредоточении такой ударной группы на важном направлении. Коли-

чество, собранное в ударной группе, почти автоматически переходило в качество решительного оперативного превосходства и обеспечивало на данном участке крупный скачок вперед.

Переход этого количества в качество не может быть, однако, возводим в доктрину без тщательного анализа. Переход от 800 к 3000 бойцов на километр может уже дать менее заметные результаты, чем переход от 50 к 800 бойцов; переход от 3000 бойцов на км к 10000 ставится нами под сомнение, а переход от 5000 к 20000 бойцов на километр рисуется нам уже как верное поражение, как лишение своих войск возможности использовать оружие, как постановка их в условия окружения, как игра в поддавки, которую вел под Каннами Теренций Варрон против Ганнибала. Ведь Варрон бил также за ударность, за повышенную плотность узкого фронта!

С ростом авиации этот полезный предел перехода количества в качество понижается, а шансы на катастрофу массивных оперативных группировок увеличиваются. Военная история будущего даст нам примеры воздушных Канн. Под Каннами, в общей формулировке, надлежит понимать не только окружение, вытекающее из двойного охвата, но и всякую постановку одной стороны в положение, в которой она, по недостатку пространства, оказывается в невыгодном положении для использования оружия и попадает в беспомощное положение; всякое избиение оперативных младенцев является, по существу, Каннами. Мольтке говорит о гнусности сосредоточения перед боем; теперь придется говорить и о гнусности сосредоточения во время боевых операций.

Мы отнюдь не являемся сторонниками малых профессиональных армий. Надо занимать широкий фронт поперек всего театра военных действий и надо иметь свои силы достаточно глубоко эшелонированными. Но убежденный сторонник большой армии отнюдь не обязан не понимать все трудности, связанные в настоящее время с архимассивным сосредоточением. Начальники оказываются связанными по рукам и ногам, комкоры получают размах деятельности командира полка, концентрированные массы утрачивают мобильность, становятся крайне уязвимыми для неприятельских нападений, почти беспомощными; пехотинец, чтобы жить в этом скоплении людей и животных, должен переоснарядиться и навесить на себя двухлитровую баклагу для воды; количество вспомогательных работ, необходимых для жизни

большого воюющего скопления, растет безмерно — и увеличиваются с ними и накладные расходы, в виде очень прожорливого и количественно возрастающего оперативного тыла.

Будущая война еще даст победу массам, но не концентрированным массам, а массам, умеющим наиболее организованно и рационально использовать свои составные элементы. Рациональное использование современного оружия требует возможно более широкого фронта. Фронт современной ударной группы в большой войне должен достигать 400 километров. По сравнению с ударом на фронте в 50 километров такое построение позволяет питать наш натиск в 6-8 раз большим количеством путей, во сколько же раз увеличивает количество местных средств, которые можно использовать, и количество закрытий и масок от нападения с воздуха. Неприятельские воздушные силы не только будут иметь объектом своих действий в 8 раз более широкий оперативный район, но и войска, имеющие в 8 раз больше возможностей укрыться и примениться к местности. Попадание каждой бомбы найдет в 8 раз меньшее количество зрителей, эффект уменьшится в сильной степени, станет возможным организованное противодействие, разумное использование дня и ночи, применение расчлененных походных строев.

Но и этим размещением ударной группировки по фронту нельзя еще удовлетворяться; надо ее эшелонировать в глубину. Надо добиваться, чтобы и оперативный эшелон, работающий в полосе глубиной до 3 переходов, в которой широкая колея восстановлена не полностью, включал в себя строго необходимый минимум сил для данного короткого отрезка времени. Было бы безумием сосредотачивать в этот оперативный эшелон все то, что необходимо для длительного наступления на сотни километров, для питания удара в течение месячного срока. Пополнения, второлнейные дивизии, резервная кавалерия и механизированные части, бездействующие в данный момент дивизии армейской артиллерии, всевозможные склады и учреждения должны находиться во 2-ом оперативном эшелоне, в достаточной глубине. Автомобиль, несомненно, призван играть большую роль в ведении военных действий, и весьма существенная ее часть заключается в том, что он допускает принимать более глубокий оперативный порядок, позволяет отбросить 2-ой оперативный эшелон на 3-4 перехода назад и открывает возможности быстрого взаимодейст-

вия между оперативными эшелонами. В различных условиях отношения между 1-м и 2-м оперативными эшелонами будут меняться. При длительной остановке, когда имеется возможность довести до хорошего состояния дорожную сеть в оперативном районе, вся армейская артиллерия может развернуться в 1-м эшелоне, а значительное количество стрелковых дивизий можно будет убрать назад; в период наступления, когда дорожная сеть оставляет желать многого и массовое автомобильное движение трудно осуществимо, 1-й эшелон будет втягивать подавляющую часть боеспособных частей пехоты, а артиллерийский резерв будет оставаться позади: армейское командование будет строго дозировать количество батарей, которые корпуса могут втягивать в еще не восстановленную окончательно в дорожном отношении часть оперативного района. Такая регулировка уже имела место; в сентябре 1918 года корпуса 4-й французской армии, при прорыве неприятельской позиции, получили разрешение наступать только с батареями, органически входившими в состав корпусов; армейское командование было озабочено не забивать уцелевшие после отхода германцев пути ни батареями, которых нельзя было питать снарядами, ни грузовыми автомобилями; в зависимости от успеха работ восстановительных дорожных отрядов армейское командование последовательно указывало предельные рубежи, за которыми грузовое автомобильное движение вовсе не допускалось; только насильственная задержка армейской артиллерии и автомобилей во 2-м эшелоне открыла возможность скольконибудь успешной работы дорожных отрядов в период наступления. Нельзя чинить дороги, не стесняя радикально движения по ним — это наступающий должен отчетливо сознавать.

Необходимость глубокого эшелонирования заставит, вероятно, отказаться от нарезки узких дивизионных участков. Что такое в действительности дивизия, развернутая на фронте в 1,5-2 км? Это — по меньшей мере — три смены пехоты, расчет на 5-7-дневную непрерывку боя. Давление с воздуха, необходимость очистить ближайший тыл от всех не строго необходимых частей заставит, вероятно, чаще сменять дивизии, несмотря на все связанные с этим неудобства, и отводить дивизиям, усиленным при наступлении армейской артиллерией, участок не менее 5 км по фронту.

С точки зрения современного оперативного искусства, особенно пагубной рисуется ошибка, сделанная Наполеоном в 1812 году: Наполеон, имея против себя не больше 200000 русских войск, повел в первом своем эшелоне массу свыше 400 тысяч бойцов; Наполеон озаботился создать себе сразу такой огромный перевес, чтобы его хватило до конца наступления, нацеленного на Москву. При превосходстве тактической подготовки французских войск Наполеон мог получить колоссальные оперативные выгоды от разделения Великой армии на 2 эшелона. Крах, постигший Наполеона в Москве, в значительной степени объясняется трудными условиями жизни, снабжения и движения, в которые он поставил свои архисосредоточенные войска, шедшие от Смоленска часто по одной дороге. Идея смены была вовсе чужда Наполеону; сосредоточение, ударность, в ущерб возможности накормить, расквартировать, даже напоить войска, были у него на первом плане.

В настоящее время, при революционизирующем влиянии авиации, оперативное наступление относительно равномерно должно расползтись на большом расстоянии по фронту и в глубину; сковывающие и ударные оперативные группы найдут себе преимущественно применение лишь в материковом масштабе — например, ударная группа — театр войны южнее Полесья, сковывающая — севернее.

Наши утверждения, может быть, ужаснут людей, видящих в оперативном искусстве только простую арифметику: не сводится ли к нулю искусство, не подозреваются ли нами в основе предпосылки наступления, если мы не видим в будущем сосредоточения кулака, решающего все вопросы вооруженного фронта, если мы исключаем даже удар трех-четырех наших дивизий на одну неприятельскую? Мы уже и не говорим о том шестикратном превосходстве над неприятелем, которое считает необходимым А.Коленковский для того, чтобы обеспечить суточное продвижение свыше 12 км, как будто тесно сомкнутая масса является наилучшим скороходом...

Подобные возражения уже занимали в XIX веке почетное место в дискуссиях по тактике. Стрелковая цепь и разомкнутые строи даже представлялись защитникам реакционных течений как покушение на самые основы тактического искусства. Как! Убрать с поля сражения сомкнутые строи, отказаться от боевой

колонны — воплощения кулака, предоставлявшего легкую возможность противопоставить одному неприятельскому бойцу 10-15 своих! Не было ли это призывом действовать растопыренными пальцами; не означало ли это отказа от воздействия командования на ход боя; не было ли это равносильно отрицанию использования численного превосходства; не являлось ли сомнением в самой возможности наступать?

Только подлинный ход событий, подлинная действительность современного боя смогли опровергнуть эти возражения. Колонна чужда современным тактическим представлениям: сомкнутые строи конфузились при каждом появлении на полях сражения второй половины XIX века и исчезли вовсе из сферы боя в XX веке; и однако, содержание тактики не стало более бедным, тактическое искусство поднялось на большую высоту, наступление сохранило свою силу, бой в разжиженных стрелковых цепях не упразднил значения масс.

Тактическая колонна убрана вместе с прочим хламом с подмошков истории в музей военного искусства; очередь теперь за оперативной колонной — тараном; в архиве для него приготовлено уже почетное место. Попытка модернизировать архивное состояние по существу своему безнадежна. Основная, генеральная линия эволюции военного искусства за последние 70 лет, с развитием техники нарезного оружия, заключается в расширении вооруженного столкновения в пространстве и времени; это расширение достигло таких пределов, что самый термин — сражение утратил свой смысл и заменился понятием операции. Теория тарана представляет кривотолк, пытающийся сохранить в условиях XX века наполеоновское сражение начала XIX века на узком фронте. Но ход эволюции военного искусства мудрено объехать по кривой...

С точки зрения маневренной войны, таранная группировка является привидением, заимствованным из арсенала позиционной борьбы. Существует глубокое и не устранимое никакой техникой противоречие между таранной группировкой и мобильностью. Таран — это символ остановки, оцепенения, окаменения. Чем подлиннее наше стремление к маневру, тем дальше мы должны уходить в наших группировках от всего, напоминающего таран. Индустриализация страны, внедрение техники в армию не только ничего общего с идеей тарана не имеют, но находятся с ним в

зияющем противоречии. Может быть к тарану в будущей войне придется обратиться, но путь к нему лежит через область позиционной войны; было бы печально выдать самим себе аттестат в бедности, создавая через таран предпосылки позиционного сидения.

Идея оперативного тарана уязвима с очень многих сторон; такова судьба каждой попытки перевооружить наше мышление музейными экспонатами. Мы считаем особенно важным взять ее под обстрел с точки зрения успехов борьбы за воздух. Авиация в наши дни могущественно развивается и шагает вперед; немислимо предполагать такое направление в эволюции военного искусства, которое шло бы вразрез с успехами авиации и ставило бы земные войска в невозможное положение по отношению к возможному противнику. Военное искусство не может не считаться с авиацией, и всякая оперативная теория, отказывающаяся от учета ее достижений, очевидно, осуждена на провал. А развитие авиации несомненно должно сказаться на понижении плотности фронта. Максимальный полезный предел перехода количества в качество, исчисляющийся еще в конце XIX века в 10 тысяч человек на километр, теперь, вероятно, никак не превосходит 3 тысяч; и этот предел с каждым успехом авиации подлежит пересмотру в сторону его уменьшения; 1-й оперативный эшелон будет ослабляться в пользу 2-го; оперативная глубина будет возрастать.

Недостаточно, однако, было провалить тактическую колонну; потребовалась напряженная долголетняя работа, чтобы выработать тактические порядки, которые и без применения сомкнутых строев обеспечивали бы возможности наступления, сохраняли значение масс и допускали руководство ими. Мы располагаем известными, правда, не для всех ясными достижениями в тактическом эшелонировании масс в глубину. Но в оперативном искусстве разговоры идут только о ширине фронтов. Оперативное искусство еще многие понимают слишком линейно. Оперативное эшелонирование в глубину является еще загадкой. Процессы в тылу наступающего фронта изучаются только с точки зрения подвоза снабжения и эвакуации раненых; а между тем здесь может иметь место непрерывный кругооборот между первым и вторым эшелонами, сменяющий отработанные части пехоты и танков, видоизменяющий пропорцию и состав артиллерии и т.д. Наше оперативное искусство проходит молча мимо такого факта,

как смена сотни дивизий под Верденом. Мы забываем, что автомобиль создает новые предпосылки для более глубокого оперативного эшелонирования.

В настоящее время без внимательного учета воздействия могущественной авиации на оперативное эшелонирование исследование операции — не такой, которую хочет моя левая нога, а такой, к которой надлежит готовиться, — невозможно. Наши работники воздушного флота не выполнят своего долга, если они будут сосредотачивать свою исследовательскую работу только на узко авиационных вопросах и не примут самого энергичного участия в борьбе за разгадку общей оперативной тайны будущей войны.

Вестник Воздушного Флота. - 1930. - № 2. - С. 5-7.

Безмолвный фронт

В тактике мы недостаточно учитываем самое характерное для современного боя явление — исчезновение с полей сражения аппарата управления, начиная со штабов дивизий и выше. Из 31 прусского генерала, находившихся при армии в день сражения под Йеной (1806 г.), было ранено и убито, кажется, 17. А после боев у Воли Шидловской, Боржимова и проч. наша ставка получила в январе 1915 г. подсчет семидесяти тысяч убитых и раненых солдат и молодых офицеров; на эту внушительную статистику один из наших ответственных руководителей с досадой реагировал замечанием: “и нет ни одного раненого генерала”.

Я отнюдь не держусь каких-либо кровожадных взглядов по отношению к высшему командному составу; но мое внимание привлекло то новое явление, что высшие начальники уже не пользуются своим зрением не только в целях управления в бою, но и в целях своего тактического самообразования. Великие мастера в тактике, маршалы Наполеона, двадцать лет путешествовали по полям сражений, находились в полосе не далее тысячи шагов от неприятельского фронта, непосредственно наблюдали явления и кризисы боя, учились и делали заключения. Известная мысль о том, что “мул Евгения Савойского проделал двадцать походов и ничему не научился”, относилась только к стратегическому искусству; в тактике же нужно было быть слепым или во-

все лишенным способности рассуждать, чтобы, охватывая глазом все перипетии боя, не научиться сколько-нибудь рационально использовать боевые усилия войск. В настоящее время мул Евгения Савойского очень отчетливо рисуется нам и в тактике. Мы злоупотребляем выражением “фронт”. Быть на фронте — это иногда означает не приближаться к противнику ближе нескольких десятков верст. Тактики теперь играют, “не глядя на доску”, как говорят шахматисты.

Это явление — отрыв штабного аппарата от боя — впервые проявилось в русско-японской войне. Тогда молодежь — и я в том числе — зло издевались над боевыми наградами работникам штабных аппаратов за “Шахэ”, т.е. за то, что другие дрались в каком-то уголке сражения на р. Шахе. Но драма заключается совершенно не в том или ином распределении наград, а в том, что наша тактическая бюрократия потеряла контакт с боевым опытом. Еще под Севастополем и Плевной тяжелые ошибки в бою могли нас чему-то научить; а в XX веке мы тактически слепли. Наша солдатская масса представляет серое крестьянское море. Молодые командиры, Тушины, прапорщики, краскомы — это дети, это поколение, лишенное какого-либо тактического авторитета. Строевые части до сего времени меньше всего напоминали ячейки военно-научного общества. Инстинктивно фронт стремился приспособиться к новым условиям боя, но какой-либо тактической дискуссии на фронте не велось; если находили новые, удачные приемы, то они оставались достоянием полка. Обобщений не делалось; никто, пользуясь удивительным изобретением Гутенберга, не пытался размножить отчета о нем.

Паразит неспособен извлекать соков из неорганических веществ и живет из вторых рук, соками других органических образований; паразиту необходимо другое живое существо, которое выполнило бы предварительно какую-то черную работу для его питания. В XX веке наша старая армия представляла тактического паразита. После русско-японской войны мы, казалось, располагали самым богатым тактическим опытом, наша армия являлась единственной европейской армией, участвовавшей в современной войне. Результаты? Итоги? Вернувшаяся с полей Маньчжурии тактическая бюрократия могла похвастаться столь скудным уловом в области тактики, что наши профессора — Беляев,

Головин — могли из наших неудач почерпнуть только решимость отправиться на школьную скамейку в Париж.

Глубоко драматична история нашей тактики за последние двадцать лет; изучение маньчжурского опыта по переводам с немецкого, отказ от всякой самостоятельности тактического мышления, потеря способности к оригинальным оценкам новых явлений, потребность утверждать, что высказанная тактическая мысль представляет лишь пересказ учения западноевропейского авторитета; стремление подражать соседям даже во внешнем виде военно-научных трудов — в шрифтах, схемах, сокращениях слов; рекорд был побит сочинителем, выписавшим из Германии для обложки своего труда бумагу цвета танго, которую облюбовало для своих изданий берлинское военное издательство Митлера. Уже в 1911 г. я констатировал в докладе в петроградском обществе ревнителей знаний новое призвание варягов — вид “штунды” в военном мышлении...

В мировой войне в поездах-банных, позади русского фронта, люди с высшим образованием раздавали мочалу и мыло, а фронт оставался темным и безграмотным. Бюрократический армейский аппарат мог командовать, но он был бессилён отдать себе действительный отчет в том, что реально происходит на полях сражений. Потребность в новой тактике сознавалась; как могли удовлетворить ее высокие штабы, отрезанные от безмолвного фронта, и расстоянием в несколько сот верст, и непосильной преградой даже для современных технических средств связи — несколькими бюрократическими инстанциями? Что может быть обширнее тех технических экспериментов, которые происходили на русском фронте в 1914, 1915 и 1916 гг.? Но неспособные уяснить себе факты, бессильные произвести самостоятельную оценку, мы были вынуждены обратиться к военно-научному импорту через Мурман. В 1916 г. мы ввозили из Франции не только автомобили, аэропланы, пушки, но и тактические инструкции. При совершенно различных условиях на русском и французском фронтах, мы ориентировались через полгода в том, что делалось на французском фронте; в 1916 г. наша переводная официальная литература пропагандировала французские взгляды 1915 года, уже отброшенные во Франции, как не выдержавшие боевого испытания и не стоящие на уровне требований техники.

Тактический эксперимент отличается не только тем, что его нельзя воспроизвести, но и тем, что он пожирает тех участников опыта, которые могли бы дать самые ценные показания. Фронт естественно лишается “отцов”, своего кадрового состава младших начальников; частью они втягиваются аппаратом управления и тылом; другая же часть “отцов” в течение первых же месяцев войны находит случай изобразить мишень и открыть путь следующему поколению. Война, в особенности в русских условиях, имеет определенную тенденцию перейти в крестовый поход “детей”.

Кадровый состав много лучше сохраняется в артиллерии, которая подвергается в бою несравненно меньшей опасности, чем пехота; командир батареи на войне оставался кадровым офицером, принадлежащим к старшему поколению бойцов, и извлекал в бою наибольший опыт. Мы можем констатировать, что благодаря этому обстоятельству наша полевая артиллерия сумела многому научиться в Маньчжурии и сохраняла возможность самостоятельно совершенствоваться и в мировую войну.

В пехоте военно-образованными лицами, пригодными к тому, чтобы оценить и обобщить поученный опыт, были, в некоторой своей части, командиры полков. В русско-японскую войну полками командовали такие известные писатели, как А.М. Зайончковский и Е.И. Мартынов. В числе других и пишущий эти строки в течение 17 месяцев мировой войны командовал полком, и какое-то концентрированное боевое счастье сопутствовало мне. Но прорвать безмолвие фронта нам не было суждено. На протяжении 25 лет моей писательской деятельности эти полтора года представляются единственным перерывом, когда я не держал в руках пера; а между тем, я положительно ступал по ценнейшим наблюдениям, я захлебывался в выводах, и никогда армия так не нуждалась в установлении и освещении ее тактического опыта. Полк получил несколько запросов, в виде художочных анкет; полковой адъютант без затруднения дал ответы по этой убогой программе.

Я не виню ни себя, ни других за это молчание. Оно было вынужденным. В условиях нашей тактической бюрократии никто наверху не нуждался в том, чтобы его учили снизу, из строя. Свидетельства собирались лишь в двух случаях: в случае судебного расследования при крупном тактическом скандале, и как приложения к представлению на георгиевский крест. Чтобы ни сказал

голос фронта, это была реляция, самопрославление; чем образованнее был командир, представлявший реляцию, тем опаснее считалось верить ей, так как искажения, связанные с похвальбой, могли быть искуснее замаскированы. Тут был какой-то неписанный договор: составителям реляции разрешалось вставлять в них вздор, который мог ублажать их фантазию, врать, сколько угодно, о горах навороченных неприятельских трупов и т.д., а старшие оставляли за собой право не верить ни одной букве отчетов о бое. Если все, что вы не заявите, будет рассматриваться как реляция, будет встречаться с неизбежным скептицизмом, то единственно достойная для вас позиция — это позиция молчания.

Запад нас превосходил прежде всего тем, что там умели получать вести из боевой части. Особенно это заметно у англичан; в английской армии, по-видимому, господствовало неизвестное у нас уважение к официальной корреспонденции о бое; офицеры в боевой атмосфере чувствовали себя в той же мере связанными требованиями правдивости, как и в обыденной жизни; отчеты о бое составлялись деловым языком и сейчас же обрабатывались для получения деловых выводов; цифры в этих отчетах были возможно близки к действительности. Английский офицер не мог стать на рельсы барона Мюнхгаузена уже потому, что в строю находилось достаточно грамотных, сознательных свидетелей; в ротах были стрелки со средним, а то и с высшим образованием; обстановка культурного народа создавала и на поле сражения деловые условия. Плохо обученные английские полки порой дрались неважно, но между аппаратом управления и фронтом не было пропасти, и штабы знали, что реально происходит на фронте. На западе бытие в бою определяло тактическое сознание. Мы представляли трагическое исключение.

Мы много сейчас пишем о материалистическом подходе к тактике, о механизации боя и т.д. Мне кажется, первым шагом нашим вперед должно быть создание деловой атмосферы на поле сражения. Нужно заполнить разрыв между нашим тактическим сознанием и тактическим бытием, имеющим глубокие корни в русской почве; нужно создать на поле сражения тактическую демократию, тактическую авторитетность фронта; боевая часть должна включать в себя способные и подготовленные к энергич-

ной критике элементы правящего класса; должны быть созданы условия, в которых штабной аппарат способен был бы отдавать себе отчет в реальностях боя, и не только учить и указывать, но выслушивать и порой учиться у фронта. В этом отношении требуются большие сдвиги. Наше тактическое мышление замуровано в очень глубокие подвалы и вытащить его оттуда не так легко.

Моя критика направлялась до сих пор на старую, царскую армию, и мне могут ответить, что Красная армия не унаследовала этого тактического отрыва штабов от строя и лечиться ей нечего. Это неверно.

Обратимся к действительности. Посмотрим, что говорят и пишут о гражданской войне. В огромном большинстве освещаются оперативные вопросы. В них штабы всегда компетентны. Оперативные передвижения оставляют обильный след в делах штабов. О них, однако, участники гражданской войны могут писать лишь с такими же основаниями, как и лица, не покидавшие столицы. Да, в сущности, есть ли разница между кабинетом в Москве, Минске, Харькове или Омске? У письменных столов всюду или четыре ноги, или две колонки, а дела всегда заключаются в универсальные обложки. А где же тактика гражданской войны, где документы и впечатления с полей сражения? Что там происходит в действительности? Деловая атмосфера стремится найти точное отражение в цифрах — ширина фронта, количество бойцов, количество пулеметов, количество израсходованных патронов, потери, результат действия нашего огня, точные даты и т.д. Где эти цифры и указания? В статьях польского полковника Кукеля о боях под Волочиском, которые мы перепечатаем, даже не сверяя с имеющимися документами красного архива?

Послушаем наши лекции по тактике. Их читают, вероятно, потому что гоголевского портного из Парижа и Лондона. Они поражают прежде всего своей мозаичностью. Мы в тактике уже давно отказались от логики, от широких, охватывающих точек зрения, может быть, вообще, от точки зрения. Поразительна наша робость мысли, боязнь сказать свое слово, боязнь изложить, как рисуется дело самому автору. Вместо этого — наводнение цитат самых сомнительных авторитетов. Научная работа в тактике понимается исключительно как компиляция. Старые формы, утратившие свое идейное содержание, живут. Какие разрослись анфилады бесчисленных и ничего не говорящих пунктов, маски-

рующих водобоязнь к самостоятельному суждению! Гуляют какие-то моды из Парижа и Лондона, и можно прослыть оригиналом, чудачком, фармазоном за самую скромную попытку критического к ним отношения.

Суворову приписывают мысль: “Артиллерия скачет, куда сама хочет”. Эта мысль отражает сразу и незнание с артиллерией, неумение распорядиться ею рациональным образом, и презрение к технике со стороны вождя настоящих солдат — пехотинцев и конников. В настоящий момент нельзя отрицать значения техники, и чем большее значение мы ей придаем, тем крепче должен ее в руках держать общевойсковой начальник. Поскольку техника выходит на первый план, равняется по своему значению с пехотой, постольку общий начальник должен распространять на нее ту же самую диктатуру, которой издавна пехота была подчинена. А ведь мы видим, что единая кафедра тактики разбилась на бесчисленные кафедры технических специальностей, идущие своими особыми путями; мы слышали, что если раньше общевойсковой начальник играл роль самодержца, то теперь он обратился в конституционного монарха, обязанного считаться с голосом представителей каждой специальности. И каждый специалист будет настаивать на выгоднейшей для себя партии. А кто будет исполнять невыигрышные номера, которые так безжалостно выдвигает на войне неумолимая действительность? Правда, говорят о праве специалистов лишь на совещательный голос при установлении плана сражения, — что-то вроде булыгинской думы.

В Москве недавно существовал Персимфанс — может быть, существует и теперь. Первый симфонический ансамбль был славен тем, что представлял оркестр без дирижера. Кому не приходилось бывать на тактических заседаниях? Мне всегда настойчиво приходит в таких случаях мысль о тактическом Персимфансе, как о каком-то безответственно плавающем среди нас идеале.

В тактике, как и всюду, специалист представляет центробежное начало; палочка дирижера рисуется ему как враг внутренний; и как мы дали ей ослабеть на теоретических позициях. Какая мозаика в тактическом оркестре!..

Но не будем судить об армии по преподаванию теории; обратимся к практике. В чем суть материалистического излома тактики? При низкой производительности человеческого труда культура невозможна без жестокой эксплуатации, без рабов. Паровая

машина заменяет раба, позволяет щадить человека. Суть материального сражения заключается в том, что явилась возможность заменить рой посылаемых в атаку человеческих ядер градом снарядов; разрешились первые линии пехоты, выставяемые на убой, за счет применения автоматического оружия. Пехота стала малочисленнее и расценивается дороже; вместо человека, при первой возможности, неприятельскому огню начали подставлять танк, броневой поезд. Пехота, ранее самый дешевый род войск, получает все более сложные машины ближнего боя, снабжается броней и самоходами; вся мировая промышленность работает, чтобы облегчить ее бесконечно трудные задачи. Материалистический излом в тактике отмечается прежде всего тем, что изменилась расценка значения пехоты в тактике относительно материальных затрат: на весах тактики мы готовы отпустить теперь, для облегчения работы пехоты, в десятки раз больше снаряжения и боевых припасов, чем до мировой войны. Ставки на массовый натиск грудью машинизированная тактика не делает; пехотинцы перестают быть париями.

С этой точки зрения одним из высших проявлений материалистического понимания тактики я готов считать приказ Ауфенберга об отступлении после боев под Рава-Русской (конец Галицийской битвы в 1914 г.). Ауфенберг, находясь в угрожаемом положении, решил спасти кадры своей армии и запретил хотя бы одному батальону задерживаться и вступать в арьергардный бой для облегчения отхода обозов. Мы не взяли вследствие этого приказа в плен ни одной войсковой части Ауфенберга, но при преследовании наскочили на тысячи брошенных австрийцами повозок со всяким добром. Мне пришлось говорить с солдатом, воображение которого было поражено несколькими сотнями пудов хорошего кофе, которые он видел в повозках, сброшенных в шоссе канаву; это было самое сильное его впечатление из Галицийской битвы.

Этому материалистическому пониманию можно противопоставить совершенно иное отношение к пехоте, сложившееся в Маньчжурии. Из 24-х пушек, участвовавших в бою под Тюренченом, мы потеряли вследствие обстоятельств и неудачной организации боя 22 пушки. Почти такие же потери в орудиях мы понесли под Вафангоу. Итого в двух проигранных сражениях мы потеряли материальной части на миллион золотых рублей. По

своей ценности потеря в этих боях равнялась стоимости 5-8 часов войны. Казалось бы, что с этой потерей можно было бы вовсе не считаться. Большой враг всего русского, швейцарский военный агент в Ляояне, наблюдая поезд, который привез в Маньчжурию новую русскую батарею, воскликнул: “Вот и еще везут трофеи для японцев”. За неуместное и недипломатическое выражение своих мыслей швейцарский наблюдатель был немедленно удален с театра войны на родину. Но он был прав: в Маньчжурию дальше прибывали не батареи, не материальная часть, которую можно бросить в гущу боя и подвергнуть всем случайностям судьбы, а именно трофеи. Пушка перестала быть для нас боевой машиной, а стала святыней, знаменем, эмблемой, искусство обращения с которой прежде всего должно исключить возможность ее потери, захвата врагом. Артиллерия стала занимать позицию глубоко в тылу; при малейшем колебании на фронте боя начальство сейчас же начинало заботиться о спасении батарей. Японская пушка была вдвое слабее и хуже нашей, но она ставилась в версте за фронтом и простреливала наш фронт на четыре версты; а великолепная русская пушка ставилась в четырех верстах за фронтом, простреливала японские позиции только на 1-2 версты и в решительные минуты боевого кризиса исчезала. Это был идеалистический взгляд на артиллерию, которому мы во многом обязаны нашими поражениями в Маньчжурии, оставивший самый печальный осадок в нашей пехоте, вынужденной без артиллерии вести ряд тяжелых арьергардных боев. Трофеи лучше оставлять в центре, в музеях, а не возить их за собой на поля сражений...

Этот идеалистический взгляд на артиллерию неизбежен, если аппарат управления тактически незряч, если фронт безмолвен, если он представляет сплошную серую массу неграмотных и несознательных крестьян, с которой не считается тактическая бюрократия. А свободны ли мы были в гражданской войне от маньчжурских грехов?³⁹

---

³⁹ Дальнейшие замечания не относятся к красной коннице, аппарат которой не оторвался от войск, играл в тактике, глядя на доску, и потому оказался способным к быстрому тактическому развитию. Конный фронт не представлял серой, безмолвной массы.

Отношения в армии ярче всего обрисовываются в моменты сильного кризиса. Возьмем сильнейший кризис, который переживала Красная армия — поражение под Варшавой.

К вечеру 16 августа выяснилось наступление поляков на 8-ю дивизию. Около 9 час. утра 17 августа выяснилось из донесения начдива 8 стрелковой, что 8 стрелковая дивизия “как управляемая единица” уже исчезла и что ее начальник “озабочен в настоящий момент лишь спасением ее тылов и обоза”. Мы, однако, знаем, что части 8-й дивизии, например, 24 бригада, вели еще упорный бой вечером 17 августа. Любопытно это выражение “управляемая единица”, освобождающее начдива от всякой ответственности по отношению к подчиненной ему пехоте.

Удар поляков катится с юга. За 8-й дивизией к северу находится 10-я дивизия. С фронта ей угрожает штурм, подготовленный поляками со стороны Варшавы, с бронепоездами, танками и прочими аксессуарами. На ее фланг и тыл идет польская масса, уже опрокинувшая Мозырскую группу и 8-ю дивизию. Разрешение отступать из штаарма еще не получено.

Начдив 10-й с вечера 16-го, чувствуя непрочность своего положения, уже отодвинул назад свои обозы и парки. 17-го он решает, находясь в отчаянном положении, принять бой, “в связи с отсутствием прямых указаний из штаба армии”, “хотя бы с висящим на воздухе левым флагом”, “во имя спасения остатков соседней дивизии и ее обозов”. Здесь для меня не вполне ясно, причем тут спасение “остатков соседней дивизии”. Во всяком случае, на их судьбу самопожертвование не повлияло, а своим и чужим обозам выбраться помогло.

10-я дивизия начинает сдавать на фронте; одной из причин являлась крайняя бедность снарядами нашей артиллерии, ведшей недостаточно энергичную борьбу ни с артиллерией противника, ни с его пехотой. Начдив еще ставит своей пехоте активные задачи, чтобы помочь остаткам 8-й дивизии, однако: “израсходование снарядов тяжелой и гаубичной артиллерии и малочисленность пехоты, которая в сущности уже явилась перегруженной своей артиллерией, побудило командование дивизией в первую очередь снять с позиции тяжелую и гаубичную артиллерию” и отправить их с начальником артиллерии дивизии и инженерным батальоном в глубокий тыл — в Венгров.

Таким образом, пехота сдавала вследствие слабости артиллерийского огня; но пехота не понимала, что она “перегружена” артиллерией. Что же касается недостатка снарядов, то, как известно, этот повод к уходу с поля сражения отмечен во всех курсах тактики; насколько он правдив — ни один начальник не может установить в бою; поэтому справедливо говорится, что ссылаться на него не следует. Дивизия сама готовилась наступать, а при крушении боя у артиллерии сразу, как и полагается, оказался недостаток в снарядах, — достаточный мотив, чтобы заблаговременно уйти в далекий тыл из грязной истории...

Пехота 10-й дивизии дерется в 6 час. вечера 17 августа, так как хотя массы войсковых обозов и артиллерийских частей и миновали благополучно опасный участок пути, но на шоссе Новоминск-Седлец они тянулись еще в 2-3 ряда; продолжение отхода без малейшей задержки неминуемо повлекло бы “гибель хвостов этих обозов”. “Поэтому комбригам еще раз по телефону было подтверждено отходить под натиском противника упорно и методически”.

Мы имеем здесь дело не с фантазиями одного из лучших начдивов в Красной армии, а по-видимому, с широко распространенной в командном составе доктриной. Если начдив убирает в тыл тяжелые и гаубичные батареи, то мужественный командир наиболее угрожаемой левофланговой бригады 10-й дивизии, 28-й, еще днем отправляет в тыл свои обозы и 2-ю батарею 1-го легкого артиллерийского дивизиона: “лесистый характер местности не благоприятствовал действиям артиллерии, а кроме того, количество ее не соответствовало наличным силам пехоты, грозя обременить ее в подвижном бою”. 3 полка остались с 2 пушками, так как 4 пушки — было слишком громоздко. Здесь уже нельзя сослаться на недостаток снарядов; на помощь является “лесистый характер местности” и “громоздкость” артиллерийской массы... в 4 орудия. Мысль комбрига яснее видна из того, что с обозами и батареей он отправил в тыл и свой аппарат управления — начальника штаба с большей частью штаба.

Обратимся к итогам этого боя 10-й дивизии. Она потеряла полностью две бригады пехоты, третья понесла большие потери, но осталась как “управляемая единица”. Поляки на основании этого позволяют себе утверждать до сих пор, что они между Варшавой и Ново-Минском полностью уничтожили 10-ю дивизию.

зию. Наш начдив 10-ой позволяет себе все-таки признать результаты отхода весьма удачными, так как “10-й стрелковой дивизии удалось вывести из охватывающих ее клещей всю свою материальную часть (за исключением двух орудий, погибших при 28 стрелковой бригаде)”.

Вот две оценки, на которые читателю нужно обратить все свое внимание. Что такое в тактике добро и зло, удача или неудача? Если этот кардинальный тактический вопрос будет решен, тактическая анфилада пунктов придет сама собой. Ведь на этом примере Красная армия учится вести оборонительно-отступательный бой. Если стрелковая дивизия считает удачей такое отступление, при котором война сохраняет снаряжение, но теряет всех своих стрелков, то не лучше ли ей называться артиллерийской или обозной дивизией, чтобы не возбуждать сомнений?

60 тысяч укомплектований спешило из пределов России на пополнение находившимся в Польше армиям. Вопрос заключался в том, чтобы сохранить лучшие кадры пехоты, коими когда-либо располагала Красная армия, — победоносные кадры, блестящим броском перекинувшейся с берегов Двины и Березины на Вислу. Приходилось выбирать между скачком назад, за Нурец или Западный Буг, который сохранил бы нам пехоту, но, весьма вероятно, заставил бы распрощаться с частью обозного имущества, и принесением в жертву пехоты в арьергардных боях для спасения материальной части. Снаряжение для человека или человек для снаряжения? Решение зависело от того, что вдохновляло идеологию нашего управления — бесконечно ли трудная борьба пехоты на фронте или судьба тех боевых и прочих богатств, которые передвигаются в тылу на колесах. Наш аппарат опирова — и очень дружно — за материальную часть. Но что стоили армии, потерявшие на Висле последнюю боеспособную пехоту? Могли ли они задержаться в ближайшее время в тылу? Могли ли они обеспечить отступление выдвинувшейся к нижней Висле 4-й армии и конного корпуса? Что могла им дать толпа укомплектований, когда не было кадров, чтобы вдохнуть в них могучую волю к победе, чтобы научить их современной технике пехотного боя? Не сливается ли спасение обозов и артиллерии под Варшавою с проигрышем войны?

Достоинства армии, как солидного, надежного организма, познаются не в наступлении, а при упорной обороне. Лозунг “даешь Варшаву” при наступлении часто позволит не заметить сопряжения аппаратов управления с подлинным фронтом. Улыбаются выигрышные партии; все, включая и специалистов, бросаются вперед; появляются даже гастролеры; начинается скачка вперегонки, и плохо организованные части иногда дают не худший результат, чем крепкие пехотные войска.

Гражданская война, давая поразительные примеры наступательных действий, совершенно не дает примеров стойкой, упорной обороны. Даже возможность последней поставлена под сомнение. Командование от нее благоразумно уклоняется, предпочитая отходить впредь до возможности вновь наброситься на врага.

Мне врезался в память образец нестойкой обороны, свидетелем коей я был в начале июня 1916 г. к юго-западу от Луцка. Я был двинут со своим полком из корпусного резерва на поддержку центра 126-й дивизии, только что переформированной из ополчения. Мне были подчинены два полка этой дивизии, которые зашатались. Помощь здесь была вытребована заблаговременно, так как я поспел к началу боя, не принявшего затем значительного размера.

Когда мы оказались в 2-3 верстах за фронтом, поле сражения скорее всего напоминало театральный разъезд. Раздавалась не слишком оживленная канонада; по дорогам ходили неутомимые телефонисты, скатывая провода. Я попросил объяснений; телефонисты мне рассказали, что начинается бой, сейчас все побегут, так они хлопочут, чтобы не растерять свою материальную часть. Навстречу двигалось много различных повозок; у них, с первыми пушечными выстрелами, был обычай держать курс на восток. По сторонам видны были батареи, снимавшиеся с позиции или переходившие на новые позиции в тылу. Заметили одну пулеметную команду, двигавшуюся также на восток, чтобы ее пулеметы не стали австрийскими трофеями. Навстречу шел поток отдельных людей и групп без объяснения причин. Это была положительно Театральная площадь в момент окончания спектакля. А противник находился еще в версте от окопов дивизии, в которых жались солдатики, брошенные без телефонов, без пулеметов, без артиллерии, частью без начальства, оставленные без обеда... Под-

готовка к сдаче позиции и потере нескольких сот пленных была уже блестяще произведена.

Я вел свой резерв широким загоном. Мы разрядили браунинги по мелькавшим в хлебах головам, обломали стэки о двигавшихся по дорогам, заворачивали назад все повозки. Мой рецепт был прост — вернуть все батареи, подвести походные кухни, расставить офицерские собрания, накатать телефонные провода, выдвинуть пулеметы, сформировать два полевых суда для суждения об отлучившихся. Через 20 минут после моего прибытия начальник дивизии умолял командира корпуса избавить его от нашествия гуннов, каким рисовалось ему прибытие корпусного резерва, и доносил, что он и командиры его полков клянутся, что сумеют своими силами удержать эту важную позицию у Дубовых Корчем...

В основе нестойкой обороны лежит идеалистический взгляд на материальную часть, как на подлежащие спасению трофеи, а не рабочую машину. В результате завязка оборонительного боя характеризуется как укладка и отправление в тыл чемоданов. Мы знаем, что Суворов в своем швейцарском походе потерял все обозы и все до одной пушки, но вывел из гор свою пехоту. Солдаты знали, что суворовский аппарат всегда выберет пехоту, а не материальную часть в случае встретившейся альтернативы, и потому суворовская армия отличалась необычайной стойкостью. Сохраняем ли мы сегодня суворовскую связь командования с фронтом. Нет, если судить по “спасению” артиллерии и обозов под Варшавой.

Надо уметь в бою расположиться: привести в действие все имеющиеся машины, варить обед, поставить самовар, подтянуть оркестр, даже снять демонстративно сапоги. Занимая позицию, надо строить баню; недурно посадить редиску. В современном бою нет чувства локтя, нет принудительной, жестокой дисциплины сомкнутого строя; образующим дисциплину боя элементом является материальная часть. Как станок дисциплинирует рабочего, как пушка дисциплинирует, подчиняет, приковывает к себе артиллеристов, так и вся пехота, весь боевой порядок дисциплинируется различными предметами боевого обихода: батареями, пулеметными гнездами, телефонными станциями, патронами, складами, походными кухнями, вросшими в свои боевые пункты штабами. В хаосе боя это все представляет свои ориентировоч-

ные пункты, свою географию, моральную опору для сопротивления. Оторвите от полка, от дивизии ее материальную часть и перед вами — “неуправляемая” и не подчиняющаяся никаким приказам толпа. Каждая машина является очагом деловой атмосферы, в которой такая потребность на поле сражения. Телефонист, проверяющий под огнем провод, подносчик патронов, наблюдатель на артиллерийском пункте — все это элементы порядка, дела, спокойствия.

Я беру под большое сомнение всякий деловой аппарат управления, не могущий организовать стойкость сопротивления. Нужно уметь, вступая в решительную драку, снять картуз и бросить его около себя на землю; этот жест дисциплинирует человека и позволяет ему прочнее выдерживать натиск противника.

* * *

Несколько заключительных слов. Надо создать возможность деловой информации о боевых действиях, а для этого нужна основательная ломка тактического аппарата, изменение отношений между тактической бюрократией и демократией. Недурно было бы порыться в архивах мировой и гражданской войн и завести в “Военном вестнике” небольшой отдел, где высмеивались бы мюнхгаузенские реляции и самопрославления.

Но прежде всего нужно покончить с тем штабным мировоззрением, которое идеализирует боевые машины, как трофейные реликвии и рассматривает красноармейца как существо, созданное для снаряжения. И нужно и в теории и на практике провести ответственность начальника за своих бойцов, а не за пушки, обозы или портянки.

Когда прорвется зарок боевого безмолвия, мы сделаем в тактике огромный скачок вперед. И если нам порой придется покраснеть за то, чем мы гордились раньше, — это будет недорогая плата.

Военный вестник. - 1924. - № 6. - С. 10-19.

Ответственность и тактические задачи

Глубокую, верную и сильную мысль высказал германский устав 1906 года: важнейшее качество в начальнике — это любовь к ответственности. Под этим углом зрения можно делить людей на две группы: одни охотно, почти радостно берут на себя самую тяжелую ответственность, чувствуют себя как бы в отставке, не имея ответственного дела, молодеют, когда тяжелое бремя ответственности сваливается на их плечи. Это натуры, созданные для борьбы, как английская лошадь — для скачек, и скачки, борьба, предстоящие тяжелые труды не отпугивают, а взвинчивают их, как бокал шампанского. И есть другие, которые не будут спать ночью, если у них хранится секретный пакет или казенная сумма денег, которые ориентируют все свое мышление, все свои действия так, чтобы ответственность только скользила по ним и перекладывалась на других. Это для них и ими же пишутся приказы и циркуляры, это для них создается сложный лабиринт распоряжений, дающий возможность придержаться буквы декрета, быть всегда правым, не подвергать свое гражданское мужество никаким испытаниям. Бойцы и бюрократы — две породы людей, с которыми, конечно, следует считаться при отборе и процеживании командного элемента.

Но, конечно, одним отбором ограничиться нельзя. Воспитание и вся школа мышления командного элемента должны быть так поставлены, чтобы качества бойца развивались, чтобы любовь к ответственности поддерживалась, а не загашалась.

Педагогика должна поставить своей основной целью — возвращать все, что развивает любовь к ответственности, и выпалывать всякое крапивное семя боязни ее. С этой точки зрения далеко не все педагогические методы обучения, принятые у нас, находятся на должной высоте и требуют коренного пересмотра. Об одном из таких вредных приемов обучения и будет речь в этой статье.

Вернейший способ отучить от любви к ответственности — это допустить предположение, что каждое изъятие воли, каждый поступок может быть преступлением и будет таковым признан, если действующее лицо не оправдается. Если где-либо наблюдается избыток инициативы, если где-либо молодое, задорное чувство, стремление поднять и перевернуть весь мир дают себя

слишком чувствовать, устанавливайте и развивайте контрольные органы, и на каждом шагу требуйте объяснений. Сначала люди погорячатся, а затем, утомившись, объездятся и начнут уже поступать так, что объяснения будут даваться ими очень легко.

Существует, как ни странно, целая отрасль обучения, которая сводится многими преподавателями и авторами кратких руководств к тому, чтобы заставить обучающегося принять на бумаге решение — и тотчас же посадить его на скамью подсудимых, потребовав от него объяснений. Я говорю о тактических задачах. Краткое руководство по тактическим задачам, выпущенное в 1919 году "Военно-технической редакцией", стоит на этой распространенной точке зрения, переносящей центр тяжести тактической работы на оправдание принятого решения. Такой порядок обучения тактике, вероятно, господствует в настоящее время в России. Последствия его ясны: сначала на бумаге командиры постепенно втягиваются в "жизненный опыт" — принимать такое решение, которое легче всего было бы объяснить, а затем и в жизни будут стремиться руководствоваться общепризнанными шаблонами, так, чтобы каждый шаг в тактике был так банален, настолько не привлекал бы к себе ничего внимания, что ответственность принимающего решение лица становилась бы совершенно неуловимой. Очень часто, под видом тактических задач, проходится на самом деле курс — как отписаться от тактической ответственности.

Настоящий бюрократ каждую бумажку снабжает "основанием" — ссылкой на какое-либо, свыше идущее, распоряжение или закон. Ни один бюрократ не вносит в дело своего сердца, своей воли, а всегда творит волю пославшего его — это основная заповедь бюрократизма. И этот элемент широкой струей вливается в тактику. Принявшему решение начальнику сейчас же подносится роковое: "почему. Укажите основание решения"; этот обвинительный акт, требующий оправдания решения, является как бы бесплатным приложением к каждой тактической задаче. И вместо начальника или генштабиста на тактических задачах вырабатывается адвокат.

Сколько непризнанных, быть может, адвокатов прошло мимо нас в битых, не пригодных к боевой обстановке генералах. Между адвокатским и тактическим мышлением пролегает существенная разница. Вообразите себе кривую, идущую горой, и на вер-

шине, в перегибе, поставьте отметку — это момент факта, решения. Адвокатское мышление берет ее за исходную точку, за данную, и будет спускаться от нее вниз, будет оправдывать ее, будет находить тысячи причин, тысячи мотивов ее неизбежности, необходимости и т.д. Для тактического — настоящего тактического — мышления факт, решение не исходная, а конечная точка; оно все на подъеме, его корни в исследовании и изучении обстановки данного конкретного случая; те мотивы, которые для адвокатского мышления являются конечным достижением, для тактического мышления являются началом; точка же, с которой адвокат начал решение, для тактики является концом.

Были, есть и будут переодетые в мундир генерального штаба оперативные адвокаты, или, чтобы не обижать почтенного бывшего сословия, оперативные софисты, у которых был неисчерпаемый запас оправданий и мотивов для любого решения и которые принимали заказ на оперативный доклад о необходимости ударить неприятеля в правый фланг, составляли его блестяще и, если начальство успевало передумать, изготовляли не менее веский доклад о том, что безусловно предпочтительнее ударить неприятеля в левый фланг, или вовсе воздержаться. Гибкость и податливость тактической мысли простирают ее и вызывают в армии губительное для дела презрительное отношение к тактике и военному искусству.

Педагогика, мне представляется, должна возвысить свой голос в вопросе о способе ведения тактических задач. Обучающийся, принявший решение, ставит точку по всем принципиальным вопросам и должен быть искушаем только по технической части — разработке приказов, вычерчиванию схем. После решения никаких объяснений существовать не должно. К этому волеизъявлению должно быть такое же почтение, как к непререкаемости вошедшего в силу судебного приговора.

Но как помочь обучающемуся усвоить правильные навыки в тактическом мышлении? Где и как, на тактических задачах, организовать разбор решения исполненной работы по существу? Несомненно, на восходящей кривой, т.е. в период, предшествовавший решению. Не почему задача решена так, а не иначе, должно быть вопросом руководителя, а как пришел обучающийся к такому решению и обучающийся должен научиться, лично или письменно, докладывать свой путь анализа заданных условий обста-

новки и местных данных, приводящий его к определенному выводу-решению. Эта работа мысли много труднее, чем оправдание уже принятого решения, и поэтому обращение на эту сторону тактических задач усиленного внимания на практике встречается достаточно редко.

Сведем тактическую задачу к простейшему виду. Обыденно она решается так: я выскочил в окно потому, что дверь была заперта; надлежит же: дверь заперта — я прыгаю в окно. Читатель подметит разницу между оправданием и выводом. Она — далеко не пустяшная с точки зрения борьбы с софистикой в тактическом мышлении и лелеянии любви к ответственности.

Летом 1904 года, в горах Маньчжурии, дозорный моей роты, неожиданно встретясь в ущелье с японским офицером, ехавшим во главе разъезда, застрелил его. Стрелок докладывал мне, что, когда они, выйдя из-за угла скалы, внезапно оказались лицом друг к другу, он испугался и выстрелил; а японский офицер, при неожиданной встрече, засмеялся, схватился за саблю, и так со смеющимся лицом и распростился с жизнью. Этот смех поразил стрелка и поразил еще в большей степени меня; тяжело воевать с людьми, которые приходят в смешливое настроение, когда в пяти шагах на них устремляется винтовка. Вероятно, японцу приходилось рубить до сих пор лозу, и он пришел в радостное настроение от возможности попытать свою силу на деле.

Тяжелые неожиданности несет за собой война. Страшную ответственность за тысячи жизней. И мне кажется, что армия, в которой начальники с улыбкой встречают всякую неожиданность и радостно взваливают на себя ответственность — будет непобедима.

Военная наука и революция. - 1921. - Кн.2. - С.177-180.

Тактический факт

В XX веке искусство тактики безусловно развивается в сторону централизации и планирования в управлении. В буржуазных армиях резкие сдвиги в этом отношении оказались тесно связанными с позиционным характером мировой войны. Однако было бы ошибочно связывать тенденции к централизации управления только с условиями борьбы на сильно укрепленных пози-

циях. Эта тенденция тесно связывается с растущей ролью военной техники. Последняя позволяет приравнять по силе любой фронт, возникающий в маневренном бою, сильно укрепленной позиции, против которой отдельные, лежащие вне общего планомерного нажима акты окажутся недействительными. На замену прежнего равномерного насыщения техникой войскового фронта необходимость пробить твердую корку неприятельского сопротивления вызывает к жизни крупные технические резервы высшего командования. Таким образом техника из оружия тактического перерастает в оружие оперативное, по природе своей требующее централизованного и планомерного использования.

Значение техники для социалистической революции не требует комментариев. Также ясно, что тактика Красной армии может строиться только на самом широком и всестороннем использовании техники. В тактике Красной армии больше всего получают отражение прогрессивная тенденция к наиболее полному применению техники и тесно связанная с этим централизация и планирование управления. На штабы Красной армии выпадает поэтому задача более глубокая и ответственная, чем на штабы буржуазных армий. Красные штабы должны уметь осуществить в маневренных условиях методы, которые применялись раньше лишь при наличии длительных пауз позиционной борьбы.

Одна из величайших трудностей, лежащих на пути работы штабов Красной армии, трудность, которую необходимо преодолеть во что бы то ни стало, это различная степень достоверности тактического факта. Успех централизации и плана находится в тесной зависимости от верности данных, положенных в их основу. На фантастических данных может строиться только бюрократическое, оторванное от реальности, управление, фантазии которого будут тем губительнее, чем больше успехи централизации. Достоверность тактических фактов — основного сырья, над которым работает тактическое руководство, — далеко не одинакова в различных условиях обстановки. Тактика не может игнорировать его свойства, но не уделяет им достаточного внимания. По западному фронту мировой войны имеется обширный материал, но он не разрабатывается под углом зрения раскрытия ошибок в донесениях и ориентировке. Разоблачение ошибок, неточностей, сознательного и несознательного извращения тактических фактов, конечно, глубоко задевает самолюбие командиров соответ-

ствующих армий и создает против них своего рода обвинительный акт. Буржуазная военная литература предпочитает обходить эти вопросы. Но это умолчание дезориентирует нас в военной истории. Дело не в личностях, а в исследовании условий современного боя, могущих непосредственно привести к искажению фактов.

Военное искусство, например, интересовалось до сих пор влиянием перебежек лишь на понижение результатов стрельбы. А было бы любопытно развернуть методами современной психотехники картину понижения способности человека к критической оценке и топографической ориентировке под влиянием нескольких стремительных перебежек.

В позиционный период исходная обстановка и все нужные данные точно фиксировались. Заснятые самолетами фотографии устраняли все недоразумения с ориентировкой. Руководство артиллерийским огнем опиралось на съемки безукоризненной точности. На фронте работали геодезические инструменты. Издавались точные планы крупного масштаба линии своего фронта, важнейших ориентиров и неприятельского расположения. В маневренный период войны этот базис централизованного управления может оказаться чрезвычайно ограниченным.

Мы продемонстрируем угрозу, заключающуюся в недостаточной достоверности тактического факта, сперва на опыте заключительного эпизода маневренного периода на западном фронте в 1914 г., затем на личном опыте на русском фронте <...>

Служба штабов наиболее четко в мировую войну была поставлена во французской и германской армиях. Несмотря на это, мы наблюдали на примере Ипра 2-км полосу тактических сомнений на фронте целой армии. Русские штабы работали много слабее, и мы не будем затруднять читателя картиной несоответствия действительности и данных штабов. Бюрократическое творчество последних представляет особенно мрачную сторону войны. Слова и дела разошлись по разным дорогам — так проигрывалась война и разлагалась армия. Но явления, отмеченные под Ипром, полностью подтверждаются и русским опытом.

Чем слабее штабная работа, тем большую чувствительность проявляет она к качеству картографического материала. В сен-

тябре 1915 г. значительная часть русского фронта была вытеснена из пограничных районов в ту часть Белоруссии, для которой имелись только очень устаревшие 3-верстные карты. Это обстоятельство резко отразилось на управлении, в корне обессилив тактическое руководство сверху. Действительно, разобраться в искаженных непониманием местности донесениях, прибывавших с фронта, стало почти невозможно. Чем хуже план, тем больше надо стараться увидеть своими глазами, тем больше и точнее надо зарисовывать местность, тем важнее прилагать ко всему отчетливые кроки. Эту сторону наладить не удалось, и в тактическом отношении конец маневренного периода 1915 г. представляет наибольший сумбур.

Русский фронт представляет особую поучительность в том отношении, что здесь часто имели место относительно глубокие атаки (4-6 км). Мне пришлось руководить 4 такими успешными атаками в роли командира полка. Первое замечание, которое они вызывают, — никогда нельзя знать, куда попадет рота, которая понеслась вперед. Под влиянием различных факторов (пулеметный обстрел, наличие подступа, обнаружение ценного трофея в виде не успевшей отступить батареи и т.д.) отдельные перволинейные пехотные части, если наступление ведется не по рубежам, а нацеливается в глубину, легко сбиваются с направления даже на 450 и могут оказаться в конце атаки на несколько километров в сторону от цели.

Второе замечание: нельзя оставлять без проверки донесение лучшего ротного командира, пробежавшего под огнем 5 км и только что стрелявшего из револьвера в рукопашной схватке. Обычно доносится о выполнении порученной задачи, хотя в действительности была бы достигнута совершенно другая цель.

Особенно памятен мне следующий случай. При атаке австрийского тет-де-пона у впадения Иквы в Стырь (7 июня 1916 г.) лучший ротный командир, Ходский, получил задачу следовать вдоль р. Стыри и овладеть сел. Подгайцы. Неожиданно от него попадает к командиру следующее донесение: “Овладел сел. Подгайцы, захватил на плечах неприятеля большой мост через р. Стырь, взял около 300 пленных”. В действительности командир роты Ходский вышел не на фланг австрийцев, а прорвал центр и овладел не крестьянским селением Подгайцы, а крупным еврейским местечком Тарговицы, совершенно не похожим на деревню,

и захватил капитальный мост в 600 м длиной, только не через Стырь, а через Икву. И это был высокограмотный прапорщик, из студентов 5-го курса Лесного института, вполне знакомый с топографией. Корень ошибки лежал в условиях рукопашной схватки, в которых Ходский находился полчаса во главе своей роты.

Из 4 глубоких атак, о которых я говорил, в трех случаях имелись тенденции к наращению “слоеного пирога”. В тылу у наступающих частей оставались никем не связанные части противника. В бою под Дукштами 30 августа 1915 г. в тылу полка осталось 70-80 германских ландверистов, забытых в перелесках: они ночью устроили штыковую атаку через фронт полка, пробиваясь к своим. В бою 29 декабря 1915 г. сел. Петликовце-Нове было взято с налету и быстро пройдено полком. Его обороняла австрийская рота из поляков, находившаяся в охране. Наполовину она была уничтожена, наполовину попряталась по хатам. Через час, когда фронт ушел на 2 км вперед, а в селении устраивался штаб полка, поляки вышли на окраину и открыли огонь по подходившему батальону соседнего полка. Тот отвечал огнем, перешел в атаку и второй раз взял приступом селение, причем его огнем в резервных ротах моего полка было ранено 40 человек. Отдельных поляков, прятавшихся в хатах, находили еще через 6 дней. Наконец, при взятии Торговицы 7 июня 1916 г. в небольшом, но густом лесу восточнее местечка, в 1 км в тылу заночевавшего полка, осталось свыше 300 австрийских ландштурмистов, не успевших сдаться при нашем быстром наступлении. Глубокой ночью они открыли сильнейший огонь по полку дивизионного резерва, который подошел к этому леску, чтобы заночевать в нем. Этот бой в тылу совпал с огневой паникой австрийцев на фронте: полк оказался в огневом кольце и у многих испытанных солдат волосы стали дыбом. При более стойком противнике положение могло бы сильно осложниться. В четвертом случае (форсирование р. Иквы 10 июня 1916 г.) элементы для образования переплета также имелись, но неприятель получил слишком сильный удар, покатился на переход назад, и оставшиеся в тылу части поспешили сдаться.

Мировая война являлась эпохой сплошных позиций и непрерывных заграждений. Но даже самый крепкий позиционный фронт после хорошей артиллерийской подготовки становился дырявым решетом. Последний раз это свойство мне пришлось

наблюдать уже в роли наштарма в июле 1917 г. под Двинском. После превосходной артиллерийской подготовки в центральном ударном корпусе двинулся в атаку полным ходом только один отборный батальон. Он прокатился на 3 км в глубь германской позиции, оставляя после себя не уничтоженными, конечно, 80% германских элементов сопротивления. Полная изолированность батальона заставила его повернуть назад. Остатки батальона нашли в себе силы пробиться назад <...>

Воздействие новой техники чрезвычайно увеличило площадь, где имеют место ошибки и недоразумения. Надетые противогазы не повышают способности к критическому рассмотрению явлений. Нападения авиации значительно повысят нервность штабов и вызовут распространение диких слухов в тылу. Инфильтрация пехоты в неприятельский фронт значительно облегчается его дырявостью, но прорывы пехотных частей останутся далеко позади за прорывами танков. Даже в неглубокой операции естественно рождается многослойность, и нормальным явится отражение атаки сотрудниками штадива всеми подручными огневыми средствами, в то время как основные опорные точки фронта будут продолжать удерживаться.

В 1904 г. кошмаром Куропаткина, сознававшего недостаточность воли к победе в своей армии, был "слоеный пирог" из русских и японских войск. В мировую войну, в моменты кризиса, этот переплет начинал становиться реальностью. В будущих боях он станет почти нормой и будет давить на сознание командования и бойцов; управление будет до крайности затруднено; чересполосица в глубину станет вполне реальным и весьма распространенным явлением. В моменты кризиса фронт будет представлять своего рода архипелаг, в котором острова с нашими и неприятельскими средствами боя расположатся в самом причудливом соотношении.

Боевой порядок эпохи, предшествовавшей мировой войне, переходит в свою противоположность. То, что признавалось сумбуром, сумятицей, невозможным, становится теперь порядком, законом, нормой. Успехи техники ведут к разукрупнению тактики, к парцелляции боя, создают стихию отдельных очагов борьбы. Уже в 1914-1916 гг. войска, двигавшиеся за твердо держащимся фронтом, иногда внезапно натывались на противника; теперь устав требует, чтобы части второго эшелона всегда передвигались

на поле сражения с мерами охранения. В организации и вооружении сдвиги колоссальны; каждый батальон снабжается ассортиментом всех необходимых орудий, чтобы образовать остров самостоятельного сопротивления на все четыре стороны. Могущественное развитие во всех армиях полковой и батальонной артиллерии нельзя ли уподобить движению от тактического тракторного плуга к тактической сохе? Эти совершенно необходимые сдвиги в устройстве старых родов войск не являются ли предвестником окончательного торжества авиации и мотомеханизации?

Требования к пехоте повысились во много раз. Слабо подготовленные, с еле заметной волей к победе, массы старой русской армии 1915 и 1916 гг. еще являлись мощным фактором войны, в особенности при обороне. Для современных условий боя они были бы не годны. Попытаться пережить кризис современного многослойного боя может только армия, составленная из волевых бойцов, для которых не существует вопроса о возможности спасти свою жизнь сдачей в плен. Но и в этой армии передовые части, попавшие в полосу сомнений, рассматриваются в известной степени условно, и тактика озабочена созданием более реальных и менее сомнительных вторых эшелонов.

Современная авиация и мотомеханизация несомненно ведут к осложнению боя и операции. Они создают почву для образования слойки толщиной в сотню километров и порождают тот сложнейший переплет, который называется современной операцией.

Использование современной техники не мыслится вне централизации управления и планомерной подготовки. Но наряду с этим нельзя отрицать и тенденцию к величайшему осложнению боя и операции. В этих условиях для тактики Красной армии будут открываться возможности поставить противника в безвыходное положение, создать хаос в его расположении и полностью использовать эффект этого беспорядка. Такой способ действия является не только возможным, но его следует рассматривать как наиболее решительное средство, чтобы покончить с сопротивлением противника и не позволить ему заморозить линию фронта в позиционных формах. Тактика оказывается двуликой. Централизация, плановость и методизм, которые и не снились предшествовавшим поколениям, оказываются лишь средствами для создания в расположении противника “анархического кризиса”. Современная тактика предъявляет требование гармонического синтеза

обеих крайностей — методизма и уверенного ведения боя в самой сложной обстановке, централизации и способности всех командиров принимать по своей инициативе самые ответственные решения.

В поисках некоторых прообразов современной боевой действительности мы собрали в прошлом мировой войны груды фактов и замечаний, характеризующих возможность возникновения хаоса в ходе современного боя. Но признание этого хаоса не должно вести нас к тому, чтобы опустить руки. Напротив, оно зовет нас к высшей степени методической подготовки для его преодоления. Уже в организации, вооружении и уставах Красной армии мы видим многосторонний учет сложности современного боя, к которой части Красной армии должны быть готовы.

Современное управление основывается на связи, понятие которой допускает очень широкое толкование. Этого, пожалуй, не достаточно. Условия современного боя вопиют о тактическом контроле, о проверке исполнения. Лучшие командиры батальонов, полков и дивизий — это те, которые способны наилучше осуществить тактический контроль. Наличие последнего резко повышает боеспособность войск. Без проверки исполнения в условиях боя штабы обречены оторваться от реальной действительности и бюрократизировать свою деятельность. Централизованное управление должно особенно внимательно следить за быстрой эволюцией современного боя под влиянием новой техники. Высшие начальники, лишенные возможности непосредственно знакомиться с изменением физиономии поля боя, должны располагать помощниками — особенно надежными тактическими контролерами — и добиваться полной тактической искренности в донесениях подчиненных.

Работу штабных бюрократов мне пришлось наблюдать в январе 1916 г. Истощенные атакующие части соседнего корпуса, попадая в 300 м от австрийской позиции под сильный пулеметный огонь, бросали винтовки, поднимали руки и в таком виде продолжали движение через проволоку и австрийские окопы. Начальство же полагало, что окопы взяты, но не поддержанные резервами атакующие части не смогли оказать сопротивление контратаке и сдались. 3 атаки производились в вечернем сумраке несколько дней подряд. Вместо признания недостаточности артиллерийской подготовки бюрократы полагали, что вся беда в

том, что резервы следуют на слишком больших дистанциях и настаивали на более близком надвигании последних, что только увеличивало потери и сумятицу при каждом новом штурме.

Проверка исполнения должна вестись всеми доступными методами: организацией самостоятельного наблюдения высшими штабами, фотоснимками авиации, включением сотрудников штаба в атакующие части, постановкой задач органам разведки, использованием всех линий связи. И наравне с проверкой исполнения необходимо уделять величайшее внимание чистке поля боя.

В мировую войну русская армия так и не научилась производить чистку отнятого у противника пространства. Прохождение передовых частей по участку местности с точки зрения ликвидации возможностей неприятельского сопротивления представляет еще очень несовершенное “исполнение”. При сколько-нибудь стойком противнике, временно оглушенном и забравшемся в щели, рецидив неприятельского сопротивления через некоторое время неминуем. Чем глубже и решительнее цели боя, тем важнее условия чистки. Современная операция ставит себе задачей создать такие условия, при которых вместо преодоления организованного сопротивления неприятельской армии можно было бы приступить к ее чистке в гигантском масштабе. Японцы в борьбе с маньчжурскими партизанами получили значительный опыт в отношении чистки. Операция эта не столь простая, как кажется. Для японских войск в Маньчжурии она нередко заканчивалась неудачей. Штабы должны уметь организовать планомерную чистку больших площадей, учитывать необходимое время и силы и наиболее рациональные приемы. Под Верденом при недостаточных сноровках французской армии некоторые боевые ячейки германцев, оказавшиеся при контрнаступлении французов у них глубоко в тылу, продолжали оказывать сопротивление 2-3 суток в ямах в открытом поле. Это сильно затрудняло устройство на захваченных позициях, а в случае атаки германцев могло бы привести к катастрофе. Все командиры Красной армии должны быть подготовлены к применению быстрых и рациональных приемов по устранению этого элемента хаоса, значение которого в будущей войне следует всемерно подчеркивать.

Топографические недоразумения всегда были и будут, но этот элемент хаоса надо постараться сжать до минимальных пределов.

Топографическая квалификация командиров должна быть резко повышена, и нужно требовать повышение количества топографических документов, составляемых командирами на каждом занятии. Мы привыкли пользоваться скелетом местности, который берется с карты. Натура у нас является только добавлением к плану. А между тем весьма вероятно, что придется действовать в районах, требующих самого критического отношения к плану, устаревшему и содержащему ошибки и неточности. Надо проводить занятия и таким образом, чтобы к началу его имелись только планы 1: 500 000, а к концу войска получали разработанные штабами на основе съемок отдельных пехотных и артиллерийских командиров, а также авиафотографий планы в масштабе 1:100 000. Топографический инвентарь в войсках и издательские возможности штабов должны быть резко повышены. Все методы боя должны пересматриваться в связи с тенденцией хаоса, возникающего на почве современной техники и централизации. Недоразумения с Цилебеке и выс. 370 в будущем могут повториться, но это не должно помешать артиллерии сосредоточить действительный огонь на действительно занятых противником пунктах. Тактическая мысль нигде не должна бессильно упираться в хаос. К нему надо готовиться, идти ему навстречу и преодолевать его. Современное поле сражения требует не только всюдуходного автомобиля, но и всюдуходную тактику. Для последней, пожалуй, также требуется вторая независимая ведущая ось.

Война и революция. - 1934. - Июль-август. - С. 42-53.

Основы современной японской стратегии и тактики

<...> **Е**сли в истории японской стратегии ставка на численный перевес никогда не играла ведущей роли, то и в настоящее время стратегия учитывает определенные пределы в отношении численности, в которые поставлена японская армия. Японское военное искусство должно искать других путей к победе.

Техника

Японцы вообще, и армия — в частности, относятся к технике с большим уважением и вниманием. В войну 1904 г. свою технику, находившуюся еще на слабой ступени развития, японские войска использовали чрезвычайно настойчиво и организованно.

В отношении военной техники можно отметить лишь десятилетие 1914-1923 гг., когда японская армия значительно отстала в техническом отношении от уроков мировой войны: в течение самой войны японцы не столько вооружались, сколько торговали оружием, а затем и интервенция поглотила внимание, усилия, средства. Это отставание было особенно заметно в отношении ручных пулеметов и тяжелого оружия пехоты. К настоящему времени оно ликвидировано полностью. Пехота богато снаряжена, и для нее открывается возможность относительно самостоятельных действий.

Вне пределов пехоты содействие техники активным ее действиям может развиваться по трем основным путям: артиллерия, моторизация и механизация и авиация. Мы не говорим о химическом оружии, так как оно преимущественно используется на этих путях.

Артиллерия не может не расцениваться в Японии как очень дорогой и прожорливый род войск, ненасытный потребитель стали; он предъявляет величайшие требования к работе тылового транспорта. Между тем, военное искусство японской армии складывалось в войнах на малокультурных театрах, на чрезвычайно пересеченной местности с жалкими средствами транспорта, среди которых крупную роль играли ручные тележки с грузом в 80 кг, который перевозился усилиями 3 “носильщиков обоза” на 12 км в сутки. В этих войнах японская армия научилась ценить и использовать свою подвижность, способность преодолевать величайшие дебри, а мощная артиллерия с бесконечным транспортом снарядов является на плохих дорогах величайшим врагом подвижности.

Производство стали в Японии в сколько-нибудь заметных размерах насчитывает меньше 30 лет существования и лишь в последнее время становится на твердую почву. Впрочем, оно продолжает находиться в зависимости от импортной руды. Многочисленная артиллерия требует далеко идущей мобилизации

военной промышленности. А на последнюю твердо рассчитывать нельзя.

Самая мощная отрасль японской промышленности — это судостроение. В год японские верфи могут спустить миллион тонн пароходов. К этой работе японское судостроение может быть вынуждено, если во время войны вследствие каких-либо причин — нападений авиации, подводных лодок, постановки минных заграждений — в тоннаже японского коммерческого флота начнутся потери, составляющие хотя бы десятую долю потерь Англии в 1917 г. А мобилизация японского судостроения чрезвычайно суживает возможности мобилизации части военной промышленности.

Конечно, без артиллерии, и притом хорошей артиллерии, воевать и побеждать нельзя. Но мировая война показала, что хотя нет практического предела увеличения численности артиллерии, но по мере увеличения количества выпускаемых снарядов доля полезной тактической работы, выполняемой каждым из них, уменьшается.

Все эти соображения ведут к тому, что японская армия стремится обеспечить себя относительно немногочисленной, но хорошей артиллерией, с новыми образцами пушек, большим запасом снарядов. Скорострельность, дальнобойность, централизованное руководство, тактическое искусство должны возместить недостаток в числе. Армейская артиллерия невелика, корпусная отсутствует; это еще более подчеркивает диспропорцию между нормальным составом дивизионной артиллерии и увеличенным составом пехоты дивизии, насчитывающей 48 стрелковых рот вместо 27 рот европейских дивизий.

Таким образом, японское военное искусство не только не делает ставку на количество пушек, но открыто идет на борьбу с превосходной в числе артиллерией. Это объясняется как узостью материального базиса армии, так и тем обстоятельством, что японские войска никогда не имели дела с хорошей артиллерией; они знакомы только с шрапнелью и потому недооценивают артиллерийский огонь противника. Вспомним, что еще никогда японской пехоте не приходилось бывать не только под “чемоданами”, но и под хорошей бризантной полевой гранатой.

В такой же мере, как развитие японской военной доктрины не идет по пути подавления противника густым частоколом выстав-

ленных против него орудий, оно чуждо и увлечениям моторизацией и механизацией. Регулирующее значение узкого материального базиса здесь видно еще отчетливее. Япония располагает в 10 раз меньшим числом автомобилей, чем Германия, и в 20 раз меньшим, чем Франция. Мы уже не говорим о сравнении ее с таким гигантом автомобилизма, как США. Общее число грузовых машин Японии равняется одному годовому приросту грузовиков в Германии — 40 000. Развитие отечественного автомобилестроения пока имеет перед собой скромную цель — 5 000 грузовых и легковых машин в год. Учитывается необходимость работать на импортируемой нефти.

В целом в отношении моторизации и механизации японская армия ограничивается пока такими задачами, как моторизация дивизионных тылов, разведывательных отрядов, частей усиления, придаваемых коннице, зенитной и части тяжелой артиллерии некоторых специальных частей. Возможны и отдельные переброски войсковых частей, до бригады включительно.

Механизация поставлена в еще более тесные пределы — 4 танковых полка, несколько дивизионов бронев автомобилей, мотоциклы с пулеметами.

Японцы могут утешаться тем, что в течение 3 месяцев в году автомобильное движение в Маньчжурии чрезвычайно затрудняется размокающей почвой и что многие пограничные районы представляют крайне трудную для действия танков горную местность. Японские войска не только не имеют существенной опоры в танках, но и располагают слабым противотанковым вооружением. Задачу последнего временно выполняют в каждом батальоне две 37-мм пушки.

Отсталость в отношении моторизации в значительной части объясняется тем, что при общем недостатке средств японской армии предстояло сделать принципиальный выбор: моторизация или авиация... Решение было принято в пользу последней, и оно позволило сосредоточить на авиации 20-25% всех средств не только военного, но и морского бюджета.

При принятии этого решения, дающего военной технике подчеркнутое авиационное устремление, нельзя не учитывать указания со стороны флота.

Если в последние десятилетия XIX в. кошмар борьбы на два фронта давил почти исключительно на бисмарковскую Герма-

нию, то в нашу эпоху неделимого мира все государства ощущают эту угрозу. Школьная география могла бы использовать общее распространение этой угрозы как доказательство шарообразности земли. Угроза борьбы на два фронта висит и над Японией. Но у нее один фронт океанский, а другой — континентальный. переброска сил с одного японского фронта на другой мыслима, главным образом, лишь в отношении авиации — морской и сухопутной. На сильной авиации происходит смычка интересов флота и армии. Сухопутная авиация является крупным козырем и при борьбе на морских театрах, а морская авиация Японии не только действовала в береговой полосе у Шанхая, но появлялась и на удалении 700 км от моря, в бассейне реки Сунгари.

В отношении авиации японцам удалось преодолеть материальные трудности и создать достаточно мощную авиационную промышленность.

Японская авиация, однако, отнюдь не затронута доктриной Дуэ. Главные политические и экономические центры возможных противников находятся на недостижимом удалении. Самостоятельные действия японской авиации встречают помеху в отсутствие крупных, решающих объектов, вроде столицы Франции — Парижа. Такие объекты на Дальнем востоке имеются только в самой Японии — в населенном 5 млн. жителей Токио, в промышленном районе Осака, в 5 центрах концентрации японской военной промышленности. Поэтому японцы не развивают неудавшейся попытки создать тяжелую бомбардировочную авиацию и ориентируются на легкую авиацию — частью для обороны в воздухе, частью для непосредственного содействия боевым действиям флота и армии. Половина японской сухопутной авиации — 8 полков уже заблаговременно развернута на материке. Внимание, уделяемое в Японии авиации, видно из того, что несколько лет тому назад в Японии было 8 авиаполков, а в Польше — 6. Теперь в Польше по-прежнему 6, а в Японии уже 16; эта сухопутная авиация может быть почти удвоена за счет морской, и новые авиационные формирования продолжают.

Японская авиация тщательнейшим образом готовится к своему боевому использованию. Сосредоточивая усилия сухопутной и морской авиации, опираясь на сильно развитую сеть аэродромов, японское командование будет упорно бороться за господство на важнейших направлениях. Но в целом в авиационном от-

ношении едва ли надежды японцев могут простираться далее установления равновесия в воздухе. Японской авиации часто придется своими действиями возмещать недостаток в артиллерии и механизированных частях. Ей придется тесно увязывать свою работу с тактическими действиями войск. Делать ставку на решающий успех авиации японская стратегия положительных оснований не имеет. Противоположная, пессимистическая оценка положения в воздухе могла бы опереться на более солидные доводы. Во всяком случае, интересы борьбы в воздухе, в частности захват районов расположения наиболее угрожающих аэродромов противника, будут серьезно учитываться японской стратегией.

Этот беглый обзор основных путей освоения техники японской армией приводит нас к заключению, что получившая достаточно мощное (за исключением противотанкового) вооружение пехота опирается лишь на весьма умеренную дивизионную и армейскую артиллерию и недостаточные средства мотомеханизации и будет действовать в тесном контакте с легкой авиацией, энергично развиваемой и совершенствуемой.

В конечном счете японскому военному искусству особенно козырять техникой не приходится. Как мы увидим далее, ему во многих случаях приходится, напротив, учитывать недостатки своей техники и соответственно координировать свои оперативные и тактические приемы. В сфере техники японская армия еще в меньшей степени, чем в вопросе о численности может искать обоснования своих будущих успехов.

Начальный период войны

Два важных порта, являющихся входными воротами Японии на материк, — наилучше оборудованный порт Азии Дайрен и ближайший к японским островам порт Фузан — находятся на удалении 1 600-2 500 км от границ Маньчжоу-Го.

Если мы попытаемся перевести условия японских перевозок по сосредоточению на европейскую карту, в привычный нам масштаб, то получится следующая картина: войска собираются по железным дорогам в португальские гавани, перевозятся морем в бельгийские и голландские порты и оттуда вновь следуют по железным дорогам через Центральную Европу к границам Белоруссии.

Легко составить себе представление, насколько такие перевозки являются более трудными и медленными, нежели развертывание в обычных европейских условиях. При этом еще следует учесть, что в Европе для перевозки через Бельгию, Германию и Польшу имелась бы в распоряжении железнодорожная сеть протяжением в 100 000 км, а японская армия в пределах Кореи и Маньчжурии располагает только 12 000 км железнодорожных путей — в 8 раз меньше. Так как ширина колеи этой сети (1,435 м) значительно больше, чем японских железных дорог (1,06 м), то подвижной состав этих дорог не может быть усилен. При этом все линии, за исключением Южноманьчжурской железной дороги, являются однопутными.

Чтобы доехать до цели, надо совершить 3 посадки и 3 высадки из вагонов и пароходов. Переезд морем представляет свои опасности и связан с очень деликатной операцией прикрытия его с воздуха и от подводных лодок. Эта морская операция заслуживает величайшего внимания, но она лежит вне нашей темы. Отметим лишь здесь, что наличие опасности на море требует системы конвоирования морских транспортов, а последняя в 1 1/2 раза увеличивает потребность в пароходах и в 1 1/2 — 2 раза удлиняет время переезда; требуется величайшее напряжение работы всех легких судов военного флота и значительные расходы на вооружение коммерческих пароходов, массовую упаковку мин, сетей и пр., а также большой расход сил авиации на патрулирование над морем. При этом необходим трехнедельный срок мобилизации и приспособления к перевозкам коммерческих пароходов. Расходы на транспорт являются одним из существенных составляемых в сумме издержек войны, и заморские предприятия, естественно, обходятся особенно дорого...

Все эти моменты нам было необходимо отметить для обоснования того положения, что японской стратегии приходится считаться с чрезвычайно длительным начальным периодом войны, превосходящим в 5, а может быть и больше, раз длительность начального периода в европейских условиях, несмотря на стремление японцев возможно облегчить состав своих армий. Вместо европейских недель начальный период должен учитываться японцами месяцами.

Японская стратегия не может расценивать длительность начального периода иначе, как крупное зло. Длительный период

бездействия наземных войск являлся бы плюсом с точки зрения доктрины Дуэ, так как это — золотое время для попытки тяжелых бомбардировщиков самостоятельными действиями покончить войну. Но японская стратегия, как мы уже указывали, исключает доктрину Дуэ из обихода своего мышления. Начальный период является также удобным моментом для использования особенно подвижных войск, в частности механизированных частей. Но последние в Японии почти отсутствуют. Флот, конечно, может использовать начальный период, но лишь для второстепенных и демонстративных действий.

Таким образом, с японской точки зрения начальный период является лишь тяжелым испытанием для войск прикрытия, моментом свободного проявления активности противника, существенной необходимости оборонительных действий на широких фронтах. В течение начального периода не только ореол непобедимости, которым японцы обязательно окружают свои войска, может значительно потускнеть, но и могут быть утрачены важные позиции.

Отсюда ясно, что японская стратегия стремится возможно уменьшить длительность начального периода. Поскольку она твердо уверена в том, и имеет для этого все основания, что инициатива агрессии останется за ней, она имеет возможность добрую первую, и самую опасную, половину начального периода отнести на мирное время, применяя метод вползания в войну вместо открытого одновременного приступа к мобилизации. Скрытость является подлинным козырем японского военного искусства. Выстрелы и авиабомбы последуют уже после того, как значительная доля стоящих перед японской стратегией трудностей развертывания крупных сил на материке будет преодолена.

Для японской стратегии мы считаем наиболее характерным не внезапное нападение на Порт-Артурскую эскадру в ночь на 9 февраля 1904 г., без объявления войны, а начатую в тайне за 54 дня до того скрытую мобилизацию частей 1-й армии. Повторение подобного приема тем более вероятно, что условия, в которых находится японская армия, исключают молниеносность ее развертывания и возможность захвата инициативы в первые же дни войны.

Чтобы уменьшить неприятность длительного начального периода, японская стратегия будет стремиться не к одновременно-

му достижению готовности на всех фронтах, а к решительному предпочтению при перевозках по сосредоточению тех, которым предстоит разрешение наиболее существенных наступательных задач.

На других же фронтах потребуется выигрывать время, для чего фронт развертывания будет осажен на несколько сот километров от границы, что в условиях приграничных пустырей может быть осуществлено достаточно безболезненно. Таким образом, развертывание отчасти будет носить последовательный характер и будет представлять своего рода “бег от моря”.

Первенство оперативного элемента над тактическим

Оперативные и тактические взгляды не могут быть заострены вообще. Военная доктрина слагается лишь путем постоянной примерки их к одному и тому же театру войны, который для данного государства является главным. В Японии такое доминирующее значение принадлежит Маньчжурии. Карта этой страны, тесно связанной с новейшей военной историей Японии, запечатлевается на каждом изгибе японской военной мысли.

Площадь Маньчжурии почти втрое больше площади, занимаемой Германией (точное отношение — 100 : 36). От станции Маньчжурия до Пограничной по прямому направлению — 1 481 км, а окружным путем, по советским железным дорогам, — 3 384 км. Эти цифры дают нам представление о значительных просторах, которые являются ключом к пониманию основ японского военного мышления.

С японской точки зрения, теснота Европы ведет к такому засилию тактики, которое неуместно в масштабах Азии. Европейские театры войны оказались пересеченными сплошными фронтами, которых Азия пока не знает. А эти сплошные фронты свели оперативное искусство европейцев к жалкой роли, особенно печальной на тесном и загроможденном франко-германском фронте. Даже такой крупный оператор, как Людендорф, вступив на этот фронт, утратил всякую оперативную перспективу и прочно завяз в тактике. Единственный оперативный маневр, который возможен на таком тесном сплошном фронте, — это сужение разграничительными линиями полос действий дивизий для образования, по немецкому выражению, центра тяжести боя.

Сохраняется лишь одна возможность прорыва, разработка которого составляет все содержание французской военной школы. Не только дивизии и корпуса, но и армии и фронты полностью затопляются вопросами тактики. Оперативное искусство сводится к нулю, к оперативной арифметике, к подсчету требуемого для прорыва снабжения и кругооборота транспорта. Сражение обращается в простое соразмерение сил сторон, как это подчеркивал еще великий враг всякого маневрирования — Клаузевиц.

Японская армия имеет свои сильные стороны — готовность пехоты на жертвы и лишения, подвижность войск и их умение маневрировать на малодоступных европейцам тропинках и тактически осваивать чрезвычайно пересеченные пространства; с прекрасной организацией японской разведки может конкурировать японское умение скрывать тайны. Эти сильные стороны не могут быть реализованы при состязании в открытой силе.

Не располагая ни особенно мощной артиллерией, ни массами танков, ни численным превосходством, японцы ни в коем случае не могут соглашаться на переоценку отношений между оперативным искусством и тактикой, имевшую место в результате мировой войны. Малейшее отклонение в сторону положения “шапками закидаем” — будь то шапки технические или шапки ударной армии — принципиально недопустимо для японской армии.

В войну 1904 г. немногочисленная тяжелая артиллерия японцев была поглощена осадой Порт-Артура. В качестве артиллерийского резерва главного командования имелось только 108 полевых пушек, которые были полностью приданы действовавшей на равнине, вдоль железной дороги, 2-й армии. Но это усиление артиллерийскими средствами в итоге привело лишь к доведению дивизионной артиллерии во 2-й армии до 72 слабых орудий — германской нормы по количеству. Но для тактики прорыва и это, достигнутое крайним напряжением, сосредоточение артиллерии оказалось недостаточным.

Под Ляояном, где на 2-ю армию возлагалась главная роль, неуспех всех атак, связанных с огромными потерями, засвидетельствовал недостаточность ее сил для захвата русских позиций. Этот крах ударной армии еще сильнее подчеркивается решительным успехом, одержанным на противоположном крыле 1-й армией, располагавшей минимальной по числу артиллерией, притом включавшей значительное количество совсем слабых горных

пушек. Зато 1-я армия маневрировала. Маневренность японцы научились ценить выше ударности.

Идея ударности находит свое выражение в европейских армиях в различных вариациях ширины фронта дивизии: 8-12 км — на пассивных оборонительных участках; вдвое более узкий фронт — при наступательных задачах; втрое или вчетверо более узкий — при атаке сильно укрепленных позиций.

Эта идея совершенно чужда японскому военному искусству. Японский фронт сохраняет равномерную плотность повсюду, как при наступлении, так и при обороне. Война ведется принципиально наступлением, но последнее начинается лишь после соответственной оперативной подготовки; большая часть времени на войне уходит на стоянку войск на месте в ожидании оперативной готовности. Этот период выжидания, главным образом устройства тыла, и является для японцев обороной.

Но если противник использует такой перерыв в оперативной деятельности японцев для наступления, то японская военная мысль, принимая оборонительный бой в занимаемом расположении, отнюдь не вносит в него представления о превосходстве сил противника: это — тот же наступательный бой, первая фаза которого вследствие неготовности тыла не связана с движением вперед, но который также преследует цель разгрома противника.

Конечно, могут иметь место случаи, когда и японские войска окажутся вынужденными вести бой на разреженном фронте. Может явиться необходимость спешно занять слабыми силами значительный участок для задержания неприятельского охвата или обхода. Может явиться необходимость оставить на участке дивизии только одну бригаду, а другую снять, чтобы использовать как резерв для развития успеха или парирования неудачи. Но между этими частными случаями и маневрированием европейских армий разграничительными линиями для создания ударных участков имеется, конечно, существенное принципиальное различие.

Замечание о равномерной плотности японского фронта, которое мы противопоставляем началу ударности, конечно, не следует понимать буквально. Японское командование умеет мастерски давать оценку местности, и в соответствии с возможностями, предоставляемыми ею для тактической деятельности войск, участки дивизий могут сжиматься и расширяться. Но если дивизия на всюду доступной местности получает участок в 8 км, а дивизи-

зия, действующая на местности, на 50% исключаяющей тактические действия, получает 16 км, то по существу тактическая плотность остается одинаковой.

История сильно избаловала японскую армию: ей всегда противостояли пассивные, мало склонные к энергичному захвату оперативной инициативы китайские генералы или недалеко ушедшие от них русские царские генералы эпохи 1904 г.

Своей оперативной активностью японцы по преимуществу обязаны своим успехом в прошлом, и на оперативной активности японцы строят эти расчеты и материальную базу в виде оперативной подготовки театра войны.

Вопрос, куда лучше израсходовать лишний миллиард йен — на усиление артиллерии или на оперативное строительство на главном театре войны, — японская стратегия разрешает в пользу оперативного оборудования театра войны.

В 1904-1905 гг. роль такой оперативной подготовки еще играло море, которое охватывало с трех сторон Ляодунский полуостров и обеспечивало возможность охватывающего базирования. Но чем дальше отрывались японцы от моря, углубляясь на тысячи километров в материк, тем большее значение придавалось им тщательной подготовке будущих оперативных возможностей.

За последние 4 года особенно напряженной подготовки Японии к войне она израсходовала на проведение в Маньчжурии путей, на создание известной безопасности тыла и опорных пунктов в виде казарменных городков и аэродромов суммы, которые, как это ни удивительно, превосходят непосредственные очень крупные расходы на вооружение армии и заполнение всех многочисленных изъянов тактического порядка. Японцы знают, что оперативное умение не падает с неба, а требует своих, очень дорогостоящих предпосылок.

Итак, основная ставка японской военной мысли — не на голую массу, число, материальное превосходство в вооружении непосредственно, а на искусство, притом искусство, которое должно принести плоды, главным образом в оперативной, а не тактической сфере, и базируется на тщательную оперативную подготовку театра войны.

А оперативное искусство, конечно, преимущественно собирает жатву при действиях, направленных не против фронта, а на фланги и тыл противника.

“Канны” по-японски

Основной ориентир японской военной мысли в настоящее время — Северная Маньчжурия — находится в охватываемом чужой территорией положении. Поэтому японская стратегия, культивировавшая раньше только вопросы действий по наружным, сходящимся операционным направлениям, в настоящее время занимается и очень немодной темой действий по внутренним направлениям, в стратегически охваченном положении. По условиям пространства примерно, в таких же условиях в мировую войну была охвачена территория центральных держав французской, русской и сербской границами. В этом масштабе операции в каждом отдельном районе могут мыслиться вполне самостоятельно, с применением любых оперативных методов, и только такое дальнобойное средство, как тяжелые бомбардировщики, может вступать во взаимодействие из различных районов.

Японская стратегия учитывает возможность переброски сил с одного фронта на другой, по примеру Германии в мировую войну. Но тогда как европейская сеть железных дорог, по расчетам Шлиффена, допускала быструю переброску 25% германских войск (12 корпусов), несравненно более скудная сеть дорог Маньчжурии в лучшем случае может обеспечить, по оценке японских стратегов, оперативную переброску 3-4 дивизий, т.е. в 8 раз меньших сил.

Таким образом, использование внутреннего положения не исключается, но не может иметь особенно решающего значения для достижения численного превосходства на отдельных фронтах. В основном последние будут действовать самостоятельно, стремясь пустить в ход основные оперативные козыри — давление на фланги и тылы противника.

Формально японское военное искусство близко, казалось бы, подходит к оперативному идеалу окружения, выдвинутому Шлиффеном, — Каннам. Ганнибал также уступал римлянам в ударности, но уничтожил их, используя превосходство в маневренности и в общем руководстве.

Однако шлиффеновское представление о Каннах существенно отличается от возможностей и устремлений японского окружения в условиях труднодоступного колониального театра войны.

Ганнибал противопоставил римлянам разреженный фронт и направил более плотно построенные колонны из отборных войск

для удара с обоих флангов. Основная идея Шлиффена требует не только охвата, но занятия охватывающего положения особенно сильными частями, чтобы фланговый удар их смял весь неприятельский фронт. План Шлиффена заключался не только в движении через Бельгию, но в направлении через Бельгию 5 стратегических эшелонов один за другим, чтобы можно было парировать все возникающие угрозы и задержки и довести до конца уничтожающий удар. А японскую стратегию можно характеризовать готовностью к движению через Бельгию, но с умеренной плотностью правого крыла, без последующих стратегических эшелонов.

У Шлиффена имелось сочетание решительной оперативной установки с ударностью, направленной на фланг и тыл противника. Этой ударности не было в военном прошлом Японии, и нельзя ожидать ее и в будущем.

Опыт действий русских войск 1904-1905 гг. ясно показал японцам, в какой мере связывается оперативный маневр при действиях вдоль единственной железной дороги и какое отсюда вытекает оперативное бессилие. Поэтому, захватив Северную Маньчжурию, японцы предприняли в пустынях Хингана, приамурской и приуссурийской территории (плотность населения — от 0,7 до 2-3 человека на 1 кв. км) лихорадочное строительство (1 500 км в год) лишенных всякого экономического значения железных дорог и уже теперь располагают в каждом отдельном районе не менее чем двумя железнодорожными линиями.

Таким образом, любая операция может опираться, по крайней мере, на две точки, расположенные на значительном удалении друг от друга и создающие оперативный базис достаточного протяжения.

Параллельно с этим следовала постройка грунтовых дорог, приспособленных для автомобильного движения; протяжение их исчисляется в 17 000 км. Так как на важнейших из них, проложенных в пограничной тайге и болотах, не проходит никакого движения и дороги не ремонтируются, то в ближайшее время значительная часть этих дорог заплывет или покроется густым здоровым подлеском.

Однако, несмотря на эти героические усилия скудного японского казначейства, каждый год бросающего сотни миллионов йен на оперативную подготовку Северной Маньчжурии, было бы

чрезвычайно неосмотрительно полагать, что японцам удалось создать там обстановку, сколько-нибудь напоминающую те оперативные условия Бельгии и Северной Франции, которые лежали в основе плана Шлиффена. Конечно, здесь нет и в ближайшем будущем не будет тех шоссе, по одному на 6 км фронта, которые в Бельгии и Северной Франции находятся в распоряжении наступающего при выборе любого направления для операции.

Здесь местные средства отсутствуют целиком и полностью. Горы, леса и болота образуют существо ландшафта. Все немногие удовлетворительные оперативные выходы будут, несомненно, заняты, и направленное через них наступление может привести только к фронтальным боевым действиям.

В 1914 г. целый пук железных и шоссежных дорог направлялся в обход левого фланга французского развертывания. Японская стратегия также будет охватывать и обходить, но не может при этом рассчитывать не только на железную или шоссежную дорогу, но даже на сколько-нибудь мощную грунтовую дорогу. Азиатские просторы позволяют миновать неприятельский фронт, но лишь ценой марша по горной тайге или через безрадостную пустыню, знакомую нам с детских лет под названием Гоби или Шамо и достигающую района Хайлара.

Этот географический момент выполнения маневра на окружение накладывает определенный отпечаток на оперативное мышление японцев. Идея Канн, удивительно живучая, сохраняется, но стратегические эшелоны Шлиффена, ударность охватывающего крыла отпадают полностью. Возможность добиться более плотного фронта на участках, на которых удалось охватить противника, отпадает. Японский фронт, сохраняя в общем равномерную плотность, на обходящих участках будет возможно облегчен в отношении техники, и лишь сосредоточение на содействие обходу усилий авиации может компенсировать отсутствующую там тяжелую армейскую артиллерию.

Если где и возможно японцам осуществить в небольшом размере оперативную ударность путем удвоения или утроения обычной порции тяжелой артиллерии, то это имеет место не на обходящем фланге, а лишь на фронте, в районе хороших дорог. Ах, если бы под Ляояном артиллерийские средства 2-й армии, двигавшейся по железной дороге и вылезшей в лоб укрепленных русских позиций, могли бы чудом оказаться в расположении 1-й

армии, совершавшей удачный маневр на фланг и тыл русских! — вздыхают японские стратеги.

Таким образом, японские Канны отличаются от шлиффеновских тем, что, несмотря на всю погоню японского командования за подвижностью, маневр через Бельгию надо предпринимать налегке, а в Лотарингии поневоле сохранять крупные силы и тяжелую артиллерию.

Это — чрезвычайно существенное изменение соотношений между фронтом и обходящим крылом. Бой на фронте операции получает несравненно большее значение. Бездействие или только сковывающие, демонстративные бои на фронте могут привести к тому, что дивизии, производящие налегке охват, выполнив свой маневр, будут раздавлены противником. Успех маневра может быть обеспечен только особенно энергичным ведением японскими войсками боя на фронте. Понятие сковывания фронта, по японским взглядам, должно быть доведено до высшей степени; части противника на фронте должны быть приведены в такое состояние измученности и расстройства и должны так перемешаться, чтобы не было никакой возможности перегруппировать их для отражения угрозы, которая нависает на фланге. И этот фронтальный бой должен быть начат настолько заблаговременно, чтобы все резервы противника были уже втянуты в него к моменту развития охвата.

Отсюда — фундаментальное положение: “наступление является основой боевых действий японской армии”. Наступать надо всюду, без каких-либо ударных построений; наступление следует вести на всем фронте, равномерно занятом японскими войсками; не только отсутствие численного превосходства своих войск и техники, но и перевес противника не являются основанием для отказа от наступления. Тактика должна уметь приносить жертвы, чтобы оперативное искусство вкусило победу. Не должно быть дивизий, которые непосредственно не участвуют в наступлении.

Лучшим, наиболее обстоятельным и объективным критиком является действительность, жизнь, история. Идея очерченных специфических Канн вдохновляла все операции японских войск в период новой истории. Но Канны, как известно, вообще удаются очень редко. Японской армии они не удались в сколько-нибудь законченном виде ни одного раза. Обходный маневр каждый раз

развивался лишь в угрозу пути отступления противника и никогда не переходил в уничтожающий удар.

Но представление о том, что японские Канны только лают, но не кусаются, было бы совершенно неверным. Напротив, они слишком много кусаются и потому не берут мертвой хваткой.

При слабом командовании противника постепенно нарастающая угроза сообщениям всегда оказывалась достаточной, чтобы подорвать его волю к продолжению борьбы, и вынуждала его к более или менее благополучному отступлению. В результате “Канны” по-японски давали лишь полупобеду. Повторяясь, эти полупобеды при общем правильном стратегическом руководстве приводили к выигрышу войны.

Впрочем, для сколько-нибудь основательного суждения нам еще не хватает характера японской тактики, которой мы сейчас и займемся.

Тактическое мелководье

Сознание перевеса в силе, в численности, особенно в технике, и еще в большей мере превосходства артиллерии значительно упрощает проблему тактического руководства. Развернуть перед противником более мощную артиллерию и заставить его пережить несколько часов под тяжелыми бризантными снарядами, в сущности, никогда не плохо.

Господство артиллерии в значительной мере уменьшает риск на поле сражения. Всякий начальник, в том числе немецкие командиры начала мировой войны, имевшие почти монополию на тяжелую артиллерию, выглядит в этом случае тактической умницей.

Завязавшийся бой всегда ведет противника к большим потерям, допущенные ошибки легко заглаживаются; в крайнем случае без большого ущерба можно прекратить начатое наступление и попытать счастья в другом месте. “Завязать бой на всем фронте, а там будет видно”, — говорил Наполеон.

Когда военное искусство делает ставку на силу, в которой ощущается избыток, решение принимается легко и скоро, несмотря на непременно имеющуюся перед боем неясность обстановки. Эту точку зрения всегда отражали германские уставы, в которых подчеркивалось, что выжидание сведений для принятия

решения при неясной обстановке обычно составляет крупную ошибку.

В совершенно другом положении оказывается японское командование, делающее ставку не на силу, а на искусство и опирающееся в основном не на относительно долговечную на полях сражения артиллерию, а на инструмент ближнего боя — пехоту, которая расходует не только боеприпасы, но и свои кадры. Использование перевеса в пехоте представляет несравненно более деликатную и рискованную задачу. Искусство, чтобы проявить себя, не может работать, как грубая сила, втемную, наугад: оно требует положительных данных, тщательной подготовки, продуманного исполнения.

В японской дивизии отношения между живой силой и артиллерией складываются отлично от других армий; число стрелковых рот, на которых покоятся надежды японского империализма, почти в 2 раза больше, чем в европейских армиях. Поэтому и проблема управления ставится совершенно отлично от германских установок.

Альтернатива, стоящая перед командиром, принимающим решение, следующая: или преждевременно решиться, что может привести к ошибке, или ждать выяснения, что может привести к запозданию; она решается в японской армии предпочтением опасности запоздания перед опасением допустить ошибку.

Тщательность разведки, очень внимательные командирские рекогносцировки, подробная программа исполнения, длинный боевой приказ характеризуют японское тактическое управление, основанное на замедленных темпах принятия решения. Неуклонная медлительность и пассивность противника, с которыми приходилось иметь дело японской армии до сего времени, трудность местности, недостаточный картографический материал еще усиливали тяготение японской тактики к построению руководства на основе: семь раз примерь, один раз отрежь.

Нормальная ширина фронта японской дивизии как при наступлении, так и при обороне — около 10 км — ориентируется не по количеству артиллерии, а по главному роду войск — пехоте. Последняя насчитывает до 400 пулеметов, что достаточно для устройства сплошной системы пулеметного огня в один ярус на протяжении даже 20 км.

Таким образом, нормальный 10-км. фронт дивизии обеспечивает возможность сохранения сильных пехотных резервов. Но плотность развертывания дивизионной артиллерии составляет только 5 орудий на 1 км фронта, а с учетом полковых горных орудий — 6,4 орудия. Конечно, помимо дивизионной артиллерии японская мобилизованная армия будет, вероятно, располагать 1 000 тяжелых орудий, из коих две трети пригодны для маневренной войны. Однако, значительная часть их получит специальные задачи по борьбе за укрепленные районы и 90% японских дивизий, из расчетов на которые и строится японская тактика, получают лишь по одному тяжелому дивизиону — 12 орудий, а действующие на особенно важных направлениях, но в особенно трудных местных условиях, не получают тяжелой артиллерии вовсе.

Итак, с полковой и тяжелой артиллерией плотность развертывания достигает 7,6 орудия на 1 км фронта. И с этой артиллерийской поддержкой, в 2½ — 3 раза более слабой артиллерийской поддержки первоочередных германских дивизий в маневренный период 1914 г. и в 13 раз более слабой по сравнению с эпохой позиционных атак 1918 г., японская дивизия должна вести наступление даже против укрепившегося противника.

Однако, чудес не бывает, и то, что не по силам европейскому солдату, непосильно и японскому.

Выход из положения японское военное искусство находит в восстановлении в пределах тактики того же начала ударности, которое отвергнуто ею в сфере оперативного искусства.

Допустим, что имеющиеся средства поддержки атаки дают возможность вести ее на фронте 30 км. Европейское решение в основном будет сводиться к производству одной крупной атаки на 30 км фронте и к бездействию или второстепенным действиям на остальных 90 км фронта. Японское решение будет заключаться в том, что на фронте 120 км будет произведено 12 дивизиями 12 атак, каждая на фронте в 2—3 км. То сосредоточение огня, которое в Европе принято производить в пределах целого фронта из нескольких армий, в Японии будет иметь место лишь в пределах каждой дивизии.

Японская тактика воспиталась на действиях в горах. По сравнению с равниной пересеченная местность представляет не единый зал тактического общежития, жилищную площадь, изобилующую рядом перегородок, за каждой из которых можно пере-

говорить по-семейному. Она удивительно способствует тактическому единоборству на узком фронте и в то же время значительно повышает значение казалось бы изолированного тактического эпизода.

На глазах целой армии, занимающей укрепленную горную позицию, один ее батальонный участок может быть атакован в таких условиях, что быстрой непосредственной помощи атакованному батальону подать окажется невозможным, а между тем падение участка этого батальона ставит всю армию в невозможность продолжать сопротивление и вынуждает ее к отступлению.

Так, неустойка лишь одного батальона 10-го корпуса в ночь на 26 июля 1904 г. вынудила прочие успешно сражавшиеся части 3-го Сибирского и 10-го армейского корпусов отступить к Ляояну.

Эти методы горной тактики японцы распространяют на боевые действия на всякой местности. Сущность японской тактики тесно связана с выдвиганием на первый план атак на узких фронтах. Широкий фронт оперативного наступления требует многочисленных тактических атак, которые уже в силу своей множественности могут вестись только на узких фронтах<...>

Каждая дивизия действует тактически самостоятельно и лишь в редких случаях объединяет свои силы с соседом. В конечном счете можно отбросить неприятельский фронт на 5-6 км назад и нанести ему значительные потери и расстройство. Голое наступление без превосходства в силах должно вестись возможно выгодно в отношении экономии сил. Существенное значение при этом получают сильные и многочисленные дозоры с легкими пулеметами и снайперами, которые к моменту наступления пехотного фронта должны уже подобраться на 500 м к противнику и взять под обстрел его пулеметы.

Преследование, по своей идее, находится в противоречии со стремлением к окружению, характеризующим японскую военную мысль. Кто говорит “Канны”, тот скептически относится к возможности одержать и развить крупный успех на фронте, тот охотно идет и на оголение своего фронта от резервов, так как не верит, что противник сможет что-либо достичь прорывом его, тот не сворачивает на выстрелы для непосредственной помощи соседу, а продолжает свое движение, получающее теперь характер охвата, тот убежден, что урожай, собиравшийся в эпоху Наполе-

она при преследовании, надо пожинать теперь на самом поле боя — тактически и в самом районе операции — оперативно.

У японцев же к тому же мало подходящих средств — конницы, механизированных частей. Все это отодвигает вопрос о преследовании на второй план.

В целом чрезвычайная активность японского фронта, множественность наступления как постоянного метода боя, несомненно, достигаются ценой отсутствия глубины наносимых ударов, тактическим мелководьем.

Первенство оперативного искусства ведет к разукрупнению тактики. Но было бы глубокой ошибкой видеть в этом граде мелких, не смертельных уколов, наносимых противнику, только достижение ряда местных успехов. Это значило бы не замечать из-за деревьев леса. Местный успех является, прежде всего, успехом, лишенным оперативного значения. А удары, наносимые японской тактикой, являются, прежде всего, жертвами, приносимыми по определенному оперативному плану и тесно увязанными между собой, но не тактически, а оперативно, для достижения определенной оперативной цели.

Надо оценивать их не как изолированные деревья, а в совокупности, как лес.

Встречный бой и в Германии теперь утратил уже свое значение основного метода боевой подготовки войск. Его основные положения плохо согласуются с современным развитием техники — с растяжкой походных колонн на двойную дистанцию — вследствие угрозы воздушного нападения, глубины авиационной разведки, большого числа передовых моторизованных отрядов, большого числа пулеметов, вызывающего к осмотрительности наступления впредь до развертывания крупных средств подавления артиллерии и танков. Требуя принятия решения втемную и являясь ставкой на открытую силу, встречный бой находится в противоречии и с основами японского тактического управления. Однако, он открывает значительные возможности для наступления живой силы на противника, еще не организовавшего системы сплошного автоматического огня. Последнее улыбается японским тактикам. Поэтому японское решение в вопросе о встречном бое заключается в том, чтобы нанести противнику сильный толчок действиями авангарда, но этим, по возможности, и ограничить сферу собственно встречного боя. Под прикрытием боя на

фронте, который ведет авангард, главные силы изготавливаются для нанесения централизованного удара в охват одного из флангов противника. Командование дивизии должно заботиться о скорейшем сосредоточении руководства артиллерией в своих руках, чтобы поддерживать ею одновременное вступление в бой главных сил.

В общем стремление наказать противника за запальчивость играет более крупную роль, чем борьба за сохранение инициативы в своих руках. Во многих случаях японский авангард предпримет во встречном бою и отступательный маневр с целью подвести противника под фланговый удар главных сил.

Поскольку приемы тактики наступательного боя окажутся не в силах возместить недостаток в средствах подавления, особенно крупное значение японской военной мыслью придается ночным атакам. Круглосуточная работа тактики прочно утвердилась в обиходе европейских армий в мировую войну, но преимущественно лишь для достижения подсобных целей — подхода, развертывания, занятия исходных позиций, производства поисков, укрепления, подачи снабжения, перегруппировки и т.д. В отношении же решительных боевых действий ночью мировая война дает определенное отрицательное значение. Японцы отбрасывают его и рассчитывают преодолеть трудности ночных действий настойчивой тренировкой войск к производству ночных атак. Ночь в значительной степени устраняет значение техники и переносит центр тяжести на ближний бой и рукопашную схватку. А, как известно, каждая армия считает превосходство своих солдат в штыковом бою не подлежащей сомнению истиной.

Ночной бой представляется для японской тактики столь соблазнительным, что она обнаруживает большое стремление воспроизвести и днем ночные условия видимости. Недостаток в поддержке артиллерийским огнем возмещается чрезвычайно обильным снабжением японской пехоты дымовыми шашками. Дымовые завесы находят широкое применение и при наступлении, причем распоряжения о поднятии их децентрализуются вплоть до усмотрения взводных командиров.

При обороне же японская позиция будет очень часто представлять сплошной клуб дыма. Пулеметы приспособляются к стрельбе через дым в отмеченном положении; руководят их огнем выдвинутые на опушку дымовой завесы наблюдатели.

Оборона японской дивизии характеризуется выделением больших сил и резервов для решительного перехода в наступление. Поэтому даже при общей большой плотности фронта — 10 км на очень сильную в отношении пехоты дивизию — для занятия непосредственного фронта обороны остаются небольшие силы, и полоса сопротивления японской обороны всегда неглубока, имеет только один ярус огня автоматического оружия, а потому чрезвычайно уязвима для артиллерии противника.

Недооценка артиллерийского огня противника, воспитанная отсутствием у русских в 1904-1905 гг. гранаты, сказывается как в этой недостаточной глубине обороны, так и в расчетах японской тактики на весьма искусное маневрирование средствами обороны в полосе ураганного неприятельского огня.

Между прочим, японцы отдают предпочтение встречной атаке перед производством контратаки: как только начинается движение противника на последних 200 м перед передним краем, стрелковые отделения передовых рот обороны также должны выходить из окопов и бросаться навстречу противнику в штыки, вместо того чтобы спокойно расстреливать его на этих последних, самых трудных 200 м наступления. Этот перегиб имеет привкус положений очень старых реакционных французских или русских уставов, опровергнутых уже опытом войны 1870 г.

Известное мелководье японской тактики не должно являться основанием для поспешных отрицательных заключений, так как оно очень тесно связывается с большой оперативной целеустремленностью. Форсируя реку, японцы далеко выходят за пределы достижения тактического результата — преодоления крупного препятствия; они ведут эту операцию на широком фронте, ставя себе целью охват и окружение обороняющего реку противника.

Этой оперативной установке они обязаны громадным моральным и материальным успехом в бою под Тюренгенем, при переправе через большую реку Ялу в 1904 г.

При обороне реки на маневрах они также уделяют минимальное внимание отпору на самой реке и ставят себе широкую оперативную цель — атаковать всеми силами противника, когда он успеет только наполовину переправиться, и уничтожить его, сбрасывая в реку.

Понять сколько-нибудь правильно военное искусство японцев можно только в целом, учитывая одновременно и стратегию, и тактику.

Заключение

Вера в оперативное искусство, которое создает положения, удваивающие боевую мощь своих войск и пытающиеся ставить противника, несмотря на его численность и технику, в худшее положение, лежит в основе японского военного мышления.

Поэтому вполне естественным явилось более чем сдержанное отношение японской военной мысли к опыту мировой войны, сильнейшим образом обделившему оперативное искусство в пользу воскрешенной им крупной тактики.

Тактическая работа главнокомандования на франко-германском фронте мировой войны опровергла в Европе определение тактики как искусства командиров в пределах не выше дивизии.

Но это отрицательное отношение японцев к выводам из мировой войны нельзя рассматривать как проявление чисто реакционных тенденций, в особенности после 1932 г., когда японцы на собственном опыте познакомились с трудностями наступления, когда противник располагает достаточным числом пулеметов.

Японцы предприняли заметные шаги для ликвидации своей отсталости от европейцев: они полностью перешли в пехоте к групповой тактике, резко повысили количество пулеметов, уделили серьезное внимание навесному огню, который до того игнорировался ими, завели в пехоте гранатометные и батальонные гаубицы, ввели в состав дивизионной артиллерии дюжину легких гаубиц.

Но в основном вопросе о взаимоотношении оперативного искусства и тактики они сохранили собственную линию.

Действительно, может быть, ни одна буржуазная армия не имеет столько предпосылок для построения оригинальной военной доктрины, как японская. Материальная база японской армии отличается рядом специфических особенностей. Вооруженные силы имеют свой характерный политический облик; флот и армия имеют особые пути развития, свой боевой опыт, свои трудности роста и готовятся действовать на утраченном уже в Европе просторе весьма своеобразного театра войны.

Под наносом переводных заимствований, оставшихся в японских уставах с того времени, когда японская армия находилась еще на школьной скамье и буквально копировала с европейских наставников, мы попытались отметить эту особую линию японской мысли, выливающуюся в ряд оперативных и тактических особенностей, находящихся в строгой логической связи друг с другом.

В настоящее время повсюду военное искусство стоит перед крупным поворотом, обусловленным дальнейшим развитием появившихся еще в мировую войну новинок техники. Новые тревожные вопросы встают и перед японской военной мыслью.

Но у нас еще нет оснований гадать о дальнейших путях развития военного искусства в Японии. Но можно полагать, что моторизации армии, тесно связывающейся с оперативным искусством, японская армия все же отдает предпочтение перед наращением артиллерийских масс, которое тянет в сторону укрупнения тактики.

Мы отбрасываем, как нелепую, постановку вопроса о том, хороша или плоха японская военная доктрина. Фактам отметок не ставят, а она является фактом, продиктованным жизнью, всеми предпосылками, определяющими развитие японской армии. И очень важно понять и осмыслить этот факт, что, пожалуй, затруднительно, если оставаться в рамках традиционного западно-европейского мышления и не переноситься в конкретные условия Дальнего Востока.

О различиях в понимании вопросов военного искусства Красной армией и японской мы здесь не говорим; эта заслуживающая полного внимания тема остается за пределами настоящей статьи.

Военная мысль. - 1937. - № 1. - С. 141-165.

Отпор и оборона

(Сдвиг в германской военной терминологии)

Немецкая военная терминология начала складываться полтора столетия назад, когда стало остывать пристрастие к французским терминам, особенно культивировавшимся Фридрихом II.

За эти полтора столетия термин “оборона” всегда противопоставлялся термину “наступление”. Под обороной разумелись два акта — выжидание, отпор действиям противника и переход к положительным действиям, производство контратаки. В стратегии период выжидания мог растягиваться весьма различно, почему сопротивление могло получать различные виды — от обороны на границе до обороны, относимой вглубь государства. Но в тактике, при скоротечности боя, оборона всегда должна была иметь жесткий и решительный характер. Арьергардные действия, стремящиеся не к решению боя, а лишь к выигрышу времени, являлись в тактике неполноценной обороной, которую следовало по возможности избегать.

С этим жестким представлением о тактической обороне прусская армия успешно воевала в течение столетия, вплоть до 1917 г. И лишь в последнюю четверть мировой войны громадные потери, которые несла под жестоким огнем англичан во Фландрии германская пехота, плотно занимавшая передовые окопы, вынудили Людендорфа в октябре 1917 г. дать указания о создании “передового поля”. С этого момента, наряду с жестокой обороной, германская армия в постепенно возрастающей степени начала применять оборону гибкую, подвижную, связанную с уступкой территории противнику шаг за шагом. При этих отступательных действиях жестоко пострадал авторитет германского командования, и оно сохранило самые неприятные воспоминания о “гибкой” обороне.

Конечно, поражения германских войск в 1918 г. были обусловлены глубокими причинами политического и экономического порядка, а также и истощением людского материала. Но германские тактики отводят в числе их видное место “тактическому разврату”, внесенному в армию понятием о гибкой обороне. Раньше пехота или стойко удерживала позицию, или же, при успехе противника, уничтожалась и рассеивалась. Теперь же можно

было встретить части, которые в бою пятились с одного рубежа на другой и находили себе оправдание в том, что они ведут гибкую оборону.

Отсюда в германской тактике народилось требование: оборона должна быть единственной, жесткой, и никакие прилагательные по отношению к ней недопустимы. Прилагательные “сдерживающая”, “гибкая” по отношению к обороне являются приводами, подрывающими стойкость пехоты и сеющими тактические недоразумения.

На эту точку зрения единства понятия тактической обороны, преследующей цель решительного боя, стал и новый германский полевой устав — “вождение войск”. Если какая-либо часть получила оборонительную задачу, то она должна отдавать себе ясный отчет в том, что обязана драться до последних сил на своем участке, без всяких оговорок.

Однако в современных условиях занятие непрерывного фронта поперек всего театра войны, хотя бы и слабыми силами, является необходимостью. В многих случаях войска, развернутые на очень широких фронтах, не могут доводить боевые действия до решения и должны вовремя ускользать от решительных ударов превосходных сил противника. Авторы германского устава ясно понимали, что нельзя ограничиться одной жесткой обороной.

Выход был найден в том, что эта категория действий была выведена за пределы понятия обороны, которая всегда должна вестись, имея в виду добиться решения. Эти действия получили наименование сдерживающего боя или сдерживающего сопротивления.

Но при этом ограниченном толковании обороны она уже не является охватывающим представлением, которое можно противопоставить понятию наступления. Поэтому германский устав ввел новый термин — “отпор”.

Все военные действия, преследующие не позитивную, а негативную цель, являются отпором. Если боевые действия должны быть доведены до решения, то отпор называется обороной. Если войскам указывается и дается право уклониться от решения, то отпор называется сдерживающим боем или сдерживающим сопротивлением.

Германский термин “оборона” представляет теперь только узкое и притом исключительно тактическое понятие. В стратегии

решение отделяется от действия иногда значительным промежуток времени, представление о жесткости отсутствует; поэтому германская военная мысль избегает термина “стратегическая оборона” и заменяет его термином “стратегический отпор”. Стремясь к строгой последовательности на основе нового полевого устава, германские писатели, даже ссылаясь на старые классические труды по стратегии, заменяют слова “оборона” (Verteidigung) новым действующим термином “отпор” (Abwehr).

Красная звезда. - 1936.- №301.-31 декабря

ИЗУЧЕНИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Академическая подготовка

Изучение военной истории

Корни враждебного к истории отношения

Чтобы разобраться в вопросах, что может дать военная история для практической подготовки Красной армии к войне и как надлежит подходить к изучению военной истории, нам необходимо, прежде всего, остановить наше внимание на тех нападках, которые вызывались положением исторической работы в течение последнего полувека, когда она получила огромное развитие и когда историческое понимание легло в основу нашего сознания.

Варварским было квалифицировано состояние исторической науки Чемберленом-отцом в его знаменитой книге о XIX столетии: “Я был во французском лицее, затем в английском колледже; дальше мое образование находилось в руках учителей частной швейцарской школы, и закончил я его под руководством ученого пруссака. Я свидетельствую, что в этих различных странах даже наилучше обоснованная история трех последних столетий (начиная с реформации) излагается столь различно, что я без преувеличения могу утверждать, что систематическое искажение еще сегодня является повсюду в Европе принципом преподавания истории. Собственные достижения повсюду выдвигаются на первый план, а успешная работа других или замалчивается, или заглаживается; иные дела выставляются на яркий свет, а другие прячутся в густую тень; так создается картина, которая в некоторых частях только на особенно изощренный глаз представляет отличие от голой лжи.. Совершенная незаинтересованность, любовь к справедливости, являющиеся основой всякой подлинной истины, отсутствуют почти повсюду. Из этого можно уяснить, что мы еще варвары”. Несомненно, элемент варварских противоречий, свойственный реляциям двух полков, сражавшихся рядом,

написанным полковыми адъютантами, заинтересованными в том, чтобы выдвинуть подвиги своего полка и скрыть его упущения, свалив вину на соседа, свойственен и национальным историям. Ученые историки еще часто становятся на позицию национальных или кружковых адъютантов. Но в целом упрек Чемберлена несправедлив. История не может представлять план; история обязательно должна представлять перспективное изображение, отображающее единую точку зрения. Не только каждый класс, но и каждое поколение нуждается в новом историческом творчестве, которое бы стало на его точку зрения, отвечало бы на его запросы, освещало бы интересующие его темы. Планом, равно пригодным для всех, может быть только исторический материал. Топографический план нужен нам для того, чтобы ориентироваться в нашей точке нахождения и выяснить отношение различных местных предметов к нашему пути и нашим задачам; но эта ориентировка по топографическому плану — дело настолько простое и ясное, что может быть предоставлено на усмотрение широким массам, пользующимся планом; только в особенно трудных случаях топографический план требует дополнения, излагающего особенно важную точку зрения — перспективные кроки. Исторический же материал настолько разнообразен и бесконечен, и составление по нему определенного перспективного изображения представляет такие трудности, что пользование им, как планом, для широкого круга деятельности совершенно исключается. Требуется серьезная, углубленная работа специалиста, чтобы составить по нему кроки исторической перспективы, которыми только и могут пользоваться неспециалисты по данному историческому вопросу. Раз мы переходим от исторического материала к историческому труду, мы тем самым становимся на какой-то наблюдательный пункт. Жалобы Чемберлена, по существу, сводятся к тому, что с различных наблюдательных пунктов меняется открывающаяся панорама. Но было бы ошибочно думать, что если бы все историки стали бы на рельсы монизма, тем самым история была бы сведена к полному единообразию. Как для разрешения различных задач артиллерийской стрельбы необходимо пользоваться различными наблюдательными пунктами, так и историк для освещения различных проблем, сохраняя свой метод, должен каждый раз заботиться о занятии соответственной точки зрения: надо вовремя пользоваться и микроскопом, и подзорной трубой,

приближаться и удаляться к предмету наблюдения, уходить в сторону, если забор преграждает нам поле зрения; иначе историк и сам не сумеет разобраться в своей задаче и, наверное, останется непонятным и неинтересным для своей аудитории.

Подвижность исторической науки, ее способность приспособиться к ответу на любые запросы составляет ее основное свойство, огромный плюс, и упреки в том, что она отличает от точных наук, лишены содержания. Гораздо важнее соображения, выдвинутые двумя великими военными противниками истории — французом Левалем и немцем Шлихтингом. К концу XIX века наполеоновские традиции в стратегии и тактике перегораживали дорогу развитию военного искусства. Военная история являлась цитаделью наполеоновской догмы; приемы, которыми побеждал Наполеон в начале XIX века, были провозглашены вечной, непреложной истиной, панацеей на все времена. История являлась оплотом консерватизма в военном искусстве, ссылка на Наполеона являлась достаточной, чтобы одернуть каждого новатора; сам Мольтке-старший, поступая на практике вопреки Наполеону, наложил на себя обет теоретического безмолвия, не решаясь восстать против себя всех многочисленных поклонников Наполеона, коими ему приходилось руководить. Наполеон — гений, учитель, наставник в военном искусстве начала XIX века, являлся бездушным идиолом, когда в конце того же века телеграф, железные дороги, новое оружие, новая экономика и новые солдаты совершенно изменили условия, в которых приходилось осуществлять военное искусство. Техника второй половины XIX века фактически создала новое Ватерлоо для наполеоновской системы побеждать, но “старая гвардия” военной идеологии не сдавалась; как раз в эпоху, когда преклонение пред этой системой обращалось в чистейшее идолопоклонство, шла особенно напряженная работа по исследованиям походов Наполеона, на выводах из исторических трудов по Наполеону строилось изучение оперативного искусства и тактики; в философии исторической школы, провозглашавшей, что все — частный случай, и отрицавшей обобщения и противопоставление эпох, отвергавшей эволюцию, наполеоновская школа черпала доводы для борьбы с передовой военной мыслью. Наполеоновская система философски оправдывалась утверждением, что вообще всякая система — научное зло-

употребление, а частные случаи все хороши, хотя бы и поросли мхом.

Леваль и в особенности Шлихтинг резко подчеркивали отсутствие в наше время тех предпосылок, на которые базировался Наполеон; но их внимание было направлено не столько на борьбу с ложным толкованием исторического опыта, сколько на борьбу с самой историей; ряды военных историков, обращенные против новаторов, представляли сплошной консервативный фронт. Отчаявшись его прорвать, новаторы стремились подрвать значение истории; самые злобные сарказмы обрушивались на историков; историческая работа и историческое знание дискредитировались всеми доступными способами; Шлихтинг добивался введения особой генеральской должности в большом генеральном штабе — нового обер-квартирмейстера, задачей которого было бы — наблюдать за уничтожением в военном преподавании каких-либо ссылок на Наполеона и его походы. Конечно, было бы разумнее вырвать оружие истории из рук консерваторов, чем дискредитировать его; вместо цензурного изгнания Наполеона из школы было бы разумнее осветить его в исторической перспективе как пройденную уже военным искусством ступень развития, понимание которой помогает нам разобраться в последующих, современных нам стадиях развития военного искусства; но консерватизм в истории пустил такие глубокие корни, военные историки были столь твердолобыми, так прочно окопались на своих застывших позициях, что эта задача казалась не по плечу ни Левалю, ни Шлихтингу. Они стали врагами военной истории потому, что в военной истории XIX века не явилось Маркса, который своим “Капиталом” мог бы дать бой на исторической почве и сумел бы провести грань между различными эпохами. Корень ошибок Леваля и Шлихтинга заключается в том, что нельзя отрицать направленное против нас оружие, а нужно им овладеть. Враждебное отношение к истории этих крупных военных мыслителей остановило их на полпути и помешало им раскрыть полностью характер современной войны. Но вина здесь не столько их, сколько твердокаменных представителей исторической школы. Военная история осталась скомпрометированной в глазах нашего поколения.

Негодование против военной истории поддерживается теперь не столько по мотивам Шлихтинга и Леваля, как вследствие но-

вой позиции, занятой историками в результате мировой войны, безжалостно разбившей уцелевшие черепки наполеоновской идеологии. Современный военный историк вырождается в обывателя под зонтиком, он держит идеологический нейтралитет, он не вмешивается в оперативные, тактические, стратегические споры, он игнорирует материальные условия имевших место операций и не говорит ничего ни уму, ни сердцу своей аудитории. Из современных военных историков можно было бы создать общество ревнителей архивной работы, или общество любителей древностей; пусть эти древности — реликвии гражданской войны — не насчитывают еще и десятка лет своего бытия; современный военный историк и по отношению к гражданской войне берет на себя роль кладбищенского сторожа. Вместо того, чтобы являться ареной самой горячей борьбы за толкование путей, которыми мы должны следовать в военном искусстве, военная история становится местом упокоения. Тираж погашения, а не идейные вожди поколения командиров...

Каждый историк, чтобы разрешить падающие на него задачи, должен использовать два источника: первым из них является форум, идеологический базар; историк должен потолкаться в давке молодого поколения, подслушать его вопросы, подсмотреть его жизнь, остановить свое внимание на стоящих перед ним задачах, ознакомиться с его научным и литературным лепетом. Только на этом базаре научной суеты историк может составить себе представление, какие вопросы он должен себе поставить, какие стороны многогранного исторического прошлого он должен осветить, какова должна быть программа его труда, что важно и что не важно, какой материал в настоящую эпоху имеет историческое значение и какой материал в настоящее время представляет мертвый балласт, какие темы найдут широкий отклик и на какие темы современное мышление отказывается вибрировать. И только вторым источником являются письменные и материальные памятники старины. Понимание архивов, успешная раскопка их немислимы без понимания аудитории, без понимания вопросов, около которых стратеги и тактики ломали свои копья. Задача историка — заставить памятники прошлого отвечать на вопросы современности. Это единственное средство сжать исторические фолианты, найти им читателей, сделать историческую работу рента-

бельной не только для издателей, но и для поколения, для государства в целом.

Сейчас военные историки (за малым исключением) не выходят на форум военной мысли, и их работа основана на началах благотворительности. Это — род убыточного, но обязательного ассортимента; а отсюда морщатся составители учебных планов, предоставляя учебные часы военным историкам, морщатся издатели, когда им навязывают военно-исторические труды, морщится редактор толстого журнала, морщится слушатель и читатель... Историческое производство на обязательности ассортимента далеко не уйдет.

Историк — вождь поколения — не может не жить с ним одной идейной жизнью. Между тем, надо констатировать, что многих на историческую работу толкает как раз полное отсутствие интереса к современности. История является подчас средством уйти целиком в прошлое. Это явление могло быть подчеркнуто нашей революцией, но оно вызвано не ею. Историк становится музейным деятелем, уходя весь в давно минувшую эпоху. Музейный деятель, архивный работник имеют право быть влюбленными в каждый завиток древности, исключать из своего поля зрения все то, что не касается эпохи, по которой они специализировались. Мы же от историка требуем смелую, свежую и непосредственно касающуюся нас мысль, даже если дело идет о древней Греции и Риме.

Типичную картину вырождения в музейного деятеля представлял, например, начальник штаба 2-й прусской армии в 1870г. генерал Штилле. В ближайшие помощники командарма-2, принца Фридриха-Карла, Штилле попал вследствие имевшейся у него репутации образованнейшего человека в прусском генеральном штабе. Эта репутация основывалась на том, что Штилле был величайшим знатоком эпохи Фридриха Великого. Штилле объездил все фридриховские поля сражений и изучил их малейшие детали; он знал назубок все фридриховские уставы и инструкции и мог с успехом провести сложное учение с фридриховским батальоном. Он изучил весь строй мыслей Фридриха Великого и мог уверенно сказать, какое решение принял бы Фридрих Великий в том или другом случае. Он мог, на фридриховском ломаном немецком языке XVIII столетия высказать сентенцию в духе Фридриха Великого по поводу любого события. Чем не образованный воен-

ный? Однако, историческая работа Штилле не только не помогла ему понять современность, но положительно повертывала его спиной к современной ему эпохе. Все, что было после Фридриха, презиралось и игнорировалось Штилле, как нечто не достойное внимания. В его мозгу, занятом эпохой Фридриха, не оставалось ни малейшего местечка для того, чтобы уделить внимание поучениям Мольтке; современные уставы, длина современных походных колонн, организация современного тыла являлись слишком прозаическими объектами для ученого исследователя Фридриха. Результаты его полководческой деятельности, конечно, были самые печальные. 14 августа 1870 г. французская армия Базена дралась на правом берегу р. Мозель, впереди крепости Мец. А 16 августа, по предложениям Штилле, отступление ее уже продвинулось на один переход от Меца назад. С такой быстротой промелькнуть через мосты на р. Мозель и через крепость могла бы маленькая армия Фридриха Великого; но двухсоттысячная армия эпохи 1870 г., с разросшимся тылом, представлявшая кишку, которая на одной дороге вытянулась бы на две сотни километров, конечно, с такой быстротой исчезнуть по одному шоссе на Верден не могла. В результате — ошибочный приказ для марша 2-й армии на 16 августа, едва не повлекший катастрофу для двух прусских корпусов под Марс-ла-Туром. Мольтке был вынужден оставить штаб 2-й армии руководить блокадой Меца, а для маневренных операций, которые привели к Седану, сформировал новое армейское управление — кронпринца Саксонского и позаботился о том, чтобы в нем отсутствовали ученые-специалисты по XVIII веку...

Образ Штилле в моих глазах не смешон, а ужасен. Для скольких русских генералов он является образцом! Дух его господствовал и в старых русских военно-исторических журналах, и в старых русских военно-исторических обществах и кружках. Старый русский генерал на склоне лет являлся брюзгой по отношению к реальной жизни, писал мемуары или углублялся в историю в духе Штилле. История может быть не только могучим орудием для пробуждения и углубления нашего сознания, но и опиумом, вызывающим преждевременную его дряхлость, рвущим нити с настоящим, переносящим нас из мира реальностей в мир теней и похороненных интересов и идей, вызывающим антикварное отвлечение к непоросшим мхом вопросам.

И особенную опасность представляет это извращение истории, когда оно облачается в роскошные литературные формы. Тацит всегда являлся образцом красноречия. Горе, если уроки военной истории будут представлять только уроки красноречия!

Наличие этих уроков, ученых исследований и красноречия, не имеющих никакого отношения к современной действительности и не пытающихся внести что-либо новое в наше понимание военного искусства и предстоящих военных задач, эту позицию обывателя под зонтиком пытаются оправдать тем, что задача военного историка заключается в том, чтобы установить фактический ход событий и причинную между ними связь, а уже дело представителей других военных дисциплин использовать их труд по своему усмотрению и извлечь из него плоды. Почтенная спекуляция на урожай с бесплодной смоковницы! Область, в которой изолировалась ныне военно-историческая работа — объективное исследование причинной связи между военными событиями, производимое с военной точки зрения, — представляет ложное учение, отвергаемое ныне и марксистской, и буржуазной наукой. Если мы присоединяемся полностью к мнению Клаузевица, что война представляет продолжение политики, часть ее, то мы не можем настаивать на разумности проведения грани между политикой и военной историей. Как можно изучать военную историю особо, вне круга сложно переплетающихся политических интересов, политических сил и политических событий, если каждая военная операция, каждое боевое решение представляют реакцию на какое-то политическое воздействие? Какая цена “стратегическим” очеркам, игнорирующим сложный и глубокий ход политических событий войны? Что стоит надуманная военным историком причинная связь между военными событиями, если корни всех важнейших военных решений лежат вне досягаемости исследовательской деятельности военного историка, в той, частью глухой, а частью явной политической борьбе, которую представляет война в целом.

Военные историки нарушают основной завет Клаузевица и обращают свои труды в посмешище для каждого, углубившегося в политическую историю данной войны. Своими объяснениями, с “исключительно военной точки зрения”, они попадают пальцем в небо. Понятно скептическое отношение к военно-историческим трудам со стороны гражданских историков, высказывающих ны-

не сомнения в возможности и разумности существования такой научной дисциплины, как военная история.

Военная история и подготовка к войне

Подготовка к войне — касается ли это боевой подготовки роты или подготовки всего государства, базируется на наших представлениях о минувших войнах; мы вкладываем известные поправки за эволюцию военного искусства в течение периода времени, отделяющего нас от минувшего исторического опыта, но в основном мы руководимся им. Природа всего военного знания — историческая.

Иногда нам кажется, что наши уставы, изучаемые нами методы оперативной и тактической работы представляют продукт самостоятельного рационального творчества. Эта иллюзия особенно усиливается, если последнее идет не самостоятельным путем, а складывается и компилируется из учения того, что делается в иностранных армиях. Чем менее основательна и авторитетна историческая работа, ведущаяся в рядах армии, тем более робко выступает оригинальная мысль и тем шире приходится становиться на путь подражаний и заимствований. Полный отказ от исторического мышления знаменовал бы, в наш век быстрой эволюции, необходимость “призыва варягов”, т.е. развитие переводной военной литературы. Игнорируя историческую работу и развитие оригинальных военно-исторических трудов, мы пошли бы в ученье “французику из Бордо”.

Последний, надсаживая грудь, будет давать толкование военного искусства, *вытекающее из французских условий подготовки*, и, главное, будет освещать нам путь необходимых преобразований в организации, оперативном искусстве и тактике с большим опозданием. Отказ от самостоятельного обсуждения исторического опыта непременно ведет к *хвостизму* — к повторению, с обязательным запозданием, того, что делают наши враги и соперники. Соревнование, основанное на методах хвостизма, ни в политике, ни в экономике, ни тем более в военном искусстве не может привести к успеху. Самостоятельный путь, хотя бы усеянный ошибками, предпочтительнее. Очень любопытен был бы очерк хвостизма в подготовке старой русской армии. Драгомирову удалось, на основании опыта турецкой войны, провести в восьмидесятых годах вопрос об организации тяжелой полевой

артиллерии, в виде шестидюймовых полевых мортир. Но пока тяжелая полевая артиллерия оставалась продуктом русского исторического мышления, развитие ее подвигалось кустарными методами: вооружили немного батарей первым неудачным образцом и на том покончили. Дальнейших забот о качестве и количестве не прилагалось. Немцы взялись за тот же вопрос, на основании нашего плевненского опыта, значительно позднее; несмотря на то, что плевненский опыт отозвался на наших боках весьма чувствительно, немцы на него к началу XX века реагировали гораздо энергичнее. В 1905 году тяжелые орудия дебютировали в полевых сражениях. Казалось бы, нам, испытавшим на себе огонь тяжелых пушек и невозможность с нашими полевыми орудиями подготовить атаку японских укрепленных позиций, и книги были в руки, чтобы дать ответ на вопросы о значении тяжелой полевой артиллерии, о качествах, которым она должна удовлетворять, о размахе, которых надо дать формированиям тяжелой артиллерии. Что же мы видим? Мы не доверяли своей способности к суждению и выжидали реакции германской военной мысли на опыт Мукденского сражения. Только когда немцы объяснили, что японские тяжелые пушки, хотя огонь их не имел достаточных материальных результатов, все же произвели значительное моральное впечатление; что недостаточный материальный эффект огня японской тяжелой артиллерии объясняется устарелостью японских орудий и отсутствием организации их в хорошо сплоченные и обученные полевые части; что опыт Мукдена ни в какой степени не колеблет взятой в Германии линии на максимальное усиление полевой тяжелой артиллерии, — только заимствовав все эти опорные точки мышления, мы становимся на путь перехода от кустарничества к серьезной работе над тяжелой полевой артиллерией. Правда, мы не ошиблись в направлении наших мероприятий; но мы решительно ошиблись в сроках их осуществления. Избрав себе позицию в хвосте за Германией, мы не могли не запоздать.

Наивный читатель может быть подумает, что я уклонился от темы, что я привел пример, относящийся к области тактики или организации, но не к области военной истории! Действительно, прямо поразительно, как всякий живой, важный вопрос выскакивает у нас сейчас же из рамок военной истории и свивает свое гнездышко под крылышком какой-либо другой дисциплины или

даже делопроизводства. В высшей степени ошибочно думать, что историческая работа сосредоточивается только в кафедре военной истории; если бы это было так, мы бы и в зрелом возрасте оставались слепыми щенками. Тактик, артиллерист, организатор — все они по-своему ведут историческую работу, припоминают и восстанавливают факты прошлого и дают им оценку. Всякое тактическое указание имеет глубокие исторические корни, и хорошо был бы тактик, который бы стал ждать, чтобы наша военная история разжевала и поднесла ему опыт минувшего. Каждый в армии, продумывающий вопросы подготовки к войне, ведет известную историческую работу, примеривает свои мысли к опыту прошлого, переваривает подчас крупный исторический материал; от “присяжного” историка работа его иногда отличается только тем, что он, в виде штата или инструкции, преподносит нам только вывод, оставляя историческое изложение про себя как подготовительную стадию работы. И если эта историческая работа не всегда прodelывается, если подчас выводы прыгают с потолка, то тем хуже для них...

Обидно, что нет связи между работой “присяжных” военных историков и этими историческими выводами, составляющими будни подготовки к войне. Почему наши военно-исторические труды не лежат, как справочные книги, на столе каждого начальника отдела штаба РККА? Почему эти работники совершенно не заинтересованы в нашем военно-историческом творчестве. Почему, если поставить любую оперативную тему — хотя бы о *размахе современной операции*, — оперативный работник не найдет в наших военно-исторических трудах никаких ответов на интересующие его вопросы и окажется вынужденным производить самостоятельные исследования, чтобы установить статистику размера переходов, статистику отрыва от головных станций железных дорог, чтобы установить условия материального обеспечения операции. В этом отсутствии в наших военно-исторических трудах необходимого нам содержания, в необходимости самостоятельных поисков в архивах не-присяжных историков заключается самая сокрушительная критика работы “исторических спецов”⁴⁰.

---

⁴⁰ По поводу моей книги “Стратегия” мне было сделано лестное замечание, что я “обокрал” историю. Но почему не только мне, но и ряду практических работников приходится каждый раз обкрадывать историю, а не исторические труды? Не потому ли, что как

Что такое устав? Это военная история и построенное на ней рассуждение; только все изложение фактов и критики их опущено, и в уставе дается, в императивной форме, лишь вывод из них. Что представляет хорошо написанный устав? Это такой устав, при чтении каждого параграфа которого рождается в мозгу представление об известных военно исторических событиях, вдохновивших этот параграф. Параграфы устава, не поддающиеся военно-историческому толкованию, могут быть только надуманы, представлять плод фантазии и, конечно, без них устав, в большинстве случаев, ничего не потерял бы.

Наше замечание сохранит полную силу, если мы припомним, что военная история охватывает не только период самых военных действий, но период подготовки к ним, распространяющийся и на весь период мира. И военная история следит не только за эволюцией военного искусства и техники в периоды войн, но и в периоды мира. Может быть не менее интересной, чем военная история 1918-1920 гг., явилась бы военная история Красной армии в 1921-1927 гг.: ведь часы военной истории не остановились в момент изгнания Врангеля из Крыма; мы слишком легко упускаем это из виду.

В чем, после первого ознакомления с боевым уставом, должна заключаться наша работа по усвоению и углублению его понимания? Конечно, она не может состоять в том, чтобы зазубривать его наизусть или дополнять, или детализировать указания устава. Последнее следовало бы строжайше воспретить. Сейчас эта работа идет по преимуществу в русле натаскивания на практическое применение указаний устава: занятие, несомненно, полезное, в особенности, если характер будущей войны окажется близким к тому, который имелся в виду творцами уставов. Но другой путь овладения уставом заключается в расшифровке той военно-исторической действительности, которую имеет в виду каждый параграф устава, в раскрытии того конкретного материала, который привел к заключающемуся в уставе выводу. В бою, под неприятельской шрапнелью и пулеметами, сохраняют силу только те уставные положения, которые восприняты не только по форме,

---

гласит французская пословица, и король теряет все свои права там, где взять нечего... - А.С.

а по духу. Устав становится моим, когда его требования делаются прозрачно ясными мне.

Отсюда понятна необходимость двух линий военно-исторической работы: первая — творческая, исследовательская работа, зашифровывающая свои выводы в виде параграфов уставов, декретов, инструкций, штатов; другая линия военно-исторической работы — толкующая, объясняющая, расшифровывающая, конкретизирующая на военно-историческом материале эти требования. Военно-историческая работа нужна и строителям, и наставникам Красной армии, чтобы создать разумные основания подготовки ее к войне, и нужна молодым командирам, чтобы понять своих наставников, понять предъявляемые им требования. У нас, к сожалению, отсутствует вовсе тип военно-исторических трудов, раньше широко распространявшихся в Германии, — военно-исторических толковников к уставу, своего рода военно-исторических объяснительных к ним записок. Не оригинальный и не вытекавший непосредственно из обсуждения военно-исторического опыта характер русских уставов, впрочем, представлял для последних работ существенное препятствие.

Обе линии военно-исторической работы, как ни различны они по своему характеру, должны связываться в одно целое ярким практическим устремлением. Создать разумную практику или популяризировать эти практические требования — великая цель, которую должна ставить себе военно-историческая работа. Наши труды по военной истории всегда витали в облаках; патентованная наука смотрела не без презрения на узкий практицизм уставов. Наука для мудрецов, уставы — для простецов. От этого разрыва военно-исторические труды может быть страдали еще больше, чем уставы. Они не давали практического резюме, вывода, они оставались бесплодными для практики, и потому лишними и ненужными.

Мне представляется, что возможно написать такую историю военного искусства новейших войн, из каждой главы которой, само собой, как вывод, выливались бы один или несколько параграфов оперативного устава; и возможно написать такой оперативный устав, каждый параграф которого представлял бы вывод из не приведенной в уставе главы, посвященной одной из последних войн. И я ясно ощущаю исполнимость такого желания.

Оперативное искусство и тактика в военной истории

Оперативный устав без соответственной военно-исторической работы представляет нежизнеспособное, лишенное корней растение; он был бы обречен на провал в своем зародыше. Казалось бы, что наша военная история, игнорирующая тактику, будто бы по недостатку материалов, и сосредоточивающая все свое внимание на оперативном руководстве военными действиями, должна давать все готовые выводы, из которых просто можно было бы сложить оперативное учение. Попробуйте заняться этой работой, и вы увидите, что самые объемистые военно-исторические труды не делают ни шагу на пути к построению оперативного учения. В практической части своей они представляют пустое место. Какое-то судебное разбирательство над прошлым, восхваления одних, обвинения других; и это разбирательство не дает вам никакого ключа к пониманию оперативного кодекса, который, казалось бы, должен был бы иметься для собственного руководства у автора-прокурора, адвоката и судьи и преимущественно протоколиста в одном лице.

В настоящий момент все внимание устремлено на тактику. Быть может, нам следовало бы вовсе отказаться от военной истории, культивирующей по преимуществу оперативное искусство? Это представляло бы жестокую ошибку. После русско-японской войны у нас сложилась и широко распространилась такая оценка русского командного состава: офицеры хороши до командиров полков включительно; а генералы никуда не годятся, причем командиры корпусов слабее начальников дивизий, а командармы и главкомы представляют чисто отрицательное явление. Тот же вывод отчасти нашел себе подтверждение и в опыте мировой войны... Какой смысл в этих оценках, если мы выбросим из них нелепый личный момент: очевидно, если подбор на высшие посты бывает неудачным и не захватывает наиболее выдающихся командиров, то все же трудно предположить, что на высшие должности специально подбирался самый неспособный и негодный элемент. Приведенная оценка может быть истолкована только таким образом, что наши неудачи в японскую и мировую вой-

ны имеют преимущественно оперативные корни; тогда как решение тактических задач являлось более или менее по плечу командирской массе, мы оказывались несостоятельными перед выдвинутыми войной оперативными проблемами. Если роты действуют хорошо, а корпуса и армии — неудовлетворительно, то центр тяжести проблемы поднятия боеспособности лежит в сфере оперативного искусства, а не тактики. Этим выводам, в отношении русской действительности, не противоречит и опыт гражданской войны, хотя, конечно, он затемнен многочисленными исключениями, и сильная, непреклонная воля к победе позволяла в гражданской войне добиваться более успешного хода операций.

Военная история может весьма способствовать выработке оперативного глазомера; без нее чрезвычайно трудно сообразить оперативные цели в соответствии с имеющимися силами и средствами, не оторваться в оперативных планах от почвы реальности, дисциплинировать свою фантазию, трезво оценивать оперативную обстановку. Военная история является прекрасным средством для того, чтобы каждый оперативный работник осмысливал бы свою работу с точки зрения интересов всей операции в целом и не слишком бы увязал в интересах своей колокольни. Поэтому надлежаще поставленная военная история должна занимать первенствующее место в образовательной подготовке лиц, готовящихся к деятельности “службы генерального штаба”. Военная история должна быть и основным каналом, по которому диалектика вторгается в военное мышление.

Военная история должна углубить и наше понимание оперативной техники. Оперативное искусство еще не выражается в таблицах снабжения и подвоза, в расчетах восстановления телеграфных линий и железных дорог, в средних арифметических данных размаха операций и быстроты оперативного наступления, средних или рекордных данных техники. Надо изучить все колесики оперативной техники в сборе, в работе, надо познакомиться с их прошлым, с затруднениями, являвшимися при развитии операций, с методами их преодоления, надо удостовериться в огромной растяжимости и гибкости всех данных оперативной техники на примерах прошлого, чтобы вполне овладеть ими в настоящем.

По отношению к тактике позиция военной истории будет несколько иной. В тактике условия борьбы изменяются столь быстро, что военная история едва ли может взять на себя задачу выра-

ботать тактический глазомер. В тактике особенно опасно “силы нового врага успехом старым мерить”. В течение мировой войны тактические примеры одного года войны уже не годились для обучения войск в последующем году. Однако, каждая школа тактической мысли имеет какие-то основные боевые эпизоды, толкнувшие ее на развитие в определенном направлении. Последнюю четверть XIX века тактическая мысль, в области наступательного боя, жила преимущественно анализом атаки прусской гвардии на селение С. Прива и атаки Скобелева на два плевненских люнета. Все параграфы наступательного боя, в уставах всех армий, представляли то или иное толкование этих боев. Военная история в борьбе за углубление тактической мысли, конечно, не должна обходить таких примеров.

Но теперь мы слышим единогласную жалобу всех историков — нет материалов, по которым они могли бы дать что-либо тактически полезное, из опыта мировой и гражданской войн. Тактические действия ныне, впрочем, как и всегда, находят крайне недостаточное отражение в архивном материале. Современный бой недостаточно бюрократизирован, многие важные донесения и приказы передаются устно по телефону и не оставляют письменных следов. Если и остаются кой-какие документы, то нелегко их разыскать, и еще труднее в них разобраться. Остается, следовательно, только подождать 10-20 лет; по истечении этого времени уцелевшие участники боев издадут любопытные мемуары, которые дадут ключ к пониманию части отрывочного тактически-мертвого материала архивов...

Если бы дело обстояло так безнадежно, как рисуют нам военные историки, войны 1914-1920 гг. не должны были вызвать никакого тактического перелома. Их опыт следовало бы признать пока не поддающимся истолкованию, как надписи на неизвестных языках, находимые в пустынях Азии. Все армии должны были бы оставаться приблизительно на старых точках зрения, и уставы 1927 г., а также современная организация, должны были бы отличаться от эпохи 1914 г. только небольшими наращиваниями, представляющими учет новейших усовершенствований техники. Однако, мы видим в уставах всех армий за последние 13 лет крупные переломы, представляющие какое-то понимание опыта мировой войны; самое широкое вторжение новой техники в организацию и тактику армий мы должны приписать не столько изо-

бретательской работе человеческого мозга, как новому пониманию требований боя, зародившемуся на фронтах мировой войны. Мы, несомненно, присутствуем при широком толковании тактического опыта последних войн; ведется очень энергичная тактико-историческая работа, при абсолютном неучастии в ней “присяжных историков”, что придает ей даже несколько кустарный характер.

Можем ли мы в настоящее время сравнить наши уставы и нашу организацию с нормами 1913 г., с довоенным состоянием “тактической промышленности”, отметить имеющиеся различия и постараться понять их происхождение, отыскать их корни в свете событий мировой и гражданской войн? Достаточно ли эта почтенная задача для военного историка? Может ли последний ограничиваться установлением, кто, куда и почему пошел, или должен использовать и подвергнуть анализу весь огромный материал тактических наставлений, инструкций, даже уставов, выпущенных в течение войны, установить, какие события заставляли отказываться от существовавших перед войной точек зрения, как новые методы боя зарекомендовали себя в реальной обстановке фронтов и какую оценку они себе нашли? Мне кажется, можно и должно. Работа эта трудная, но вполне осуществимая. Препятствие одно: военный историк не хочет считать ее своей; он принципиально враждебен всякой эволюции и желает, вопреки природе, рассматривать войну в статическом состоянии. Для военного историка война еще представляет точку эволюции военного искусства, не имеющую никаких измерений. Всякий вопрос эволюции он принципиально считает не затрагивающим его дисциплины, и охотно передает его на рассмотрение истории военного искусства. Последняя же, ведя свою работу последовательно, только начинает подтягиваться к XX веку и не располагает ни временем, ни силами, ни средствами, уделяемыми военной истории.

Вывод мне представляется довольно ясным: мировая война представляет сама целую эпоху развития военного искусства; подход к ней со старой, статистической меркой военной истории недопустим; деление на военную историю и историю военного искусства ныне утратило свой смысл; их необходимо слить; широкие точки зрения и эволюционный подход истории военного искусства должны быть полностью усвоены военной историей;

лишенная их, оскопленная военная история права на существование не имеет.

Слитие истории военного искусства и военной истории представляется нам тем более необходимым, что в современном толковании обыкновенно относят к области истории военного искусства войны более давнего времени, а современные войны, в особенности мировую и гражданскую войны, относят к области военной истории. Делается это так, вероятно, потому, что под военной историей полагают более подробное и систематическое изучение военных событий, а под историей военного искусства — более сжатое и отрывочное. Что же получается? Научные работники ставятся на систематическую работу как раз там, где систематическое, последовательное изложение событий пока невозможно, и от последовательного анализа мы отказываемся там, где его уже возможно поставить на твердую научную почву. Как можно создать военную историю гражданской войны 1918-1920 гг., когда еще нет политической истории русской революции и гражданской войны, когда многие политические решения, определявшие судьбы Красной армии и стратегические решения, еще остаются не исследованными и не опубликованными? Не являются ли покушением на доктрины Клаузевица и Карла Маркса, притом покушением с негодными средствами, попытки дать стратегический очерк не уточненной в политическом отношении войны? Не обязаны ли мы, в силу этого, ограничиваться отрывочным изучением гражданской войны, изучая отдельные ее стороны, отдельные выдвинутые ею организационные, стратегические, тактические вопросы, отдельные операции, поскольку уже можно улавливать политические их предпосылки? И разумно ли отказываться от последовательного изучения хотя бы одной войны прошлого, уже надежно обследованной в политическом отношении, чтобы получить ясное представление о тесной зависимости всех военных решений от политического и экономического фундамента войны? И если оказывается, что разумнее методы истории военного искусства пересадить на исследование последних войн, а военную историю отодвинуть вдаль, то не проще ли слить эти дисциплины воедино?

Темп и объем военно-исторической работы

Мы вполне понимаем отзвуки недовольства современным состоянием военной истории, которые слышатся с разных сторон. Мы отнюдь не можем, однако, согласиться с мнением некоторых уважаемых гражданских историков, которые, находясь на какой-то ступени отчаяния, вовсе отрицают право военной истории на существование. Большая советская энциклопедия, повторяя ошибку Шлихтинга и Леваля, почти вовсе не отводит места военной истории. К чему, действительно, для исследования архивов войны иметь военных историков во френчах, когда та же работа, и несравненно менее наивным образом, может быть выполнена гражданским историком, более искушенным в приемах исторической критики и базирующимся на более широкое политическое и экономическое знакомство с эпохой? Да потому, что военная история нам нужна в деловом отношении; потому что гражданский историк, конечно, может прекрасно справиться с историей войн, как подсобной областью истории культуры, но гражданский историк не может прочитать в архивах ответ на интересующие Красную армию практические вопросы стратегии, тактики и военной организации. А если бы мог, мы облачили бы его в военную форму, причислили к высшему командному составу и признали бы его военным историком, то есть лицом, являющимся вождем не только политического, но и военного мышления поколения наших командиров.

Но это почти невозможно. Гражданский историк может развернуть талантливо очерченную картину прошлого, как француз Тьер сделал по отношению к наполеоновскому эпосу, или как маленький Тьер — англичанин Кинглек — сделал по отношению к лорду Раглану и англичанам, сражавшимся в Крыму в 1854-55 гг. Но необходимого нам делового подхода, указующего нам дальнейшие пути военного искусства, гражданский историк дать не может. Для этого надо вариться в котле постоянных запросов военной жизни.

Труднейшее дело в военной истории — это постановка вопросов, подлежащих ее освещению. Удивительно, с какой быстротой Мольтке-старший в течение одного года создал классический труд — историю кампании 1859 г. Архивы обеих воюющих сторон были для него недоступны; он располагал только отрывочными данными и донесениями нескольких военных агентов.

Наш военный историк повернулся бы спиной к такому недостаточному, случайному материалу. Но Мольтке знал потребность армии освежить свой оперативный и тактический кругозор. В его руках, по должности начальника прусского генерального штаба, находился список наболевших оперативных, тактических, мобилизационных и организационных вопросов, на который армия ждала ответа. Можно было бы, конечно, попытаться набросать ряд руководящих статей и поместить их в официозных изданиях. Мольтке поступает иначе: располагая только общими контурами военных событий, он изучает, какой ответ они дают на запросы военного искусства. Война разгорается необычайно быстро, но насколько успешно смогли мобилизоваться французы и австрийцы? Австрийцы производят усиленную рекогносцировку и терпят неудачу у Монтебелло, — какого надо быть мнения об усиленных рекогносцировках? Под Сольферино большие кручи штурмуются много успешнее, чем удается продвижение под огнем через совершенно ровный лагерный плац, — не характерно ли это для современного огневого боя? Организация тылов обеих сторон, использование железных дорог, деление австрийских сил на две частные армии, руководство во встречных сражениях — все это дает пищу для чрезвычайно поучительных и в высшей степени деловых рассуждений Мольтке. Кто рискнет назвать этот классический военно-исторический труд Мольтке, переведенный на все языки, ненаучным? Последнее его издание, в полном собрании сочинений Мольтке, снабжено примечаниями военно-исторического отделения прусского генерального штаба; все архивы, вся литература за 40 лет использованы для того, чтобы внести поправки в цифры и фактическую сторону изложения Мольтке. Поразительно, насколько ошибки Мольтке в военных вопросах имели частный характер, почти не затрагивающий его выводов⁴¹. Правда, война эта была много проще и короче мировой войны, но возможность научно-делового изучения войны быстрым темпом едва ли может оспариваться.

Примерами быстрой разработки военного опыта являются также военно-исторические монографии прусского генерального

---

⁴¹ Но так как Мольтке не отдавал себе полного отчета в политических условиях, связывающих обе стороны, то в предположениях своих о причинной связи событий он иногда был не прав. Впрочем, Мольтке весьма разумно обходил неясные ему вопросы, и чистая история в его труде — на втором плане. — А.С.

штаба, посвященные англо-бурской и русско-японской войне, дававшие научное освещение, с ценными для подготовки армии деловыми выводами, спустя 2-4 года после того, как военные действия имели место. Весь секрет заключается в том, что авторы были в курсе современных оперативных и тактических вопросов; кто же попытается в архивах искать программы вопросов, по которым он в своем военно-историческом исследовании будет поучать современников, едва ли поспеет со своим трудом и для их внуков.

Насколько мы должны углубляться при изучении военной истории в глубь веков? Нельзя ли ограничиться историческими исследованиями мировой и гражданской войн? Совершенно нельзя; как бы мы полно ни овладели архивным материалом по последней войне, наши выводы будут шатки, мы будем страдать близорукостью по отношению к настоящему и будущему, если у нас не будет опоры в понимании эволюции военного искусства за длительный период. Мы не поймем современных требований к встречному бою, если не проследим всю историю его, начиная со сражения при Мадженте в 1859 г., когда он выдвинулся на первый план тактического искусства. Мы не поймем и тех изменений в постановке вопроса о нем, который вызван опытом 1914 г. Было бы вообще ошибочным ставить какие-либо хронологические рамки для изучения военной истории; могут существовать и существуют совершенно устаревшие уже труды по гражданской войне 1918-1920 гг., и история гражданской войны между Юлием Цезарем и Помпеем и сейчас может дать и даст некоторые любопытные ответы на вопрос о стратегическом руководстве гражданской войной. Русские всегда болели склонностью к “полкохождению”, к массивным построениям, к ударной тактике, и военная история будет оставаться на деловой почве, подчеркивая недостатки флангообразных построений, хотя бы она восходила до сражения при Каннах включительно.

Но, разумеется, мы должны иначе расценивать изучение военной истории в период, предшествовавший введению нарезного оружия, и в новейшее время, начиная с Восточной войны 1853-55 гг. Раньше нас интересуют только крупные сдвиги в военном искусстве, являвшиеся следствием капитальных изменений социального строя и экономики, только ход эволюции и отдельные, поучительные для нашего поколения эпизоды. Эпизодом про-

шлого, пройденной ступенью является и наполеоновское военное искусство. С момента же введения нарезного оружия, с эпохой Мольтке нас связывают многие нити — и прежде всего борьба с пережитками наполеоновского военного искусства, незаконченная, пожалуй, и по сегодняшний день. На войнах последних 75 лет мы можем и проследить, как складывалась вся система наших современных военных знаний. И, конечно, особое ударение должно быть сделано на войнах XX века, позволяющих уже противопоставлять наши современные взгляды эпохе Мольтке, также начинающей уже отходить в прошлое. Ударение, которое, однако, не следовало бы понимать в виде отказа от методов истории военного искусства и предъявления невыполнимых требований последовательности и систематичности.

Военная история предстанет перед нами неисчерпаемой сокровищницей интереснейших и поучительнейших мыслей и фактов, если мы не будем зарываться в нее, укрываясь от настоящего, от практической работы; страницы прошлого должны представлять для нас не могильные памятники, а оружие для борьбы в настоящем, ключ к его пониманию. Каждое поколение должно само выковывать новое историческое оружие, сколько бы труда это ему ни стоило, и овладевать им, чтобы иметь возможность свободно ступить своей дорогой и не тащиться в хвосте за другими.

Война и революция. - 1927. - № 4. - С.49-66.

Ценность военно-исторической подготовки командира

— Мы готовимся к будущей войне, а не к мировой войне 1914 года.

Спорить против правильности такого утверждения не приходится. В нашу эпоху колоссальных социальных и технических сдвигов конкретные условия, в которых приходится вести войну и сражаться, изменяются весьма энергичным темпом. В наше время было бы губительным полагать, что можно одерживать успехи одними и теми же приемами тактического и оперативного искусства не только в двух последовательных, отдельных войнах,

но и в двух кампаниях, отделенных друг от друга только несколькими месяцами времени.

Этот быстрый ход эволюции военного искусства, непосредственно ощущаемый всеми командирами, не может не вызвать кое у кого сомнений в полезности затрачивать значительное время на изучение военно-исторического прошлого. Теперь ведь все так быстро стареет, становится непригодным в совершенно новых условиях войны. Теперь больше чем когда бы то ни было командир обязан устремлять свой взор к будущему, пытаться учесть условия, в которых ему придется вести в бой красноармейцев в будущей войне. Современная техника представляет необъятное поле для изучения. Разумно ли поэтому отрывать часы и дни от исследования современных проблем моторизации армии, чтобы познакомиться с фактами, ушедшими в прошлое, имевшими место при господстве уже отживших предпосылок?

Как ни загружен командир, как ни дорого его время, но военная история не может теперь уступить ни пяди из принадлежащего ей места в подготовке командира к любой ответственной тактической или оперативной роли. Ощущаемая нами быстрота эволюции военного искусства только подчеркивает, насколько диалектика пронизывает всю область военного дела и составляет его существо, насколько бессильны средства формальной логики при обсуждении вопросов военного искусства и на какой опасный путь эта формальная логика может нас ежеминутно толкнуть. С точки зрения последней, основные вопросы военного дела — например, наступление пехоты и борьба за превосходство в огне — представляются областью иррационально, неразрешимыми загадками. Буржуазное мышление справляется с запросами военного дела, лишь сводя оперативную и тактическую теорию к минимуму, близкому к нулю, каким являются “вечные принципы”, и перенося центр тяжести военного образования на военную историю, на анализ конкретных фактов военного прошлого.

Военное мышление насквозь исторично. Если бы внезапно ход истории остановился и новые факторы перестали бы врываться и революционизировать военное дело, то, пожалуй, военную историю можно было бы отбросить на второй план и сосредоточить все свои усилия на разучивании испытанных методов ведения боя и операций. Но значение военной истории колоссально возрастает, когда каждый месяц приходится давать оценку новых фактов,

изменяющих самые основы ведения боя, — будь то танк или революционное движение, самоходное орудие сопровождения пехоты или переход от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному. Без солидной военно-исторической подготовки мы не можем уловить значение каждого нового фактора и бессильны представить себе те изменения, которые повлечет за собой его проявление в достаточно удаленных уголках военного дела. Только военная история дает нам представление о военном искусстве в целом, о тесной зависимости всех его частей друг от друга; только военная история знакомит нас с картиной глубоких изменений в военном искусстве, которые вызывали в прошлом социальные и технические сдвиги, и только военная история может нам помочь разобраться в самых острых и злободневных вопросах. Несомненно, история является единственной базой, на которой может расти творческая мысль в области теории военного искусства. Вопрос заключается только в том, что можно черпать либо непосредственно из истории, либо проводить заимствования у зарубежных теоретиков, что означает использование той же истории, но из вторых рук.

Огромное значение в подготовке командиров Красной армии получает военная игра. Военная история и военная игра должны являться двумя равноценными сторонами подготовки командира; они прекрасно дополняют друг друга. С одной стороны, подготовка представляет величайшие опасности. Военная игра в кругу лиц, вовсе не осведомленных в военной истории, обрисовывается мрачными чертами; она отрывается от действительности, становится схоластичной, приводит к шаблонному повторению требований устава, находящемуся вне всякой связи с обстановкой данного конкретного случая, и блещет только своей поверхностностью и бедностью внутреннего содержания. Военной игре в случае разрыва с военной историей всегда угрожает вырождение в своеобразное “пеше по-конному”, в упражнение в разговоре командным языком и технике штабной службы, лишенное всякого внутреннего содержания. Только наличие военно-исторической подготовки позволяет успешно бороться с этими отрицательными уклонами военной игры, насытить ее тактическими и оперативными идеями и поднимает военную игру от простой гимнастики на уставную тему в разряд особенно ценных и поучительных упражнений.

Изучать военное искусство, не изучая военной истории, это равносильно тому, что прочитывать в книге только предисловие и заключение. Так поступают иногда очень занятые люди, но очень вероятно, что они на этом деле зря теряют свои немногие свободные минуты.

И слушатели Военной академии, и широкие круги командиров Красной армии проявляют к военной истории значительный интерес. За последнее время у нас появился ряд стоящих трудов и по гражданской, и по мировой войне. Однако резко ощущается разрыв между значением военно-исторической подготовки и вниманием, уделяемым обеспечению этой подготовки первоклассными историческими трудами. Требования к последним повысились в колоссальной степени. Нужны громадные усилия, чтобы военная история действительно могла стать наставницей в военном искусстве, а не предлагать лишь более или менее сырой материал на уразумение читателям, только по совместительству, только кустарным образом — в свободное от других занятий время. А за границей мы видим могучие военно-исторические институты в виде военно-исторических отделений генеральных штабов или секции рейхсархива; на военную историю тратятся ежегодно сотни тысяч. И это, пожалуй, очень производительно израсходованные на оборону средства, так как они позволяют военному мышлению стать на собственные ноги. Если в отношении военной техники нужно добиваться полной независимости от иностранного импорта, то, пожалуй, в такой же степени ценной является независимость от импорта и военного мышления армии.

С каждым годом наши средства преподавания военной истории обогащаются новыми трудами. Слушатели, окончившие в 1930 г. Военную академию, уносят с собой некоторый военно-исторический багаж. Что в этом багаже наиболее ценного? Интерес и любовь к военной истории, навыки подходить с исторической перспективой к изучению любого вопроса, понимание основного значения военной истории в той дальнейшей самостоятельной работе, которая должна будет вестись каждым за стенами Военной академии, потребность быть в курсе новых военно-исторических исследований. Работа над военной историей никогда и никем не может оказаться исчерпанной. Новая фаланга командиров, выпускаемая академией в армию, будет продолжать работать над своей военно-исторической подготовкой, являясь

ценным звеном в общем повышении интереса и требований красных командиров к военной истории.

Красная звезда. - 1930. - №100. - 1 мая.

Судьбы военной мысли

Пройденная дорога

Перед мировой войной, во всех странах Европы, протягивалась какая-то великая стена, разделявшая военное мышление от гражданского. Еще к началу XIX века относится замечание, что военные чинят свои перья шпагами. Нарождение в течение века военных академий отнюдь не способствовало сближению военной и гражданской мысли. Во всех академиях учили прежде всего мыслить по-военному — нарождалась логика в мундире. Если штатскому человеку простительно пребывать в нерешительности, колебаться, взвешивать соображения за и против, требовать освещения вопроса и с другой стороны, то военный, прежде всего, должен был держаться возможно дальше от всякой диалектики. Сила постоянных армий заключается в том, что она не взвешивает своих симпатий и не меняет точек зрения; дисциплина сомкнутого строя стремилась охватить и военнонаучную область. Односторонность взглядов являлась как бы основной добродетелью военного мышления. Критик не легко чувствовал себя в военных вопросах, так как нельзя критиковать заповедей, выгравированных на скрижалях завета; а военное мышление обзавелось целым ликом святых, непогрешимость авторитета коих оспаривать было нельзя; слова Фридриха, Суворова, Наполеона являлись заповедями, хранившимися в каждом лагере.

Гражданская мысль являлась врагом внутренним. Первые и самые горячие строки, которые написал Мольтке, возвратясь в 1871 г. с войны с Францией, были посвящены этому внутреннему фронту и направлены против претензий Бисмарка на право участия в руководстве войной. Презрительная кличка “бир-стратегов”, философов войны из пивной, должна была показать гражданским ученым на всю недопустимость подхода к исследованию военных вопросов. Ни один социал-демократический депутат, критиковавший в рейхстаге прусский милитаризм, не ис-

портит большому прусскому генеральному штабу столько крови, как член правой в палате господ, наследник Трейтчке по редакции самого консервативного прусского журнала, профессор Берлинского университета Дельбрюк, начавший читать своим студентам курс истории военного искусства и вступивший в полемику по военно-историческим вопросам с генеральным штабом. Это был настоящий внутренний враг, против которого было пущено в ход оружие бойкота и клеветы. И каждый успех гражданского ученого в военных вопросах рассматривали как поражение своих. Мы уже не говорим об отношении к Францу Хенигу: этому талантливому историку приходилось защищать свое право на военно-историческую критику с оружием в руке.

Вождь французской военной мысли, генерал Леваль, отличавшийся особенно трезвым, позитивным умом, и сам необыкновенно образованный человек, приходил в неистовое состояние, когда встречал статью гражданского автора по военным вопросам. Ненависть против Гамбетты и его штаба — Фрейсинэ, Сери-де-Ривьера, — обида за генерала Орель-де-Паладина, неповинно пострадавшего при натиске политических деятелей во вторую половину войны 1870 года, отравили все мышление Леваля. Он упорно трудился, чтобы возвести стенку, которая должна отгораживать компетенцию военных от господ, не носящих военного мундира. Он одел стратегию в шоры, добровольно пошел на страшное, роковое сужение ее поля зрения, чтобы порвать связь между гражданской и военной мыслью.

На фронте парижской, высшей, военной школы красовались слова: “мушкеры и бенедиктинцы“. Мушкеры — это такие солдаты, тело, мозг и сердце коих переродилось так, что на все реагирует по-военному; это воплощение солдатской точки зрения. Ученость в девизе французской военной академии представлена бенедиктинцами, почтенным монашеским орденом, насчитывающим втрое более ученых и писателей, чем людей строгой жизни. Это очень почтенная ученость, сохранившая нам в течение средних веков, дошедшие до нас, обломки античной мысли, ученость с большой эрудицией, но, прежде всего, ученость не от мира сего, ученость за монастырской стеной, так враждебной вообще гражданской мысли.

Если военная мысль стремилась укрыться за монастырской стеной, то гражданская мысль, с своей стороны, приветствовала

это отчуждение. Придавать в истории какое-либо значение военным вопросам долгое время было признаком скверного научного тона. Наука облеклась в лицемерную демократическо-пацифистскую тогу. Удивительное зрелище представлял муж науки, работавший десятилетиями над какой-нибудь тридцатилетней войной, сличавший тысячи рукописей и никогда не открывавший ни одного военного учебника, и судивший об исторических делах и военных деятелях исключительно с филологической точки зрения. Русские университеты, конечно, являлись архиштатскими учреждениями. Гражданские профессора одели также шоры своего гражданского образца. Можно только отметить в Германии прорыв школы Дельбрюка, да несколько военных кафедр в швейцарских университетах, объясняемых милиционной системой швейцарской армии.

Каковы же явились результаты такого разобщения? Мировая война отчетливо подвела итоги. Только односторонность направления военной мысли, только добровольно одетые всеми генеральными штабами шоры объясняют полную неожиданность тех сюрпризов, которые поднесла мировая война. Война затянулась на такой срок, который не допускался ни одним военным писателем; борьба сложилась не на сокрушение, а на измор, тем методом, который был сдан в архив военными вместе с XVIII веком и о котором перед войной любил распространяться только гражданский ученый Дельбрюк. Особое значение в мировую войну получил экономический фронт — и все государства оказались к борьбе на этом фронте неподготовленными. Выяснилась тесная связь политики и стратегии; все, что можно было сделать перед войной, чтобы затруднить установление таковой, было сделано. Пришлось мобилизовать для работы на войну все умственные и промышленные средства стран, и конечно, эта задача не облегчалась наличием монастырской стены, за которой укрывались бенедектинцы.

Не одна Россия, но и все воевавшие государства оставались в течение войны без снарядов, далеко не рационально использовали имевшиеся промышленные ресурсы, резали по живому мясу экономический организм страны, предпринимали заведомо безнадежные операции, с большим опозданием приспособлялись к новым техническим средствам, бесполезно расходовали сотни тысяч человеческих жизней. Уроки последней войны обошлись

так дорого, как никогда, и, естественно, родилось стремление обратиться в них и в будущем не повторять прежних ошибок.

На новом пути

Во всем мире военная мысль работает другим темпом. В военном лексиконе повсюду появились новые слова. Уже за два года до основания Красной армии Людендорф пришел к необходимости организовать в армии постоянную политическо-просветительную работу. Отчужденность военной мысли от гражданской начала рисоваться самим военным руководителям, как кошмар. Замещающий начальника прусского большого генерального штаба, генерал Фрейтаг-Лорингофен, выступил уже в 1917 году с проектом — образовать после войны в университетских городах девятимесячные курсы для поручиков; лекции гражданского профессора оказались необходимыми молодому офицеру, чтобы справляться со своей работой в части, а ведь недавно еще это был враг внутренний. Повсюду народились учреждения, которыми военный аппарат стремится связаться с промышленной организацией государства. Генеральный штаб отбывает стаж во Франции не только в различных родах оружия, но и в промышленности. Установить контакт совершенно необходимо. Кафедры — и не только военно-исторические, но и по военному вопросу — открываются в свободных высших школах, даже если страна еще сохраняет постоянную армию.

Для нас, переходящих на территориальную организацию армии, сдвиг в области мышления и, в частности, высшего образования представляется, может быть, еще более необходимым. У нас нет более стены, которая бы разделяла гражданское и военной мышление, и нет более сепаратизма ни там, ни здесь. Однако, мы еще не имеем *территориальных* университетов, которые бы готовили не просто образованных людей, а людей образованных и подготовленных не механически отнестись к прохождению службы в территориальных частях. Наша общая пресса касается только парадной, внешней стороны Красной армии и еще не уяснила своей задачи как печати, обслуживающей вооруженный народ. Мы еще откупаемся выделением средств на особое военное издательство и остаемся при глубоко чуждом военным запросам Госиздате.

В Московском университете историческим факультетом был избран лектор читать курс истории военного искусства, но такой курс был найден излишним пацифистским представителем государственной власти. Военно-историческая комиссия начала работу по истории участия России в мировой экономической войне, работу очень важную для постановки мышления на новые рельсы, но мы не видим, чтобы эта работа теперь шла и привлекала чье-нибудь внимание. Мы совершенно не осведомлены, чтобы молодежь, окончившая Военную Академию, хотя бы частью командировалась для отбытия промышленного стажа; мы уже отчетливо сознаем решительное значение экономического фронта для нашей боеспособности, но перспективы работы трестов в условиях войны остаются туманными. Мы имеем уже экономический генеральный штаб, но это, может быть, самые штатские и далекие от военного дела люди в государстве — армия еще не ощущает контакта с ним.

Теоретически у нас красные инженеры, организующие в мирное время народный труд, должны в момент войны явиться и военными вождями трудящихся... Это — огромная программа, это — десятки лет упорной работы, это — огромные вековые предрассудки массы, которые предстоит преодолеть. Мы еще только взялись за территориальные формирования и, может быть, не вполне еще усваиваем тот огромный фронт сближения кадров армии с кадром, на котором предстоит повести работу, чтобы влить действительную силу в организацию вооруженного народа...

Стоит ли военное мышление, представленное в Военной Академии, на этом новом пути, или здесь старая стена, в которой только цикл политико-социальных наук образует брешь?

Хотя мы все чинили раньше наши перья шпагами, однако, и в старой России не наблюдалось такой чистоты юнкерского военного мышления, как на западе. Новую академию отнюдь не давит бремя традиций, заповедей, священных “табу“, недоступных для критики. Гражданская мысль вводится у нас даже, может быть, слишком обильными, с педагогической точки зрения, дозами. Все преподавание истории военного искусства строится на идее эволюции, которую до мировой войны обычно считали столь противной требованиям военного мышления, что не остановились перед уничтожением преподавания самой дисциплины истории

военного искусства в Парижской и Берлинской военных академиях.

Наш академический курс порвал линию преемственности со старой академией и имеет свои корни в работах семинария Дельбрюка при Берлинском университете. В стратегии мы являемся счастливыми обладателями широкой, к сожалению, еще не заполненной программы. В военной администрации у нас, несомненно, больше фayoлизма, чем в любом нашем промышленном предприятии. Нельзя шире идти навстречу новым идеям, чем идет наша тактика. По временам наши часы даже уходят вперед, в сравнении с реальными условиями нашей техники. Военная география явилась на смену военной статистике; это что-нибудь да значит. Технике мы уделяем столько внимания, что наши курсы получают даже интерес справочных изданий. Классические формы сохранило только преподавание военной истории, содержание которой зато почти целиком заполняют мировая и гражданская войны...

Разумеется, и в преподавании, и в усвоении военных наук за первые пять лет существования Красной Военной Академии можно было бы отметить значительное число пробелов, объясняемых и пестротой научной подготовки слушателей, и предоставляемым Академией минимумом научного комфорта, и развлечением сил и внимания то событиями на фронтах, то различными ударными вопросами, наконец, неустановившимся, кипучим, переходным характером всей академической жизни.

Однако, есть и огромные плюсы при построении нового военно-идеологического фронта.

Налицо безусловный научный энтузиазм. Есть порыв в этом штурме научных высот. Если порой не хватает глубины и основательности, то есть широта подхода, которая уберезет нас от односторонности.

В старой академии, когда мы еще сидели на школьной скамье, нам постоянно твердили, что, когда мы кончим академию и выйдем за ее стены, мы будем свободны критиковать и лекции преподавателей, и находить ошибки у самого Наполеона. Пока же мы учимся в ней, мы должны добросовестно усваивать подносимый материал. Академия стремилась быть храмом науки, и такие же храмы военной науки, с еще более строгим культом, представляли военные академии запада.

С точки зрения храма науки, позиция Академии на новом пути представляет значительную особенность. Вспоминаются первые годы лекций: аудитория прямо шипит при тех или иных выпадах профессора. Слушатели, только что прибывшие с фронта, брались за учение с явной целью вычитать из учебника не то, что было в нем написано; на каждом лице можно было прочесть святотатственную для храма науки мысль — внести что-либо свое, толкнуть вперед, перестроить всю военную науку на новый лад, раскритиковать в пух и прах подносимые рассуждения. Энтузиазм сливался с глубоким непочтением к старым формам военной науки...

Крайности изжиты и перемололись. Однако, не считается непочтительным, чтобы каждый красноармеец думал, что он носит в своем ранце будущий маршальский жезл; наоборот, такая надежда создает силу армии. Почему же, отправляясь в поход на идеологический фронт, не чувствовать себя будущим маршалом науки, не ощущать в себе профессора военного искусства, который приведет в соответствие с ушедшей вперед жизнью одряхлевшие военные теории? Не минус, а плюс, если на зачете хорошо сдается учебник, на который слушатель смотрит сверху вниз; не минус, а плюс, если по энциклопедическому словарю проверяются утверждения, раздававшиеся с кафедры.

Самостоятельная работа слушателя начинается с первым его критическим сомнением. Лабораторный метод, который вводится в Академии через пять лет ее существования, представляет только педагогический канал, открывающий упорядоченный выход; а своя лаборатория работала в мозгу слушателей с основания Академии.

Отсутствие какого-либо сепаратизма военной мысли у преподавателей и критическая, не проникнутая никаким пиететом позиция слушателей по отношению к военной науке, исходящая из сознания необходимости движения вперед, представляются нам сильнейшими сторонами Академии на новых путях.

Военная академия за пять лет. Сборник под ред. М.Л.Белоцкого, И.Г.Ключко, Е.А.Шиловского.- М., 1923. - С.162-168.

Стержни военного искусства

Изучение военного искусства, в академическом масштабе, дробится на огромное число отдельных дисциплин. Многопредметность, представляя вообще огромное зло, особенно опасна в военном искусстве, так как второстепенные предметы, иногда почти справочного характера, при дроблении преподавания могут занять далеко не соответственное место и затереть главные; утрачивается общая перспектива на военное искусство, в котором требуется прежде всего гармония; колесики отдельных предметов перестают сцепляться с колесиками других, и получаемые знания теряют свою действенность, обращаются в мертвый материал.

Мне представляется, что разумная постановка обучения военному искусству не должна преследовать цели — нагромоздить массу материала в головах слушателей, материала, который удастся оживить и собрать потом в одно целое только немногим выдающимся мозговым аппаратам. Надо, чтобы механизм мышления мог работать все время, чтобы в самом процессе обучения предметы складывались в определенные этажи.

Таких этажей в военном искусстве мы видим три: *бой, операция, война*. Уже в эпоху Наполеона наметилось, что сражение состоит из отдельных боев и что искусство ведения боев и искусство группировки тактических действий для достижения цели сражения — понятия различные. Русская военная мысль уделяла этому различию весьма недостаточное внимание, несмотря на то, что эволюция военного искусства, раздвигая рамки сражения во времени и пространстве, все более увеличивала трещину между отдельными боями; самостоятельность последних росла, и сражение, наконец, полностью развилось в операцию. В настоящее время нельзя игнорировать деление, указанное еще Жомини, на малую и большую тактику. Последняя в современных условиях обратилась в оперативное искусство. Бой выливается из движения по одной дороге; эта единственная дорога и очерчивает пределы тактики; там, где несколько походных колонн, там развивается уже несколько боев, которые надо комбинировать, — там уже сфера оперативного искусства. Грубейшей ошибкой, конечно, было бы смешивать предлагаемое деление с расчленением тактики на элементарную и прикладную.

Эти этажи военного мышления надо изучать последовательно. Отсюда, конечно, вовсе не следует, что академическое преподавание должно быть сведено к трем основным предметам: тактике, оперативному искусству, стратегии. Но оно должно быть приурочено к ним. Исторические, технические, организационные и географические тенденции, представленные в настоящее время отдельными циклами и кафедрами, не должны отнюдь выпасть из учебного плана, но должны приспособиться к делению его на три этажа. В каждом этаже им должно быть отведено соответственное помещение.

Историческая тенденция должна являться основным устоем академического преподавания. На младшем курсе, разумеется, историческое изучение отдельных боев, до дивизии включительно, не может быть предметом особой кафедры, а должно тесно сливаться с изучением тактики⁴². Но зато на младшем курсе, посвященном, главным образом, изучению технических деталей, должна найти свое место история военного искусства, представляющая общее введение к академическому курсу, образующая ту рамку, в которую будут последовательно набираться отдельные предметы изучения.

На старшем курсе историческая тенденция могла бы найти свое выражение в изучении отдельных операций и в разработке слушателями военно-исторической темы, охватывающей участие корпуса или армии в одной из операций мировой или гражданской войн.

Выше оперативного этажа сейчас историческая тенденция в академическом преподавании вообще не поднимается; мы имеем не историю войн, а историю операций. Эта оперативная история должна основательно устроиться на старшем курсе. Очень бы хотелось иметь на дополнительном курсе действительно военную историю — стратегический разбор двух последних войн, останавливающийся исключительно на стратегических, а не на оперативных вопросах.

Техника должна разбиться между младшим и старшим курсами на боевую и оперативную. Умение в области военной техники могут дать лишь особые прикладные школы (Артиллерийская,

---

⁴² Контроль тактических примеров лицами, искушенными в исторической критике, может быть только полезен и предохранит исторический материал от чрезвычайных насилиев при приспособлении его в качестве иллюстраций.

Выстрел и т.д.); в стенах академии, при помощи подсекций ВНО и военных кабинетов, можно предоставить желающим углубиться в любую отрасль военной техники; было бы даже полезно обязать каждого слушателя стать специалистом в какой-нибудь, очень ограниченной, отрасли техники и отвести для этого соответственное время; но попытка приобрести умение во всех отраслях военной техники может повести лишь к верхоглядству. Академическая задача должна сводиться к тому, чтобы ориентировать слушателя в технических вопросах; уяснить связь их между собою и основные тенденции их развития; указать, в чем они обуславливают современный бой, операции и войну; как военные действия видоизменяются при отпадении какой-нибудь технической предпосылки; что можно требовать от техники и как ее экономичнее использовать. Все академическое изучение должно преследовать цель — выйти из рабства у технических шаблонов, перестать быть зрителем, пассажиром, обывателем в военной технике и научить сознательно пользоваться техническими процессами, критиковать их, ставить технические задания. Академические курсы отнюдь не должны представить сокращенные технические учебники, а должны ярко становиться на точку зрения боя или операции при разборе тех или иных технических вопросов. Должны ли технику преподавать техники? Сомнительно⁴³.

Организационные тенденции на младшем курсе должны быть очень близки к курсу тактики. Впрочем, такие вопросы, как устройство войсковых частей, их подготовка и воспитание, организация войсковых обозов в пределах дивизии — не должны утонуть в тактике. Стержень боя не значит еще, что тактика должна включить в свои пределы и фабрикацию пулеметов. Около тактики должно устроиться и преподавание техники оружия, и преподавание административных начал устройства и подготовки войсковых частей.

Операция с ее обширным тылом (корпус и армия) и сложным управлением предоставит уже организационной тенденции более широкий размах на старшем курсе. На дополнительном курсе организационная тенденция должна получить полное развитие, в виде учения о комплектовании, мобилизации — военной и про-

---

⁴³ Построение цикла военной техники, охват всех технических тенденций — очень важный вопрос, который мы оставляем открытым.

мышленной, сравнения наших организационных форм с существующими в иностранных армиях и т.д.

Географическая тенденция на младшем курсе логически выражается лишь в топографии, если только последняя не будет во все вынесена из академического преподавания на вступительные экзамены. Впрочем, военная география — предмет наиболее самобытный, и потому преподавание его может быть несколько перетасовано, в зависимости от наличия свободного времени.

На старшем курсе география изучала бы важнейшие театры и давала бы метод военно-географического исследования района операций. На дополнительном курсе она выражалась бы в работе над целыми государствами — СССР и некоторыми другими, подходя к исследованию их с точки зрения целого, ведущего войну, с уделением достаточного внимания экономическим вопросам.

Цикл социально-политических наук не может быть тесно увязан с предлагаемыми тремя этажами изучения военных наук. Однако, экономический материализм должен взять на себя задачу введения; изучение его должно сосредоточиться на младшем курсе, параллельно с историей военного искусства. Изучение определенных областей политической работы должно быть связано с боем и операцией. Политика империализма, дающая марксистский подход к учению о войне, тесно связывается с основной работой дополнительного курса.

В общем, на младшем курсе, около боя, все предметы будут несколько крепче увязаны, чем на дополнительном; пункт отдельных научных тенденций будет расходиться несколько веером к дополнительному курсу. Тем не менее, историческая, техническая, организационная и географическая тенденции, а также политико-экономическая должны прорезать все этажи академического преподавания и в течение всех трех лет его подготовки должны иметь особого попечителя, в виде руководителя соответственного цикла. Такое вертикальное руководство обеспечит преемственность работы и предохранит мышление слушателей от слишком резких толчков при переходе из класса боя в классы операции и войны.

Последний класс является обязательным. Изучение войны — не туманная философия, которой можно было бы избежать, а работа над весьма конкретными, уже ныне существующими дисциплинами, которым и теперь уделяется время. Вся работа по под-

готовке к войне останется непонятной, если не будут уяснены требования войны в целом; изучение операции будет представляться незаконченным и висящим в воздухе, если не будут уяснены требования, выдвигаемые ведением войны к операции.

В настоящее время, при отсутствии на каждом курсе определенного стержня, мы наблюдаем стремление указанных нами основных предметов (тактики, оперативного искусства, стратегии) к набуханию, к включению в свой объем весьма разнородных предметов, находящихся в известных отношениях к соответственному стержню.

Получаются мозаичные мастодонты, пестрые наборы дисциплин, весьма разнящихся по своим методам. Преподавание в условиях такой мозаики мельчает, изучение целых дисциплин заменяется натаскиванием по немногим вопросам, метод мышления отходит на второй план, справочные данные торжествуют. Если мы будем иметь тактический класс с известным контролем тактического руководства над всей программой класса, то это облегчит тактике войти в свои берега и углубить свои собственные вопросы. То же можно сказать и о разливе оперативного искусства, столь обширном, что само изучение операции почти равно нулю. Только контроль над историческим, географическим, организационным, техническим изучением операции на всем курсе и углубление в свое собственное дело.

Итак, три этажа преподавания — бой, операция, война, прорезываемые четырьмя циклами военных дисциплин; в виде такого наброска нам рисуется наивыгоднейшая организация учебной структуры академического преподавания.

Военная академия Р.К.К.А. Сборник 1-й. О комплексном преподавании. - М.: Издание Учебного Отдела, 1925. - С.16-21.

История военного искусства и стратегия и лабораторный план

Конечно, лабораторный план не есть лабораторный метод. Но раз он стремится к постановке учебной работы в лабораторные условия, то я позволю себе сначала остановиться на последних в приложении к интересующим нас дисциплинам.

Лаборатория — это средство не ознакомиться с внешним характером явления, а проникнуть в его существо. Работа в лабора-

тории приглашает судить не по обманчивой внешности, а обращается к рассудку. Выставочные приемы ознакомления представляют такую же противоположность лабораторным методам, как театральная декорация и мишура противоположны той жизни, которую они берутся отражать на подмостках.

В основе работы в лаборатории лежит картезианская требовательность: “чтобы достигнуть истины”, писал Декарт, “нужно однажды в жизни отречься от всех унаследованных взглядов и восстановить заново, с самого фундамента, всю систему наших знаний”. Это картезианское сомнение и движет лабораторным методом, который требует обращения к первоисточнику и собственноручного манипулирования обучающегося с научным сырьем для получения научного вывода. Лаборатория является не средством изучения теории, а средством ее проверки, средством самому, в короткое время, проделать часть того логического пути, который выполнила наука в течение столетий своего существования.

В военном искусстве лабораторный метод представляет чрезвычайные выгоды: ввиду спорности многих военных вопросов изучение логики данной военной дисциплины имеет и в практическом отношении не меньшее значение, чем ознакомление с выводами теории, которые завтра могут измениться; с другой стороны, быстрая эволюция военного искусства безжалостно лишает наследства ученых, занимающих военные кафедры. Точки зрения предшественников оказываются неприемлемыми для наследников. Военная теория каждое десятилетие перестраивается с самого фундамента. Методы постройки теории, требующие для успеха больших знаний и таланта, в то же время очень несложны и кратки. Вывод теории отделяется от бытия не слишком длинной логической цепью. Несомненно, высшее военное образование должно преследовать цель научить разбираться в жизни и делать соответствующие выводы. Практика генштабиста требует повторения лабораторной работы военного ученого. Поэтому, в изучении военного искусства центр тяжести должен быть перенесен на лабораторный метод.

Задачи лабораторного изучения в истории военного искусства, с известным трудом и затратами, могут быть достигнуты. Общая перспектива эволюции военного искусства может быть усвоена слушателями лишь при сохранении изучения курса, который мо-

жет быть несколько сокращен, но обязательно продолжен на последние 50 лет, отсутствие очерка которых представляет в нем ныне зияющий пробел. Но помимо этого, слушателю важно дать лабораторную практику: 1) в критике источников, дабы уяснить всю пропасть, отделяющую истину от заинтересованных описаний событий, и воспитать логическую требовательность при установлении фактической стороны; 2) необходимо дать практику в установлении связи между новым явлением в военном искусстве и изменением социальных и экономических условий жизни государства; 3) наконец, необходимо дать практику в оценке эволюции, которую военное искусство переживает на наших глазах. Мне рисуется, что можно было бы составить книгу, подобную труду “Стратегия в трудах военных классиков”, которая заключала бы в себе ряд отрывков для таких упражнений, так как иначе, при разброске материала, часто имеющегося лишь на иностранных языках, систематических занятий поставить нельзя.

Такой сборник мне рисуется в следующем виде: описание социальной революции в Египте, Месопотамии более чем за две тысячи лет до нашей эры. Папирус описывает разорение богатых в Египте, как гибель культуры и цивилизации; кирпичики с клинообразными письменами повествуют о ней, как о начале райской жизни: нет больше взяточников, нет угнетенных.

Слушатель должен придти к убеждению, что эти социальные революции, описываемые столь противоположно, по существу являлись одинаковыми, но в одном случае мы имеем идеализацию контрреволюционера, а в другом — революционера. Я бы поместил из Фукидида историю убийства спартанского царя Павзания, известного своей победой над персами, очень популярного, особенно в низших классах, среди крепостных, которых он хотел освободить, чтобы опереться на них; неожиданно он оказывается изменником, подкупленным персами, и убивается эфорами-комиссарами спартанской аристократии. Слушатель должен открыть и доказать, что измены никакой не было, и она выдумана аристократией, чтобы устранить опасного вождя готового ежеминутно вспыхнуть восстания илотов¹. Я привел бы средневековые хроники о завоевании норманнами Англии и битве при Танненберге, цель которых — заставить слушателя логически дока-

---

¹ Сравнить с выдумкой 4 июля 1917 г. о найденных доказательствах сношений большевиков с германским командованием.

зять, что составитель хроники, говоря о миллионах участников, соврал не в десять, не в сто раз, а в тысячу раз; что в этих операциях феодального периода могли принимать участие только немногие тысячи бойцов. Я привел бы несколько современных репортажей, в которых, правда, трех нулей не приписывается, но где текст все же полон логических противоречий. Слушатель должен был бы указать их и установить, какую позицию занимал автор репортажи по отношению к фактам и что толкнуло его на извращение. Я привел бы несколько великолепных описаний сражений, которые дал Трейчке, и заставил бы слушателей открыть ряд неточностей и сгущений красок, допущенных этим писателем для красного словца. Вместо холодных замечаний о приемах установления реальных фактов, слушателю было бы предложено с самого начала поплавать в море лжи и попробовать свои силы в раскрытии ее.

Такие упражнения мне представляются чрезвычайно плодотворными, так как они тренируют силу самостоятельного суждения слушателя. Они же непосредственно ведут нас к пониманию той логики фактов или, как говорили раньше, причинной связи между военными событиями, которая составляет существо военно-исторического метода. Военная история, при лабораторном методе, теряет свое самостоятельное существование и обращается в гигантскую лабораторию для всего военного искусства в целом.

Связь между эволюцией социально-экономических условий и военного искусства могла бы изучаться путем сопоставлений отрывков исторических трудов, преимущественно имеющих в виду русскую действительность, трактующих мирную эволюцию и военные явления, независимо друг от друга, и путем предложения слушателю задачи — установить в данном именно случае зависимость изменений в военной надстройке от изменений в экономическом фундаменте. Последняя задача — оценка различных изменений, переживаемых современным военным искусством, вышла бы уже из пределов рекомендуемого к составлению пособия и явилась бы задачей темы на дополнительном курсе. Слушатель приступал бы к ней уже хорошо подготовленный.

В стратегии и оперативном искусстве также, конечно, нужны краткие курсы, дающие общую перспективу и связь между различными положениями теории искусства. Толщина учебников по

стратегии зависит, главным образом, от подробного развития многочисленных примеров военной истории, подтверждающих положения теории. Лабораторное изучение стратегии заключалось бы в том, что группа слушателей коллективно брала бы на себя проверить все важнейшие выводы курса, распределив между собою подробный анализ событий военной истории, на которые они базируются.

Для более глубокого усвоения курсов семинарские занятия по истории военного искусства и стратегии необходимо сохранить. Занятия по стратегии должны сохранить и цель — обострить стратегическое мышление слушателей на критике классических трудов по стратегии; последние упражнения также относятся к лабораторному методу, поскольку на слушателя выпадет каждый раз задача — подчеркнуть, в каких отношениях современная эволюция военного искусства заставляет признать данный классический труд не вполне отвечающим требованиям сегодняшнего дня.

Чем больше мы будем развивать лабораторный метод, тем больше все преподавание будет становиться на военно-историческую основу, проникаться жизнью, бытием. Но в то же время военная история, как самостоятельный цикл, будет сжиматься и худеть. Общие рамки мировой и гражданской войн, да образцовый в методологическом отношении разбор какой-нибудь одной операции составит² все содержание ее курсов. Все остальное должно раствориться в лабораторном методе. В военно-историческом бытии слушатель должен видеть не какую-либо самостоятельную категорию, а общую основу всего военного искусства, к которой его сознание обращается повседневно, для суждения по любому военному вопросу. Все военные дисциплины являются лишь выводами из военной истории³, и лабораторный метод должен заставить слушателей проделать хотя бы часть логического пути от военно-исторических фактов к научному их обобщению.

Военная академия, путем упорных усилий учебного персонала и слушателей в течение последних лет, настойчиво проводит линию лабораторного метода, и нельзя оспаривать крупных достижений.

---

² И то временно. Впоследствии можно будет требовать этих знаний при поступлении в академию.

³ Те дисциплины, которые таковыми не являются, напр., учение о технике оружия, и не являются военными науками; в данном случае мы имеем дело с отраслью технологии, известное знакомство с коей обязательно для военного деятеля.

нутых успехов в преподавании. Но на этом пути лабораторного метода все же большая его часть остается впереди. Резкий поворот здесь невозможен, так как необходимо одновременно переконструировать весь учебный материал. Попытка форсировать введение лабораторного метода, при отсутствии лабораторных пособий, явилась бы, на наш взгляд, неоправдываемым шарлатанством. Но все средства, которыми академия располагает, должны быть уделены на него.

Лабораторный план — очень эффектный прием, который может быть введен моментально — по декрету; чудесной стороной его является нетребовательность: те же преподаватели, те же слушатели пересаживаются, перераспределяются те же учебные пособия, которые имеются под рукой, внутренней ломки каждой дисциплины не требуется. Лабораторный план, по духу, — не научный, а административный план. В научном отношении он представляет такое же чудо, какого ожидали многие после октября 1917 года: сразу же не будет взяток, все станут грамотными, а экономическая производительность будет поднята соответственным декретом. Мышление Ленина чрезвычайно сомневалось в чудесных свойствах декрета, и вся его энергия вкладывалась в толкование необходимости огромной внутренней работы, чтобы заполнить рамки советской государственности соответственным материалом, который еще нужно создать и воспитать.

Мы целиком стоим на точке зрения скептицизма по отношению к чудесным свойствам пересаживания и перераспределения времени на базе того же материального содержания преподавания.

Лабораторный план может иметь успех лишь в высших учебных заведениях, преследующих изучение социально-политических наук, так как государственные и партийные издательства напечатали достаточное количество трудов, позволяющих в преподавании их перейти к лабораторному *методу*. В технических же высших заведениях и в академии лабораторный план означал бы принесение в жертву интересов дела показной стороне. “Показ”, при лабораторном плане, с самого начала, оказался не только обращенным к ученикам, но получил и крикливый, рекламный характер парадирования новых методов обучения. Вторжение парада в науку едва-ли обеспечит открытие новых горизонтов. Лабораторный план несимпатичен нам и по кажущемуся предос-

тавлению свободы обучающемуся, с установлением за ним сугубого надзора. Построение его было разработано для школы, очень бедной количеством преподавателей — один на семьдесят учеников, а не один на семь, как обеспечена академия; поэтому он обуславливает весьма нежелательную метаморфозу наставника в контролера, вредную и ничем не вызываемую в наших условиях.

Обращу внимание еще на одну сторону: лабораторный план вырос из детского сада; при этом, в особенности на американской почве, обращалось особое внимание на индивидуальное развитие, на то, чтобы обучающиеся дети шли в своем развитии каждый своей дорогой, а не как стадо. Это, действительно, крайне ценно в начальной стадии образования. В высшей стадии образования такая подчеркнутая индивидуальность обучения едва ли является плюсом. Военная академия prepares весьма ответственных работников; она обязана воспитать из них не анархистов в области военного мышления, а людей, близких по взглядам на военное искусство, говорящих одним и тем же военным языком. Эти цели требуют коллективизации обучения, устройства искусственных кружков (групп); умышленно до сих пор мы, вопреки главному преимуществу лабораторного плана, не выделяли сильных и слабых групп по военным предметам; мы гнались не за вскармливанием отдельных гениев, которые всегда сумеют сами проложить себе дорогу, а за повышением среднего уровня. Военная академия должна подготовить людей для коллективной работы; весь смысл генерального штаба заключается в коллективизации усилий, в сложении работы, без чего немислима ее организация.

Лабораторный план нам представляется идущим совершенно вразрез с этими требованиями. Мы не видим в нем никаких преимуществ и усматриваем большие убытки и много декорации — настоящую “потемкинскую деревню”, оживлявшую пейзаж Новороссии при путешествии Екатерины II.

В то же время мы являемся убежденными сторонниками лабораторного метода, с которым, к нашему сожалению, лабораторный план имеет так мало общего.

Военная академия Р.К.К.А. Сборник 2-ой. О лабораторном плане. - М.: Издание Учебного Отдела, 1925. - С.60-67.

Теория и прикладной метод в изучении стратегии

Слушатели, заканчивающие теперь свое академическое образование, приступили к изучению стратегии и оперативного искусства еще в бытность их на втором курсе; нами была сделана попытка, наравне с теоретическим курсом по стратегии и оперативному искусству, поставить занятия прикладным методом, которые охватили бы не только вопросы подготовки и руководства операцией, но и подошли бы к работам по подготовке оперативного развертывания на случай большой войны. Весной 1924 года они довольно успешно поработали над подготовкой развертывания одной армии, получавшей весьма сложную задачу. Занятия имели характер отчетной работы, исполняемой округом. Помимо знакомства с целым рядом практических приемов при подходе к такой работе, эти занятия имели целью и осветить некоторые важнейшие положения военного искусства в обстановке частного случая.

Таким образом, мы отнюдь не являемся противниками применения прикладного метода не только при изучении собственно оперативного искусства, но и в более широкой сфере изучения подготовки к войне, однако, несомненно, должны быть известные ограничения в применении прикладного метода.

Прикладной метод невольно переносит центр тяжести на технику исполнения. Выгоды его особенно бесспорны в тех случаях, когда в принципиальных вопросах установлена достаточная ясность и сговоренность, когда от знания остается сделать последний шаг к умению. В таком ли положении находимся мы теперь? Возможно ли утверждать, что основные положения военного искусства, получившие такую встряску в мировую и гражданскую войны, достаточно продискуссированы и улеглись в нашем сознании?

Если мы сравним бесконечную вереницу трудов по тактике с двумя — тремя книжками, посвященными стратегии и оперативному искусству, вышедшими после 1920 года, то мы должны сказать, что в мировом масштабе тактическая мысль проделала несравненно большую работу, чем стратегическая и оперативная. И все же многие основные вопросы тактики, начиная со встречного

боя, висят еще на воздухе, и даже тактика ощущает крупные неудобства от исключительного увлечения прикладным методом и стремится организовать семинарии по теории.

В 1924-25 учебном году цикл стратегии резко разделился на две части: учение о войне и оперативное искусство. Мы убеждены в правильности этого деления и полагаем, что в будущем из этих двух частей создадутся циклы столь же самостоятельные, как тактика. Работа по оперативному искусству ориентировалась полностью на прикладной метод; работа же по учению о войне велась в семинариях, на которых слушатели изучали преимущественно теоретические вопросы: они знакомились с положениями стратегии, созданными по опыту войн Наполеона и Мольтке, и вводили в них поправки в соответствии с новыми явлениями мировой и гражданской войн. Прикладные занятия по подготовке государства к войне не велись вовсе. В этом отношении курс учения о войне резко отличался от прочих отделов академического образования, имея в виду, что Военная Академия не может ставить себе целью подготавливать готовых главнокомандующих или народных комиссаров по военным делам, а равно не может попытаться охватить всю деятельность большого генерального штаба. Академия не только лишена возможности дублировать работу частей штаба РККА, ведающих подготовкой к войне, но должна смотреть на себя лишь как на подготовительный класс к такой работе. Оперативное искусство и тактика отрывают у слушателей такое количество времени, требуют стольких усилий от них, что на кафедре учения о войне остаются сравнительно крохи, и здесь едва ли основательно выходить за пределы общей постановки вопросов и добиваться действительного умения, сноровки составления планов войны. И прежде всего, еще Клаузевиц предупреждал относительно искусников, умеющих печь планы, как былины.

Затем — учение о войне является совершенно новой дисциплиной, развившейся из коротких введений, предшествовавших прежним курсам стратегии, в действительности более отвечавшим своим подзаголовкам — тактика театра войны. Язык, термины, основные линии этой дисциплины только конструируются. Важнейшие вехи преподавания еще только расставляются. В этих условиях понятно временное воздержание от приемов, имеющих что-либо общее с натаскиванием. В учении о войне принципи-

альные вопросы, по сравнению со штабной техникой, играют несравненно более крупную роль, чем в оперативном искусстве или в тактике. Оттеснять эти принципиальные вопросы на второй план в настоящую минуту представляется вовсе нежелательным.

Однако, несомненно, если явится возможность расширить время, уделяемое курсу учения о войне, возможно будет ввести ряд прикладных работ, которые сблизят кафедру с действительной работой, которая ведется по подготовке государства к войне. Главный выигрыш в такой постановке занятий мы видим не только для слушателей, но и для профессии.

Но равновесие теории и прикладных работ надо будет обеспечивать и в будущем. Необходимость такого равновесия мы видим из опыта преподавания в текущем году оперативного искусства, имевшего ультраприкладной характер. Надо признать заслуги крупного шага вперед, который академия сделала в текущем году в постановке прикладного изучения оперативного искусства. Однако, теория несколько отстала от практики, и сейчас же оперативному искусству начало грозить вырождение в технику штабной службы, и сама постановка задач начала вызывать известную неудовлетворенность.

Прикладной метод может дать прекрасные ростки лишь на почве, в достаточной степени обогащенной теорией.

Только в этом случае возможно критическое отношение слушателя к задаче; при отсутствии же критики, когда дело ограничивается лишь оперативными прописями, работа грозит вовсе утратить академический характер и перестает развивать мышление слушателей. И если критика нужна тактике и оперативному искусству, то она еще в большей степени требуется при работе над стратегией.

В текущем году у нас было слишком исключительное господство теории в учении о войне и слишком безраздельное господство практики в оперативном искусстве. Можно пожелать в будущем году немного прикладного метода учения о войне и прибавок теории — оперативному искусству.

Под знаменем Ильича.- 1925.- № 7. - С. 39-41.

Военная игра

В Красной армии военная игра, как метод тактической и оперативной подготовки командного состава, находит, по-видимому, значительно более широкое распространение, чем в дореволюционной русской армии. Мне, однако, представляется, что в нашем сознании нет еще полной ясности о достоинствах и недостатках этого метода и имеются большие противоречия в самом его понимании.

К военной игре может быть два подхода: объективный и тенденциозный. Объективный заключается в том, что две стороны ставятся друг против друга, в равных силах, и выдумывается обстановка, по возможности, в равной степени благоприятствующая обеим сторонам. Центр тяжести падает на играющих: это — коллективная дуэль, в которой обе стороны должны иметь равные шансы; на дуэли дерутся шпагами равной длины. На руководство выпадает скромная, второстепенная роль секундантов. Руководство наблюдает, чтобы играющие, по возможности, не удалялись от обычных шаблонов тактических решений; руководители подмечают мелкие технические промахи, затем на разборе следует анализ принятых решений, и как следствие — призрак выводов.

Разумеется, можно только рекомендовать спокойное, объективное отношение при изучении действительной жизни, при исследовании фактической стороны действительно имевших место военных действий. Но какую оценку можно дать такой объективности при изучении бумажного хлама — ряда записок, донесений, приказов, являющихся единственным плодом бумажной войны на военной игре.

Пассивная роль руководителя, объективного и в задании, и в ведении игры, и на разборе, очень подходила к большинству представителей старого командного состава, и этот метод военной игры имел в русской армии преимущественное распространение. Несомненно, он обладал достоинством, которое следует основательно расценить: безвредностью. Военная игра в русской армии абсолютно невиновна в распространении каких-либо ложных стратегических или тактических идей. Но это потому, что это невинное занятие вообще не сеяло никаких идей. Идейное “ничего” в задании и в отношении руководителя к военной игре, конечно, могло вырастить также только “ничего”. Существовала

робкая надежда, что из столкновения мнений родится сама собой какая-либо тактическая истина. Но на каком уродливом фронте произойдет это столкновение мнений и вообще произойдет ли оно — все представлялось случаем.

Нормальное течение военной игры было таково: две стороны, поставленные фронтально друг против друга, сходились; так как это движение само по себе представляло минимум интереса, то все внимание руководства сосредотачивалось на действиях мелких кавалерийских частей, разведывавших перед фронтом; убежденные сединами мужи детально исследовали вопрос, что будет делать начальник разъезда, имеющий 5 коней, за которым гонятся 15 неприятельских всадников. На этом, обыкновенно, пыл участников военной игры остывал, она начинала утомлять играющих, и когда, при начале развертывания, руководитель заявлял, что сам бой, конечно, разыграть нельзя, военную игру надо прекратить и перейти к разбору, то все соглашались, что исследование предстоящего параллельного столкновения на бумаге равных сил не дает ничего поучительного, и игра, к общему удовольствию, заканчивалась.

Убитое время, потерянные усилия. Совершенно понятно отвлечение, сложившееся у многих по отношению к военной игре; совершенно понятно, что командующий Киевским военным округом генерал Иванов заподозрил военного министра Сухомлинова в том, что он хочет начать сводить свои личные счета с командующими войсками, когда Сухомлинов предложил в 1912 году устроить в Зимнем Дворце военную игру, с участием в ней командующих войсками.

Чтобы не потратить даром сил, не убивать напрасно времени, военную игру надо или не устраивать вовсе, или вести по противоположному принципу. Военная игра должна каждый раз преследовать задачу — вбивать в сознание командиров какую-либо заслуживающую этого оперативную или тактическую мысль, выводя ее на широкую дискуссию, материализуя ее в четкой обстановке конкретного случая. Военная игра — прежде всего проповедь какой-то определенной идеи, агитация в ее пользу. Руководитель военной игры — не бесстрастный наблюдатель, а горячий проповедник, он должен так подтасовать задание, так подтасовать получаемые сторонами данные разведки, так подтасовать результат отдельных боев, чтобы дать всем участникам игры

возможность, с тех отдельных точек зрения, которые они представляют, оценить это оперативное положение в возможно широком его развитии. Разумеется, эта подтасовка должна быть возможно жизненнее, чтобы конкретный случай бумажного сражения сохранил бы известную убедительность.

Участники игры требуют себе и равных сил, и равного благоприятствования и просят даже решать по жребию столкновения равных сил, так как у них, нашими объективными военными играми, воспиталось убеждение, что на разборе игры они являются подсудимыми, они являются ответственными за выигранные на карте победы или за бумажные поражения.

Но, если и к лаврам, заработанным на действительном поле сражения, подчас приходится подходить с осторожностью, и еще осторожнее приходится подходить к потерпевшим действительное поражение начальникам, — так как очень часто основная причина успехов одних и неудач других заключается не в ответственном начальнике, а в независимых от них обстоятельствах, то что мы можем сказать о победителях и побежденных на военной игре?

Таковых вообще не должно существовать. На разборе военной игры на скамье подсудимых должны находиться не участники игры, а определенные тактические и оперативные идеи. Военная игра должна быть не единоборством двух сторон, а единоборством двух организационных, тактических или стратегических идей. Не руководитель должен играть пассивную роль на игре, а непосредственные участники игры; они подают только свою коллективную реплику на вопрос, заключающийся в той новой обстановке, которую дает каждый новый ход руководителя. На военной игре должны играть не игроки, а надо играть игроками; и только на разборе игры каждый участник получает полную свободу для того, чтобы критиковать те выводы, которые напрашиваются из игры, чтобы критиковать самую игру, заложенную в ней на этот раз тенденцию, ее внутренний смысл.

Такой разбор будет гораздо поучительнее наших обычных разборов, где каждый участник прежде всего стремится оправдать свои действия. Мне уже приходилось писать о нежелательности ставить оправдание своего решения в центр тактического обучения. Горе той армии, в которой начальники и сотрудники генерального штаба ценятся по искусству отписываться, по тон-

кости оправдания ими любого действия. Такие “правозаступники” на командных постах представляют фигуры, обращенные лицом не к неприятелю и не стремящиеся прозреть будущее; их усилия всегда направлены не на достижение максимального полезного усилия, а на то, чтобы выгородить себя, чтобы свалить ответственность на соседа, чтобы обелить свое прошлое. Их приемы грозны только для своих, а бессильны против врага.

Те или иные ошибки технического характера, сделанные участником игры, и возникшие из-за них в коллективной работе трения, поскольку они указаны каждому участнику игры, должны быть просто приняты к сведению. Все внимание должно быть перенесено на те тезисы, которые должен выставить руководитель на разборе военной игры, и подготовку к дискуссии, в которых и заключается вся военная игра.

Конечно, при такой постановке военная игра может привести не только к положительным, но и к отрицательным результатам. Ложные выводы делаются и не только из столкновений на карте, но и из настоящих сражений и войн. История военного искусства знает множество таких заблуждений и следовавших горьких разочарований. Но из того, что можно ошибиться, изучая военную историю, не следует, что от изучения ее следует вовсе отказаться. Животные, не знающие членораздельной речи, несомненно, не говорят столько глупостей, какие произносятся на весьма изощренных языках, равно как и безграмотные люди застрахованы от того, чтобы быть авторами того вздора, который так часто терпеливо выносит печатный станок. Всякий действительный метод может служить орудием добра и зла; мне представляется, что все безвредное, невинное вообще должно быть отброшено, так как оно представляет покушение на что-то с типично выгодными средствами.

Нужно иметь очень жалкое представление об интересе к военному искусству, который питают участники игры, чтобы полагать, что при защищаемом мной методе игры, где на первый план выдвигаются определенные тактические положения, а личности и самолюбие игроков отходят на задний план, что при этом методе понизится интерес к игре. Наоборот, здесь открывается самый широкий простор для столкновения мнений, для страстного обсуждения создающихся положений и оценки их, только это столкновение будет иметь место не случайно, а на том фронте, на

тех тезисах, которые явно или скрытно были заложены и в задаании, и в ведении игры, и для иллюстрации коих подобран всем ходом игры материал.

И напрасно думать, что такую военную игру можно вести только с военными специалистами высшей квалификации. Работа с последними, несомненно, имеет большое значение для проверки ответственных решений на государственной обороне, для углубления понимания оперативных приемов, требуемых новой организацией и новой техникой армии. Но такая военная игра вполне возможна и в широком кругу командного состава, для освещения важнейших положений тактики, которые недостаточно заучить, а надо глубоко продумать на отдельном конкретном эпизоде.

И вместо нелепых фронтальных движений равных сил и мало осмысленной гоньбы кавалерийских разездов какие широкие возможности открываются для военной игры с отказом от равенства сил и положения! Развитие прорыва, окружение и выход из окружения, преследование и выход из боя, атака неприятеля на фланговом марше, нападение на противника, находящегося еще только в периоде сосредоточения, изучение действий на важных рубежах в пограничной полосе и т.д. Мы вообще изучаем слишком ограниченное число типичных форм тактических действий, и введение большого разнообразия в сферу тактического исследования, практику в творческой работе в обостренной до крайности обстановке, в принятии решения в момент, когда у малодушных уже опускаются руки, надо добиться всеми доступными способами.

Итак, резюмируем: военная игра должна являться оперативной или тактической проповедью. Для проповеди нужны проповедники; у нас стремились раньше вести военную игру так, чтобы это не было связано с идейным беспокойством для руководителя — и получалось безвредное занятие в раскладывании тактических кубиков или флажков. Не имея подходящего руководителя, лучше военной игрой вовсе не заниматься; чтобы найти подходящего руководителя, нужно отбросить всякое местничество, всякое представление о служебном стаже и при выборе руководителя забыть обо всем, кроме способности данного лица провести интересно и поучительно это занятие. И вместо состязания определенных личностей надо в военной игре усмотреть борьбу

определенных идей. От обывательщины вверх к государственности! И не будем бояться резких, определенных точек зрения, обуславливающих тенденциозность. Человек без тенденции, как и человек без своей точки зрения, творить не может; или тенденция, или безыдейность и подражание какому-то шаблону, следование по чьим-то следам... Другого выбора нет.

Военная мысль и революция. - 1923 г. - Кн. III (июль). - С. 76-80.

Между конем и трактором

Темп развития военного искусства в настоящее время настолько быстр, что Военная академия лишена возможности проводить обучение слушателей в течение трех лет с одной точки зрения. Академия движется вместе с Красной армией, и некоторые вопросы слушатель в течение своего обучения вынужден переучивать наново. Решающими для выпускаемого командира являются последние месяцы его пребывания в академии. Каждый из девяти выпусков академии носит свой отпечаток не только по своему составу, но и по тем острым вопросам, которые жизнь ставит на очередь в момент его расставания с академией и под знаком которых складывается его мышление при приступе к практической работе. Мы видим выпуски — партизанские, территориальные, сокрушительные, экономиков войны, выпуски штабные и административные...

Выпуск 1929 г. — это выпуск пятилетки, выпуск первого ее года, когда она оживленно обсуждалась на всех съездах и в печати, выпуск того момента, когда проходит первое подытоживание влияния, которое должен оказать на военное искусство Красной армии сдвиг в ее материальном базисе, как результат начавшейся индустриализации страны. Внимание к вопросам будущей войны резко обострилось. Эта важнейшая проблема военного искусства являлась до сего времени достоянием преимущественно дилетантов и фантазеров, а ныне начались попытки научно, с детальными расчетами, подойти к ее разрешению и ввести пятилетку в нашу оперативную и тактическую подготовку.

С конца мировой войны, между вырождающейся лошадьёю и нарождающимся трактором, военное искусство во всех странах чувствовало себя между двух стульев и вступило в острый пере-

ходный период: старые методы оказались поставленными под сомнение, а новые еще не вышли из стадии проектов и фантазии. Этот кризис острее всего ощущается оперативным искусством Красной армии в 1929 году.

Старая Россия являлась отсталой, но не дикой, а полупромышленной страной, находившейся на невысоком уровне культуры. Последняя была распределена далеко не равномерно, но, во-первых, очаги ее на карте были не слишком яркие и, во-вторых, имели свою давность, контуры их успели расплыться.

Не то с пятилеткой. Наша страна испещрится мощными оазисами высокой техники, рационализированного, культурного труда. Но будут созданы только рычаги, будет подведена только энергетическая, топливная, металлургическая, транспортная база для будущего культурного роста. А у жены университетского курьера, быть может, в это время еще не будет сокрушена вера в трех китов, на которых покоится земля; в глухой деревне крестьянки зимой, быть может, будут сидеть за тем же ткацким станком, целиком из дерева, без одного гвоздя, представляющим точную копию образца, за которым работали египтянки при фараонах средних династий.

Мы живем в век плановости; плановость, это — прыжок, минующий целые этапы развития, это — сосредоточение усилий на узких местах, это — захват командующих высот, это — отдельные пятна крупных достижений на карте нашего Союза. С постройкой Волховстроя и других пущенных в работу гигантов мы уже стали пятнистыми. Наряду с успехами, оставляющими порой позади английскую промышленность, мы сохранили еще много углов чисто азиатского типа. На заре, возвращаясь в автомобиле с демонстрации последних достижений техники, я встретил у самой Москвы мужичка, выезжавшего в поле с сохой. Кизяк еще долго будет фигурировать в нашем топливном балансе и не скоро еще удастся одолеть музейные экспонаты, имеющие применение как орудие труда...

Мы молодеем. Молодость, это — резкие контуры, это — контраст старого и нового. Молодая культура, на языке европейской буржуазии — колониальный ландшафт, характеризуется сочетанием новой техники и девственной почвы; молодая культура, это — стадо диких слонов, опрокидывающих телеграфные столбы,

это — капитальный железнодорожный виадук в стране, не имеющей вовсе колесных дорог.

Разработка оперативных и тактических методов, основная установка Красной армии, находится в тесной связи с проблемой этой пятнистости, этой новой молодости нашей культуры. Выбор правильной линии их решения представляет огромные трудности; никогда не встречалось столько диаметрально противоположных мнений по военным вопросам, как сейчас. Красная армия уже начинает ощущать за своей спиной новый складывающийся материальный базис. Каждая революционная армия чрезвычайно восприимчива к достижениям техники, и обычно, даже в условиях технической бедности, легче и удачнее умеет использовать новинку. Армиям с традициям, выросшими на почве вековой истории, применение новой техники дается труднее. Нет сомнения, что пятна индустриализации, намечаемые пятилеткой, в первую очередь отразятся на возможностях боевого снабжения Красной армии, определяющих ее оперативные и тактические методы.

Было бы, однако, грубой ошибкой, жестоким отрывом от реальности забыть о тех огромных девственных пространствах, на которых Днепрострой и будущий Нижегородский автомобильный завод являются только крапинками. Если искусство руководства нашей экономикой заключается в сочетании последних шагов человеческой мысли с нашими общими условиями, если мы, сосредотачивая внимание на командующих вершинах, ни на одно мгновение не можем выпускать из виду того, что происходит у середняка, то тем более это относится к чисто военной области.

Армия не только получает свое боевое снабжение с тыла, но и применяется в совершенно конкретной обстановке, например, при наличии одного сквозного проселка на каждые 6 км фронта, при определенной грамотности, техническом и культурном уровне своих пополнений, при определенной высоте подготовки своего командного состава, известных навыках, умении и традициях.

Наиболее рьяные из нас, одушевленные техническим ростом, готовы броситься по стопам Фуллера, стать на крайнюю точку зрения механизированной войны, идейно далеко обогнать даже армии тех государств, которые уже в настоящее время реально располагают в своей стране весьма развитой промышленностью и дорожной сетью. Эти буржуазные армии помнят, что свои походы за барышами им, может быть, придется вести и в других кра-

ях, где имеются пункты, удаленные от железных дорог не на 20, а на 200 км., где будет меньше оперативных удобств, и не расстаются еще со старым, не считают еще коня в военном обиходе предрассудком. Уделяя большое внимание авиации, танкам и прочим эмблемам XX века, готовя миллионы снарядов, они еще держат в большом почете старушку пехоту. Современная война имеет двойственный лик, затрудняющий решение всех вопросов: с одной стороны, нужна консультация астрономов для вычисления поправок на кривизну земной поверхности и на вращение земли при сверхдальней стрельбе, а с другой стороны — решает дело умнее смело разглядеть белки глаз противника в ближнем бою...

Традиционная полевая поездка выпускников в текущем году, к сожалению, происходила в окрестностях Москвы; к сожалению — так как было бы особенно ценно перенести заключительное обсуждение оперативных и тактических вопросов, венчающих академическую подготовку, в реальную обстановку нашей пограничной полосы, в которой не так часто встречаются подобные Москве культурные центры и не так много таких опытных шоссе, по которым можно шутя, на полугрузовике, покрывать 60 км в час.

С одной стороны, утесы механизации и индустриализации, с другой — массы, крестьянские будни. Это не Сцилла и Харибда, между которыми надо искусно проскочить, это основные опоры, которые, в существенном, линия эволюции нашего военного искусства должна включать в себя, сочетать, не отрываясь ни от одной из них. Обеспечить плавный переход с коня на трактор, использовать наши новые индустриальные возможности, но не строить при этом воздушных замков, не вырывать корней из действительности, не забывать о нашем среднем ландшафте, трезво подойти к подготовке будущей войны — это задача целого поколения. Около нее должна концентрироваться вся мысль отпусковников. На разрешение этой проблемы будет направлена вся их жизнь, весь труд.

Пусть не жалеют они своих усилий, пусть не отступят они ни перед какими жертвами, изыскивая и отстаивая верный путь. И пусть успех увенчает их труд. Успех разрешения такой проблемы на военном языке именуется победой...

Красная звезда. - 1929. - № 135. - 15 июня.

Кончено ли учение?

С детскими годами у меня связано острое впечатление. В отцовском кабинете, в углу, на особой полочке, хранились академические учебники. Они являлись воспоминанием о все удалявшемся академическом берегу, с которого было начато жизненное плавание. В шестидесятых годах учебники были не тоньше, чем в настоящее время. Мне особенно памятно, как я, восьмилетним мальчиком, перелистывал артиллерийский трактат, книжку небольшого формата, но толщиной страниц 800, в которой, с первых же страниц, излагалось мудрейшее достижение артиллерийской мысли середины прошлого столетия — теория ricochetного выстрела. Чугунное ядро делало по поверхности земли отлогие прыжки. Хитрые расчеты показывали сумму поражаемых пространств в различных случаях. Что-то веселонасмешливое слышалось мне, когда я просил объяснить чертеж.

Предшествовавшее мне поколение покинуло академические стены еще в период господства теорий, относившихся к гладкостенной артиллерии, а работать ему пришлось в эпоху исключительно нарезных орудий. Может ли похвастаться большей удачей мое поколение?

Я окончил академию в 1903 году, когда уже был разработан для русской армии образец современного скорострельного орудия. Но отношение тех курсов по военному искусству, которые я слушал, к этому скорострельному орудью было таково же, как отношение теоретических курсов шестидесятых годов к нарезному орудью образца 1864 года: старые птички пели старые песни. В академии пришлось решать много тактических задач — и на каждой схеме оборонительного расположения мы старательно оставляли перед артиллерийскими позициями пустое место, а пехоту группировали уступами вперед, по обоим флангам расположения батарей. Стрельба через голову являлась легкомыслием, допустимым как редкое исключение. Через 10 месяцев после того, как я покинул академическую скамейку, и за три дня до Тюренчена, мой разезд, при отступлении, был спасен от японской роты батарейей, открывшей огонь через мою голову; мои тактические взгляды в Маньчжурии быстро получили отклонение от тех положений, которые приходилось мне выкладывать на экзаменах.

Сейчас мы переживаем еще более стремительный процесс эволюции военного искусства, чем 60 и 20 лет тому назад, и нет сомнения, что покидающему сейчас академические стены выпуску предстоят еще большие разочарования в знаниях, в твердых формулах курса, чем это выпало на долю предшествовавших поколений.

Имею ли я право печаловаться на своих наставников; будут ли иметь право слагать на нас вину за свою неопытность, за свои ошибки те выпускаемые теперь слушатели, которые не сумеют держать ответа на том великом экзамене, который представляет жизнь?

Такие жалобы имели бы под собой почву, если смотреть на Академию как на своего рода идеологическую верфь; три года в этой Академии над поступившими слушателями стучат тактические, административные, военно-исторические, стратегические и прочие молоточки, три года идет работа над сооружением того идейного корабля, которым является выпуск. Затем наступает праздничный день — выпуск слушателей из Академии: подрублены последние крепы, и новый корабль, вооруженный по последнему слову и оснащенный всем необходимым для плавания и боя в открытом море, тихо скользит в житейский океан. И при каждой аварии экипаж корабля сможет поминать своих судостроителей за устарелые чертежи, за недоделки, за недоброкачественный материал...

Но такое сравнение в корне неверно, к нашему общему счастью. В то время, когда мой выпуск покидал стены академии, русский флот обогащался шестью броненосцами типа “Цесаревич”. Три из них потонули в Цусиме; по существу, уже через год после постройки они являлись устаревшими, а через два года, когда в 1905 году появился первый дредноут, их всех следовало сдать в тираж погашения; их оставили в рядах флота почти из благотворительности; через одиннадцать лет, во время мировой войны, им предоставлялась работа только на задворках морских театров операций, и последний из них с честью, но бесполезно пошел ко дну в Рижском заливе в 1917 году. За 14, истекших со времени спуска на воду, лет броненосец стал уже не бойцом, а одряхлевшей посудиной. Мой же выпуск, за тот же срок, далеко не был сдан в богадельню: миллионные чудеса техники своего времени пришли в упадок, а мое поколение — их ровесники по

академической скамейке — занимало ответственные посты в генеральном штабе и находилось в первом ряду бойцов в мировой войне.

Перед слушателями, покидающими теперь Академию, открываются два пути: один из них — удовлетворяться тем идейным багажом, тем тактическим и стратегическим вооружением, которое они ныне выносят со школьной скамейки; они с чувством известного удовлетворения будут вспоминать, что последний экзамен остался позади; они будут стремиться почтить на благоприобретенных лаврах; в лучшем случае жизнь их уберет в ближайшие годы в тираж погашения, в худшем — они окажутся в критический момент на ответственном посту, и несомненно провалят, не могут не провалить дело, которому себя посвятили; и в эти горькие минуты на головы нас, их наставников, будут сыпаться тяжелые упреки и проклятия.

Мы имеем, однако, основание рассчитывать, что таковых будет меньшинство. Перед другими — каждый новый этап их военной службы будет рисоваться как новый, тяжелый и ответственный экзамен, требующий не упускать ни одного дня, ни одной минуты для подготовки к нему; они будут понимать, что даже наилучшие развитые и омеблированные знаниями головы, удалившиеся на два-три года от работы по военному искусству, от труда по осознанию того влияния, которое оказывает эволюция на стратегию и тактику, что и эти головы теряют половину своей цены. В знаниях, вынесенных с академических скамей, они не будут видеть панацеи, которая позволит им так же легко разрешать выдвигаемые жизнью проблемы, как пекут блины; для них академическая подготовка является только приготовительной школой к жизни, посвященной самостоятельной работе над военным искусством, к долгим десятилетиям упорного труда по самообразованию; академическая подготовка явится для них рычагом, который поможет им подняться над морем шаблонов, традиций и обычаев, сознательно и вдумчиво наблюдать явления военной жизни, делать выводы и делать шаги вперед.

Положительно было бы чудовищно требовать от Академии в 1923 году, чтобы она оснастила бы теперь выпуск теми тактическими, техническими и стратегическими знаниями, которые потребуются от него в тридцатых и сороковых годах XX века на будущих полях сражений. Задачи Академии — только распахать

почву, создать необходимые предпосылки для самостоятельного последующего развития. В момент выпуска оканчивающий Академию должен сказать: теперь я сумею найти и выкроить свободные вечера, чтобы приступить к серьезным занятиям.

Указывая на необходимость приступить к серьезным занятиям за порогом Академии, я нисколько не стремлюсь разгрузить ответственность последней. Она велика, с моей точки зрения: Академия не должна была загрузить своих слушателей мертвыми формулами, не должна была засыпать их, как из рога изобилия, справочными данными. Академия — не идеологическая верфь, и не товарная станция, делающая обороты научными грузами. Ее задача много труднее и сложнее: она должна дать ростки, способные к дальнейшему росту и развитию; она должна представлять теплицу, где прорастают новые идеи, атмосфера которой насыщена военно-научной работой. Только в момент своего рождения мысль имеет особое притягивающее влияние, только непогасшие вулканы идут в счет, только соприкосновение с живой, развивающейся научной мыслью может вдохновить на долгие годы самостоятельного, часто одинокого, научного труженика. Сколько было сделано и будет еще делаться бедными академиками упреков в теоретичности, в оторванности от жизни их логических построений! Как горько выслушивать эти упреки тем академикам, которым задача их рисуется не в подготовке книжников, а в создании живых людей, с открытыми на действительность глазами, с умением разбираться в предъявляемых жизнью требованиях, со способностью постоянно расти, развиваться до исполинской высоты, требуемой моментом.

Горе академиям, выпускающим законченных деятелей! Но если слушатели настоящего выпуска до гробовой доски будут чувствовать себя учениками, если академические годы не погасили, а развили у них любопытство и любознательность, если у них выработалась та мерка, та личная их точка зрения, которая позволит им воспринимать явления действительности не с чужих слов, а по непосредственному наблюдению, то Академия может считать себя выполнившей свой долг.

Красные зори. -1923. - № 7-8 (июль-август). - С. 20-23.

Путь молодого академика

За 5 лет перед мировой войной возникло предложение пригласить в Россию для обмена мнений по вопросам крепостного строительства известного французского специалиста, полк. Мондезира, читавшего лекции по долговременной фортификации во французской академии и охотно соглашавшегося поделиться с нами своими знаниями и опытом строительства крепостей во Франции.

Это предположение возникло в среде генерального штаба и все же не могло быть осуществлено, так как наши инженерные авторитеты восприняли этот проект как тягчайшее оскорбление по своему адресу. “У нас самих европейские имена, а вы нам наставников будете выписывать, — на такую оплеуху мы пойти не можем”. При известных дипломах, опыте и заслугах, наращение теоретического и опытного багажа, имевшее самое отдаленное сходство с ученической скамьей, рисовалось как отвратительное унижение. Это — одна из дорог, по которым старая Россия скользила в пропасть поражений мировой войны <...>

Работники, окончившие академию генерального штаба лет за 15-20 до мировой войны, представляли своего рода ландвер военного искусства, в худшем смысле этого слова; они, за редкими исключениями, были чужды оперативным и тактическим вопросам, располагали только канцелярским опытом, молчали, “воздерживались”, когда речь заходила о чисто военных вопросах.

Несомненно, это явление отчасти объясняется значительным улучшением постановки военной академической подготовки в России после ухода генерала Леера и особенно после русско-японской войны. Но только отчасти. В основном беда заключалась в том, что академики застывали на той ступени эволюции военного искусства, которой достигала академическая учеба в год их выпуска. На полевой поездке 1912 года седобородые старшие начальники еще толковали о стопушечных батареях, т.е. находились на уровне тактического опыта войны 1870 г., который им и был, по-видимому, прекрасно вдолблен, когда они юношами учились в академии. Перевооружение армий, новые уставы, опыт новейших войн, энергичные дискуссии в печати — все это скользнуло поверх их сознания, почти не затронув его. Рядовой батальонный командир в тактике стоял выше матерых академиков.

Военное искусство, в своем непрерывном движении вперед, стремится отбросить в прошлое каждую достигнутую ступень овладения им. Каждый из нас, остановившийся в своей работе над военным делом, подвергается грозной опасности — обратиться в привидение, сбежавшее со страниц истории военного искусства. Сколько таких привидений разгуливало в штабах, руководивших боями; сколько таких привидений появляется даже в военной литературе. Эти привидения тем опаснее, что они переоделяются в формы по последнему декрету, употребляют новые, модные словечки и часто ссылаются на химию и авиацию; эти ссылки молодят...

Образованный военный специалист представляет огромную ценность. Но в два-три года отрыва от работы над военным делом, от работы над самим собой, он обращается из образованного военного в полуобразованного, порастает мхом. Какова же цена такому полуобразованному работнику, тянущему за собой груз устарелых теорий, отмененных норм, непригодных навыков, рассматривающего и оценивающего действительность сквозь очки прошлого?

В гражданской войне очень существенную работу вынесли на своих плечах люди, не обремененные никаким военно-теоретическим багажом. Они не были подготовлены к тому, чтобы быстро разбираться в новых условиях борьбы, должны были затрачивать громадные усилия для того, чтобы во время самой борьбы ознакамливаться с самыми азбучными начатками военного искусства, с трудом отдавали себе отчет в положении в целом и в перспективах операции, спотыкались и брели на ощупь, как ночью, там, где можно было уверенно идти к цели. Трудности работы были велики.

Но у этих неподготовленных работников был огромный выигрыш перед отсталыми, полуобразованными военными: они смотрели на жизнь прямо, а не в кривое зеркало плохо усвоенных, полузабытых, устарелых теорий и догм; решение у них не осложнялось балластом музейных методов и данных; к требованиям боя и операции они подходили честно, как ученики, стремящиеся всюду и при всех обстоятельствах расширить свои знания, а не как академики в кавычках, ничтожные познания коих являются препятствием к тому, чтобы учиться, усваивать новое, понимать действительность.

Как часто чистый лист бумаги является более ценным, чем исписанный! Многие решения гражданской войны представляют особый интерес именно потому, что являются непосредственной реакцией на жизнь, на требования обстановки, что на них не давила тяжесть вековых предрассудков военной профессии; в гражданской войне отсутствовал колоссальный балласт, который обречены таскать за собой все армии в пожилом возрасте.

Современные учебные планы еще в меньшей степени гарантируют длительную ценность приобретенных военных знаний, чем программы XIX века. В современной академической подготовке преобладает стремление дать ряд утилитарных навыков, снабдить слушателей огромным ворохом непосредственно нужных для практической работы справок, выдвинуть на первый план технику сегодняшнего дня. Добрую половину академической подготовки занимает тактика, а в самой тактике — детализация, сноровки, нормы, своеобразное урочное положение; теоретические и исторические вопросы ютятся на задворках учебных планов и программы. А ничто не дряхлеет так быстро, не обращается неумолимым временем в бесполезный хлам так скоро, как преискурранты, справки, рекорды, моды, штаты, детали. Какова участь учебников тактики, изданных пять лет тому назад в десятках тысяч экземпляров? Прочитанные книги, миновавшая любовь! Где сумасшедшие, которые стали бы их теперь вновь перелистывать? Прошлое, на которое оглянется только историк военного искусства! Что стоят работники, овладевшие этими, и только этими, отставными учебниками? Жалкие пассажиры, не успевшие вскочить в поезд и застрявшие на глухой, затерявшейся станции...

На тот поезд, который уносится паровозом эволюции вперед, нет продажи плацкарт, гарантирующих спокойное и удобное путешествие; никакая академия не может снабдить ими свои выпуски. Чтобы поспевать за жизнью, нужна напряженная работа, нужна непрерывная учеба. Академия полностью выполнила бы свою задачу, если бы зарядила своих слушателей способностью учиться до семидесятилетнего возраста. Учиться у жизни, учиться у фактов, учиться по книгам — ведь это и есть научно-исследовательская работа! Что такое научная книга, как не плод искания и учения его автора?

На войне придется держать экзамен, но не по тем академическим учебникам, которые изучались за 5 лет до войны, а по тем,

которые будут составлены через 5 лет после войны. Не легка подготовка к такому экзамену. Нужно научиться работать над натурой, наблюдать реальную действительность и разбираться в фактах. Работа над книгой важна, но недостаточна, так как грозит удержать нас на ступени копировальщика, а нужно идти дальше.

Будем сожалеть наших товарищей-скороспелок, на плечи которых сейчас же после выпуска свалится огромная, трудная и ответственная работа, и будем довольны, если на нашу долю не выпадет сразу решение мировых вопросов. И в сфере ограниченной служебной деятельности перед нами открывается широкое поле для практической проверки усвоенных в академии идей, для отточки наших способностей. И не будем слишком спешить с изданием наших первых, еще не углубленных, не продуманных до конца трудов; лучше на некоторое время зарыться, как червь, чтобы потом взлететь во всем блеске орла... Но работу будем вести немедленно, стремясь связать академическую подготовку с жизнью, со служебной работой, с препровождением нашего досуга.

В жизни приходится делать выбор между различными должностями. К каким условиям работы следует стремиться — к более спокойным, более культурным, или лучше оплачиваемым? В конечном результате, никто не пожалеет, если будет руководиться в своем выборе такими должностями, которые позволят ему уйти вперед, повысить свою квалификацию, овладеть новыми областями военного дела. Бойтесь лишь стоянки на мертвом якорю в тихой пристани...

Научное мещанство, удовлетворенность достигнутым уровнем, сознание своей непогрешимости — опасности, которых надо избегать. Академик — конченный человек, если утратил возможность быть школьником, стыдится спрашивать, способен только вещать. Больше острой жажды знаний, критического отношения к зазубренным учебникам, сомнений в догмах — вот мои пожелания выпуску. Стены академии должны быть покинуты лишь для того, чтобы продолжать академическую работу в широких рамках Красной армии.

Красная звезда. - 1927. - № 147. - 2 июля.

Почему мы не успеваем в тактике?

Нельзя не преклониться перед тем энергичным порывом, перед той настойчивой устремленностью, перед теми колоссальными усилиями, которые затрачиваются комсоставом Красной армии на изучение тактики. Не только тактическая литература, но и тактическая макулатура расходятся в десятках тысяч экземпляров и находят внимательных читателей. Издательства относятся весьма подозрительно к изданию любого военно-научного труда, не имеющего отношения к тактике, и с распростертыми объятиями встречают автора, принесшего самую жалкую тактическую рукопись, так как тираж и сбыт тактических трудов, безотносительно к их качеству, является обеспеченным, — настолько велика у нас тактическая любознательность. Военно-научные кружки отдают свою энергию преимущественно тактике, если судить по количеству участников различных секций и по количеству выдвинутых докладов. В учебных планах наших нормальных и высших военных школ и академий тактика на первом месте; ей уделяется около двух третей всего учебного времени; все остальные дисциплины получают, сравнительно с тактикой, какие-то крохи. Само преподавание тактики обставляется у нас с неслыханной роскошью, — с привлечением к решению тактических задач целого сонма специалистов-техников.

Казалось бы, все обстоит благополучно. Благополучие это, однако, исчерпывается широким финансированием тактики, ростом расходной части на тактику — увеличением затраты усилий, времени и средств на тактику; и эти затраты на тактику находятся в очень слабом соответствии с достигаемыми результатами — на нашей тактической ниве работают тракторы, а из полосы тактического неурожая мы не выходим. Как важнейшее тактическое достижение прошлого года надо отметить наше прозрение неудовлетворительности наших тактических достижений и критику наших методов тактической подготовки. Эта критика даже не встречает отпора; тактические руководители, работавшие в одном направлении, послушно меняют курс на другое направление при первых замечаниях со стороны, как будто они до сих пор не проводили какую-либо линию, не руководствовались каким-либо убеждением, а просто отбывали номер, заполняли ту пустоту, которой, будто бы, не терпит природа. В нашем руководстве тактикой нет ни твердости, ни убеждений; отдельные положения так-

тики не гармонизованы, не отражают какого-либо мировоззрения, и потому, конечно, не авторитеты, находятся в постоянно колеблющихся положениях. Меня несколько не пугала бы наличность в известных тактических вопросах двух противоположных взглядов, каждый из которых имел бы свои корни в различном понимании переживаемой эволюции военного искусства. Но я содрогаюсь, когда встречаю наличность у двух тактиков пяти противоположных мнений. Современный тактик отступил за последнюю баррикаду — методику. Он настолько не принципиален, настолько чувствует свою беспомощность отстаивать любую тактическую позицию, что согласен изменить свое решение как угодно, и видит свою задачу лишь в том, чтобы упорядочить и дисциплинировать тактическое мышление.

Но какая методика науки может игнорировать ее принципиальную часть? Как можно дисциплинировать мышление там, где основы мышления остаются непроработанными? У нас неоднократно отмечалось, что принятие тактического решения и облечение его в форму приказа требуют на маневренной практике до семи часов времени, а между тем эта работа должна и может быть выполнена в 30 минут. Отчего происходит эта задержка? От того, что в момент исполнения происходит тактическая дискуссия, от того, что имея неприятеля на носу, приходится восстанавливать весь ход теоретической мысли с самого начала. Тактику приходится, в своей сфере, исчислять площадь треугольника, но он не пользуется никакими формулами, а начинает восстанавливать весь ход геометрического доказательства, начиная с первых аксиом; и не всем же быть Эвклидами: нагромождая ошибку на ошибку, он часто приходит на практике к неверным формулировкам.

Колоссальные усилия, которые мы тратим на изучение техники тактического решения, в частности, техники штабной службы, остаются малоуспешными, так как сущность тактики представляет у нас часто круглый нуль. Когда существо какого-либо дела нам вполне ясно и мы совершенно сознательно принимаем определенное решение и охватываем его со всех сторон, техника осуществления его, отдача всех необходимых распоряжений упрощается до крайней степени. Если же само дело представляется для нас китайской грамотой, если вместо ясного сознания в нашем распоряжении только пустая анфилада каких-то терминов и

понятий, представляющих еще подлежащие расшифровке иероглифы, то, конечно, не остается ничего другого, как выдумывать новую дисциплину, вроде штабной службы, которую можно формулировать как искусство без понятия манипулировать с непонятным. Это нелегкая задача, и трудности ее растут безмерно, когда мы отказываемся от того, чтобы овладеть вполне оперативным и тактическим искусством, и приходим к ним только с их внешней стороны.

Тысячи часов мы отводим на занятия по тактике, но львиную долю их фактически тактике не уделяем. Я видел тактические задачи, в которых одно задание занимало не два и не три десятка страниц, а больше. Я видел тактическую задачу на действия корпуса, удаленного на 60 верст от головной железнодорожной станции; задача требовала разрешения ряда оперативных проблем и организацию всей сложной работы корпусного тыла на протяжении трех переходов. Точно такая "тактическая" задача раньше называлась стратегической темой и являлась дипломной работой в старой Академии; на нее отводилось 3-4 месяца работы слушателя, освобожденного от всех других занятий.

Мы не грамотны в тактическом отношении прежде всего потому, что не справились с определением тактики, и вместо тактики и под тактическим углом зрения изучаем, в сущности, оперативное искусство. Задача тактики может заключаться только в изучении современного боя, в приспособлении к его требованиям всей современной техники и устройства войск и в соответственной организации как самих боевых действий, так и разведки, охранения, движения и отдыха войск. Вопросы о том, куда и зачем идти, надо ли вести бой и когда его прервать, какие задачи выдвинуть для боя — к тактике не относятся, под тактическим углом зрения могут быть освещены лишь односторонне и искаженно; это вопросы оперативного искусства; бой является только слагаемым операции, и судить о его целях — задача не тактики, а оперативного искусства.

Тактика не может выбирать полосы наступления; она лишь организует наступление в определенной ей оперативным искусством полосе. Какие-либо вензеля чужды тактике; последняя имеет дело лишь с достижением твердо указанной ей цели, в

твердо очерченных рамках. Конечно, оперативные решения приходится принимать не только командующим армиями, но подчас и командирам полков; но отсюда только следует, что оперативное искусство, хотя бы в его зачатках, нужно изучать даже в наших нормальных военных школах. Отнюдь нельзя допускать, чтобы тактика представляла собой всю энциклопедию военного искусства в пределах деятельности комсостава до командира корпуса включительно, как это имеет место в настоящее время; это для тактики равносильно самоубийству; это злейшее бюрократическое извращение идей стержневого метода: стержнями военного искусства избираются не бой, операция и война, а различные чины и должности.

Наши тактики очень неохотно работают над нормальной тактической проблемой, заключающейся в бое с совершенно определенной целью какого-либо соединения, обрамленного соседями слева или справа; они усложняют до крайности свои задачи, требуют выкручивания оперативных узоров; пафос руководителей, внимание и время слушателей отвлекаются от тактической прозы к оперативной поэзии. Страдает оперативное искусство, которое является вовсе не поэзией, если покинуть тактическую точку зрения, и вторжение тактиков вносит в него невыносимый элемент анархии: чтобы тактическая задача сохраняла свой романтический облик, приказ старшего начальника в задании умышленно получает неясный, неопределенный характер, допускающий кривотолки, и центр тяжести тактической задачи, под видом ее уяснения, переносится на самую жестокую картинку оперативной мысли старшего начальника, на проявление оперативной инициативы, не считающейся с тем материальным базисом, который определяет общее руководство операцией. И в равной мере страдает сама тактика: это дезертирство заданий и руководства в область оперативных проблем, представляющее совершенно обычное явление, не означает ли прежде всего нелюбовь тактика к тактике, которую он находит слишком скучной, слишком тесной в своих пределах, чтобы привлечь и заинтересовать внимание слушателей; для тактика вопросы собственно тактики кажутся слишком мелкими, слишком серыми, слишком ремесленными, слишком будничными... Чем же иначе мы можем объяснить, что при недостатке времени, при явно неудовлетворительных достижениях,

тактики явно выходят из своего русла и затопляют оперативные нивы?

Единственное смягчающее вину тактиков обстоятельство заключается в том, что оперативная нива орошается чрезвычайно недостаточно и сама напрашивается на затопление. Оперативное искусство не давало до сих пор сносного теоретического анализа операции и сосредотачивало свое внимание на работе различных служб тыла армии. Оно не только не борется с тактикой за проведение верной границы, но провоцирует тактические захваты, сосредотачивая свое внимание на немногих отдельных вопросах своей плохо исследованной области.

Чтобы научиться тактике, прежде всего надо заниматься тактикой, а не дилетантством в посторонних тактике областях. С легким сердцем наш тактик включает в свой цикл такие чуждые ему вопросы, как, например, устройство крепостей или тактику политрабты. В последнем случае родство с тактикой имеет, очевидно, чисто филологический характер. Политическая работа в войсках, очевидно, по своему размаху ни в коем случае на войне не может идти в такт с разрешением на войне отдельных тактических задач; нет никакого сомнения, что политработа — моральное снабжение войск, как и материальное снабжение, как вопросы комплектования, — должна изучаться не в пределах чрезвычайно ограниченного во времени тактического эпизода, а в пределах операции и должна относиться целиком к оперативному искусству.

Необходимо покончить с конгломератом стратегического, оперативного и технического дилетантизма, чтобы найти пути к тактической грамотности. Три четверти времени, отводимого на тактику, тратятся на посторонние тактике вопросы. В широких посторонних проблемах тонут и растворяются крупницы тактической мысли. Ни стратегов, ни операторов, ни техников тактика создать не может; усилия, затрачиваемые на это тактикой, не только пропадают зря, но идут во вред.

В своем труде по стратегии я выдвинул определения оперативного искусства и тактики. Мы должны проникнуться мыслью, что то или другое определение оперативного искусства и тактики представляет не отвлеченное схоластическое упражнение для

нашего мышления, а имеет самое жгучее значение для всей учебной работы в Красной армии. Надо прекратить блуждание между тремя соснами. Надо установить, что такое тактика и что такое не тактика, чтобы начать успешную работу в этой столь важной области.

Военный вестник. - 1926. - № 4. - С. 4-6.

Немного откровенности

Общество любителей вычищенных сапог

Вообще следует чистить сапоги и в эту работу вносить не только механическое начало: нужно художественное отношение к деталям, нужно, чтобы блеск сапог выявлял внимание и заботу, умелость и уверенность руки, работающей сапожной щеткой, стремление к совершенству. Будем не только ценить чистильщиков сапог, но и каждый в своей сфере добиваться глянца.

Армия особенно нуждается в художественной чистке сапог. Что может быть более враждебно существу армейских требований, чем маниловщина, не замечающая находящихся у нее под носом деталей, игнорирующая действительность, изолирующая от нее свое мышление, со всей ее практической беспомощностью? Все в бою должно быть закончено, совершенно. Ни один ремешок не может болтаться, ни один крючок не может быть расстегнут у настоящего бойца. Стройность, отчетливость, завершенная цельность, отсутствие малейшего намека на вопросительный знак характерны для звуков команды, поданной специалистом своего дела. Таков же должен быть и боевой приказ: еще фон-дер-Гольц требовал, чтобы письменные распоряжения для боя по прозрачной чистоте мысли, стройности внешней конструкции, ясности изложения, отчетливости почерка и репродукции равнялись художественной законченности греческого храма.

Мы, военные, должны любить подробности, должны понимать и ценить их, должны уметь гордиться нашими достижениями в области деталей, когда они приближаются к совершенству. Физическое и умственное воспитание в армии должно стремиться к созданию законченных скульптурных форм из аморфного телес-

но и духовно материала, который представляют прибывающие в армию новобранцы. Чтобы создать из них надежных бойцов, нужны кропотливая работа, надо их обломать, обтесать во всех отношениях.

Глянец требуется не только в воспитании, но и в обучении. Маниловская широта должна повсюду уступить место учетливости и законченности; умение — умение вникнуть быстро, грациозно, с затратой возможно меньших усилий, приемами, рекомендуемыми НОТ'ом, ничего не упустив, но и не обременив своего труда ничем лишним, — должно быть в программах поставлено выше знания. Военная школа должна готовить рабочих на различные посты; нехорошо, если штаб дивизии потеет семь часов над приказом, когда он должен обдумать и принять решение, написать и распространить приказ в двадцать минут; это является следствием неуважения к глянцу, к полировке, к отчетливости, которое сопровождало этих работников на всем протяжении их учебы и службы. Они сумели избежать в школе экзамена (какая рутина) и предпочитают проваливаться в жизни...

Однако, я ставлю здесь точку, так как, продолжая этот гимн вычищенному сапогу дальше, я должен был бы затуманить его стройность, вспомнив, как двадцать лет тому назад мой окружной генерал-квартирмейстер сам выбирал и заказывал переплеты для отчетных работ округа, вовсе не вникая в суть оперативного их содержания. Передо мной витает призрак чудных атласов оперативного развертывания, в которых по дням — и как красиво — рисовалась картина постепенного накопления тылов; на почве деталей в моих глазах начинают постепенно сливаться искусства оперативное, чертежное и переплетное.

Не должно ли увлечение деталями остановиться за порогом учебных программ и рабочих служебных часов? Должны ли мы фиксировать все наше внимание на частности и судить о целом с точки зрения сияющего сапога и в наши свободные часы? Можем ли мы строить нашу военную общественность, наш интерес к обороне государства, нашу попытку захвата широких масс, которым когда-то придется стать вооруженным народом, на этом культе подробностей? Какие цели мы должны поставить перед нашим военно-научным движением и социальным оформлением его в виде военно-научного общества? В дальнейшем — попытка мотивировать два противоположных ответа.

Военное поселение науки

Красная армия уже пять лет ведет успешную борьбу с расхлябанностью на фронте воспитания и обучения. Тяжесть этой борьбы ложится преимущественно на плечи младшего комсостава. Наша общественность должна придти ему на помощь. Военно-научное общество должно являться подсобной формой, содействующей изучению и внедрению в сознание армии всех тех подробностей устава, всех тех деталей винтовки и пулемета, которые оказались не охваченными официальной учебкой. ВНО должно дополнять и комментировать нашу будничную тяжелую и серую работу. Нас не удовлетворяют несколько строк, которые уделяет устав службе заставы, — и мы напишем диссертацию о службе заставы. И мы посвятим массовые диссертации способам продвижения под неприятельским огнем отделения современной пехоты. Мы внесем в эту работу весь тот энтузиазм, на который способны наша молодость и наше самопожертвование; мы исследуем, сравним и запоем все то, что говорят об этом чилийские, бразильские, итальянские и греческие уставы; мы определим транспортом угол растворения солдатских носков! В ограничителях рассеяния пулеметного огня в горизонтальной площади мы будем искать тайну победы.

Мы разделимся на секции и подсекции и обсоем вопросы до конца, мы проглотим все встретившиеся детали; мы испишем целые тома, где раньше ограничивались двумя-тремя страницами. Мы найдем в своих инспекциях настоящих жрецов культа, настоящих знатоков всех частностей. Мы нарядим экспедиции за границу и соберем в каждой стране изрядный их букет. Мы будем переводить! Мы разложим все на приемы.

И мы будем бороться с анархией военной мысли, с ее бесплановостью. К стыду нашему ведь существуют теперь эскадроны, в которых дежурный не умеет как следует рапортовать, а научный кружок коих ставит доклады на тему “Кромвель и созданная им конница в истории английской революции”. Что может быть более дерзко-нелепого?

Каленым утюгом надо выжечь Александра Македонского из сознания среднего и низшего комсостава. Нужна иерархия знаний! Надо протягивать по одежке ножки! Круг интересов, умственный кругозор каждого пусть диктуется приказами и назначением! Мы охватываем все внеслужебное время, и мы распишем,

кому чем надлежит интересоваться. Мы предоставим маленьким гарнизонам темы о снаряжении отдельного стрелка и о портянках, мы сосредоточим внимание центров губернского масштаба на вопросе и роли станковых пулеметов во взводе и потребуем от округов подробного исследования обоза и снаряжения саперной роты в ряде второстепенных государств, забытых нашими, хотя и столь распухшими учебниками. Мы работаем над четырьмя типами мозговых колодок, открывающих каждая свой горизонт мышления, и добьемся единства.

Мы протянем руку всему тому, что в обществе есть здорового и крепкого, и широкие массы пойдут с нами в ногу. На каждой фабрике, в каждой волости будет работать кружок наших единомышленников. Для работников станка и сохи мы издадим сборник: изложенные в нем основания сторожевки и пешей разведки не могут не приковать к себе внимания самых широких кругов населения и вызвать взрывы энтузиазма. Отпечатаем его 50.000 экземпляров, — нет, мало, $\frac{1}{2}$ миллиона экземпляров! Удешевим сборник за казенный счет и распространим его.

Украденный маршальский жезл

Судя по тому, что во всех военных библиотеках читатели требуют прежде всего “Тарзана”, плановое начало в общественно-научной жизни армии уже сделало известные успехи. Разве серый налет будней и скуки не покрывает страницы нашей военной печати, столь близкой к массам? Разве тоска и малолюдность не характеризуют заседаний наших военно-научных кружков? Тяжелая лямка: докладчик, говорящий о том, что его не интересует, и аудитория, встречающая в своем кружке те же темы и вопросы, над которыми пришлось до усталости работать с утра.

Читатель, позвольте пожать вам руку, если вы целый день работали у пулемета, а вечером на докладе о стрельбе из пулемета в интервалы с самых глубин вашего существа к горлу начнут подступать тошнота и мрачное отвращение. Позволим себе однажды быть откровенными... Надо быть кретином, чтобы, проработав длинный рабочий день над деталями, не стремиться в свободный час перенестись от частного к общему. Умственная гигиена требует смены впечатлений и вопросов, как легкие требуют чистого воздуха. Борух Спиноза шлифовал стекла, что совершенно не мешало ему бесконечно углублять отвлеченную мысль. Тема о

пулеметном огне будет поэтому всегда иметь успех на докладе в высоком оперативном управлении.

Я не занимался агитацией за Александра Македонского в ротных и эскадронных кружках, но я приветствую отделенных командиров, которых заинтересовали его походы. Один из наиболее серьезных трудов по истории военного искусства, имеющихся в русском переводе это — книга Макса Йенса “Война и народная жизнь”. Любопытно происхождение этой книги, так прельщающей нас широкой точкой зрения и солидной аргументацией одного из глубоких и серьезнейших ученых Германии. Это — сборник фельетонов немецкой унтер-офицерской газеты. Газета нуждалась в таком военном материале, который приковал бы внимание прусского унтер-офицера после каторжного дня работы. Редакция понимала, что маленькому работнику, скромному винтику огромного аппарата, естественно, хотелось в свободный час поставить свое мышление на рельсы больших философских вопросов. Ведь общеизвестно, что портянка всегда представляет предмет любопытства лишь для генералов.

Поучитесь у этой редакции унтер-офицерской газеты вы, наши военные критики и ценители; вы издаете библиографические сборники, в которых раскладываете военную литературу по ступеням иерархии — что для высшего, что для старшего, что для среднего и что для низшего комсостава. Выверните вашу шкалу наизнанку, и вы будете более правы. Поверьте моему опыту, — мои доклады по истории военного искусства встречали наибольший интерес в рядовой аудитории. Ведь масса проглотила труды Ленина, а вы были бы способны признать их написанными только для партийных верхов.

Бонапарт в молодости неплохо разрешал выпадавшие на него артиллерийские задачи. Но он ужаснулся наших руководителей военно-научного движения широтой интересовавших его вопросов. В военно-исторических трудах он пропускал все описания и сосредотачивал свое внимание на широких общих итогах и подсчетах, на политической подкладке событий. Следы его карандаша на прочитанных в бытность поручиком книгах не оставляют в этом сомнений. На острове св. Елены Наполеон, может быть, прочел бы и наши труды по гражданской войне, но в молодости оставил бы их, наверное, неразрезанными. Секретарь ВНО артиллерийской части не заполучил бы поручика Бонапарта на свое

заседание. Пришлось бы аттестовать его, как тупицу, не имеющего никакого интереса к военному делу и засыпающего на подробнейшем докладе о смешанных артиллерийских дивизионах.

Мы не будем останавливаться на том, как нарушаются интересы военной науки засорением и распуханием ее от постановки ряда вопросов, нужных только для того, чтобы вызвать дискуссию в рядах меньшей братии. Кости, которые бросают, чтобы их глодали!

Но мы подчеркнем нарушение революционной традиции. Мы констатируем покушение на изъятие и утайку в такой-то аэропаг маршальского жезла, который должен чувствовать за своей спиной каждый хороший солдат. Этот маршальский жезл — принадлежность тех молодых командиров, которые обнаруживают повышенный интерес к военным вопросам, далеко выходящим за пределы непосредственной деятельности, за пределы своей роты, за пределы своего рода оружия, за пределы узких, подлежащих разработке в служебном порядке тактических вопросов. Этот интерес к коллективу, к широким вопросам, к задачам армии, в которой молодой командир начальствует только взводом, обеспечивают самую лучшую спайку и такую связь в войсках, которую никакие министры связи создать не могут. Эти призраки маршальских жезлов на самых скромных ступенях командования — сильнейшая черта революционных армий; понимание того, что требуется маршалу, позволяет молодому командиру так верно и нешаблонно подходить к скромной полученной им задаче и достигать с малыми средствами больших результатов.

Можно ли рассматривать этот интерес к целому как растрату дорогого времени, с которой призваны бороться авгуры военнo-научного движения? Не высказываются ли требования, чтобы сама постановка тем в военно-научных кружках являлась определенным предложением молодежи — отказаться от маршальских призраков и вопросов и заняться будничной прозой?

Алжирские войны разучили французскую армию мыслить в современном крупном масштабе; тот же результат в старой царской армии дала мелкая война на Кавказе. Не могут ли обусловить те же следствия дробление и мелочность тем? Сама деталь окажется вовсе неусвоенной, хотя бы о ней были написаны десятки толстых книг, хотя бы с ней пришлось иметь дело на боевой практике в течение десятков лет, если место этой детали по

отношению к целому остается темным, если все вопросы военного искусства мы рассматриваем лишь порознь. Пусть взводные командиры учатся быть маршалами, но не будем снижать военное искусство на надуманную унтер-офицерскую точку зрения.

Последнее тем более нетерпимо, что на очереди дня стоит проблема военизации государства; последняя не допускает бюрократического решения и требует дружных усилий всех граждан, — каждому на своем месте, — сделать все возможное для обращения всех сил государства на войну. Симфония современной войны требует для своего исполнения всего оркестра. Каждый гражданин должен осознать в нем свою роль и партитуру. Вся рабочая сила, все запасы, вся промышленность, наука, искусство, право оказываются втянутыми в проблему военизации. Отсюда, конечно, военное искусство должно быть обращено к широким массам со стороны своих обобщений, а не деталей.

Если машина занимает меня в связи с моей работой, я обязан изучить ее в малейших деталях. Но не будем толковать об устройстве подшипников там, где к машине, печатающей газету, пашущей землю, летающей по воздуху, нас влечет общественный интерес. В последнем случае нам надо обрисовать ее главные черты, что она может дать, какова ее общественная роль, в чем она может повлиять на интересы моего коллектива.

Если вы хотите разбудить в обществе интерес к военному делу, не выпускайте ваших сборников с беседами о сторожевке и прочем... Не забудьте всю пропасть, которая лежит между понятиями “будить” и “гасить”... Не вызывайте тошноты! 30 лет тому назад фон-дер-Гольц предвосхитил вашу идею и успешно осуществил ее в виде выдержавшей десятки изданий книги “Вооруженный народ”. Как далек от этого образца ваш подход! Лучший немецкий писатель охватил весь военный аппарат, его подготовку и функционирование и изложил эту огромную программу в отчеканенных мыслях, отточенным стилем. Труд фон-дер-Гольца нашел не лицемерных, не притянутых за волосы читателей на всем земном шаре; книга повсюду издавалась и расходилась в толщу масс без всяких субсидий. И образцовая по военной пропаганде книга являлась в то же время серьезнейшим трудом по военному искусству. И это понятно, так как массы отвергают ту поддельную, эрзац-научную литературу, те сотни брошюр, на которых стремятся

поправить свои дела прогоревшие издательства и не поднимающиеся над ремеслом авторы.

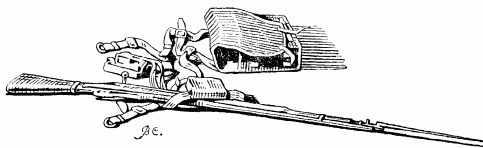
Стратегия есть обозрение подготовки и функционирования военного аппарата в целом. Гражданское общество будет интересоваться любым военным вопросом, если он будет поставлен в его отношениях к общему или стратегическая его подкладка будет ясно обрисована. Но если стратегический подход необходим, чтобы открыть нам доступ к мышлению рабочего, — как можно отказать хотя бы младшему комсоставу в праве интересоваться в свободное от службы время стратегическими вопросами и пытаться разобраться в них в своих кружках? Может быть, для этого необходимо предварительно перевестись в крупный гарнизон или поступить столоначальником в высший штаб?

* * *

Читатель сам сумеет сделать выбор между двумя предложенными ответами и, конечно, догадается, что автор этих строк является решительным сторонником установления резкой грани между обязательными занятиями командного состава и добровольной военно-научной работой; на его взгляд, смешение этих областей наносит одновременно сильнейший удар и военной науке, и той общественности, на которую надо ставить ставку при военизации страны.

А если военно-научные кружки вырвутся и вместо своей мелкой тактической программы начнут работать над геометрией, географией, немецким языком, будут подготавливаться к академическим испытаниям или начнут в батальоне, — о ужас! — заниматься историей военного искусства или даже стратегией? Какие страхи: кто двадцати лет не читал Карла Маркса, понимая его только наполовину; и кто в этом спустя четверть века будет раскаиваться? Требуется ли наш ритуал седых волос, чтобы приступить к серьезным вопросам? Можно ли на мелочах военного искусства, на крохоборчестве собрать капитал внимания к нему?

Военный вестник.- 1925.-№ 40.- С.26-30.

Приложения

Приложение № 1

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК* А. СВЕЧИНА

“18” августа 1915 года.

- I.** Чин, имя, отчество и фамилия. Полковник Александр Андреевич Свечин
- II.** Должность по службе. Командир 6-го Финляндского стрелкового полка.
- III.** Ордена и знаки отличия. Кавалер орденов: Св. Владимира 3 и 4 ст., Св. Анны 2 ст. с мечами и 4 ст. с надписью “За храбрость”, Св. Станислава 2 ст. с мечами и 3 ст. с мечами и бантом. Имеет подарок по чину и медали: светло-бронзовые: в память войны 1904-1905 г.г., в память 200-летия Полтавской победы в 1709 г., в память 100-летия Отечественной войны в 1812 г. и в память 300-летия Царствования Дома Романовых.
- IV.** Когда родился. 17 августа 1878 года.
- V.** Из какого звания происходит и какой губернии уроженец. Сын генерал-майора, уроженец гор. Екатеринослава.**
- IV.** Какого вероисповедания. Православного.
- VII.** Где воспитывался. Во 2 кадетском корпусе, — окончил полный курс в Михайловском артиллерийском училище 2 класса по I разряду и в Николаевской академии Генерального штаба окончил 2 класса по I раз. и дополнительный курс успешно.
- VIII.** Получаемое на В Штабе Верховного главнокомандующего

---

* РГВИА, ф.409, оп.1, д.150843, послужной список 100-422 (1915 г.). В 1917 г. послужной список собственноручно дополнен начальником Отдельной Черноморской дивизии генерал-майором А.Свечиным.

** Записано ошибочно. А.Свечин родился в г.Одессе.

службе содержание.	получал:	Жалованья.....	1536 руб.
		Столовых.....	1560 руб.
		Итого.....	3096 руб.

IX. ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ

В службу вступил по окончании курса наук кадетского корпуса, в Михайловское артиллерийское училище юнкером рядового звания.....	2	1895,	авг. 31
Произведен в унтер-офицерское звание.....			дек. 20
По окончании курса наук произведен в подпоручики с назначением в 46-ю артиллерийскую бригаду		1897,	авг. 13
Со старшинством.....		1896,	авг. 12
Отправился к месту служения с увольнением в 28- дневный отпуск.....		1897,	авг. 17
На основании 762 ст. XV кн. С.В.П. 1869 г. изд. 1896 г. обязан прослужить на действительной службе за вос- питание в училище три года.			
Прибыл.....		1897,	сен. 23
Назначен во 2-ю батарею.....			окт. 1
46 бригада переименована в 43.....		1898,	янв. 1
Назначен помощником заведывающего бригадной учебной командой.....			янв. 7
Отчислен.....			мар. 27
Назначен и.д. дивизионного адъютан- та.....			мая. 20
Назначен помощником заведывающего бригадной учебной командой.....			сен. 30
Утвержден в должности дивизионного адъютанта.....		1899,	мар. 20
Отчислен от должности помощника заведывающего бригадной учебной командой.....			апр. 3
Назначен помощником начальника бригадной учебной команды.....			сен. 16
В виду желания держать вступительный экзамен в Ни- колаевскую академию Генерального штаба отчислен от должности дивизионного адъютанта с переводом во 2-ю батарею.....		1900,	апр. 3
Отчислен от должности помощника заведывающего			

бригадной учебной командой.....		апр. 1
Командирован в Николаевскую академию Генерального штаба для держания вступительного экзамена, куда и прибыл.....		авг. 20
Произведен в поручики.....		авг. 28
Со старшинством		авг. 12
По выдержании экзамена зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба.....		окт. 12
По окончании курса 2 классов академии по первому разряду переведен в дополнительный курс с предоставлением ему прав, установленных ст. 51, 52 и 60 кн. XV С.В.П. 1869 г. изд. 1896 г.....	1902,	сен. 3
Окончил дополнительный курс академии успешно и за отличные успехи в науках произведен в штабс-капитаны.....	1903,	мая 23
Причислен к Генеральному штабу и откомандирован от академии к штабу Виленского военного округа для бытия лагерного сбора.....		мая 27
При выпуске из академии выдано ему 300 руб. на первоначальное обзаведение лошадью со всею принадлежностью.....		
На основании ст. 74 кн. XV С.В.П. 1869 г. изд. 1896 г. обязан срочною службою в военном ведомстве за обучение в академии.....		
Прибыл в штаб Виленского военного округа.....		июня 4
Отправился в штаб 2 кавалерийской дивизии для отбытия лагерных сборов.....		июля 6
Возвратился в штаб округа.....		сен. 1
Отправился в 3 Финляндский стрелковый полк для командования ротой на два года		окт. 18
Прибыл в полк.....		окт. 22
Командующим 7 ротой с		окт. 31
Переведен на службу в 22 Восточно-Сибирский стрелковый полк.....	1904,	фев. 20
Прибыл в полк.....		мар. 1
Прикомандирован для несения службы к штабу 6 Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.....		апр. 8

Прибыл из командировки.....		мая 15
Принял 1 роту на законном основании.....		мая 15
Сдал 1 роту.....		мая 24
Принял на законном основании 7 роту.....		мая 24
Приказом по Маньчжурской армии от 22 мая 1904 г. за отличия против японцев 15 апреля 1904 г. награжден орденом Св. Анны 4 ст. с надписью “За храбрость”.....		мая 20
Пожалование сего ордена утверждено.....		июля 23
Приказом войскам Маньчжурской армии 13 октября 1904 г. за № 745 за отличия против японцев награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом.....		окт. 13
Пожалование сего ордена утверждено.....	1905,	сен. 5
Сдал 7 роту	1904,	окт. 30
Переведен в Генеральный штаб с назначением обер-офицером для поручений при штабе 16 армейского корпуса.....		окт. 19
Состоя обер-офицером для особых поручений при штабе 16 армейского корпуса, распоряжением штаба главнокомандующего командирован в управление генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии на должность обер-офицера для поручений, куда отправился и прибыл.....		дек. 10
Приказом войскам I Маньчжурской армии за № 70, за отличие против японцев награжден орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами.....		дек. 14
Пожалование сего ордена утверждено.....	1905,	июля 10
Назначен обер-офицером для поручений при управлении генерал-квартирмейстера 3 Маньчжурской армии.....	1904,	дек. 26
Приказом войскам 3 Маньчжурской армии 16 апреля 1905 г. за № 89, за разновременные отличия в делах против японцев награжден орденом Св. Анны 2 ст. с мечами.....	1905,	апр. 16
Пожалование сего ордена утверждено.....	1906,	мар. 26
Произведен в капитаны.....	1905,	апр. 17
Отчислен от должности.....		мая 1

Прикомандирован к Главному Штабу.....		мая 22
В Главный Штаб прибыл за 23 дня до конца отпуска.....		июля 20
Назначен начальником строевого отделения штаба Осовецкой крепости.....		сен. 4
Прибыл.....		сен. 21
Исправлял должность начальника штаба крепости	1905,	сен.23
	с....	1906, апр. 6
	по ..	
Вр. и.д. начальника штаба крепости	с	апр. 6
	по.....	апр. 10
	с.....	мая 13
	по.....	мая 23
	с.....	июля 14
	по.....	июля 8
	с.....	сен. 14
	по.....	сен. 29
	с.....	дек. 17
	по.....	дек. 27
	с.....	мар. 4
	по.....	1907, мар. 24
	с.....	апр. 1
	по.....	мая 30
Прикомандирован и прибыл к штабу Варшавского во- енного округа.....		сен. 20
Назначен обер-офицером для поручений при штабе Варшавского военного округа.....		сен. 23
Назначен и.д. помощника делопроизводителя Главно- го управления Генерального штаба.....	1908,	мая 4
Отправился к месту служения.....		мая 30
Прибыл.....		июня 1
Произведен в подполковники с утверждением в на- стоящей должности.....		дек. 6
Пожалована светло-бронзовая медаль в память 200- летия Полтавской победы в 1709 г. для ношения на груди на Андреевской ленте.....	1909,	окт. 31
Награжден орденом Св. Владимира 4 ст.....		дек. 6
Прикомандирован для несения службы к крепостной части.....	1910,	окт. 15
Произведен в полковники.....		мар. 25

Пожалована светло-бронзовая медаль в память 100-летия Отечественной войны в 1812 г.....		дек. 1
Предоставлено право ношения светло-бронзовой медали в память 300-летия Царствования Дома Романовых.....	1913,	апр. 12
Командирован в 8 Финляндский стрелковый полк для 4-х месячного командования батальоном		мая 6
Назначен делопроизводителем Главного управления Генерального штаба.....		авг. 12
Возвратился из командировки в 8 Финляндский стрелковый полк		сен. 11
Назначен для поручений при начальнике штаба Верховного Главнокомандующего.....	1914,	июля 25
Отправился к месту нового служения и прибыл		июля 31
За отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий, награжден орденом Св.Владимира 3 ст.		окт.22
За отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий, награжден подарком по чину	1915,	января 23
Пожалована Высочайше учрежденная светло-бронзовая медаль на ленте Белого орла для ношения на груди — в память всеобщей мобилизации 1914 г....		мая 17
Назначен командиром 6 Финляндского стрелкового полка.....		июля 23
Отправился к месту нового служения.....		авг. 3
В службе гражданской и по выборам дворянства не служил. Всемилоштивейших рескриптов и Высочайших благоволений не получал.		

**СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ А.СВЕЧИНА
к послужному списку**

Прибыл к новому месту служения и вступил в командование полком.....		авг. 9
Приказом войскам X армии награжден Георгиевским оружием.....		авг.
Высочайшим приказом за отличие в делах против неприятеля пожалованы мечи к ордену Св. Влад. 3 ст....	1916,	апр. 18
В бою 11 июня 1916 года у х. Зеленый Остров ранен ружейной пулей в шею и эвакуирован.....		июня 11

Высочайшим приказом за отличие в делах против неприятеля произведен в генерал-майоры.....	сент. 22
Со старшинством.....	июня 11
Высочайшим приказом за отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св. Георгия 4 ст.....	окт. 21
Возвратился по выздоровлении и вступил в командование полком	авг. 25
Распоряжением Ставки ВГ назначен на должность нач. отд. морской дивизии.....	1917, янв. 24
Сдал полк и отправился к новому месту служения.....	янв. 27

X. БЫТНОСТЬ ВНЕ СЛУЖБЫ

Был в отпусках с сохранением содержания:	
На 28 дней с	1897, авг. 17
На 25 дней с	1898, июля 5
На 17 дней с	1900, дек. 22
На 11 дней с	1903, июня 4
На 2 месяца с	1903, сен. 2
Прибыл 14 днями ранее срока	1903, окт. 18
Приказом войскам 3 Маньчжурской армии от 13 апр. 1905 г. за № 86 уволен в отпуск для излечения болезни на 4 месяца	1905, апр. 13
Прибыл на 1 мес. и 12 дней ранее срока	1905, июня 1
На 14 дней с	1906, апр. 21
На 2 месяца с	1906, окт. 4
На 28 дней с	1908, июня 30
Возвратился тремя днями ранее срока.....	1908, июля 25
На 28 дней с	1910, июля 23
Возвратился 13 днями ранее срока.....	1910, авг. 7
На 2 месяца с	1912, дек. 7
Возвратился на 1 месяц и 4 дня ранее срока.....	1913, янв. 3
На 14 дней с	1914, июня 27
Возвратился 2-мя днями ранее срока	1914, июля 9
<...>	

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ А. СВЕЧИНА

В трехнедельном отпуску	с	1915, окт. 29
Возвратился ранее срока на десять дней		нояб. 10
В 21-дневном отпуску	с.....	1916, мар. 1
Для пользования ран	по.....	мар. 22
	с	июня 11
	по.....	авг. 25

В 25-дневном отпуску

с .....
по.....

нояб. 15
дек. 10

В бессрочном отпуску для пользования ран по роду
оружия, в плену и в отставке не был

XI. Холост или женат, на ком;
имеет ли детей; год, месяц и
число рождения детей; какого
они и жена вероисповедания

Женат первым браком на разведен-
ной жене военного врача Замбржиц-
кого Елизавете Евгеньевне Дидрих.
Имеет сыновей: Михаила, родивше-
гося 15 апреля 1901 г., Петра, род. 5
марта 1910 г. и Андрея, род. 23 сен-
тября 1911 г. Жена и дети вероиспо-
ведания православного.

XII. Есть ли за ним, за родите-
лями его, или, когда женат, за
женою, недвижимое имущество,
родовое или благоприоб-
ретенное

Не имеет

XIII. Подвергался ли наказа-
ниям, или взысканиям, соеди-
ненным с ограничениями в
преимуществах по службе, —
когда и за что именно; по су-
дебным приговорам или в
дисциплинарном порядке.

Не подвергался

XIV. Бытность в походах и
делах против неприятеля, с
объяснением, где именно, с
какого и по какое время; ока-
занные отличия и полученные
в сражениях раны или конту-
зии; особые поручения, сверх
прямых обязанностей, по вы-
сочайшим повелениям, или от
начальства.

Находился в походах и делах против
японцев с 1 марта 1904 г.
Командирован для рекогносцировки
местности 1904, мар. 7.
Прибыл из командировки 1904,
мар. 26.
Был в сражениях: в пятидневном бою
под Мукденом и в отходе армии к
Сыпингайской позиции с 12 по 27
февраля 1905 г.
Ранен и контужен не был.

Командирован в гор. Сувалки в штаб 2 кавалерийской
дивизии для участия в специально-кавалерийской по-
ездке.

1903, июня 27

Возвратился из командировки.....

июля 5

Командирован в гор. Варшаву для участия в опытах стрельбы из капонира форта № 11 Варшавской крепости	с.. по..	1906 , мая 28 июня 3
Командирован в крепость Новогеоргиевск для участия в крепостной поездке под руководством начальника ген. штаба	с... по..	авг. 17 сен. 2
На основании предписания штаба Варшавского военного округа от 22 марта 1907 г. за № 5915, командирован для прочтения сообщения на тему "Бой 18 июня 1904 г. у Тхавуана" офицерам гарнизонов г.г.Ново-Александрии, Радома, Скерневиц и Пултуска	с... по..	1907 , мар. 27 апр. 1
На основании отзыва штаба Варшавского военного округа от 12 августа 1907 г. за № 16858, командирован на три недели для работ в названном штабе	с... по..	авг. 15 сен. 5
На основании отзыва штаба Варшавского военного округа от 20 сентября с.г. за № 19167, считать прикомандированным к названному штабу впредь до перевода	с ...	сен. 20
Находился в командировке на крепостную поездку офицеров Генерального штаба под креп. Новогеоргиевск	с.... по ..	1908 , авг. 17 сен. 8
Находился в командировке в городе Гродно на полевую поездку офицеров генерального штаба	с ... по ..	1909 , мая 8 мая 31
Находился в командировке в Германию в Франкфурте-на-Майне на выставке воздухоплавания, для ознакомления с наиболее интересными отделами выставки	с ... по ..	авг. 2 сен. 2
Находился в командировке на морские маневры Балтийского флота	с ... по ..	1910 , июня14 июля 17
Находился в командировке в Рембертовский лагерь для присутствия при опытах стрельбы из промежуточного капонира	с ... по .. с ... по ..	июля 18 июля 22 авг. 7 авг. 17
Находился в командировке на полевую поездку Главного управления Генерального штаба	с ... по ..	1912 , мая 26 июня 11

Находился в командировке в гор. Ревеле	с ...	июля 11
	по ..	июля 21
	с ...	июля 31
	по ..	авг. 10
Находился в служебной командировке	с ...	сен. 15
	по ..	сен. 23
Находился в служебной командировке в крепости Очаков	с..	сен. 23
	по..	окт. 12

**СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ А.СВЕЧИНА К ПОСЛУЖНОМУ
СПИСКУ (НА ОСНОВАНИИ ПРИКАЗА НАШТАВЕРХА
ОТ 7 ОКТЯБРЯ 1916 Г.№ 108)**

**Перечень участия в делах против неприятеля
в составе 2 Финляндской стрелковой дивизии.**

В обороне и удержании позиций под городом Вилькомиром у д. Янова на р. Свенте.....	1915,	авг. 10
В боях под гор. Вильно (у д. Мусники) на Мейтагольской позиции (у д. Кемели) и у Сморгони	с ..	авг.11
	по ..	окт.17
В операциях дивизии на р. Стрыпе, в районе сев. Бучача, у Пилава и Петликовце-Нове	с ...	дек. 5
	по ..	1916, фев. 18
В боях дивизии на р. Стырь у д.д. Торговице, Волниче и Красное	с ...	мая 25
	по ..	мая 29
В боях дивизии у д. Боромле, Колодеж, Колонии Нивы и д. Новый Ток	с ...	июня 17
	по ..	июня 22
В обороне позиции на р. Болдурке	с...	сен. 14
	по ..	1917, янв.[27]

Особых поручений сверх прямых обязанностей, по Высочайшему повелению не имел.

В службе сего штаб-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на знак отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к сему знаку.

Дежурный генерал при Верховном главнокомандующем
генерал-лейтенант Кондзеровский (подпись)

Штаб-офицер для делопроизводства и поручений
полковник Балашов (подпись)

**Из Списка Генерального штаба,
составленного по сведениям, имеющимся в Органи-
зационном управлении Всероссийского
Главного штаба к 7 августа 1920 года**

Свечин Александр Андреевич, 1878 года рождения, прежний чин — генерал-майор, год выпуска из Академии — 1903, занимаемая должность — штатный преподаватель в Академии Генерального штаба, руководитель по практическим занятиям с 28 ноября 1918 г. и председатель Военно-исторической комиссии с декабря 1918 г.

Обер-офицер для особых поручений при штабе 16 армейского корпуса — 3 м. Обер-офицер для особых поручений при управлении генерал-квартирмейстера 3 Маньчжурской армии — 4 м; состоял в прикомандировании к Главному Штабу — 2 г.4 м.; начальник строевого отделения штаба Осовецкой крепости — 2 г; обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа — 7 м.; помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба — 5 л. 3 м; делопроизводитель Главного Управления Генерального Штаба — 1 г; для поручений при начальнике штаба Верховного Главнокомандующего — 1 г; командир Финляндского стрелкового полка — 1 г. 6 м.; начальник штаба 7 пехотной дивизии — 15 дн.; начальник отдельной Черноморской морской дивизии — 4 м; и.д. начальника штаба 5 армии — 4 м.; в распоряжении начальника штаба армий Северного фронта с 22 сентября 1917 г. до демобилизации, был военруком Смоленского района 3 м; Начальник Всероссийского Главного штаба — 4 м.

Список Генерального штаба. - Б.м. / Б.г.: Издание
Отчетного отдела Организационного управления
Всеголавштаба. - С.81-82.

ТЕЗИСЫ К ЗАНЯТИЯМ ПО СТРАТЕГИИ *

Тезисы к докладу “Германская и французская военные доктрины”

1. Теория стратегии исследует основы гармонизации подготовки к войне и ведения военных действий вообще. Военная доктрина должна давать конкретные указания о линии гармонизации, отвечающей данным условиям и является не теорией военного искусства, а теорией какого-то плана войны.

2. Приспособление военной теории к германским условиям наиболее поучительно, так как Германия в новейшую эпоху представляла наиболее отвечающее эпохе империализма европейское государство, и политическое и географическое положение Германии ставили ее под постоянную угрозу.

3. Ставка на массу являлась основой германской стратегии и определяла главную линию внутренней политики.

4. Характер управления в армии — директивы сверху, инициативы снизу — имеет глубокие корни в новейшей Германии.

5. Успехи техники и промышленности, связь генерального штаба с тяжелой промышленностью, обусловили ставку на техническую внезапность в войне 1866, 1870, 1914 гг.

6. Германская наступательная стратегия являлась логичным продолжением развивающейся экономики и активной политики.

7. Крайняя подвижность германских войск требовала широкого применения маневра; последний при наличии масс и огневого превосходства должен был получить свое выражение в виде движения на широких фронтах и стремления к охвату и окружению неприятеля.

8. Материалистические тенденции мышления предохранят Германию от нарушения равновесия между обороной и наступлением тактики. Крайнюю напористость в наступлении удалось сочетать с полным уважением к обороне.

9. Французская военная мысль развивалась в новейшей истории, не ища опоры в массах и не имея контакта с тяжелой промышленностью. Реакционные тенденции опирались на Наполеона — “великого мастера побеждать”.

---

* Занятия по данным тезисам проводились на Политическом и Военном отделениях Курсов усовершенствования высшего начальствующего состава РККА при Военной академии РККА им. М.В.Фрунзе в 1925/1926 учебном году. Тезисы размножались в количестве от 10 до 100 экз.

Материалы получены автором от Любови Васильевны Любимовой — жены преподавателя Военной академии им. М.В.Фрунзе Владимира Виссарионовича Любимова — бывшего офицера Генерального штаба русской армии.

10. Французская военная доктрина характеризуется нетерпимостью и младо-турецкими приемами пропаганды.

11. Осторожное отношение к наступлению и отвращение к обороне, вызванное воспоминаниями 1870 г., привели Бонналя к идее наступательной обороны — к глубокой стратегии, заимствовавшей у тактики формы и методы действия.

12. Полная потеря контакта с действительностью характеризует доктрину наступления Грандмэзона, господствовавшую в 1910 - 1914 годах.

13. Нельзя строить из доктрины план войны; но план войны должен давать директивы для построения доктрин.

20 октября 1925 г.

А. Свечин.

Тезисы для семинария “Организация вооруженного народа”

1. В новейшей истории Германия представляет наиболее приспособленное к требованиям эпохи империализма европейское буржуазное государство, географическое положение коего ставит его под постоянную угрозу.

2. Вынужденное Тильзитским миром 1807 г. сокращение прусской армии явилось толчком к переходу к более рациональной форме военной организации. Завоевания Великой французской революции были кооптированы монархической Германией. Палка фридриховского капрала в XIX веке была замещена учением Фихте и Канта и широкой политико-просветительной работой.

3. Прусский ландвер с середины XIX столетия является прообразом наших территориальных дивизий.

4. Формы военной повинности находятся в тесной зависимости от политики. В 1860 — 1887 гг. в Германии господствует отрицательное отношение к началу вооруженного народа. Франко-русское сближение заставляет Германию в 1887 г. вернуться к нему и расширить вдвое объем воинской повинности. В 1887 г. командирам частей предъявлено требование — открыть доступ в офицеры представителям средней буржуазии. В 1913 г. мелкая буржуазия призывается в лейтенанты резерва. В 1887 г. германское правительство становится на путь примирения с социал-демократией и подготовку голосования 4 августа 1914 года. Цветущая промышленность и повышение заработной платы облегчают реформистское движение. Генеральный штаб поддерживает мягкую политику Клеменса Дельбрюка.

5. План Шлиффена являлся ставкой на массу и требовал интенсивного использования резервных и ландверных формирований. Отказ прусского военного министра от формирования в 1913 г. трех новых корпусов, которых требовал Людендорф, под предлогом, что такое увеличение армии разжижит кадры и на ближайшие годы понизит боеспособность, является грубой ошибкой и изменой основной линии строительства германской армии.

6. Франция, в особенности после сближения с Россией, являлась менее угрожаемым государством, что объясняет господство в 1895 - 1906 гг. антимилитаризма в правительстве.

7. Качество армии не может измеряться количеством лет действительной службы; но французы в течение XIX века отдавали предпочтение долгим срокам службы. Это объясняется слабой рождаемостью в государствах-рантье, стригущих купоны и вывозящих капиталы, имеющей отстающую тяжелую промышленность; слабая политпросветительная работа в массах, имеющих наклонности к бланкизму и включающих много иностранцев для черной работы. Французская буржуазия не являлась вождем масс, а оборонялась от них. Французский генштаб являлся представителем реакционных тенденций.

8. Горький опыт 1870 года заставил Францию заимствовать германскую военную организацию. Этапы существенных отступлений от идеи вооруженного народа: 1897 г. — Бонналь в плане N XIV отказывается от резервных частей при первоначальном развертывании; 1907 г. — бунты в войсковых частях (17 полк) в связи с движением в винодельческих районах ведут к отказу от учебных сборов для территориальных частей и к сокращению их для резервистов; 1911 г. — провал плана Мишеля широко использовать при развертывании резервные части; исключение их повысит насыщенность корпусов артиллерией и техникой; 1913 г. — предпочтение перехода от 2-х к 3-х летней службе и повышение мирного состава армии, улучшение организации резервных частей; 1200000 обученных резервистов вовсе не используется при мобилизации; 1922 г.— принципиальное признание необходимости вооруженного народа, но устремление всех усилий на 35 дивизий постоянной армии.

Литература:

Обязательная — А. Свечин. История военного искусства. ч. III, гл.3.

Рекомендуемая — Франц Меринг - Милиция и постоянное войско.

Главный редактор - А. Свечин.

Тезисы для семинария по стратегии на тему: “Сокрушение и измор”

1. Оперативному искусству понятие измора почти чуждо: только позиционное “материальное сражение” приближается к нему. Так как под стратегией до сего времени преимущественно разумелось оперативное искусство, то этим и объясняется и отсутствие понятий о сокрушении и изморе в имеющихся ранее трудах по стратегии.

2. Повсеместное принесение в жертву “магазинов и провинций” ради достижения решительного численного превосходства на решительном пункте не отвечало условиям ведения войн в XVIII веке. Людендорф весной 1918 года принес в жертву интересы Балканского, Сирийского, Итальянского театров ради сосредоточения превосходных сил для сокрушительного удара на Французском театре, что также не отвечало условиям ведения мировой войны.

3. Конечный результат как Семилетней, так и мировой войны был обусловлен не исходом сражений.

4. Стратегия измора характеризуется отсутствием всякой схематичности.

5. Нельзя допускать разногласия между историческим суждением и теорией искусства. Если стратегия измора существует в действительности, освещение ею теорий не может развратить военное мышление.

6. В стратегии измора правильное планирование целей в соответствии с имеющимися средствами так же важно, как и при стратегии сокрушения.

7. Стратегические понятия сокрушения и измора представляют не исторические концепции, сменяющие друг друга в зависимости от хода исторического развития, а совершенно реальные понятия военного искусства, которые могут уживаться рядом и даже мыслимы в одной войне.

8. Переоценка географического элемента зрц-герцогом Карлом безусловно имела место: однако, представление о важных стратегических направлениях, на которых только и могут оказаться полезными на продолжительное время важнейшие тактические успехи, держалось в представлении теоретиков сокрушения до последнего времени. Риск своими сообщениями допускался более последовательными представителями сокрушения.

9. Определение войны как борьбы на сокрушение или на измор, представляет существенную часть политического решения.

10. Разбор с точки зрения сокрушения или измора, одного или нескольких периодов мировой и гражданской войны.

Литература:

Стратегия в трудах военных классиков. т. II, стр.229-231, 237-271.

А. Свечин. "Стратегия", стр. 56, 61, 252-267.

7 и 14 января 1926 г.

Зам. Главрука - А. Свечин.

Тезисы к семинарию по стратегии на тему: "Стратегия и политика"

1. Смешение понятий стратегии, оперативного искусства и тактики вредно отражается на усвоении комсоставом Красной армии военного искусства.

2. Стратегия не может уклониться от расплаты за ошибки, допущенные политикой.

3. Политическое положение СССР требует, чтобы при разрешении всех экономических вопросов не упускалось бы из виду требование повышения нашей экономической боеспособности.

4. Правильная формулировка политической цели войны представляет одну из труднейших проблем политического искусства, и имеет огромное значение для разумного использования сил вооруженного фронта.

5. Интегральное руководство войной лежит на ответственности руководящего центра, господствующего в государстве класса.

Тезисы к семинарию по стратегии на тему: “Экономический и дипломатический план войны”

1. Пределы экономической борьбы и пределы борьбы на вооруженном фронте могут не совпадать ни во времени, ни в пространстве.

2. В 1926 и 1927 гг. развитие экономической жизни СССР поглощает полностью всю мощь железнодорожного транспорта и заставляет широко использовать транспортный резерв, представляемый водными путями: так как боеспособная экономика требует сохранения возможности значительного расширения транспорта во время войны, то необходимо выдвигать капитальные затраты на транспорт как важнейшую очередную задачу подготовки к войне.

3. Подготовка к экономической мобилизации становится постепенно повсюду существующим фактом; она предполагает упорную затяжную войну; эшелоны военной мобилизации и объем применения на фронте материальных средств должны быть согласованы с возможностями и успехами экономической мобилизации.

4. Сохранение экономического равновесия между городом и деревней, а равно между различными областями государства представляет одну из важнейших задач политического руководства.

5. Внутренняя политика Австро-Венгрии, основанная на господстве крупного землевладения, естественно вела и к поддержке политического господства немцев и венгерцев над славянами и румынами, и требовала политического союза с Германией.

6. Лозунг подготовки к войне 1923 г.: Польша должна стать или местом, или барьером.

7. Большое государство должно подчинять себе руководство усилиями малого союзника на вооруженном фронте. Малый союзник, стремящийся самостоятельно вести параллельную войну, может явиться тяжелым бременем.

25 января 1926 г.

Зам. Главрука - А. Свечин

Тезисы к семинарию по стратегии на тему: “Линия политического поведения во время войны”

1. Армия каждой ведущей войну страны ныне реагирует на экономические, социальные и политические сдвиги в тылу с чувствительностью сейсмографа (Бем).

2. Политическая агитация в течение войны должна являться средством, но не целью.

3. Оккупационная политика получает особенное значение в войнах, имеющих классовый или гражданский характер; она не может руководиться нормами международного права, но необходимо быть очень осторожными при разрешении ее вопросов.

4. Экономическая эвакуация, развивающаяся стихийно, без плана, может привести к катастрофе на вооруженном и экономическом фронтах.

5. Политика Бисмарка дает образцы искусного маневрирования во время войны. 14 июля 1866 года, когда выяснилась угроза вмешательства Наполеона III в австро-прусскую войну, Бисмарк испросил разрешение прусского короля на формирование венгерского легиона Клапка; вмешательство Франции обратило бы династическое столкновение между Габсбургами и Гогенцоллернами в революционную войну за независимость Венгрии.

6. Мудрая политика будет очень осторожна в представительстве географических интересов.

Руководства — “Стратегия” - А. Свечина, стр. 126-150.

1 февраля 1926 г.

Зам. Главрука - А. Свечин

Тезисы к семинарию “Стратегическое руководство”

1. Быстрота ориентировки высшего командования определяет методы руководства операцией.

2. Подготовка высшего командования не может замыкаться в изучении облюбованной доктрины, а должна позволить проникнуть в тактическое, оперативное и стратегическое мышление возможных противников.

3. При большой авторитетности руководства и надлежащей подготовке высшего командования метод управления директивами представляет крупные выгоды. Обезличение высших начальников, получающееся при перерождении высшего руководства в отдачу команд, опасна, так как ведет к беспомощности армии.

4. Частная инициатива не должна покушаться на подмену поставленных свыше целей другими; но она необходима для выбора соответствующих средств и методов исполнения и должна постоянно воспитываться в армии.

5. Необходима осторожность в использовании в маневренной войне технических средств связи как способа возвращения к Наполеоновским методам управления, применение коих непременно вызовет большие трения.

Руководство: А. Свечин. “Стратегия”, стр. 354-396.

Пособие: М. Тухачевский. “Армейская операция”, стр. 93-100.

30 января 1926 года.

Зам. Главрук - А. Свечин.

Тезисы к семинарию по стратегии на тему: “Формы ведения военных действий”

1. В гражданской войне и вообще при чересполосной группировке сил и средств неприятеля и наших наступление является сильнейшей формой ведения военных действий.

2. Правильная постановка цели при наступлении или обороне возможна лишь, если имеется приблизительное представление о том рубеже во времени и пространстве, за которым сила наступления пойдет на убыль.

3. Война на измор или война позиционная могут возникнуть несмотря на полнейшее нежелание обеих воюющих сторон идти по этим путям.

4. Коли условия использования огнестрельного оружия являются важнейшим мериллом при оценке тактического положения, то сравнение мощности и безопасности сообщений неприятеля и наших является одним из важнейших оснований при оценке обстановки в оперативном и стратегическом масштабе.

Руководство — А. Свечин. “Стратегия”, стр. 250-252, 268-295.

9 марта 1926 года.

Зам. Главрука - А. Свечин.

Тезисы к семинариям по стратегии на темы: “Операция” и “Стратегическая линия поведения”

1. Необходимость вести несколько последовательных операций для достижения конечной военной цели при столкновении двух крупных и сильных современных государств почти не подлежит сомнению. Операция, преследующая лишь промежуточную военную цель, ограниченная в своем существе, является типичной для современного военного искусства. Уменьше вести такую ограниченную операцию еще не исчерпывает всего содержания военного искусства. Стратегия является искусством группировки операций для достижения конечной цели войны.

2. Деление на операции и местные бои отвечает действительности. Низкий уровень организованности и руководства находит свое отражение в более широком развитии местных боев. Несмотря на повышение накладных расходов ведения войны, связанных с развитием местных боев, последнее отнюдь не является особенно характерным для стратегии измора в ее лучших достижениях.

3. Оперативное наступление является прежде всего упреждением неприятеля в развертывании.

4. При стратегии сокрушения последовательность операций является более ясной, чем при стратегии измора; но и в последнем случае она является необходимой, хотя и усматривается труднее.

5. В начале 1915 г. наличие в Германии больших государственных резервов становилось ясным для русского командования, несмотря на все усилия французского генерального штаба доказать близость окончательного истощения Германии. Русское командование, однако, стремилось к достижению максимальных целей и не выдвинуло на первый план накопление стратегического резерва, что является тяжелой ошибкой.

6. Неустанная гармонизация всех усилий на вооруженном фронте является основной задачей стратегии. Только в том случае, если стратегия уяснит себе в основных чертах характер войны, эта гармонизация усилий окажется вполне удачной.

Руководство — А. Свечин. "Стратегия", стр. 295-353.

15 и 22 марта 1926 г.

Зам. Главрука - А. Свечин.

Примечание: В данном приложении публикуется только часть учебных материалов А.Свечина, имеющих в распоряжении составителя.

Приложение № 3

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО А.СВЕЧИНА*

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия **Свечин**
2. Имя и Отчество **Александр Андреевич**
3. Год рождения **1878**
4. Место рождения **город Одесса**

---

* Центральный архив ФСБ. Следственное дело № 16571.

5. Местожительство (адрес) **Москва, Софийская набережная, дом 34, кв. 116**

6. Специальность **военнослужащий**

7. Место последней работы, занимаемая должность, звание

Академия Генерального Штаба, помощник начальника кафедры Военной Истории, профессор, комдив

8. К какой общественной группе принадлежит к моменту ареста (к группе рабочих, служащих, колхозников, единоличников, кустарей, людей свободных профессий, служителей культа) **военнослужащий**

9. Паспорт **Удостоверение Академии Генерального Штаба**

10. Партийность (в прошлом и настоящая) **внепартийный**

11. Национальность **русская**

12. Гражданство (подданство) **советское**

13. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и другие (когда, каким органом и за что) **Был арестован Наркомвнудел в 1931 г. февраля 20 по обвинению по 58 ст. Уг. К. Осужден и по пересмотру дела досрочно освобожден 8.2.1932.**

14. Состав семьи. **Жена Ирина Викторовна Свечина, преподавательница немецкого языка в Академии Генерального Штаба, Москва, Софийская набережная д.34, кв.116.**

Сын Свечин Андрей Александрович, инженер на судостроительном заводе имени Марти в Ленинграде, Петроградская стора, Саблинская улица, №№ дома и квартиры не помню.

Подпись арестованного (собственноручная подпись А.Свечина).

1. Кем и когда арестован

2. Квитанция №

Подпись сотрудника, проверившего анкету

30. XII. 1937 г.

ПРИМЕЧАНИЕ: Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется по документам.

С С С Р
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ №.....

1938 г. апреля мес. **9** дня. Я, **Опер.Уполн. 5 отдела ГУГБ**

допросил в качестве **обвиняемого**

1. Фамилия **Свечин**

2. Имя и Отчество **Александр Андреевич**

3. Год рождения **1878**

4. Место рождения **город Одесса**

5. Местожительство (адрес) **гор. Москва, Софийская набережная, дом 34, кв. 116**
6. Нац. и гражд. (подданство) **Русский, гр-н СССР.**
7. Паспорт
8. Род занятий **Профессор-комдив академии генерального штаба — комдив.**
9. Социальное происхождение **Отец, генерал-майор генерального штаба — умер.**
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):
  - а) до революции **Генерал генерального штаба**
  - б) после революции **Военнослужащий**
11. Состав семьи **Жена — Ирина Викторовна 44 лет, сын Андрей — 27 лет, инженер завода Марти в Ленинграде.**
12. Образование (общее, специальное) **2 кадетский корпус в 1895, Михайловское артиллерийское училище в 1897, академия генштаба в 1903.**
13. Партийность (в прошлом и в настоящем) **беспартийный**
14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что):
  - а) до революции **не судим**
  - б) после революции **Был судим в 1931 г. по обвинению в антисоветской деятельности, осужден сроком на 5 лет.**
15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти **нет**
16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете **Военнослужащий — комдив**
17. Служба в Красной армии (красн.гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого **В Красной армии с марта 1918 г., в боях не был**
18. Служба в белых и др.к.-р. армиях (когда, в качестве кого) **не служил**
19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях **нет**
20. Сведения об общественно-политической деятельности **нет**

ПРИМЕЧАНИЕ. Каждая страница протокола должна быть заверена подписью допрашиваемого, а последняя и допрашивающего.

“УТВЕРЖДАЮ”

“ _____ ” _____ 193 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ И ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ

Город **Москва** 1938 г. **Апреля “9”** дня

Я, **Лось С.Л., Опер.уполн.** отд-ния **следственного** отдела **плотого** Главного Управления **Госбезопасности** НКВД, рассмотрев следственный материал по делу № _____ и приняв во внимание, что гр. **Свечин Александр Андреевич** достаточно изобличается в том, что **являлся участником офицерско-монархической организации и военно-фашистского заговора**
ПОСТАНОВИЛ:

гр. **Свечина А.А.** привлечь в качестве обвиняемого по ст.ст. **58 п.п. 1 а и 11** УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать **Содержание под стражей в Лефортовской тюрьме**

Опер. Уполномоченный **подпись /Лось/**

Настоящее постановление мне объявлено **9 апреля** 1938 г.

Подпись обвиняемого (**собственноручная подпись А.Свечина**).

“УТВЕРЖДАЮ”

НАЧАЛЬНИК 2 УПРАВЛ. НКВД
Комбриг (ФЕДОРОВ)

“УТВЕРЖДАЮ”

ПРОКУРОР СОЮЗА С. С. Р.
(Вышинский)

“ ” июля 1938 года

“ 27 ” июля 1938 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу —

№ 16571 по обвинению СВЕЧИНА
Александра Андреевича, по ст. 58 п.п.
1 “б”, 8 и 11 УК РСФСР.

СВЕЧИН Александр Андреевич был арестован на основании имевшихся данных о его участии в антисоветской офицерско-монархической организации РОВСа.

Следствием по делу установлено, что СВЕЧИН А.А., бывший генерал генштаба царской армии, с 1919 года до последнего времени являлся одним из руководителей антисоветской офицерской монархической организации и участником антисоветского военного заговора.

Эта организация под руководством белоэмигрантского закордонного центра “РОВСа” (Российского Общевоинского Союза) готовила повстанческие кадры; вела подрывную шпионскую работу в Красной Армии в целях подготовки поражения Советского Союза в предстоящей войне с капиталистическими государствами и свержения советской власти (л.д. 31, 32)

В 1926 г. СВЕЧИН вошел в состав московского центра офицерской монархической организации, который руководил всей антисоветской деятельностью этой организации в СССР <...>

На основании изложенного обвиняется:

СВЕЧИН Александр Андреевич, 1878 г. рождения, уроженец г. Одессы, сын генерал-майора, сам генерал-майор генерального штаба царской армии. Арестовывался органами б. ОГПУ за антисоветскую деятельность в 1931 году, осужден к 5-ти годам концлагеря, до ареста пом.нач.кафедры военной истории академии генштаба РККА, комдив

в том, что являлся участником антисоветской офицерской-террористической организации РОВСа, а также и участником военно-троцкистского заговора.

Как член центра офицерской монархической организации проводил работу по созданию террористических групп, т.е. в преступлении, предусмотренным ст. 58 п.п 1“б”, 8 и 11 УК РСФСР.

Обвиняемый СВЕЧИН А.А. виновным себя в предъявленном обвинении не признал, однако, изобличается показаниями арестованных: ВЕРХОВСКОГО Б.К., ВЕРХОВСКОГО А.И., ШЕЙДЕМАНА Е.Е., ЛУКИРСКОГО С.Г., ГЛАГОЛЕВА В.П., РУДИНСКОГО Н.С., КОРНЕВА И.Н., ЗАЛЕВСКОГО К.А., БАЛАБИНА Ф.И., МИХАЙЛОВА С.Г. и ШИШКОВСКОГО Е.Е.

(л.д. 16-19,20,21, 22-23,24, 25-26,27,28, 29-33, 34, 35).

Настоящее дело подлежит рассмотрению Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР о применении к обвиняемому закона от 1 декабря 1934 года.

Составлено “ ” июля 1938 года. г.Москва.

ПОМ.НАЧ. 1 ОТД.5 ОТДЕЛА 2 УПРАВЛ.НКВД
Мл.лейтенант Гос.Безоп. *подпись* (ГОЛЬДФАРБ)

“СОГЛАСЕН” НАЧ.5 ОТДЕЛА 2 УПРАВЛ.НКВД
Майор Гос. Безопасности *подпись* (АГАС)

СПРАВКА: СВЕЧИН арестован и содержится под стражей в Лефортовской тюрьме с 30 декабря 1937 года. Вещественных доказательств по делу не имеется.

ПОМ.НАЧ.1 ОТД.5 ОТД.2 УПРАВЛ.НКВД
Мл. Лейтенант Гос. Безопасности *подпись* (ГОЛЬДФАРБ)

ПРОТОКОЛ ЗАКРЫТОГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВЫЕЗДНОЙ СЕССИИ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

“29” июля 1938 года.

Город Москва

Председательствующий **Корвоенюрист МАТУЛЕВИЧ**

Члены **Диввоенюрист ИЕВЛЕВ и**

Бригвоенюрист РОМАНЫЧЕВ

Секретарь военный юрист I ранга **КУДРЯВЦЕВ**

Заседание открыто в **16 час. 00 мин.**

Председательствующий объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению **СВЕЧИНА Александра Андреевича** в преступлениях, предусмотренных ст. ст. **58-16, 58-8, 58-11** УК РСФСР.

Секретарь доложил, что **подсудимый в суд доставлен и что свидетели по делу не приглашались.**

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимого и спрашивает, его вручена ли ему копия обвинительного заключения, на что подсудимый ответил **утвердительно**. Подсудимому разъяснены его права на суде и объявлен состав суда.

Подсудимый **никаких ходатайств, а также отвода составу суда не изъявил**.

По предложению председательствующего секретарем оглашено обвинительное заключение.

Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, что **виновным себя не признает и пояснил, что в а/с. организации не состоял**.

Оглашаются выдержки из показаний ВЕРХОВСКОГО, БАЛАБИНА, ШЕЙДЕМАНА — об а/с. деятельности СВЕЧИНА.

Подсудимый — **Он утверждает, что участником а/с организации не был и никакого участия в военно-фашистском заговоре не принимал. С РОВС-ом связан не был. За границей у него имеется брат, который в конце гражданской войны уехал из СССР за границу. Был ли брат белогвардейцем, он не знает. В 1930 г. в РОВС его хотел завербовать СОКОЛОВ, но он не дал согласие на это.**

Больше дополнить судебное следствие подсудимый ничем не имеет, и оно объявлено законченным.

Подсудимому было предоставлено последнее слово, в котором он заверяет суд, что антисоветским гражданином он не был.

Суд удалился на совещание, по возвращении с которого председательствующим оглашен приговор.

В 16 ч. 20 м. заседание закрыто.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ   *подпись*

СЕКРЕТАРЬ   *подпись*

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего **Корвоенюриста МАТУЛЕВИЧ**

Членов: **Диввоенюриста ИЕВЛЕВА и**

Бригвоенюриста РОМАНЫЧЕВА

При секретаре Военном юристе I ранга **КУДРЯВЦЕВЕ**

В закрытом судебном заседании, в городе Москве

“29” июля **1938** года рассмотрела дело по обвинению: СВЕЧИНА Александра Андреевича, 1878 г.р., быв. пом.нач. кафедры военной истории академии генштаба РККА — комдива, — в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1б, 58-8, 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что **Свечин с 1919 года и до последнего времени являлся одним из руководителей антисоветской офицерской монархической организации и с 1926 года входил в состав Московского центра данной организации, вел антисоветскую деятельность, имеющую целью создание повстанческих кадров, поражение Советского Союза при нападении на него капиталистических государств и свержение советской власти; установлено также, что последние годы Свечин являлся участником антисоветского военно-фашистского заговора и создавал боевые группы, подготавливавшие террористические акты над руководителями ВКП(б) и Советской власти.**

Таким образом установлена виновность Свечина в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Руководствуясь ст.ст.319 и 320 УПК Военная Коллегия Верховного Суда СССР

приговорила

Свечина Александра Андреевича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего личного ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и в силу постановления ЦИК СССР от 1.XII. 1934 года в исполнение приводится немедленно.

Председательствующий
Члены

подпись
подпись

Секретно

С П Р А В К А

Приговор о расстреле **Свечина Александра Андреевича** приведен в исполнение в гор. Москве “**29**” **VII. 1938** г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР том № 3 лист № **228**.

НАЧ.12 ОТД-НИЯ 1 СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР

Лейтенант госбезопасности *подпись* (ШЕВЕЛЕВ)

Письмо И.В. СВЕЧИНОЙ — Н.С.ХРУЩЕВУ*

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ!

Зная Вашу отзывчивость и Вашу заботу о людях, обращаюсь к Вам по нижеследующему делу:

Мой муж Свечин Александр Андреевич (г.р.1878), комдив, профессор Академии Генерального штаба, был арестован 30-го декабря 1937 г. По-

---

* ЦА ФСБ РФ. Обзорная справка по архивно-следственному делу № 55672 “Весна”, т.87, лл 46,46 об.

Некоторые должности и даты, связанные с прохождением службы А.Свечиным, указаны неточно .

становлением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29-го июля 1938 г. он был приговорен к 10-ти годам заключения без права переписки.

12-октября 1954 г. мною было подано заявление в Главную Военную Прокуратуру СССР (ул.Кирова д.41) о пересмотре дела и реабилитации моего мужа и вскоре было получено извещение за № 2/2Н-43-751-54, что дело пересматривается.

20-го сентября 1955 г. мною вновь было подано заявление в Военную Прокуратуру СССР с просьбой ускорить пересмотр дела моего мужа. Вскоре мною опять было получено извещение из прокуратуры, что дело пересматривается № 8/4371-54 и что о результатах мне будет сообщено.

И так дело уже пересматривается 16 месяцев.

На основании вышесказанного я обращаюсь к Вам с просьбой ускорить пересмотр дела моего мужа, реабилитировать его имя (я сомневаюсь, чтобы он был жив, ему сейчас было бы 77 лет) и снять с меня клеймо жены репрессированного.

Краткая биография. Свечин А.А. до революции окончил Академию Генерального штаба, участвовал в 1-й Мировой Войне, в 1918 г. добровольно вступил в ряды Красной Армии, был одним из ее организаторов. Во время Гражданской войны был сначала военным руководителем Западного фронта в Смоленске, а затем Начальником Всероссийского Главного Штаба. В 1919 г. он был одним из организаторов теперешней Академии им.Фрунзе и председателем Военно-исторической комиссии по изучению Мировой и Гражданской войны. С 1920 г. по 1937 г. он был профессором Военной истории и Стратегии в Академии им.Фрунзе, одно время работал в научном отделе Разведупра при Министерстве обороны, последняя его должность Заведующий Кафедрой Военной Истории в академии Генерального штаба.

Им было написано много военно-научных трудов, его книга “Стратегия” в свое время была премирована, некоторые его труды переведены на иностранные языки, так что его имя в военных кругах имело мировую известность.

Он всегда был предан своей родине и Красной Армии.

Свечина Ирина Викторовна

Москва — Г-19

М.Афанасьевский пер.д.1/33, кв.14

Г 1-83-35 (дом.тел— А.К.)

ОТЗЫВ НА СВЕЧИНА А.А.

Знаю СВЕЧИНА Александра Андреевича как преподавателя Военной академии, ныне Военной Академии им. Фрунзе.

СВЕЧИН А.А. меня обучал в периоды: 1918-1919 гг., 1921-22 гг. и в 1927 г., позже я знал об учебной деятельности его, имея постоянную связь с Академией.

СВЕЧИН А.А. пришел в Военную Академию Советской Армии как бывший профессор Николаевской Военной Академии. По всем данным его деятельности в царской николаевской Академии Генерального штаба он был прогрессивным военным специалистом в царской академии, раз-

вивая деятельность по строительству вооруженных сил и военной науки в интересах российского государства. Таким прогрессивным военным специалистом он пришел в Советскую Армию, полностью передавая свои знания слушателям советской Военной Академии. Ему принадлежит большая заслуга в обобщении опыта Русско-японской войны 1904-1905 гг. через тогдашнее “добровольное общество Ревнителй военных знаний”, в обобщении опыта первой мировой войны 1914-1918 гг. путем активного участия в Военно-исторической комиссии и частично опыта Гражданской войны Советского государства 1918-1921 гг.

А.А.СВЕЧИН в своих исследованиях отличался здравым критическим умом, ярко выявляя положительное и уничтожающе сатирически высмеивая отжившее старое и бюрократическое. Все это он делал раньше в интересах государства российского как патриот этого государства, а впоследствии в интересах Советского государства, в распоряжение которого он отдал свои силы и знания. По моему мнению, он был выдающимся профессором нашей советской Академии, потому что в военном деле я многому от него научился и считаю, что всем слушателям, которых он обучал, он дал много военных знаний и познаний в области критической оценки военных событий.

О какой-либо враждебной деятельности СВЕЧИНА А.А. против Советского государства мне не известно, и мне казалось, что приглашенный лично Лениным для помощи организации Советской Армии и подготовки высококвалифицированных кадров Советской Армии, он отдавал все свои силы этой новой задаче, не ставя цели и задач вредить Советскому государству.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
подпись **ДЗЕНИТ***

член КПСС с 1928 г.

6 апреля 1956 г.
г.Москва

---

* Дзенит Ян Петрович — окончил курс Военной академии РККА 25 сентября 1922 г.

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР**ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4н-013187/56****ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР**

В составе: Председательствующего полковника юстиции Лихачева, членов полковника юстиции Равич-Щербо и полковника юстиции Бороздина,

рассмотрев в заседании от “8” сентября 1956 г.

в порядке ст. 378 УПК РСФСР

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЛАВНОГО ПРОКУРОРА

по уголовному делу по обвинению бывшего помощника начальника кафедры военной истории академии Генштаба Советской Армии комдива **СВЕЧИНА Александра Андреевича**, 1878 года рождения, уроженца гор. Одессы, беспартийного, служившего в Советской Армии с 1918 года, осужденного приговором Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29 июля 1938 года по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст.58-1“б”, 58-8 и 58-11 УК РСФСР, к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией лично ему принадлежащего имущества.

Заслушав доклад тов. Равич-Щербо и заключение пом. Главного военного прокурора — подполковника юстиции Горбунова,

у с т а н о в и л а:

СВЕЧИН по приговору суда признан виновным в том, что он с 1919 года являлся одним из руководителей антисоветской офицерской монархической организации и с 1926 года входил в состав Московского центра этой организации, а также в том, что в последние годы перед его арестом он являлся участником антисоветского заговора, существовавшего в Советской Армии.

Как член этой организации СВЕЧИН вел работу по созданию повстанческих и террористических групп.

Произведенной дополнительной проверкой, говорится в заключении, установлено, что СВЕЧИН, отрицавший свою вину, осужден необоснованно, так как свидетели, которые давали показания о принадлежности СВЕЧИНА к контрреволюционным организациям, в которых они и сами якобы состояли с ним, в настоящее время реабилитированы (Михайлов, Голубинцев и другие), либо поставлен вопрос об их реабилитации (Шейдеман, Лукирский и другие), либо, как это выяснилось при проверке, вообще не дали показаний об осужденном как контрреволюционере (Глаголев и Балабин).

Невиновность СВЕЧИНА также подтверждается и тем, что в архивах, как об этом свидетельствуют поступившие документы, не имеется никаких компрометирующих данных о нем.

В заключении отмечается, что СВЕЧИН добросовестно служил в Советской Армии с 1918 года и что также положительно он характеризуется вновь допрошенным свидетелем генерал-лейтенантом Дзенином.

Ранее этого, постановлением коллегии ОГПУ от 18 июля 1931 года СВЕЧИН был заключен в концлагерь сроком на пять лет, но 7 февраля 1932 года коллегия ОГПУ пересмотрела свое постановление и досрочно освободила СВЕЧИНА от наказания, разрешив ему свободное проживание по СССР. Протест по этому делу не вносится.

В своем заключении Главный военный прокурор просит приговор в отношении СВЕЧИНА отменить и дело о нем за отсутствием состава преступления производством прекратить.

Рассмотрев материалы дела и дополнительной проверки по нему и находя заключение обоснованным, Военная Коллегия Верховного суда СССР

о п р е д е л и л а:

Приговор Военной Коллегии Верховного суда СССР от 29 июля 1938 года в отношении СВЕЧИНА Александра Андреевича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нем на основании п.3 ст.4 УПК РСФСР производством прекратить.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно: Судебный секретарь Военной Коллегии
капитан юстиции *подпись*

Приложения составлены А.Кавтарадзе